КОНТИНЕНТ

130 2006
КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 130

КОНТИНЕНТ

Только от голода, по исчислениям Наркомздрава и ЦСУ, в течение 1921–1922 годов умерли свыше пяти миллионов человек. Для сравнения на всех фронтах Первой мировой войны были убиты 664 890 человек из 15 миллионов мобилизованных.

Виктор Тополянский

Свобода – одно из самых спорных понятий. Ее место - в одном ряду с бытием, ничто, смертью, жизнью, любовью, радостью, страданием, «другим» и даже Богом.

Александр Кырлежев

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Марины Георгадзе, Марии Ходаковой, Евгения Чигрина

Рассказы и повести Юрия Горбачева, Нины Горлановой и Вячеслава Букура, Ильи Кочергина, Романа Солнцева

Статьи и очерки Аллы Глинчиковой, Евгения Ермолина, Андрея Зайцева, Александра Зорина, Кирилла Кудряшова, Марии Ремизовой, Романа Сенчина, Татьяны Сотниковой, Владимира Холкина, Евгении Щегловой

А также наши постоянные разделы

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

и **СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДЖУГОРЬЯ**

В детстве реалистические пейзажи казались мне какими-то не по-хорошему "непохожими". Они пугали, как протез: с тем, что есть на самом деле, в них было сделано что-то ужасное.

Ольга Седакова

Терроризм - орудие отчаявшихся, а у исламистов нет оснований отчаиваться. Идет успешное наступление мусульманского мира на всех фронтах, и особенно в ареале Западной Европы.

Юрий Каграманов

Отец Михаил включает компьютер, и я вижу знакомую надпись «Microsoft». Она странно выглядит здесь. Я смотрю в маленькое окно на монастырский двор, на духовные книги на полках, на иконы, на рясу отца Михаила, и у меня происходит что-то вроде пространственного смещения.

Слава Сергеев

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

130

2006, № 4
октябрь — декабрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(495) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

**Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА, Евгений ЕРМОЛИН,
Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА**

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Мария ХОДАКОВА. Ретро. *Стихи* 9
Слава СЕРГЕЕВ. Лампада. *Рассказ* 13
Роман СОЛНЦЕВ. Два рассказа 33
Марина ГЕОРГАДЗЕ. Памяти башен. *Стихи* 59
Юрий ГОРБАЧЕВ. Рассказы 64
Нина ГОРЛАНОВА, Вячеслав БУКУР. Коля. *Рассказ* 93
Евгений ЧИГРИН. Мне будет одиноко и отважно. *Стихи* 98
Илья КОЧЕРГИН. Золотое кольцо. *Рассказ* 102

РОССИЯ И МИР

Юрий КАГРАМАНОВ
Око бури. *К вопросу о столкновении цивилизаций* 111

Алла ГЛИНЧИКОВА
Русские заметки о китайских впечатлениях 134

У книжной полки

Евгения ЩЕГЛОВА
«Мне Анастасии Ивановни 13 лет...» 144

Татьяна СОТНИКОВА
Узник свободы 155

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/сентябрь — октябрь 2006 г./ 170

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской истории и современности
в русской сетевой и бумажной периодике
третьего квартала 2006 г. 214

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ
Год 1921-й: покарание голодом 253

РЕЛИГИЯ

Антоний, митрополит СУРОЖСКИЙ (1914–2003)
О церковной общине 307

Кирилл КУДРЯШОВ. Размышления о единстве Церкви 318
Александр ЗОРИН. Очерки из церковной жизни 326
Свидетельства Меджугорья
Наталья КАНДУДИНА
Лица и лики Меджугорья: Ян Будяшек 336
У книжной полки
Андрей ЗАЙЦЕВ. Искушение «церковностью» 347
Основные события церковной жизни в зеркале прессы (*Сентябрь — ноябрь 2006*) 355
Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»
Религиозная мысль
в русской периодике третьего квартала 2006 г. 361

ГНОЗИС

Александр КЫРЛЕЖЕВ. Заметки о свободе 368
Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»
Философская, социологическая и политологическая мысль
в русской периодике третьего квартала 2006 г. 381

ПРОЧТЕНИЕ

Владимир ХОЛКИН
Отель «Федор Достоевский», или Монологи «неприятных людей» ... 391

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Роман СЕНЧИН
Рассыпанная мозаика. *Рассказ в прозе тридцатилетних* 414
Евгений ЕРМОЛИН. На полях Большой Книги 431
У книжной полки
Мария РЕМИЗОВА. Жизнь как повод 440
Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»
Литературная критика (*Третий квартал 2006 г.*) 445

ИСКУССТВО

Ольга СЕДАКОВА
Путешествие с закрытыми глазами. *Письма о Рембрандте* 461

РАЗНОЕ

1. По поводу статьи Галины Аккерман 470
2. По поводу статьи Якова Рабкина 473

Мария ХОДАКОВА

РЕТРО

* * *

Свет погасят, выйдут, дверь закроют...
Что же делать, если спать пора?
Поплывут круги над головою,
но дыханья хватит до утра.
Так рискуют разве только дети,
если свет в квартире не включен, —
темноты боятся, словно смерти,
ничего не зная ни о чем.
А теперь нехитрая наука —
оборвать листок календаря,
в будущее глядя близоруко,
дальнозорко в прошлое смотря;
в полумрак чердачный и подвальный
вчитываясь, словно ученик,
ностальгии снимок моментальный
выхватить у времени на миг;
заглядеться в глубину колодца,
по уши ведерко утопив,
где вода контрастная смеется,
словно черно-белый негатив.

* * *

Вспоминается школа — не с ненавистью, а с тоскою —
тех времен, называемых «время застоя»:
не линейки и марши, а солнечный луч на тетрадке,
его угол косой, и на лбу раскаленные прядки.
В тишине, на контрольной, которая длится и длится —
не зевай! — так легко заблудиться, забыться:
то не шины шуршат по асфальту, а волны о берег,
и пятно штукатурки таит очертанья Америк.

Мария ХОДАКОВА — родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Стихи и проза публиковались в альманахе «День поэзии», журналах «Континент», «Юность» и др.

От звонка до звонка отбывай эту сладкую муку —
у, как звериным шальным ветерком потянуло в фрамугу,
джекомлондоном, мартом, подтаявшим снегом,
ближним лесом и вечно — побегом, побегом, побегом!
Долго будут фиалками цвесть на ладонях лиловые пятна...
Вне истории это, понятно?

Голос из хора

Я хочу быть вот этим, что с краю,
тем, кто режется рамкой, анфас
и не в фокусе; тем, чье лицо я не знаю
(и вроде бы знаю!),
повторенное тысячу раз;
не отличником в центре, не золотым медалистом,
кем гордится школа и педсовет, —
нет, тихим троечником, ушастым, плечистым,
из восьмого или десятого «Вэ»,
в глянце праздничном, где человек с человеком —
словно звенья в железной цепи,
санаторно-курортно-детсадовски-лагерным веком
унесенным, затерянным, словно былинка в степи,
тем, кто ждет не дождется обещанной птички,
коя выпорхнет и улетит;
я хочу быть лицом, тем, что в век обезлички
с идиотской улыбкой глядит в объектив.

Вариации на тему

1

Жизнь далека от идеала,
сползает словно одеяло
то с ягодицы, то с локтя.
И ты, тинэйджером летя
средь облаков, проснешься голым.
И где там что-то жечь глаголом,
Матрац лодыжкой колотя...

2

Желаний много, денег мало;
жизнь коротка, что одеяло:
торчит то локоть, то плечо.
Любовь пригреет горячо,
потом чужую кожу носишь
и трижды в сутки кушать просишь
(а кушать хочется еще...).

3

Жизнь коротка, что одеяло,
но продолженья сериала,
как будто хлебушка, хотя,
рожаем новое дитя.
(Желаний мало, денег мало,
но жить во что бы то ни стало,
башкой о стенку колотя...)

4

Жить от зарплаты до зарплаты.
Любовь наставит нам заплаты
от щиколотки до локтя.
Руками воздух колотя,
спим, как тинэйджеры, крылаты,
друг перед дружкой виноваты,
любви, как хлебушка, хотя.

* * *

Другое — может быть... Забудем мы едва ли,
как вместе голодали-холодали,
ведь каждый голый год, ведь каждый день и час
верней любой любви соединяют нас.
Взгляни в калейдоскоп, на дно волшебной склянки:
на площади народ, на набережной танки,
в антракте, как всегда, толкаются разини:
цветы на мостовой и цены в магазине.
Потом наоборот, смотри уже с изнанки:
на площади народ, на набережной танки.
Счастлив, кто посетил... А мы не посещали.
Мы жили здесь всегда, мы были тут вначале.
На свете счастья нет. Покоя тоже, кстати.
Но память этих лет теснее, чем объятье.

Небольшое стихотворение для дочери

Вот и жизнь пошла по второму заходу,
как когда-то на пряничной той карусели,
где единственной целью — движенье без цели,
где единственной целью — круженье, веселье.
Носороги, и тигры, и в яблоках кони:
только вскочишь — и с места, и всем вам приветик,
и — по кругу, по кругу, сминая в ладони
глянцевитый, прозрачный, хрустящий билетик!

...Я поеду с тобой в городишко заштатный,
в этот парк, где кино и танцульки в субботу,
в эту дачную местность с травой непримятой,
я тебя прокачу по второму заходу,
чтоб потом никогда не потребовать платы.

Свидание

На берегу большой реки
свидание назначим.
А над рекою — яркий свет,
и мы стоим и плачем.
На берегу большой реки
всему на свете вопреки
свидание назначим
и побежим вперегонки
в тот дом, где в окнах огоньки
под чердаком незрячим.
Взойдем по лестнице крутой,
и нам откроют двери,
взойдем по лестнице крутой,
глазам своим не веря.
Здесь фотографии глядят
печальными глазами,
и здесь хозяева глядят
нездешними глазами,
и мы встречаем их без слов
огромными слезами.
На берегу большой реки
пройдут по дому сквозняки,
взметая письма, дневники
и фотографий груду.
Погаснут в доме огоньки.
Не удивляясь чуду,
пойдем с тобой плечом к плечу
навстречу острому лучу,
ломая сна кольчугу.

ЛАМПАДА

Рассказ

Недавно я прочитал в одной приличной газете, причем где-то не на первой полосе, а, что называется, петитом: «В рамках реорганизации Вооруженных сил РФ расформирован десантный полк, который участвовал в штурме Белого дома в 1993 году». И в этой же газете, уже на месте повиднее, какой-то генерал некстати гаркнул: «Десантные войска готовы выполнить любой приказ Главнокомандующего!..»

Любой? Ну-ну, приятно слышать, как говорится. Были, которые были готовы «выполнить любой», их уже фотографировали — в тихом городе Гааге, если я ничего не путаю. И, a propos, если «готовы любой», то зачем же полк-то расформировали?

Но дело не в этом. Я не для того стал писать этот рассказ, чтоб эти вопросы задавать. Задавать сегодня (да и всегда) любые вопросы — и поздно и смешно. Теперь уже как выйдет, так выйдет... Бог даст, будем надеяться на лучшее. А здесь — просто я случайно знаю одного офицера из того самого десантного полка, который брал Белый дом в 1993 году. Представляете? Мир, как говорится, тесен.

И с этим офицером связана одна маленькая история, которая, впрочем, не имеет никакого отношения к событиям 93-го года, да и вообще к политике.

1

Один мой приятель, бывший физик, не так давно очень увлекшийся православием, как-то, года три-четыре назад, решил посетить один известный монастырь Центральной России и пригласил нас с женой поехать вместе. Ехать собрались на машине, у физика был «сорок первый» «москвич» начала 90-х годов. Мы с женой некоторое время колебались, надо было очень рано вставать, потом мы не очень любим весь этот новейший энтузиазм, связанный с верой и всем прочим, но потом любопытство взяло верх (все-таки нас приглашали в очень известное место, причем известное из литературы, то есть, так сказать, из светских источников) и мы согласились.

Слава СЕРГЕЕВ — родился в Москве. Закончил МИНХ и ГП им. Губкина, после 4-го курса ушел из Литературного института им. Горького. До 1994 года работал геологом в системе Академии наук СССР и России. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Континент», «Новое время», «Новое литературное обозрение», «Огонек», «ОМ». Живет в Москве.

В 9 утра, в середине ноября 200... года мы встретились у Макдоналдса у метро «Юго-Западная». Ехать было далеко, темнеет поздней осенью рано, а доехать нужно было засветло — приятель плохо знал дорогу. Ждали еще одного, четвертого. Он опаздывал, и приятель, извинившись, пригласил нас в Макдоналдс, выпить по чашке горячего шоколада. С утра народа было мало, от тепла я начал засыпать. Вообще, я бы причислил Макдоналдс к системе МЧС. Куда можно зайти рано утром и поздно вечером, к тому же если у вас не очень хорошо с деньгами? В Макдоналдс. Где от вас не требуется ничего, вы не интересны никому и будете полностью предоставлены сами себе? В Макдоналдсе. Где его можно найти? Везде, или почти везде, — от Пекина до Парижа с остановкой в Твери и Алжире...

Однажды в Крыму, под Ялтой, я управлял катером в небольшой шторм. Я горжусь этим. Шторм был, правда, всего 3–4 балла, но для 12-метрового катера и абсолютного новичка достаточный. Мы с трудом зашли в бухту, была сильная бортовая качка, несколько раз волна перекатилась через борт. Впрочем, когда мы вышли на берег, хозяин катера посмеялся над нами — неужели вы правда испугались? Но ему-то было хорошо смеяться, он был кадровый моряк... И куда же мы пошли по качающейся под ногами набережной, полной огней? В ближайший Макдоналдс, все остальное, кроме ночных клубов, уже закрывалось. Через полчаса и двух горячих кофе наш стресс значительно уменьшился...

«Четвертый» оказался здоровенным мужиком, метр восемьдесят ростом, по виду бывший военный. Звали его Сергей. Я было приуныл, не люблю брутальных мужчин, они всегда напоминают мне школьную раздевалку, запах пота и ряды унылых шкафчиков для одежды на уроке физкультуры, но потом с иронией подумал, что наша компания весьма представительна для ныне интересующихся вопросами веры. К тому же Сергей через полчаса общения оказался симпатичным человеком, бывшим военным, отставным майором, и, как я уточнил, майором-десантником. Ну а то, что он штурмовал Белый дом, выяснилось часа через два, когда мы немного познакомились и разговорились на первой остановке по пути в Калугу.

Увидев мой интерес, он даже удивился. Собственно, он Белый дом не брал, — до нас прошел ОМОН, рассказывал Сергей, и практически ничего не оставил. Когда я влетел в кабинет Руцкого, там все было разгромлено и из обстановки оставались лишь белый телефон правительственной связи с гербом СССР да стеклянный советский графин. Графин как сувенир забрали ребята, а телефон я отнес домой, работает-то он и как обычный. Сейчас он у меня стоит на тумбочке в коридоре, дочка по нему треплется с подружками из класса.

Глядя на мелькающие заснеженные ели по обеим сторонам шоссе, я вспомнил собственные впечатления о тех днях. Агрессивную толпу на Смоленской площади, едва не перевернувшую старенькую машину, на которой я сдуру поехал в Киноцентр посмотреть, блин, фильм (ведь было

воскресенье), вышедшую на сцену растерянную служительницу Киноцентра, отменившую сеанс, редкие звуки автоматных очередей, услышанные на площади Восстания (сторонники Верховного Совета начали штурм Мэрии), — я не сразу понял, что это такое, скорее догадался; желтые, в свете сентябрьского солнца стены домов по нынешней Никитской, странное безлюдье и желтые городские автобусы-гусеницы с вооруженными людьми, сторонниками Верховного Совета, шедшие по Садовому кольцу на штурм Останкино.

Поразила обыденность происходящего: вот сентябрьское солнце светит, вот шпиль высотки и начинающий желтеть сквер под ней, все как всегда, и по-воскресному тихо, и где-то это «та-та-та» — автоматные очереди. Обыденно как-то...

«Интересно, — думал тогда я, — а в 1917 году было так же... обыкновенно? Где-то чай с вареньем пили, а где-то диктовали: "Временное правительство низложено..."»

— А что необыкновенного? — засмеялся Сергей, когда я рассказал ему об этом. — Попытка государственного переворота. Подавлена вооруженными силами. Что необычного?

Я кивал, но в душе не соглашался. Как это «что»?

В монастырь мы добрались засветло, для того так рано и выезжали.

Мой приятель и Сергей искупались в ледяной воде монастырской купальни, мы с женой завидовали, но так и не решились, а потом я немного потерял их из виду. Они поселились в мужском гостевом доме монастыря, прямо под стенами, а нам с женой, во-первых, не хотелось разлучаться, а во-вторых, нам там не понравилось, дух в гостевом доме был какой-то... не благостный, мне он напомнил общежитие на военных сборах (как-то поначалу у меня было много таких ассоциаций...), потом, будто специально для того, чтобы подкрепить мои ощущения, какой-то «гость» весьма агрессивно на меня посмотрел, совсем каким-то мирским и абсолютно непросветленным взглядом, и я подумал: а зачем мне это? Разве в Москве этого недостаточно? И по полузанесенной первым снегом колее мы пошли в ближайшую деревню — впрочем, находившуюся очень близко, метров триста от монастырских стен, и сняли там у одной бабушки, которую посоветовал мой приятель, комнату за три доллара в день. В деревне 100 рублей — это деньги. Кстати, это она так сказала: «три доллара», не я.

Монастырь, в который мы приехали, — он довольно известен. Из классической литературы в том числе. Кто сюда только ни приезжал: и Достоевский писал своего Зосиму со здешнего старца, и Лев Толстой тут бывал, и Гончаров, и Тургенев... Но Иван Сергеевич, правда, только охотился в здешних местах, а с Толстым произошла довольно странная история. Точнее, про Толстого в здешнем музее нам рассказали довольно странную историю. Причем я потом смотрел у Бунина в его «Освобождении Толстого», и у Бирюкова, биографа Льва Николаевича, там все по-другому.

Но эта — любопытнее. Привожу ее здесь на всякий случай.

Толстой приехал уже очень известным писателем и, остановившись в здешней гостинице, стал ждать, когда к нему придет кто-нибудь из духовенства. А старцы велели передать через кого-то, чтобы он сам приходил, потому что для обители, мол, нет ни знаменитых, ни незнаменитых писателей, здесь все равны.

Лев Николаевич же, по-видимому, к своей известности относился более серьезно, чем старцы, он посидел день в номере, позлился, а потом, так ни с кем и не встретившись, уехал.

Странная история. Какая разница, кто к кому «придет»? Может быть, если бы они гордыне графа потрафили, ему бы стало за нее неловко. Я слышал, что такие вещи практиковали мусульманские суфии. Приходит, например, неофит, а Учитель ему — руку целует. Спасибо, что пришли. У человека сразу крышу и срывает. Некоторые плачут... Хотя, может, дело было в том, что Толстой к тому времени был уже отлучен от Церкви, не знаю.

Тоже милая подробность, ничего не скажешь. *Л.Н. Толстой был отлучен от Церкви.* Как это может быть?! И только недавно это «отлучение» вроде отменили. Так я читал, во всяком случае.

Впрочем, слезы в истории отношений Толстого и обители были, но в самом финале, когда он пытался уйти из Ясной Поляны. Это я уже прочитал у Бунина. Лев Николаевич приехал в обитель и сразу пошел к своему знакомому старцу, отцу Иосифу. Тот вышел ему навстречу со словами «Брат мой!..». По словам Бунина, Лев Николаевич заплакал.

Мне очень понравилась монастырская книжная и иконная лавка, и продавец там был очень симпатичный — мужчина-монах лет 35–36, с каким-то очень умным и сильным лицом. Мне понравилось, что когда он рассказывал про образки, которые продавались в лавке, я пошутил про какую-то икону, которая отвечала за достаток в доме, что, мол, вот ее давайте, а он, вместо того чтобы поджать губы, как иногда это делают нынешние священники в ответ на «мирские» шутки, как-то хорошо улыбнулся и сказал:

— Хорошо...

В лавке было много всяких церковных книжек, и мы даже купили несколько и несколько образов, часть из них у меня теперь дома стоят, один я отдал бывшей жене, один — няне своей (она у меня верующая), а одну большую книжку, жизнеописание старца-основателя монастыря, мне потом подарили в монастырском издательском отделе, где у моего приятеля был знакомый.

Этот знакомый был довольно симпатичный парень лет 28, с мягким и немного грустным лицом. Звали его отец Михаил. Мы заходили к нему в издательский отдел монастыря, небольшую комнату, где, как в обычной редакции, стояло несколько компьютеров, на полу был постелен ковролин и только иконы на стенах и образа, прислоненные к мониторам, указывали на не совсем обычную обстановку, скажем так.

Отец Михаил, угощавший нас чаем, вскипяченным в электрочайнике Vitek, в миру программист и системный администратор Александр П., попал в монастырь довольно обычным образом, то есть случайно. Заблудился в трех соснах, говорит он. В дело была замешана женщина, точнее, две женщины, он запутался, устал, поехал сюда на экскурсию и... неожиданно для себя самого остался. С работы пришлось увольняться задним числом, а за вещами домой он приехал через полгода. Личная проблема решилась сама собой, родители сначала переживали, потом привыкли.

— Может быть, было лучше плюнуть на обеих дам и найти третью? — нахально спрашиваю я.

— Может быть... Но теперь что говорить... — Он мягко улыбается.

Кстати, такой мирской путь в монахи — обычное дело, это только в постсоветском «миру», да на скучающем по истории КПСС телевидении принято считать, что они все уже родились в рясах и с младенчества вели праведный образ жизни.

К сожалению, в моей библиотеке мало церковных книг, а то бы я привел много примеров, но истории недавней настоятельницы московского женского Новодевичьего монастыря, доктора технических наук, бывшего военного физика и лауреата Ленинской премии — я думаю, будет достаточно. Впрочем, что Новодевичий, сам апостол Павел, как известно, до обращения много лет был гонителем христиан.

Отец Михаил включает компьютер, и я вижу знакомую цветную надпись Microsoft. Она странно выглядит здесь. На минуту у меня происходит что-то вроде пространственного смещения, и я забываю, где я. В виде заставки на «рабочем столе» фотография какой-то немолодой пары в городском пейзаже. Спрашиваю: родители? Отец Михаил кивает. Он хочет показать мне макет новой книги монастырского издательства, и я вижу, что он гордится своим делом. Я смотрю в маленькое окно на занесенный первым снегом монастырский двор, на духовные книги на полках, на иконы, на рясу отца Михаила и вдруг думаю: а я бы мог сюда переехать?

2

Провинциальный город Козельск, около которого находится монастырь, имеет долгую и славную историю. Он известен тем, что его почти два месяца не могла взять монгольская Орда, завоевавшая Русь в XIII веке. (Для сравнения: Владимир осаждали всего пять дней.) Монголы положили при штурме около 4000 воинов и взяли город, как например, считал писатель Владимир Чивилихин, только благодаря ошибке защитников, отчасти — это уже моя разрядка — повторивших ошибку саксов в битве с норманнами при Гастингсе. Русские воины покинули город для разрушения осадных орудий монголов, но увлеклись, отошли слишком далеко от крепости, а дальше были отрезаны и легко истреблены конницей Батыя. После победы монголы назвали Козельск «злым

городом» и, раздосадованные потерями, вырезали все население, включая грудных детей. Это событие даже в те, не очень интеллигентные, времена было из ряда вон выходящим, поэтому после него небольшой город и его несчастные жители попали во многие европейские хроники. Сейчас бы сказали — СМИ... Что, к сожалению, как и в наши времена в Югославии, Чечне или далекой Африке, совершенно не облегчило участь не только жителей города, но хотя бы их ближайших соседей.

Спустя 700 с лишним лет, в начале XXI века, мы тихо въезжаем в Козельск с севера на автомобиле, и зеленые электронные часы на здании городского вокзала показывают почти половину седьмого вечера. Мы обнаруживаем, что город находится в большом запустении, в каком, увы, сейчас находятся очень многие небольшие города России, и что (на мой взгляд) на нем нет ни малейшего отпечатка хоть какого-то благотворного влияния находящейся рядом обители.

Может быть, тому виной была скверная ноябрьская погода и начавшийся мокрый снег, но впечатление город производил самое безотрадное. Мы ездили туда дважды за продуктами, и дважды, кроме пьяных офицеров Российской армии, ссорившихся с какими-то девицами у круглосуточного винного магазина, огромной афиши к/ф «Бригада», обшарпанных пятиэтажек и общего ощущения полной беспросветности, ничего не увидели.

Подобная заброшенность тем более странна потому, что, кроме знаменитого монастыря, как сказали нам бабушка, у которой мы снимали комнату, наш приятель и два случайно встреченных человека в городе, в окрестностях Козельска в советское время располагалась секретная часть со стратегическими ракетами, которые были направлены на Англию, Францию, Испанию, Америку и некоторые другие мировые культурные центры. (Не знаю, как насчет Китая, он все же довольно далеко.) Чтобы, как я понимаю, если бы партия все же приняла такое решение, легко привести жизнь Парижа или Нью-Йорка к состоянию современной жизни города Козельска в течение каких-то 15 минут, или сколько там занимает «подлетное время» этой гадости... То есть (разовьем тему), чтобы и в Бретани и во Фландрии (про Калифорнию не скажу) стояли ряды унылых пятиэтажек, и офицеры Советской армии и местные коллаборационисты некрасиво ругались с пьяными девицами у винных магазинов. Прошу прощения у жителей Козельска, если задеваю их патриотические чувства, но я считаю описанную ситуацию нашей общей бедой или даже виной.

Причем если говорить серьезно, то почему ракетную часть, должную защищать наши западные рубежи, поставили у города, подвергшегося полному разрушению с Востока, лично мне непонятно, логика странная, но, с другой стороны, такова диалектика и — кто у меня спрашивает?

Я было предложил приятелю (он снова сидел за рулем) посмотреть город поподробнее и поехать поискать главную улицу, которая должна была быть, по моему разумению, попригляднее и немного прибрана, по московскому образцу, а также знаменитую козельскую диора-

му, посвященную событиям XIII века — но он, усмехнувшись только, посмотрел на меня и, сказав — «не надо», погнал к монастырю, чтобы успеть до закрытия монастырских ворот.

Собственно говоря, для чего мы сюда поехали — в это место, где по идее должен был чаще всего бывать русский Бог — старинный монастырь, город, что не могли взять монголы, секретная часть с ракетами... Вы скажете, что я валю все в одну кучу? Может быть. И с чего, например, я взял, что русский Бог должен часто бывать в этом месте, рядом с ужасными орудиями убийства, созданными к тому же богоборческим государством? С кем мы все время воюем?

Напишу даже так: *С кем мы все время воюем?!»*

Мы приехали из любопытства, из уважения к моему приятелю, наверное, это важно, и еще несколько незначительных причин, но и — главное: чтобы душевно очиститься, попросить помощи и поддержки, а уж то, есть ли этот Бог, к которому мы обращаемся, или нет, об этом никто и не заговаривал. Как сказал мне когда-то один знакомый, веришь — есть, не веришь — нет.

Я, как все, предполагал, что «что-то есть», я даже был уверен, что «что-то есть», жена тоже так считала, физик был в этом уверен, я же говорю, он был человек религиозный; а что думал военный, я, к сожалению, спросить не успел.

Сейчас, когда я пишу эту историю, мы живем в деревне, и в доме, где снимаем комнату, на стене висит бумажная репродукция Божьей матери с Младенцем, и я вроде бы вижу, что это *не просто* изображение. Но если я начну думать на эту тему, то не смогу доказать, почему *не просто*. Это разворот из какого-то журнала, и там сзади, если заглянуть, типографский текст и какие-то картинки... Хотя вчера ночью, когда я долго думал на эту тему, мне стали вспоминаться какие-то белые крылья — но, возможно, это было обычное воспоминание о виденном когда-то и где-то. Например, какие-нибудь картины Врубеля, Васнецова или Нестерова в Третьяковке. Потом, ночью, часа в два-три, вам что угодно вспомнится и покажется, да?..

Хотя однажды, года четыре назад, был один странный и, возможно, бесспорный случай. Когда мы с женой зашли просто так (любим туда заходить иногда, и это по пути), в совершенно обычную московскую церковь на Пресне, постояли там немного и уже собрались уходить, там вдруг, совсем рядом с нами, замироточила икона, обычная икона, не очень старая, ну, может быть, начала XIX века, не старше.

На ней реально выступили капельки масла и, когда мы сказали об этом священнику, тетки, что были в церкви в тот момент, сразу бросились к этой иконе и стали ее целовать, и нас оттерли, но я собственными глазами видел эти капли и тоже осенил себя крестом, хоть я и не крещеный, и это был не праздник, и не воскресенье, а обычный день, и народу было совсем немного, так что небесной или церковной администрации смысла не было проводить какой-то PR, если вдруг кто-то, какой-нибудь неверу-

ющий Фома, вроде меня, может быть, об этом подумал. И мы вышли из церкви, надо сказать, немного обалдевшие и потом долго вспоминали этот случай. Еще вспоминали, что настроение в тот день было какое-то... тихое.

Уже прошло несколько лет, и я сейчас не очень остро это переживаю, — если можно так сказать, а тогда все это было довольно странно, очень неожиданно и немного оглушающее, что ли. Потому что раньше мы только читали о таких вещах и не знали, верить в это или нет, а тут это произошло совсем при нас. Наверняка мой бывший преподаватель, а ныне председатель Комиссии по чудесам при Московской патриархии, доктор геолого-минералогических наук Павел Васильевич Флоренский, причислил бы это происшествие к чудесам, маленьким чудесам, я уверен.

Ну хорошо, допустим, это мы видели. *Было* Но вот недавно настроение было какое-то... не очень, и я заехал в ближайшую церковь, свечку поставить и немного посидеть. Было лето, я приехал на велосипеде и думаю: а где ж его оставить? И завел велосипед на церковный двор. Церковь стоит воротами на улицу, оставлять велосипед у ближайшего столба, наверное, не стоит, не Голландия же, шину спустят из чистой любви к искусству, а во дворе все-таки более-менее свои ходят. Я спросил у какого-то служки, можно ли, он кивнул, и я оставил. А когда возвращался, и забирал велосипед, служки уже не было, а во дворе стояла синяя подержанная иномарка и возле нее возился молодой парень с длинными волосами — я только потом понял, что это священник, уж больно мирской у него был вид с этой машиной. И он меня спросил, что я, мол, тут делаю, я же с черной бородой, похож на чечена, мало ли что, но когда я показал на велосипед, он заулыбался и кивнул. Хотя продолжал смотреть немного настороженно. А потом спросил, часто ли я сюда заезжаю, кто я и что я, и тоже представился: отец Всеволод, и мы пожали друг другу руки. Только он сказал, чтобы я не звал его просто Всеволодом, надо — *отец Всеволод*. А какой он мне *отец*, если я его старше, ну и вообще, я же не его прихожанин, зачем это? И иномарка эта рядом... «отец». Но я согласился — как скажете (что мне стоит-то). Он сказал, чтобы я заходил в их церковь, а потом я поехал домой, и он тоже сел в свой «опель», по-моему, и, когда проезжал мимо, посигналил мне и помахал рукой: пока!

И я, конечно, не возьму на себя смелость утверждать, что он там не очень просветленный человек, не мне судить, как говорится, но у меня было такое впечатление (лично у меня), что его, например, о политике лучше не спрашивать. Потому что он такое вам расскажет — и про Россию, и про Путина, и что надо делать с Америкой, и про католиков, и про Папу... Тем более, что в описываемое время был еще прежний Папа. Это у них вообще нервная тема.

И как к этому всему относиться? Как, я хочу сказать, относиться к этому отцу Всеволоду как к *отцу и духовному авторитету*, если я не хочу и боюсь его спрашивать о каких-то относительно серьезных для себя вещах? Если я вижу, что парень, скорее всего, просто устроился на хорошее место и служит, в лучшем случае искренне служит, на нем, как профессиональный военный или, может быть, милиционер? Он и был,

кстати, немного похож на военного, если бы не длинные волосы. Кто-нибудь сейчас ухватится за эту мою фразу и скажет, что да, у них сейчас работа такая, вроде военных! Но я не соглашусь. Мне кажется, их задача — смягчать сердца, и тут одного профессионализма и служебного рвения, боюсь, не хватит.

Хотя при этом, наверное, *лично* этот отец Всеволод человек неплохой и даже симпатичный, и я совершенно не против того, чтобы с ним выпить кагора в те дни, когда ему можно (я плохо разбираюсь в церковных календарях), и даже пообщаться по душам, если получится.

Впрочем, возможно, я чего-то не понимаю, очень может быть.

Я потом, кстати, еще несколько раз заходил в эту церковь и пару раз даже видел отца Всеволода, но прошло довольно много времени, и я не стал к нему подходить, а он меня не узнал.

А потом однажды, уже весной, на Пасху, в позапрошлом году, мы поленились поехать на нашу Пресню и зашли в эту церковь. Зашли уже около полуночи, и вокруг толпилось много народа, ожидающего крестный ход, и церковь была ярко освещена изнутри, и было слышно, как поет хор. И настроение, пока мы шли, было радостное и праздничное.

Христос воскресе! — я целую неделю до того представлял и вспоминал этот радостный возглас священника, ждал его и старался принять, хотя бы ненадолго внутренне принять и подумать, что то, не очень хорошее и нерадостное настроение, которое сегодня бывает почти у каждого, все эти невеселые и, главное, злые мысли и ощущения можно преодолеть, освободиться от них, то есть — *воскреснуть*... И что смысл этого праздника, наверное, именно в этом.

И вот, когда мы подошли, я обратил внимание, что люди стоят какие-то не очень веселые, что у них хмурые и напряженные лица, — жена еще вздохнула, и что вокруг много милиции. Ну то, что много милиции, это было понятно, недалеко Рублевское шоссе, правительственная трасса, может быть всякое, сейчас же угроза терроризма, но эти сердитые и хмурые лица в церкви, я вижу их уже не первый год, но раньше их было меньше или это я не замечал?..

Кстати, такие ощущения испытывали не одни мы. Рядом я увидел известного в прошлом тележурналиста (наш район, он же «престижный»), он несколько лет довольно остроумно комментировал политику по вечерам на 1-м канале, помните? Еще очень любил пройтись по «так называемым либералам» за их неумение говорить с народом на его, народа, языке... Помните? Потом, с течением времени, его передачу, естественно, закрыли, и он теперь очень остроумно пишет о либералах в некоторых газетах и еще на своем сайте в Интернете, и туда некоторые даже заходят, да. Я лично знаю одного такого человека.

Тележурналист стоял довольно грустный и тоже поглядывал так немного испуганно по сторонам, а рядом стояла его сердитая молодая жена (женщины, они вообще более адекватны сейчас), и когда он сказал: «А давай останемся на крестный ход?» — она очень резко сказала: «За-

чем?» Потом, когда пробило двенадцать, и в церкви зазвонили, и вышли люди и священник, и дьяки с хоругвями, и все пошли за ними вокруг храма, я потерял их из виду, но думаю, что они тоже, наверное, обратили внимание, что люди шли в каком-то напряженном и не очень хорошем, как мне показалось, молчании, никто не улыбался, не возглашал хотя бы иногда, как на Пресне, «Христос воскрес!», не целовался, а слышно было только дыхание и шарканье ног, и сырой весенний ветер временами задувал свечи.

Еще эти «охраняющие» милиционеры... Смешно.

Люди шли в молчании вслед за священниками с хоругвями, а они стояли неподалеку в своих квадратных черных тужурках из кожезаменителя, широко расставив ноги, заложив руки за спину, как всегда, набычившись и глядя на людей в упор. И, возможно, у них была, как это называется — оперативная информация, что что-то может произойти именно во время крестного хода, но зачем смотреть так на прихожан и, с другой стороны, кого это остановит, их взгляд, если не дай бог что? В общем, впечатление было не ахти. Не праздничное, скажем так. И когда мы с женой возгласили все-таки (праздник это или нет?!): Христос воскресе! — никто нас не поддержал, только какой-то интеллигентный дяденька рядом улыбнулся, а менты стали просто-таки есть нас глазами, и один молодой, самый противный, было даже двинулся в нашу сторону, но другой, постарше, его остановил.

А было бы смешно попасть в отделение в 200... году за возглас «Христос воскрес!». Меня однажды забрали у церкви за поклон иконе Божьей матери, но это было году в 1984-м... Отвели в отделение, записали адрес, место учебы, все довольно вежливо, но с угрозой во взгляде. Времена были советские, и с ходу в милиции не били. Спросили еще:

— Вы сектант?

— Нет, — говорю, — не сектант.

— А зачем же вы туда ходите? — удивился милиционер.

Кстати, сообщили в институт, и у меня потом были неприятности, правда не очень большие, ректор и завкафедрой были приличные люди, да и взять с меня тоже было нечего, учился я неплохо, но карьеру не делал и никуда не лез, в смысле ни в «молодые коммунисты» (тогда были такие), ни в «комсомольцы», ни в аспирантуру, вообще никуда.

Когда «брали», был забавный эпизод. Я тогда читал всякую литературу, ксероксы — Солженицына, Синявского, диссидентов и нахально сказал ментам, как, я читал, это делали классики:

— Вы нарушаете советские законы!..

— Вы прекрасно понимаете смысл наших законов, — сказал приведший меня в отделение лейтенант, галантно придерживая передо мной дверь.

Теперь, я думаю, он уже полковник или даже генерал и наверняка аккуратно посещает церковь.

Еще когда мы в ту Пасху возвращались домой, я подумал — как быть *не таким*, как народ, но *вместе* с ним?

Так и не придумал. Может быть, вы знаете?

3

В монастыре жил старец, мне сказал об этом мой приятель. Самый натуральный святой старец, как Зосима у Достоевского. Кажется, физик назвал его иеросхимонахом. Он показал мне его только на второй день, вечером, указав на худого пожилого монаха с белой бородой и пронзительным взглядом, быстро прошедшего мимо нас. Самое смешное, что я плохо помню его лицо, потому что в тот вечер, когда приятель показал мне его, было темно и за старцем бежало несколько женщин, норовя поцеловать ему руку, а он шел очень быстро, и я успел увидеть только архангельские крылья на его черном клобуке.

А когда я встретил его тем же вечером на улице еще раз и, так и не решив про себя, надо ли мне это, сказал, будто дело происходило где-нибудь в Москве, на улице:

— Э-э-э, простите, пожалуйста, минуточку... — то старец бросил на меня такой взгляд, что мне стало стыдно и было стыдно еще час или два.

На следующий день, когда мы зашли в небольшую церковь, где хранятся мощи старцев и настоятелей, живших раньше в этом монастыре, и на мою жену зашипела какая-то тетка, продававшая свечи на входе (мол, куда? — юбка ей показалась слишком короткой), — а мой приятель, который давно меня учил слушать в церкви только священников, отвечал этой тетке довольно резко, чтобы она отстала, мы вошли, и вдруг увидели старца, беседующего с кем-то недалеко от входа.

Мы подошли поближе и подождали, пока он закончит разговаривать, и мой приятель подошел под благословление, а я все что-то медлил — было неудобно за вчерашнее «минуточку», и жена сказала, что сейчас он уйдет, ну что же ты?! А я, надо сказать, тогда переживал довольно сложный период. Я только что развелся с предыдущей, сменил работу, и все это было как-то очень непросто, нервно, и все хотелось у кого-нибудь спросить — что с этим делать и так далее. И я собрался с силами и подошел к нему. Подошел, повторяю, не без неловкости и даже робости, но старец, увидев меня, вдруг улыбнулся и, посмотрев как-то хорошо, спросил: «Ну, чего тебе?» И это «ты» прозвучало почему-то очень к месту, обычно я не люблю, когда люди даже гораздо старше меня с ходу «тыкают», но самое странное, что все мои проблемы и терзания в тот момент показались мне какими-то совершенно не стоящими, просто полной ерундой, и я лишь сказал: «...благословите».

А он как-то рассмеялся тогда и сказал почти весело: «А-а-а...» И перекрестив меня, улыбнулся еще раз и пошел к выходу. И в этот раз он был совсем не грозный и не серьезный, и я даже не помню сейчас, был ли на нем этот знаменитый клобук с ангельскими крыльями или нет. Но, скорее всего, был.

Меня сейчас, кстати, многие спрашивают: а почему я до сих пор не крестился, в монастыри же вот езжу? Правда, старец не спросил, ему, наверное, и так ясно было, а остальные спрашивают. Некоторые не понимают, некоторые смеются, подшучивают, а я не знаю, что отвечать.

Два раза серьезно думал об этом — в начале 1980-х, собственно, тот эпизод с милицией был выражением этих мыслей, и в начале 1990-х. В начале 1990-х, во времена Ельцина, было совсем собрался — но это состояние быстро прошло.

Почему? Вы будете смеяться, это все из-за... друзей. Ну не все, но очень многое.

Вот есть у меня два друга — оба очень православные и чем-то даже похожи. И по обстоятельствам жизни, и даже внешне. Один — провинциальный врач по профессии, он мне очень помог в разрешении одной ситуации, которую я не хотел бы сейчас вспоминать, и я у него в семье даже пару дней жил. Потом он тоже в свое время разводился со сложностями, все это хорошо понимает, так что в этом мы даже похожи.

Он интересный, неглупый и совершенно немосковский человек (что для меня особенно ценно), а Православие знает с какой-то, я бы сказал, даже... лесковской стороны. Рассказывает очень забавные истории из жизни местного архиерея, — как он говорит, немного рисуясь, «владыки», — по его словам, человека умного и веселого, любителя хороших автомобилей и церковного вина. И о своем пути в Церковь он тоже рассказывает не без самоиронии, скажем так. А я люблю это, когда не надувают щеки и с юмором относятся к себе и к жизни.

Правда, у него в комнате как-то много икон, слишком много, в несколько рядов. Но разве это плохо?

И вот однажды, пару лет назад, он и его новая жена приехали ко мне. Мы очень хорошо посидели, выпили, потом пошли немного погулять по Москве, и я, шутки ради, а может, в душе его немного проверяя, предложил ему сфотографироваться на фоне мемориальной синагоги в парке Победы. «Проверяя», потому что было пару раз — он как-то не то чтобы нехорошо, но как-то двусмысленно высказывался на эту тему.

Клянусь, в шутку, я сам еврей только наполовину, по отцу, и в синагоге бываю хорошо если один раз в несколько лет (может быть, к сожалению), а он вдруг сделался очень серьезен и отказался. Сказал, что это «нельзя».

— Почему?

— Другая вера.

— И что?

Молчит.

Вы скажете: Бог с ним, глупо спорить, надо плюнуть, но я разозлился, ведь это мой приятель, вроде мы были вместе в трудные дни, а теперь — что за фигня? Тем более, повторяю, *мемориальная синагога в парке Победы*. (Кстати, его дед, как и мой, воевал.) Хотел его вообще выпроводить, но он же приехал с женой, очень милой молодой женщиной-грузинкой, которой, видно, стало за него неудобно, она извинялась передо мной, пыталась сфотографироваться вместо него, сказала мне, чтобы я не обращал на него внимания, что он дурак, но стало уже все равно, прогулка была испорчена.

Правда, потом я заставил себя вспомнить, как я у них жил, как он поддержал меня в прошлом, многие наши разговоры и — махнул рукой. На дворе был уже где-то 2002 год, в воздухе уже присутствовало то, что ныне расцвело таким пышным цветом, и я подумал: фиг с ним. Что с него возьмешь — телевизор смотрит, живет в провинции, друзей у него почти нет, сам жаловался, зарплата маленькая, больные в поликлинике нервные... — вот в голове и путается все. Плюс они живут с его родителями, а у отца очень тяжелый характер, можно сказать, деспотический, мать ссорится с его молодой женой, мечется между ним и отцом, а переехать оттуда нет денег, так и живут в его комнате 15 метров втроем, с маленьким ребенком, и в холодильнике полки — разные. Да еще сын в первой семье остался, плюс алименты.

И мы очень даже неплохо пообщались в тот раз, когда я заставил себя «не обращать внимания», выпили, они остались ночевать, наутро мы снова пошли гулять, дошли до нового тогда моста «Багратион», выпили там кофе с видом на Москву-реку, потом поехали на бульвары, вернулись домой по набережной, в общем, они остались довольны, да и я тоже. Люблю показывать Москву. Потом, ведь надо прощать, тем более друзьям, правда? И не «проверять» их, кстати... Говорят же, не бери у друзей взаймы, а я добавлю: и не говорите с ними о политике. Сейчас, во всяком случае. (Хотя мемориальная синагога — это вроде не политика, да?)

В следующий раз мы встретились почти через полтора года, то есть это был уже 2004 год, середина, встретились поначалу очень хорошо, его дела поправились, он уволился из своей поликлиники и начал преподавать в местном университете, много рассказывал о своих студентках, а две (и очень хорошенькие) даже подарили ему свои фотографии — как они сказали, на память. Сын подрос, жена пошла работать куда-то к родственникам и, судя по всему, неплохо зарабатывала.

Кроме того, по моим настойчивым рекомендациям он прошел курс терапии у какого-то их местного *православного психотерапевта* (не очень представляю себе, что это такое, но ему помогло), немного освободился из-под влияния отца и, сидя на кухне, нам бы и продолжить эту линию: про студенток, про его поправившиеся дела, но что-то мы случайно коснулись политики, на недавних выборах он голосовал за движение «Родина-мать», сказав, что, как ему кажется, «они смогут наиболее адекватно защитить его интересы». На это я смолчал, что делать, если человеку *кажется*, потом я же демократ, его мнение — это его мнение, а для меня его свобода — закон, но потом он сказал, что — простите меня, что даже пишу это! что девочку-таджичку убили (помните, была такая жуткая история в Санкт-Петербурге года три назад?), что это конечно, плохо, но когда, мол, русских девочек убивают, все же молчат, а?! Молчат?!

— Но когда, что-то я не слышал... — растерялся я.

— Об этом просто ничего не пишут! — сказал он громко. — Замалчивают!

Я не нашелся, что ответить, и сказал:

— Что же, раз они варвары, то и нам тоже все можно, так что ли?

— А как иначе, ведь идет борьба...

И дальше он понес что-то совершенно невообразимое, и мы-таки поссорились в тот раз и очень долго не перезванивались потом, и тут я не могу не вспомнить еще одного своего знакомого, тоже «православного» человека, театрального актера по профессии, на четверть армянина и коренного москвича, довольно начитанного и очень интересующегося... — биографией и идеями А. Гитлера.

(Как он говорит: теперь уже меньше.) Переварили? Идем дальше.

Он сын одного довольно известного театрального продюсера, так что, заметьте, это не от бедности, но у отца, как и в случае первого моего друга, — тяжелый характер, поэтому они почти не общаются. Правда, продюсер купил сыну квартиру, но сути дела это не изменило. (Прямо наказание какое-то с этими отцами. Говорят, кстати, что у г-на Шикльгрубера тоже был довольно жестокий отец.)

Этот Второй (назовем его так) — симпатичный парень и женат на молодой актрисе, простой русской девочке из Твери, но, к сожалению, не такой милой, как жена моего первого друга. Потому что, простите меня, но как и положено «простой русской девочке», она временами ест его поедом, временами не дает общаться с друзьями, упрекает за безденежье, всерьез советуется насчет него с районным психиатром, вызывает милицию во время скандалов и весь прочий джентльменский набор...

И, может быть, от общей неустроенности жизни (опять?!) он временами несет всякую ахинею, но временами (тоже от неустроенности?) — это тонкий и очень остроумный человек. С ним вообще общение — как по льду ходить. Все нормально-нормально, а потом вдруг как скажет что-нибудь, так хоть стой, хоть падай. И думаешь, даже Бог с ней с личной обидой: ё мое, где они это берут, эту фигню, где?!

Вот, например, недавно, за рюмкой, когда я выразил сочувствие его семейным обстоятельствам, он вдруг сказал мне, что у его жены «есть одно преимущество по сравнению со всеми нами».

— Какое же? — спросил я, рассчитывая на хорошую шутку, потому что этот мой знакомый, я же говорю, он совсем не лишен чувства юмора, он может пошутить так, что вы будете смеяться просто до колик, до слез... Это же такая редкость!..

Короче, г-н Второй сказал мне, причем, повторюсь, как-то вдруг, что называется, сплеча, что:

— *Эта земля из всех нас — по-настоящему принадлежит его жене, она — ее, а мы так — гости.*

Я цитирую, повторяю. И опять я не нашелся, что ответить сразу, а потом (немного охренев), сказал что-то типа (будто понимая, даже немного принимая своим ответом эту поганую игру):

— А что же, твой дед, Левон Абрамович, погибший под Москвой в прошлую войну, он погиб за... «чужую землю»?! И почему же тогда его позвали (то есть призвали), тут же *призвали*, когда что-то случилось — мол, иди Левон, воюй, *помогай*, мы без тебя не можем — если эта земля — *чужая?!*

И Второй совсем не смутился, а задумался так вроде бы печально и сказал:

— Почему призвали? Ну, тоталитарный режим, ему было все равно, кем прикрываться, а погиб... да, пожалуй, за чужую.

Что, скажете, я должен был немедленно дать ему в морду, да? (И ему тоже?) Или пожалеть его, бедного (и его тоже?), за его мысли и ощущения? (И самоощущения?)

И он ведь не просто актер, а актер известного и модного московского интеллектуального театра, хотя что с того — он должен все это понимать? Эти элементарные вещи? Или не должен? Или это неважно — и пусть он сам разбирается со своими тараканами? Сказано же: «Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов». И неважно, что их, таких, сейчас очень много? Некоторые говорят — миллионы... (Не верю.) Или он был прав? Сегодня прав, да?

И главное, брякнув такое, он сядет перед спектаклем в метро, достанет из сумки и откроет не что-нибудь, а «Жития святых» (сам видел!) и, сделав отстраненное и сосредоточенное лицо, будет их внимательно читать. И жена тоже будет сидеть рядом.

И руки ведь не отсохнут, как говорила моя бабушка.

— Но, — скажете вы, — зачем же вы все это путаете? Если какой-то идиот читает духовную литературу и не умнеет от этого, то дело ведь в нем, а не в литературе, правда?

— Конечно, — скажу я. — Но таких, я же говорю, таких сейчас очень много. Много читающих духовную литературу и почему-то ну совершенно от этого не умнеющих. Просто ну совсем. Может, они как-то неправильно читают? Или им как-то не так это преподавали? Или еще что-то?

Может, кто-нибудь знает, почему их так много?

4

Как-то я мало рассказываю о монастыре. Все о каких-то «друзьях»... А я даже не знаю, что рассказывать.

Мы по лености пропускали утренние молитвы (о чем я сейчас жалею) и шли на послеобеденные и стояли там, просто повторяя за всеми (так мой приятель сказал) церковно-славянские слова. Иногда что-то понимая, но большей частью просто повторяя про себя слова и все. И так стояли до вечера, а потом заходили в комнату гостевого дома к физику и военному, которые остались вдвоем (как сказал физик: третьего Бог унес), пили там чай и разговаривали, а потом в темноте шли «домой», то есть к бабушке, у которой снимали комнату, и снег похрустывал под ногами, и, оглянувшись, мы смотрели на белые стены, кресты и башни монастыря, и темные корабельные сосны, росшие по сторонам дороги. Я сейчас чуть не написал «мачты» вместо «башен», но этот монастырь, он правда был чем-то похож на стоящий в гавани корабль, что было, то было. Большой белый корабль. Постоит и уйдет...

Так прошло три дня, совершенно незаметно, всего три дня, а мне стало казаться, что мы тут давно, и что это хорошо и правильно, и, может быть, даже важно — вставать, умываться и по тонкому ноябрьскому снегу идти в монастырь и стоять там на молитвах, а иногда заходить в книжную и иконную лавку, смотреть книги и немного разговаривать с отцом Игорем, ни о чем серьезном кстати, так, о книгах и всяких пустяках.

Уезжали из монастыря днем, чтобы доехать до ночи. День был серенький, и, как на картинах Саврасова, вокруг старой монастырской колокольни кружились вороны и галки. Нас вышли проводить отец Михаил и отец Игорь.

— Приезжайте еще.

— Спасибо.

Отец Игорь пожал мне руку, а отец Михаил перекрестил нас с женой. Знал бы, что я не крещеный, а жена вообще мусульманка. В смысле, у нее бабушка когда-то в мечеть ходила, когда моложе была. (Сама-то она не очень это все любит. Тоже, как и я — может быть, к сожалению). Или он знал? Ведь мой приятель скорее всего сказал ему. Откуда-то вытащил большую книжку — «Житие Святого Амвросия» и протянул мне: — Это подарок. Наша новинка. — Спасибо.

Сейчас эта книжка стоит над моим столом, и я иногда на нее поглядываю. Надо было попросить у него надписать, — думаю я сейчас, но тогда я почему-то этого не сделал, растерялся, наверное. Не ожидал. Военный шутливо отдал отцу Михаилу честь.

Приятель торопил: скорее, собирались уехать в 12, а уже два, не доедем засветло. Мы сели в машину, тронулись, было грустно, уезжать всегда грустно. Отец Михаил махал нам рукой.

Когда выехали на трассу, я опустил стекло, закурил. И тут военный — он сидел впереди, обернувшись, сказал мне:

— Не надо.

— Почему? — я удивился.

Он приоткрыл полу куртки, и я увидел, что у него там горит маленький огонек — лампада.

— Купил в лавке, повешу дома. — Он улыбался.

Я выбросил сигарету и закрыл окно.

— А мы не купили. Может, надо было?

Но потом я подумал, что это слишком. Все-таки мы не настолько... не могу подобрать слова. Религиозны, да? Вот купили образа. Два. И хорошо.

Офицер радовался:

— Повешу дома, пусть висит. У меня там иконы — и как раз лампада.

Мой приятель вел осторожно, стараясь, чтоб не трясло. Было хорошо так ехать, осторожно, избегая ухабов, зная, что с нами этот огонечек из монастыря. (Все-таки не хотелось уезжать, повторюсь...) Офицер поддерживал его, как ребенка, иногда заглядывал под куртку, как он там. Я спрятал пачку сигарет и было вынутую фляжку с коньяком — как-то

не курилось и не пилось при лампаде, и стал представлять себе квартиру этого военного, он сказал, что живет *на Чертаново*, как он выразился, обычная трехкомнатная квартира в блочной 12-этажке начала 1980-х годов, узенькая прихожая, вешалка, дверь в кухню, потом детская метров 15, потом, как говорят в народе, — «зала», в красном углу, рядом с вымпелом победителя ленинского зачета 1984 года и фотографией не то Афганистана, не то Средней Азии, теперь иконы, и под ними будет эта лампада, за окном с беленькими кисейными занавесками зимний пейзаж, рядами такие же дома, деревья, снег...

Наверное, он туда ее повесит, в «залу», думал я, чтобы смотреть и вспоминать монастырь, свечи, иконы, голос дьякона, читающего молитву. Потом я подумал, что странно, что уезжать не хотелось, все же это не совсем наша, не совсем мирская, та к которой мы привыкли, я хочу сказать, жизнь. Как-то они быстро пролетели, эти три дня, хотя вроде что мы делали — ничего, стояли на молитве, немного гуляли, разговаривали с бабушкой-хозяйкой. У нее сын, кстати, работник космической отрасли. На космодроме Байконур работает, серьезно. Она показывала письма, гордилась, давала смотреть карточки внуков. Правда, давно у них не была... О монастыре говорила неохотно: они там все разные, сейчас все думают, что раз монастырь, то все святые. А она рядом живет, видела всякое.

Смешно, бабушка при монастыре, а сын космические корабли делает. Смежные, так сказать, отрасли, почему я сказал «кстати».

После Калуги стало темнеть и пошел снег. Тут выяснилось, что у нас не работают дворники, и мой приятель занервничал — на шоссе стало много машин. Мы съехали на обочину, они с офицером вышли, стали копаться в моторе, а лампаду оставили нам, и я минут десять подержал ее под курткой с левой стороны, и было немного тепло у сердца — там же огонь, то есть огонек, и от него тепло.

Починить дворники не вышло, это же «москвич», у меня была такая машина — она хорошая, тяжелая, как утюг и устойчивая на шоссе, но упрямая. Если не захочет чиниться, ты хоть по уши залезь в нее, ничего не выйдет. И, главное, можно было бы тряпкой снаружи протирать стекло, но особо часто не попротираешь, ветер же, надо окно открывать, а у нас лампада. Мы с офицером поменялись местами, я сел вперед, а он на мое место, сзади все-таки меньше дует... Подумал: «Не довезем, ветер», — но офицер говорил, что пока горит.

— А куда повесишь, — спросил я.

— Пока не знаю, — он задумался, — может, в детскую, или в залу.

Я засмеялся:

— Я так и думал. А в зале у тебя занавески белые?

— Вот и не угадал, плохой из тебя инженер человеческих душ. В цветочек. Жена купила в магазине «Лейпциг», знаешь такой? Еще в советское время был.

Вообще странно, об этой поездке почти нет воспоминаний, одни картинки. Воспоминания — пейзажи, воспоминания — жанровые кар-

тинки. Вот стоят заснеженные ели вдоль дороги, стояли, когда ехали туда, стоят обратно. За ними лес в снегу — снег, ели, снова снег... Вот люди стоят в церкви, полутемно, только перед иконами горят свечи, они освещают лица. Голос дьякона читает: милости хощу, а не жертвы.

Когда ехали туда, уже после Калуги, мой приятель вдруг стал рассказывать, как люди не могут доехать в этот монастырь, будто что мешает. Сначала собраться не могут, потом поворачивают на полпути, заезжают куда-нибудь не туда, в общем, ерунда какая-то. Ну, мы с женой покивали, Серж сделал круглые глаза, тоже что-то такое стал рассказывать, таинственное. Едем дальше. И вдруг мой приятель руль в сторону как крутанет!

— Ха! — говорит.

Машина вильнула. Он в другую сторону — ха! И все, главное, смеются, типа «о, как здорово, шутник...» — а я-то чувствую, что нас уже юзом ведет. Там еще под горку и поворотик, и то ли у «москвича» этого были задние ведущие, то ли он притормозил не так, в общем, машина управление потеряла. Хорошо, скорость небольшая и дорога пустая была, ну, только метрах в 150 какой-то трактор перся. С большими колесами такой, «Беларусь». Ну, дорога-то в снегу прочищена, мы крутанулись разок и, уткнувшись носом в сугроб, остановились. Я говорю: ты что, мудак?! Тоже доехать *что-то мешает?* Он, кстати, даже не огрызнулся. Испугался, что ли? Странное у него какое-то было лицо — я только в профиль смотрел — он почти улыбался. Мазохист.

Конечно, что говорить, всем нам (вообще всем) стоило съездить в этот монастырь, немного помолиться. Пусть даже толком не зная слова.

Ну, обратно-то не колбасились — доехать надо было. Ближе к Москве снег пошел гуще. Физик нервничал, периодически останавливался, открывал окно, протирал переднее стекло обычной тряпкой, офицер в этот момент отворачивался и запахивал поплотнее свою куртку. Вообще, я думал, не довезем, ветер задует, но вы удивитесь — довезли! Забегу вперед: когда въехали в Москву, офицер был очень довольный — улыбался во весь рот... Еще у нас с приятелем (на нервной почве, видимо) возник какой-то странный спор — ни за что не догадаетесь о чем. О католичестве. Я же говорю, это больная тема.

Началось с того, что приятель сказал, что этот монастырь в некотором смысле крепость, и я, в общем, согласился.

— Ну, не крепость, — сказал я, — скорее остров (про корабль я решил на всякий случай промолчать), — а потом зачем-то сказал ему, что, мол, не понимаю, почему отец Михаил так нервно говорил о католиках. Было такое ощущение, что это прямо враги какие-то. Почему? Это ведь тоже христиане. Вот про мусульман он совсем ничего не говорил, а ведь это вроде другая вера. К тому же они очень воинственные...

Тут приятель напрягся и сказал:

— Правильно... Католицизм — это, — он чуть помедлил, — ересь. А ересь, — он опять помедлил, — это даже хуже атеизма и иноверия. — И стал мне объяснять, почему католицизм ересь, но я уже не помню, что

именно он говорил, а может, он плохо объяснял, потому что было плохо видно, темнело, а ему надо было следить за дорогой, которая сделалась уже совсем московской — в несколько рядов, снег вокруг пожелтел, и стал грязным, и все как-то не просто ехали себе и ехали, как это бывает вдали от городов, а куда-то сосредоточенно мчались, торопясь, перестраиваясь из ряда в ряд и обгоняя друг друга.

Главное, забавно, я почему-то чувствовал, что не надо его спрашивать про католиков, но все равно спросил — вы уже знаете, есть у меня такая странная особенность — знаю, что не надо что-то делать (спрашивать, например), а все равно делаю (спрашиваю)...

А еще он сказал в конце, что католики, чтобы привлечь народ, занимаются популяризацией религии, делают что-то вроде журнала «Наука и жизнь», а это неправильно, смысл уходит. Тогда я подумал: почему? А недавно смотрел один фильм, и там было показано богослужение где-то в Мексике — толпа народу, электронный орган, огромный храм, вверху огромная фигура Христа, вся в разноцветных лампочках... И я подумал: может, и правда — не надо *так*. Было какое-то коллективное... в этом... не найду слово.

Хотя с другой стороны, знаете, всегда, когда народу много, ощущение возникает такое... сложное. Вот у нас, когда на Рождество или Пасху камера скользит по лицам в храме Христа Спасителя и на переднем плане видно начальство с постными физиями размера семь на восемь, со свечками в руках — тоже иногда возникает какое-то, мягко говоря, совершенно непраздничное и непросветленное ощущение. Даже если не думать, что начальству-то, поди, есть в чем покаяться или просто о чем подумать в церкви, и не на отдельной трибуне недалеко от Царских Врат, а где-нибудь в середине толпы прихожан, а может быть, и позади всех. Ничему не научились или все забыли за 80 лет советской власти. При царе, посмотрите старую кинохронику, священники тоже все кадилом на генералов махали... Но этого я приятелю говорить не стал. Чтобы не расстраивать его.

Да... В общем, странный какой-то разговор вышел. Но потом физик очень хорошо пошутил, я не помню уже на какую тему, как-то очень хорошо, он же неглупый человек, и вроде ощущение сгладилось. Я вообще его люблю за пусть иногда наивное, но стремление — и не к успеху, не к деньгам, как у всех, а к какой-то настоящности... Хотя он современный человек. И когда мы вылезали у метро «Юго-Западная», мы были очень благодарны ему, то есть «благодарны» — это не то слово, мы обнялись, и с офицером тоже, и я долго жал ему руку. Хотя, кстати, и вылезали скорей-скорей, стараясь не открывать широко дверь, чтобы ветер не попал в салон.

И когда мы с женой стояли в вестибюле метро «Юго-Западная», у нас было такое странное ощущение, что мы вернулись из долгого-долгого отпуска, и ощущение — вы не поверите или посмеетесь — какой-то чистоты, промытости взгляда, что ли, хотелось всем улыбаться, и у меня вертится слово «баня», хотя какая «баня», кто в бане-то был, при чем здесь это? И дня три-четыре, а то и неделю это ощущение чистоты держалось, представляете? Потом прошло.

А про лампаду, которую вез офицер, мы как-то вскоре забыли и даже не спрашивали про нее, когда встретились с физиком где-то через месяца два, не помню уже зачем, книжки, что ли, какие-то ему передавали, или он нам передавал. Выпили еще с ним пива при встрече, вокруг была уже совершенно московская жизнь, он пошел работать на стройку прорабом, уволившись из своего ООО, чтобы, как он сказал, лучше почувствовать жизнь, звал, кстати, и меня, но я сказал, что пока подумаю — как-то я не очень верю в эти хождения в народ и опрощения, к тому же я человек вечерний и готовый если и работать на стройке, то только во вторую смену, часов с 5–6 дня, а контора, куда он пошел, в темноте строительство не вела. И про лампаду мы вспомнили где-то через полгода, если не больше, когда перезванивались на майские праздники. Он, по-моему, звал еще куда-то поехать, опять в какой-то монастырь, а мы собрались с друзьями на дачу, со всеми уже договорились и не смогли.

Физик был какой-то расстроенный, что-то не складывалось в личной жизни. Вы не поверите, но он хотел на всех сразу жениться, чтобы, как положено у религиозных людей, *все после свадьбы*, ну а сами понимаете, в нашей жизни на это мало кто согласится, хотя почти все девушки теоретически этого хотят, да? Но на практике они с ходу пугались и отношения расстраивались. Одна-две согласились, но вы же понимаете, что это был за контингент.

Я пытался его развлечь, много шутил и спросил про военного, просто кстати, в конце.

— А... — сказал он, — нет, не горит лампада.

Я огорчился:

— Почему? Неужели задуло тогда огонек? Уже в Москве?!

— Нет, — сказал приятель, — довезти мы ее довезли, он просто через месяц или два забыл долить туда масла.

— Жалко, — сказал я.

— Конечно жалко.

— Но можно же пойти в церковь и снова ее зажечь? — сказал я.

— Можно, — сказал приятель, — но ты же понимаешь, огонь будет уже не тот, не из монастыря.

Я согласился:

— Да, пожалуй.

— Может, я туда поеду летом и привезу ему еще, — сказал он.

— Да...

Я хотел его попросить привезти и нам, но почему-то не стал. Все-таки мы с женой не такие уж и верующие. Потом друзья эти наши, «православные»-то которые... С ними пообщаешься — и вообще ничего не захочешь... Хотя можно, конечно, и не общаться с такими. Бывает же, люди расходятся со временем. Во время общественных потрясений, революций например... Не дай Бог, конечно.

Да и потухнет — будет жалко. Чего он тогда вез, старался из-за нас?

ДВА РАССКАЗА

Дядя Максум

В нашей деревне жил учитель рисования, долговязый, в шляпе, улыбчивый дядя Максум. Не Максим, а именно Максум — так изменилось в татарской речи знаменитое имя. Впрочем, знаменитым оно стало, когда по стране прокатился кинофильм «Юность Максима», и мы все его посмотрели раза по три, и нам казалось, что дяде Максуму, конечно же, приятно слышать каждый день имя, которое, пусть и не совсем, совпадает с именем самого учителя.

Но дядя Максум, как ни странно, не был в восторге от этого фильма. Неизменно улыбаясь и жмурясь (как слепой, который ощупывает в солнечный день палкой дорогу), он уклонялся от разговоров, когда мы взахлеб пересказывали тем, кто еще не видел фильма, эпизод за эпизодом из «Юности Максима».

— Крутится, вертится шар голубой... — напевали мы, очень нам нравилась эта песенка. — Кавалер барышню хочет украсть.

И спрашивали у нашего учителя:

— Здорово, да?

Он ничего не говорил. Нет, я не скажу, что снисходительно отмалчивался. Как теперь я понимаю, он молчал, как молчат мудрые люди, глядя на божий мир, на бабочек над цветами, на овец у речки, — ласково и не желая раньше времени что-то объяснять визжащим от радости детишкам.

И уже в девятом, кажется, классе на мой вопрос:

— А помните, дядя Максум, кино про Максима?.. — он ответил негромко:

— Там очень мало красоты.

— Какой красоты?.. — удивился я. — А песня?

— Песня, да. Но остальное не совсем по правде. Я не люблю комедию, у которой в галошах кровь. Ну, ладно, — он спохватился или сделал

Роман СОЛНЦЕВ — родился в 1939 г. в селе Кузкеево ТАССР. Окончил физмат Казанского университета. Автор трех десятков книг стихов и прозы, изданных в Москве и Красноярске. Печатался в «Нашем современнике», «Неве», «Новом мире», «Октябре». Пьесы ставились в театрах Москвы, Ленинграда, Львова и др. городов. Романы «Минус Лавриков» и «Золотое дно» вошли в шорт-лист премии Букер — Открытая Россия, 2005 г. Президент Сибирского ПЕН-центра, главный редактор журнала «День и ночь». Живет в Красноярске.

вид, что спохватился, и, улыбнувшись отечески, потрепал меня по голове. — Ты обещал воду вечернюю нарисовать.

Я смутился. Мне мама купила дешевых акварельных красок (вроде разноцветных пуговок, пришитых к картонке), их полагалось размачивать мокрой кисточкой. Но кисточка у меня была самодельная: на деревянную палочку я насадил жестяную трубочку, свернутую мною самим, из нее торчали в разные стороны несколько волосков, срезанных с хвоста моего пса. И когда я вел этой кисточкой по бумаге, краска ложилась плохо, брызгалась. Оставались следы, похожие на белые лучи.

Но если постараться, можно было что-то нарисовать.

Сам же дядя Максум работал масляными красками. Помимо того, что он преподавал в школе, он занимался копированием знаменитых картин русских художников. У него имелся альбом с цветными репродукциями, над которыми он и колдовал. Причем трудность усугублялась тем, что дядя Максум натягивал холст или резал картон именно того размера, что указан под репродукцией.

У некоторых односельчан, его родственников, в избах уже висели на гвоздиках его внушительные творения («Бурлаки на Волге», «Иван Грозный убивает своего сына»), и посмотреть на них учителя водили школьников.

И даже нашей семье он подарил копию левитановской запруды. Я иногда стоял перед этим чудом в струганной желтой раме и не мог понять, как дядя Максум добился того, что вот справа вода гладкая, как стекло, а слева льется, живая, слоями...

Понятно, моими акварельными красками этого не изобразить, и я умолил отца купить мне в районном центре масляных красок. Они тогда не были столь уж дороги, но ведь и денег у нас, у колхозного люда, имелось только на самую необходимую одежду, на закупку сахара и городского хлеба к празднику. Отец повертел лысой башкой, удивленно разглядывая меня, и привез-таки десяток тюбиков, на которых было написано печатными буквами: краплак, сиена, берлинская лазурь и прочие волшебные слова.

Полбаночки олифы и две кисточки (настоящие, шелковистые) мне торжественно вручил дядя Максум. У него этих кисточек и олифы, и красок много, ведь он, когда ездил в город, по-моему, ничего больше и не покупал. У него даже патефона не было.

Правда, собираясь в клуб смотреть кино, дядя Максум всегда надевал свою знаменитую шляпу, серую, как табачный пепел, с розовой опояской. И костюм на нем был глаженый, брюки со стрелками. И полушубок аккуратный, — гладить и штопать он умел не хуже женщины...

Получив от него орудие труда, я вдохновенно принялся писать (так принято говорить среди художников) воду.

О, вода! О, вечернее небо!.. Как легко, на первый взгляд, изобразить закат, смутнозеленые ветлы, отраженные в малиновой воде... Кажется, и получалось, да только вода выходила мертвой. Как на картонках с целующимися лебедями, которые свернутыми продаются на колхозном база-

ре. Фу, пошлость и бездарность! Хотя народ-то покупает и приколачивает их на стену возле кроватей и топчанов...

Конечно, дядя Максум таких лебедей, если бы захотел, малевал бы десятками и зарабатывал бы большие деньги (или брал бы дровами, курицами, овцами). Если бы у него была жена (а он, как вы уже поняли, жил бобылем, причины этого никому не были понятны!), она бы уговорила его. Но учитель рисования лишь ласково улыбался, когда мы намекали на столь выгодную работу.

Поделки разрешалось продавать на колхозных ярмарках, при условии, если художник пожертвовал в «ленинскую комнату» или в клуб что-то бесплатно.

Дядя Максум подарил правлению колхоза «Зимний лес». Там все снежинки как настоящие. И для сельсовета изобразил нашу речку с лодкой, в которой сидит, согнувшись, рыбак в брезентовом плаще. В нем все мы узнавали старика Ислама, хоть и лица не видно. Вода вокруг сверкала, как зеркало или как оклады на иконах...

И вот уже месяц дядя Максум старательно копировал «Трех богатырей» Васнецова. Да и правду сказать, картина огромная, там лоснящиеся лошади с буграми мускул на груди, на лошадях богатыри в расшитых золотом одеждах, под сапожками у них серебряные стремена, в руках полувынутые грозные мечи... надо же все это тщательно прописать. А репродукция, как и другие репродукции в альбоме, была блеклая, словно подмороженная осенью трава, поэтому дядя Максум изобразил богатырей такими, какими их представлял себе: один из богатырей, Алеша Попович, стал огненно рыжим, как наш кузнец Василий, хотя и сохранил сходство с оригиналом на листочке. Илья Муромец напоминал Вахитова, секретаря райкома, грузного бранчливого дядьку с вечно надутой щекой. А Данила Никитич получился ну точно как наш председатель колхоза — ленинский прищур, скулы... Постепенно картина стала яркой, заиграла красками, куда репродукции до нее!

А почему дядя Максум напомнил мне про воду? А потому, что я любил смотреть на воду (и в воду!) в самое разное время дня, именно изображение воды, этого живого хрусталя, восхищало меня.

Сам он, учитель рисования, не окончивший никакого училища, умел как никто создать глянцевитую светящуюся поверхность. Работая тщательно тонкими кисточками, выписывая рябь или пену, он в некоторых местах, где вода должна получиться зеркальной, по-моему, и какой-то тряпочкой подглаживал...

Однажды я пришел к нему домой, принес замученную свою работу — (вечерняя вода в камышах). У меня никак не получалось, чтобы черные (коричневые? темные?) свечи рогоза таяли в огне вечернего света, но и угадывались...

Явился я к дяде Максуму, а у него гости вокруг большого медного самовара на углях. Я уже мельком видел этих людей, недавно приехавших в наше село. Отодвинувшись от стола и важно помаргивая, сидел в тесном костюме, в багровом галстуке Кузаков, новый директор школы

(прежний директор, Рустам Валеевич, умер в лесу, когда грузил с завхозом на зиму для школы спиленные березы). Рядом с ним восседала, высоко вскинув голову в черных кудряшках на тонкой шее, его жена, учительница литературы. Про нее говорили, что она знает немецкий язык и вообще знает про все на свете. И между ними моргал, точно как его папа, румяный пухлый мальчик в красном галстуке. И не сразу я заметил — в стороне, на отдельном стуле, лежал плоский чемоданчик затейливой формы (как у груши).

И я услышал продолжение разговора. Поглядывая на завершенную копию «Трех богатырей», которую дядя Максум, видимо, по просьбе гостей, выставил на могучий, сколоченный им самим мольберт (не путать с Альбертом Эйнштейном, как шутил сам дядя Максум), тетя в кудряшках высокомерно говорила:

— Что это такое?! Это же примитив. Сами-то картины пошлые... а зачем еще и копии снимать?! — Она поднялась и подошла к двум другим картонкам, висевшим на бревенчатой стене справа и слева от черного картонного репродуктора. — Да и это... Сусальный сюжет... гладкопись... нет места для мысли, для тайны... Есть же и другие учителя! Вот Юрий Михайлович воевал, был в Европе, пусть он скажет.

Но ее муж молчал, опустив глаза, помаргивая и крутя в пухлых розовых пальцах рюмку с водкой.

— «Три богатыря»... Товарищи! — Она обращалась к дяде Максуму, но слово «товарищи», видимо, относилось теперь ко всем местным учителям. — Вы хоть представляете, какой век на дворе?!

Замечу, что это были пятидесятые годы, их последняя треть.

— А что такое? — спокойно спросил дядя Максум. Он, глядя на нее, очень доброжелательно улыбался. — Вы имеете в виду абстракционистов?

— Да не только! Были же импрессионисты, постимпрессионисты... Они чувствовали цвет, свет, они умели передать объем, они умели расчленить предмет, показать его... — Она запнулась, подбирая слово.

— Внутренность? — подсказал дядя Максум.

— Ну, не совсем!.. Сущность, суть предмета!..

— Хорошо, сущность... например, сущность женщины... — продолжал с улыбкой хозяин стола. — Я видел у Пикассо... на открытке... портрет, кажется, жены... Мне это не нравится. Если бы вас так изобразили, вряд ли Юрий Михайлович повесил картину на стену.

— Да при чем тут Юрий Михайлович и я?.. — заговорила гостья, сверкая глазами. — Почему так примитивно?.. Я про язык искусства. В этой тщательности столько убожества... в этой гладкописи... Художник должен быть небрежен, он может недоговаривать... два-три мазка — и мы понимаем...

Ее муж продолжал молчать, крутя в руке рюмку. Отсвет от водки играл на потолке.

— Это как в поэзии!.. — не унималась гостья, расхаживая по комнате. — Блок писал: любое стихотворение держится на двух-трех словах,

как на звездах... А всему виною наше подражательство, терпеливость... серость наша... Боже мой, как я от нее устала!

— А зачем ты сюда поехала?! — вдруг зло спросил ее муж.

Она обернулась к нему, вспыхнула лицом.

— Ну как зачем?! Из-за тебя!

— Ну, ладно, пошли домой... — пробормотал новый директор школы, тяжело поднимаясь из-за стола. Недопитую рюмку он поставил, словно ввинтил, на столешницу.

— Да подождите же! — приложил руки к груди дядя Максум. На ногте одного из пальцев у него синела краска. — Ну зачем так? Пришли, мы рады вам. Нам вместе работать. Это же нормально, если люди учатся другу у друга. Мне очень интересно было послушать Зою Николаевну. А теперь, может быть, мальчик ваш сыграет на скрипке? Я слышал, он хорошо играет.

— Да нет, Алик пока еще только учится, — смутился отец семейства.

Но жена его словно споткнулась, чуть поехала на половиках, вернулась к столу, заулыбалась, поправила волосы.

— Конечно, конечно! — и подала толстому мальчику чемоданчик с кривыми стенками. — Конечно!

Алик (Альберт?) раскрыл футляр, вынул скрипку и смычок. Вопросительно глянул на отца, — тот не сразу, но хмуро кивнул. И мальчик встал из-за стола, сделал привычно-плаксивое лицо и заиграл (завизжал) на струнах. Он вытягивал какую-то знакомую мне мелодию, но я не сразу сообразил, какую. Кстати сказать, в те годы по радио часто передавали классическую музыку. Мне показалось, Алик пару раз сфальшивил... даже у отца его дернулась щека...

А вот дядя Максум слушал юного скрипача с восхищенной улыбкой, как слушал бы в другое время пение синички или воробья. Мальчик играет, как умеет, мальчик старается, это очень хорошо.

В самом деле, Алик старался, — по его лицу вниз к шее ползли капельки пота, как белесые зерна риса...

Когда он закончил и поклонился, как принято у музыкантов, мы зашлепали в ладони. Звонче всех аплодировала мать, она разрумянилась и совсем по-простому, даже как-то наивно, спросила у дяди Максума:

— Ну как? Правда, он способный мальчик?

— Я думаю, да, — ответил дядя Максум.

— Его учитель говорит, у него пальцы живые... стойка хорошая... А то, знаете, некоторые скрипачи дергают плечами, сутулятся, хлопочут физиономией... а он как столбик.

— Да, — подтвердил дядя Максум. — Может быть, еще что-нибудь сыграет?

— Нет-нет, хватит, — кусал губы новый директор школы. — Ему надо в одиночестве пока... без зрителя... — И снова поднялся. — Спасибо вам, Максум Валеевич. Мы пойдем.

Гости двинулись к сеням. Зоя Николаевна, глянув на копию левитановской «Запруды», вдруг засмеялась и сказала:

— А правда, в этой наивной старательности есть что-то... чистота души... когда я была маленькой, я очень любила такие картины. А ты, Юра?

— А мне и сейчас нравится, — буркнул он. — Ну, нет тут телевизоров пока... и в Лувр дети не поедут... пусть хоть у него поучатся красоте...

— А я что говорю?! — уже шла на попятный учительница литературы. — Я только о том, что ему, может быть, пора ставить себе уже более высокие задачи. Он же прекрасно владеет кистью.

Новый директор школы ничего не ответил говорливой жене, а дядя Максум согласился:

— Конечно, Зоя Николаевна, нам тянуться да тянуться к совершенству... я же это понимаю...

Когда он захлопнул за ними дверь сеней и вернулся, лицо его было сумрачным. Я подумал, он сейчас выпьет водки. Но дядя Максум, брезгливо выпятив губы, выплеснул в ведро под умывальником остатки алкоголя из рюмок, ополоснул их. И снова, заулыбавшись, как после хорошего веселого рассказа, спросил у меня:

— Чай будешь пить? С молоком. Соседи молоком поделились.

Я хотел было поделиться обидой: почему эта тетя так себя вела? Она же потом все-таки призналась, что тонкая живопись ей тоже нравится? Или сказала так лишь потому, что дядя Максум похвалил игру ее сыночка?..

Но я передумал терзать вопросами учителя рисования.

Он пил горячий белый чай, с улыбкой поглядывая вверх, на «Трех богатырей».

— А как твоя вода? — спросил он в который раз. — Старайся. У тебя получится.

— Почему вы уверены?

— Уверен, — ответил дядя Максум и положил мне ладонь на темя. А рука его показалась мне вдруг ледяной. Он так переволновался за время разговора с гостями?

Я часто его вспоминаю.

Только позже я понял, каким он был ранимым, этот бесконечно добрый человек.

Сменилась местная власть, новый секретарь райкома, побывав в гостях у дяди Максума, достал ему туристическую путевку в Москву и Ленинград, пообещав через год-два путевку и за границу.

Дядя Максум посетил в Москве Третьяковскую галерею, Музей изящных искусств им. Пушкина, а в Ленинграде — Русский музей.

Вернулся из поездки, привычно улыбаясь, но каким-то рассеянным. Мне говорили, он кому-то сказал:

— Картины великих лучше, чем я мог себе представить. Это с ума сойти, как сотворено.

И вскоре грянула беда. Односельчанам стало известно, что все свои холсты и картонки он сжег в печи. К нему прибегали, просили передать, если какие остались, работы в школьный музей. Но дядя Максум ничего никому не отвечал — сидел, небритый, босой, глядя в рокочущее пламя огромной печки.

А перед Новым годом слег и умер. И даже районные врачи не смогли сказать, чем он болел.

Одиночество сломало мужчину, говорили женщины села. Многие из них, и не только вдовые, втайне любили этого странного человека, который ни разу за все годы не произнес на людях ни одного бранного слова, всем улыбался и всем, кто хотел, дарил красивые картонки — копии великих картин.

Только почему-то целующихся лебедей не рисовал...

Усы

Из историй нашей веселой семьи

1

Нынешняя молодежь вдруг отказалась от усов, а начала отращивать смешные вертикальные серпики на подбородке, какие можно увидеть на картинах старинных живописцев, сохранивших облик королей и прочей надменной знати. Иной раз встретишь и усы, но в сочетании именно с такими волосяными полуколесиками, реже — с торчащей вверх бородкой оперного Мефистофеля.

Молодежь ищет лицо.

А я, лишь только встречу так снаряженного подростка (у него, конечно, еще и золотое колечко на левой ноздре, и серьга на ухе, и «косичка Мастера» на затылке), слышу хриплый хохот своего дядя Саши, который носил усики-треугольник, похожие на усики маршала Ворошилова.

— Бороду носит старый человек. Бороду носит мудрый человек. Мужчина должен носить усы. Пока он может действовать.

— В каком смысле, дядя Саша?

— В любом! — был ответ. И ответ казался бы запальчивым, если бы не весь облик невысокого, слегка кривоногого (привык сидеть в седле), но чрезвычайно сильного, темноликого дяди Саши, по-татарски, — Шаех. Его мы звали иногда дядя Шейх, на что он гневался.

— В нашей стране не может быть шейхов, мы уничтожили богачей как класс.

— А зачем же, дядя Саша, начальство обещает людям процветание и благополучие?

— А затем, малыш, что все это будет, но сразу у всех, постепенно. А не так, чтобы кто-то выделялся, один богач, а другой в лаптях.

— А если, дядя Саша, один работает хорошо, а другой не хочет работать?

— Воспитаем! — рубил он ладонью воздух крест-накрест, в разговорах со мной становясь как бы и сам подростком. — Заставим! В Конституции написано: кто не работает, тот не ест.

— А если он упорно не работает? А голодовка — это уже политика... я слышал...

Он замирал, уставив на меня свои вздрагивающие желтоватые тигриные глаза. И усики, треугольные его усики тоже подрагивали, словно дядя Саша принюхивался: а не пахнет ли от меня чем-то вражеским, буржуазным, не начитался ли я чего-то недозволенного... Хотя где и откуда? Кроме хрестоматии и разрешенных книг из библиотеки в руках ничего не имел. Разве что слышал россказни, которые и до нашей деревни доходили... да и сам иногда сквозь треск и вой радиоприемника поймаю неведомую станцию, где квакающим голосом кто-то рассказывает ужасные новости из жизни советской страны...

Врут, наверно.

— Врут! — прищурясь, продолжал смотреть на меня дядя Саша. — Отрабатывают деньги капиталистов. Ты мне веришь?

— Верю, — отвечали мои губы, мое горло. Кому же еще верить, как не обладателю двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Красной Звезды и десятков медалей, кто, по рассказу моего отца, переправил в свидетельстве о рождении 1925 на 1923, чтобы попасть на фронт. Когда военврач с сомнением глянул на подростка, мол, не слишком ли хлипкий, дядя Саша подпрыгнул и в воздухе вихрем перевернулся и приземлился на ноги и честь отдал! Отец к тому времени был уже в частях, но если бы оказался в селе, ни за что бы отпустил младшего братишку в пекло...

Как не верить человеку с таким взглядом, у которого пульс девяносто и даже сто, который живет, как горит. Приехав к нам в родную деревню из города, он за месяц отпуска столько полезного делает для нашей семьи, для соседей, для колхоза: поднимет ворота при въезде в нашу Разгуляевку, договорится, приведет на случку знаменитого жеребца с медалью из соседнего колхоза, прибьет доски на протекающую крышу школы, выкопает новый колодец, потому что прежний заилился, да и мусора туда много накидали мальчишки. А еще он обязательно устроит гонки без седел на самых быстроногих лошадях колхоза по лугу и сам выиграет приз — подхватит с травы растопыренными пальцами расписной платок самой красивой девушки села, а еще он поиграет с детьми в войну, побегает с нами по холмам и оврагам, гукая, изображая выстрелы, а потом покажет класс стрельбы из ТОЗовки, которую всегда возит с собой.

Сверкающий черный маслянистый ствол... гладкое деревянное цевье... насечки на боку приклада... прицельная колодка с движущейся планочкой: можно поставить на 50 метров, можно на 100... О, с каким трепетом я брал в руки это оружие! С каким восторгом я разглядывал тонкие медового цвета патроны со свинцовыми пульками...

— Дядя Саша, а на охоту нынче пойдешь?

— Я, — по-немецки отвечал мне дядя Саша, горделиво вскинув голову. Да, я забыл сказать, у него и нос особенный — с горбинкой, как у коршуна или орла. Почему-то у папы и у меня обычный, скромный... а ведь родня...

— А меня возьмешь?

— Яволь, — отвечал дядя Саша. И нарочно ломая русское слово, как если бы он был полуграмотный татарин, добавлял: Канишно. Абазателно.

После чего весело хохотал...

Никогда не забуду эту охоту на уток. У нас в те годы еще мельница на реке была, жернова крутила, сотрясая гулом и рокотом воды берега, обросшие ежевикой. Перед плотиной стояла, подрагивая, зеркальная вода, во все стороны уходили озера и старицы, поросшие белыми купавками и камышом с тяжелыми веретенами. И сюда, конечно же, время от времени приводнялись стаи крякв. Прилетали они откуда-то с верховьев реки.

У дядя Саши не было бинокля, но рыжие глаза у него зоркие, как у нашей кошки Люси, которая может с места вдруг прыгнуть на стену и шаркнуть когтями невидимого для меня комара или мушку.

— Ага! — цедил из-за стола дядя Саша, втянув губы под усики-треугольник и сверкая глазами в сторону лугов. — Летят!

— Где?! — вскидывался я и выбегал на крыльцо. — Где, Шаех-абый?

— Главное, я здесь, на месте и в нужный момент! — отвечал он, выходя на пружинящих ногах следом, на плече уже висит мелкокалиберка, в руке сумка с патронами и с двумя фляжками — с водой и водкой. — Шнеллер!

И мы бежали, старый и малый, мимо колхозной бахчи с наросшей капустой размером с футбольный мяч, мимо старых ветел, по выжженной зноем стерне скошенного луга, — я босиком, подпрыгивая, когда уколюсь, а бывший солдат в ботинках.

И чем ближе к кудрям ивняка, к рябине и ежевике, тем ниже пригибается дядя Саша, и я подражаю ему.

Вдруг слышу плеск — где-то совсем рядом на реке плеск: это утки... Вот крякнула одна, вот закрякали сразу несколько других... Какая радость! И вдруг с шумом и свистом, словно их пугнули, они взнялись и полетели прочь — низко, низко... уходят, уходят... даже отогнутые назад лапки видно... Что-то почуяли?

— Падаем! — прошипел дядя Саша, и мы рухнули, разгребая ветки еремы. Прямо перед моим ртом — сизая, туманная ягода ежевики, я ее беру дрожащими губами. Сердце бешено колотится, ягоду не могу проглотить.

— Вернутся... — щерит зубы дядя. И, подтягиваясь, ползет по-пластунски к воде, к кочкам рогоза, к розовым его цветам, к белым кувшинкам с округлыми тарелками листьев, распластанными по воде.

Я локтями уже в воде, неловко булькнул, — дядя Саша сердито оглядывается... Тишина.

Охотник, медленно развалив перед собой стволом винтовки стену камыша, изготовился и замер.

Комар лезет мне в ухо, а другие два крутятся возле носа. Но руки мои заняты: я на них упираюсь, если я освобожу их — лягу грудью в черную воду. А между тем пальцы мои в тине наткнулись на что-то шевелящееся, от страха и брезгливости я выдергиваю со чмоканием одну руку и шепчу:

— Дядя Саша, тут раки, да? — Я неплохо плаваю, я неплохо рыбу ловлю, но боюсь всего невидимого, живущего в иле: пиявок, волосоподобных существ, червей.

— Летят, — свистом губ отвечает, толком не расслышав меня, охотник.

И правда, утки, кажется, возвращаются. Сделали круг, чуть выше зеленых зарослей, и вот, не завершив второго круга, вытянув «шасси», посыпались на воду. И молча, умиротворенно закачались на сверкающей поверхности.

Дядя Саша огладил двумя пальцами свои ворошиловские усики и явно изготовился стрелять, хотя расстояние до цели неблизкое — метров семьдесят. Может, поближе подплывут?

К моему восторгу, одна неожиданно приблизилась и замерла на воде боком к нам. Почему же дядя Саша не стреляет?! Вот же мишень!

— Дядя Саш!..

Он в ответ только дернул щекой: не мешай.

Вот серая уточка совсем уж близко... Ну, почему, почему дядя Саша не стреляет??? Он боится не попасть? Тут и я попал бы.

Гребя желтыми перепончатыми веслами, птица вновь отдаляется. Эх, ты, дядя Саша! Упустил! Ну, стреляй хоть в кого.

В эту минуту охотник полуобернулся и, отлепив палец от спускового крючка и разогнув, показывает: видишь? Что он хочет сказать? Тычет то вправо, то влево.

И вновь приник к ружью.

И хлесть!.. Две уточки в середине стаи уронили головы и закружились на воде. Третья лихорадочно, тряся крылышками, помчалась сдуру прямо к берегу, а остальная стая с шумом и стоном вновь заторопилась на разбег и взлет... Но вот и утка, которая бежала к нам по воде, наконец оперлась о воздух и поднялась, и улетела...

— Иди, доставай, — хмыкнул дядя Саша, — если раков не боишься.

Слышал он, слышал мои слова про раков, заряжает ружье очередным патроном.

— Ах, не получилось!

— Что не получилось? — спрашиваю я, раздеваясь и входя по колени в помутневшую воду.

— Я же тебе показывал. Почему выжидал? Хотел поймать момент, когда шеи трех уток совместятся. Не получилось. Только две попались на линию. А ты что, в трусах полезешь? — удивился дядя Саша. — А потом сушиться. А мы еще к дальним озерам пойдем, там, может быть, подцепим.

Я растерянно стоял перед ним. Я никогда не плаваю без трусов. Все как-то боязно... укусит какая-нибудь рыба... разговоры ходили, что сомы хватают мальчишек за эти самые места... да и раки все же тут водятся... Но, превозмогая жуть под насмешливым взглядом бывшего солдата, я кладу на макушку тальника свои длинные трусы и плюхаюсь в воду.

Я быстро ухватил одну утку за лапу, а другая птица то ли утонула, то ли, еще живая, забилась под листья камыша. Я бултыхаюсь среди водяных трав, стыдясь своей ненаходчивости.

Но дядя Саша умеет и поощрить.

— Правильно ведешь разведку... а ты поднырни и снизу посмотри.

И точно, я окунулся с головой в воду и сразу ее увидел, притонувшую и подбившуюся снизу к зеленой ряске, сверху и не углядеть.

Когда я вытащил обеих уток и уже на твердом холмике берега оделся, дядя Саша сказал, нарочно коверкая слово:

— Маладис. — И, глянув на часы, которые тикали на его жилистой коричневой руке, объявил: — Идем покажем женщинам, как нужно готовить уток...

Нужно ли говорить, как хвалили нас женщины. Моя мама сразу же бросила упрек отцу:

— Шаих только немного моложе тебя, а смотри — как юноша. А у тебя пузо, как у секретаря обкома.

Отец страшно обиделся, отказался есть утку. С трудом уговорили. Уговорил дядя Саша:

— Ты, Соня, напрасно на него. Он лучше меня стреляет. Но ему нельзя браконьерничать: он тут в колхозе не последний человек, — а я приехал-уехал.

Тетя Альфия, — коротко Аля, — своего мужа, конечно, похвалила, но, как всегда, с легкой насмешкой.

— Если бы вы так на войне стреляли, до Москвы бы немец не дошел.

В ответ на это обвинение, звучавшее, надо полагать, не раз и не два в их жизни, дядя Саша зубами скрипнул, но сдержался и только руки поднял:

— Яволь, яволь... их хенде хох...

Так что без укора похвалили только меня. Особенно после того, как дядя Саша рассказал, как я полз по-солдатски, как сплавал за трофеем. Правда, не стал говорить, что плавал я совсем нагишом. До занятий в школе еще оставалась неделя, ругать меня еще не было за что, так что хвалили чрезмерно.

— Он еще покажет, как надо стрелять, — говорил дядя Саша. — У него рука твердая, а глаз острый.

После знаменательного обеда мы с ним пошли подремать на сеновал. И там вновь состоялся разговор про усы.

2

— Я думаю, братишка, ты уже понимаешь: настоящий мужчина должен носить усы, — начал, потягиваясь и вдыхая запах высохшей травы, дядя Саша. — Именно усы! Это не просто украшение. Они как маленький зонт, — чтобы никакие сопли в рот не попадали, ни при какой погоде. И они как маленький раздражитель, — чтобы женщины любили. Им нравится, я знаю.

— Что ты там ерунду городишь? — послышался снизу, со двора голос проходившей мимо тети Али. Вряд ли она в точности расслышала слова своего мужа, но она знала, о чем он может говорить после хорошего обеда. — Я тебе всю жизнь говорю: сбрей ты их! Ворошилова давно разоблачили.

— Ну и что? — повысил голос дядя Саша, приподнимаясь на локте и как бы специально отвечая ей сквозь дебри сарая. — Усы носили все великие люди — Ленин, Сталин, Молотов...

— Молотов трус, жену отдал в лагеря. Ты меня тоже отдал бы в лагеря, если бы тебя попросили твои товарищи по контрразведке?

— Брось говорить глупости, женщина. Я знаю, ты наша, советская.

— А у Молотова была шпионка?

— Вряд ли. Но Сталин имел прямые усы, а у Молотова они были бесформенные. Иди, иди дальше, это долго объяснять. — И уже понизив голос, снова опустив облысевшую, но с кудрями возле ушей голову в брошенный на сено полушубок, он продолжил разъяснение уже для меня. — Усы носили все военные люди в России, гусары, драгуны. Могло не носить усов лишь высшее командование — Суворов, Кутузов. А из нынешних, — посмотри, какие усы Буденный носит! Давай, милый, начинать растить усы. Ты как побреешь пару раз пушок над губами, так сразу начнут вставать. Но!.. — дядя Саша страстно и судорожно зевнул, — словно хотел укусить свисавший над нами слева веник табака. — Усы надо подбирать к своему характеру. Усы с загнутыми вверх кончиками — у людей уверенных в себе, но чаще просто хвастливых. А если кончики загнуты вниз, — человек упрям и много пьет. Если же усы прямые...

— Как у Сталина?

— Да, как у Сталина... его труднее распознать. — Дядя Саша сделал значительную паузу. — А вот если усы маленькие, скромные, такому палец в рот не клади.

— Как у вас?

— Как у меня. Но есть и пошлые усики — в нитку. Это жулики носят такие усы, прожигатели жизни. А если только у концов губ, — это китайцы, там другая философия. — Дядя Саша, зажмурившись, снова зевнул. — Как хорошо на родине. Я действительно служил в контрразведке... как сказала моя жена... Вот хочу тебе рассказать одну историю. Это было в Западной Украине, когда мы наконец погнали фрицев. Много народа освободили, но хватало там и предателей, шпионов... не секрет, не все хотели Советской власти... Но как ты узнаешь, кто он? Улыбается, кланяется, кивает... а сам ночью ножом солдат наших зарежет или мину подсунет под рельсы... Попал мне в руки мужичок один, круглолицый, бритый, в наколках. Говорит, уголовник, немцы заставляли воду носить, печки растапливать. Надо сказать, к уголовникам и наша власть относилась более благосклонно, но это отдельный вопрос. Вот мельком допросили мы его и хотели уже пропустить на освобожденную территорию, да что-то меня остановило. Сам не могу понять, что. По моему приказу поместили его в сарайчик и ушли. Нет, он не привязан, только куда он побежит? Побежит — его тут же пристрелят. Смирно лег на землю и лежит. А я обошел этот хлев, — он из прутьев и глины слеплен, — и в щелку смотрю на него. Час или полтора потерял, но чего-то жду. Я ведь в душе охотник, терпеливый. И вот смотрю, мужичок достает кисет с

табаком, бумагу и проводит двумя пальцами вот так... — Дядя Саша повторил жест над своими губами. — Ага, думаю, попался, у тебя усы были еще недавно... Зачем ты их сбрил?.. Тебе интересно?

— Очень, — отвечал я. — И вы его арестовали?

— За что, милый? Нет, так дело не делается. Ну, мало ли, сбрил и сбрил. Может, разонравились. Я решил с ним с другого бока разговор завести. Подсадил к нему Витьку из штрафников, он хорошо уголовный мир знает. Покачай, говорю, его на предмет биографии. А сам снова в щелочку смотрю. Витька первым делом снимает с себя одежду до пояса и показывает мужичку свои наколки. Мне будешь подчиняться, говорит, у меня видишь что нарисовано. А у тебя? Ну, тот вынужден тоже обнажиться. Витька потер пальцем пару наколок у него, — да ты еще сосунок, говорит, свежие наколки. Где сидел? Кого помнишь? И наугад имена якобы знаменитых вождей уголовного мира. Тот невпопад кивает, как если бы слышал про таких. Витька словно бы рад. А вот угадай, говорит, что обозначают такие наколки. И называет всякую абдракадабру.

— Аббревиатуру, — робко поправил я дядю.

— Ну, канично, нам, татарам, вси равна. Говорит, что такое АА. Тот не знает. «Ангел ада»! А что обозначает ГУСИ? Тот не знает. «Где увижу, сразу изнасилую». Э, говорит Витька, ты совсем еще темный. Учись, пока я жив. ТУЗ? И тот вдруг вспомнил: видно, готовился или сообразил. «Тюрьма учит закону». Верно. А вот что такое ПОСТ? А, не знаешь! «Прости, отец, судьба такая».

Тут я через охрану вызвал Витьку как бы на допрос, он докладывает: «Товарищ старший лейтенант, это — демон». Ну, нечистый, шпион. Дальше дело техники. Мы этому мнимому уголовнику прилепили паклю на место сбритых губ, повезли по селам. И в одном селе народ признал фашистского прихвостня, начальника украинских полицаев. — Дядя Саша снова судорожно зевнул, аж подпрыгнув, словно хотел укусить саму крышу. — Ну, этого в расход, а тебе — пример, насколько полезно разбираться в усах.

— В расход — расстреляли?

— А что, чикаться? Он сразу ушел в молчанку. А времени колоть его нет. Отдали по линии. Сам я рук марать с такими не стану. Я люблю честную стрельбу. — Он заглянул мне в лицо своими тигриными глазами. — С детства мечтал быть снайпером. У меня ведь, братишка, и значок где-то валяется. «Ворошиловский стрелок». Получил в шестнадцать лет, как раз перед войной... но снайперы нужны на позиционном фронте, а не как у нас... вперед, билад, по костям и кровавым лужам, а потом — обратно, билад, по таким же костям... Рано Жуков отказался от усов. Не по таланту. Ладно, это тебе ни к чему. Расти усы.

3

И я стал растить усы.

Намазав мылом, я скреб тайком отцовской опасной длинной бритвой над губой, пару раз порезался, приклеивал полоски бумаги... Пона-

чалу никакого эффекта не наблюдалось, но затем стало чесаться, и вот волосики, прежде нежные, как шелк, сделались жестче. Даже пальцем это явственно ощущалось.

И когда дядя Саша приехал в следующий раз в наше село, — время приезда снова совпало с летними каникулами в школе, — «ворошиловский стрелок» обнял меня, всмотрелся и восхищенно вскликнул:

— Эт-то совсем другое дело! Посмотри, Алечка!

Тетя Аля только улыбнулась: мальчишки есть мальчишки. Она врач, я случайно подслушал, она сказала, успокаивая мою маму: уныние укорачивает жизнь, веселый характер удлиняет. Надо всему радоваться, сказала она. Растет твой сын? Растет. А мог бы карликом остаться, в цирке выступать (это у нее шутка).

Мой же отец хмуро покосился на меня, но, занятый мыслями о производительности труда в колхозе, ничего, кажется, не увидел и не понял. Лысый, тяжелый, в майке, он с отвращением косился за окно: там не вовремя лил дождь. Мать же стряпала шаньги, мазала куриной кисточкой поверху маслом с желтком, жарила да напевала, — она любила гостей. И особенно гостей забавных, таких как дядя Саша с тетей Алей.

Поддавшись общему настроению, я в шутку назвал тетю Альфию тетей Альфой. Она засмеялась, но предупредила:

— Не называй больше так.

— Почему-у? — удивился я. — Альфа — первая буква алфавита.

— Знаю. Но так овчарок у них на службе называют. — Она кивнула на мужа. — А мы ж, женщины, птички, правда, Шаех?

Отмахнувшись (помешала), быстро проговорив:

— Да, да, да, птички, бабочки золотокрылые! Это верно! — усатый гость продолжал рассказывать мне и моей маме, подпрыгивая на стуле, как в седле: — Клянусь, я прыгнул прямо в таз! А ведь парашют ветром несет... тут надо управлять... Это тебе не на санках тормозить — правой-левой ногой...

Мама спросила:

— С какой высоты ты прыгал, Шаех?

— Из-за облаков. Прямо в таз обеими ногами! Аля свидетель.

Тетя Аля, слушая рассказы мужа, в этот приезд ни в чем его не упрекала, только ласково помаргивала мне, но нынче мне почудилась в ее улыбке, в ее глазах печаль. И причина излишней говорливости дяди Саши и печали его жены вскоре обнажилась.

— Молодежь! — вдруг воскликнул мой отец. Так просыпается лысый валун в грозу, сверкая зубами. — Не хочет оставаться в колхозе! Не хочет! Молодец твой Булат, строит, ездит.

— Строит, ездит?.. — вдруг переменившись в лице, переспросил дядя Саша. Он, казалось, мигом почернел, пальцы сжались в кулаки. — Он изменил нашему роду! Он вор!

— Как вор?.. — отец и мать недоуменно уставились на родственника. Тетя Аля махнула рукой и заплакала.

Я первый раз ее видел плачущей.

Скрежеща зубами, матерясь не впрямую, а эвфемизмами, которые в другом случае показались бы забавными, но не сейчас, дядя Саша рассказал, как опустился его сын.

— Связался с плохой, хой-хой, женщиной... пьянчушка, истинно чушка... где-то что-то украли, под суд попали... теперь сидит... на письма не отвечает, как будто мы виноваты. Он рос, екарный Истос, неженкой. Альфия, на фига, слишком его нянчила. А вот из твоего сына... — вдруг дядя Саша повернулся ко мне и больно вцепился в мои плечи своими клешнями, — я сделаю мужчину. А ну пойдем!

Под горячую руку он меня едва ли не вытолкнул во двор.

Мы прошли в тень сарая. Здесь между березой и вкопанным столбом имелся турник, сооруженный дядей еще в прошлый приезд. Перекладиной служил обычный лом.

В прошлый раз я подтянулся двенадцать раз. Непременным условием для зачета было не гримасничать. Подтягиваться со спокойным лицом. Как только я начинал кривить губы, выпячивать подбородок, дядя Саша кричал:

— Все! Аллес!

На этот раз я подтянулся семнадцать раз. На восемнадцатый, видимо, слишком сжал губы.

— Эх ты! — буркнул гость. — Давай я.

И как автомат, в свои немолодые годы, показал сорок подъемов. Спрыгнул, сплюнул:

— Я еще могу... но хватит. Альфия будет ругаться. Пойдем гири качать.

Гиря в два пуда покоилась в сенях, в темном углу, слева от двери в чулан, рядом с огромным тулупом отца, свисавшим до полу на крюке (обычный гвоздь не выдерживал).

Гирю я смог поднять только три раза, не кривя лицо.

— Эх ты!.. — горячился дядя Саша, внимательно смотревший на меня в сумерках сеней. — А еще усы растишь. Смотри на меня...

Несколько раз быстро и легко вознеся гирю над головой, он вдруг сжалился над племянником.

— Ладно. Хорошо. Наберешь мускулатуры в армии, будешь как цветочком размахивать. Но прежде всего мужчина должен уметь метко стрелять. — И с невысказанным смыслом, прищурясь, посмотрел на меня. — Ты понял? Женщины это любят. Понял?

Я смутился, кивнул.

— Завтра поедем в райцентр, постреляем в тире. Я тебе покажу, как надо стрелять.

В этот приезд дядя Саша почему-то не взял с собой мелкокалиберку.

Позже тетя Альфия расскажет, что, получив письмо от сына, он схватил свою «тозовку», заорал, что сейчас же полетит в Омск и застрелит Булата, опозорившего род, а когда тетя хотела вырвать у него ружье, он его с хрустом переломил через колено — и швырнул в угол... и заплакал, что с ним редко бывало, и рухнул на диван и пролежал до следующего утра...

4

Мы всей семьей выехали в райцентр на старом «виллисе», подаренном отцу райкомом. Заря только разгоралась. Над полем таял белый туман.

Шофер Коля с длинными усами, что очень понравилось дядя Саше, рассказал, что мальчишки отвинтили ниппель у машины, посадили одно колесо, и ему, водителю, пришлось срочно искать замену. В деревне у соседа, фронтовика Кошкина, имелся на ходу трофейный немецкий мотоцикл, и старик поделился резиновой штучкой за бутылку водки.

А поехали мы в воскресенье, потому что в райцентре в воскресенье ярмарка. Пока мать с отцом и тетей Алей ходили между телегами и лошадями, покупали пряники и конфеты, кувшины и горшки, мы с дядей Сашей прошли в тир.

Тир располагался в длинном вагончике, на его распахнутой двери был нарисован прищуренный глаз: красные веки и узкий синий эллипс с черной точкой.

— Сейчас... Я тебе покажу, парень, как надо задерживать дыханье и нажимать на спусковой крючок. Прицелиться — мало. Прицелишься правильно, а в последнюю секунду вздохнешь или выдохнешь, или слишком сильно надавишь...

Зайдя уверенным шагом в тир, где стояли, считая деньги, несколько подростков, дядя Саша изумил всех. Правда, у него не сразу получилось.

Кивнув хозяину тира, он принял в руки воздушное ружье, поцарапал мизинцем усики, вложил пульку, выпрямил «воздушку» и приложился к ней. Весь он стал как каменный. Мы вкруг замерли. Шлеп! — Мимо.

— Ага! — спокойно сказал дядя Саша. — Косит. Мы теперь так. — Шлеп! — И волк перевернулся. — Шлеп! — Вниз головой упала сова. — Шлеп! — Зайчик упал.

Ему «тирщик» выдал бесплатно пять пулек и повесил на место мишени.

Дядя Саша мигом пострелял в цель и эти пульки.

Хозяин тира, татарин с унылым лицом, выдал ему снова пять бесплатных пуль.

— Теперь давай ты, — сказал дядя Саша. — Бери чуть правее на сантиметр. Не на метр, понял?!

Из пяти выстрелов я попал три раза. Последние два раза попал.

— Неплохо, — улыбнулся «ворошиловский стрелок». — Теперь пойдем поищем наших. А то моя Аля накупит дочкам бус... будут как бабушки ходить, брякая бусами...

И тут, видимо, вспомнив о сыне, он помрачнел, больно дернул меня за руку, — и мы завернули в чайную. Дядя Саша шепнул буфетчице, та налила ему полстакана водки, он стоя выпил и минуту стоял, зажмурив глаза. Ничем не закусил...

Мы уже шли сквозь толпу на территории базара, как я вдруг увидел Нину Журкину из своего класса. В ситцевом платьишке ниже колен, с красными крупными стекляшками на шее, в сандалиях, она стояла, озираясь.

— Привет! — поздоровался я. — Ты чего тут?

— А маму жду, — морща нос, ответила Нина. — Приказала тут стоять.

— Слушай! — заволновался я. — А ты умеешь стрелять? Пойдем, я тебе покажу в тире, как надо стрелять...

И чего мне взбрело в голову звать девушку в тир?! Она мне, конечно, нравилась, да только интересно ли ей?

— Это рядом!

Она внимательно посмотрела на меня, улыбнулась. Улыбнулся и дядя Саша.

— Правильно! — сказал он. — Пусть покажет. Он отличный стрелок.

Мы снова зашли в тир. Хозяин тира невольно нахмурился, а потом показал все зубы: мол, рад. Он долго шарил в ящике стола, пока не выгреб пульки и не подал их мне. Я купил ровно пять штук.

Подражая дядя Саше, под его пристальным тигриным взглядом, я приложился к ружью, взял чуть правее, как он учил, и выстрелил.

Мимо!

— Спокойно. Бывает, — поощрил дядя Саша. — Первый раз и у меня не получилось.

Я постарался унять дыхание, прицелился... и снова промазал. Волк как смотрел на меня синими глазами, так и остался смотреть.

Нина хихикнула.

Я ничего не понимал. Я взял чуть левее. Промазал.

Взял чуть правее. Мимо.

— Ну-у, ты мазила!.. — засмеялась Нина, доставая из кармашка конфету и начиная ее сосать.

— Сейчас!.. — прошипел я и прицелился в утку. Она большая, желтая, мишень нарисована четко.

Но и пятая пулька ушла в сторону. Звонко щелкнула об стену.

Я стоял, пристыженный своей неудачей.

— Ну-ка мне, — протянул руку дядя Саша. — Дай-ка штук пять.

Продавец протянул руку в другой ящик стола, но дядя Саша крикнул:

— Из этого!..

— Тут больше нет!.. — пробормотал «тирщик».

— Давай-давай!.. Или сам зайду возьму!

Не глядя в глаза, хозяин тира протянул ему пульку. Дядя Саша внимательно осмотрел ее, а затем показал мне и Нине, близко поднеся к нашим глазам.

— Видите?

— Что? — не понял я. Я ничего не заметил.

— Они надрезаны сбоку... поэтому летят не прямо. Свинец мягкий.

Продавец страшно испугался, он покраснел, как помидор, он завопил:

— Это мой сын баловался... я убью его... я вам другие сейчас дам.

— Сын, говоришь? — скрежетнул зубами дядя Саша. — Н-ну, хорошо. Поверим, что сын. Давай ему пять штук.

Хозяин тира суетливо подал мне пять свинцовых пулек.

Я, став почему-то абсолютно спокойным, разламывая ружье и заряжая, вогнал раз за разом все пять в мишени. С визгом переворачивались звери и птицы на осях. Нина зааплодировала:

— Молоток! — и протянула мне конфетку в красивой обертке. Потом подала и дяде Саше. — Вы настоящие защитники Родины.

Я забыл сказать, что ее мать — учительница...

Дядя Саша мне подмигнул, и мы заторопились к ярмарке...

5

Мой дядя мрачнел день ото дня. Он был беспокойный, заметил на крыше кривую доску (наверное, дождь подтекает в щель), отстругал новую, залез, заменил, потом с яростью переколол все недавно привезенные дрова во дворе. Я, конечно, ему помогал, но разрубать свилеватые, у самого комля отпиленные чурки не умел, а он сильней меня, хрясть да хрясть, а если не получается, — клин вгонит, да и кувалдой сверху...

Утром он брился, торопясь, но все же аккуратно обходя усики опасной бритвой. Потом и я сбривал свои, — чтобы еще лучше росли.

Но про усы дядя Саша ничего более не говорил. Он угрюмо уходил на берег реки и одиноко сидел там на бревешке, куря «Север», папиросу за папиросой. Здесь прошло его детство.

То ли он глядел на наш деревянный, шаткий мост, по которому лошади тянули арбы, косясь на воду, то ли взгляд его бродил по дальним синим сосновым борам, что выступали над горизонтом, как грозовые тучи. А может, вспоминал Великую Отечественную войну, откуда чудом вернулся целым. «Меня и дождь не заденет, я быстро между струями бегу!» — усмехался он, когда спрашивали, не ранен ли. У моего-то отца контузия и две ямки от осколков в левой ноге...

Мешать дядя Саше я не решался. Бродил в стороне, как стреноженный жеребчик, и думал о том, как женюсь когда-нибудь на Нине Журкиной, а может, и на Насте Аксеновой, — та еще красивее, но уж очень гордая.

Тетя Альфия целыми днями с моей мамой перешивала взрослые платья для моих сестер. К вечеру они вновь стряпали перед пылающей печкой, и если дядя Саша задерживался, тетя приходила к нему на берег, несла ему — заодно и мне — горячий пирожок, обернутый в кусок районной газеты.

Неужели так горестна стала их жизнь из-за непутевого сына? Ну, выйдет он из тюрьмы, исправится. У таких хороших родителей не может быть пропащим сын.

Но вскоре я понял, что не только из-за сына горевали дядя Саша с женой.

Об этом речь зашла за столом, когда праздновали день рождения моей мамы и все выпили: мужчины — водки, женщины — красного «Кагора». Выпив, дядя Саша скрипнул зубами и закрыл глаза рукой.

— Перестань, — буркнул мой отец. — Каждому в душу с фонариком не влезешь.

— Я должен был! — прохрипел дядя Саша. — Какой же я разведчик?!

— Это на войне видно человека, — продолжал отец. — Там говно сразу вылезает. А тут...

Мать встревоженно дернула его за руку: не надо бы за столом произносить таких дурных слов.

— А тут и рентген не поможет, — продолжал отец. — Твоей вины нет.

— Как же нет?!. — сжал кулаки дядя Саша. Тетя Аля взял один его кулак в свои ладони и подула, как на угли, и разжала пальцы мужа. — Женщина, отстань!

И уже вечером, на крыльце, докуривая перед сном папиросу, дядя рассказал мне, что случилось у него на работе, в областном центре, где они живут с тетей Алей.

В последние годы он был бессменным начальником отдела кадров треста строителей. На командные места рекомендовал бывших фронтовиков. И руководство треста ему безусловно доверяло. Отношения у дяди Саши с прорабами и бригадирами были, как в армии:

— Есть! — говорили коротко, отдавали честь.

— Они были с хорошими усами, — и вдруг дядя Саша сам на себя осердился. — Дело не в усах! При чем тут усы?! «Усы, усы!..» Они были в военной форме, в сапогах. И я поверил... — бормотал он сдавленным голосом. — Поверил, как бабушка мулле! А они... они... воровали, продавали налево цемент... кирпич... арматуру... вот что они с мной сделали! — и дядя обвел шею пальцем.

— Их нашли, посадили? — спросил я.

— При чем тут посадили?! Дом, дом раскололся на улице Ленина... Ты только подумай!.. треснул!.. — и дядя Саша провел в ночном воздухе горящей папиросой перед собой зигзаг. — И кто виноват?! Кто?!

«Они виноваты», — хотел я сказать, но дядя продолжал изливать душу.

— Руководство доверяло мне.. партия... а я слепой баран, вот кто я!

Из сеней выглянула тетя Аля.

— Может, хватит, — тихо проговорила она. — Ложись спать.

— Спать, спать!.. — вдруг зарычал дядя Саша, вскакивая, босой, как он всегда любил сидеть на крыльце. — Всю жизнь спать, спать! Вот наш сын таким жуликом и вырос... А что будет с дочерями?

Тетя Аля ничего не ответила, ушла в дом.

Появился мой отец, в майке, в исподнем. Ему вставать в четыре утра, он откашлялся и резко сказал из дверей, как старший младшему:

— Шаех, тебя с работы никто не гонит! Ты докажешь, что тебе можно и нужно доверять. Перестань вести себя, как баба. — И тронул его рукой за плечо. — Всё, дорогой братишка! На нас смотрит страна.

И дядя Саша сутуло пошел за ним в избу.

6

Зимой он прислал радостное письмо, в котором через каждое слово стояли восклицательные знаки.

Его сын оказался оклеветан дурной женщиной. Один молодой следователь (есть еще честные следователи!) настоял на пересмотре дела. Нашлись свидетели.

«Мой Булат чист! как булат! Приезжайте, я вам покажу не алмаз! А покажу его письмо, где он на меня не сердится... Я боюсь пересылать письмо, вдруг потеряется! Он ее любил и не мог сказать про нее... и есть еще письма его друзей. С той женщиной он разошелся. Она отняла у него квартиру, и теперь он в общежитии. Ну и что? Еще получит квартиру. Главное — наш сын такой же честный, как все мы!»

Я был очень рад за своего двоюродного брата.

А потом время побежало быстрее... Я окончил геофак университета, поработал несколько лет в Татарстане и Башкирии, а потом (здесь нефть уже кончается) перебрался в одну из сибирских геологических экспедиций... И вот получаю приглашение на 65-летие дядя Саши.

Я не мог не поехать.

Страна к тому времени уже бурлила. В воздухе веяло сладкой и опасной свободой, в городах по столбам и стенам клеились листовки, народ собирался на митинги, люди хрипло орали друг на друга в мегафоны. Восходил, как новое солнце, Ельцин...

Дядя Саша пригласил на свой праздник двух товарищей по фронту, вернее даже, не по фронту, а по госпиталю, потому что дорогие друзья, с кем он ходил в атаку и ползал в разведку за «языком», в те времена и погибли, а кто дожил до победы, умер от затяжных болезней.

Один из приехавших, хоть и вышел на пенсию, работал учителем в деревенской школе — преподавал физкультуру и рисование. Высокий, с подавшимися вперед плечами, с большим лицом, на котором, казалось, как-то случайно расположились маленькие ясные глаза и широкие губы, и белый комок усов, и толстенный нос, он, право же, очень талантливо рисовал, что и выказал немедленно, начертив простым карандашом на листе ватмана портрет тети Али.

Почесав серебряные пряди, смущенно протянул рисунок хозяйке.

Та была в восторге.

— Вот! — закричала она мужу. — Какая я! А ты не ценишь!..

В самом деле, на рисунке она вышла очень похожей, но молоденькой.

— Почему морщины пропустил? — сердито буркнул дядя Саша, явно ревнуя гостя к жене. — Вон же у нее морщина.

— А вот не вижу... — хитро рассмеялся старый учитель и сломался в поясе, целуя руку тете Але. — Женщины — богини, у богинь какие морщины?!

Второй приятель военных времен, гладко обритый толстячок с надменно поднятым круглым розовым подбородком, подмигнул дяде Саше.

— А помнишь, как он санитарок изображал... а они ему — фу-ты ну-ты... каши, даже спиртяги не жалели...

Александр Александрович, учитель, указал пальцем на дядю Сашу.

— Зато кто лучше писал письма женам и невестам за тяжелораненых?! Тезка! «Выжжем каленым железом фашизм, но руки наши все равно сохранят нежность для вас, наши любимые!» Так?

Польщенный дядя Саша кивнул.

— Приблизительно.

Иван Федорович, толстяк, с этим согласился.

— Он и за меня сочинил... пока мне руку пришивали... Жена сохранила листочек, часто показывала: вот, дескать, тогда ты любил меня... — И вдруг гость прослезился. — Померла Аня... Иногда своими словами что-то над могилкой говорю... да теперь уж не услышит.

Дядя Саша поднялся за столом:

— Ну, хватит, хватит! Мы живые, мы честно работаем. Дети у нас хорошие.

— Хорошие, это верно, — отозвался Александр Александрович. — Мой меня похоронит, никуда не уехал.

Иван Федорович, шмыгая носом, закивал. Видимо, и у него достойные дети.

— Погодите пить! — Тетя Аля произвела руками таинственные знаки, ушла на кухню и вынесла, и подала на стол в огромной сковородке пышащий жаром балеш (читателям: не путать с беляшем! балеш и беляш различаются так же, как балет и билет на тот балет), — это мясной круглый пирог со смуглыми тестовыми виньетками, с дырочкой в середине, куда заливают, перед тем как резать, немного крепкого горячего бульона...

Дядя Саша налил водочки в синеватые рюмки гостям-мужчинам, включая меня, и себе.

— Сын не прилетел, сдают объект... он у меня ГЭС в Индии строит... Дочки поздравили... в городе грызут гранит науки... За вас, мои дорогие!

— Может, директора подождем? — негромко спросила тетя Аля.

— Пошел он! — отвечал дядя Саша, горделиво вскинув горбатый нос. Покосился на часы. — Обещал в шесть ноль-ноль, — уже семь! Это не по нашему.

— Может, занят?.. — хотело был поддержать хозяйку дома учитель рисования.

— Найн! — дядя Саша пощекотал рюмкой белые усики-треугольник и выпил.

И раздался телефонный звонок.

— Это он! — хмыкнул дядя Саша. — Всегда чует, где пьют. — И попросил жену: — Побалакай с ним. Обещали премию. А может и орден дадут наконец. Из шоколада.

Тетя Аля взяла трубку:

— Слушаю. Да, Сергей Николаевич... Что?.. Да, да. — И голос ее все более сникал. — Да. Неужели так? Нет, дома. — И жена протянула мужу черную трубку, прошептав: — Говорит, со склада опять пропал товар.

— Что он мелет? — закипая, схватил дядя Саша трубку. — Ты чего мне говоришь, директор?! Позавчера проверяли... Что?.. Да... Заперты были. Перерезали?... С-суки.

И, почернев лицом, он больше ничего не говорил.

И бросил, наконец, трубку на рычажки.

— Саша, не бери в голову... — забормотал Александр Александрович. — Сейчас такое ворье везде. Ты хоть и главный, не уследишь. Может, твои и наводку дали.

— Много украли? — спросил толстый гость. — А то скинемся? Я-то сейчас практически не употребляю, сын валит лес, деньги есть.

Дядя Саша не отвечал, он сидел во главе стола, заставленного красными и розовыми гладиолусами, съежившийся, жалкий, глядя в скатерть.

Тетя Аля вздохнула:

— С дальних ворот въехали и увезли машину телевизоров и всякой всячины. Это больших денег стоит.

— Не понимаю, — наконец, откликнулся виновник торжества. — Там ворота, просто так не открыть. Мы же на территории бывшей ракетной точки. — И вдруг, оскалясь, завопил: — Да что я говорю?! Уже топорами все оборудование вырубили... сам директор рации какие-то на дачу увез... Как может сработать сигнализация, если то и дело нет электричества?! Все на честном слове! Все бывшие военные, с Чечни и Афгана. Предатели! Наркоманы! За щепотку порошка Родину продадут!..

Дядя Саша вскочил, впал в неистовство, он рыдал, брызгая слезами вправо-влево. И убежал в спальню. И, было слышно, рухнул там на кровать.

Мы долго молчали.

— А я думаю, чего Сергей Николаевич не зашел поздравить, — тихо сказала тетя Аля. — Вот тебе и поздравил. Шаех, ну их к черту! У нас пенсия. Зачем тебе эта нервотрепка? Каждую ночь то сирена воет, то стреляют... Булат нам присылает деньги. А, Шаех?

Дядя Саша не отвечал.

— Давайте выпьем за его здоровье, — предложила тетя Аля. — Он хороший, он честный, ответственный человек.

Дядя Саша появился уже в сумерках, к программе «Время». Он, конечно, слышал, что гости ушли отдыхать в отведенную им комнату, бывшую девичью. Я сидел с тетей Алей на кухне и негромко рассказывал о своей работе в геологии.

Дядя Саша включил телевизор и тут же выключил. И сказал сам себе:

— Нас всю жизнь обманывали. Вот почему мы такие. Мы всегда были воры. И никогда не верили начальникам. Только Родину любили, как бараны озеро.

— Тише, разбудишь... — выглянув к нему, прошептала тетя Аля.

— Да мы слышим... — донеслось из детской комнаты. И оба бывших фронтовика вышли к дяде Саше.

— Все так, Саня, — сказал учитель. — Но только при Сталине меньше воровали, порядок был.

— Был. Согласен.

— В лагерях. В армии. На кладбище, — хмыкнул толстый гость.

Дядя Саша скрипнул зубами.

— Я что, не понимаю?! — И он жарко зашептал: — Но Иосифу Сталину я верил всю жизнь. Даже подражал его говору... А вот недавно

сын книги мне прислал. Нет, не у врагов напечатанные. Наших маршалов. Историков. Мне словно спичками меж ресниц глаза насильно открыли. Мы так спать не давали предателям. И знаете что в голос все говорят?! Спорят, но на чем сходятся? И генерал-полковник Шебунин, и Виктор Суворов, который иуда, и генерал Григоренко и... и... ну, не важно! К двадцать второму июня на западной границе СССР мосты были разминированы... колючая проволока смотана...

— Хочешь сказать: кто-то нарочно? — нахмурясь, опустил голову над столом Александр Александрович.

— Я тоже так хотел бы думать! Но сохранились приказы Верховного. Он даже торопил!

— Он что же, хотел обхитрить? Раньше двинуть? Я помню, все песни перед войной были об этом.

— «Если завтра война, если завтра в поход»... — промычал Иван Федорович, ерзая на стуле. — Он был дубина. Р-рябая дубина. В крови до шестого пальца ноги.

— Это сейчас мы так можем думать... но тогда глаза не видели очевидного! — ожесточенно воскликнул дядя Саша. — Под Киевом — помните? — укрепрайоны разграбленные... нашими, нашими колхозами разграбленные... бетонные доты под картошку... как вот сейчас ракетные точки... Ах, что тогда были мудаки в правительстве, что сейчас! А этот, еще усы носил!..

— Народ для него был, как солома, — вздохнул толстый ветеран. — Чтобы поджечь и ноги погреть.

Тараща рыжие глаза, моя дядя прошептал:

— Получается, в самом деле — хотел первым пойти на Гитлера?! А тот что, дурак?!

— Наверно, не дурак, если народ свой с ума свел, — откликнулся учитель.

— Но свой народ, как телят, не резал! — Иван Федорович сжал рюмку в кулаке. — А этот... Я тоже в одной книжонке почитал... ведь какая тварь... когда в ссылке жил... Свердлову плевал в суп... редкая была сука. Хотя тот тоже сволочь редкая. Еврей.

— Не говори так, — возразил Александр Александрович. — Не был бы он, был бы другой. Диалектика.

— Это немцы нам удружили с товарищем Лениным, — продолжал Иван Федорович. — Он же Бронт или как его.

Дядя Саша, обняв голову руками, мучительно безмолвствовал.

— Не говори так, — негромко повторил учитель рисования и физкультуры. — Не были бы немцы, были бы другие. В чем ты прав, Саня, мы — лапти. Варежки разинули еще со времен Рюриков. «Придите и володейте». Стыдоба!.. а чуть ли не похваляемся, сохранили в истории.

— С самого начала такие? — блеснул глазами дядя Саша.

— Да. Разве не помнишь?

— Но что же дальше-то будет? — спросил Иван Федорович. — Для чего живем?

Александр Александрович не ответил. А дядя Саша с непонятным ожесточением кивнул на меня:

— Не знаю! Вон они молодые, пусть ответят.

И мне показалось, бывшие фронтовики с надеждой посмотрели на меня. Но что я мог им ответить? Что люблю разоренную мою Родину и все же верю в ее будущее? Они тоже любят ее и тоже изо всех сил стараются верить в ее будущее. Только они хотя бы детей своих воспитывают в этой вере. А ты? «Геолог, солнцу и ветру брат»! Где твои дети? Где посаженный тобой сад? Где ты сам как личность, которая не повторится более никогда? Не спичка ли ты без головки? Не трава ли без семени? Не облачко ли пустое?

— А я ведь долгие годы... пробовал обмануть сам себя... — с надрывом произнес дядя Саша. — Нет, про репрессии я знал, догадывался... но думал, уж в военных делах он сильнее всех. Ведь фамилия: Ста-ал-лин! А он, говорят, плакал в Кремле... метался... Я бы сбрил ему усы, когда спит... — Бывший разведчик, «ворошиловский стрелок» сжал кулаки и заорал жене: — Налей нам! Помянем невинно убиенных и плененных два миллиона в первую же неделю войны. И всё, Аля, всё! Ухожу на чистую пенсию. Пусть охраняют другие. Пусть подбирают кадры другие. А я, если бы был генеральным прокурором, посадил бы сейчас всю Россию, кроме бедных старух и стариков, да, может, еще врачей-учителей, за воровство, по статье сто пятьдесят восьмая, часть вторая, пункт «б» — за неоднократные деяния...

— Перестань, — ласково отозвался долговязый Александр Александрович и обнял его за плечи.

Иван Федорович сел к ним поближе и поник головой. И я увидел на его сверкающей лысой макушке кривой розовый шрам. Видно, когда-то голова была пробита... но выжил человек...

7

Через пять лет тетя Аля пригласила меня на семидесятилетие дяди Саши. Он перенес инсульт и, кажется, выкарабкивается.

«Приезжай, — писала тетя Аля. — Он часто о тебе вспоминает. Как вы из воздушной винтовки в тире стреляли, изумляя девочек».

Но приехать вовремя у меня не получилось. Прилетел я через полгода, когда дядю Сашу уже похоронили.

По небу неслись бурые тучи, полные снега. Постоял я рядом с тетей Алей на кладбище, тупо глядя на красную жестяную звезду над могилкой.

— Он просил никаких фотографий и никакого каменного памятника. Чтобы как у всех фронтовиков того времени.

Тетя Аля рассказала, что на семидесятилетии был, наконец, Булат, и дочери явились с мужьями.

Довольный дядя Саша покрикивал на своих зятьков, заставил поднимать двухпудовую гирю, — и чтобы непременно с неподвижным лицом.

— Жили бы в деревне — дрова бы принудил пилить, — смеялась тетя Аля.

Она вспомнила, как, оставшись без работы, неугомонный ее муж томился от скуки. Когда дети уехали, играл с утра до вечера с мужиками из соседних подъездов во дворе в домино. Щелк да щелк! «Рыба! Ура!..»

— Я вышла, стала его упрекать... с кем сидишь? Тут одни пьянчушки! А он разозлился... схватил двумя пальцами — большим и указательным — край стола и оскалился: «Хочешь, отщиплю — дам как кусочек хлеба. Если моей пенсии мало. Только отстань!»

Потом дядю Сашу снова тряхнул инсульт. Он ослабел, не брился, оброс. Внезапно о нем вспомнили сослуживцы мирного времени — строители и охранники, в газету хорошую статейку написали. А из редакции позвонили и попросили фотографию.

Тетя Аля быстро полистала семейный альбом, — увы, все фотографии оказались старые и мелкие. Тогда она настояла, чтобы мужа на дому сфотографировал хороший фотограф. А перед этим пригласила парикмахера Карла Ивановича из соседнего подъезда.

Тот, балагуря (рассказывал про своих многочисленных внучек), намылил старику лицо и махом — заодно — сбрил ему усы.

Когда юбиляр глянул в зеркало и увидел, что «ворошиловских усов» больше нет, он застонал:

— Что ты наделал, парень?! Я не буду без усов фотографироваться!

Тетя Аля воскликнула, пытаясь его развеселить:

— Господи, кто это?! Ты без усов такой молодой! Твои усы мне надоели, как мыши!.

— Что, что ты сказала?!

— Тише, тише... я пошутила...

— Я сказал, не буду без усов!

Карл Иванович, по кличке Карл Маркс, растерялся.

— Ну, давайте я вам приклею обратно... они подержатся...

— Что?! Что?! — зарычал, краснея, дядя Саша.

Тетя Аля миролюбиво предложила:

— Милый Шаех, ну, давай сажей намажу... помнишь, в юности в театр играли... ты мазался...

Дядя Саша в ответ на это предложение зарыдал, как ребенок.

— Нет! Без усов не буду!.. Не буду!..

— Хорошо, хорошо, багерем (дорогой), — согласилась тетя Аля и договорилась с фотографом, что он снимет ее мужа на фотокарточку через неделю. — У него быстро растет волос, — улыбнулась она. — А лишние я сама уберу.

— Вот это другое дело, — оттаял, наконец, и дядя Саша. Хрипло дыша, он закрыл глаза. — Подождем неделю. Когда-то в школе ждал больше...

В эту ночь тетя Аля вдруг проснулась в половине четвертого, подошла к мужу и, испуганная бледностью его лица, закричала:

— Шаех!.. милый мой!.. Ты умираешь?!

— Еще нет, — пробормотал ее муж. И ей даже почудилась тень усмешки на желтом лице.

— Держись! Мы будем жить! — воскликнула жена. — Тебе дать валерьянки?

Муж не ответил. Он смотрел в потолок, словно там видел что-то очень важное для него.

Там в горящей лампочке жужжал раскаленный волосок. Тетя Аля тоже внимательно посмотрела туда, а потом оглянулась на мужа и вдруг поняла, что он уже умер...

— Я упала на пол... — рассказывала тетя Аля. — Очнулась — было уже светло....

Повесив венок из живых цветов на звезду над могилкой дяди Саши, я вернулся в родные края, где еще жива, слава Богу, моя мать. Дожидаясь в райцентре автобуса в деревню, забрел в тир. Он располагался на том же месте, в том же дощатом вагончике.

На распахнутой двери, как и век назад, щурился нарисованный глаз: в красных веках узкий эллипс с черной точкой зрачка. Какой-то дядька стрелял по мишеням и все время мазал.

— Дайте мне, — попросил я.

Старый, в морщинах, как кожаный мешочек, хозяин тира, кажется, узнал меня. Долго всматривался в лицо, поздоровался.

— А-а-а. А где наш ворошиловский стрелок?

— На соревнованиях, — ответил я. — Дайте-ка пяток пуль, я тоже теперь умею.

Он улыбнулся, пошарил в ящике стола, почему-то рука его там несколько задержалась, — и выдал, наконец, свинцовые пульки, и я начал стрелять.

В козлика... в зайчика... что такое? В тигра, крокодила... щелк, щелк еще раз!

Да что такое?! Все мимо.

— Ну-ка еще штуки три! — разозлился я.

Заплатив, протянул ладонь.

— Держи, конечно, — с сердобольным видом сказал «тирщик» и подал мне еще три пульки. Но теперь из другого ящика.

Я внимательно оглядел их. Эти были целые.

Я выстрелил — не попал. Но понял — сейчас я сам виноват, поторопился. И мысленно налив железом руки, я щелкнул по тигру, — жестяной тигр перевернулся, щелкнул по орлу, — орел перевернулся. За себя и за дядю Сашу. Пока хватит.

— Совсем другое дело! — одобрительно буркнул «тирщик».

Я посмотрел внутрь его глаз и понял. И простил.

У каждого свой промысел, пусть обманывает, если хочет. Когда-нибудь схватится за голову.

Конечно, он пустой человек — без усов. Я кивнул и пошел прочь.

Марина ГЕОРГАДЗЕ

От редакции

Уже довольно давно в редакцию «Континента» пришла небольшая поэтическая подборка: Марина Адамович прислала нам стихи поэтессы Марины Георгадзе, нашей соотечественницы, последние десять лет живущей в Нью-Йорке. Стихи нам понравились, и мы положили их в редакционный «портфель» с намерением напечатать в недалеком будущем. Надо заметить, что «портфель» этот набит довольно туго, так что до стихов из Нью-Йорка дело дошло года через полтора — только нынешней осенью. Для публикации необходимо было связаться с автором, взять биографическую справку, а заодно уточнить, не были ли за это время стихи уже где-то напечатаны. Но на звонки из редакции Марина Георгадзе не отвечала. Тогда мы обратились за помощью к той же Марине Адамович и узнали от нее, что Марина Георгадзе месяц как умерла. Так что эта подборка — посмертная дань поэтессе, жизнь которой была так коротка, что уложилась в следующие полстранички.

Марина ГЕОРГАДЗЕ родилась 17 марта 1966 года в Москве. Ей было 9 лет, когда после тяжелой болезни умерла ее мать. Эта смерть отбросила свою трагическую тень на всю дальнейшую жизнь и творчество Марины. По свидетельству отца, девочка начала сочинять очень рано — до того, как научилась писать.

Она окончила Литературный институт в Москве. За два десятилетия литературной деятельности создала множество поэтических и прозаических текстов, которые пока что хранятся в ее архиве. Печататься Марина не стремилась, сторонилась мира литературной тусовки с ее суетой и продажностью. Она сама и была самым строгим судьей своего творчества. Марина Георгадзе — автор двух книг: «Маршрут» (Нью-Йорк: Слово/Word, 1998) и «Черным по белому» (М.: Итака, 2002). Ее поэзия наполнена мотивами бренности существования, тленности материального мира, полна религиозных аллюзий. По справедливому замечанию американского критика А. Сумеркина, «чтение напечатанного наследия убеждает в том, что Марина Георгадзе была одним из самых самобытных современных русских поэтов. Ее трагическое мировосприятие подкреплялось строжайшим отношением к слову — она стремилась дойти до сути слов, когда из словес они вновь становятся Словом».

Марина Георгадзе скончалась 23 августа 2006 года в Нью-Йорке. Прах ее захоронен в Москве. Ей было всего сорок лет.

Марина Адамович

ПАМЯТИ БАШЕН

* * *

Третьей тысячи первое лето
Мы проводим в больнице Винсента.
Медсестра сообщает, что Этна
Льет огонь и золу на зонты
Сицилийцам; мы тоже могли бы
Покурить... Чистота пахнет рыбой.
Вид в окне погребально красивый.
Над дверями в палаты — кресты.

Телевизоров канонада
Над кроватями: впились в них жадно
Пациенты, сосут до отпада.
Если выключишь — плач и ной.
Их разжаловали в младенцы.
От вокзала сияющей смерти
Завернули:
— Отказано. Едьте...
— хохоча зубами, — ...домой...

Едут, едут. Никак не добраться...
«Утка» с капельницей двоятся
от таблеток; им реки снятся:
Башни в воду роняют глаза.
Башни-души;
струны и стрелы...
Ни мостов, ни паромов, ни мелей.
Мускулистую реку к цели
Переплыть ни на чем нельзя.

Третьей тысячи первая осень...
На восьми ногах, двух колесах
Мы, как Тоска с Каварадосси,
Покурить у толчка ползем.
«Час больницы, войны и мученья
Высекает из душ свеченье.
А как выпадет облегченье
— вновь друг друга со света сжуем».

Только я эту мысль сморгнула
— заискрилась осень, сверкнула
— и погасла — и вновь июлем
обернулась. Уже насовсем.
И, дробясь на экранах взоров,
Башни рухнули, на которых
Между морем и небом город
Словно сердце на нитке висел.

Лай и крылья... Бинты и пламя...
И оторванными ногами
Возит в небе больной старик.
И с улыбкой страшно знакомой
Босха бес, помесь пня и гнома,
Из угла ползет как саркома...

И отсох проклятый язык.

* * *

Я хожу, отбрасываю тень.
Мертвые отбрасывают свет.
Как стакан об пол разбился день.
Белых башен в небе больше нет.

Вместо них два синие луча
Тянут ночью соки из души.
Я брожу, пытаюсь закричать.
Раздается только мокрый шип.

Яблока не надо было есть.

Души слишком медленно растут.

Сорок лет — и вырастает честь.

Тыща сорок — может быть, взойдут
мудрость, всепрощение, любовь...
И пойдут шататься по ночи.

Молнии без глаз
и гром без слов.
И без башен — синие лучи.

* * *

Пустые скамейки. Ночные нарциссы.
Тут мы по дороге в газету курили.
Здесь ели по вторникам белую пиццу
И птицам безмозглым «кис-кис» говорили.

Отрезаны ноги — приставят протезы.
Разрушены башни — засветят прожектор.
Чего ни лишишься — на это же место
Немедленно новое что-то прилепят

— ведь двигаться надо. И времени мало.
И только, окошки считая, бездомный
Бормочет ночами:
«Скорей бы попала
Какая комета — а может быть бомба

— туда, где любили друг друга, боялись,
где красные, белые бились сирены;
где башни за нашей спиной осыпались
как будто пытались упасть на колена».

* * *

Покажи мне место
В сером клетчатом кресле
Где мама была
Где она сидела.
Я возьму маникюрные ножницы,
Вырежу дырку в мире.
Да, я вырежу дырку
В форме мамина тела
Чтобы на это место
Никого больше не посадили.

Покажи мне, где был мой кот,
Мой предатель тощий.
Где он спал клубком посреди кровати.
И я вырежу дырку,
Чтобы спать было невозможно.
Чтоб никто не смог там ни есть, ни пить, ни дышать.

Дырка в форме дерева.
Дырка — контур мужчины.
Дырка — профиль дряхлой, маленькой тети Мики,
Той, что шла всю жизнь
за конфетами в магазин.

И на месте конфет с магазинами — тоже дырки.

Так я вырежу всех покойных.
И напоследок
Там, где две полосы как от пластыря
на загорелой сини
— вырежу место, где башни летели в небе.
Эти башни были высокими и прямыми
— такими, какими и мы мечтали, но не сумели.
И потому разрушили, чтоб неповадно.
Я сделаю так, чтоб там больше не пролетели
Ни птицы, ни корабли, ни даже взгляды.

И закончу резать,
Развешу свои лохмотья:
Ни единой целой дороги.
Ни одной страницы бумаги.
Я закончу резать — тогда и придете
Советовать
Как мне думать о будущем
И заботиться о собственном благе.

2001–2003

РАССКАЗЫ

Перестройка — 75

В конце сентября 1975 года Николаю Петровичу, лишь незадолго до того защитившему кандидатскую, предложили возглавить парторганизацию НИИ. Между прочим, Всесоюзного... первой категории... с численностью только по Москве в девятьсот пятьдесят человек, плюс филиалы и экспедиции еще на полторы тысячи... В общем, не баран чихнул! Было ему в то время неполных тридцать четыре. Для периодов кризисных — в самый раз, для времен неторопливых, застойных — возраст едва ли не юношеский.

Впрочем, институт переживал в то время своего рода кризис: бывший директор — мужик крутой: фронтовик, матерщинник, любитель выпивки и женщин — не сработался с министром, был с треском снят, и на смену ему пришел руководитель новой формации, протеже министра — член-корреспондент Арнольд Виллиамович Ипполитов, тут же прозванный за отчество Шекспирычем.

Коллектив, как обычно в таких случаях, поляризовался на сторонников и противников нового директора, и Шекспирыч, тонкий политик, прошедший хорошую школу академических интриг, незамедлительно приступил к формированию своей команды, центральная фигура в которой — естественно, секретарь парторганизации. И вот тут-то выбор и пал на Николая Петровича — человека молодого, лишь незадолго до того пришедшего в институт, не имеющего, стало быть, тесных связей с оппозицией, но уже успевшего показать себя личностью независимой и одновременно с тем управляемой.

Получив предложение стать вторым человеком в этой своеобразной империи, Николай Петрович — для большинства тогда еще Коля, а для многих и попросту Коляныч — испытал противоречивые чувства. Был в них и серебряный перезвон колокольчиков тщеславия — кто в этом возрасте не честолюбив? — и самоирония от осознания подлинных мотивов решения начальства. Но главное было в другом: времена были не те, что десяток лет назад, когда Коляныча, загорелого, огрубевшего под

Юрий ГОРБАЧЕВ — родился в 1936 году в Москве. Окончил Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина. Доктор технических наук, профессор, до конца 2003 года — заведующий кафедрой геологического факультета МГУ. Автор многих научных книг и статей, опубликованных в России и за рубежом. Как прозаик дебютировал в 50-е годы: рассказ Горбачева был опубликован в «Огоньке». В настоящее время живет и работает в Новой Зеландии.

степными ветрами, пережившего первую любовь, но еще не тронутого первыми разочарованиями, принимали кандидатом в члены партии — случай для его возраста нетипичный, ставший возможным потому, что как работник завода он шел в счет квоты промышленных предприятий.

С тех пор были сполна им, заместителем начальника заводского КБ, прочувствованные последствия краха совнархозов, и перманентная неразбериха новых министерств, и вымораживание «оттепели», и распечатанные на желтой шершавой бумаге «Размышления...» неведомого дотоле академика Сахарова — трижды Героя, между прочим! — и танки на Вацлавской площади, и диссиденты с плакатами на Красной... и еще много было другого, от чего кошки скребли на душе, и все чаще после партсобраний или активов Коляныч испытывал такое ощущение, будто его хорошенько прополоскали в унитазе.

Но было и другое: восхищение благородством чехословацких лидеров, готовых отдать жизнь за подлинный социализм — тот, что с человеческим лицом, и уважение к смелости тех, кто не побоялся выйти на Красную площадь с плакатами против вторжения — Коляныч слышал о них по «Свободе», которую удалось поймать во время отпуска на Селигере; и мысль: «Эх, если бы я был на месте этих тупиц — тех, что там, наверху!..» — часто приходила теперь ему в голову. Приходила и уходила, оставляя ощущение безысходной горечи. И вдруг — стала реальностью. Пусть на низовом уровне, но все-таки на уровне Всесоюзного... первой категории... с коллективом почти в две с половиной тысячи человек...

Так ведь и глядя на Евграфа Ефремовича Дуратова, теперешнего институтского партийного секретаря, — прилизанного педанта в старомодных, напоминающих пенсне очках, главной целью которого было поставить галочку, не допустив не то чтобы шага, но хотя бы и полшага в сторону, — Коляныч, бывало, говорил себе: «Эх, если бы я был на его месте!..» На ум сами собой пришли стихи Хикмета:

Но если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если он гореть не будет,
То кто же тогда рассеет тьму?

И Коляныч дал согласие.

У него появился отдельный кабинет с секретаршей Клавдией Петровной и оранжевый «Москвич-408» с шофером Володей. И Стас Непийвода, начальник ОП — институтского опытного производства, с которым Коляныч по службе, как заведующий конструкторским сектором, поддерживал тесные контакты, пряча ухмылку в пшеничные усы, заметил:

— Первый раз вижу рыжий членовоз.

Впрочем, Стас был, пожалуй, единственным, кто продолжал с ним так вот — запросто — шутить. Отношение остальных кардинально изменилось, и Коляныч почувствовал это уже на следующий день после выборов, когда, отказавшись от услуг шофера Володи, шел от троллейбуса сквозь узкий проезд, ведущий к институтскому зданию; шел так же, как обычно,

как уже около двух лет ходил до этого среди неплотной толпы сотрудников, умеренно поспешавших к институтскому звонку. Выглядело, однако, так же — да не так. Раньше он был членом этой толпы, ее частицей, на него не обращали внимания, а если обращали, — небрежно кивали, подмигивали, подшучивали, жаловались на отсутствие здоровья после вчерашнего бодуна. Теперь же ему уступали дорогу, заискивающе улыбались. И тяготясь этой двусмысленной метаморфозой, он улыбался самой простецкой улыбкой, на какую только был способен, как бы говоря:

— Да вы что, мужики? Это же я, Коляныч!

А они, с полупоклоном:

— Приветствуем, вас, Николай Петрович!

И уж совсем нелепо получилось в конце, когда Сережа Тучков — слесарь ОП, проворно забежав вперед и, широко распахивая перед Колянычем парадную институтскую дверь, провозгласил:

— С избранием, комиссар! Так держать!

— Ну, ты, Серж, даешь! — пробубнил Коляныч и вошел внутрь.

Дела образовались сразу: доказать жалующейся на мужа жене, что все возрасты покорны любви, а не партийной комиссии; объяснить жалобщику мужу, что обращаться ему следует к сексопатологу, а не в партбюро; убедить начальника первого отдела — бывшего полковника-гэбиста, что если сотрудник хочет поехать на курорт в Болгарию, это еще не измена Родине, даже если у него допуск по первой форме. Еще надо было написать доклад к 7 ноября, согласовать его с Шекспирычем, утвердить на партбюро, а потом передать на согласование в райком... А ведь так хотелось, чтоб доклад не был пустым набором трескучих фраз! Но все это, хотя и требовало времени, было мелко, непринципиально, не было той перестройкой институтской общественной жизни, которая хотя бы отдаленно, пусть для начала, как в тумане, обозначила бы светлые черты социализма с человеческим лицом.

Начинать надо было с чего-то другого.

— Жди случая, — посоветовал Непийвода. И с этой своей скрытой в пшеничных усах улыбочкой добавил: — Когда рак на горе свистнет.

Случай тем не менее представился неожиданно быстро. На третий или четвертый день Колянычева секретарства из министерства пришло письмо:

«В связи с приближающейся 58-й годовщиной Великого Октября Вашей организации выделены 7 правительственных наградных знаков. Из них:

Знаков первой категории — 1

Знаков третьей категории — 1

Знаков четвертой категории — 2

Знаков пятой категории — 3.

Вам надлежит представить в министерство подписанный треугольником и согласованный с РК КПСС список из 7 кандидатов на награждение, из которых: 60% — научных работников, 15% — ИТР, 15% — рабочих, 10% — служащих, 40% —женщин, 30% —комсомольцев, 25% — беспартийных, 5% — нацменьшинств».

Коляныч почесал затылок, задумчиво перечитал письмо. С процентами вроде бы было ясно. В том числе с 5% на нацменьшинства. Но что означало само понятие: правительственный наградной знак?

— Это же ордена и медали, — подсказала, заглянув ему через плечо, вечная здешняя секретарша Клавдия Петровна. — Первой категории — орден Ленина, третьей — Трудового Красного Знамени, четвертой — «Знак почета», пятой — медаль «За трудовую доблесть».

— Почему же прямо не назвать?

— Бдительность! — многозначительно пояснила Клавдия Петровна. — Между прочим, по правительственным наградам у Евграфа Ефремовича подготовлен трехлетний план. До 1978-го.

Найти план в образцовом хозяйстве Клавдии Петровны и Колянычева предшественника Дуратова не представило труда, и, разглядывая аккуратно вычерченную, заполненную каллиграфическим почерком Клавдии Петровны таблицу, Коляныч быстро понял то, о чем догадывался и раньше, еще работая на заводе: в большинстве организаций есть некая обойма потенциальных передовиков, некий ежегодный пасьянс, в котором одни фамилии появляются с астрономической регулярностью, а других не встретишь никогда. И думая о «других», тех, кто скромно, без лишнего шума делает свое полезное дело, Коляныч решил, что ломка этого несправедливого порядка как раз и может стать тем пробным камнем, или хотя бы камушком, с которого ему следует начать.

Проблема, однако, заключалась в том, что более или менее хорошо он знал только сотрудников тех четырех лабораторий, с которыми имел дело возглавляемый им конструкторский сектор, в то время как всего лабораторий в институте было 18. По-настоящему же хорошо он знал только рабочих — сотрудников опытного производства, в котором бывал практически ежедневно, со многими из которых успел съесть немало соли, реализуя прихотливые задумки институтских «резерфордов», а с начальником ОП — Стасом Непийводой, бывало, и выпивал стопку-другую — причем, в соответствии с фамилией Стаса, не воды, конечно.

Отношение Коляныча к рабочим вообще было особое: как-никак, он около восьми лет проработал на заводе, почти ежедневно общался с рабочими — работягами, как звали их многие, но не он, — и иметь с ними дело бывало ему легко и даже приятно. Конечно, лексикон у них был не для дамских ушей, и редко кто из них пользовался носовым платком, но зато в глазах у них было то, что на языке, и, если они хлопали тебя по плечу и говорили, что уважают, этому можно было верить.

Институтские рабочие отличались от заводских. Зарабатывали меньше, но и спины у них к вечеру не бывали мокрыми. И еще, здесь они были особой кастой: представителями гегемона, и хотя их было мало, около двадцати человек, — 2% от институтской численности, — наградных знаков им полагалось 15%. Как раз наоборот — по сравнению с нацменьшинствами. И когда замминистра или второй секретарь райкома — тот, что по промышленности, — приезжали в институт, далеко не каждая лаборатория удостаивалась их посещения. А вот в ОП высокий гость

приходил всегда и персонально, за руку, здоровался с видными представителями рабочего класса.

Видных же было двое: слесарь Сережа Тучков и токарь Иван Иванович Авдонин.

Сережа был высокий, статный блондин с плакатной комсомольской внешностью, и фотография его одно время даже украшала районную Доску почета. Слесарь он, правда, был никудышный, и тонкую работу Непийвода ему не доверял, зато мог и был готов сказать несколько слов с трибуны, участвовал в работе участковых избирательных комиссий, не гнушался возглавить выход на овощную базу.

Авдонин же — Иван Иванович — был прямой ему противоположностью: тоже высокий, но грузный и в летах, а слово от него услышать можно было раз в год, и вот именно, что по обещанию: то есть вроде как хорошенько попросив. К примеру, когда Шекспирыч, посещая по случаю очередного праздника ОП, почти заискивая, торопился пожать Авдонину руку, тот, с неторопливой значительностью отвечая на рукопожатие начальства, только и произносил: «Арнольду Вильямычу». Зато борозды Иван Иванович не портил, какую бы замысловатую деталь ему ни заказали. А в тех нередких случаях, когда ОП гуляло и к обеду кто спал под верстаком, а кто — на скамейке в раздевалке, Иван Иванович по-прежнему несокрушимо, хотя и слегка пошатываясь, возвышался над своим ДИП-300 производства 1943 года и точил, точил, точил предусмотрительно еще с утра зажатую в патроне болванку. И можно было не сомневаться, что если бы Шекспирыч по чьему-то недосмотру посетил ОП в столь неподходящий момент, Иван Иванович не уронил бы чести рабочего класса и, отвечая на рукопожатие, с неторопливой значительностью произнес бы: «Ар-р-нольду Виль-ль-лямычу».

И конечно, оба они — Тучков и Авдонин — были в обойме награждаемых. Был еще и третий — бессменный профорг ОП Глушков. Коляныч же сразу, словно это давно вызревало в его мозгу, подумал о четвертом — слесаре по фамилии Карпучик. Имени он не знал, и вряд ли кто, кроме кадровиков или нормировщицы ОП Валентины, мог ему его подсказать.

Карпучик, невысокий тщедушный белорус с льняным хохолком, не производил впечатления человека нелюдимого, однако молчалив был настолько, что и Авдонина можно было назвать по сравнению с ним говоруном. Краснел по поводу и без повода, как девица, и хотя было ему далеко за сорок, издали напоминал подростка. Специалист был нормальный, и если в чертежах не было ошибок, делал, что требовалось. Когда же надо было грузить металлолом или чистить задний двор от стружки, Непийвода, не задумываясь, назначал Карпучика. На фотографии в стенгазете, выпущенной Глушковым и Валентиной по случаю Тридцатилетия победы, Карпучик был снят в пилоточке, с висящей на перевязи рукой и с двумя медалями на гимнастерке. А как достаются солдатские медали, Коляныч знал от отца, тоже прошедшего войну не в больших чинах.

Коляныч давно посматривал на Карпучика с чувством неосознанной симпатии и теперь подумал, что он, пожалуй, и есть тот скромный труженик, в котором должна персонифицироваться задуманная им перестройка институтской жизни. По крайней мере, ее начало.

Вечером того дня Коляныч был на первом для себя совещании в промышленном отделе райкома и, когда перешли к «разному», высказался в том смысле, что посылать ученых — кандидатов и докторов наук — перебирать капусту на овощной базе нерентабельно для государства и оскорбительно для ученых. Остальные секретари, слушая его, только усмехались, а заведующий отделом, красноречиво повертев пальцем у виска, спросил, довольно, надо признать, добродушно:

— Тебя сюда на парашюте сбросили?

И Коляныч окончательно утвердился в решении начать перестройку с малого — с наградных дел.

Позвонив утром Непийводе, между прочего спросил:

— Кстати, что представляет собой Карпучик?

— В каком смысле? Как слесарь? Или как подсобный рабочий?

— Как человек?

— Как человек... — И на другом конце провода Коляныч почувствовал, как оттопырились в ухмылке пышные Стасовы усы. — Человек он выдающийся. Теперь таких нет. Последний девственник в институте и его окрестностях.

— Это как же?..

— Да так... Не женат. Живет с мамой-папой. Ухаживает, как за малыми детьми.

— И что здесь плохого?

Коляныч вспомнил, как, стоя однажды, еще в мае, на автобусной остановке, той, что на набережной против института, увидел Карпучика, заботливо ведущего под руку сухонькую, деревенского вида старушенцию в плисовой душегрейке. Позади, опираясь на самодельную клюку, ковылял сгорбленный старикан.

«Что ж, — подумал с теплым в душе чувством Коляныч, — это ничему не противоречит. Скорее наоборот».

— А как он насчет... этого?

— Зеленого змия, что ли? Тоже нетипичный. По меркам опытного производства, можно сказать, непьющий. А вот поет хорошо. Как-нибудь приходи послушать.

— Поет? — удивился Коляныч и попытался представить себе молчаливого как рыба Карпучика поющим... Не получилось.

После паузы сказал:

— Хочу включить его в список на награждение. Орденом «Знак почета». Как смотришь?

— Карпучика?! — хмыкнул Стас. — Ну, взлитыв орел по пид небо! А как же зубры мирового пролетариата — Тучков... Авдонин?

— На этот раз перетопчутся.

— Думаешь? Непривычно, однако...

«Привыкнете», — подумал Коляныч и, позвонив в кадры, попросил принести личное дело Карпучика.

В конечном счете список кандидатов на награждение лишь одной фамилией не совпал с планом, подготовленным Дуратовым несколько месяцев назад, — прогресс, прямо сказать, был небольшим. Но не сразу и Москва строилась. Секретарствовал-то Коляныч чуть больше недели. Главное — начало перестройке было положено. Процесс пошел!

Шекспирыч, выслушав его резоны, задумчиво произнес:

— Карпучик... Фамилия какая-то не наградная. Он не из?.. На них ведь только 5%, — он пощелкал на калькуляторе, — ноль, запятая, тридцать пять сотых знака... А у вас целый получается?

— Белорус, — коротко пояснил Коляныч.

— Белорус? Хм... Другое дело!.. Белорус — это хорошо! Пора избавляться от лизоблюдов этого... — Шекспирыч язвительно выговорил непристойное прозвище бывшего директора. — Надо активнее формировать свою команду. — Торжественно указуя на стену, где висел плакат с портретами членов политбюро, провозгласил: — Рабочий класс нас поймет!

Председатель месткома, интересующийся только путевками и жильем, не глядя подмахнул список, мастерски сформированное Шекспирычем партбюро утвердило его тоже практически не глядя, хотя и при одном воздержавшемся. Воздержался Евграф Ефремович Дуратов.

— Сомневаетесь в Карпучике? — спросил Коляныч, когда они остались одни.

— Да как вам сказать... — Евграф Ефремович отвел глаза и принялся протирать свои старомодные, похожие на пенсне очки. — Здесь ведь знаете как? Только тронь... — Близоруко щурясь, он очертил взглядом некий круг, давая понять, что имеет в виду под словом «здесь». Не ясно было, правда, что попадало в границы круга — просторная комната партбюро, институт или страна в целом.

Утром заглянул Сережа Тучков. Сесть отказался. Размашисто расхаживая из угла в угол, сказал:

— Так, комиссар! Значит, мы больше не нужны.

— Кто это — мы?

— Кто всегда в первых рядах. Кто жизнью рисковал.

— Где это ты, Серж, жизнью рисковал — на овощной базе?

— Да нет, не на овощной. Когда чехословацких друзей уму-разуму в шестьдесят восьмом учил. С брони танка. Не щадя жизни.

— И чью жизнь-то не щадил — чехословацких друзей?

— Ясно, комиссар! На кого обопрешься в трудную минуту? На бывших подкулачников? — Сережа решительно шагнул к выходу — хотел, видно, хлопнуть в сердцах дверью, но в последний момент придержал ее и прикрыл аккуратно.

В целом наградная эпопея не привлекла к себе особого внимания, и вскоре о ней вовсе забыли. Вспомнили лишь в середине декабря, когда в министерстве, с большой почему-то задержкой, состоялся сам торжественный акт вручения. В лабораториях событие это отметили как положено —

междусобойчиками; приглашали и Коляныча, он под разными предлогами отказался, но когда позвонил Непийвода и сказал, что рабочий класс ждет, отложил бумаги и спустился на первый этаж — в ОП.

Здесь все уже было готово. Посреди слесарного участка тянулась вереница собранных со всего ОП столов, покрытых с одного конца зеленой суконной скатертью, а дальше — листами ватмана и синьками; во главе, там, где зеленая скатерть, сидел виновник торжества с орденом на одном лацкане пиджачка и двумя медалями на другом; рядом, полуобняв его, восседал разрумянившийся, широко улыбающийся Сережа Тучков, потом — Непийвода, Глушков, Авдонин, нормировщица Валентина, все другие, и, когда Коляныч вошел, Сережа, вскочив, кинулся ему навстречу со словами:

— Проходи, комиссар. Ждем!

— Проходите, Николай Петрович, — выговорил Карпучик, тоже вставая и показывая на свободное справа от себя место. — Спасибо, что пришли.

Говорил он неожиданным для его облика баском, и Коляныч подумал, что, в сущности, впервые слышит его голос.

— Тебе начинать, — подтолкнул Непийвода.

Коляныч поднялся с фужером в руке:

— Что тут скажешь? Дело ясное. Предлагаю тост за Владимира Максимовича Карпучика — скромного человека, честного, безотказного труженика, мастера своего дела, надежного товарища, прекрасного сына. Побольше бы нам таких!

— Побольше бы! — подхватил Сережа. — За Володю! Передовика труда!

Все стали чокаться с Колянычем: Глушков, Непийвода, Сережа, Валентина... И Авдонин, протягивая стакан, степенно и, как показалось Колянычу, с притаившейся в глазах ухмылочкой произнес:

— Николай Петровичу.

Коляныч только пригубил свой фужер, ему попеняли на это, и тут Карпучик опять удивил его, сказав:

— Не давите. У Николая Петровича дел хватает. Сам знает, сколько ему положено.

— За комиссара! — воскликнул Сережа, привставая. — За нашего скромного принципиального Робеспьера!

— Вот-вот, — поддакнул Непийвода. — Именно! За Робеспьера!

И все опять стали чокаться с Колянычем.

Потом выпили еще и еще. Коляныч смущенно поеживался со своим почти не начатым фужером — между прочим, единственным здесь: у остальных, кроме Карпучика, пившего маленькими стопками, были граненые стаканы. Краем глаза Коляныч наблюдал за своим протеже. Был тот не пьян, хотя, возможно, и не совсем трезв; по лицу его шли красные пятна, но, пожалуй, это не было проявлением обычного для него смущения, а если и было, то лишь отчасти; в глазах появилась какая-то несвойственная ему раньше живость; и вообще это был совсем другой

сейчас человек. Неожиданно встав со стопочкой в руках и обращаясь к Колянычу, Карпучик заговорил:

— Вы, Петрович, не сомневайтесь. На нас положитесь. Наперед всего — рационализаторство и изобретательство. Кладовщицу к Валентине перевесть, а в ее помещении кульман поставить, чтоб нам мысли на бумаге чертить. Координатно-расточной — в заднюю комнату: там пыли и влаги поменее...

— Не горячись, не горячись! — одергивал его Непийвода. — Не время теперь. Ты, Серж, брось ему подливать!

Но остановить Карпучика оказывалось непросто. Да и Сережа его поддерживал:

— Пусть говорит! Дело предлагает.

— На заднем дворе будку убрать, — не унимался Карпучик, — контейнер передвинуть, на том месте — стеллаж под трубы...

«Вот оно — творчество масс! — думал с чувством растущего к себе уважения Коляныч. — Надо только уметь его разбудить».

— Первый раз его таким вижу, — словно оправдывался Непийвода. — Ты осади, Максимыч, осади. Будет еще время. Завтра поговорим. Спойка лучше. Спой, Владимир Максимович. Давно не пел. Вместе давай.

Карпучик замолчал.

— Спой, — сказал кто-то из рабочих.

— Спой, Максимыч, — попросила Валентина.

— Давай, Максимыч, — присоединились остальные. — Про клен, — просили одни. — Гвардейскую! — настаивали другие.

— Гвардейскую, — задумчиво сказал Карпучик и встал, звякнув медальками.

Наступила тишина. Он склонил голову, уставился в стол. Кровь уходила от его лица, красные пятна поблекли. Помедлил еще несколько секунд, обвел всех невидящим взглядом и запел:

Поля зазеленели, деревья зашумели.
Приказ мне отдает отчизна-мать.
Прощайте, дорогие, товарищи, родные,
Страну я уезжаю защищать.

Сережа подхватил, за ним, разом, подсоединились остальные, и голос Карпучика — глуховатый, несильный — практически исчез в этом нестройном хоре. И тем не менее было очевидно, что он здесь коренной, он ведет — взглядом, мимикой, движением губ:

Мы знаем: враг коварный, коварный и жестокий.
Отцов, убитых братьев не забыть.
Огонь пожарищ вижу, фашистов ненавижу,
Я должен за убитых отомстить.

Коляныч впервые слышал эту с военных лет сохранившуюся песню, а остальные, похоже, давно ее знали, теперь пели, и даже Непийвода шевелил своими почти скрытыми щеткой усов губами.

В тот день Коляныч впервые за последнее время вернулся домой засветло. Стоял легкий сухой морозец, и после обеда Колянычи всем семейством — старший, младший, мама Вера и спаниель Щен — отправились на Воробьевы горы. Благо совсем близко! Потом мама пошла готовить ужин, а остальные трое играли под фонарем в футбол в дворовой хоккейной коробке.

— Пап, ты сегодня такой веселый! Приходи рано почаще. Обещаешь? — просил Коляныч-младший.

— Обещаю, — обещал старший.

— Обманешь ведь, — сомневался младший.

В институт наутро Коляныч пришел раньше обычного. Лаборатории еще были пусты, и только окна первого этажа — там, где ОП, начинавшее с восьми, — ярко светились неоновым светом. Клавдия Петровна тоже уже была на месте, и на его письменном столе ровной стопкой лежали подготовленные ею бумаги. Коляныч позвонил Непийводе. Телефон долго не отвечал, и он собрался уже перезвонить позже, но тут трубку сняли, и он услышал голос Стаса:

— ОП слушает.

— Привет! — бодро поприветствовал Коляныч.

— Привет, — ответил Стас непривычным — скучным — голосом.

— Как вчера закончили? — спросил Коляныч с чувством легкой тревоги.

Непийвода молчал.

— Ты там не оглох? Как, говорю, вчера?

Непийвода по-прежнему молчал, и Коляныч нервно спросил:

— Что-нибудь случилось? Как юбиляр?

— Его больше нет, — сказал Непийвода.

Коляныч отчетливо услышал удары собственного сердца:

— То есть? Не понял?

— Переходил набережную, прямо против института — к автобусной остановке. Освещение плохое. Был выпивши... Не то чтоб пьян... Ну, ты знаешь — возбужден. Сбила машина.

— И где он сейчас?

— А не пошел бы ты!.. — взорвался Стас. — Где он может быть?! В морге! Где еще?

В голове у Коляныча всплыл погожий майский денек, когда он, стоя на автобусной остановке — той самой, что против института, — увидел Карпучика, прогуливающего по набережной двух симпатичных старичков, — старушенцию в плисовой душегрейке и сгорбленного старикана с самодельной клюкой.

— Родители знают?

— Послушай, отвали! Робеспьер! — опять взвился Непийвода. — Валентина к ним поехала. А Глушков — в морг. Ты там местком пошевели. Пусть раскошеливаются.

Он бросил трубку, и Коляныч еще долго слушал зуммер отбоя. Потом машинально взял лежащую сверху бумагу. Это было письмо из министерства:

«В связи с завершением календарного года Вашей организации выделены 7 отраслевых наградных знаков «Победитель социалистического соревнования».

Вам надлежит предоставить в министерство подписанный треугольником список из 7 кандидатов на награждение, из которых: 60% — научных работников, 15% — ИТР, 15% — рабочих, 10% — служащих, 40% — женщин, 30% — комсомольцев, 25% — беспартийных, 5% — нацменьшинств».

К углу письма была аккуратно пришпилена выписанная каллиграфическим почерком Клавдии Петровны записка: «По "Победителям социалистического соревнования" имеется план на этот и будущий год».

Следующая бумага была из райкома: «График выходов на овощную базу в январе 1976 года».

Заверещал телефон. Коляныч снял трубку. Звонил заведующий промышленным отделом райкома:

— Говорят у тебя там ЧП: погиб передовик производства?

— Погиб, — подтвердил Коляныч, соображая, какую помощь попросить у райкома для оставшихся без кормильца стариков.

— По пьянке, — не то спросил, не то констатировал заведующий.

Коляныч не ответил.

— Сочувствую. С кем не случалось. Плохо другое: нам звонили, что ты инициатор. Ну вроде как начал ты.

Коляныч молчал. В сущности, если толковать расширительно, так оно и было: начал, бесспорно, он — он с этой своей пижонской идеей перестройки сломал хрупкий порядок, сформированный его предшественником в уверенности, что любая перестройка здесь обречена. Вина была действительно на нем.

— Ну ты, конечно, знаешь, кто звонил?

— Понятия не имею.

— А вот это неправильно, — не одобрил заведующий. — Свой партийный актив надо знать. Зеленый ты еще. На первый раз подскажу. Между нами, конечно. Сережа сигнализировал, Тучков... — заведующий помолчал. — И это скверно. Если б кто другой, я б спустил на тормозах, а этот — ты же знаешь, какое говно. — Он опять помолчал. — Ты, кстати, пришли его ко мне после обеда.

— Для выяснения подробностей? — полюбопытствовал Коляныч с сарказмом в голосе.

— Да на хрен они мне нужны, твои подробности. Парткомиссия пусть с ними разбирается. У нас тут другое: делегацию в Чехословакию формируем: норма на рабочих — три человека. Два у меня есть, хочу его включить.

— Вот это верно! — восхитился Коляныч. — Серж у нас бо-ольшой спец — что по Чехии, что по Словакии!

— Так вот и я о том, — в тон ему ответил заведующий. — Будет третьим.

Влад и другие

Флобер говорил: «Мадам Бовари — это я». Перефразируя, скажу: я в той же мере герой этого рассказа, в коей Флобер — мадам Бовари.

Влад вошел в мою жизнь опосредованно, через Гурия Андреевича Курочкина. Помнится, я как раз закончил доклад, посыпались вопросы, приглашения прийти, приехать, выступить на семинарах, техсоветах... Ажиотаж объяснялся просто: речь шла о технологии, позволяющей повысить добычу нефти, а нефть — это денежки, и к ним нынче особый интерес. Ну, и не сочтите за нескромность, я умею представить товар лицом: если бы я сам не сказал, никто бы и не заметил, что результат получен на эвристическом уровне и это, стало быть, пока не теория, а только гипотеза, над которой надо еще потрудиться.

Но и уничижение неуместно — результат был сильный. Один из тех, что случаются, когда годы барахтаешься в мешанине фактов, расчетных и экспериментальных данных, взаимоисключающих домыслов и догадок, и в какой-то неожиданный, ничем не примечательный момент в мозгу вдруг вспыхивает (на самом-то деле — созревает!) поразительная по простоте и логичности идея, разом преображающая мешанину в стройную концепцию, в которой каждый факт находит свою нишу, может быть объяснен и сам служит объяснением; и ты, потрясенно схватившись за голову, восклицаешь: «Эврика!» Не вслух, конечно.

После двух с лишним лет вызревания так случилось и теперь; и, как уже бывало раньше, сразу стал ясен тот перечень экспериментов, который следует провести, чтобы сделать гипотезу теорией. Я планировал выполнить их до доклада, но не успел — времени было в обрез.

И еще, у меня не хватало денег.

Вообще-то денег надо было не так много: свою экспериментальную базу, в частности уникальную установку высокого давления, прозванную на факультете Дарьей, я создавал годами, немало министерских порогов обил в советские времена, и теперь нужно было купить лишь пяток чипов на Митинском рынке. Всего — на 120 долларов. Но именно их-то у меня и не было.

В принципе, я мог бы профинансироваться без ущерба для семейного бюджета из денег, зарабатываемых в маленькой издательской фирме нашего доцента Голубко, где я подвизался в качестве редактора англо-русских технических переводов. Но, хотя переводы милых — ни черта не смыслящих в технике — дам с филфака приходилось делать практически заново, платил деловой человек Голубко копейки, конкретно — два доллара за страницу. Для экспериментов этого было явно недостаточно, и как раз накануне я, наконец решившись, отказался от этого обременительного сотрудничества.

Во время доклада я забыл о проблеме 120 долларов, но сразу вспомнил, отвечая на вопросы, и как раз в этот момент ко мне подошел Гурий Андреевич.

Пока шла толкотня, он терпеливо выжидал в сторонке — среднего возраста, среднего роста, средней упитанности господин, а когда вокруг улеглось, шагнул вперед, протянул руку и приятным баском сказал:

— Поздравляю, профессор. Прорыв! Большой прорыв! Чувствуется школа МГУ. Курочкин, Гурий Андреевич. Представляю ЗАО «УИНТЕП».

Что «ЗАО» означает «закрытое акционерное общество», я знал — на это моих знаний конкретной экономики хватало, но что крылось за аббревиатурой?..

— Занимаемся повышением нефтедобычи, — пояснил Гурий Андреевич. — В данный момент организуем производство на «Физприборе». Для начала — небольшая партия существующего типа, ну а потом — новое поколение. И тут уж без вас не обойтись. От физприборовцев, собственно, и узнали о вас и о сегодняшнем докладе.

— А как расшифровать «у-ин-теп»?

— Представьте, не знаю. Осталось от прежнего владельца. — Он смущенно улыбнулся. — Руководство направило меня выслушать ваш замечательный доклад и поинтересоваться возможностью сотрудничества. Разумеется, на взаимовыгодной основе. Вы не согласились бы встретиться с моим шефом? Владислав Дмитриевич готов приехать лично.

Похоже, появлялась реальная возможность получить заветные 120 долларов, да еще и реализовать свои идеи на «Физприборе». Кто ж не согласится?

Договорились встретиться на следующий день в 14.30 на ступеньках главного здания МГУ со стороны Клубного входа.

В 14.20 я был в условленном месте: есть во мне эта неистребимая провинциальная привычка приходить всюду раньше времени. Кругом была суета сует — кто из университетских людей не знает вавилонского столпотворения Клубного входа в погожий сентябрьский денек, когда первокурсники, опьяненные взрослостью, причастностью к студенческому братству, возбужденные, сексуально раскрепощенные, вываливаются из дверей, штурмуют автобусы или веселыми компаниями отправляются прожигать жизнь на Воробьевы горы! Смотреть на них и думать, что вот скоро моя Ленка будет среди таких счастливчиков, было тоже весело, и я стоял, жмурясь на солнышке, забыв о снедающих меня заботах.

— Отличный денек! — вернул меня к действительности незнакомый голос. — Не узнаёте?

— Выпуск восемьдесят девятого года? — предположил я с высокой долей уверенности.

— Почти угадали. Девяностого.

Незнакомый голос принадлежал, понятное дело, одному из наших выпускников-троечников: тех, кто поспособнее, помню пофамильно.

— Мне как раз к вам.

Я холодно посмотрел на троечника. В памяти всплыло нечто неопределенное, серо-худое. Теперь это был один из тех, кого называют «качками». Темно-вишневый пиджак и прочие атрибуты туалета не вызывали сомнений относительно его нынешнего социального статуса.

— Чем обязан?

Вопрос был риторический: как правило, такие приходят просить за кого-нибудь из родственников или знакомых. И я не ошибся: речь пошла о младшем братишке, хвост которого по моему предмету принял угрожающие размеры.

— Лужников? — спросил я, хотя сомнений и по этому поводу быть не могло: хвостистов в моем списке числилось пяток, но только один претендовал на отчисление.

— Опять угадали. Он, конечно... с ленцой.

— Мягко говоря...

— Да я — из-за родителей. Мать плачет, ночами не спит. Ведь забреют — и в Чечню... А там... Сами знаете! — Он выдержал паузу. — Помогите! Премиальный фонд у меня более чем...

Ох уж эта проблема — претендентов на отчисление! Казалось бы, чего проще: не способен учиться — отвали. Но в нашей реальности все непросто: ведь и впрямь забреют — и в Чечню. А там, глядишь, пуля в лоб или оторванные ноги... Получается, ты берешь на себя роль судьбы. От твоего «уд» или «неуд» зависит, возможно, человеческая жизнь, то, чем вправе распоряжаться только Господь Бог. Вот почему мой список претендентов, как правило, пуст, а уж если кто-то в нем нарисовался, — дело действительно из ряда вон. Знаю, что доброхоты этим пользуются, играют на моей беспринципности, а отказать не могу. Если только они не совершат ошибку, намекая на премиальный фонд... Тут я, мягко говоря, обижаюсь. Внешне как всегда невозмутим, а внутри все закипает: уж очень это, согласитесь, для российских условий банально, когда в тебе изначально видят взяточника. А банальность для меня — высший критерий негативности.

Тоном, который не должен был оставить у Лужникова-старшего иллюзий, я сказал:

— Времени у вашего младшего брата было предостаточно: все лето. Я его крови не жажду. Выучил — пусть приходит, не выучил — говорить не о чем.

— Да он... вроде как... не может.

— А не может, пусть сменит специальность. Вы-то, как я понимаю, тоже пошли не совсем по специальности?

— У меня свой бизнес.

— И какой, позвольте полюбопытствовать?

— Охранный.

— А-а, ясно. — Что такое в наших условиях охранный бизнес, я представлял, читал в «МК». — Вот и охраняйте брата. Поезжайте с ним в Чечню.

— Я и вам могу помочь, если что, — сказал он сникнувшим голосом.

— Мне? Очень мило! Но мне охранных услуг, слава богу, пока не требуется.

— Вот именно, что пока. У нас наперед никогда не знаешь...

Он говорил еще что-то, но я уже не слушал: прямо против входа неожиданно возник длинный черный автомобиль; невесть откуда взяв-

шийся Гурий Андреевич распахнул дверцу, и я впервые увидел Влада. То бишь тогда для меня еще — Владислава Дмитриевича.

Это был высокий стройный блондин лет сорока. Я не большой спец в тряпичных делах, и если на факультете меня считают элегантным — это заслуга жены. Но то что мастерски завязанный галстук и серый в тонкую полоску костюм моего гостя куплены не на Рижском рынке, было понятно даже мне. Во всем его облике чувствовались достоинство и элегантность, и, поскольку сам я воспитывался не в пажеском корпусе, это произвело на меня впечатление.

Мы обменялись несколькими дежурными фразами — бабье лето, храм науки, теперешняя молодежь — и двинулись внутрь. Гурий Андреевич поспешал впереди, оберегая шефа от стремительно снующих вокруг студентов.

Моя захламленная лаборатория не предназначена для рекламных целей, и я опасался, что руководство ЗАО «УИНТЕП» неадекватно поймет царящий кругом бардак. Но Владислав Дмитриевич одобрительно кивал, восхитился, пролив елей на мою душу, совершенством форм Дарьи, сказал, что лоск наводят, когда хотят запудрить мозги, что сам он всю жизнь мечтал о научной работе — именно о ней! — и не его вина, что судьба решила иначе.

Потом мы расселись вокруг письменного стола, и я стал рассказывать, показывать чертежи и графики. Гости внимательно слушали. Владислав Дмитриевич задавал вполне разумные вопросы, Гурий Андреевич понимающе кивал — контакты с «Физприбором», похоже, не прошли для них даром. Все шло путем.

Договорились, что я буду осуществлять научный патронаж всего проекта; пока они возятся на «Физприборе», завершу очередной этап исследований, выдам рекомендации и мы приступим к созданию аппаратуры нового поколения.

Это было правильно! Это было по-деловому! Я был окрылен. Зачем катить бочки на всех наших бизнесменов без разбору? Вот вам конкретный пример — деловой, энергичный. Ну, сноб. Этого не отнимешь. Но кто из нас без недостатков?

— Пока мы зачислим вас на должность профессора-консультанта, — предложил Владислав Дмитриевич. — Вы будете получать достойную зарплату. А потом, когда черное золото польется рекой, денежки тоже польются совсем другие... Вы понимаете. — Он сдержанно рассмеялся. — Остается договориться о вашей зарплате. Какую сумму вы считаете необходимой и достаточной?

— Ну, это не по моей части, — смутился я. — Это уж вы сами...

— Нет, — возразил он твердо. — Сумму назовете вы. Подумайте до нашей следующей встречи. Завтра в 12, если это не нарушает ваших планов, хотел бы видеть вас у меня в офисе. Гурий Андреевич за вами заедет.

И они отбыли, оставив меня в состоянии... окрыленной растерянности.

Как в тактическом, так и в стратегическом плане все было очень удачно, о таком раскладе можно было только мечтать. Но какую зарпла-

ту прилично было назвать? В конце концов, речь ведь шла о работе как бы на полставки, и реальных результатов от меня можно было ждать лишь через пару месяцев... В принципе, мне нужны были 120 долларов. Не исключено, что я уложился бы в 100: будучи постоянным клиентом Митинского рынка, я мог рассчитывать на скидки. Как-то один из тамошних «дилеров» — пожилой очкарик, в прошлом старший научный сотрудник одного закрытого НИИ, отдал мне двадцатидолларовый чип вовсе бесплатно. Но как сложится на этот раз, я не знал, и предпочел бы иметь живьем всю сумму.

Вечером поделился сомнениями с женой.

— Ты с ума сошел! — воскликнула она возмущенно. — О каких 120 долларах речь?! Ты — профессор МГУ, ученый с мировым именем...

— Реинкарнация Эйнштейна, — поддакнул я.

— Не ерничай! Подумай, наконец, о семье. Леночке через год поступать... Со следующей осени надо брать репетиторов. Сто двадцать долларов! Постыдись! Тысяча! И то мало. Я сама пойду к этому... Как его?

Я неважно спал ночь, встал с тяжелой головой, но точно в назначенное время прибыл в офис ЗАО «УИНТЕП». Он помещался в элитном месте — на углу Пушкинской площади и Тверской, в том же здании, где ВТО, в том же подъезде, где Альфа-банк, и когда я, поднявшись на шестой этаж, вошел в просторный кабинет Владислава Дмитриевича, напольные куранты как раз отбивали двенадцать. «Сам» разговаривал по телефону. По-английски. И хотя не все термины были мне знакомы, я понял, что речь идет о продаже аппаратуры «Физприбора» за рубеж.

«Ну вот! — приятно удивился я. — Мы уже выходим на мировую арену».

— Извините, — сказал Владислав Дмитриевич, вешая трубку. — Вице-президент «Бритиш Петролеум»... Интересный вариант... А почему бы и нет? — Он задумчиво помолчал. — Что будем пить? Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче? Или с утра профессора крепкого не приемлют?

В принципе, крепкое я приемлю вполне, в том числе с утра, и на кафедре мы, бывает, нарушаем трудовую дисциплину в любое время дня, но в этой обстановке я как-то не был готов расслабиться.

— Сигару? — спросил он. — Настоящая — кубинская.

Но и от сигары отказался. Все равно не пойму. Зачем переводить добро? Попросил черный кофе. Без сахара.

Мы опять поговорили на профессиональные темы, и он опять задавал вполне разумные вопросы. Я даже полюбопытствовал:

— Не сочтите за нескромность: кто вы по специальности?

Ответ прозвучал несколько неопределенно:

— Работал в Росвооружении. — И, словно торопясь перевести разговор на другую тему, спросил: — Кстати, вы решили насчет зарплаты? Какая сумма вас устраивает?

Я почувствовал себя припертым к стене, отступать было некуда, и я выпалил:

— Триста долларов... если возможно.

Владислав Дмитриевич напряженно посмотрел мне в глаза.

— За какой срок?

— То есть?

— Ну, за какое время вы хотели бы получать такую сумму?

— За месяц. Как еще?

Он облегченно вздохнул. В его глазах мелькнула, как мне показалось, едва уловимая саркастическая усмешка.

— Да, конечно. Вы их получите сейчас же.

С аристократической элегантностью достав бумажник, он отсчитал купюры.

И жизнь резко убыстрила бег. Собственно, никакой жизни не было, была лаборатория — с утра и до позднего вечера. Эксперименты — вещь в себе: никогда не знаешь, что ждет за поворотом. Принципиальные проблемы вроде бы остались позади, зато непринципиальные сыпались как снег на голову: вис компьютер, проглатывая только что полученные и еще не сохраненные данные; трескалась пьезокерамика; Дарья шипела, плевалась маслом, жгла силовики. Мои руки покрылись ссадинами, любимые рабочие штаны, только что прошедшие домашний капремонт, снова были прожжены паяльником и проедены кислотой — совсем как в достопамятные аспирантские времена (шевелюра, правда, была теперь не та). Как-то забежал доцент Голубко. Неодобрительно оглядев мой замасленный, с засученными рукавами халат, сказал:

— Профессор с паяльником! У вас что, нет техников, аспирантов?

— Святой вы человек... — Я поправил сползший рукав халата. — Техники и работающие на науку аспиранты, чтоб вы знали, остались в далеком советском прошлом.

— Вы правы, я действительно святой. Святого терпения! Ладно — добавляю пятьдесят центов. Два доллара пятьдесят центов за страницу. OK?

— Ну вот, вы — опять. Я правда не нуждаюсь.

Он напряженно нахмурил лоб, пытаясь понять, в чем тут хитрость.

Дважды звонила зав. учебной частью Нинель Алексеевна: просила за Лужникова-младшего.

— Поймите! — убеждала, пытаясь сыграть на неких, еще не задействованных, струнках. — Дело не в этом балбесе. Страдают интересы факультета. Он снижает наш показатель успеваемости на 5%. Мы опять проиграем математикам и биологам.

Я шутил, но был непреклонен.

Раз в несколько дней сладкоголосая уинтеповская секретарша соединяла с шефом. Владислав Дмитриевич интересовался ходом дел, спрашивал, чем может помочь. В начале следующего месяца я был приглашен в офис, где он с той же элегантностью вручил мне очередные три сотни зеленых. А еще через пару дней секретарша сообщила, что шеф просит прибыть на совещание — к семи вечера.

«Совещание в семь вечера! Тоже не жалеют себя», — подумал я и к назначенному времени был на Тверской. Однако началось совещание лишь в восемь и проходило в непривычной для меня форме — в специально на то снятом ресторане в недрах гостиницы «Россия». Не в от-

дельном кабинете в одном из многочисленных здесь ресторанов, известных мне по юбилеям и защитам, а именно в отдельном ресторане и именно — в недрах.

Просторный, весь в дереве, зал был поделен на две расположенные на разных уровнях части. В верхней — за длинным столом разместились участники совещания, в нижней — артистично орудовала команда поваров в высоких белоснежных колпаках. Поваров было с десяток, нас — участников — пятеро: я, Владислав Дмитриевич и трое приглашенных.

Приглашенные были в черных вечерних костюмах, то есть не в смокингах, конечно, но близко к тому. В остальном они заметно отличались друг от друга. Слева от меня сидел темноволосый молодой человек с перстнем на пальце, и всякий раз, когда он подносил к губам стакан с соком — остальные тоже пили только сок, в чем, как я понял, проявлялась специальная культура подобных «совещаний» — перстень вспыхивал ярким рубиновым светом. Участник справа — невзрачный мужчина средних лет — при иных обстоятельствах ничем не привлек бы моего внимания. А вот с усевшимся напротив грузным лысеющим господином я был, как это ни удивительно, знаком — мы ранее трижды встречались, и хотя он меня не узнал, я хорошо помнил каждую из наших встреч. Особенно последнюю — три года назад.

По инициативе предприимчивого доцента Голубко, еще не освоившего тогда золотую издательскую жилу, мы подрядились проводить стандартные исследования на частных артезианских скважинах. Однажды попали на виллу некоего бизнесмена, пробурившего аж две — одну для питьевых целей, вторую — для технических: бассейн, фонтан и тому подобное. К тому времени мы уже год ездили по Подмосковью и нас трудно было чем-то удивить. Не выделялось и именьице нашего заказчика: обнесенный двухметровым забором гектар, стилизованная под замок трехэтажка, фонтан, теннисный корт, декоративный пруд с лебедями... Мы быстро откатали программу, заполнили бланк заключения и хотели было передать его управляющему, но тут выяснилось, что работу желает принять сам хозяин. Вскоре мы увидели его, неторопливо шествующего по мощеной аллее, и я сразу подумал, что мы где-то встречались. Вблизи я узнал его окончательно. Ну, конечно, это был Шкабарнин — бывший начальник главка в Минприборе. Он постарел, приволакивал левую ногу, но был по-прежнему вальяжен. Не аристократичен, как Владислав Дмитриевич, а именно вальяжен. Я был у него на приеме дважды с просьбой помочь, когда в муках рождалась Дарья. Тогда он отказал: помнится, кривя пухлые губы, бубнил, что партийная совесть не позволяет ему расходовать народные деньги на всякие там профессорские фантазии, и если бы не его зам — наш выпускник, — мои потребности не ограничивались бы сейчас ста двадцатью долларами. Вскоре после моего второго визита он пошел на повышение в пределах отрасли, потом был переведен в ЦК, и его преемник — наш выпускник — рассказывал, что Шкабарнин стал там большой шишкой, чуть ли не управделами. И, глядя на башенки, пруд, лебедей, я, внутренне веселясь, подумал: «Так вот куда они пошли — деньги партии!»

Тем временем твердокаменный ленинец кончил, шевеля губами, читать заключение и недовольно спросил:

— Договаривались, работать будут профессор и доцент. А здесь кто?

— Они и есть, — кивнул в нашу сторону управляющий.

— Вот эти? — Он с сомнением посмотрел на наши замасленные, перемазанные глиной комбинезоны.

— Мы и есть, — подтвердил Голубко.

— А почему в заключении этого не указано?

— Бланк стандартный. Не положено.

— Я доплачивал тридцать процентов за профессора и доцента и хочу, чтобы было видно, кто у меня работал, — веско выговорил Шкабарнин.

Пришлось указать: «Работу выполнили: Инженер — профессор такой-то. Техник — доцент такой-то» — и над случаем этим долго потом смеялся весь факультет.

Пока я разглядывал участников так называемого совещания, официанты завершили сервировку и Владислав Дмитриевич, приподняв стакан с соком, негромко произнес:

— Прежде всего, позвольте приветствовать вас, господа, выдающихся представителей российской бизнес-элиты, за этим скромным столом. Спасибо, что пришли. О чем речь, вы знаете. Позвольте по сути. — Он помолчал. — В нашем распоряжении новая уникальная технология повышения добычи нефти. Проблема чрезвычайно актуальна. За прошлый год в западной специальной литературе опубликовано восемнадцать статей на эту тему...

Он со значением посмотрел в мою сторону, и я неуверенно кивнул: несколько статей, в том числе одна моя, на Западе в прошлом году действительно появились... но насчет восемнадцати он явно загнул.

— Суть технологии в том... — продолжил Владислав Дмитриевич тем же негромким голосом, но вдруг замолчал и после секундной паузы сказал: — А впрочем, зачем лезть не в свое дело, когда среди нас профессор МГУ, научный консультант нашей фирмы...

С точностью, на которую сам я вряд ли был бы способен, он перечислил мои звания, степени и должности и предоставил мне слово.

Я уже говорил, что умею представить товар лицом, и двадцать лет чтения лекций очень развили эти мои способности. Я тонко чувствую любую аудиторию, мгновенно подстраиваюсь под ее меняющиеся настроения, умею заинтриговать, просто и адекватно уровню слушателей объяснить самые сложные вещи. И на этот раз мое красноречие, как и обычно, имело успех: двое представителей бизнес-элиты без лишних слов согласились купить по два комплекта физприборовской аппаратуры, и только Шкабарнин, поглядывая на меня с сомнением, как в тот раз, когда я работал на его вилле инженером-профессором, спросил:

— Если все так ясно, при чем здесь МГУ?

— Не вполне ясна физика явлений, — пояснил я. — Когда разберемся, удастся существенно поднять эффективность.

— Нет предела совершенству, — тонко улыбнулся Владислав Дмитриевич. — Пятнадцать процентов прибылей наша фирма вкладывает в науку.

Я внутренне усмехнулся: уж не мои ли триста долларов он оценил в 15%?

— Билл Гейтс выделяет много больше, — заметил Шкабарнин.

— Что толочь воду в ступе? — сверкнул перстнем молодой представитель бизнес-элиты. — Слава богу, не первый день замужем. Положительные отзывы слышали и раньше, смотрели результаты. Можно сказать — в курсе. Потому и здесь.

— Вот-вот, — поддержал средневозрастный. — Хотелось бы только познакомиться с этой фирмой: «Физ...прибор». Посмотреть своими глазами...

— Организуем, — заверил Владислав Дмитриевич. — В ближайшие дни.

— Ну-ну, — тяжело вздохнул Шкабарнин и опять посмотрел в мою сторону. — Присоединяюсь к мнению большинства.

— Я, собственно, этого и ждал, — удовлетворенно заметил Владислав Дмитриевич. — Приятно иметь дело с умными людьми. Пора подвести черту, господа.

Последовало обсуждение деталей: сроков и форм поставки, условий стопроцентной предоплаты и прочих малоинтересных вещей. Когда мы вышли из ресторана, часы показывали половину одиннадцатого. Владислав Дмитриевич протянул мне руку:

— Прекрасно, профессор! Прекрасно! Сверх всяких ожиданий! Вы были просто великолепны. Очень, очень благодарен! Позвольте отвезти вас домой.

А на следующей неделе случился дефолт. Факультет гудел, как растревоженный улей. Лица одних выражали сосредоточенную печаль, других — расслабленное злорадство. Я был среди тех, кто сохранял спокойствие, кого происходящее не касалось. Однако вечером выяснилось, что это непонятное событие коснулось и нашей семьи: оказывается, жена, решив создать в преддверии предстоящего Ленкиного поступления репетиторский фонд, положила сто восемьдесят долларов, оставшихся после покупки чипов, в банк СБС-Агро, и теперь эти деньги накрылись. Хотела положить и те триста, что я получил потом, но, слава богу, не успела.

— Как это не отдают наши деньги? — возмущался я.

— Ты не представляешь, что там творится! — объясняла жена. — Люди сутками стоят в очереди. Ходят самые противоречивые слухи. Смоленский, говорят, застрелился.

— Кто это — Смоленский?

— Какой ты все-таки дремучий! Президент СБС-Агро. Неужели не слышал?

Ну, не слышал. Это еще не основание называть меня «дремучим». В конце концов, почти каждый вечер читаю «МК». Просто сегодня еще не успел. Подавив чувство незаслуженной обиды, я спросил:

— Застрелился-то почему?

— Как ты не понимаешь? Совесть замучила. Подвести стольких людей!

В конце следующего дня сладкоголосая уинтеповская секретарша пригласила к шефу, и когда я вошел в его кабинет, он возбужденно расхаживал по лежащему перед камином восточному ковру. Увидев меня, с необычной для него горячностью воскликнул:

— Ну, профессор, похоже, наступает наше время!

— Похоже, — неуверенно согласился я.

— Вы, конечно, слышали, что правительство отправляют в отставку?

Я не слышал: «МК» читаю на сон грядущий, так что в течение дня бываю не совсем в курсе происходящих в стране событий.

— Рассматривается новый состав кабинета. Моя кандидатура в списке. Вы понимаете, что это значит?

И, поскольку я тупо молчал, пояснил:

— Открываются новые потрясающие возможности! — Он потер руки. — Надо ковать железо, пока горячо. Как там у нас дела?

Дела «там у нас» шли с переменным успехом, и я, признаться, не знал, что надо сделать, чтобы их ускорить. В лаборатории появлялся на полчаса раньше обычного, уходил не раньше девяти. Конечно, можно было приходить еще раньше и уходить еще позже, однако это вряд ли что-либо серьезно изменило бы. Я попытался объяснить суть проблем, но его больше волновало другое: предстоящий в ближайшем будущем визит «Бритиш Петролеум», организация презентации, подобной той, что прошла в ресторане «Россия», но масштабнее — с большим количеством приглашенных, с демонстрацией плакатов, образцов аппаратуры и, конечно, моим обстоятельным докладом. У меня даже мелькнула мысль: уж не нужен ли я ему лишь как свадебный генерал, этакий рекламный агент-профессор? А почему бы и нет? Ведь был я однажды инженером-профессором.

Последующие три недели пролетели незаметно. Количество постепенно переходило в качество: система регистрации не давала больше сбоев; удалось, наконец, обеспечить нужные режимы излучения; даже Дарья смирилась перед моим неукротимым натиском. Можно было приступать к экспериментам. И только в субботу вечером, уже собираясь домой, я сообразил, что мною давно не интересовалось ЗАО «УИНТЕП». Видимо, с «Бритиш Петролеум» что-то не складывалось, масштабная презентация с демонстрацией плакатов, приборов и моим обстоятельным докладом откладывалась.

Впрочем, мне было не до этого — с понедельника я залег на дно: все работало надежно, как часы; пошли результаты; и, поскольку все работало как часы, этим результатам можно было верить. Я почти не появлялся в «свете». Коллеги, понимая ситуацию, забыли о моем существовании, и даже пышногрудая заведующая учебной частью не напоминала больше о Лужникове-младшем. В один из дней забежал доцент Голубко: молча постоял в дверях, безнадежно махнул рукой и молча удалился.

Вечерами я анализировал результаты и все больше убеждался, что они плохие.

Собственно, результаты не бывают хорошими или плохими: они бывают достоверными или недостоверными. И поскольку эти были достоверны, можно было со всей определенностью сказать, что они противоречивы.

Предельно упрощая, объясню так.

Я должен был провести две серии экспериментов в разных условиях. Совпадение результатов в обеих сериях — их независимость от условий — отвечало бы моей гипотезе, собственно, и было бы ее экспериментальным подтверждением. И надо сказать, картины, полученные в обеих сериях, — вид диаграмм — действительно совпадали. Но мне нужно было, чтобы совпадали не картины, а цифры. А они-то как раз и отличались.

Вообще говоря, добиться точного совпадения цифр невозможно в принципе. Расхождения процентов, скажем, в пять — естественны и неустранимы. Но у меня они достигали пятнадцати. И это нельзя было объяснить случайностью. В этом надо было разбираться. А разбираться — означало менять методику, что, в свою очередь, означало делать новую установку, ну то есть модернизировать старую, а делать новую установку — означало покупать новые детали и материалы, а новые детали и материалы означали новые деньги. И вот с ними у меня опять были проблемы.

Те сто восемьдесят долларов, что остались после покупки чипов на Митинском рынке, съело непонятное чудовище по имени Дефолт. Мой следующий трехсотдолларовый заработок был в этой связи экспроприирован и передан в репетиторский фонд. Правда, трагическая судьба банкира Смоленского послужила жене серьезным уроком: слово «банк» пугало ее теперь, как объявление «Не подходи — убьет!» на высоковольтном трансформаторе, так что деньги хранились дома — в морозильнике. Но взять их оттуда я мог только на условиях развода.

Ноябрь в дождях и изморози уже катился по стране, и в ЗАО «УИНТЕП» мне причиталась новая зарплата, однако они молчали, а напоминать о себе в связи с денежным вопросом мне казалось дурным тоном. Но голод — в прямом ли, в переносном ли смысле — не тетка: изобретя в коне концов некий хитроумный предлог, я позвонил в офис.

— Шефа нет, — ответила еще недавно сладкоголосая секретарша отнюдь не сладким голосом, и это, как говорится, мне сразу не понравилась. Когда через день я позвонил еще раз, никто вообще не снял трубку. Выхода не было: подавив чувство ложной гордости, я отправился на Тверскую.

Все здесь было как раньше: на первом этаже, где Альфа-банк, толпились клиенты, хотя и не в таком непроходимом количестве, как в день дефолта; что происходило на четырех следующих этажах, рассмотреть из кабины скоростного лифта было нельзя; а когда я, поднявшись на шестой, нажал кнопку звонка с табличкой «УИНТЕП», дверь без промедления отворилась, и я увидел знакомого невозмутимого охранника в синей униформе с эмалированной бляхой на груди.

— А-а, — сказал он равнодушным тоном. — Что-то вас давно не было видно.

Я вошел внутрь. Офис был пуст.

— Где все? — спросил я.

— Кто их знает, — ответил охранник зевая. — Третий день никого нет.

— А шеф где?

— Влад, что ли? Этого уж, почитай, две недели не вижу.

В глубине души я ожидал чего-то в этом роде и тем не менее стоял теперь в полной растерянности. Бой курантов, раздавшийся из открытой двери кабинета Владислава Дмитриевича, вывел меня из оцепенения. Надо было уходить.

В последний раз, словно с чем-то прощаясь, — а ясно было с чем: с очередной иллюзией, — окинул я взглядом просторный офисный зал, расцвеченные рекламой фасады домов напротив, почему-то вспомнив женскую фигуру на крыше здания, где магазин «Армения», и тут послышалось гудение подъезжающего лифта, его двери открылись, и я увидел Шкабарнина.

Озираясь, чуть приволакивая ногу, он направился к уинтеповским дверям. Свет внезапно прорезавшегося сквозь ноябрьские тучи солнца бил ему в глаза, и меня он то ли не видел, то ли не узнал.

— Здравия желаю, командир, — поприветствовал он охранника. — Кто на хозяйстве?

— А никого, — ответил тот своим равнодушным тоном. — Были да сплыли.

— Ну а «сам» где?

— А кто ж их знает. Они мне не докладывают.

— Как это — не знаешь, где твой босс?

— А он мне не босс. Я из агентства. До восемнадцатого оплачено — я здесь, а двадцатого уж на другой объект сказали. Я таких за три года столько повидал! Сегодня босс, а завтра кажет нос.

Впервые я видел, чтобы он смеялся.

И тут лицо Шкабарнина оживилось: он увидел меня.

— Профессор! — воскликнул он как-то даже почти звонко — Рад вас видеть! Как поживаете?

Я пожал плечами.

— Спасибо. Как обычно.

— Как обычно... Это хорошо. Ну а где же аппаратура?

— Какая аппаратура?

— А вы и не знаете? Два комплекта, за которые я перевел стопроцентную предоплату.

— Это не ко мне. Я всего лишь профессор-консультант. Был профессором-консультантом.

— И с кого же спрашивать? — вкрадчиво спросил он теперь уже вполне своим глухим сипловатым голосом.

— С начальства, — кивнул я в сторону кабинета Владислава Дмитриевича.

— Вот как... А ну давайте присядем. Не возражаешь, командир?

Охранник равнодушно пожал плечами и уткнулся в газету.

— Не могу. Тороплюсь. — Я шагнул к двери.

Шкабарнин слегка придержал меня за рукав.

— На пару минут. Уж уважьте.

Мы сели у журнального столика. Когда-то я попивал за ним кофе в ожидании Владислава Дмитриевича. Тогда передо мной стояла вазочка с трюфелями, сейчас — только грязная пепельница с окурками. На одном виднелся след помады — все, что осталось от сладкоголосой секретарши.

— Так значит — профессор-консультант... — задумчиво проговорил Шкабарнин. — И сколько же он вам платил, если не секрет?

— Секрет. Зарплата — дело конфиденциальное.

— Ну что уж теперь. Какие теперь секреты.

— Триста долларов.

На лице Шкабарнина появилась саркастическая усмешка. Точно такая, как когда-то в глазах Владислав Дмитриевича, отсчитывавшего мне купюры, только нескрываемая.

— Между прочим, своему водителю он платил, гарантирую, в три раза больше. Ну а сколько он с твоей помощью слупил с меня, хочешь знать?

— Почему это — с моей?! — возмутился я.

— А с чьей же? Ты у него был как наживка на крючке: доктор, профессор, лауреат... Этому фраеру с сигарой я бы, поверь, и доллара не дал. И знаешь, на сколько обул?..

Я пожал плечами.

— На триста пятьдесят тысяч баксов. Для меня это, между прочим, большая сумма.

— Для меня, между прочим, тоже. — Я, конечно, заметил, что он перешел на «ты», но смолчал.

— Вот и я говорю: как будешь рассчитываться?

— Я?! Вы хотите получить триста пятьдесят тысяч долларов — с меня?! — Теперь на моем лице появилась ухмылка.

— Ну а с кого же еще? Подскажи. Пока — ты крайний.

Я искренне рассмеялся.

— Мне казалось, вы умный человек.

— Ну какой же умный, если дал себя так обуть? Да и те двое — тоже умники.

— Так, может быть, мне вернуть и им? Всем троим сразу — миллион пятьдесят? Чего уж тут мелочиться?!

— Это их дело. У каждого свои принципы.

— Боюсь, от ваших вам придется отказаться. — Я продолжал посмеиваться. Вполне, впрочем, беззлобно.

— Я принципами не поступаюсь, — тяжело пристукивая на каждом слове по столу, сказал Шкабарнин.

— Партийная совесть не позволяет? — съехидничал я.

Он побагровел, и я понял, что прикоснулся к святому, — блин! — как говорят студенты.

Субботу я впервые за два последних месяца провел дома. Пылесосил. Поправил полку на кухне. Починил сливной бачок в туалете. Жена обеспокоенно спрашивала:

— Ты не заболел? Может, померим температуру?

Вечером спустился в винный за бутылкой молдавского коньяку, и мы с ней нарушили спортивный режим. На полную катушку! Благо Ленка ушла к подруге на день рождения.

В воскресенье утром всем семейством отправились на Воробьевы горы. День выдался солнечный. Деревья ниже к реке еще не совсем потеряли листву, и она неярко золотилась на фоне бледного осеннего неба. В воздухе колыхались те бесподобные осенние ароматы, которые не может заглушить даже дыхание раскинувшегося внизу гигантского города. Нам было хорошо! Когда у меня спрашивают, почему я отказался принять кафедру в Остине, я отвечаю: потому что у них там нет Воробьевых гор. И это не просто шутка.

Вечером отвез Ленку к бабушке на «Молодежную». Понедельник провел в библиотеке. В лаборатории появился лишь во вторник, да и то к десяти. Поухаживал за Дарьей. Стер пыль со всего, с чего можно стереть. Включил все, что можно включить. Прогнал тесты — моей норовистой команде не следует давать расслабиться. В половине первого собрался обедать.

Зазвонил телефон. Я снял трубку. Незнакомый голос вкрадчиво произнес:

— Здравствуйте, профессор. Извините за беспокойство. Звоню по поручению моего клиента. По поводу вашего долга.

— Какого еще... долга? — не сразу понял я.

— Ну, вы знаете. Вы же виделись в пятницу. Клиент поручил мне договориться о времени и условиях передачи денег.

— Да пошли вы на хрен! — крикнул я и бросил трубку. Вообще-то я абсолютно не приемлю ненормативной лексики, но тут — бес попутал: «хрен» — разумеется, эвфемизм: на самом деле я выразился вполне определенно.

Телефон зазвонил опять, и я пристыжено снял трубку.

— Извините, профессор, — произнес голос с прежней вкрадчивостью. — Я, можно сказать, при исполнении, поэтому прошу вас придерживаться...

— Послушайте! — Я постарался взять себя в руки. — Моя должность — профессор-консультант. То есть бывшая должность. К этим деньгам не имею никакого отношения. И поймите простую вещь — я профессор, а не бизнесмен. От зарплаты до зарплаты мы, слава богу, доживаем, но не более того. Отдать триста пятьдесят тысяч долларов не смогу при всем желании, даже если буду отдавать всю оставшуюся жизнь.

— Извините, профессор, — повторил голос. — Вы, видимо, меня не поняли. Речь совсем не об этом. Меня не интересует ваша зарплата и прочие жизненные обстоятельства. Вопрос в другом: *как и когда вы сможете отдать причитающуюся с вас сумму?* Кстати, ваша дочь уже пришла из школы? Я сам отец и очень волнуюсь, когда дочь задерживается. Дети особенно уязвимы. Именно по ним наносится первый удар.

Он помолчал, давая мне прочувствовать сказанное. И я прочувствовал. Бросить трубку было уже невозможно.

— В сущности, положение не так безнадежно, — сказал голос. — У вас прекрасная трехкомнатная квартира в сталинском доме, в двух шагах от метро... Дача не бог весть какая, но в хорошем месте... Есть еще двухкомнатная квартира вашей матушки — жилье на «Молодежной» очень ценится.

— А где прикажете жить всем нам? — спросил я прерывающимся голосом.

— Ну вот — вы опять. Я ведь не риэлтор. Вопрос не ко мне. Впрочем, могу и здесь дать совет. Вы уважаемый человек в МГУ. Факультет имеет места в общежитии в главном здании. Вы же знаете: двухкомнатные блоки... со всеми удобствами. Тесновато конечно, но жить вполне можно. Многие сочли бы за счастье. Кстати, блок 1842 сейчас свободен. И потом — у вас же двоюродная сестра в Америке. Замужем за бизнесменом. Между вами всегда были такие теплые отношения: рисковали переписываться даже в самые суровые времена.

— Здорово! — сказал я. — Осведомлены лучше некуда.

— Профессиональный долг, — скромно ответил голос.

— Так вот в чем нынче ваш профессиональный долг.

— Каждый сейчас зарабатывает, как может. А чего вы, собственно, хотите: в стране идет гражданская война. За передел собственности.

— Я ни с кем не воюю.

— Это ваш выбор. Но красных и белых на этот раз нет, соответственно, нет и разделяющей их линии фронта; война идет в любой точке: сбоку, сзади, спереди — среди нас. Каждый может оказаться жертвой. Я искренне сожалею, что это произошло именно с вами.

Мы помолчали.

— Хорошо, — снова заговорил голос. — Вернемся к делу. В вашем распоряжении месяц. До двадцатого декабря. За это время вполне можно собрать необходимую сумму. Скажу между нами: если какой-то части не будет — не страшно, клиент подождет, а может быть, и вовсе... Впрочем, не знаю. Важно, чтобы, как теперь говорят, процесс пошел. Я обязательно свяжусь с вами двадцатого декабря в первой половине дня, и мы договоримся о деталях. Запомнили? Двадцатого, в первой половине дня. Идет? Ну, желаю успеха. И не держите обиды — работа.

— Послушайте... — Но из трубки уже неслись сигналы отбоя.

Ситуация складывалась фантасмагорическая, но эта фантасмагория была вполне реальна, материализовалась свинцовой тяжестью у меня под ложечкой. Я возбужденно заходил по лаборатории. Совсем как Владислав Дмитриевич в день дефолта. «Дети особенно уязвимы, — звучал в мозгу вкрадчивый голос, — именно по ним наносится первый удар...»

Но ведь безвыходных ситуаций не бывает... Надо только найти рациональный выход... Может, все происходящее — лишь недоразумение: у Владислава Дмитриевича временные трудности, он занят... Как раз сейчас принимает министерство... Надо выяснить... Но как?.. Его ко-

ординат у меня, как выясняется, нет... Координат Гурия Андреевича тоже... Но может быть, что-то знают на «Физприборе»...

Я вынул записную книжку, подошел к столу. Зазвонил телефон. Подождав несколько секунд, я снял трубку.

Звонил Лева Эйтингон — главный конструктор «Физприбора»:

— Привет, старик! Ты что-нибудь знаешь про Влада? Ну, про этого дребаного Владислава Дмитриевича?

— Не слышал и не видел уже почти месяц. Был у него в офисе — там пусто.

— Так я и думал! — Лева безобразно выругался. — Нас кинули. Ты слышал когда-нибудь такой термин: «ки-ну-ли»?

Такой термин я «когда-нибудь» слышал: читал в «МК».

— Ну, мы лохи! Ну, лохи! Ты — я понимаю, что с тебя взять — малахольная университетская профессура, но я — тертый калач. Ведь знаю: сейчас никто не работает без стопроцентной предоплаты... А что прикажешь? С прошлого года ни одного заказа... А этот сулит золотые горы, ссылается на тебя... С какой-то дребаной бизнес-элитой приходил.

— И ничего вам не перевел?

— Десять тысяч баксов. Деревянными. А мы одной пьезокерамики купили на пятнадцать. Запустили производство! Как теперь расплачиваться с цехами?

Он опять выругался и бросил трубку.

Я снова возбужденно заходил из угла в угол, пнул попавшуюся под ноги пластмассовую урну, и она, подпрыгнув, повисла на одном из Дарьиных вентилей. Ситуация приобретала отчетливые очертания. Не ясно было только, как из нее выходить.

Зазвонил телефон. Я взял трубку.

— До тебя невозможно сегодня дозвониться! — сказала жена взволнованным голосом. — Все время занято.

Я испуганно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Леночка заболела. Видимо, ОРЗ. Ведь говорила я тебе: нечего тащиться в такую погоду на Воробьевы горы. Теперь придется неделю держать ее дома.

— Слава богу! — закричал я. — Пусть болеет! Пусть сидит дома! Чем дольше, тем лучше!

— Ты, видимо, сошел с ума! Спятил из-за этих своих идиотских экспериментов. Как это: пусть болеет? Как это: чем дольше, тем лучше? Ничего себе! Начало четверти, новый материал!

Она бросила трубку.

«Слава богу! — повторил я про себя. — Пусть болеет. Пусть сидит дома. Сколько? Неделю? Месяц? Год?»

Надо было что-то предпринимать... Просить помощи...

У кого?

Обратиться на Лубянку? Я поежился. Не оттуда ли звонил вкрадчивый голос? На кону деньги партии... Как тут обойтись без чекистов?..

Нанять телохранителя? На какие шиши? Но допустим — наймем. Будет сопровождать Ленку в школу и из школы. Хорошенькая картина! И ее грохнут вместе с ним, как грохнули недавно какого-то бизнесмена вместе со всей его командой — я читал об этом в «МК».

Был еще факультет. А почему бы и нет? Это ведь не только престарелый декан и немощные коллеги-профессора. Есть студенты. Позвать их... Крикнуть: «Наших бьют!» Кому-кому, а уж мне на помощь они придут мгновенно. Я представил себе выстроившуюся вдоль дороги в школу вереницу студентов с плакатами: «Руки прочь от дочери нашего профессора!».

Абсурд, подлинный абсурд, абсурд в чистом виде обрушился на нашу семью. У кого было просить помощи?

Кто в состоянии защитить гражданина в сегодняшней России?

В столовую я спустился позже обычного. Посетителей было немного. Уже отобедавшая зав. учебной частью Нинель Алексеевна холодно кивнула мне в дверях. Мадам была в последнее время мной недовольна и не скрывала этого. И все из-за балбеса Лужникова.

И тут меня осенило... Лужников!.. Лужников-старший!.. Как же можно было о нем забыть? Охранный бизнес... Эврика!

— Вы что-то сказали? — спросил знакомый профессор с физфака, предупредительно пропуская меня вперед. — Присаживайтесь, коллега, поболтаем.

— Спасибо, не могу. — Я покачал головой.

Вообще-то вне профессиональной сферы я человек нерешительный: подолгу взвешиваю, сопоставляю варианты, не упускаю случая посоветоваться. Сейчас — действовал размеренно и безостановочно. Сдал на мойку поднос с нетронутым обедом, бегом поднялся в учебную часть, сказал, что хочу видеть Лужникова-старшего. Заведующая понимающе кивнула, тут же нашла телефон охранного агентства, отложив другие дела, вызвалась сама туда позвонить. Как бы между прочим заметила, что повышение показателей факультетской успеваемости для нее — вопрос номер один. «Особенно если впереди маячит премиальный фонд», — усмехнулся я про себя.

А ведь это он, пресловутый премиальный фонд, в несколько, правда, своеобразной форме, стал теперь объектом и моего жгучего интереса. И что примечательно: нравственных сомнений я не испытывал. «А чего вы, собственно, хотите: в стране идет гражданская война, — сказал мне давеча вкрадчивый голос. — За передел собственности». Что ж, они воюют за собственность, мы — за собственную жизнь. Нравственные проблемы при этом рисуются в несколько ином свете.

Через полчаса Лужников-старший сидел в лаборатории между мной и Дарьей, я рассказывал, что к чему, и он понимающе кивал. Когда я замолчал, спросил:

— Адресочек... телефон... Дадите?

Я извлек из стола старую записную книжку, легко нашел телефон и адрес шкабарнинского поместьица, — ведь это я договаривался три года назад с управляющим — выписал все на листок и протянул ему.

Он, прищурившись, просканировал запись и вернул мне.

— Надеетесь на память? — спросил я обеспокоенно.

Он скромно потупился.

— Профессия.

Под конец мы обменялись заверениями: он — что к концу недели мы сможем спокойно выпускать дочь из дома, я — что к тому же сроку факультетская успеваемость улучшится на 5%. Сомнений ни у меня, ни у него не возникло: каждый из нас был профессионалом. В своей области.

Проводив гостя до лифта, я вернулся к себе. За окном смеркалось. Моя команда — единственный свидетель только что завершившейся встречи на высшем уровне — невозмутимо поблескивала циферблатами, экранами, табло. На душе было легко и... пусто. Похоже, ответ на вопрос: «Кто в состоянии защитить гражданина в сегодняшней России?» — был мне теперь известен: мы сами, никто иной. Надо только понять: нам объявили войну, а на войне как на войне.

Включать свет не хотелось. Я подошел к лабораторному шкафу, достал бутылку «Столичной», налил полстакана и залпом выпил. Не закусывая. Так ведь и нечем было.

Когда на следующее утро я открыл глаза, солнечные блики уже дрожали в зеркалах нашего старомодного трюмо. Звонил телефон.

— Ты подойдешь?! — крикнул я жене.

— Мама пошла в аптеку, а я болею, — ответила Ленка.

Окончательно проснувшись, я снял трубку. Звонил доцент Голубко:

— Что-то вы хрипите... Простыли?

Я откашлялся.

— Только проснулся.

— Поздно спите, коллега. Другие уже давно совершают трудовые подвиги. Ну да ладно. — Он помолчал. — Ваша взяла... тихоня. Плачу три доллара за страницу. Но ни цента больше!

Я облегченно вздохнул: проблема финансирования была решена.

И я снова с головой ушел в свои идиотские, как не упускала подчеркнуть жена, эксперименты. Время от времени, словно кто-то толкал под локоть, смотрел на календарь: двадцатое декабря неумолимо приближалось. Но двадцатого в первой половине дня никто не вышел на меня ни по телефону, ни каким-либо иным — хитрым — способом. Не искали меня и после обеда. История уходила в прошлое — в своем бизнесе Лужников-старший не был троечником.

Больше я о Шкабарнине не слышал. О Владе — тоже. Что изменило его планы?.. Полный облом?.. Или наоборот — «новые потрясающие возможности»? Разглядывая однажды в «МК» фотографии только что назначенных вице-премьеров, я увидел одного очень на него похожего.

Фамилия и имя, однако, были другие.

КОЛЯ

Шмякну шапкою о сцену,
Бровь соболью заломлю:
Дайте лексику обсценну —
Я про Гоголя спою.

Мы начали сочинять частушки с того апрельского дня, когда дочь спросила:

— К нам кошка зашла, да? Похожая на ту, что Гоголь утопил?

Тема диплома у Агнии: «Мотив страха в творчестве Н.В. Гоголя». Она ночи не спит — анализирует эти четырнадцать томов. И с марта начались у нее свои страхи: сначала казалось, что кто-то незнакомый ходит у нас по коридору. А теперь вот уже и кошка!

— Агния, никакой кошки нет, а вот паук есть — смотри: на потолке. Откуда он выполз? Огромный, красавец...

Паук долго осматривал комнату всеми восемью глазами, не нашел никакой пищи и уполз на восьми своих ногах за картину «Ахматова, гладящая индюка».

— Мне бы восемь глаз и ног! Ничего не успеваю! Диплом, да еще сутки через сутки работаю в кафе!

Агния взрыднула и вдруг замерла, как природа у Гоголя, которая словно спит с открытыми глазами (есть ли более гениальные слова в мировой литературе?!).

Тут-то мы и поняли: не отсидеться! Если уж наших гонораров не хватает, чтоб доучить младшую дочь, то надо помочь ей диплом написать.

И полетели имейлы в Москву — Софье Мининой, в Париж — Наталии Горбаневской, в Израиль — Аркадию Бурштейну: для диплома по Гоголю отсканируйте нам «Семиотику страха», умоляем!

В ответ обрушились Гималаи электронных импульсов, несущих нам страницы Зощенко о страхах Гоголя, стихи Кальпиди — для эпиграфа и — конечно — эссе Набокова.

Нина ГОРЛАНОВА

Вячеслав БУКУР

— родились в Пермской области. Закончили филологический факультет Пермского государственного университета. Авторы «Романа воспитания», в 1995 г. признанного лучшей публикацией «Нового мира», повестей «Учитель иврита», «Лидия и другие», «Тургенев — сын Ахматовой» и др. Печатались в журналах «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь». В 1996 г. вошли в shortlist претендентов на Букеровскую премию. Постоянные авторы «Континента». Живут в Перми.

— Мама, Набоков сравнил Гоголя с мотыльком!

— Не обращай внимания, Набоков в каждом писателе видел такого же Набокова.

А Наташа прислала из Сети интервью Гуревича, который по средним векам! И спасибо!!!

Нужно добавить, что наши друзья обратились к своим друзьям, а те — к своим, так что только папуасы Новой Гвинеи не участвовали в дипломе нашей дочуры. Зазевались.

Как у Гоголя в штанах
Поселился сильный страх.
Ростом выше он горы,
Это все метафоры.

Мария Ивановна Гоголь-Яновская! Спасибо вам, что родили нам Колю. Но зачем вы ему, пятилетнему, сказали с такой фамильной яркостью неумолимые слова о Страшном суде? Бедный гений представлял всю жизнь адские сковородки, чертей, а мы теперь расхлебывай!

Дочь сказала:

— Каждую ночь вижу во сне Гоголя... Какая ты бледная, мама, сегодня.

— Да я тоже всю ночь Николая Васильевича искала. Якобы я хотела узнать, чего он больше всего боялся. Тайну личности... Куда ни приду, везде говорят: сегодня изволили съехать. А на последней квартире говорят: вчера он скончался. И все служанки, которые мне отвечали, развешивали сушиться нижнее белье. Словно говоря: тебя нижнее белье интересует — вот тебе нижнее белье!

— Гоголь, Гоголь, ты могуч, только все же нас не мучь! Ну чего ты вдруг пристал к двум женщинам: моей жене и моей дочери! В жизни — вроде — ты к женщинам не приставал.

— Папа! да, его эволюция: от страхов мифологических перед нечистью до страха Божия... через страх женитьбы! — закричала дочь и опять взрыднула. — В конце жизни он так боялся Страшного суда, что заморил себя голодом! Но у меня просто времени нет это все напечатать!!! Сменщица заболела, я каждый день в кафе, каждый день!

— Агния, все наоборот! Он от страха Божия шел к гордыне — в «Выбранных местах переписки с врагами»...

— Дайте подумать! В «Вечерах на хуторе» — да — черт всегда побежден то молитвой, то чудом, а потом Гоголь впал в прелесть, просил слушать его как самого Господа. Вот — смотрите: я подчеркнула в текстах все о страхах, но... но! Зашиваюсь я! Время, где тебя брать?!

Мы сразу кинулись к двум компьютерам — набирать пятьдесят страниц цитат, при этом перебрасывались мечтами: у нас скоро, скоро наступит безоблачное послегоголевское время! Можно будет открыть кафе, назвать его «Об Гоголя!». А на стены кафе — эти цитаты все...

Но про то, что известный парижский гоголевед Шварцбайн запил после усердного изучения нашего Николая Васильевича, мы не сказали дочери ни слова.

Нас уже, кстати, тоже подмывало чего-нибудь дерябнуть. Потому что Гоголь все время мелькал в глазах и в ушах. Идем по проспекту: ель похожа на Поприщина — так же безумно скорчилась. А ясень, кажется, сейчас свои пропеллерные семена включит и умчится от всего женского пола, как Подколесин.

Спасались частушками.

Как по речке, по широкой,
На моторке без руля
Выплывает Коля Гоголь —
Вместо носа — два х.я...

— Слушай, Агния, а есть — наверное — параллельный мир, где Гоголь не родился?!

— Ну, папа, зачем ты? Я люблю Гоголя. К тому же ты сам говорил, что все другие варианты истории — хуже...

К тому же иногда мы находили и утешение:

— Такие вчера огурцы плохие купила.

— А, Гоголь бы еще хуже купил.

Как на речке на Днепру
Возле тихой рощи
Коля Гоголь поутру
Огурец полощет.

Агния в это время ставила на полку том Мережковского: мол, полночи его перечитывала — у оппонента диссертация по Мережковскому, — ой, задаст много вопросов, сил нет...

И мы запели на два голоса:

Коля Гоголь — что такое?
Мережковский вопросил.
Неужели что-то злое?
На диплом уж нету сил...

И ведь знали же, что, если запоем дуэтом, с другого конца города сразу же прибегает Камилла! Но не удержались.

Камилла Красношлыкова — это ее псевдоним, а настоящие имя и фамилию мы вам не скажем. И не надо нас подпаивать. Бесполезно!

Появляется она так: скользнет умной тенью за соседом нашим по кухне, прошелестит по диагонали комнаты, несмотря на свои каблучища, и сразу:

— Всегда у вас в каждом углу то внук, то щенок шевелится!

К счастью, внуки (сыновья старшей дочери) еще так малы, что не обижаются на такие слова. Да и мы тоже не обижаемся, потому что в руках у гостьи — как обычно — благоуханный узелок, а там... о-о-о! что-то новое — сморчки, томленные в сметане!

Но с другой стороны, сморчки — это русская рулетка, ведь на миллион один встречается ядовитый...

— А, будем самураями. Самураям не страшна смерть! — браво воскликнула Камилла.

И погрузились мы в этот смак волшебный. Ну, знаете: стоны, вздохи, причмокивания. Разложив всем еще по одной порции, Камилла и говорит светски так:

— Кстати, я наконец-то развелась с мужем.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы сообщение о разводе начиналось со слова «кстати»? Вот и мы тоже.

— Со своим мужем? Как? Ты еще недавно твердила: без мужа — как без помойного ведра!

— Он женился на мне по заданию КГБ.

Мы тут сразу бросили переглядываться, а то она подумает, что мы тоже из КГБ.

— Да зачем ты нужна им? Слушай, Мила, ты же была нормальной журналисткой, писала о передовиках.

Она снисходительно закурила и сказала:

— От ваших слов сердце забилось как-то по диагонали. А вы знаете, что все повести Юрия Полякова написала я?

— Ты? Да как же это?

— Так. Я посылала рукописи в журнал «Юность», а он...

— Ну... где бы ты взяла материал для армейской повести «Сто дней до приказа»?

— Так я ведь в газете работала — с людьми встречалась.

Тут какая-то штора отдернулось, и нас понесло в другой мир, где Гоголь крадет рукописи у Платонова, а тот — у Чаковского. Мы стали отчаянно выгребать против течения: Камилла, ты нам НИЧЕГО не приносила, мы ни одной рукописи у тебя не украли...

— Ну, кроме двух-трех гениальных идей, брошенных у вас вот так же, в застольной беседе.

Мы немного ошалели: Мила-Милочка, назови хотя бы одну гениальную идею — захотелось побыть гениями.

Она посмотрела строго, покачала головой:

— Вы все, все исказили в своем «Романе воспитания». Вздумали написать, будто с Настей вы не справились, а на самом деле я ее вам перевоспитала. Пару раз побеседовала, и девку как подменили!

«Узнаешь Гоголя!» — просигналили мы очками друг другу (как он просил Аксакова: «Обращайтесь со мною так, будто я драгоценная ваза»).

— Все-таки зря ты развелась с Дмитрием — керамисты сейчас хорошо зарабатывают.

— Керамист! да вот, увидите: похоронят его в форме полковника ФСБ и целая колонна будет нести за ним ордена на подушечках...

— Мила, зачем ты так! Пусть человек живет до ста лет.

И тут нас спасли родные и друзья. Сначала Лена шла мимо и свернула к нам, потом Лана с мужем. Затем средняя дочь вошла с сыном, мужем и свекровью, то есть нашей любимой сватьей.

Лана тотчас принялась резать овощи на салат, поводя знатными плечами.

— Такой приступ астмы вчера у сына был — начала она рассказывать.

— Ой, я знаю новое средство от астмы! — вскричала Лена. — Берешь килограмм цветков белой сирени...

— Ну уж нет, — взмахом ножа остановила ее Лана. — Нам сейчас нужны приступы астмы. Чтобы от армии откосить.

В это время как раз и вернулась из университета наша Агния.

— Почему мне так мало задавали вопросов? — спросила она.

Повисла тишина. Мы со страхом спросили:

— Ты защитилась по Николаю Васильевичу?

— Да, четверка. Но почему они не задавали вопросов? Я всю ночь не спала, приготовила сорок ответов.

В это время под симфонию мобильных телефонов поднялась наша валюта — настроение.

Когда эсэмэски были прочитаны, все, кто накопился к этому моменту в квартире — мы, дети, внуки, зятья, одна сватья и друзья, — заплясали и запели:

...Танго и вино
Любви недаром нам дано!

В самозабвенном семейном танце мы с треском сошлись лбами!

Посыпались разноцветные искры, и в их свете стали видны:

Софья Минина, волшебно скачущая в юбке с зебрами одновременно и здесь, и в Москве,

Наталья Горбаневская в фартуке, выплясывающая одной ногой в Перми, другой в Париже возле плиты,

Аркадий Бурштейн выглянул из города Цорана, что в земле Израильской, посмотреть, что за шум с Урала, и не удержался — тоже оглушительно свистнул и заплясал.

Не вставая с дивана, плавно покачивались на пышных ягодицах две подруги, Лана и Лена, каждая со своим счастьем: одна беззубая, но с мужем, другая без мужа, но с зубами.

И даже коммунальный сосед выпал из своей комнаты, гремя квадратными плечами и подхватил хмельным голосом:

— Аааааааааааа! Никто меня не любит! Водка с неба не падает!

Примерно мы знаем, кого надо жалеть. Всех.

МНЕ БУДЕТ ОДИНОКО И ОТВАЖНО

* * *

Уходит жизнь, лишь часть ее осталась,
Классической телегой прется вдаль,
Везя свою доверчивую жалость
И сорок раз уставшую печаль.

Шурует жизнь под музыку ненастья,
Под музыку озябшего двора,
Под крохотки ворованного счастья,
Под чье-то идиотское «ура».

Как стыдно перед небом, перед теми,
Которых бил тщеславием поддых,
О роковое, ветреное племя —
Орава сумасбродов молодых.

Осталось что? К чертям свинтить созвездья,
Фонарь души оставить за дверьми,
Начиркать вместо строчек междометья,
Свалить во тьму с печальными людьми?..

Как много жизни пролисталось мимо,
«Вороньим глазом» нависает ночь.
Сколь ни смотри — не видно серафима,
Лишь три звезды приляпаны на скотч.

* * *

...Как в масть эта полночь примятому взморью,
«Омара Хайяма»* закушай фасолью
И взглядом лагуну приметь.
Луна сургучом нависает над пальмой,
С которой совсем не рифмуется дальний
Пейзаж, что венчает мечеть.

* Вино.

Евгений ЧИГРИН — родился в 1961 году на Украине. Стихи печатались в журналах «Арион», «Вестник Европы», «День и Ночь», «Крещатик» (Германия), «Литературное обозрение», «Новый мир» и др. Автор книги «Сквозь дымку лет» (М., 2004). Живет в подмосковном Красногорске.

Эль Гуна вдали шевелится огнями,
Смотри: минарет прилепился к рекламе,
Буквальнее — наоборот.
Смешай эту полночь с кебабом, тагином,
Как воздух сошелся с неместным жасмином,
Как многое жизнь раздает...

Блуждают по пляжу затейники-джинны,
С кальянами счастья кайфуют мужчины,
Вкуснее инжира слова.
Из розовых листьев горячий напиток
Спешит наливать пролетарий улыбок —
Хасан, Мухаммед, Мустафа?

Возьми настоящее в крепкую память,
Когда приключится в досадное падать,
Войди в эту полночь опять.
Пускай Аладдином покажется лето,
Строкою-цветком на губах у поэта,
Поверь — это может сыграть.

Автобиографическое

Зачем висит на ниточке душа
В такую мглу, в такое *ни шиша,*
В такую жизнь, пропахшую ставридой?
(...У Мнемы пьют по капельке стихи,
Прощая мне уставшие грехи,
Закусывая жирной Энеидой.)

Зачем, душа, на волоске от муз,
Японский чай, кинза, чучмек-арбуз
И лампа мусульманского розлива?
Затем, что мне отечество — строка,
В которой дым, кастальская река,
Игра менад, цветущее огниво.

Отчизна мне — строфа под ключ, софа,
Подушка грез, шальная нота «фа»,
Кифара, что с гитарой скентовалась.
Я режу век, как смачный апельсин,
За блеск тире, за звездный керосин,
За музыку, свалившую усталость.

Отчизна мне — в смородинке звезда,
Процеженные пивом города,
Листающая книги непогода,
Курящий задушевность Винни-Пух,
За кофеваркой пролетевший дух,
Шаманством нашпигованная кода.

* * *

...Окрепла мгла, кемарят черти
В обильном вишнями саду,
Я разлюблю тебя до смерти,
Я затянусь тобой в бреду.

Я унесу тебя в молчанье —
За дверь миндального греха,
В словарь поспешного прощанья,
В размер случайного стиха.

* * *

Теплится сон о Египте: едет на ослике тип,
Подле солдат с «калашами» дремлет обшарпанный джип,
Чешет на грустном верблюде в платье смешном Гумилев,
Сколько в его сиротливых зенках набухло стихов!
Небо лазурью жиреет, Красное море поет
Песню о том мореходе, что обездоленных ждет.

Курит Луксор сигареты, «мыльницы» вечность жуют,
Рядом с крутой колоннадой каждый из нас лилипут.
Теплится сон африканский: слово сжирает жара,
Тычет восторгом в пространство выросшая немчура.
Где тут душе примоститься, где приютиться, Карнак?
Как основное запомнить, лучшее высмотреть как?

Всякий тут гол, как соколик, всякий проколот теплом,
Всякий жука-скарабея грузит своим шепотком,
Всякий кричит бедуином, слышишь, подруга-душа?
Что остается в итоге? Нам, как всегда, — ни шиша,
Нам, заболевшим любовью, — ослик, что помнит о Нем,
Солнце, ленивое небо и — полицай с «калашом»...

* * *

С московского (с какого — все равно)
Вокзала я отправлюсь в эту среду.
Другое буду за окном кино
Я лицезреть, как некую победу
Над повседневьем. Может быть, и так.
Пускай поля, холмы и леспромхозы,
Леса и горы мой тревожат зрак,
Ну и, конечно, вызывают слезы.
Я буду воскрешать своих друзей,
Припоминать классические строки,
В которых и Кощей, и Колизей,
И важный Рим, и терем у дороги.
В которых от Полонского привет,
В которых тень Случевского и что-то
Печальное, чему названья нет,
Какая-то трагическая нота...
Я выпью в ресторане коньяку —
Армянского, французского? Не важно.
Я ключевое загоню в строку,
Мне будет одиноко и отважно.
Мне будет одиноко? Нет и да...
Мне будет — хорошо и одиноко.
Со всех вокзалов мчатся поезда.
Блестит звезда. Влечет-зовет дорога.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Рассказ

После ужина Алексей ушел в комнату, забрался на диван и, закинув ногу на подлокотник, включил телевизор. С кухни тянуло табачным дымом, — там сидели гости, Светка и две Юли. Сидят весь вечер — пиво пьют и время от времени хохочут как резаные. Настроение, видно, веселое. Делать им просто нечего.

В туалете спустили воду, потом слышно было, как кто-то из гостей вышел оттуда и долго пытается справиться с тугой задвижкой, чтобы закрыть снаружи дверь туалета. Там просто секрет нужно знать, чтобы уметь закрывать.

Алеша не выдержал, соскочил с дивана, выбежал в коридор и показал Светке, как нужно правильно закрывать.

— Все гениальное просто, — сказал Алеша.

Светка захохотала. Потом посмотрелась в зеркало, которое висело в коридоре, поправила прическу и, подняв юбку, подтянула колготку на одной ноге, не стесняясь Алеши. Потом поворошила ему волосы и спросила, где у них телефон.

— Можно я позвоню от вас?

— Можно, — ответил Алексей. — Телефон на базе.

— А где база?

Он опять забрался на диван, взял трубку с базы и молча отдал Светке. Потом ушел в другую комнату, выбрал диск Пинка Флойда «Стена» и вставил его в компьютер, включил колонки. Ему очень нравилось, как там, в этой музыке, приземляется вертолет.

Он сел в кресло, подтянул колени к подбородку и стал слушать. Ему хотелось, чтобы Светка вошла в комнату и увидела, как он слушает музыку. Светка действительно скоро вошла к нему вместе с мамой. Мама улыбалась и покачивала головой. Светка взяла со стола коробку от диска, покрутила ее в руках, заглянула в монитор.

— Ниче, какой у вас ребенок продвинутый!

Илья КОЧЕРГИН — родился в 1970 г. в Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Публиковался в журналах «Дружба Народов», «Знамя», «Новый Мир». Повесть «Помощник китайца» и рассказы вышли отдельной книгой в Москве, были также переведены на французский и изданы в издательстве «Actes Sud». Лауреат премий журналов «Знамя», «Новый мир», а также премии «Эврика» и премии Правительства Москвы в области литературы и искусства. Живет в Москве.

— Да это Костя его приучил, — объяснила мама. Потом она задернула на окнах занавески и сказала Алеше: — Давай, тети уже уходят, а тебе пора ложиться.

Алексей знал, что взрослые всегда ужасно хотят спать, поэтому он не стал спорить при Светке.

— У меня и так уже глаза слипаются, — ответил он.

Потом тети уходили еще целый час, а он начал строить на полу гараж для нового серебристого бьюика.

— Ленчик, елы, я тебя люблю.

— Я вас тоже всех, девчонки, люблю. Давайте, заходите еще как-нибудь, правда!

Они долго повторяли это на разные лады и толклись в коридоре.

Потом они все-таки ушли, и Алексей был отправлен в кровать. Он лежал и слушал, как мама моет в кухне посуду. Потом он стал думать, как папа его возьмет с собой, когда станет тепло. Рюкзак был уже давным-давно собран, в него были уложены самые необходимые в дороге и любимые вещи.

Они с папой даже сходили в магазин для путешественников и купили Алексею сапоги из прозрачной резины. Папа говорил, что они возьмут с собой палатку, а может быть, даже надувную лодку. Но все-таки для этого нужно было, чтобы стаял весь снег и появилась трава. Алексей сегодня, когда они гуляли с мамой, разбивал палкой снежные кучи и остатки снеговика около детской площадки: помогал солнышку.

Он наконец закрыл глаза. Исчезли полоски ночного фонарного света на потолке и просвечивающие занавески. Алексей ясно вспомнил, какой папа приезжает: сбоку на рюкзаке висит тренога для фотоаппарата, спереди, на животе — кофр. Папа берет Алексея на руки, он полон новых запахов, у него колючая щетина. И стало совершенно невозможно терпеть, когда настанет радость, когда они вместе с папой и Пинком Флойдом будут идти с рюкзаками по сияющему золотому пути.

Огромное гладкое кольцо дорогой убегало под ноги, по сторонам в желтых лучах вставали города, леса, бежали речки, возле которых они будут ставить палатку. Солнце сверкало, блестело со всех сторон. По золотому кольцу мчались поезда и автобусы, из окошек выглядывали пассажиры и видели, как они с папой спокойно шагают дальше и дальше.

* * *

Папа торопился. Он успел за полдня сделать Муром и отправился во Владимир. Надо было скоро уже сдавать материал, а еще оставались пять городов. Папа радовался оттого, что в Муроме удалось хорошо поснимать. Подфартило с погодой.

Когда в этот день в пять утра проводница высадила его из поезда, он поглядел наверх и увидел бесчисленные яркие, морозные звезды. Млечный путь висел над землей, настроение было отличное. Он энергично зашагал по безлюдному перрону вдоль поезда, который вскоре тронулся. Потом папа увидел название станции. Это был не Муром, а какое-то

Кольдино. Он схватился за поручень идущего поезда и начал колотить кулаком в дверь. Папу обдувало морозным ветром, он мчался на ступеньке вагона над темным снегом. Через некоторое время проводница открыла дверь и впустила его. Это был его вагон и его проводница.

— Это Кольдино, елки, а не Муром, — сказал папа.

— Да? А я одного тут высадила в Муром. Билет есть?

— Это я и был, которого высадили.

Папа проехал еще минут двадцать и благополучно вышел в Муроме. К рассвету он успел выпить бутылочку пива на автостанции и добраться до Спасского монастыря. Взошедшее над Окой солнце освещало розовым светом собор, колокольню, маленькую часовню над обрывом. Папа фотографировал, стоя почти по пояс в снегу на бетонных плитах, сложенных около монастырской ограды. Потом он с чувством охотника, сделавшего удачный выстрел, вытряхал снег из ботинок, курил и почал плоскую бутылочку дешевого коньяка, купленную по пути в круглосуточном магазине. Бутылочка хранилась в заднем кармане джинсов и была теплая, самой той температуры, что нужно. За Окой открывался вид на бескрайние заречные просторы.

Гуляя по городу, папа из любопытства зашел в пивную, старую советскую пивную-стекляшку. Он открыл дюралевую дверь и потопал ботинками, чтобы отряхнуть с них снег. Занят был только один дальний столик. Трое мужиков, сидевших за ним, вскочили на ноги и замерли, глядя на папу. У одного от такого внезапного вставания упал стул. Четвертый остался сидеть, поставив локти на стол и свесив седую лохматую голову.

Папа тоже замер и смотрел на них. Потом низенький рыжий мужик в мохнатой кепке облегченно выдохнул:

— О-е. Фух-х. Турист, сука.

Сука прозвучало почти любовно. После этого они опустились обратно на свои места, одному пришлось поднять упавший стул. Перед ними стояли пузатые старомодные пустые кружки. Седой продолжал глядеть на сведенные на столе кулаки, пошевеливая большими пальцами. Папа постоял, потом вышел обратно на улицу.

К одиннадцати часам он снял большинство памятников архитектуры, зашел в музей и разговорился с охранником, от которого узнал, что раньше город был закрытым из-за предприятий оборонки. Теперь-то открыли, туристов много приезжает. А так, конечно, — обычный бардак, как в борделе с блядями. Отработал вот всю дорогу на радиозаводе, до пенсии совсем маленько не дотянул. Всех уволили. Теперь вот — охранником. Последний мэр начал что-то делать — грохнули.

Папе было неудобно останавливать мужика, который искренне хотел помочь в написании путеводителя и сообщал всю доступную информацию. Папа хотел только сделать несколько снимков в музее и поехать дальше. Солнечный день не стоило пропускать, он мог успеть еще в какой-нибудь город.

Потом охранник показал ему, как добраться до дирекции. Дирекция была на совещании, поэтому папе пришлось подождать, и он пообедал в

столовой колхозника номер 19. Когда дирекция освободилась, папу пригласили в кабинет на втором этаже. Папа не знал, что бывают такие молодые и ухоженные директора музеев с длинными ногами и ногтями.

— Главное, что вы должны показать: мы — это не районный или областной уровень. Мы — федеральный уровень. Такие фонды, такой масштаб — это действительно федеральный уровень. И просто обидно, что не все это понимают.

Папа с готовностью понял уровень, а потом его взяла под руку пожилая тетенька и повела показывать экспозиции. Музейные работники нарядились в старинные костюмы и позировали для путеводителя. После каждого щелчка камеры они бросались посмотреть, что вышло на жидкокристаллическом экране фотоаппарата.

— Очень здорово. Вот такую пришлите нам. Я, правда, здесь какая-то прищурившаяся слишком, но все равно пришлите.

Наконец папа сел в маршрутку до Владимира, и мимо побежали города, поля, речки, церкви, освещенные ярким желтым солнцем, которое топило снег и слепило глаза.

Во Владимире, который папа уже посетил раньше, он сразу пересел на автобус до Юрьева-Польского. ПАЗик довольно резво мчался по полям, но папа все равно волновался, что не успеет до заката и придется ночевать в этом городе где-нибудь на вокзале или автостанции. Дело в том, что в Юрьеве-Польском не было гостиниц.

Билеты и гостиницы папе оплачивали. Вернее, сказали, что оплатят, когда весь материал сдаст. Это вообще было забавно, как он получил эту работу. Когда маме уже надоели папины жалобы на скучную, стабильную жизнь без путешествий и приключений, она в сердцах сказала ему, чтобы он сам как-то налаживал свою приключенческую жизнь. Только чтобы деньги получал за это. Устроился бы, например, в какое-нибудь издательство, выпускающее путеводители или что-то вроде того. Делал, одним словом, что-нибудь, а не ныл.

И вот папа оказался в кабинете директора издательского дома «Пилигрим». Помимо директора там сидел пожилой главный редактор. Оба глядели на папу. Директор иногда задумчиво листал папину книгу. Главный редактор иногда перебирал папины фотографии.

— Но вы понимаете, что на этом невозможно заработать? Хотя у нас и приличные по сравнению с другими издательствами гонорары, но это все равно не заработок. В то же время составление путеводителя — это довольно большой труд. Зачем вам это нужно?

— Скажу вам честно, — отвечал папа и глядел директору прямо в глаза, — мне просто нужно новых впечатлений. Ведь я пишу, а для пишущего человека нужны новые впечатления. К тому же я люблю путешествовать.

— А-а, — ответил директор и снова развернул папину книжку.

— Ну, а у вас останется время для работы над путеводителями, если вы постоянно пишете? Ведь, насколько я понимаю, это требует времени — сочинять, — в разговор вступил седой главный редактор.

— Останется.

— А почему вы решили взяться за составление путеводителей?

— Ну, я же вам говорил, что мне нравится путешествовать, к тому же мне нужны новые впечатления. Понимаете, нужно слышать людей, встречать разные мнения. Говорить с людьми. Новые впечатления...

— А если честно?

Папа опять прямо и открыто посмотрел в глаза директора и главного редактора. Папа умел производить хорошее впечатление и поэтому он вскоре написал пробную главу по Сергиеву Посаду, и после этого ему дали составление путеводителя по маршрутам «Золотого кольца России». Папа подписал договор.

В Юрьев-Польский папа приехал минут за двадцать до заката. Он успел в елочках, почти у самого отделения милиции, дрожа от нетерпения, отлить выпитое в дороге пиво, а также сфотографировать знаменитый Георгиевский собор и закат над колокольней какой-то церкви. После этого стало темно, он отправился на железнодорожный вокзал и попросил в кассе билет до Москвы. До поезда оставалось почти восемь часов.

— Поздно прибыл, молодой человек, — сказала кассирша. — Я уже ведомость закрыла. Теперь за час до прибытия поезда приходи. Только может и не быть мест.

Папа не понял, но привычно согласился с установленным порядком вещей. Он докончил теплую бутылочку и стал думать. Сотовый почему-то не работал. Симпатичная девушка взяла билет до Иванова на семь, и папа решил сделать то же самое. Выбор был небольшой — до Москвы или до Иванова, который тоже входил в Золотое кольцо.

Потом он вышел из здания вокзала и стал искать в темноте киоск. У вокзала всегда должны быть киоски.

— Где тут у вас ближайший киоск? — спросил он прохожего.

— Тебе зачем киоск? Что купить хочешь? — спросил в ответ человек.

— Пивка в дорогу хотел.

— Иди со мной. Тут киосков нет совсем, надо наверх идти.

— А почему тут у вас Мегафон не работает? Ни одной палочки не показывает. — Папа вытащил телефон и поглядел на экран.

— Тут тебе никакой палочки не будет. Это мертвый город. Мегафон хочет! Мертвый, я говорю. Ничего тут тебе не будет. Пятнадцать лет назад я сюда приехал — еще туда-сюда. А сейчас — все. Ничего нет.

— А вы откуда приехали?

— Пятнадцать лет назад приехал, раньше в Москве жил. Там у меня брат сейчас. Я служил там, потом физкультурный закончил, женился, сюда приехал. Солнцево знаешь?

Прохожий вдруг схватил папу за рукав и сдернул с дороги в сторону обочины.

— Смотри, этот ехал плохо совсем. Тут одни дураки ездют. Пьяные совсем. Так можно, что задавят тебя легко. Это такой мертвый, я говорю тебе, город. Осторожно надо.

Папа с прохожим минут через пятнадцать добрались до киоска.

— Танюша, этому человеку побыстрее все отпусти, что надо. Хороший человек, — сказал прохожий в окошко киоска.

— Ну что, хороший человек, хочешь? Пива небось?

— «Золотую бочку», пожалуйста, пару баночек.

«Золотой бочки» не было. Папе вручили «Ярпиво янтарное» в пластиковой полуторалитровой бутылке, и он, попрощавшись с прохожим, пошел обратно.

В поезде папа долго не мог найти свободного места, пока не встретился с симпатичной девушкой, которая покупала билеты перед ним в кассе.

— Смотрите, тут есть место, если только мы вдвоем сможем уместиться, — сказала она.

Папа обрадовался, но потом вскоре скис, потому что девушка, прижав к нему плотное бедро, открыла какой-то конспект и списывала с него в тетрадку, отвечая на папины вопросы исчерпывающе, но не отрываясь от своего дела.

— Сколько вам лет? — спросил, в конце концов, папа.

— Семнадцать, — смущенно ответила девушка и посмотрела на папу. Папа тоже смутился.

— У меня дочке семнадцать, — сказал он. Потом, немного оправдываясь, добавил: — От первой жены. От второй парню, Лешке, только пять.

Девушка продолжала переписывать конспект. Папа покрутил на пальце золотое кольцо, потом вытащил из рюкзака «Ярпиво», и девушка совсем отвернулась к окну. В Иванове ее встретил какой-то идиот в компании таких же идиотов, которым она обрадовалась и исчезла с ними в толпе.

Из гостиницы прямо напротив вокзала папа с сотового позвонил домой, но через полминуты сел аккумулятор, а подзарядник он позабыл дома. Папа прикончил пластиковую бутылку в номере и спустился в кафе.

Утром он снова спустился в кафе, заказал борщ, выпил бутылочку пива и отправился в Художественный музей. Шел снег, снимать памятники архитектуры было неудобно, да и памятников, похоже, в этом городе было немного. Зам по науке встретила его неожиданно агрессивно.

— Кофе будете?

— Да нет, спасибо.

Тетенька налила ему кофе, открыла коробку печенья.

— А теперь говорите, почему вы вот так сваливаетесь как снег на голову? — Ее ноздри трепетали.

— Как понять, как снег?

— Да так. Нельзя было, что ли, послать заранее запрос, письмо? У меня за плечами двадцать пять лет этой работы. Если вы от нас чего-то хотите, то об этом нужно предупреждать.

— Я от вас ничего не хочу. Я просто спросил, как бы вы хотели, чтобы был представлен ваш музей в нашем путеводителе по Золотому кольцу. И что мне лучше снять.

— Вы всегда говорите, что от нас вам ничего не нужно, а между тем мне хотелось бы упомянуть, что основателем нашего музея явился Дмитрий Геннадиевич Бурылин. Вам известно это имя? А фамилия Куликов вам что-нибудь говорит? Если нет, то я вам сочувствую. Меня, между прочим, зовут Елизавета Дмитриевна.

— Елизавета Дмитриевна, я не...

— Не стоит. Столица выработала определенное отношение к регионам, которое вы, конечно, при всем вашем желании не сможете изменить. Сашу Лацко знаете? Нет? И зря. А Вадика Панурина? Так вот они совершенно запросто приезжали к нам, и у нас с ними сложились потрясающие отношения. Они делали у нас выставки, и какие выставки! Помимо этого у нас постоянно меняющаяся экспозиция местных художников, которые даже в подметки... которые ничем не хуже ваших Церетели.

Худощавая, современно выглядящая Елизавета Павловна нервно прошлась по своему огромному кабинету, потом вернулась к папе, оперлась о стол, наклонилась и, вглядываясь зелеными с крапинками глазами в папу, начала задавать ему вопросы по истории музейного дела, на которые он не мог ответить. Потом она прочла небольшую лекцию, в которой сквозила страсть и любовь к искусству. К двум часам дня она провела папу по всем залам музея.

— А это наша известнейшая тропининская стенка.

— Тропининская?

— Я не нанималась к вам экскурсоводом! Не надо меня переспрашивать. Для того, чтобы проводить экскурсии, есть другие люди. Мне просто жалко, что вы так чудовищно безграмотны.

— Я не расслышал, поэтому переспросил, — пытался оправдаться папа.

— Вернемся ко мне в кабинет. Я хочу вам кое-что подарить.

Елизавета Павловна подарила папе несколько художественных альбомов и кучу проспектов, посвященных экспозициям музея.

— А теперь уходите. Я напишу за вас вашу статью для этого дурацкого путеводителя и пришлю. Вы можете оставить ваш и-мэйл адрес.

Папа оставил свой адрес, но никогда в будущем не получил статьи от Елизаветы Павловны.

Перед самым уходом, когда он уже сделал несколько снимков в музее, зам по науке сказала:

— Вы можете звать меня просто по имени.

После этого папа ушел и вернулся в гостиницу. Было уже довольно темно. Он провел почти весь день в этом музее.

На следующий день папа выехал в Плес. Он решил, что, раз уж он оказался в Иванове, выгоднее будет съездить в Плес и в Нерехту, не возвращаясь в Москву.

В Плес он приехал часам к десяти дня. К полудню он посетил Соборную гору и музей внизу, около Волги, где ему дали кучу материалов и посоветовали, откуда лучше фотографировать город.

К часу дня папа был около деревянной церкви над Волгой, поставленной вместо той, сгоревшей, которую изобразил Исаак Левитан на своей картине. Кто такой Исаак Левитан, папа, к своему облегчению, знал и даже сфотографировал его бюст около музея. Деревянная церковь стояла среди не протоптанных снегов, и с ее крутой крыши сползал от весеннего солнышка снег, оставляя мокрые следы на тесаных досках.

Папа сбросил куртку, уселся на нее и стянул свитер вместе с рубашкой. Голую спину начало припекать солнышко. Когда потягивало ветром, то папа ежился, но в безветренные минуты он довольно щурился вокруг и потягивал из бутылки коньяк.

Церковь на снимках вышла хорошо, папа даже подумал о том, чтобы составить целый фотографический альбом по русскому деревянному зодчеству. Папа мог бы объехать весь русский Север, сфотографировать все деревянные церкви, не спеша, дожидаясь возле каждой церкви нужной погоды и нужного освещения. Могли бы получиться замечательные фото с плывущими вдаль облаками и посеребренными временем венцами старых срубов.

Множество деревянных церквей наверняка находятся в маленьких заброшенных деревушках. В это лето папа мог бы ставить палатку в прекрасных, безлюдных местах и никуда-никуда не спешить. Это было бы отдаленно похоже на то, к чему папа всегда стремился. На тот давний поход восьмидесятого года, когда маленький папа со своим папой путешествовали по Сон-реке в Северной Карелии.

Как бы это было чудесно зарабатывать деньги, осуществляя свои детские мечты! Как бы чудесно было делать то, что ты всегда хотел делать, не встречая укоризненных взглядов со стороны мамы. Алешкиной мамы.

Папа отбросил пустую бутылку. Ему стало хорошо. Он сидел и никуда не торопился, он почти приехал. Он сидел среди сверкающего как золото весеннего снега на ступеньках уютного деревянного храма. Не было никого, кто бы мог ему сказать, что нехорошо разбрасывать пустые бутылки.

Папе было просто хорошо, вот и все. Он прижался к теплой деревянной двери храма, который никогда не был изображен Исааком Левитаном, но который стоял сейчас в таком сверкающем весеннем снегу! Папа потихоньку заплакал, пользуясь тем, что никто посторонний не мешался над вечным покоем. Солнце на серых плахах здания напоминало пьяному папе солнце на теплых книжных шкафах квартиры в Беляево, где прошло его детство с родителями.

Потом подул ветер, и папе пришлось одеться и утереть слезы. Он начал складывать в рюкзак недоеденную колбасу и хлеб. Постепенно папа набрался смелости, энергии и сил для дальнейшего путешествия.

Ему захотелось вернуться в музей, вниз на берег Волги, где его поили чаем и снабжали материалами по краеведению. Просто так войти в музей и сказать спасибо этому замечательному, по-волжски окающему замдиректора за его человечность. Папа решил даже объяснить замди-

ректора, что человечность иногда заключается даже просто в том, чтобы отправить его, папу, в нужный, весенний полудень в нужное, теплое, доброе место, где он сможет спокойно поплакать на экзистенциальные темы.

Потом папа понял, что не найдет дорогу в музей. Тогда он доверился спрятанному в животе внутреннему компасу, который повел его к автостанции. Вниз, с Левитановой горы, мимо таких же сидевших в желтом, домашнем снегу мужиков, дальше к автомобильной дороге.

Мужики остановили его.

Один из них протирал снегом огурцы. Потом он отрезал огурцам попки, располовинил вдоль, вырезал сердцевины и выбросил их.

Папа сел рядом с мужиками в теплый снег, протянул руку, и ему была вложена в ладонь половинка огурца с вырезанной серединкой. Потом в овощное чрево плеснулся одеколон.

Выпили и закусили. Папа вдруг протрезвел, доедая половинку огурца.

— Христос, ебнть, воскрес. Когда у нас Пасха, а, мужики? Скоро?

— Не матерись.

— А вы кто? Кто такие? Почему одеколон пьете?

— Забирает лучше. Мы — художники. Ты-то сам куда идешь?

— На автостанцию.

— Это вот вниз спустишься и направо по дороге. Через мостик потом и наверх.

Папа осилил путь, перешел через мостик, сел вовремя в автобус и прибыл в Кострому. Его разбудил там водитель. Папа понял, что потерял кофр с дорогущим фотоаппаратом, но вдруг, сидя на лавке Костромского автовокзала, возле газетного киоска, обнаружил кофр в рюкзаке. Так бывает, что положишь что-нибудь куда-нибудь, а вспомнить не можешь.

Две бабушки напротив, наклонившись друг к другу и взявшись ладонями, негромко пели пронзительными голосами: «Не ходи ты ко мне под окошко». Папа подумал, что все это похоже на какой-то фильм.

На следующий день папа снимал Нерехту, а потом поехал обратно в Москву. Папе оставалось только еще посетить Гороховец, последний из восемнадцати городов, которые он запланировал. На этом Золотое кольцо заканчивалось.

По дороге в Москву папа дремал в икарусе с красными занавесками, мимо окон проносились города, реки, поля и церкви. Встречное солнце золотило дорогу, которая плыла под колеса автобуса. Папа задремывал, и ему снился поход, в котором его папа был бородатым, молчаливым, но близким. Они вместе искали место для палатки на выжженной зимними морозами, желтой протаявшей траве. Потом папа просыпался и вспоминал, как его мама говорила, что его папа умер вовремя, что он бы не перенес того, что происходит сейчас в стране. А что было бы, если бы он не перенес? И как можно умереть вовремя или не вовремя?

А все равно было приятно ехать мимо всех этих сверкающих, тающих сугробов, смотреть на золотые обочины Золотого кольца и чувствовать, что весенние пейзажи навевают приятные мечты и приятную дрему.

Юрий КАГРАМАНОВ

ОКО БУРИ

К вопросу о столкновении цивилизаций

Андромаха. Троянской войны не будет, Кассандра!
Кассандра. Я готова поспорить с тобой, Андромаха.
Жироду Ж. «Троянской войны не будет»

Армагеддон откладывается?

Не кажется ли вам, что угроза исламского терроризма оказалась несколько преувеличенной?

Вопрос может показаться неуместным, если учесть, что попытки терактов, удавшиеся и неудавшиеся, все еще продолжаются. Но вспомним впечатление, какое произвело событие, коротко называемое американцами «11.9». Тогда многим пришло в голову, что наступает, ни больше ни меньше, конец света — Армагеддон; в изначальном библейском представлении — последняя брань, в которой никто не выйдет победителем. 11.9-го впервые сделалось очевидным, насколько хрупка современная цивилизация: группа решительных людей, не дорожащая своими жизнями, способна взорвать ее изнутри, и никакие грозные армады, на земле, в небесах и на море, не в силах ее от них уберечь.

Страшная тревога овладела американцами: «11.9» было воспринято, как н а ч а л о большой террористической войны, которая вполне могла закончиться гибелью Америки. Представим, что за этим терактом последовало бы, с небольшими интервалами, несколько других, ему подобных, то есть не точно таких, но близких по результатам. Это могло бы быть, например, отравление источников воды, или распространение эпидемических заболеваний (в этом случае число погибших людей могло бы исчисляться уже не тысячами, а миллионами), или веерное отключение энергосетей, или разрыв ниток газо- и нефтепроводов (в последних двух случаях неисчислимые потери понесла бы американская экономика), или что-то другое, до чего способен додуматься технически развитой ум. Следствием подобной серии терактов явилась бы распространившаяся среди населения паника, которую уже ничем нельзя было бы остановить. В результате вся цивилизацион-

Юрий КАГРАМАНОВ — родился в 1934 г. в Баку. Окончил Исторический факультет МГУ. Автор книг и статей по западной и русской культуре и философии, публиковавшихся в журналах «Вопросы философии», «Иностранная литература», «Новый мир» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

ная машина рухнула бы в продолжение нескольких недель или месяцев и жизнь в Америке стала бы очень похожей на ту, какую изображают голливудские поделки про «конец света».

Но, слава Богу, с того достопамятного утра, 11.9-го, идет уже шестой год, а ни одного крупного теракта в Америке больше не было (если, конечно, не считать разрушений, вызванных ураганами «Катрин» и «Рита», ответственность за которые «Аль-Каида» взяла на себя, утверждая, что это она вымолила их у Аллаха). Единственный крупный теракт, намечавшийся в самолетах, летавших над Атлантикой летом 2006 года, был предотвращен британскими спецслужбами; но относительно его еще много неясностей. В Европе теракты были, но куда меньшие по масштабам[1]. Возросла бдительность спецслужб? Возможно; но что-то не верится, чтобы в созданной ими «системе обороны» не было многочисленных лазеек, куда могли бы проникнуть террористы.

У алькаидовцев пропало желание «смешать Америку с землей»? Но и в это тоже не верится. Тогда в чем же дело?

Скорее всего, у «Аль-Каиды» проблемы с кадрами. А это значит, что она не пользуется в мусульманской среде той поддержкой, на которую рассчитывала.

11.9-го шелест восхищения прошел по всему мусульманскому миру: Америка получила сильнейший удар в лоб, от которого едва устояла на ногах. Внутреннее ликование порою не могли скрыть даже те, кто формально считается ее друзьями. Впервые со времен ранних мусульманских завоевателей Запад трепетал перед «воинами Аллаха»! Было от чего взыграть сердцу!

Но восхищение еще не означало поддержки. Один неназванный саудовец именно так сказал американскому корреспонденту: я ими восхищаюсь, но их не поддерживаю. Продолжение террористической войны отнюдь не отвечало интересам элиты нефтевывозящих стран, в первую очередь Саудовской Аравии, чьи сыны, главным образом, устроили «показательное выступление» 11.9-го. Если бы Америку постигла катастрофа, она распространилась бы и на остальные страны, в том числе нефтедобывающие. Кстати, в самих Соединенных Штатах вложения дома Саудов на конец 2001 года приближались к одному триллиону долларов. Нет, Армагеддон был ей совсем не нужен.

Многие мусульмане дистанцировались от «Аль-Каиды» по этическим соображениям: обрушение домов-гигантов, выстроенных кичливыми янки, выглядело завораживающе эффектно, но погубление мирных людей (среди которых, между прочими, были и мусульмане) — это не совсем то, или даже совсем не то, что прописано в Коране.

Но есть еще одна причина, по которой «Аль-Каида» не добирает поддержки. Терроризм, как известно, — орудие отчаявшихся; между тем, у исламистов нет оснований отчаиваться. Идет успешное наступление мусульманского мира на всех фронтах — религиозном, психологическом, демогра-

[1] Крупнейший из них, совершенный 11 марта 2004 года в Мадриде, имел конкретной целью заставить испанцев вывести свои войска из Ирака. Что перепуганные испанцы и поспешили сделать.

фическом, экономическом, политическом и культурном; особенно это заметно в ареале Западной Европы.

Отчасти терроризм способствует этому наступлению, ибо внушает страх перед *shadow warriors* — спрятавшимися в тени «сынами Аллаха»; а нередко и подспудное уважение к людям, так легко расстающимся с жизнью. Психологически современные европейцы близки испанскому (вестготскому) королю Дону Родриго, ничем не замечательному, кроме своего сластолюбия. Однажды ему привиделись во сне устрашающего вида воины в белых одеяниях, которые завоюют его страну.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его, —

писал о нем Пушкин[2]. Известно, чем кончилось дело: в 711 году воины в белых одеяниях высадились в Испании, наголову разбив Дона Родриго и в несколько месяцев захватив почти все его королевство.

Но, с другой стороны, терроризм мешает успешному продвижению мусульманства; и больше все-таки мешает, чем помогает. Ибо он подвергает слишком сильному испытанию либерально-толерантное умонастроение европейского общества, которое только и делает возможной экспансию мусульман и мусульманства. Если будет сорван «либеральный концерт», это сильно затруднит ее, хотя вряд ли уже остановит.

Можно считать, что терроризм сыграл роль психической атаки и, достигнув своей цели — напугав противника, теперь пойдет на убыль (дай Бог, конечно, чтобы я не ошибся).

Само собой, сказанное не относится к Израилю, где идет смертельная борьба, которая невесть когда и чем кончится.

И лишь частично относится к России, где движителем терроризма является не только и, может быть, даже не столько воинствующий исламизм, сколько северокавказский сепаратизм.

По крайней мере, в европейском направлении экспансия мусульманства в ближайшие годы будет совершаться под девизом *Festina lente* («поспешай медленно»), следуя завету незабвенного Ходжи Насреддина: «Только терпеливый закончит дело, торопливый же упадет».

Такая тактика, случалось, уже приносила мусульманам успех в прошлом. Андалузский поэт X века писал об эмире Ал-Мамуне (чьи войска шаг за шагом продвинулись на восток до границ Италии):

Он никуда не торопился
И поэтому заставил время
Опуститься на колени, как верблюда.

---

[2] Существует и другая версия: Дон Родриго проник в заколдованную комнату в своем дворце в Толедо, куда до него никто не смел проникать. Оказалось, что на ее стенах изображены арабские воины, а под ними написано, что Испания будет завоевана, если кто-нибудь нарушит запрет. Версия другая, но смысл здесь тот же: психологически король был настроен на поражение.

В свете сказанного наше внимание должно быть привлечено к «микроистории», как ее назвали французские «новые историки», противопоставившие ее «поверхностной» *«событийной»* истории, способной дезориентировать относительно вектора исторического развития в обозримом будущем.

Наиболее видимая часть мусульманской экспансии — демографическая. Я писал об этом вопросе на примере Франции, которая обещает стать первой жертвой исламистов[3]. Впрочем, может случиться и так, что первой жертвой станет Германия. Хотя процент мусульман в этой стране (здесь это почти исключительно турки[4]) пока еще значительно ниже (5–6 против примерно 10 во Франции), зато автохтонные немцы вырождаются значительно быстрее автохтонных французов: рождаемость у них почти в полтора раза ниже (хотя и у французов она не дотягивает до сакраментальной цифры 2,1 ребенка на каждую женщину, что необходимо для простого воспроизводства населения; то есть французы вырождаются тоже). Таким образом, немцы быстрее «освобождают место» для новых насельников.

В отличие от Франции, где есть только единая государственная школа, в Германии допускается существование национальных школ. Чем не преминули воспользоваться турки: в прошлом году число турецкоязычных школ в стране достигло 6 процентов от общего числа школ. Таким образом, турки и на чужбине имеют возможность не «сдавать» свой язык.

Во Франции наблюдается другое: смешение французского с арабским. Складывается своего рода «суржик», в котором лексически преобладает французский, хотя и со включением множества арабских слов, но фонетическая система уже заметно отличается от французской: нет, например, столь характерных для нее звонких носовых звуков.

Под вопросом, следовательно, не только будущее европейских народов, но и будущее их языков.

Последнее время европейские правительства в своих странах пытаются по возможности расселять, рассредоточивать мусульман, но это у них плохо получается: те упорно сбиваются вместе. Возникают территориальные образования (как правило, это пригороды крупных городов), живущие во многом автономной жизнью; здесь задают тон радикальные исламисты, требующие вывести эти анклавы из общегосударственной юридической системы и позволить им жить по законам шариата. И, наверное, рано или поздно они этого добьются. В Германии после убийства голландского режиссера Тео Ван Гога две трети немцев высказались за то, чтобы в мусульманских «гетто» (очень неточное слово) была создана особая исламская полиция, которая станет бороться с террористами. Ясно как дважды два, что если такая полиция будет создана, она будет не только бо-

---

[3] Каграманов Ю. *Похищение Марианны*. — «Главная тема». 2006. № 8.

[4] Кстати, предполагаемый «захват» этих стран облегчается преимущественно мононациональным потоком мигрантов, устремляющихся в каждую из них. Будто какой-то невидимый штаб распределил: во Францию, Италию, Испанию едут арабы, в Германию — турки; только в Англии мусульманское население — этнически смешанное.

роться с террористами, но в какой-то момент начнет выполнять совсем другие задачи.

Футурологи предсказывают, что подобные анклавы со временем будут расширяться и могут поглотить крупные города, оттесняя автохтонное население в сельскую местность.

Любители заглянуть в будущее рисуют карты Европы, какою она должна выглядеть через энное количество лет. На одной из таких карт, помещенных в Интернете, датированной 2025 годом, на месте Франции красуется «Исламская республика Новый Алжир», Испании — «Мавританский эмират Иберия», Германии — «Новая Турция», и т. д. («пощажена» лишь Восточная Европа). На другой карте, «Германия в 2030-м», страна поделена на земли, название каждой из которых оканчивается на «стан» (например, вместо Баварии — Байристан); переименованы все города, получившие новые благозвучные названия: Гамбург стал Хамасбург, Ганновер — Ганноверабад, Висбаден — Ваххабибаден, и т. д.; пунктиром отмечены три большие «резервации для неверующих».

Настанет день, и немецкий Клаус (популярный в первой половине XIX века образ немца-мещанина в ночном колпаке), выглянув из окна, скажет, как незадачливый Карась в комической опере «Запорожец за Дунаем»:

И как же это вышло так,
Что в турка вдруг я превратился?

Этот день может оказаться не столь уж отдаленным. Для достижения господства в Германии, как и в других европейских странах, мусульманам совсем не обязательно ждать, пока они станут арифметическим большинством. В истории не раз уже случалось так, что энергичное меньшинство навязывало свою волю большинству. Уместно вспомнить, что во Франции XVI века кальвинисты составляли едва десятую часть населения, и тем не менее, как считают историки, у них были реальные шансы на победу.

Демографическая экспансия мусульман поддержана экономической — не столь заметной, но оттого не менее значимой. В Соединенных Штатах, как я уже говорил, до 11.9-го вложения одного только дома Саудов приближались к триллиону долларов (потом они несколько уменьшились). Но американцы относятся к мусульманам настороженно, а то и прямо враждебно. Иначе в Европе: там отношение к мусульманам пока остается терпимым, хотя и смешанным со страхом. Европейское общественное мнение больше настроено против Израиля, и теракты, где бы они ни совершались, склонно объяснять неуступчивостью израильтян. Поэтому в Европу арабские нефтедоллары текут рекой. Никто не подсчитывал, какую сумму составляют арабские вложения в недвижимость, банковское дело, торговлю, сферу услуг и т. д., ясно только, что они огромны и год от года увеличиваются. «Они (мусульмане) просто покупают нас», говорят европейцы.

Бат Йеор в своей нашумевшей книге «Еврабия»[5] показала, что экономические рычаги используются арабскими шейхами для достижения влия-

[5] Bat Yeor. *Eurabia: The Euro-Arab Axis*. London. 2005. Об этой книге я писал в статье «Еврабия: призрак или реальность?» — «Дружба народов». 2006. № 5.

ния в сфере СМИ и в академической среде. Что многие СМИ подкармливаются шейхами, видно из того, что в палестино-израильском вопросе они целиком и полностью держатся стороны палестинцев. Но в журналистской среде неподкупность никогда не была особо распространенной добродетелью. Больше огорчает мздоимство (если таковое имеет место) ученых мужей, от которых привычно ждешь следования истине, как они ее понимают. Между тем в европейских университетах идет широкий пересмотр истории, в частности, истории культуры, в сторону всяческого — и явно гиперболического — подчеркивания мусульманских влияний на Европу. Отсюда исходят и школьные учебники, знакомясь с которыми, учащиеся не раз должны будут приходить к выводу, что им крупно не повезло оттого, что они родились европейцами. Допускаю, впрочем, что тут не в одном мздоимстве дело, а просто в ученых головах почему-то складываются какие-то новые созвучия.

Уместно вспомнить, что поколение историков (как и ученых других специальностей), ныне дожившее до академических седин, прошло через культурную революцию конца 60-х и вынесло оттуда представление об ущербности собственной цивилизации в сравнении с другими. Кто-то впоследствии от этого представления отказался, а кто-то утвердился в нем и передает его по наследству следующим поколениям. Характерный пример — книга английского историка (и представителя почтенной династии историков) Джона Хобсона «Восточное происхождение западной цивилизации». Хобсон напоминает об известном факте превосходства арабской цивилизации, сравнительно с европейской (точнее, западноевропейской — исключая Византию), в VIII–XI веках, но почему-то распространяет его и на позднейшее время — XVI век (!) и даже позже. По его утверждению, только на пороге XIX века Европа вырвалась вперед, — и то «на плечах» (?) Востока. Потому что в XVI веке, когда был дан старт развитию капитализма, Европа широко распахнула ворота (до того полуоткрытые) перед Арабским Востоком, откуда хлынул на запад поток товаров, капиталов (и заодно всех основных финансовых институтов, которые до сих пор почему-то считались изобретением итальянцев), идей и технологий, включая технологию морского дела, которая будто бы целиком была заимствована европейцами у арабов. Правда, Америку открыл все-таки Колумб, но это потому, что его гнала вперед *crusader mentality* (миссия крестоносца)[6], а отнюдь не «рациональное беспокойство», о котором писал М. Вебер. Последнее было свойственно как раз арабам. Пришло время, заключает Хобсон, чтобы «явился

Под псевдонимом «Бат Йеор» (что означает, в переводе с иврита, «Дочь Нила») пишет Жизель Литман, изгнанная, в числе других евреев, из Египта и ныне живущая в Швейцарии.

[6] Доля истины в этом есть: Колумб, как известно, пытался найти путь в Индию и, между прочим, отыскать там мифическое «царство пресвитера Иоанна», чтобы вступить с ним в союз против ислама. Но это именно только доля истины. 1492 год, когда совершил путешествие Колумб, был годом блестящих побед испанцев, которые окончательно вытеснили мавров с полуострова и впервые высадились на африканском берегу. Никакой особой нужды в союзниках у них тогда не было.

кто-то, кто напишет книгу под названием "Исламская этика и дух капитализма", которая окончательно продемонстрировала бы, почему только ислам мог способствовать значительному экономическому прогрессу»[7].

Прежде европеец чувствовал себя среди других рас Гулливером в стране лилипутов, теперь, похоже, — Гулливером в стране великанов.

В других исследованиях (едва удержался, чтобы не заключить это слово в кавычки) утверждается, например, что современная компьютерная техника ведет свое происхождение от арабов: это они положили ей начало своей криптографией, механическими системами составления кодов и астрологическими таблицами. Замечу, однако, что математический и астрономический гений арабов заслуживает всяческих похвал, но сколько лун сменилось с тех пор, как он проявил себя в последний раз! К тому же подобные исследования совершенно игнорируют зависимость самих арабов от достижений эллинистической науки.

Вывод, который можно сделать из такого рода научных или псевдонаучных работ, по-моему, однозначен: «придите и возьмите» нас.

Французский писатель Морис Дантек некоторыми критиками считается самым крупным, наряду с М. Уэльбеком, писателем своего поколения (сорокалетних). В прошлом году увидел свет его роман-антиутопия «Cosmos Incorporated» — о том, как о н и «пришли и взяли». К сожалению, мне не удалось найти эту книгу, но, судя по рецензиям, некоторые ходы воображения здесь весьма интересны. Действие происходит в 2057 году — столетие спустя после запуска первого спутника (каковое событие принимается, вероятно, за научно-техническое *акме* европейской цивилизации). Мусульмане завоевали западный мир, но не разрушили его, а просто взяли цивилизационную Мегамашину в свои крепкие руки и заставили ее, с некоторыми коррективами, функционировать дальше. В таком обороте дела нет ничего невероятного, — если только мусульмане не будут ваххабитами (о чем ниже), а также при условии, что Мегамашину, по крайней мере, в продолжение некоторого времени, продолжали бы обслуживать местные кадры. Примерно так же обстояло дело в эпоху завоевания арабами Византийской империи: ради поддержания цивилизованного существования оставались на своих местах все те, от кого это зависело, — врачи, юристы, инженеры и т. д.; должно было миновать столетие-другое, прежде чем на их место пришли соответственно подготовленные мусульмане.

Но Дантека, в зрелом возрасте обратившегося в католичество, не судьба Мегамашины интересует, но судьба своей религии. В «прекрасном новом мире», воссиявшем под знаком полумесяца, христианство превратилось в гонимую, катакомбную религию — как это было в раннюю его эпоху, что, по мнению Дантека, более всего соответствует его сущности. Вот такой неожиданный поворот.

Христианство и вправду д о л ж н о превратиться в гонимую, катакомбную религию, но только в последние времена, когда наступит царство Антихриста (предваряющее Второе пришествие Христа). Но кто, без риска в очередной раз оконфузиться, возьмет на себя смелость утверждать, что

[7] Hobson J. *The Eastern Origins of Western Civilization*. Cambridge. 2005. P. 297.

пришли последние времена? Во всяком случае, мусульмане никакого отношения к Антихристу не могут иметь по той причине, что не верят во Христа (как Сына Бога)[8]. Напротив, нынешний подъем мусульманства не есть ли знак того, что «интрига» истории усложняется и, следовательно, до последних времен еще далеко? А коли так, то преждевременная «сдача» истории недопустима для христианства, самой исторической из всех существующих религий. Христианство в большой мере несет ответственность за сложившееся положение дел, в Европе и остальном мире, — может ли оно снять с себя эту ответственность и, так сказать, уйти в затвор?

Между тем, нынешнее христианство в Европе, как в католической, так и в протестантской своей части, — если верить критикам, выступающим изнутри его собственных рядов, — слабое, «гибкое», наученное приноравливаться к «ходу вещей» и в целом мало подготовленное к тому, чтобы противостоять исламу. Порою кажется, что оно само готово проложить ему дорогу. Сам покойный папа, публично целовавший Коран, пытался всячески «задобрить» мусульман. Антрополог Ида Мальи пишет: «На протяжении длительного времени папа Войтыла затушевывал различия между Евангелием и Ветхим Заветом. На почве Ветхого Завета остаются иудаизм и ислам; но евреев мало, и они не являются миссионерским народом, поэтому опора на Ветхий Завет означает, прежде всего прочего, открытость по отношению к исламу»[9].

Новый папа, взявший себе имя Бенедикта XVI (св. Бенедикт считается покровителем Европы), вроде бы пытается повернуть руль в сторону большей консервативности. Но насколько это ему удастся, пока сказать трудно. Достаточно напомнить, какую волну гнева вызвало у исламистов одно лишь его цитирование антиисламистского высказывания византийского императора аж XIV века, — с которым, понятно, сам папа не поторопился солидаризироваться.

А вот другой лагерь, протестантский. Принц Чарлз — будущий король Англии, а значит, «по совместительству» и глава Англиканской церкви. И что же он думает об исламе? Цитирую: «Сегодня ислам может научить нас тому, как понимать мир, который христианство выпустило из рук, и как в нем жить»[10]. Замечу, что это сказано в аудитории Оксфордского университета, а значит, не одни соображения политкорректности руководили принцем: видимо, он просто сказал то, что думал.

В «Алисе в стране чудес» рыцарь с зеленой бородой стыдливо прикрывает ее веером. А принц Чарлз свою «зеленую бороду» демонстрирует, нисколько ни перед кем не таясь.

Удивительно ли, что, по данным опросов, две трети европейцев, еще считающих себя, хотя бы формально, христианами, не думают, что «христианство выше ислама»? Интересно, найдется ли хоть один мусульманин, который не думает, что ислам выше христианства?

---

[8] А шииты, совместно с христианами, считают, что последние времена будут царством Антихриста, коему будет противостоять Махди (12-й Имам, вышедший из сокрытия) при участии Христа («пророка Исы»).

[9] Magli I. *L'Islam contro l'Italia.* — «L'Indipendente». 3 agosto 2004.

[10] Цит. по: Findley P. *Silent no More.* Beltsville (Mas.). 2003. P. 36.

До недавних пор в Европе принято было считать, что ислам — религия, «производная» от иудаизма и христианства (что отчасти верно). Наверное, никому не приходило в голову утверждать противоположное, а именно, что христианство есть «производное» от ислама; казалось бы, хронология, не говоря обо всем прочем, не может допустить этой мысли. И тем не менее нечто близкое ей утверждает тот же Дж. Хобсон: «Европа осознала себя как "христианская" или вообразила, что является таковой, лишь в противостоянии с мусульманским Средним Востоком. Данное противостояние обозначило первую фазу формирования европейской идентичности, которая продолжалась до XVI века (хотя термин *respublica christiana* имел некоторое хождение даже в XVIII веке)»[11].

Это до какой же степени надо забыть собственную историю, чтобы договориться до подобных вещей! Когда ислам только зародился, христианство существовало уже более шести веков и, по крайней мере, те народы, что ранее входили в состав Римской империи, давно уже были крещены и осознавали себя как христианские. Арабские завоевания лишили христианскую ойкумену ее азиатской и африканской частей (за небольшим исключением). Но это совсем другой вопрос. Не Европа осознала себя как христианская, а христианство под давлением внешней силы вынуждено было смириться с тем, что оно стало, хотя бы на время, религией европейцев.

По сути, Хобсон «перелицовывает» концепцию бельгийского историка Анри Пиренна, который в книге «Мухаммед и Карл Великий» (1937) писал, что лишь в противостоянии с исламом Европа пришла к осознанию самой себя как более или менее единой к у л ь т у р н о й общности (основанной на синтезе романских и германских начал). Наверное, в этом Пиренн был прав. Не прав он в другом: культурная самоидентификация (особенно если учесть убожество раннесредневековой культуры) значила для европейцев того времени гораздо меньше, чем религиозная.

Если подобным образом мыслят профессиональные историки, то что же спрашивать, так сказать, с простых смертных?

Гигантская птица Рух, простершая крылья над Европой, снесла здесь свои яйца. Что-то из них вылупится?

Сопротивление

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.

Георгий Иванов. «Свободен путь под Фермопилами»

Не совсем так. Кое-кто все-таки пытается защитить Фермопилы, как умеет.

Самый звонкий голос в лагере Сопротивления принадлежит 77-летней Ориане Фаллачи, когда-то прославившейся своими репортажами из разных «горячих точек» планеты, а теперь бьющей тревогу по поводу того, что в Европе разрастается, если воспользоваться вполне уместными здесь слова-

[11] Hobson J. *Op. cit.* P. 112.

ми Блока, «широкий и тихий пожар». Вслед за «Яростью и гордостью»[12] Фаллачи написала новую книгу на ту же тему: «Сила разума». По ее утверждению, Европа впадает в сон (парадоксальным образом переадресуется упрек, который Европа когда-то бросала мусульманскому Востоку; см., например, у Лермонтова: «Род людской там спит глубоко / Уж девятый век»); ей сегодня «не хватает ума (*intelligenza*), способности понимать и судить и, таким образом, отличать Добро от Зла». Европа хочет «просто жить», но: «Нельзя "просто жить". Надо суметь выжить, а для этого необходимы рассудительность (*raziocinio*), здравый смысл, Разум...»

«А тем временем Троя горит. А тем временем Европа чем дальше, тем больше становится провинцией ислама, его колонией». И в другом месте: это «провинция, где Коран — новый *Das Kapital*, Магомет — новый Карл Маркс, бен Ладен — новый Ленин, и Одиннадцатое Сентября — новое взятие Бастилии».

И еще: «Не затем мы сбросили иго католичества, чтобы соглашаться на другое иго — веры, которая не является нашей верой, которая чужда нашей культуре, которая вместо любви сеет ненависть, а вместо свободы — рабство...» Но вот чего не мог бы выговорить европейский атеист еще каких-нибудь лет пятьдесят назад: употребляя, в прошедшем времени, термин «иго» по отношению к католичеству, Фаллачи в то же время расписывается в своей «любви» к католичеству, оставившему мощный след в европейской истории и культуре. Католические храмы, служители культа для нее — «свои», и она не променяет их ни на какие другие.

Заметим, что Фаллачи не ждет большого эффекта от своих текстов, столь вызывающих по отношению к общепринятым правилам политкорректности: «Я опубликовала "Ярость и гордость". Это был крик боли. Увы, подобно Кассандре, я говорю на ветер»[13].

«На ветер» — это все-таки преувеличение. Действительно, многие считают Фаллачи просто «сумасшедшей старухой», а в то же время «Ярость и гордость», переведенная на множество языков, разошлась необычно высоким для данного жанра тиражом, а «Сила разума» даже в начале 2006 года (то есть полтора года спустя после выхода) занимала первое место в списке бестселлеров по разряду эссеистики. Это значит, что имеющие уши что-то все-таки слышат.

Известно, что сам Бенедикт XVI встретился с Кассандрой и о чем-то долго с ней беседовал[14].

Другое дело, что даже тот читатель, который поверил Фаллачи в части фактического положения дел, совсем не обязательно проникается ее борцовским умонастроением. Интересно, что итальянский сайт «Padania», поместивший отрывки из «Силы разума», сопроводил их музыкой 2-й части 3-й симфонии Бетховена (знаменитый «Похоронный марш»), но такой аккомпанемент, вероятно, соответствует субъективному восприятию состави-

---

[12] В оригинале книга вышла в 2002 году, в русском переводе — в 2005-м.

[13] Fallaci O. *La forza della ragione*. Milano. 2004. P. 17, 167, 154, 49, 11.

[14] Эта статья находилась уже в наборе, когда пришло известие о смерти Фаллачи.

телей сайта публикуемых ими текстов, но никак не самим текстам. Последние требуют совсем иного аккомпанемента, — скажем, песни Клары из музыки к «Эгмонту» того же Бетховена (с ее припевом «Ах, если б я воином была рождена!»). Осознание исламской угрозы странным образом пробуждает у многих европейцев квиетизм, исторически вообще-то не вполне чуждый этой части света (вспомним хотя бы шопенгауэровско-вагнеровскую метафизику бесплодной воли), но больше все-таки свойственный как раз мусульманскому Востоку.

Открываешь, например, сайт с алармистским, казалось бы, названием (между прочим, французское *alarme* означает, в первую очередь, «боевая тревога») «Komm zu dich, Deutschland!» («Опомнись, Германия!») и сразу обманываешься в ожиданиях, услышав, опять-таки, какой-то тоскливый аккомпанемент (на сей раз, похоже, из Малера). И действительно, посокрушавшись о почти неминуемой, с их точки зрения, гибели Германии, авторы приходят к одному-единственному выводу: «Все в руце Божией». Забыв, вероятно, о поговорке, которая по-немецки звучит примерно так же, как по-русски: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Есть, однако, и борцовские сайты (заметим, что как идеологическое наступление исламистов развертывается главным образом в Интернете, так и контрнаступление, насколько оно вообще имеет место, развертывается в том же поле). Из того, что я видел в Интернете, обращает на себя внимание немецкоязычный Интернет-журнал с названием, не нуждающимся в переводе: «Das politishincorrecte Weblog in Deutschland» (http//www.myblog.de/politicallyincorrect). Выпускает его некий Fjordmann. Здесь пытаются осмыслить происходящее, без особых эмоций, в горизонте большой истории. «События в Европе, — пишет Fjordmann, — развиваются быстрее, чем думает большинство людей», и рассматривает различные варианты того, к чему это может привести.

Первый вариант: мусульмане активно наращивают свои силы и уже в недалеком времени овладевают городами. Местное население частично оттеснено в сельскую местность, частично превращается в беженцев, ищущих спасения в других странах. Никакого вооруженного сопротивления на территории Западной Европы не будет, так как «ее цивилизация, судя по всему, уже мертва и мало найдется тех, кто пожелает ее защищать». Только на востоке континента европейские традиции еще будут иметь какое-то продолжение. Такой вариант не означает, что вообще не будет войны. Напротив, Европа может стать, наряду с Ближним и Средним Востоком, базой мирового джихада, а против исламистов выступят Соединенные Штаты, Израиль, Россия, возможно, даже Китай. Ареной кровопролитных боев сделается Индия, ибо она не только зажата в тиски меж двумя Пакистанами (Бангладеш — бывший Восточный Пакистан), но и на самой ее территории проживает 150 миллионов мусульман. Разразится, таким образом, мировая война, и это будет «самая ужасная из войн», которые до сих пор знало человечество.

Другой вариант: мусульмане захватывают в Европе отдельные территории — «пакистаны» (один из них уже существует: это Косово), а полное ее завоевание растягивается на многие десятилетия и даже на столетия. Что

будет происходить в мировом масштабе, на столь отдаленный срок предвидеть трудно.

Еще один вариант: потеряв бóльшую часть своей территории, европейцы в какой-то момент опоминаются, собираются с духом и начинают обратное ее завоевание — Реконкисту; возможно, что базой ее станут северные страны (на эту мысль Fjordmann-а натолкнул, наверное, испанский сценарий: там базой Реконкисты стала полоска Кантабрийских гор на севере страны).

Наконец, последний вариант: все обойдется более-менее тихо-мирно; «око бури» (*Wetterwinkel*, что можно перевести также как «угол направления бури») закроется и Европа будет претерпевать постепенную «культурную трансформацию». Что-то конкретизировать здесь Fjordmann даже не пытается.

В заключение Fjordmann пишет: «впереди — опасное, но и интересное (разрядка моя. — *Ю. К.*) время».

Столкновение с исламом может оказаться благотворным для Европы

Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана.
А. Блок. «В часы вечернего тумана»

Так уж устроено человеческое восприятие, что интересными в истории кажутся времена, исполненные драматизма, хотя такие времена часто выявляют себя как неплодотворные. Реальное движение вперед на извилистом пути истории часто осуществляется без лишнего шума, «тихой сапой». Так и в данном случае: более или менее мирный путь (оговорка «более или менее» нужна, так как совсем обойтись без кровопролития вряд ли удастся) столкновения цивилизаций — мусульманской и (условно говоря) христианской — может оказаться как раз наиболее интересным. И в то же время благотворным для Европы.

«Око бури» в этом случае не закроется, но посветлеет, — предвещая «тихие бури», совершающиеся в умах и сердцах.

Гёте однажды сказал, что противоречия между верой и неверием сильнее противоречий между христианством и исламом.

Очень трудный вопрос. Если обратиться к Европе Нового времени (а в иных цивилизациях, как и в самой Европе в предшествующие времена, феномен неверия не получил сколько-нибудь значительного развития), то здесь мы видим, сколь велика сила культурных, цивилизационных и, наконец, этнических связей, чем дальше, тем больше оттесняющих на второй план вопросы веры и неверия, как и вообще религиозные вопросы. К тому же культура до недавнего времени сохраняла свои христианские корни и имплицитно заключала в себе некое «размытое» христианство, которое «исповедовали» также и неверующие. Поэтому когда Ориана Фаллачи называет себя «христианской атеисткой», это не совершенная бессмыслица. Сама Фаллачи

объясняет свою позицию исторически, напоминая, что атеистическое (как и деистическое) Просвещение вышло из лона христианства.

И все же по высшему счету Гёте прав. В эпохи кризисов становится ясно, сколь важны религиозные вопросы, включая вопросы веры и неверия. Так было, например, в эпоху Реформации, когда сила религиозных убеждений (или фактического отсутствия их, что тоже случалось в высших слоях общества) заставила людей забыть о старых связях, в том числе кровнородственных, и более или менее однородная до того Европа раскололась на два враждебных лагеря: сосед пошел войной на соседа, брат на брата. Ислам, правда, в этом противостоянии не участвовал, но ведь и представления о нем были тогда крайне смутные и искаженные. Зато в наши дни он становится фактором е в р о п е й с к о й духовной жизни, под давлением которого образуются совершенно новые разделительные линии.

В свете сказанного можно несколько иначе взглянуть на позицию христианских (равно католических и протестантских) клириков. Конечно, порой они чересчур снисходительны к исламу. Но не надо обладать большой проницательностью, чтобы догадаться: в глубине души по крайней мере некоторые из них ощущают, что мусульмане им ближе, чем их неверующие соотечественники. В конце концов ислам — близкородственная христианству авраамическая вера, и его антитетичность по отношению к христианству, поскольку таковая имеет место, не вполне укладывается в антитезу «европейское — азиатское». Ну, во-первых, само христианство родилось все-таки в Азии, а с другой стороны, в исламе меньше «азиатского» (в том смысле, какой вкладывали в данное понятие европейцы XIX века), чем это принято думать. Г. К. Честертон даже считал, что «в сердце Азии он (ислам) как бы представляет душу Европы... И меньше всего он обязан Азии, древнему миру традиций (языческих и зачастую глубоко безнравственных. — *Ю.К.*), окаменевшего этикета (Китай? — *Ю. К.*) и бездонных, головоломных философий (Индия? — *Ю. К.*). Такой Азии он показался западным, угловатым, чужим; поистине, он пронзил ее, словно копье»[15].

Нравится нам это или нет, но сегодня пробил «час ислама». Потому что ему удалось сохранить многое из того, что объединяет его с христианством, но в «христианском» мире в большой степени утрачено. И прежде всего, это а в т о р и т е т веры, который посредством каких-то флюидов передается от мусульман к не-мусульманам. В Европе христианство вот уже три столетия непрерывно отступает (отдельные попытки контрнаступления приносили лишь временные успехи, которые очень скоро сходили на нет); исколотое критическими стрелами, оно, кажется, уже почти смирилось с тем, что стало, по сути, некой маргинальной величиной. Но вот на арене появляется грозный ислам, и «свободомыслящие» поджимают хвосты и, за редкими исключениями, тщательно выбирают выражения, обращаясь к «гос-

[15] Честертон Г. К. *Вечный человек*. М. 1991. С. 240. Нелишне также привести мнение А.Тойнби на сей счет: «Когда я говорю "западный мир", я имею в виду не только христиан, но также иудеев и мусульман, потому что христианство и ислам суть производные от иудаизма» (Toynbee A. *Surviving the Future*. London. 1971. P. 5).

тю» (становящемуся, мало-помалу, хозяином); иные даже делаются, как Фаллачи, «защитниками» (плохими) христианства.

До чего дошло: во Франции, где еще сто лет назад был принят (впервые в Европе) закон об отделении Церкви от государства, он не так давно был нарушен... в пользу ислама, — ибо государство взяло на себя обязательство финансировать строительство мечетей, — и никакого особого шума это экстраординарное, казалось бы, событие не вызвало.

В чем ныне сила ислама? Прежде всего, в этике (генетически общей у него с христианством). В христианстве есть широта мировидения, какой нет в исламе, но в «христианском» мире этика становится «узким местом», препятствующим дальнейшему его продвижению на историческом пути; А. Тойнби назвал это *morality gap*. Отнюдь нельзя сказать, что мусульманский мир отличает или отличала в прошлом высокая моральность (исламизация любых народов, как и христианизация их, всегда оставалась неполной). Это столкновение с Западом активизирует в нем приток нравственного ригоризма[16]. Потому что Запад, каков он есть сегодня, в представлении мусульман, — Содом и Гоморра. На самом деле Запад в периметрах этих двух библейских городов, конечно, не вмещается, но факт, что «идеал содомский» привлекает умы и сердца гораздо больше, нежели упражнения в добродетели; во всяком случае, так обстоит дело на поверхности культуры.

На улицах западноевропейских городов удивительным образом поменялись психические токи: еще недавно приезжие мусульмане ощущали себя, под взглядами коренных жителей, людьми второго сорта, теперь, напротив, все чаще коренные ежатся под презрительными (!) взглядами мусульман, особенно женщины, которые в их глазах все — «шлюхи»[17].

Известно, что на границах циклона и антициклона возникают различные завихрения и иные сложные атмосферические явления. Нечто подобное происходит и при непосредственном столкновении западной ментальности с мусульманской. Многие мусульмане, переселившиеся на Запад, более или менее сроднились с новой для них средой, хотя число таких мусульман с течением времени непрерывно уменьшалось. Зато росло число тех (и это были совсем не обязательно бедняки-гастарбайтеры), для кого Запад оставался чужим и враждебным. У кого-то первоначальное влечение к Западу перешло в отвращение к нему[18] и толкнуло на позицию нравственного

---

[16] Внутри самого мусульманского мира нравственный ригоризм ваххабитов — реакция на порчу, реальную или мнимую, остальных мусульман.

[17] Ваххабиты, живущие на Западе, настолько презирают «западных свиней», что даже необходимость присаживаться рядом с ними за известной нуждою вызывает у них отвращение. Чтобы не «замараться» (морально, конечно, а не физически), ваххабит обязан входить в общественный туалет с левой ноги, а выходить оттуда с правой и все время пребывания в этом заведении читать молитву.

[18] Есть фотография, датированная 1971 годом, на которой изображено семейство бен Ладенов где-то в Швеции. По виду, осанке — это типичные *globtrotter*'ы; даже этнические их черты здесь как-то скрадываются. 14-летний Усама выделяется среди них разве что особенно широкой улыбкой (*«cheeeese»*).

ригоризма, в иных случаях соседствующего, как это не раз бывало в истории, с изуверством.

Правда, те «этнические мусульмане», которые прошлой осенью устраивали погромы в Париже и других городах Франции, в нравственном ригоризме замечены не были. Муллы из предместий жаловались, что эти молодые люди «никого и ничего не слушают». Но здесь мы имеем дело с очевидно «пограничным» явлением. У молодых «этнических мусульман» просто отрыгивается та «хрень» (позволю себе воспользоваться словечком молодежного слэнга), которой они наглотались на Западе.

Так первые порывы ветра, предвещающие наступление бури, несут с собою пыль, сухие листья и всякий случившийся мусор.

Этика диктует мусульманам свои правила и в сфере экономики. Внедряясь в экономику Запада, они одновременно навязывают ему и свои экономические представления.

У мусульман нет разработанной экономической теории, нет «своего Адама Смита» или «своего Карла Маркса»; есть только «частные определения» богословов, регламентирующие ведение хозяйственных дел. Исходя из них, выстраивается экономическая стратегия ислама, которую некоторые его приверженцы считают делом первостепенной важности. Так, известный в Европе богослов, из числа «умеренных», Тарик Рамадан (уроженец Швейцарии, там и живущий) считает, что для того, чтобы исламизировать Запад, необходимо «взорвать изнутри» его экономику. «Наша этика, — пишет Рамадан, — обязывает нас к глубокому и радикальному сопротивлению на экономическом фронте», притом рассчитанному не на скорый успех, а на достижение его в более или менее отдаленном будущем[19].

Основной принцип исламской экономики, зафиксированный в Коране, — *riba*, «бескорыстие». Правда, некоторые богословы считают, что этот принцип применим только к мусульманским странам, а за пределами их мусульмане не обязаны ему следовать. Тот же Т. Рамадан пишет, что современная мировая экономика — это подлинный *dar-al-harb*, «мир войны» (понятие, изобретенное мусульманскими богословами VIII — IX веков и противопоставленное ими «миру ислама», *dar-al-islam*), из чего делается вывод, что за пределами мусульманских стран мусульмане могут принимать правила игры, которым там следуют. «На войне, как на войне». Но другие богословы считают, что мусульманин обязан придерживаться принципа *riba* в любом месте, где бы он ни был, и в любых обстоятельствах.

Самый принцип выбран неудачно. Такова специфика экономического поля, что оно требует совсем иных качеств, нежели бескорыстие (до некоторой степени аналогичным образом можем ли мы представить на футбольном поле игрока, который «бескорыстно» передает мяч сопернику?). С. Н. Булгаков писал (передаю его мысль по памяти, надеясь не слишком ее исказить), что преследование корыстных целей в экономике в конечном счете может обернуться благом для других. Да и в самом исламе *riba*, если разобраться, означает не бескорыстие, но лишь ограничение корыстных побуждений, а это все-таки другое дело. Например, запрещение ссудного процента означа-

[19] Ramadan T. *Les musulmans d'Occident et l'avenir de l'islam*. Arles. 2003. P. 320.

ет, что банк не имеет права выдавать деньги на кредитной основе, но может выдать их на основе инвестиционной, то есть получить вознаграждение из прибыли, которую принесет (если принесет) предприятие, им профинансированное. Или запрещение наживаться на посреднических услугах означает лишь ограничение платы, взимаемой за перевозку и продажу товара (розничная цена не должна превышать оптовую более чем в два раза). И так далее. То есть преследование выгоды не запрещается, а лишь ограничивается.

Довольно распространенные сближения ислама с коммунистической идеологией некорректны. Ислам, как и христианство, утверждает равенство людей перед Богом, но отнюдь не в социально-экономическом плане. Он освящает частную собственность, допускает индивидуальную инициативу и свободную конкуренцию. Хотя и здесь налагает некоторые ограничения: крупный собственник должен отчитываться перед государством в том, как он использует свою собственность (и, в крайнем случае, может быть ее лишен); богатый обязан уплачивать налог в пользу бедных — *закят* (христианство тоже призывает богатых делиться с бедными, но в добровольном порядке).

Некоторое отдаленное сходство ислама с коммунистической утопией состоит разве в том, что он стремится к достижению в подлунном мире такой меры справедливости и такой меры гармонии, какая в падшем (с христианской точки зрения) царстве человека практически неосуществима.

Что действительно позитивного несет с собою ислам, так это его решимость поставить на место «экономического человека», который на Западе раздулся до того, что порою заслоняет все другие измерения «человеческого, слишком человеческого». Стопроцентный «экономический человек» — это гротеск, диккенсовский Скрудж или бальзаковский Гобсек; в реальности подобные экземпляры встречаются достаточно редко. Но приближения к нему, по видимости сохраняющие «нормальные» пропорции, попадаются на каждом шагу. Односторонне экономическое мышление уродует человека. Экономика — всего лишь материальное поддержание жизни, но не сама жизнь. Как говорили древние римляне, «мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть»[20].

Достойно внимания, что даже те предприниматели и торговцы-мусульмане, которые живут на Западе, в значительной части следуют наставлениям своих богословов. Каковое обстоятельство вызывает неподдельное изумление у их западных контрагентов.

Еще один козырь, который сохраняют мусульмане, — идеал воспитания. При всем различии в постановке образования в тех или иных мусульманских странах две вещи остаются обязательными для мусульманской школы, независимо от ее уровня, — дисциплина и авторитет учителя, которые на

[20] Ощущение, что экономика занимает слишком много места в умах людей, усиливается и на Западе. Обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Дэвид Брукс, чуткий к веяниям времени, пишет: «Экономика, видящая в человеке одно только расчетливое существо, не может больше считаться королевой общественных наук. События последних лет возвращают нас в туманное (*murky*, что можно перевести также как «темное») царство теологии, антропологии, истории и социологии» («The New York Times» [дайджест «Известий»]. March 6, 2006).

Западе упали так низко, что кажется — ниже уже некуда, хотя без них никакая школа не стоит.

А что в ваххабитских медресе дисциплина и авторитет учителя поддерживаются с помощью палки, так ведь и в цивилизованной Англии какое-нибудь столетие назад многие учебные заведения пользовались той же проверенной методой. Но, слава Аллаху, в иных системах обучения, принятых в мусульманских странах, учитель умеет поддержать свой авторитет *sine ferula*.

Нельзя не видеть позитивных моментов, которые несет с собою продвижение ислама, сохраняющего авраамическое наследие, общее у него с христианством, но «христианским» миром, как я уже сказал, в большой мере утраченное. И само это продвижение надо рассматривать не только в плане истории, но и в плане мистерии, где действует Божественный Логос, каковой есть совсем не то же самое, что Разум, к которому апеллирует Фаллачи и который, даром что она пишет это слово с большой буквы, есть попытка удержаться в области ясного и знакомого, в свое время выгороженной Кантом из сферы мирового якобы хаоса.

Великий французский арабист и исламовед (и сам верующий христианин) Луи Массиньон (1883 — 1962) писал, что ислам — «как бы побочная религия» (это, разумеется, точка зрения христианина, с которой не сможет согласиться мусульманин), призванная сыграть определенную роль в «стратегии Бога». Эта роль проясняется «в наше время», когда ислам становится «копьем ангела, стигматизирующим христианство»[21]. Опять мы встречаемся с образом копья, только на сей раз оно нацелено не с Запада на Восток, а наоборот.

Похоже, что Европа не способна возродиться к новой жизни своими силами и нуждается в каком-то внешнем толчке; такой толчок может сообщить ей только ислам.

Но может быть и так, что толчок окажется чересчур сильным — разрушительным (см. выше драматические сценарии развития событий).

Столкновение с исламом может оказаться разрушительным для Европы

Когда говорят о столкновении цивилизаций, надо всегда иметь в виду, что с чем сталкивается конкретно; или иначе: какими частями сталкиваются цивилизации — головами, хвостами или чем-нибудь еще. Самый неприятный факт состоит в том, что фронтальное выступление в западном направлении, и не только на европейской, но и на североамериканской территории, осуществляет ваххабизм. Почти два столетия назад Байрон угадал в ваххабизме «злого гения» Европы. В «Паломничестве Чайльд Гарольда» он призвал к борьбе за свободу Греции в следующих строках:

---

[21] Massignon L. *Les trois prieres d'Abraham*. Paris. 1935. P. 49. Эти строки писались в середине 30-х годов, когда ислам принято было считать «умирающей религией» и ни о каком реальном возрождении его еще не было речи. Можно поэтому сказать, что они заключают в себе не столько констатацию, сколько замечательное предвидение.

...Пусть опять
Гяур османа вытеснит, воспрянув,
.....
Иль ваххабит, чей предок, словно тать,
Разграбил усыпальницу Пророка,
Пойдет пятою Запад попирать[22].

Откуда такие опасения?

На начало XIX века пришелся подъем ваххабизма, зародившегося в середине предыдущего столетия в песках Аравии как реакция на угасание османского могущества. Когда-то бывшие грозою Европы, османы стали терпеть одно за другим катастрофические поражения, которые в мусульманском мире склонны были объяснять ослаблением в них веры и нравственным их разложением: «Стамбул для слабостей порока / Мольбе и сабле изменил». Ваххабитам удалось объединить под своей властью весь Аравийский полуостров, и какое-то время казалось, что здесь зарождается новая волна мусульманской агрессии, которая сначала затопит Османскую империю, а затем хлынет на Европу.

Опасения оказались чрезмерными. Европа в то время была преисполнена жизненных сил, а европейские армии демонстрировали подавляющее превосходство над любыми другими. Ваххабиты не выдержали столкновения даже со слабой турецкой армией: в 1818 году турки их разбили и загнали в глубь аравийского полуострова, вернув себе ранее принадлежавшую им кромку земли вдоль западного побережья (с двумя священными городами — Меккой и Мединой).

Должно было пройти ровно сто лет, чтобы турки, потерпев поражение в Первой мировой войне, окончательно ушли с полуострова и там возникло новое ваххабитское государство — Саудовская Аравия. Но еще долгие десятилетия ваххабизм оставался, так сказать, эндемическим явлением, не получая распространения в иных пределах, а Саудовская Аравия оставалась третьестепенным, малозаметным на политической арене государством.

Положение резко изменилось в 70-е годы. Во-первых, в 1973 году государство взяло в свои руки добычу нефти, которую иностранные компании вели там с 1940 года, когда открылось, что пески, которые аравитяне в продолжение многих веков употребляли для ритуального «омовения» (за недостатком воды), таят под собою несметные богатства. Это был щедрый «дар Аллаха», хотя открыли его западные «волшебники» (а свои грифы, из «Тысячи и одной ночи», как выяснилось, совсем не те клады охраняли). С этого момента Саудовская Аравия стала богатеть не по дням, а по часам.

Во-вторых, произошло то, чего никогда раньше не было: мусульманский мир за пределами Аравии, в суннитской его части, стал неожиданно восприимчив к ваххабизму. Очевидно, объяснение этому факту надо искать в общей радикализации ислама. Ваххабизм как раз представляет собою наи-

[22] Перевод В. Левика. Гяур, разумеется, — христианин. Что касается факта посягательства на усыпальницу Пророка, то он объясняется тем, что ваххабиты выступили против чрезмерного, на их взгляд, культа Мухаммеда, считая его тоже идолопоклонством.

более радикальное направление в исламе, это самая элементарная его версия, в которой подвергнуты «резекции» всякие возможности его внутреннего развития. Иначе говоря, ваххабизм радикально антиисторичен: он задержался в VII веке и не желает никуда оттуда выходить. К тому же это наиболее агрессивное направление в исламе, последовательно придерживающееся идеи джихада (в смысле войны с «неверными»), что особенно привлекает к нему мусульманскую молодежь, склонную к максимализму и все больше задающую тон в общем движении исламизма.

Ваххабизм повел наступление на Запад, пользуясь мощной государственной поддержкой Западом же озолоченного Эр-Рияда. Злато служит сейчас «делу Аллаха» (как его понимают ваххабиты) успешнее, чем некогда служил булат; это не значит, что булат отброшен за ненадобностью: просто он ждет своего часа. Так или иначе, в «споре минаретов», который ведется на территории Европы и Соединенных Штатов, ваххабизм берет верх за явным преимуществом (по некоторым данным, не менее четырех пятых всех мечетей, здесь расположенных, держатся ваххабитского направления).

Ревность Эр-Рияда в деле распространения ваххабизма в мире вступает в некоторое противоречие с его же прагматизмом. Как экспортирующая нефть и капиталы страна, Саудовская Аравия достаточно глубоко вовлечена в западную экономику. Но фактически контакты с Западом осуществляет крайне ограниченный круг лиц, вынужденных вести двойную игру: оказываясь за границей, они более или менее приноравливаются к существующим там порядкам, а у себя дома подчиняются всем строгостям ваххабизма. Вообще судить о том, что происходит в Саудовской Аравии, трудно, потому что это самая закрытая страна в мире. Скорее всего, сам дом Саудов сейчас расколот: одна его часть настроена примиренчески по отношению к Западу, о другой точно известно, что она симпатизирует «Аль-Каиде» и даже прямо поддерживает ее.

С уверенностью можно сказать, что в связке ваххабизм — дом Саудов (существующей с 1747 года) первый элемент несравненно более сильный. Дом Саудов или, по крайней мере, «примиренческая» его часть, может пасть (такая возможность давно уже рассматривается всеми наблюдателями), а ваххабизм неколебим, потому что пользуется широчайшей поддержкой всего населения. Фактически в Саудовской Аравии два центра власти: «дворец короля Фейсала» (ныне уже покойного) и университет имени того же Фейсала, расположенный в пустыне близ Эр-Рияда. Не знаю, вправе ли он называться университетом: хотя здесь есть такие факультеты, как естественный и медицинский, это скорее все-таки духовное училище. К тому же здесь обучают подрывной работе и методам партизанской войны, что не совсем типично для университетов и еще менее того — для духовных училищ. На фотографии это огромное мрачное здание, похожее на крепость. И вот красноречивая деталь: обитель сия охраняется религиозной полицией, а государственная полиция проникать сюда не вправе; зато религиозная полиция вправе проникать куда угодно, не исключая и королевский дворец.

Мифический Христиан Розенкрейц, созданный в начале XVII века силой воображения основателя ордена розенкрейцеров Иоганна Андреэ, в приписанной ему «автобиографии» рассказывает, что в своих странствиях

по Аравии он нашел там некий «Дом мудрости», обитатели коего могли бы поучить европейцев уму-разуму. Что называется, накаркал.

Ваххабизм несет в Европу дух пустыни, где испокон веку белеют верблюжьи кости и монотонно гудит ветер и столь же монотонно звучат суры Корана (здесь их запрещают читать нараспев, как это принято в других краях, — не говорю уже о том, что здесь может подвергнуться преследованию вообще любая музыка).

«Мечта, которую в продолжение многих лет вынашивают сыны Аллаха, — пишет Ориана Фаллачи, — взорвать Башню Джотто, или Пизанскую башню, или Собор Святого Петра, или Эйфелеву башню, или Вестминстерское аббатство, или Кельнский собор, и так далее, — на мой взгляд, есть прежде всего глупость. Какой смысл уничтожать сокровища, которые им принадлежат?»[23] Положим, Фаллачи опережает события: пока упомянутые сокровища и м не принадлежат, но очень может статься, что будут принадлежать. И если они станут их уничтожать, это будет с их стороны проявлением не глупости, а изуверства и крайней нетерпимости. Все дело в том, что ваххабиты говорят на языке веры и не понимают языка культуры (кстати, такое «одноязычие» исторически не чуждо и европейцам: уместно вспомнить, как на родине Фаллачи, во Флоренции, последователи Савонаролы устраивали публичные «сожжения сует», уничтожая любые плоды культуры, которые попадались им на глаза). Когда талибы в Афганистане (а это те же ваххабиты) взрывали статуи Будды, даром что никто из их противников Будде уже не поклонялся, они это делали просто потому, что считали их (статуи) «лишними». А среди перечисленных Фаллачи «сокровищ» есть не только памятники культуры, способные «мозолить глаза» ваххабитам, но и храмы, по сию пору собирающие некоторое, всё тающее число верных, то есть тех, кого ваххабиты считают своими прямыми врагами.

На самом деле глупость демонстрируют сограждане Фаллачи по Объединенной Европе, те, кому по идее надлежало быть защитниками упомянутых «сокровищ». Английский социолог Стив Келмейер пишет (сайт «Bridegroom press» от 7.02.2006): «Запад решает проблему молодежи, поддерживая американскую образовательную систему низкого уровня и гедонистическую культуру. Природные эмоции молодежи остаются неоформленными и неосмысленными. Они канализуются в сторону пустого и тупого развлечения. Хлеба и зрелищ требовали римляне. То же и у нас. Мы создаем евнухов. У мусульман другой подход. У них тоже образовательная система низкого уровня — медресе. И однако у них есть долгий опыт с евнухами, и они знают, какую проблему создает эта система. И они выбирают другой путь» (http://bridegroompress.com./catalog/article info.php? articles id = 213). Очень интересное наблюдение, конкретизирующее, ч т о нынче сталкивается с ч е м. Весьма трезво охарактеризована западная молодежь. Другие авторы, касающиеся данной темы, высказываются в том же духе: мы, говорят они, «растим балбесов». Фаллачи утверждает, что ныне даже студенты «ничего не знают» (за пределами своих узких и все более сужающихся специальностей). Неожиданным, — если учесть нынешнее всеприсутствие сексуаль-

[23] Fallaci O. *Op. cit.* P. 64.

ных «дразнилок», — выглядит замечание о том, что «мы создаем евнухов»; очевидно, это надо понимать в том смысле, что растущее поколение не оставит векам «ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда». А вот о мусульманской стороне сказано не вполне точно. Если западная образовательная система действительно низкого уровня, то есть дает некачественное образование, то о медресе правильнее сказать, что они дают элементарное образование. Основным предметом там является Закон Божий в его мусульманском понимании, который придает жизни смысл и организует эмоциональную сферу, сообщая ей определенную направленность.

В первом случае мы видим ослабление, до полного исчезновения, воспитательных начал, придающих смысл свободе; во втором, — клетку, в которой заранее определено, что к чему, и от заключенных в ней ничего не требуется, кроме точного исполнения всех и всяческих предписаний.

Чем может закончиться прямое столкновение этих двух «ювенильных ресурсов», легко догадаться. А вот что будет п о т о м, сказать невозможно. Представить себе симбиоз ваххабизма (многие последователи которого целыми селениями по сию пору добровольно отказываются от электричества) с западной цивилизационной Мегамашиной чрезвычайно трудно. «Уместным» он может здесь оказаться разве что в условиях цивилизационной катастрофы, наступившей вследствие технологических, экологических или каких-то иных причин.

Страх мешает европейцам разглядеть своего противника. Ваххабизм, пишет итальянская журналистка Лючетта Валенси, «вышел из пустынь на бетон больших городов, как нацизм — из древнегерманских лесов»[24]. Сравнение ваххабизма, вообще воинствующего исламизма с нацизмом столь же распространено, как и сравнение его с коммунизмом, и почти столь же некорректно. Нацизм означает крайний национализм и возвращение к язычеству, а ваххабизм — это универсализм и авраамическое единобожие, исторически явившееся, в сравнении с язычеством, решительным шагом вперед. Что действительно их сближает, так это стремление перечеркнуть европейскую историю и вернуться (в случае нацизма) в некую «исходную точку» или задержаться в ней (в случае ваххабизма), хотя «исходные точки» выбраны очень разные.

Заключение с отточием

Следует, однако, иметь в виду, что судьба Западной Европы будет решаться не только на западноевропейских полях.

Во-первых, определенное влияние на нее будет оказывать ситуация на Ближнем Востоке, доминантой которой (если не считать арабо-израильского конфликта) чем дальше, тем больше становится противостояние Ирана и Саудовской Аравии.

Наверное, будущие историки сочтут парадоксальным тот факт, что в наши дни ведущая страна западного мира, Соединенные Штаты, «дружит» с Са-

[24] «L'Express», 27.01.2006.

удовской Аравией (хоть после 11.9-го между ними и пробежал некоторый холодок) и находится во враждебных отношениях, на грани войны, с Ираном. Конечно, с нынешним иранским президентом разговаривать трудно. Но американцы сами виноваты в том, что не воспользовались восьмилетним пребыванием у власти умеренного Хатами, чтобы улучшить отношения с этой страной.

Иранский шиизм с его принципиально иным отношением к истории и культуре представляет собою, в рамках ислама, подлинную альтернативу ваххабизму, из чего вытекает принципиально иное отношение Ирана (или, по крайней мере, его творческих кругов) к евроамериканскому миру. Об этом хорошо сказал тот же Хатами: «Нас... постигли два больших несчастья — безумная любовь и ненависть, ставшие основным препятствием на пути адекватного познания западной цивилизации как величайшего события реальности последнего этапа жизни человечества»[25]. Для сравнения: ваххабиты питают к Западу одну только ненависть без любви и никакого стремления к адекватному его познанию не обнаруживают.

Столкновение Ирана с Саудовской Аравией почти неизбежно: к этому ведут и глубокие их духовные, мировоззренческие расхождения, и борьба за лидерство в мусульманском мире, и, не в последнюю очередь, территориальные споры. Дело в том, что восточные районы Саудовской Аравии, как раз те, где расположены ее основные нефтяные поля, издревле принадлежали Персидскому царству и по сию пору населены преимущественно шиитами; трудно представить, чтобы Иран отказался от претензий на бывшие свои земли.

Если в этом столкновении Саудовская Аравия потерпит поражение, это приведет к общему ослаблению ваххабизма, в частности, и на западном «фронте».

Во-вторых, «в резерве» остается Восточная Европа (исключая Балканы, где идет исламистская ирредента), относительно мало затронутая мусульманской экспансией. Это относится и к России, где есть свои автохтонные мусульмане (психологически совсем иные, чем иммигранты), а мусульманская иммиграция относительно невелика. Существенно и то, что у нас пришлые народы — это малые народы, такие как азербайджанцы или таджики (к тому же сильно секуляризованные за советские годы). Для сравнения: на запад устремляются великие в прошлом и амбициозные народы — арабы и турки.

Ветераны советской восточной политики продолжают думать, что к югу от наших границ (точнее, от бывших советских границ) живут «друзья», с которыми всегда можно поладить. Это наивный взгляд. Пробудившийся мусульманский Восток считает русских такими же *кафирами*, как и западных людей, — хотя и не в такой же степени достойными внимания. Свой ястребиный взор Большой Ближний Восток устремляет в западную сторону, а Россию, — такое складывается впечатление, — видит как бы боковым зрением. Даже несмотря на Афганистан. И несмотря на Чечню.

---

[25] Хатами С. М. *В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада*. М. 2001. С. 85.

Отчасти это происходит потому, что западные народы богаты, а восточные (то есть восточноевропейские) пока бедны, отчасти же потому, что именно на Западе сложился образ культуры, вызывающий у мусульман отторжение и желание раз и навсегда с ним развязаться, а Россия, переживающая переходный период, в этом плане еще только пытается разобраться сама с собой (отчасти это относится даже к восточноевропейским католическим странам).

Как бы то ни было, на Западе Европы уже раздаются первые голоса, взывающие о спасении к восточным соседям. Так, швейцарский журнал «Altermedia. Suisse» (в номере от 13.10.2004) полагает, что «спасение придет с востока (Европы)». Цитировавшийся выше Fjordman допускает мысль, что центр европейской цивилизации будет перемещаться с Запада на Восток. На американцев мало кто надеется, потому что их вмешательство, скорее всего, сведется к военным акциям, которые в конечном счете ничего не дадут.

Ясно, во всяком случае, что история совершает на наших глазах головокружительный поворот. И что нам в этой связи многое, очень многое придется переосмыслить. Для чего, слава Богу, у нас еще есть время.

Алла ГЛИНЧИКОВА

РУССКИЕ ЗАМЕТКИ О КИТАЙСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

День первый. Прибытие

Научная конференция, посвященная социальным моделям XXI века, проходила в Пекине минувшей осенью. Полететь на подобный форум мечтает каждый. А полетела я. Впрочем, я была не одна такая счастливица. Наш иноземный научный десант включал в себя представителей разных регионов мира: один латиноамериканец, один англичанин, несколько немцев, сингапурец и я — от России.

Китай — страна чудес, и чудеса эти начались с самого начала. В отеле меня поселили в номере с такой роскошной кроватью, каких я никогда не встречала в других, более капиталистических, регионах мира. К сожалению, на ней сразу же пришлось разложить мои многочисленные бумаги, поскольку дебаты назавтра предстояли нешуточные. Но погрузиться сполна в проблематику завтрашнего выступления мне не удалось. Раздался звонок: впереди нас ждал первый званый ужин с организаторами конференции.

Встречаемся внизу, первые быстрые рукопожатия с членами нашей некитайской группы, и вот мы уже в автобусе по дороге в ресторан, где нас ждет ужин, а потом концерт. Бегло оглядываю мелькающие улицы, которые сразу поражают своей шириной, длиной и прямотой, — родной социалистический реализм со всей его масштабностью, может, лишь несколько гипертрофированный, напоминает о нашей прошлой дружбе. Сразу возникает ощущение чего-то близкого, каких-то общих социалистических корней. Узнаваемо также отношение к прошлому в архитектуре: то ли этого прошлого не было, то ли его ликвидировали, чтобы построить новое светлое будущее. Только, если наши сталинские высотки чем-то похожи на терема, то китайские строения эпохи социализма скорее напоминают гигантские пагоды. Впрочем, город чистый, удобный и достаточно большой для того, чтобы вместить свое население (чего никак не скажешь о нынешней Москве).

Итак, мы приехали. Рассаживаемся за круглыми столами, и начинается разговор. Наш китайский коллега обращается к нам через переводчика, но

Алла ГЛИНЧИКОВА — родилась в 1961 г. в Москве. Закончила Философский факультет МГУ. Философ, политолог, социолог. Кандидат философских наук. Занималась преподавательской деятельностью в московских университетах. Активно участвует в процессах европейской социальной интеграции в рамках Европейского Социального Форума. Печатается в журналах «Вопросы философии», «Мир России», «Открытая политика», «Свободная мысль», «Философские науки» и др., а также в зарубежных изданиях. Живет в Москве.

совершенно очевидно, что по-английски он понимает. Он представляет научный центр, имеющий самое непосредственное отношение к Коммунистической партии Китая. Похоже, что центр является некоей площадкой, на которой обкатываются различные научные подходы, которые затем используются для выработки новых идеологических построений. Человек, принимающий нас, достаточно молод, между 40 и 50, имеет научное звание и одновременно олицетворяет собой важный политический институт. Как ученый, он легко схватывает контекст любой проблемы, как чиновник, — сдержан и прекрасно умеет сохранять дистанцию. Вот уж, поистине, знаменитая восточная «гармония» во плоти!

Кстати, о **гармонии**. Весь разговор вертится именно вокруг нее. «Гармония» и «экономический рост» — два главных лозунга современного социализма с китайской спецификой, пришедших на смену «диктатуре пролетариата» и «культурной революции». Задаю вопрос: «Индивидуалисты или коллективисты китайцы?» Немного подумав, он говорит: «Да, раньше были коллективисты. Сейчас нарастает индивидуализм». Спрашиваю, как же насчет гармонии. Отвечает: «Это особый индивидуализм, гармонии он никак не противоречит, даже способствует, чем выгодно отличается от своего западного аналога». Однако от ответа на прямой вопрос «в чем же отличие?» уклоняется, предпочитая не вдаваться в подробности. Завтра-де обсудим на конференции. Спрашивает о России. Я говорю, что рост в России есть, а вот с моральной точки зрения ситуация тяжелая. Общество деморализовано, не может интегрироваться, проблемы с легитимацией новой капиталистической власти. Тут в разговор вступает сингапурский коллега с, как выяснилось впоследствии, своей задушевной идеей о том, что «все дело в деньгах»: нет денег, нет никакой моральности и самоуважения; есть деньги — все будет! Так что главное — «рост», а все остальное приложится. Пытаюсь объяснить ему, что рост сегодня есть, а завтра в Америке кто-то чихнет, и в том же Сингапуре никакого роста уже и не будет. Что рост без здорового, интегрированного общества неустойчив и даже опасен. Тут в разговор вступает английский коллега. Его волнует глобальный аспект китайского «роста»: не станет ли Китай еще одним претендентом на мировое господство наряду или в противовес США. «О, — слышится в ответ, — Китай — это же совсем не США! Для нас так важна гармония. Мы сумеем гармонизировать мир, ведь у нас другие цели». Немцы тоже в числе организаторов семинара. Проблема эффективной трансформации «постсоциалистического» режима им тоже интересна. У них пока конвергенция не очень получается. Китайцы охотно готовы поделиться тайнами своей «гармонизации» капитализма и социализма. Ужин завершен.

Мы переходим в другое помещение — нечто среднее между чайной и концертным залом. Начинается концерт. Представление разыгрывается на небольшой сцене. Зал полон, все сидят за столиками. Поражает практически полное отсутствие расстояний между столиками, но при этом каждый столик — свой особый мирок. Удивительно, что при такой компактной рассадке можно смотреть на сцену и даже что-то там видеть. Представление не похоже ни на что из того, что мне доводилось встречать в других частях света. В центре — женщина с огромными замысловато заплетенными косами, скорее напоминающими гигантские воинственные рога, они

вскидываются при каждом ее стремительном движении, исполняемом под совершенно непередаваемую музыку, в которой плач переходит в жесткую барабанную дробь. Потом появляется мужчина с саблями, и начинается поединок, из которого женщина выходит победительницей. В музыке отчетливо слышится звук конских копыт, актеры имитируют конное сражение. Почему-то, совсем некстати, вспоминаются родимые татаро-монголы. Публика реагирует очень живо. Особенно народ оживляется в следующей части концерта, когда начинаются шутки, имитация различных звуков. Смотрю на часы, — разница во времени... Англичанин тоже заметно начинает клевать носом. К сожалению, бóльшая часть этих шуток нам недоступна. Оглядываю публику. Кто они? Богатые, бедные, пресловутый «средний класс» или новые коммунистические «сливки общества»? Честно говоря, больше похожи на «простых советских людей» из наших «голубых огоньков». Своей воспитанностью, скромностью, какой-то естественной интеллигентностью они напомнили мне наше недавнее прошлое. Уходим, завтра новый день.

День второй. Конференция

Слава Богу, я выступаю не сегодня, и у меня будет возможность спокойно рассмотреть всех участников и понять, что тут к чему. Очень нехорошо опаздывать, но я немного опаздываю. С ужасом замечаю, что все уже сидят и мой стул с табличкой (к тому же место мне отведено в самом центре!) просто «кричит» о недисциплинированности «таинственной русской души». Китайцы очень пунктуальны и в полном смысле этого слова — церемонны. Открывает «круглый стол» какой-то важный чин, и важность его чувствуется с первого взгляда. Он молод, судя по всему, принадлежит к новому поколению партийной аристократии.

Наконец, после ряда обязательных торжественно-приветственных предисловий начинается конференция. Европейцы говорят интересные вещи. У нас подобралась хорошая команда. Немцев волнуют проблема марксизма и поиск других альтернатив капитализму. Ясно ведь, что, несмотря на провал советского эксперимента, альтернатива нужна все равно. Что остается в ней от марксизма, а что появится нового? — вот в чем гамлетовский вопрос дня. Англичанин оказался особенно чувствителен к теме глобализации в ее неолиберальном варианте. Его тревогу разделил латиноамериканец, особо подчеркнув, что все попытки создания альтернативных моделей развития пока успехом не увенчались и ситуация обостряется. И только сингапурец был исполнен неизменного оптимизма, предлагая всем свою задушевную идею «development first, democracy later!» («сперва экономическое развитие, демократия — потом!»). Но я ждала китайцев. Европейцы и латиноамериканец говорили новые и интересные вещи, но это было все-таки свое, знакомое новое. И вот началось.

Китай находится на новом рубеже развития. Появляется слово «readjustment» («реорганизация, переделка»). Нужно обновление теории. Все эти «производительные силы», «производственные отношения», «базис», «надстройка» и «общественно-экономическая формация» — все это очень хорошо, но «readjustment» необходим. Главными целями коммунистического строи-

тельства в Китае отныне становятся «sustainable development» («устойчивое развитие») и «building harmonious society» («построение гармоничного общества»). На первом месте должны быть помещены люди в качестве главной конечной цели политики, а не какая-то там тяжелая промышленность или даже прибыль. Впрочем, прибыль тоже важна, поскольку без нее сильное и стабильное общество построить невозможно. Но одной прибыли недостаточно. У Китая, несмотря на все его успехи в области экономического роста, есть ряд проблем, с которыми без руководящей и направляющей роли партии справиться нельзя. К ним относятся: неравномерность экономического развития регионов («regional economic disparity»), стремительно нарастающий разрыв между городом и деревней, угроза массовой безработицы, нерациональная экономическая структура, низкий технологический потенциал индустриальной сферы, низкий уровень покупательной способности общества и преимущественно экстенсивный путь развития экономики с недостаточно развитым третичным сектором.

В общем, как говорят в таких случаях в России, дело пахнет керосином. Совершенно очевидно, что быстрые темпы экономического роста способствовали не только обретению Китаем второго дыхания и веры в свое будущее, но и тревожно обострили целый ряд проблем, «дремавших» в недрах старого коммунизма. И сегодня главной угрозой становится, вне всяких сомнений, угроза социального взрыва от накала социальных противоречий. Поэтому второй после «устойчивого развития», — а по существу первой, — становится проблема «социальной гармонии».

Все ясно, мы находимся в Китае. В Европе мне бы сразу объяснили, что никакая гармония невозможна. Что есть конфликт интересов. Что для того и нужна демократия, чтобы конфликт этот вывести из подполья и придать ему цивилизованные формы политического процесса. Что политика должна определяться интересами большинства и это большинство должно иметь возможность свои интересы выражать. Что меньшинство при этом тоже имеет право отстаивать свои права и оставаться при собственном мнении. Но в Китае все обстоит иначе. Простодушный сингапурец рекомендовал хотя и не спешить с демократией, но потом, когда необходимый рост будет достигнут, все же, понемножку, ее таки вводить... На что китайцы невозмутимо отвечали, что демократия у них уже есть — и давно. Просто это демократия с китайскими характеристиками. Характеристики эти, впрочем, оказались для меня весьма узнаваемы: система позволяет людям быть хозяевами страны; люди позволяют партии эксклюзивно представлять их интересы; партия при этом может быть лишь одна-единственная, поскольку общество должно говорить «одним голосом», а не раскалываться на множество голосов, представляющих разные интересы. Китай большая страна, и внутренний раскол в политике опасен для общества и государства. Западная демократия Китаю не подходит, потому что не соответствует его культуре. В основе западной демократии лежат разрушительный для китайского менталитета принцип атомизированного общества и представление о всеобщем интересе как производном от индивидуального. В Китае же все наоборот: права государства должны превалировать над правами граждан, если эти граждане хотят жить в благополучной и процветающей стране. В этом нет ничего

недемократического, если такая политика осуществляется строго в рамках закона. Только произвол лидеров, проявленный в период культурной революции, был главной причиной трагедии.

Да, надо бы перечитать мудрецов древности — Конфуция, а еще лучше Лао-цзы... Интересно, как долго сможет удерживать внутренние противоречия вся эта партийно-государственная махина, не давая им вырваться наружу? Или, может, китайцы действительно нашли какой-то иной путь разрешения противоречий за счет их разведения по разным уровням, какой-то особый тип «допущения плюрализма», но вне рамок политики? Что это — просто очередная идеологическая утка, или за этим действительно что-то скрывается? Что-то очень важное? У нас ведь с демократией тоже не все так просто. Да и на Западе тоже... Надо менять свой доклад. Все я в России писала не о том. Но когда? Сейчас нас ждет ужин с этим самым главным здесь молодым человеком. Придется писать ночью.

Ужин

Ужин оказался совсем не таким, как я ожидала. Собственно, это был даже не ужин, а *официальный обед*. Нас принимали *на уровне политическом*, и это было чрезвычайно интересно. После торжественного вхождения с пожатием рук нас посадили за большой мраморный круглый стол. Около каждой тарелки стояла табличка с именем, и я оказалась прямо напротив главного персонажа. Нас обслуживали изумительной красоты девушки с совершенно одинаковыми прическами. Время от времени они приносили что-нибудь необычное и, как я иногда догадывалась, — сырое. Первым, например, подавалось некое блюдо красного цвета — явно не животное и не растение. Каюсь, до сих пор не знаю, что это было. Далее последовал какой-то странный суп — непередаваемого вкуса, но очень приятный. А потом началось такое, что я с трудом поспевала за разговором.

А разговор, между тем, был прелюбопытный!

Наш хозяин был очень симпатичный, хорошо образованный и весьма опытный в подобных мероприятиях человек. Я сразу поняла две вещи: что вопросы здесь задает он и что в такого рода официальных беседах женщины должны знать свое почетное место. Надо отдать мне должное: поняла я это интуитивно. Первый удар приняли на себя немец с англичанином. Именно им предстояло отчитаться по поводу низких темпов экономического роста в Европе. Англичанин подробно рассказал о целом ряде подводных течений в нынешней английской политике, с которыми, впрочем, наш китайский хозяин был уже хорошо знаком. Последней очередь дошла до моего соседа по столу, также подтвердившего, что не все благополучно и в их Латинской Америке. Я же так напряженно ожидала вопроса о России, так мучительно придумывала витиеватые формулировки, что очень расстроилась, когда ни мне самой, ни моей (самой большой здесь!) территории не уделили должного внимания. Это показалось и досадным, и загадочным. Вопрос о роли женщин в Китае, по-видимому, стоит очень остро.

...Последние рукопожатия, блики фотоаппаратов, и мы на свободе. Я предлагаю прогуляться.

Прогулка по вечернему Пекину

Пекин прекрасный город. Даже трудно сказать, что именно в нем прекрасно. Это, скорее, целостное впечатление от широты и чистоты улиц, от приветливости и какого-то естественного оптимизма людей. Мы побывали в метро. Там много молодежи. Люди возвращаются с работы, но в их лицах нет ощущения безнадежности и отверженности. Китайская толпа отличается и от европейской, и от русской тем, что она почему-то не утомительна. Русская толпа пугает своей затягивающей, поглощающей силой, европейская утомляет своей искусственной доброжелательностью и толерантностью. Китайская — лишь молча расступается и дает тебе твое место, просто потому что вот есть еще один человек. Люди здесь все вместе, и каждый сам по себе. Вот идет по улице молодая женщина и... вяжет что-то на спицах. В России это странно, там — естественно. Эта естественность совместного пребывания поразила меня в китайцах еще в московском аэропорту.

Мы идем по современным улицам, сверкающим витринами магазинов, и сворачиваем в старый бедный квартал. Но это совсем другая бедность, не та, что встречает вас в Латинской Америке своей агрессивностью, и не та, что поражает в Индии своим запредельным смирением. Это бедность тех, кто деловито ждет своей очереди разбогатеть, даже если эта очередь никогда не наступит. Люди живут, общаются, сидят в маленьких бедных ресторанчиках, прихорашиваются в парикмахерских. Здесь же — копеечные магазинчики. И огромная сияющая луна, которая светит всем одинаково.

Китайские торговцы ненавязчивы и предупредительны. Вообще, доброжелательность и чувство самоуважения китайцев делает их людьми естественными и приятными в общении. Хотя меру открытости они знают твердо. Это их во многом сближает с европейцами — какое-то внутреннее уважение к личностным границам другого человека. Только вот основания для этого у них какие-то иные, отличные. Кроме того, китайцы показались мне очень толерантными людьми. И это отличает их от европейцев. Интерес к внешнему миру и интерес к иному, причем интерес искренний и доброжелательный, — их сильная сторона. Они не торопятся «копировать» и «перенимать», но не боятся и «знать иное». Им совершенно не свойственна национальная ограниченность, «зашоренность», страх потерять свою идентичность. Видно, что это большой народ.

Портрет Мао Цзэдуна висит там, где ему и положено, на мавзолее. Площадь Тяньаньмынь сейчас просто площадь, по которой гуляют люди. Так же, как и мы. Однако уже поздно, а завтра еще один трудный день. Трудный — для меня. Потому что завтра мне выступать. Мы возвращаемся в отель.

День третий. Выступление

Сегодня мой день, а выступление мое все еще не готово. Нет, все написано еще в Москве, но это не то: столько новых впечатлений, они должны быть включены. Ведь это Китай и слушать меня будут китайцы. А я еще так до конца и не уловила эту самую их «волну», на что они настроены, чего они ждут от выступления человека из России.

Утренние доклады отличаются большей остротой, чем вчера. Народу меньше, а остроты больше. Зато появилось больше молодежи. Много молодых женщин-аспиранток. Одну из них я знаю: в день нашего приезда она помогала мне с покупкой сувениров. Это девушка из небогатой семьи, откуда-то с запада, то есть из бедного региона. Как и большинство здешних студентов, живет в Пекине без родителей. Специализируется по проблемам устойчивого развития: видимо, эта тема сейчас в моде. Она мила, доброжелательна, отвечает на все вопросы. Видно, что рассматривает и изучает меня, но сама вопросов не задает, и от разговора с ней остается как-то мало информации. Зато советы дает дельные и лаконичные. Вообще практичность китайцев поразительна, так же, как и их уважение к физической стороне человеческого бытия. Когда они повысят уровень своих технологий, они всех заткнут за пояс по части качества и удобства жизни. Единственной загадкой остается их эмоциональная сфера. Отношения между полами имеют свою, совершенно отчетливую, специфику. Здесь не было эпохи Возрождения, и вряд ли могла бы появиться хоть одна мадонна. Но местных женщин, похоже, это не угнетает. Однако, как бы то ни было, среди выступающих профессоров — только одна женщина, если не считать меня и моей коллеги-немки. Между тем в выступлениях все больше начинает звучать тема национального возрождения и омоложения нации, а также тема социальных противоречий, которые хотя и надо «гармонизировать», но неясно, как именно это сделать в условиях демократии китайского образца. Открытых выступлений против подобной демократии не слышно, хотя совершенно очевидно, что скрытый плюрализм мнений весьма высок и здесь собрались эксперты, которым можно говорить многое.

Перерыв! Все идут на обед, а я — переписывать выступление...

Последняя часть конференции, но народу, мне кажется, даже прибавилось. Я знаю, что третье выступление — мое, и чувствую, что собравшимся интересно, что скажет ученый из России, да еще и женщина. Вообще, китайцы, несмотря на весь свой рационализм и прагматизм, по-детски любопытны и не могут это скрыть даже с помощью своей церемонности. Вот ведущий говорит что-то о России, «к которой мы привыкли относиться как к зеркалу». Всё. Я включаю микрофон.

Я говорю о том, что смотрю на Китай, а думаю о России. Что за эти два дня Китай меня многому научил. Например, той смелости, с которой он стремится идти своим собственным путем, не принимая слепо на веру готовые рецепты других цивилизаций и культур. Тому нежеланию и неумению вписываться в готовые, раз и навсегда заданные схемы. Меня поразила постановка вопроса об особом пути к гармонии. Меня заинтриговал удивительный тип соединения частей в целое, характерный для китайской культуры и совершенно отличающийся от того, что мы знаем на Западе и в России. Возможно ли это — гармония без борьбы противоположностей? Демократия без политического плюрализма? И если возможно в Китае, то возможно ли это где-нибудь еще? Ведь сейчас весь мир, загнанный в тупик псевдодемократии, мучительно ищет новые формы гармонизации социальной жизни. В России тоже раздаются речи о том, что надо забыть о социальных противостояни-

ях, всем сплотиться вокруг решения общенациональных задач, что западная модель демократии, построенная на признании социального конфликта, разрушительна для русского менталитета и не соответствует особенностям нашей культуры...

На самом деле у России с Китаем много общего. И главный итог трансформации наших систем (китайской — более удачной, российской — менее) один и тот же: мы пришли к выводу, что ***модели политического развития могут быть эффективны только в том случае, если они органично вырастают из национальной политической культуры, традиций и истории народа. Нет и не может быть единого образца, нельзя повторить успешный опыт, если это чужой опыт. Нужно идти своим путем. Каждый народ должен уметь сам ставить свои цели и искать пути их достижения****. Ведь тот же Запад, который всегда настаивал на универсализации своей модели как единственно разумной и стремился навязать ее другим народам, сам-то всегда шел* ***своим*** *путем, исходил из* ***своих*** *интересов и никого не копировал.* ***Так давайте же будем, как Запад, т. е. будем идти своим собственным путем!***

Тем не менее опыт других народов и других стран очень важен, потому что сегодня ни у кого нет готовой альтернативы, и перед всеми с равной остротой стоит проблема альтернативы разрушительному неолиберальному курсу. На этой конференции были предложены две возможности, два типа гармонизации социальной жизни: ***западный тип (противостояние),*** *основанный на принципе борьбы, институционализации конфликта и поиска консенсуса и компромисса, и* ***восточный (консенсус)****, в основе которого лежит принцип недопущения социального конфликта путем выявления и разрешения противоречий на внесоциальном уровне, в процессе принятия решений. Я допускаю, что каждая из этих моделей разумна и имеет право на существование. И меня интересует,* ***какая из них ближе России****.*

Исторически Россия тяготеет к Западу, и не случайно, что реформы в России осуществлялись прежде всего в направлении демократизации по западным образцам. Изначально они были очень просты: предполагалось начать с радикальной экономической трансформации, т. е. вернуться от государственной национализированной собственности к частной — «соответствующей природе человека вообще». Это было представлено в качестве главного условия возвращения России, заплутавшей на путях «противоестественного» природе человека социализма, на столбовую дорогу цивилизации. Демократия западного образца должна была вырасти, как гриб из-под земли, на благоприятной для свободы слова почве частной собственности. Но она не выросла. Государство утратило контроль над всем и вся, а общество его не приобрело. Вместо чудесного соединения двух замечательных достижений западной цивилизации, эффективной конкурентной экономики и свободной конкурентной политической среды, Россия соединила два худших проявления своей же собственной культуры: бесконтрольную, аморальную анархию частных собственников, присвоивших себе практически все достояние страны, и атомизированное и пассивное общество, не способное ни к каким значимым формам сопротивления этому беспределу. Соединение безответственной перед обществом частной инициативы с пассивным безынициативным обществом

не дало ни капитализма, ни подлинного рынка, ни демократии. Зато оно разрушило все то, что было создано на другой основе. А именно — страну, основные нравственные принципы, поддерживавшие внутреннюю жизнь общества, экономику, а затем уже и все остальное, включая даже принцип национальной гражданской самоидентификации.

Выяснилось, что западный тип индивидуализма, лежащий в основе западной модели демократии, сильно отличается от того типа индивидуации, который органичен для русской культуры вообще и русской политической культуры, в частности. Западный тип индивидуации оказался очень плохо совместим с русским пониманием морали. В результате общество оказалось перед выбором между преуспеванием и сохранением морали. Понятно, что такой выбор не мог привести ни к чему иному, как к утрате и того и другого. Деморализованное общество очень быстро было подчинено бюрократической машиной и обобрано до нитки. Этот нехитрый прием «вестернизации» применяется к России ее элитой уже не первый раз — и одинаково «успешно», но так и не теряет, к сожалению, прелести новизны для российского общества.

Посмотрим теперь, подойдет ли для России восточный тип гармонизации. Тем более что именно в эту сторону начинает все более пристально поглядывать российская элита: смотрите, мол, как все славно получается в Китае! Может, и нам попробовать такую «бесконфликтную гармонизацию» с одной партией во главе? Выборы отменим! Партии подсократим, а в парламенте вообще лучше чтобы одна партия была. Оппозиции не надо. Свободу слова и информацию надо взять под контроль, тем более что везде терроризм.

*Думается, что **«китайский путь»** модернизации будет иметь для России столь же гибельные последствия, сколь и «европейский». И вот почему. В основе китайской культуры и политической культуры, в частности, лежит особый тип индивидуации, также отличный от российской. Православное сознание, от которого мы, утратив веру, все же унаследовали свой особый тип понимания индивидуальности, требует слияния индивидов в целое. Православная целостность гомогенна, она не дискретна. Это хорошо, когда речь идет о любви или о войне, но это очень плохо, когда речь идет о социальности, об общественной жизни. Для социальной жизни растворение индивида с его интересами в обществе, а общества с его интересами — в государстве означает разрушение и индивида, и общества, и государства. Для социальной жизни очень важны **границы между индивидами, границы между обществом и государством. Преодоление структурности, которое является главным императивом православной этики, имеет тяжелейшие последствия, когда оно переносится непосредственно на социум. Именно в этом состоит главный урок русского коммунизма**. В Китае иной тип индивидуации и иной тип отношения к целому. Конфуцианский принцип соотношения и гармонизации частей в рамках целого, хотя и очень специфичен по сравнению с западным, но все же имеет с ним то общее, что не противоречит структурности. Конфуцианское целое не разрушает и не растворяет части. Оно не сталкивает их, как на Западе, а стремится включить, вместить, расположить их по принципу взаимодополнения. Эта культура, имеющая многотысячелетнюю традицию, давно стала частью национального сознания. И именно эта куль-*

тура позволяет сохранять плюрализм без конфликта политических институтов. Можно спорить, сможет ли эта культура справиться с противоречиями Китая эпохи глобализации. Но очевидно одно, что для России этот тип гармонизации будет означать простое возвращение в тоталитаризм.

Поэтому на сегодня главная задача России, если она хочет сохраниться как цивилизация (а по-другому она сохраниться не сможет), заключается в том, чтобы принять, признать и ***совместить со своей формой морали принцип социальной структурности, не допускающий слияния общества и государства, прав индивидов и прав сообществ****. Для этого России нужно сформировать институты, способные эффективно отстаивать частные интересы в социальной сфере, будь то интересы индивидов, групп, классов или общества в целом. Ни в коем случае нельзя допустить повторной тоталитаризации государства ни под какими благовидными предлогами «вечного социального мира». Именно поэтому* ***западная модель гармонизации через институционализацию конфликта — единственно возможный вариант для России****. Другое дело, что* ***формы этой институционализации могут быть особыми, своими национальными****. А вот собственность как раз может быть любой. Во всяком случае, мера частной собственности должна определяться интересами общества, способного эти интересы защищать, — в том числе и от государственной бюрократии.*

Тем не менее, несмотря на различие форм гармонизации социальных интересов, хотелось бы отметить, что есть нечто общее, что объединяет гражданские сообщества всех регионов мира и всех культур, — это потребность в международной интеграции граждан перед лицом надвигающейся глобализации элит. Поэтому этот диалог надо продолжать.

Евгения ЩЕГЛОВА

«МНЕ АНАСТАСИИ ИВАНОВНИ 13 ЛЕТ...»

«Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. *1920–1936.*
СПб.: журнал «Звезда», 2005

«Обречены по рождению...» По документам фондов: Политический Красный Крест. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937.
СПб.: журнал «Звезда», 2004

Спасибо «Звезде», выпустившей книги, о которых я хочу рассказать. Спасибо тем, кто в наше подловатое время, когда жестокая правда истории заплывает туманом и всё предпочтительнее становится забывчивость, не теряет чувства истории. Тем, кто продолжает разматывать эту бесконечную цепь времени, чтобы все мы, и думающий современник, и взыскательный потомок, могли снова и снова всмотреться в начало, в истоки, в корни, в основание. В суть. В причины.

Обе книги посвящены деятельности удивительной организации, которая называлась «Помощь Политическим Заключенным» (ПОМПОЛИТ). И, может быть, самое удивительное в истории существования ПОМПОЛИТа — это то, что он вообще был. И это при том, что два его предшественника — политический Красный Крест и Польский Красный Крест — были придушены еще в начале 20-х годов. ПОМПОЛИТ же действовал чуть ли не все 30-е годы, да еще и помещался в самом сердце Москвы — на Кузнецком Мосту, 24, — в трех минутах ходьбы от Лубянки. Как, скажите на милость, окончательно заматеревшая к тому времени власть могла прямо у себя под боком терпеть организацию, целью которой было подрывать самые ее основы?! Помогать *врагам*! Узнавать об их участи! Утешать их родных и детей, их семя и кровь! Просто невероятно...

Все это тем более загадочно, что воцарившийся режим, только-только выйдя из пеленок, обнажил самую свою суть, продемонстрировав перед всем миром подлинное свое отношение к несчастным и умирающим от голода. Был закрыт организованный в 21-м году в России комитет Международного Красного Креста для помощи погибающим от голода в Поволжье, возглавлял который всемирно прославленный полярник норвежец Ф. Нансен.

Евгения ЩЕГЛОВА — родилась в 1951 году в Ленинграде. Окончила Московский полиграфический институт. Литературный критик. Статьи публиковались в журналах «Звезда», «Знамя», «Нева», в «Литературной газете» и других изданиях. Постоянный автор «Континента». Живет в Санкт-Петербурге.

А заодно — и два русских аналогичных комитета во главе с видными демократическими деятелями С. Прокоповичем, Е. Кусковой и Н. Кишкиным. На этот счет 27 августа 1921 года В. И. Ленин издал соответствующее распоряжение. Члены обоих русских комитетов были арестованы, а затем высланы в провинцию.

От голода пострадали тогда более 30 миллионов человек, из них 5 миллионов умерли.

Так что, хотя относительно долгое существование ПОМПОЛИТа, который возглавляла (а по сути дела, в одиночку вела) Е.П. Пешкова, и кажется нам сегодня чудом, чуда в конечном счете не произошло и к 1938 году организацию ликвидировали, постаравшись уничтожить и сделанное ею. Как рассказал в «Непридуманном» Лев Разгон, *«были арестованы все те, которых опекала Екатерина Павловна Пешкова, собраны в тюрьмы, а затем расстреляны. И были арестованы и, очевидно, расстреляны и Винавер* (многолетний помощник и друг Пешковой. — *Е. Щ.*), *и те безвестные мужчины и женщины, которые работали в политическом Красном Кресте. И оставили на воле жить, мучиться и умирать только Екатерину Павловну»*, которая и *«унесла с собой в могилу разгадку тайны, кто, когда, каким образом и почему разрешил ей легально поддерживать тот статус политического заключенного, само понятие которого потом стало чем-то противозаконным, отрицаемым, почти преступным»*.

Впрочем, и в лучшие времена, ежели и были таковые у ПОМПОЛИТа, каких-либо особых полномочий он не имел. Власть тут не расслаблялась, не стоит думать о ней лучше, нежели она была. Разрешено организации было немногое: посылать арестованным, их родственникам, а также вдовам и сиротам посылки и деньги, да и то — очень небольшие; узнавать, где находится арестованный или куда этапирован, в какую тюрьму переведен или куда отправлен в ссылку; сколько лет отсидки получил, и вообще — жив он или умер; можно ли надеяться, что разрешат свидание с ним и когда... И если политический Красный Крест, существовавший с 1918 года, занят был в основном именно юридическими ходатайствами за арестованных (за что и был закрыт), то организованный на его развалинах ПОМПОЛИТ о юридической помощи и заикнуться не мог. Да и всякая другая с каждым годом, даже с каждым месяцем истончалась и истончалась — ей постепенно перекрывали кислород.

И все же неоспоримым благом было даже то малое, что удавалось ПОМПОЛИТу делать в таких условиях. Ведь для «политических» и их близких — людей, от которых шарахались даже друзья и знакомые, уже сама по себе мысль, что в мире есть кто-то, кто смотрит на них с сочувствием и состраданием, что одиночество их, их горе, их ужас кто-то готов разделить, — была залогом того, что в мире еще остались милосердие и человечность, что жизнь все же имеет смысл.

Добавлю, что все сделанное Екатериной Павловной осуществлялось в глубокой тиши, под покровом тайны: она сама просила тех, кому помогала, никому ничего не рассказывать, ни с кем ничем не делиться и тем паче ни о чем не писать. Удивительно ли, что о ее работе и о ней самой долгие годы ничего не было известно?

Но добро и милосердие, сотворенные ею, не канули, не растворились в океане беспредельного и бесконечного государственного зла — зла откровенного, похваляющегося собой и уверенного в своей правоте. И я рада возможности хоть вкратце рассказать об этой по-настоящему великой русской женщине, первой советской правозащитнице...

Итак, Екатерина Павловна Пешкова, урожденная Волжина, происходила из мелкопоместных разорившихся дворян Харьковской губернии. Родилась 26 июля 1876 года. По причине семейного безденежья начала давать уроки математики, еще учась в четвертом классе гимназии. Позже работала корректором в «Самарской газете». За Алексея Максимовича Пешкова, стремительно набиравшего известность писателя, а тогда — сотрудника той же газеты, вышла замуж в 1896 году. Спустя восемь лет муж оставил ее. Вскоре умерла ее пятилетняя дочь Катя (а много позже, в 1934 году, — и сын Максим). Эсерка, участница русского революционного движения, с 1907 года Екатерина Павловна была вынуждена жить вместе с сыном в эмиграции, в Париже и Италии. С начала Первой мировой войны до 1918 года работала в обществе «Помощь жертвам войны», организовав тогда на средства Земского и Городского союзов вместе с адвокатом И.Н. Сахаровым отряд, который занимался сбором и вывозом детей, оставшихся за линией фронта. После Февральской революции стала председателем Московского бюро «Общества помощи освобожденным политическим», затем — ПОМПОЛИТа. Скончалась в 1965 году.

Анна Васильевна Тимирева*, гражданская жена адмирала Колчака, многолетняя скиталица по тюрьмам, лагерям и ссылкам, посвятила Екатерине Павловне воспоминания, исполненные глубочайшей благодарности и любви. Она писала: *«Всегда, встречаясь с ней, я не переставала изумляться: как, пережив такую долгую, сложную жизнь, сталкиваясь со столькими людьми, всякими,— как она сумела до глубокой старости сохранить абсолютную чистоту души и воображения, такую веру в человека и сердце, полное любви. И полное отсутствие сентиментальности и ханжества...»*

Из воспоминаний о ПОМПОЛИТе Льва Разгона:

«Сюда обращались родственники эсеров, меньшевиков, анархистов; родственники людей их партий, союзов и групп, созданных, придуманных в доме неподалеку, за углом направо (на Лубянке. — *Е. Щ.*). *Здесь выслушивали женщин, стариков и детей, здесь их утешали, успокаивали, записывали адреса, чтобы невероятно скоро сообщить, где находится их отец, муж, жена, мать, брат, сын <...> Откуда брались эти продукты, эта одежда, эти, совсем немалые, деньги? Они приходили главным образом из-за границы. От АРА — американской администрации помощи, от социал-демократических партий и учреждений, от разных благотворительных обществ, от богатых людей. А может, и совсем небогатых, может, и от почти бедных. Кто знает, как собирались эти деньги и как они сюда шли? Знала об этом, вероятно, только сама Екатерина Павловна. Каждый день, отсидев часы приема на Кузнецком, она садилась в мотоциклет с коляской и отправлялась в тюрьмы, на таможню, на склады. А еще чаще шла пешком...»*

---

* О ее судьбе — см: Липков А. Я к вам травою прорасту... Континент. № 123.

Перед лицом несчастных, которым она помогала, как могла, нередко из последних своих сил, равно как и перед лицом тех, кому помочь не смогла (увы, таких было великое, величайшее множество; а еще больше было тех, кто ничего о ней не знал и не ведал), перед памятью о страшной судьбе миллионов безвинно убитых людей тускнеют и обращаются в прах все восклицания и ностальгические вздохи о «светлых идеалах» советских вождей, о «великих завоеваниях социализма» — все эти россказни, не прекращающиеся и поныне. Не знаю, злонамеренная ли то ложь, подогреваемая политиками, заинтересованными в реанимации прошлого, или блаженная глупость, — не в том суть. Нельзя же и по сей день не видеть, не хотеть видеть очевидного, не понимать самоубийственной — человекоубийственной — железной логики революции, не отдавать себе отчета, какие механизмы неотвратимо и необратимо запущены были в ход в 1917 году.

Два сборника писем и всевозможных обращений к Екатерине Павловне, изданных «Звездой», как раз и показывают с бьющей в глаза наглядностью, *чем* на самом деле была эта власть. Какого рода эксперимент ставился на живом теле народа. Как ломались, упорно и целенаправленно, христианские нормы человеческих взаимоотношений и какому нравственному растлению подверглась страна. Какую вполне закономерную эволюцию эта власть претерпела, начиная со своего воцарения, которое хоть и не было отмечено гуманностью, но все же до поры до времени старалось «блюсти себя» — хотя бы в глазах иностранцев и наиболее доверчивых сограждан. Впрочем, может быть, власть не осознавала еще подлинных, воистину необъятных размеров собственного могущества?..

Адресаты Екатерины Павловны не лгут. Напротив, они бьются из последних сил, чтобы их правда — обыкновенная, человеческая, но никому почему-то в стране социализма не нужная, даже запретная — была услышана, понята, восторжествовала бы над идеологическими химерами и абстракциями. И эта «обыкновенная» правда как нельзя красноречивее свидетельствует о сути новой власти.

Вот датированное февралем 1932 года письмо от Елизаветы Валериановны Синцовой из поселка Сторожевск Коми АССР. Тяжелобольная 65-летняя женщина, бывшая сельская учительница (помните слащавую киносказку «Сельская учительница» и те почести, которые воздает героине фильма *истинно народная власть*?!), вдова священника, никакой пенсии не получавшая и жившая исключительно продажей былого своего добра, была арестована в Архангельске в 1930 году. Арестована — и выслана в Северный край сроком на три года. Вина ее перед государством заключалась в том, что у нее нашли (цитирую письмо) *«две фотографические карточки кафедрального собора, который разбирался и увозился с Октябрьской площади. Весь город видел это, я же была больная, и вот купила 2 карточки на память, как покупают все люди, от великих и до малых, разные картины, гравюры <...> Я посмотрела их, убрала и не дотрагивалась до них, никто не видел их у меня, клянусь Вам...»*

Синцова рассказывает, что до места ссылки ей с тяжелейшим пороком сердца, склерозом артерий и ревматизмом костяка, от которого она, еще недавно лежачая больная, только-только оправилась, велено было идти пеш-

ком. Декабрь, север, 37 градусов мороза... *«Я всегда и во всем повинуюсь власти,* — выводит ее перо, — *но идти 100 верст я не могу... Я падала и подолгу лежала на снегу. Если б меня не подбирали проезжие зыряне, я замерзла бы...»* По прибытии же на место ссылки ее отправили на лесозаготовки — *«еле живую, полузамерзшую, меня везли на вещах, на крайчике саней, откуда я скатывалась на снег. Боль в костях была невыносима...»*

Опомнившись от прочитанного, скажите-ка, современники, частенько ужасающиеся катастрофическому падению нравов сравнительно с эпохой развитого социализма: вы еще чего-то хорошего сегодня ждете? Вы думаете, что такие *эпизоды* из жизни государства проходят без последствий, запросто пролистываются, как листок перекидного календаря? Вы по-прежнему верите в человеческий прогресс, воздвигнутый на костях и крови беспомощных жертв, а также в идеалы света, добра и красоты, посеянные и взращенные сильной рукой в ежовых рукавицах?..

Ну так вот, к вопросу о прогрессе. Он, несомненно, прослеживается, что отчетливо видно и по двум этим лежащим передо мной книгам. Давно ли историк С. Мельгунов, издавший в эмиграции свой труд «Красный террор в России», ужасался картинам Гражданской войны и рассказывал, как сразу после освобождения Киева от большевиков в здание чрезвычайки пришлось входить, по щиколотку утопая в крови? Жути в той мельгуновской книге вообще многовато для хрупкой человеческой психики — чего стоят труп с вбитым в грудь клином или оторванные (да-да не отрубленные, а именно оторванные!) человеческие головы в той же Киевской чрезвычайке... Но, как выяснилось из дальнейшего, то был еще не апофеоз советской власти — только прелюдия. Потому что убивать людей даже тысячами — это, как показала практика большевизма, несложно. Подумаешь — убить: наши славные холодноголовые чекисты проделывали это, будто орехи щелкали. А вот из года в год развращать народ, убивая в людях сострадание, милосердие и любовь — самое главное, самое в человеке ценное, самое его святое, вбивать клин между отцами и детьми, женами и мужьями, пронизать самую ткань общественной жизни доносами и предательством, играя на человеческой низости, воспитывать, целыми кланами, лжецов и подхалимов, — на это нужно и времени, и усилий побольше. Но стоит только по-настоящему захотеть!..

Вспоминается, как в одном из писем (дело происходило в 1921 году) вдова расстрелянного никак не может понять, что же такое «высшая мера наказания», которой, как ей сообщили, подвергся ее муж. *«Что это означает для него?* — допытывается у Е.П. Пешковой бедная бестолковая женщина, — *если муж мой подвергнут принудительным работам, то будьте добренькі, наведите справку, куда направлен и на сколько лет. Детишки его крепко целуют».*

Да, это только начало 20-х, власть еще новенькая, молодая, неокрепшая... В 1937-м эту формулировку объяснять уже никому было не нужно. Прогресс налицо!..

Милосердие преследовалось по закону. Некий Иосиф Сергеевич Ларионов, сотрудник ОГПУ, пишет Екатерине Павловне, о том, что в 1932 году был арестован за свое «легкомыслие»: *«исключительно из чувства жалости к голодным старым людям»* он кормил двух стариков, один из которых, на его беду, некогда был царским генералом. Чтобы сердобольного чекиста навек

отвадить от подобного легкомыслия, его после ареста отправили на 10 лет в концлагерь. Следом затем была выселена из Ленинграда его жена.

А ростовчанка Валентина Макушина в письме 1928 года просит помочь в освобождении отца, арестованного за то, что он принял в своем доме и обогрел старого товарища по гимназии, оборванного, грязного, похожего на нищего. За проявленную доброту он получил пять лет заключения на Соловецких островах. (Венчает это письмо приписка секретаря политического Красного Креста — «отказано».)

В 1931 году, рассказывается в письме некого Николая Дмитриевича Лаврентьева из Калинина, был *«отнесен к типу кулаков»* и обвинен *«как соучастник в связи с бывшими кулаками»* крестьянин Сергей Лаврентьев. Вина его заключалась в том, что он взял на воспитание четверых маленьких детей (10, 8, 6 и 4 лет) своей сестры, раскулаченной и высланной вместе с мужем. От детей Сергей Лаврентьев, чтобы не отправиться в неведомые края следом за родней, вынужден был отказаться. Четверых малышей без куска хлеба выбросили на улицу...

Мы знаем и о том, с каким особым тщанием, особым адским удовольствием расправлялась власть с теми, кто активно — слишком активно — содействовал ей в деле помощи голодающим, как Екатерина Дмитриевна Кускова-Прокопович. Как расправлялась с теми, кто помогал народу еще до прихода большевиков к власти. Кто просвещал его, как профессор естественных и философских наук Михаил Михайлович Новиков, отправленный в лагерь в 1918 году за участие в просветительской комиссии Государственной думы. Кто, «желая быть полезным народу», шел в земские учителя — как Полина Леопольдовна Прево, которую неоднократно арестовывали начиная с 1925 года. Кто помогал безземельным крестьянам получать казенную землю — как Владимир Федорович Джунковский, расстрелянный 26 февраля 1938 года на Бутовском полигоне. Кто, заботясь о крестьянах, и до революции писал нелицеприятную правду об их положении, как статистик Ипполит Антонович Вернер. Кто боролся с детской проституцией и работал — как Александра Федоровна Анненкова — в Убежище для девочек-проституток...

Власть убивала, заключала в тюрьмы, лишала крова — и одновременно трубила о собственной человечности. В открытом письме Феликсу Дзержинскому от 10 мая 1921 года, отправленном из Бутырской тюрьмы, эсерка Евгения Моисеевна Ратнер, осужденная по процессу ЦК партии социалистов-революционеров, еще вполне легально иронизирует, говоря о «золотом сердце» своего адресата, которое *«Советское правительство усердно рекламирует в своей прессе»*. (Отмечу в скобках, усердие этой рекламы было и впрямь отменным: «суровая доброта» главного чекиста страны в отношении к тогдашним беспризорникам не дает покоя его почитателям по сию пору. Правда, при этом как-то упускается из виду, что несчастные те ребята беспризорниками не родились. Да и представление у апологетов Дзержинского о житье-бытье бывших беспризорных — чаще всего замученных и больных, к тому же психически травмированных кровоточащей памятью о гибели родителей — весьма смутное, поскольку навеяно оно не жизнью, а пропагандой.) Так вот, Евгения Ратнер, брошенная в тюрьму вместе с сыном Шурой, где ее трехлетнего «эсера» постоянно *обезвреживают*, — по ее собственному выра-

жению, живая *«иллюстрация»* пресловутого детолюбия ВЧК. *«Надеюсь,* — заканчивает она свое горькое письмо, — *что эта педагогическая система, примененная ко всем детям Р.С.Ф.С.Р., даст... блестящие результаты».*

И это только 1921 год. А сколько еще впереди!..

Страшны судьбы детей, буквально вырванных из родительских рук и брошенных в никуда, в неизвестность, чаще всего — на погибель.

Из письма 11-летней Жени Мальчевской, написанного в 1932 году:

«Дорогая Екатерина Павловна папочке грозит 54[18] ст. У. К. в плоть до расстрела, прошу вас на коленях со слезами спасите папочку спасите его оговорили. Я клянусь вам что я всю свою жизнь буду работать и трудиться для социализма, и папочка мой ему 55 лет тоже отдаст все свои последние силы». (Отец Жени, бывший комендант общежития на дорожном участке Владимир Владимирович Мальчевский, расстрелян 21 октября 1937 года по приговору особой тройки при УНКВД по Ленинградской области.)

В апреле 1938 года, в подъезде дома, где располагался ПОМПОЛИТ, оставлены матерью двое малышей — трех и пяти лет. При них обнаружена записка: имена, даты рождения, фамилия — немецкая. *«Я вынуждена,* — писала доведенная до отчаяния женщина, — *своих детей насильно оставить. Нигде я не могла добиться, чтобы мне помогли. Муж арестован 8/II 1937 г.* (полгода спустя он был расстрелян. — *Е. Щ.*). *Сейчас они страдают, и я не могу это переживать <...> В настоящее время они возле меня погибнут».* Детей отправили в детприемник — надо полагать, под вымышленной фамилией. Судьба их неизвестна. (Стоит добавить — и это будет к тому же выразительным штрихом к портрету Екатерины Павловны, — что когда-то, в середине 20-х, в этом подъезде точно так же был оставлен ребенок — сын бывшего белого офицера Шура Вознесенский. Пешкова взяла мальчика к себе и воспитала как родного сына. Александр Вознесенский погиб в годы Великой Отечественной войны.)

Дети, малыши... Ни в чем не повинные заложники «классовой борьбы», а заодно и «коммунистического воспитания»... Вот наглядный пример положения дел в советских детдомах, под хваленым надзором советской власти. Профессиональный педагог Юлия Михайловна Зубелевич, высланная в 1922 году из Москвы как эсерка, в письме из Актюбинска рассказывает о положении детдомовцев, отданных под надзор коммуниста по фамилии Крот. Когда этот человек бывает «не в духе», пишет Ю. Забулевич, он *«среди ночи будит разоспавшихся детей, с грозными окриками, со стаскиванием с постели за волосы, с угрозами револьвера <...> то за ухо схватит так, что струйка крови польется, то за шиворот рванет ребенка так, что он стукается о противоположную стену... стоянье на коленях — обычная вещь, угрозы револьвером и крики: "Всех вас, мерзавцев, перестреляю"».* Замечались за ним, рассказывает Юлия Михайловна, и гнусные предложения воспитательницам, и пьянство, и воровство. *«...Если бы вы знали,* — добавляет Ю. Зубелевич, — *какими чудесными стали было становиться ребята до появления Крота, когда нашелся, наконец, ключик к их сердцу, и какими озлобленными зверушками они стали теперь, с отчаяния, кажется, на все махнувши рукой...»*

После этого письма Юлия Зубелевич постановлением ОГПУ была приговорена к высылке в административном порядке за границу.

Но прогресс есть прогресс, и кое-кто из детей — самые, видимо, резвые и смышленые — проникались духом высокой партийности и все с большей отчетливостью понимали, чего же именно от них требуется. Кузница стойких партийных кадров, питомник для выращивания твердокаменных большевиков — вот что такое настоящая советская школа, очищенная от гнилых буржуазных добродетелей. В 1936 году Е.П. Пешкова получила письмо из Астрахани от ссыльной — бывшей ленинградской учительницы по фамилии Ливен: 74-летняя одинокая вдова просила помочь перебраться в Москву к единственной племяннице. Екатерина Павловна написала ходатайство о возвращении старой учительнице гражданских прав. Однако следом за ходатайством Пешковой из Астрахани в Ленинград полетело письмо учеников той самой Ливен — «Ливены»*», как именуют ее благодарные школьники. Комсомолец Ч. (фамилия написана неразборчиво) и пионерка Петрова писали: *«О пересмотре ее дела могу сообщить следующее: что Ливена неисправимый тип по отношению нашего пролетарского строя, Ливена, несмотря на свои престарелые годы, ненавистно относится к Советской власти, ненавидит комсомол и пионеров, не скрываясь, говорит анекдоты и двусмыслицы о наших пролетарских вождях, что нас, детей Советской свободной страны, возмущает, и мы решили Вам сообщить об этом нашем враге»*. Вот и еще пара кирпичиков в основание строящегося сатанинского государства...

Еще одна высланная ленинградская учительница в письме, датированном 1928 годом, рассказывает, каким благородным человеком был ее покойный муж, горный инженер, неизвестно за что арестованный и сосланный на Соловки, как лоялен он был к советской власти. Попутно старушка простодушно удивляется, что ей почему-то не дают для расшифровки оставшиеся от мужа геологические заметки; а ведь он делал полезное для родины дело — искал воду в далеких безводных местах. Искал, находясь в пересыльном лагере, будучи лишен всех прав, всякой надежды на справедливость... А теперь, когда его больше нет (умер естественной смертью или расстрелян — несчастная женщина ничего про него не знает), она просит только об одном — дать ей записи мужа, потому что никто другой в них не разберется: *«мы 18 лет работали вместе и не только в кабинете, а и в горах, и в поле, и я привыкла читать его мысли между стенографическими значками»*.

Но не только выдать вдове бумаги мужа — даже прислать ей официальное уведомление о его смерти власть не удосужилась... *«Странное это отношение,* — заканчивает она письмо, — *что-то совсем бесчеловечное...»*

Странное отношение... Да, наверное, трудно было поверить в неприкрытое и циничное торжество зла; да, наверное, не укладывалось в головах то, что *народная власть* может оказаться *бесчеловечной* и уничтожать свой собственный народ... Нет-нет, тут какая-то путаница, роковая ошибка... Уничтожают — врагов, да и то, если они не сдаются. И лейтмотив большинства писем — наивное стремление исправить ошибку, доказать лояльность того или иного осужденного, убедить, что он не враг советскому строю. *«Мы не враги,*— пишет женщина из Карагандинской области.— *Мы хотим работать. Мы хотим учиться. Помогите у нас помоч некому»*. Письмо от Александра

* Все выдержки из писем приведены в авторской орфографии.

Николаевича Бартенева, высланного из Ленинграда в Орел и в 1937 году расстрелянного: «*Советская власть, которой я верно и честно служил 18 лет и надеюсь служить столь же верно и преданно и дальше, не может обидеть человека только за то, что он — бывший офицер и безземельный дворянин, тем более что я этого никогда не скрывал...*»

Увы, все эти страшные письма как нельзя нагляднее свидетельствуют лишь о том, что начатая в 1917 революция, то есть срыв эволюции в бездну разрушения и небытия, естественным образом перешла в следующую свою фазу. Борьба велась уже не с врагами советской власти, к тому времени либо уничтоженными, либо высланными, либо замолчавшими, а с самой человеческой моралью. С нравственными категориями, с Богом в человеческих душах. Запущенная машина действовала уже сама по себе. Нельзя сказать, что этого никто не видел. Об этом писали русские философы. Георгий Федотов указывал, что большевизм — не просто натравливающее людей друг на друга богоборческое учение; это сам *«дух небытия»*. *«В этой демонической игре,* — утверждал Федор Степун, — *в этом страшном революционно-метафизическом актерстве разлагается лицо человека...»*

Однако в грядущие идеалы, в то, что всем нам суждено жить в счастливом, процветающем государстве, верилось еще долго. *«Так изводить, издеваться нельзя в советской стране,* — пишет К.М.Басаргина в 1931 году.— *Помогите скорее, во имя правды, справедливости в советской земле»*. В письме от 2 октября 1920 года, посланном из Новозыбкова, безвестная женщина по имени Липа, желая обрадовать арестованного мужа известием о рождении сына, пишет: *«Верю, родной, что наше солнце снова согреет наши сердца и души, верю, что правда восторжествует, и ты снова будешь на свободе, мы вместе будем растить нашего крошку, для иной только жизни, здоровой, прекрасной и правдивой»*. Письмо осталось посланием «в никуда»: когда оно попало в руки сотрудников Международного Красного Креста, адресат уже был расстрелян...

Да, в 20-е — 30-е еще мало кто понимал, что из кровавого революционного безумия, из логики развязанного террора с неизбежностью вытекало безумие новое, нескончаемое, неотвратимое, как рок. Надо думать, питомцев Серебряного века ошеломил тот факт, что с начала 20-х годов власть арестовывала всех поголовно жен, следующих за мужьями в ссылку, а равно и мужей, сопровождающих туда своих нередко больных и беременных жен. (А уж до чего советская власть умилялась подвигу жен декабристов, по советским меркам — так сущих счастливиц! Как клеймила злодеев царских сатрапов!) Да только не без усилий этих добрых, умных и благородных людей властвовать над страной стали люди с менталитетом уголовников, в чьем сознании прежде всего напрочь отсутствовало понятие греха и для которых не существовало ни совести, ни стыда, ни сострадания, ни милосердия, ничего человеческого; а значит, им было *все позволено.*

Чистые, наивные, прекраснодушные люди, всю свою жизнь положившие на алтарь освобождения человечества, страстно мечтавшие о подлинно демократическом строе, шедшие в революцию исключительно из любви к страждущему человечеству, как на неизбежную операцию, — где-то сейчас тлеют их кости? Где зарыт расстрелянный в 1937 году Сергей Александрович Студенецкий, бывший эсер, один из учредителей Московского полити-

ческого Красного Креста? Где зарыт расстрелянный в середине 30-х благородный, открытый Николай Александрович де Роберти, кадровый офицер царской армии, полковник Генерального штаба, написавший в письме, что он, имея полную возможность эмигрировать, остался на родине, поскольку «разочаровался в Добровольческой армии», которая шла на единение с внешними врагами России? Где покоится расстрелянный в 1937 князь Андрей Андреевич Гагарин, арестованный и помещенный в Бутырскую тюрьму, но в 1931 году вышедший оттуда благодаря заботам Екатерины Павловны и отправившийся возводить величественную стройку коммунизма — Кузнецкий металлургический завод?..

А что делалось с душами тех, кто шел в революцию из человеколюбия и благородства и имел несчастье уцелеть, незаметно для себя превратившись в палача? И где, в каких немыслимых глубинах, зарыта совесть государства, методично и планомерно уничтожавшего самых лучших, самых достойных — а заодно и самых беззащитных? Старых, малых, больных, одиноких, обездоленных... Уничтожалась сама Россия. Ее мозг, ее совесть — и ее рабочие руки. Уничтожение их всех велось чаще всего параллельно. В городах шло планомерное изничтожение интеллигенции, а из разоренных, опустошаемых коллективизацией деревень доносились до Екатерины Павловны стоны осиротевших и выгнанных на улицу, в чисто поле, детей. *«В своем происхождении я невиновна...»*, *«мы в этом не можем быть виноватыми...»*,*«чем я виновен, разве лишь в том, что я сын <своего> отца...»* — снова и снова читаем мы в скорбных письмах.

«Мне Анастасии Ивановни 13 лет, — пишет из Куйбышевской области Настя Кускова, старшая дочь отправленного в карагандинские лагеря крестьянина, — *мама наша Кускова А.А. была сердечно больна... скончалась 15 августа 1936-го года. Нас осталось трое круглых сирот... Сестре Марии 9 лет брату Алексею 7 лет. В настоящий момент мы все разуты и полуголодные...»*

«Екатерина Павловна. Прошу мне помоч. Я неграмотная имею 5 человек детей. Маленький грудной, старшей дочири (которая пишет письмо. — *Е. Щ.*) *12 лет*, — сказано в письме Максимец (без имени и отчества), пришедшем из села Димитровки Карагандинской области, — *муж в тюрьме... Мы собираем кусочки... живем в плохой старой бане одежи нет картошки нет...»*

«По образованию я акушерка, всю жизнь оказывала помощь трудящимся, — пишет Т. Я. Пережегина из села Николаевки Пензенского округа. — *И вот теперь, по возвращении из ссылки, оказалась без приюта, без копейки денег, без куска хлеба. Ходила побираться, но население наше переживает хлебный кризис. <Власти> совершили надо мной свое кошмарное дело, какое не снилось даже опричникам Малюты Скуратова».*

Подборку писем 1930–1932 годов предваряет справка: число умерших тогда от голода составило (по разным оценкам) от трех до семи миллионов человек... Истинно написал о доме на Кузнецком Лев Разгон: *«Здесь было пролито столько слез, что если бы они все сохранялись, потоками сбегали вниз к Неглинке, то дом этот стоял бы на берегу соленого озера».*

Но напрасно было бы думать, что уничтожаемая крестьянская Россия шла под ярмо безропотно и покорно. Не была бы она Россией, если бы не раздавались в ней страстные протестующие голоса тех, кто терпеть над ними

учиняемое не мог и не хотел. И пусть таких писем единицы (да ведь и обращались-то в ПОМПОЛИТ в основном с просьбами, а не с протестами), дорого то, что такие письма были. Что не все поголовно закрывали глаза на происходящее в нашей многострадальной стране.

Крестьянин Иван Григорьевич Бутенко терпел большевистские издевательства лишь до тех пор, покуда они касались его одного. На беду же его, дети Ивана Григорьевича находились с высланным отцом-врагом в переписке. Естественно, они получили за это по полной причитающейся тогда программе: сельское начальство сначала описало у них дом, пожитки, сарай и всю живность, а потом выгнало детей на улицу. *«Насколько должен быть мерзавец отец,* — пишет Пешковой Иван Григорьевич, — *чтобы в несчастье родные дети отказались от него... Я несу безропотно наказание, хотя и незаслуженное. Зачем же такое издевательство над беззащитными девочками — моими детьми. Им предъявили обвинение, что заберут все имущество за сношение с отцом. Ужас какое преступление. Если я виновен перед Совластью, то вешайте меня, но детей моих ни за что ни про что не терзайте!»* И далее: *«Хотят показать пример всему миру: гуманность, а делают, как несознательные палачи... Где же девался лозунг: Свобода, Равенство и Братство? Будь он проклят от ныне и до века.* ***Мы на них попались, как рыба на червя»*** (выделено мною — *Е.Щ.*).

Но не все находили в себе смелость видеть правду, как видел ее крестьянин Иван Бутенко. Да, повторю я, наверное, трудно было поверить в неприкрытое и циничное торжество зла; да, наверное, не укладывалось в головах то, что власть, называющая себя народной, может уничтожать свой народ... В самом деле, есть ужасы, которых не хочется видеть и в которые не хочется верить. Да, в те годы многие отказывались видеть, что совершается прямое зло, оправдывая его и тем самым этому злу невольно потакая. Не того ли было надо советской власти? Ведь возводящемуся величественному зданию коммунизма, как безыллюзорно свидетельствуют все эти письма, совесть и милосердие были не нужны. Более того — враждебны не менее, чем уничтоженный эксплуататорский класс. Весь этот «буржуазный хлам» выкорчевывался буквально под корень — со злобой, с остервенением, с наслаждением от сознания собственной силы и власти. Шло изощренное растление страны. То самое, плоды которого мы пожинаем сегодня. И ничего, никто не только из былых, но даже из нынешних, новейшей, гуманитарной вроде бы выделки коммунистических заправил не ужаснулся, не покаялся, не бросился в храм отмаливать грехи... Ни за миллионы погубленных крестьян, кормильцев России, ни за их несчастных осиротелых детей, выкинутых из родных домов, ни за уничтоженную интеллигенцию, верившую в грядущее справедливое общество.

Да, по разным причинам, но многие из нас — абсолютное большинство — не желали видеть творящегося зла. Не желали понимать, что участвуют в строительстве общества, где никому не нужны жалость, сострадание, совесть. Но продолжать заблуждаться и СЕГОДНЯ относительно подлинных целей этого государства?!! Сегодня, когда о прошлом нам известно так многое?..

Нет, куда современнее со спокойным равнодушием оправдывать совершенные злодеяния, смиренно произнося: «Все это наша история!..»

Вот именно: все это наша история. И она не должна повториться.

Татьяна СОТНИКОВА

УЗНИК СВОБОДЫ

Валерий Панюшкин. *Михаил Ходорковский. Узник тишины: История про то, как человеку в России стать свободным и что ему за это будет.*

М.: ИД «Секрет фирмы», 2006. 264 с.

В то время, когда Михаила Ходорковского судили и сажали, о нем писали много, поскольку он был для журналистов, как это принято называть, ньюсмейкером. Потом о нем перестали писать почти совсем, потому что ньюсмейкером он быть перестал: ну, сидит и сидит, что тут новенького, остренького? Но и в период общественного внимания к его политическому делу, замаскированному под уголовное, и в период всеобщей опаски (лучше вообще о нем не упоминать, ведь это явно не нравится властям!) размышления пишущей публики о Ходорковском носили поверхностный характер. То есть ответ на вопрос: «Почему его посадили?» — искали в области политической, тактической, интриганской, в конце концов.

Книга Панюшкина оказалась первой (а в силу табу, наложенного на имя главного персонажа, можно предположить, что и последней), в которой предпринята попытка понять сущностные причины того, что произошло с успешным бизнесменом Михаилом Ходорковским и почему это так не понравилось властям предержащим. Тем эта книга и заметна, и замечательна.

Краткая биография героя — даты, события — приведена в самом начале. Впрочем, ничего она о герое не говорит. Все как у всех современных российских олигархов, начинавших карьеру в вузовском комсомоле (вариант — в заводской партийной ячейке), вовремя сообразивших, как правильно припасть к нефтяной (газовой, алюминиевой и т.п.) трубе и сколотивших первоначальный капитал в те годы, когда деньги в России в самом деле лежали на земле, но чтобы грамотно их поднять, требовались ум, воля и моральная небрезгливость. В таком вот, событийном, смысле жизненный путь Ходорковского ничем не отличается от стандартного жизненного пути любого другого российского олигарха. Но почему-то другие российские олигархи благополучно кутят в Куршевеле, покупают футбольные клубы и яйца Фаберже, а Ходорковский сидит на зоне. Почему? Соображения того

Татьяна СОТНИКОВА — родилась в 1963 году в Минске. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета и аспирантуру Литературного института. Кандидат филологических наук, доцент Литературного института. Автор двенадцати романов (под псевдонимом Анна Берсенева) и многих статей по современной русской литературе в энциклопедических и периодических изданиях. Живет в Москве.

рода, что власть решила начать наведение справедливости и Ходорковский оказался первой подстреленной в этом благом порыве ласточкой, — должны показаться смешными каждому, кто живет в нашем отечестве и не понаслышке знаком с деятельностью его властей. Какими угодно соображениями они, эти власти, могут руководствоваться в своих действиях, только не такими наивными, как справедливость. Что далеко ходить: вот недавно министра здравоохранения и социального обеспечения Зурабова поймали за руку на масштабном воровстве, да не у каких-нибудь коллег по бизнесу, а у больных и инвалидов, которые были вверены его попечению, да не тайком поймали, а публично, с арестами в его ведомстве, при широком комментарии СМИ. И что же? Арестовали Зурабова, сняли хотя бы с должности, как того требовала даже не справедливость, а элементарная логика? Ничего подобного. Президент ласково пожурил министра: надо, дескать, лучше следить за подчиненными, чтобы не воровали. В то время как каждому российскому гражданину известно, что по понятиям любой отечественной конторы ни один подданный нитки не возьмет без ведома начальства и без передачи ему, начальству, как минимум десятины от взятого. А журналисты, которым это известно не хуже, чем простым гражданам, мудро прокомментировали ангельскую снисходительность президента: хорошо, что Зурабов остался при должности, ведь он ратует за реформы в здравоохранении, а другой министр, белый и пушистый, за реформы ратовать не будет. Что министром здравоохранения мог бы стать человек, который и за реформы ратует, причем не так, как Зурабов, а с компетентным пониманием нужд немощных людей, и при этом не ворует, — такой вариант журналистами даже не рассматривался. И правильно — они трезво смотрят на вещи.

Так что мысль о том, что власти ратовали за справедливость, расправляясь с Ходорковским, тоже должна быть отставлена. Потому что она — из области фантастики.

Как и другая версия, озвученная государственной пропагандой и приведенная Панюшкиным в предисловии.

«Громоподобный голос диктора за кадром сообщал моему сыну Васе, что вот, дескать, Михаил Ходорковский был комсомольцем, спекулировал компьютерами, обманом приобрел нефтяную компанию ЮКОС, украденную у народа, ничего не делал, качал нефть и богател. Не платил налогов, убивал всякого, кто станет на пути, превратился в самого богатого человека в стране, но тут-то и был пойман и посажен в тюрьму за неуплату налогов».

Сыну Васе шестнадцать лет, и то он выразил сомнение в таком изложении дела Ходорковского. Взрослый же человек и подавно должен задуматься, почему так много патетики в этих пропагандистских заклинаниях и не маскирует ли данная патетика недостаток убедительных фактов.

Так что же все-таки произошло?

И вот тут-то Панюшкин приступает к подробному рассказу о жизненном пути своего героя. И, что тоже делает его книгу заметной и замечательной, говорит сразу о главном.

«В институте Михаил Ходорковский был секретарем факультетского комсомола, не думаю, чтобы у них в списке обязательной для чтения литературы значился «Архипелаг ГУЛаг». И вообще не думаю, чтоб там у них в

комитете комсомола Менделеевского химико-технологического института принято было читать какие-нибудь книги, рассказывающие о свободе, доблести и принципиальной трагичности человеческой жизни. Я не знаю, честно говоря, откуда люди берут моральные принципы и гражданские убеждения, если не читают книг. Наверное, берут откуда-то. Из фильмов, из комсомольских собраний, из бесед с родителями, из общения с ребятами во дворе? Но они не читали Библию, потому что Библия — опиум для народа и темно написана. А стало быть, думали и продолжают думать, будто пути Господни логичны, как бизнес-план или схема оптимизации налогов, и всякий раз неисповедимость Господних путей застает их врасплох. Они не читали Толстого и Шекспира, потому что это авторы скучных и толстых книг из школьной программы. А раз не читали, то, стало быть, не готовы были к тому, как исподволь в стране начинается война, какой безудержной бывают алчность и жажда власти, каким отвратительным бывает предательство. Они не читали Донна, и не знали, по ком звонит колокол. Не читали Диккенса, и не знали жалости. Не читали Пастернака, Набокова, Фолкнера, Камю, Кафку, Бродского. Не читали древних. Даже Плутарха. <...> Впрочем, он не был необразованным или глупым там, в институте. Тогдашние его товарищи, как правило, не забытые Ходорковским и в меру способностей устроенные им на разные должности в МЕНАТЕП или в ЮКОС, вспоминают, что Миша всегда был умным и серьезным.

— Он никогда не участвовал в наших увеселениях, — говорит институтский товарищ Ходорковского. — Мы там, в комитете комсомола, жили, в буквальном смысле слова, одной семьей, а Миша никогда не участвовал. Всегда читал книжку, даже в перерывах между лекциями. И всегда добивался какой-нибудь цели.

— Это была художественная книжка? — спрашиваю.

— Нет, научная.

— Это была какая цель?

— Практическая».

В достижении практических целей Ходорковский и преуспел. Когда в конце 80-х стремительно слабеющая советская власть разрешила мелкое предпринимательство, он забросил научную и комсомольскую работу и создал Центр научно-технического творчества молодежи (НТТМ), через который осуществлял свои коммерческие идеи. Не все они воплотились в жизнь, но все были направлены на извлечение многократной прибыли из того состояния, в котором пребывало советское общество: дефицита всего и вся. Покупали в магазине рабочей одежды отвратительные отечественные штаны, вываривали в специальном химическом составе, получая таким образом модные варенки, и продавали втрое дороже. Привозили польскую водку и армянский коньяк и продавали в Москве, где спиртное было по талонам. Но главные деньги — «такие, каких и цифр не знал в Советском Союзе никто, кроме математиков», — принесла Ходорковскому продажа компьютеров. Поскольку КГБ с целью предотвращения самиздата запрещал ввозить в страну компьютеры большими партиями, Ходорковский создал большую сеть людей, которые постоянно ездили за границу и ввозили умные машины по одной. Продажа этих штучных вестников свободы

давала прибыль в размере 3000%. Билл Гейтс обзавидовался бы! «А когда еще немного оттает режим, и разрешат завозить компьютеры грузовиками, у Ходорковского уже западные партнеры образовались, и уже сбыт внутри Союза налажен, и уже программисты свои, и русификация клавиатуры, и программы на русском языке, и он обыгрывает конкурентов».

И частный банк — будущий МЕНАТЕП — он начал строить еще до того, как власти вынуждены были это разрешить. Именно этот банк вместе с принадлежащей ему промышленной группой в 1994–1995 годах приобретет акции крупных российских сырьевых и обрабатывающих госпредприятий и получит акции ЮКОСа.

О том, *почему* стало для него возможным такое приобретение, речь впереди.

О том, *как* это произошло и что именно получил Ходорковский под названием ЮКОС, Панюшкин пишет с исчерпывающей полнотой.

«В рамках информационной поддержки приговора Ходорковскому телекомпания НТВ сообщила, будто ЮКОС стоил 15 миллиардов долларов, а приобретен был Ходорковским на залоговом аукционе за 159 миллионов. Это неправда. На залоговом аукционе МЕНАТЕП Ходорковского приобрел 45% компании ЮКОС за 250 миллионов долларов. Плюс к этому признал и выплатил 3,5 миллиарда долгов компании ЮКОС. То есть фактически купил меньше половины компании почти за 4 миллиарда. Ни одна мировая нефтяная компания не выражала тогда готовности купить ЮКОС. <...> Даже на самом честном и самом открытом аукционе не стоила бы тогда компания ЮКОС никаких 15 миллиардов. <...> Когда Михаил Ходорковский стал владельцем компании ЮКОС, это поначалу не значило вовсе, что компания ему действительно принадлежит, подчиняется ему или хотя бы приносит ему деньги. Компания была убыточной, себестоимость добываемой ЮКОСом нефти была 12–14 долларов за баррель, а ведь надо еще прокачать эту нефть, надо еще заплатить с нее налоги, пусть даже и оптимизированные. Выходило, что при тогдашней цене на нефть (8 долларов за баррель) компания работала себе в убыток. Выгоднее ей было совсем не добывать никакой нефти, но нельзя, потому что потеряет тогда работу весь город Нефтеюганск, и весь город Стрежевой, и половина города Томска, и половина города Самары — и будет война, бунт и война. Зарплату компания ЮКОС не выплачивала рабочим полгода, просроченная кредиторская задолженность накопилась в 3 миллиарда долларов. ЮКОС работал только в девяти регионах страны, добывая 40 миллионов тонн нефти в год, и добыча нефти снижалась».

Напомним, речь идет о том ЮКОСе, что достался Ходорковскому от государства, которое, если верить модной ныне державной пропаганде, только и делало, что пеклось о благе трудящихся. Так выглядело то, что демагоги всех мастей красиво называют народным добром.

Через восемь лет себестоимость нефти, добываемой ЮКОСом, уже принадлежащим Ходорковскому, была сокращена в восемь (!) раз. Компания разрослась впятеро и стала вторым после «Газпрома» налогоплательщиком страны. Зарплату, очень высокую, рабочим платили без задержки. Они получали лучшую спецодежду, хотя для этого Ходорковскому дважды пришлось увольнять московских менеджеров, которые восприняли его задание постав-

лять на буровые эту самую одежду как повод положить немножко денег себе в карман. (К слову: чтобы разобраться, какая именно спецодежда нужна рабочим, глава ЮКОСа Ходорковский счел необходимым некоторое время поработать буровиком.) Добавьте сюда построенное ЮКОСом в северных городах жилье, спортзалы и школы...

И пусть после этого наиболее бессовестный и беззастенчивый демагог от СМИ Михаил Леонтьев кричит: «Какой такой талант нужен, чтобы поставить над нефтяной скважиной качалку? Качать нефть и получать деньги! Какой талант? Качалка и все!»

Чтобы заставить эффективно работать качалку, много чего нужно было сделать. Например, побороть пережиток советской плановой экономики, когда буровикам платили за пройденные метры, а не за добытые баррели, и потому они были заинтересованы набурить как можно больше скважин и совсем не были заинтересованы в том, чтобы в этих скважинах было достаточно нефти. А поборов этот пережиток, надо было сообразить, как же теперь нефть эффективно добывать. А этому, между прочим, учат не в комитете комсомола советского вуза, а в лучших университетах мира. Поэтому надо было пригласить иностранных специалистов, и не вообще каких-нибудь, из низкопоклонства перед Западом, а тех самых, американцев Джо Мака и Дона Уолкотта, которые закрыли убыточные скважины и применили новейшие мировые технологии, позволяющие добывать максимум нефти.

«Закрытие убыточных скважин нефтяниками воспринималось в штыки, потому что означало для них потерю рабочих мест. Многие юкосовские инженеры реформы Уолкотта и Мака называли "макизмом" и открыто или тайно саботировали». И этих инженеров надо было переубеждать, заставлять работать или увольнять. Что Ходорковский и делал с присущей ему тогда жесткостью и жестокостью.

Еще ему пришлось так перестроить схему продажи нефти, чтобы этим прибыльным делом не занимались бандиты, которые облепили в середине 90-х всю российскую нефтянку своими фирмами-посредниками. Эти фирмы-посредники возникли не только из-за алчности их владельцев, но и из-за нестыковок в российском налоговом законодательстве. И без понимания того, в чем эти нестыковки заключались, невозможно понять: так платил или не платил все-таки Ходорковский налоги?

«Теперь, когда против Ходорковского всеми телеканалами страны ведется пиар-компания, — пишет Панюшкин, — дело выглядит так, будто ЮКОС исправно платил налоги, пока был государственным, а когда приобретен был Михаилом Ходорковским, перестал платить, используя посреднические фирмы и налоговые льготы. Это неправда. В конце девяностых годов налоги нельзя было заплатить сполна, не обанкротив компанию, хоть частную, хоть государственную, неважно. Налоги, если платить их сполна, составляли больше ста процентов оборота. Поэтому и существовали посреднические фирмы, покупавшие у нефтяных компаний нефть по трансферным, то есть заниженным ценам. <...> Нефтяная компания добывала, предположим, нефти на 100 долларов, должна была продать нефть за 100 долларов и 100 долларов заплатить налогов, немедленно разорившись и, уж во всяком случае, ничего не имея на развитие. Вместо этого нефтяная компания продавала свою нефть

за 80 долларов посреднической фирме, платила 80 долларов налогов, а посредническая фирма зарегистрирована была в офшоре, налогов не платила и продавала за 100 долларов нефть, купленную за 80. Уведенные таким образом от налогов 20 долларов нефтяная компания и посредническая фирма делили».

Это и есть пресловутая схема оптимизации налогов, которую не Ходорковский придумал, но которой, как и все компании без исключения, пользовался его ЮКОС. (Некоторые компании, руководители которых находятся на свободе, пользуются этой схемой и до сих пор.) Ноу-хау Ходорковского состояло в том, что он заменил посреднические фирмы, принадлежавшие бандитам, посредническими фирмами, принадлежавшими непосредственно ЮКОСу, и прибыль, полученную за счет продажи через них нефти, стал вкладывать в развитие компании. Он, говорят, даже показывал эти свои схемы тогдашнему главе налоговой службы Букаеву, чтобы доказать, что «деньги не по карманам тырим, а вкладываем в модернизацию нефтеперерабатывающих заводов».

Борьба с этими самыми посредниками, которые в результате деятельности Ходорковского потеряли миллионные прибыли, и была впоследствии вменена Ходорковскому в вину: якобы с его ведома заместитель начальника службы безопасности ЮКОСа Пичугин покушался на жизнь одного из посредников, а также сотрудников этого посредника, среди которых была и женщина. (Впоследствии эта женщина, пиарщица Ольга Костина, за выступление по всем государственным телеканалам с обвинениями в адрес Ходорковского получила в подарок возможность руководить государственной (!) правозащитной организацией, финансируемой крупными предпринимателями, которые после дела Ходорковского ничего не указанного сверху финансировать не могут по определению.) Доказательства обвинения против Пичугина вызывают оторопь даже у людей без специального образования, не говоря уж о профессиональных юристах. Тела убитых не найдены, приговор выносится на основании показаний якобы нанятого Пичугиным киллера, которого специально для участия в процессе привезли с зоны, где он отбывал наказание как серийный убийца по совсем другим, не имеющим отношения к ЮКОСу делам... Бескорыстное свидетельство этого кристально чистого человека принимается на веру безоговорочно. Стоит ли удивляться, что процесс Пичугина — обычный процесс по уголовному делу, не содержащий никаких секретных сведений государственной важности, — был закрытым? На открытом-то процессе, не исключено, общественность поинтересовалась бы, почему это судьи так истово верят серийному убийце, голословно свидетельствующему против Пичугина.

Но все это обрушится на Ходорковского еще нескоро. А в начале 90-х он и его заместитель Платон Лебедев купили завод «Апатит», который уже не мог выпускать, согласно своей специализации, удобрения, поскольку погряз в долгах.

«Купили задешево, но по договору должны были инвестировать в восстановление завода крупные суммы, — пишет Панюшкин в главе «Мания эффективности». — Инвестировать не стали, справедливо рассудив, что руководство завода инвестированные деньги украдет или, что еще обиднее, просто

разбазарит. Им не было жалко денег, я уверен. Неправильно думать, будто бы хороший бизнесмен помешан на деньгах. Он помешан на собственной эффективности, во всяком случае когда в стране маразматический социализм сменяется диким капитализмом. <...> Заводу «Апатит» менеджеры из МЕНАТЕПа не стали давать денег, они стали им управлять: поставляли горючее, станки, выплачивали зарплату рабочим, оптимизировали налоги, построили даже троллейбусную линию от города к проходной — но денег не дали. (Аналогичным образом действовал Ходорковский и в дальнейшем: однажды, поняв, что администрация Нефтеюганска не собирается выдавать из уплаченных им налогов деньги бюджетникам, привез эти деньги на самолете и раздал бюджетникам, минуя администрацию. — *Т.С.*) <...> Эффективно к неуклюжей стране и населяющим ее некомпетентным людям относиться как к детям — обманывать их, а потом говорить, что обман был для их же блага. Так, похоже, считали в начале девяностых либералы, включая Ходорковского».

Соблазн считать именно так слишком велик, чтобы его можно было списать на одно лишь либеральное высокомерие. Эта мысль — о том, что нельзя слишком уж прислушиваться к мнению некомпетентных людей, — не может не прийти в голову каждому, кто, как минимум, анализирует данные социологических опросов. Согласно этим данным, например, треть трудоспособного населения нашей страны — 15 миллионов взрослых людей, вдумайтесь в эту цифру! — желают ежедневно потреблять любой алкоголь не дороже 15 рублей за бутылку. Даже если этот, с позволения сказать, алкоголь являет собою средство для чистки стекол, от которого выпивающий данное чудо потребитель отправляется прямиком в реанимацию. Неважно — лишь бы каждый день и не дороже 15 рублей за бутылку.

А ведь кроме этих 15 миллионов потенциальных клиентов реанимации, мнение которых не хочется не только учитывать, но даже знать, есть еще десятки миллионов человек, которые стеклоочиститель хотя и не пьют, но дремучи во всех жизненных и просто житейских вопросах до такой степени, что появляется справедливое сомнение: а имеется ли у них вообще вторая сигнальная система, испытывают ли они необходимость в чем-либо, кроме поглощения пищи и отправления физиологических нужд? Количество таких людей в нашей стране, действительно великой и действительно невообразимо талантливой, страшно велико. Как такое может быть — непонятно. Это те самые неисповедимые пути Господни, о существовании которых не догадывались предприимчивые комсомольцы позднесоветского периода.

«Так, похоже, и до сих пор считают власть имущие, ради нашего же блага обманывающие нас про мир в Чечне, про выгоды монетизации льгот и про удвоение валового внутреннего продукта», — пишет Панюшкин.

Судя по проценту безоговорочной поддержки населением этих самых властей, население массово желает, чтобы к нему относились вот именно как к несмышленому ребенку. Так стоит ли упрекать в таком отношении Ходорковского?

Самое удивительное, что он сам упрекнул себя в таком отношении к людям. И упрекнул так, что это с неизбежностью привело его на нары. С неизбежностью, разумеется, лишь потому, что он имел неосторожность сделать это в нашей стране. Случись такое в другой части света, общество ру-

коплескало бы бизнесмену за проявленную сознательность. Показательна в этом смысле история с наследством Билла Гейтса. Оказывается, миллиардер № 1 оставляет своим детям 1% от своего состояния, остальное же — различным созданным им фондам и организациям вроде фонда, занимающегося поиском лекарства против СПИДа. Почему он так решил? Если говорить о собственных детях — потому что не хочет лишать их мотивации к труду и таким образом калечить их жизни. (Достаточно взглянуть на деток наших нуворишей, которые с полного одобрения родителей просаживают за ночь в клубе пять годовых доходов среднего российского пенсионера, чтобы оценить уровень сознания Гейтса.) Если же говорить о более общих категориях — Билл Гейтс считает, что состояния такого масштаба, как у него, должны возвращаться в общество.

Вот так. У них там в Америке — так. У нас же, когда мысль общественная пришла в голову миллиардеру местного розлива, общество отреагировало на нее совсем иначе.

Но — по порядку. С чего это вдруг Ходорковский задумался, что с его эффективно нажитым состоянием что-то не так?

Конечно, с точки зрения нормального человека задуматься об этом представляется вполне естественным. Об этом можно было догадаться еще в те времена, когда Ходорковский эффективно использовал механизм залоговых аукционов, чтобы получить ЮКОС.

«Аукцион был законным в условиях тогдашнего беззакония, но несправедливым по сути. Получить компанию можно было только при условии личной верности государю, а доказать верность надо было, профинансировав нечестные выборы. В одном из своих интервью Ходорковский признал, что его бизнес в девяностые был несправедливым и аморальным, но, подчеркнул Ходорковский, законным. Слишком многих законов тогда в России просто не хватало. Сомнительная сделка считалась законной, если была заключена с одобрения власти, и незаконной, если была заключена власти вопреки».

А против власти бизнесмены в 90-е годы не шли. Потому что они играли свою блестящую шахматную партию как эффективные игроки.

Они поддержали на выборах не коммунистов, а спивающегося Ельцина, потому что Ельцин пообещал поделить между теми, кто его поддержит, государственную собственность, которую все равно надо было раздать в частные руки, чтобы она хоть как-то заработала.

Они воспитали продажных журналистов, потому что им нужно было, чтобы те обслуживали их интересы.

Они одобрили зависимость суда от власти, потому что им нужно было, чтобы суд принимал те решения, которые способствовали бы их бизнесу — разумеется, эффективному.

Они, как пишет Панюшкин, сами варили зелье, которое, несмотря на то что было сварено по абсолютно логичной схеме, тем не менее смертельно отравляло и без того нестойкую к непривычной свободе страну.

Они, эти эффективные либеральные бизнесмены, в том числе и лично Ходорковский, относились с уважением только к тем, кто оказался востребован в условиях волчьей действительности, оказался успешен и подтвердил свою успешность солидным годовым доходом. Все же другие прочие

рассматривались ими как не стоящий внимания материал. И журналист, написавший о Ходорковском во времена неупоминаемости этого имени, не может относиться к этому снисходительно.

«Моя мама, врач и доктор наук, в приватизацию верила, говорила:

— Не все же обманщики. Надо просто подумать и вложить ваучеры в какое-нибудь серьезное производство. Почему нельзя вложить в газ, или в нефть, или в землю?

— Потому что, мамочка, — отвечал я <...>, — коммунистическая наша Дума запретила приватизировать газ, нефть или землю. Выставили на приватизацию никому не нужные остановившиеся заводы, и вот думай теперь, который из них оживет.

Как там пишет Ходорковский? "... Обманули 90% народа, щедро пообещав, что за ваучер можно будет купить две 'Волги'. Предприимчивый финансовый игрок, имеющий доступ к закрытой информации и не лишенный способности эту информацию анализировать, мог сделать из приватизационного чека и десять 'Волг'".

Моя мама не была предприимчивым финансовым игроком, не имела доступа к закрытой информации, ее обманули, исходя не из либерального вовсе, а из шулерского представления, что не стыдно обыгрывать человека, плохо знающего правила игры. Но если бы только это! Наша семья — династия врачей. И обиднее для меня, чем потерять две "Волги", будто бы причитавшиеся мне за ваучер, думать, что мама моя в 1994 году несколько месяцев больше заботилась о цветных этих бумажках, чем о больных людях. Это было унизительно. И я знаю единственного богача и финансиста, который осознал это унижение моей мамы как свою вину. Его зовут Михаил Ходорковский. Он сидит в тюрьме. И если все богатства России нажиты обманом, то получается, что в тюрьму посадили единственного раскаявшегося обманщика. Нераскаявшиеся — на свободе».

Добавим — не только на свободе, но и во власти. И ненавидят Ходорковского лютой ненавистью именно потому, что понимают, в чем именно состоит его принципиальное отличие от них. Осознавать это отличие весьма неприятно для самолюбия нынешних успешных людей. Настолько неприятно, что им мало, чтобы Ходорковский просто находился на нарах — им требуется, чтобы он еще и попадал в карцер за каждый переданный соседу по нарам лимон; об этом можно узнать из скупых сообщений в прессе. Им не лень следить за процессом передачи лимона, и они находят на это время, несмотря на то что их попечению вверена огромная страна.

Но все это — нары и лимон — начнется в судьбе Ходорковского опять-таки еще не скоро. Сначала был 1998 год — дефолт, не нанесший решающего ущерба его благосостоянию, но полностью перевернувший состояние его ума и души.

«Осенью 1998 года в компании ЮКОС происходило одно сплошное оперативное совещание. <...> Михаил Ходорковский, говорят, занимался решением таких мелких проблем, про существование которых и знать-то не должен глава компании. Типа: лопнул трос на буровой под городом Нефтеюганском, так где в условиях кризиса взять трос, и где в условиях кризиса взять на трос деньги, и можно ли трос сегодня, а деньги завтра».

Но в этом-то как раз нет ничего удивительного: можно предположить, что нечто подобное происходило во всех частных компаниях, как крупных, так и мелких. Удивительно другое — выводы, которые сделал из всего этого глава ЮКОСа...

Вот как он объяснил происшедшее с ним Панюшкину в письме из тюрьмы: «Из дефолта я вынес не урок, что государство меня (да и всех) обмануло. Это само собой, и было для меня неважно. 1998 год был годом осознания, что есть не только законы, но и этика, что в самой тяжелой ситуации часть людей остается людьми и таких много. Что бизнес — это не игра, не шахматы — это люди, за которых ты отвечаешь, за их семьи, за их пенсии. Каждая ошибка, каждое "не подумал" может стоить кому-то страданий. Ответственность просто придавила, причем если бы люди ругались, плевались, орали — было бы легче. Такое было, но мало, а в основном они просто страдали и надеялись, заранее простив, если ты их обманешь, как их обманывали все и всегда. Я не знаю, смог ли я донести до Вас, почему 98-й год стал переломным для меня и в каком смысле. Я решил, что не только должен отдавать долги, но и что-то сделать, чтобы люди жили лучше, чтобы не было этой покорной уверенности, что обязательно обманут. Не знаю, как объяснить. В общем, производство перестало быть единственной целью. Тогда (не сразу, а через год-два приблизительно), я понял, что из бизнеса мне надо уходить. Доделать то, что пообещал людям, и уйти, потому что в бизнесе надо быть готовым к жестокости и бескомпромиссности, а моя скорлупа дала трещину. И я постепенно сместился в сторону общественной деятельности, занялся изменением условий бизнеса, законами, этическими правилами».

А теперь внимательнее вглядитесь в экран телевизора, с которого смотрят на вас те, у кого в руках деньги и власть. Могут они простить такое вот понимание? Да никогда! Он же в лицо им плюнул, этот Ходорковский! Он объяснил им, кто они есть, потому что на своем примере показал, каким должен быть человек, когда у него в руках деньги и власть. То есть, вернее, попытался объяснить... Но тут вам не Америка, знаете ли. И всякие биллгейтсовские штучки, мягко говоря, не приветствуются.

Впрочем, Ходорковский отнюдь не вышел в рубище на площадь с покаянием. Наоборот, он решил приумножить свой капитал до такого состояния, которое позволило бы ему обрести настоящую власть. Потому что в нашей стране без этого не осуществишь ни одной общественной программы, сколь бы прекрасной она ни была. См. выше: здесь вам не Америка.

Для того чтобы приобрести эту власть, Ходорковский задумал особую бизнес-комбинацию. Он решил построить нефтепровод, по которому Россия могла бы поставлять нефть Китаю. Казалось бы, что в этом плохого? Больше продали нефти — больше получили доходов. Плохо здесь было одно: в нефтепровод на китайский Дацин закачивалась бы нефть, добываемая ЮКОСом. «То есть ЮКОС получал бы автоматически квоту, и нельзя было бы эту квоту у ЮКОСа отнять, не поимев с Китаем международного скандала. Фактически, если бы построен был тогда нефтепровод на Дацин, государство теряло бы контроль над ЮКОСом, теряло бы монополию на транспортировку нефти. А поскольку Ходорковский финансировал оппозицию, то оппозиция в России получала бы неконтролируемую государством экономическую базу.

У нас не юридически только, но и экономически образовывалась бы многопартийная система, как в Британии и как в Америке. Может быть, эта история с нефтепроводом на Дацин — главная во всем деле Ходорковского. <...> Я могу только расценить эту попытку Ходорковского как попытку побега — из российской элиты в мировую. И побег провалился, то ли потому что российская элита не отпустила, то ли потому что мировая не приняла».

О том, что Ходорковский стремился приобрести невиданное для российского бизнесмена политическое влияние, свидетельствует не только история с неудавшимся строительством нефтепровода на Дацин, которую, в конце концов, можно было бы расценивать лишь как стремление откусить кусок не по чину от экономического пирога. (Именно так ее и подают те, кто пытается объявить арест Ходорковского правильным.) Но дело в том, что после 1998 года — то есть после того, как к нему пришло новое, не укладывающееся в рамки бизнес-эффективности, понимание жизни, — Ходорковский направил свои немалые деньги и свои блестящие стратегические и тактические способности на такие дела, которые неопровержимо свидетельствовали: он думает не только о своем личном будущем (оно, при таких-то деньгах, и так не должно было вызывать у него беспокойства), но о будущем своей страны. О котором в его стране, как выяснилось, имеют право думать лишь те, кто находится непосредственно у власти. Шаг слева, шаг справа — считается крамола.

Ходорковский сделал этот шаг 19 февраля 2003 года во время встречи крупных промышленников и предпринимателей с президентом. Темой встречи была коррупция. Промышленники и предприниматели обсуждали эту животрепещущую тему, демонстрируя глубину государственного мышления. «Все возрастающую роль начинает играть возрастание роли государства и его институтов. В некоторых случаях можно наблюдать ряд действий, который приводит к расширению функций государства, а это, в свою очередь, приводит к ослаблению его роли», — сказал стальной магнат Мордашов. Смело сказал, внятно! И в качестве примера привел своего приятеля, который мечтает открыть магазин в Подмосковье, да все не может из-за бюрократических проволочек.

Можно предположить, что миллиардер Мордашов знал и более существенные примеры государственной коррупции. Да счел за благо их не приводить, прекрасно понимая, что не для того его вызвали к президенту.

Ходорковский тоже знал такие примеры. И он их привел.

«Он не волновался. Он боялся. Он был бледен, и у него дрожал голос, это заметно даже на видеозаписи той памятной встречи. <...> Это генетический страх. Вот ты прожил полжизни. Вот на твоих глазах рухнула великая страна, которую ты считал вечной. Вот ты пережил два бунта, один раз на стороне бунтовщиков, другой раз на стороне правительства, и оба раза победил. Вот ты построил крупнейшую в стране частную компанию, и сколько раз могли убить, пока ты ее строил. Тогда не боялся, а сейчас, сидя в кремлевской зале, боишься. Вот ты перерос властную элиту и презираешь ее птичий язык, и не хочешь говорить на птичьем ее языке, а хочешь говорить по-человечески и говоришь. Но все равно боишься. Это генетический страх. Ты родился рабом. Держись!»

Ходорковский привел множество примеров того, во что превратила страну государственная коррупция. Ее масштабы, по данным четырех независимых исследований, составляют треть государственного бюджета. 72% россиян не обращаются в суды, потому что там слишком много приходится платить взяток. 78% россиян не обращаются в суды, потому что там нет справедливости.

«Даже дети в России готовы стать коррупционерами. В те институты, где готовят низкооплачиваемых госслужащих, конкурс больше, чем в вузы, где готовят высокооплачиваемых специалистов. Выпускник нефтяного института получает на первой своей должности 500 долларов, а конкурс в нефтяной институт — два человека на место. Выпускник Государственного университета управления получает 200 долларов в месяц, а конкурс — 10 человек на место. Зачем же дети стремятся получить такие профессии, за которые им будут мало платить? Или у детей какая-то другая арифметика?

Это последнее замечание Ходорковского заметно злит президента. У президента как будто заостряется лицо и в глазах появляется то особое стальное выражение, которому, по-моему, нарочно учат сотрудников спецслужб. Президент говорит:

— Давайте только не будем вот эту презумпцию виновности применять к нашим абитуриентам.

Но это еще не все. Ходорковский говорит:

— Надо сделать коррупцию постыдным явлением. Вот возьмем, например, покупку "Роснефтью" "Северной нефти". Все считают, что сделка эта имела, так сказать, дополнительную подоплеку...

Зал замер. Они понимают, о чем речь. Полунамеками, но высказал все же Ходорковский президенту в лицо страшное обвинение. <...> Если в девяностые годы коррупция заключалась в том, что государство распродавало свои компании задешево, то в двухтысячные годы не в том ли заключается коррупция, что государство слишком задорого скупает частные компании? Это все равно как сказать президенту: "Вы и ваша команда — вы и есть первые коррупционеры". Впрочем, Ходорковский поправляется:

— Да, коррупция в стране распространяется, и вы можете сказать, что с нас-то, — Ходорковский обводит взглядом сидящих за столом, — с нас-то все и началось. Ну... когда-то началось, а когда-то надо и заканчивать».

Вот еще — заканчивать! С какого это перепугу? Пришли новые люди, только начали... Спросите у жителей Рублевки — они ведь очень любят рассказывать в книгах и по телевизору, как они едят, пьют, обустраивают гламурный дом, — спросите у них, кто теперь на Рублевке главные люди. У кого самые дорогие дома и авто, кто диктует правила поведения и даже моду? Отнюдь не олигархи, а государственные чиновники. Те самые, с зарплатой в 200 долларов. И нечего удивляться тому, что они возненавидели Ходорковского: говорить им о пагубности коррупции было просто неприлично.

Однако если бы Ходорковский только говорил! Он же предпринял ряд практических действий, целью которых было преображение страны. Потому что с присущей ему стратегичностью мышления догадался: такое преображение не может быть скорым — надо работать на перспективу. Надо выращивать новых граждан этой страны, которые и переустроят ее в соот-

ветствии с нормальными человеческими представлениями о достойной человека жизни, и переустроят не по указке чиновников, а исходя из собственных потребностей. И это будут уже не потребности в ежедневной бутылке стеклоочистителя.

«Когда говоришь с моими сверстниками или людьми чуть старше, синонимом правильного часто является слово "Государственное". "Государственная позиция", "Государственный подход", "Интересы государства". На самом деле в такой логике причины перепутаны со следствием, — сказал Ходорковский в 2000 году в публичной лекции (после дефолта он занялся еще и этим). — Государство было создано людьми для того, чтобы служить интересам людей. И когда мы с вами говорим, что мы должны служить интересам государства, получается, что мы должны служить некоему идолу, которого сами себе и создали. На самом деле все наоборот. Человек должен служить: во-первых, самому себе, своей семье, во-вторых, обществу. А государство должно служить человеку. И вот для того чтобы эти ценности стали естественны для молодежи, надо проделать много работы, и собственно этой работой мы и занимаемся в рамках "Открытой России".

Созданная Ходорковским общественная организация «Открытая Россия» воспитывала детей, вывозя их в летние лагеря в рамках проекта «Новая цивилизация», учила политиков в «Школах публичной политики» и журналистов в школе «Интерньюс»... Цель прочитывалась без труда: создание нового, действительно открытого общества, в котором будут жить действительно свободные граждане.

Оставим сейчас рассуждения о том, утопична эта цель или нет. История знает немало примеров, когда утопичные цели приводили к таким мощным реальным результатам, которых и предположить было нельзя. Да и вообще, кто сказал, что цель общественной деятельности должна быть мелкой? Но вот скажите другое: могла ли такая организация понравиться нынешнему руководству нынешней страны? Конечно, нет. Какой проект ни возьми, ни один не мог этому руководству понравиться. Какие политики воспитаются в этих новых школах? Какие партии они создадут? Вряд ли такие, как сейчас — когда под снисходительные насмешки народа и начальства вялые либералы грызутся друг с другом за право быть главными в песочнице, а тем временем руководителя оппозиционной партии назначают после личной беседы с президентом, и этот, с позволения сказать, руководитель оппозиции — по совместительству председатель Совета Федерации, то есть высший государственный чиновник...

«Я поверил в то, что правила игры можно изменить не вообще когда-то, а сейчас, — написал из тюрьмы Ходорковский. — Поверил в Касьянова, Путина. Наверное, трудно понять и тем более поверить, но я, в общем, прямой человек, делаю, что говорю, и говорю, что делаю, и чисто психологически ожидаю этого от других. Я все понимаю, а подсознательно все равно считаю, что люди не могут говорить одно, а делать прямо противоположное. Умом понимаю возможность интриги, а потом опять верю и ничего не могу с собой поделать. <...>. В общем, я всегда действительно верил в то, что говорю, когда говорил Президенту, что можно и нужно покончить с коррупцией. <...> Я искренне не стремился стать политиком. Более того, был уверен (и сейчас

уверен) — руководитель крупнейшего предприятия может не суметь быть мэром маленького города. Это просто другая работа. Я хорошо разбираюсь в экономике, управлении и люблю вопросы образования. Моя мечта была, после ЮКОСа, — университет. Политика из меня делает жизнь, делает через не хочу, через ответственность за поверивших. Если бы можно было перевалить эту ответственность на кого-нибудь. Она давит и душит. И сбросить нельзя. Передать, если кто возьмет — можно, а сбросить — предательство. Не могу».

Ходорковский оказался органически не способен на предательство не только в такой, может быть, абстрактной (не для него!) сфере, как политика. Он не уехал за границу, когда власти, обложив его со всех сторон, еще давали ему возможность это сделать. Не уехал потому, что уже были взяты заложники, его сотрудники и друзья — Лебедев и Пичугин, и уже понятно было: уедет глава ЮКОСа, отвечать за него будут сотрудники ЮКОСа, и число заложников увеличится многократно.

«Единственный человек, который, похоже, никогда не боялся — это Платон Лебедев, — пишет Панюшкин. — Он не сотрудничал со следствием. Он писал в прокуратуру дерзкие письма. Он в суде говорил государственным обвинителям, когда те пытались допросить его: "Я не желаю с вами разговаривать, вы преступники, вы сфальсифицировали это дело, вы налгали". Он дерзил и в тюрьме. Ему не передавали в тюрьму лекарства. Его переводили из тюремной больницы в общую камеру. Его сажали в карцер. <...> С самого дня ареста Лебедев не тешил себя иллюзиями, будто можно выкрутиться, пойти на уступки или, как пишет Ходорковский, стать на колени. С самого первого дня в тюрьме Лебедев был уверен, что не только он, но и его товарищи перемолоты будут в порошок подконтрольной власти прокуратурой, судом, правоохранительной системой. И единственное, уверен был Платон Лебедев, что остается — это достойно принять неволю и, может быть, смерть. В этом смысле написанные из тюрьмы мне слова Ходорковского "бросить Платона не мог" выражают трагическое чувство — дружбу».

В отличие от Лебедева, Ходорковский до последнего не верил в то, что его могут арестовать. Просто не верил. За несколько месяцев до ареста Ирина Ясина говорила Ходорковскому:

— Миша, тебя посадят.

— Не посадят, — отвечал Ходорковский. — Они не враги своей стране.

Вот и говори после этого, что бизнес, даже самый маленький, пара ларьков у вокзала, делает человека циником, потому что человеку бизнеса приходится сталкиваться с неприглядными сторонами людской природы. Уж какого масштаба бизнес был у Ходорковского, а поди ж ты! Не враги своей стране... Подростковые какие-то категории. Или дело тут не в масштабах бизнеса, а в масштабах человека?

Человеческий масштаб Михаила Ходорковского по прочтении книги о нем становится понятен абсолютно. Панюшкин даже как-то стесняется, не слишком ли идеального героя он изобразил. Не слишком. Если человек не спасается бегством, потому что не может предать людей, которые ему поверили, и оставить их на расправу вместо себя, то — не слишком.

Как ни смешна любая патетика, но по отношению к Ходорковскому можно проверять людей на наличие глубоких личностных комплексов. Уди-

вительно, но все, кто испытывает к нему лютую, не контролируемую рассудком ненависть — не ходи к гадалке, проверено, — носят в себе какую-либо червоточинку. Неважно, кто эти люди — чиновники, бизнесмены, журналисты или рядовые граждане, видящие представителей вышеназванных профессий только по телевизору. Кстати, интересный парадокс: эти самые «простые граждане с червоточинкой», которые ненавидят Ходорковского якобы за то, что он украл народное добро, весьма снисходительно относятся к другим олигархам, которые народное добро тоже стороной явно не обошли. «Граждане с червоточинкой» с интересом следят за олигархическими приобретениями — «Челси», к примеру — и даже если качают по этому поводу головой, то от ненависти все-таки лицом не белеют. Думается, объяснение здесь простое — через эту самую червоточинку простой человек говорит себе: если бы я сумел наворовать столько денег, то и я потратил бы их подобным же образом — купил бы дом, два дома, двадцать пять домов, или лодку, две лодки, или яхту, пять яхт, или... Но уж точно не высовывался бы, как этот Ходорковский! Спасибо советской власти — за десятилетия лагерей, коллективизации и прочих эффективных мероприятий она почти начисто извела всех, кто «высовывался». За кем тогда недоглядела, теми занимается сейчас. Впрочем, их немного. Раз — Ходорковский, два — Лебедев, три — какие-нибудь замшелые правозащитники — и обчелся.

Не приходится удивляться, что реакция на книгу Панюшкина была в основном негативной. Ведь реагировавшие коллеги-журналисты — такие же простые граждане, и им так же трудно смириться с тем, что они вот прогнулись, как было велено, а их коллега не прогнулся. Конечно, к книге можно предъявить претензии. Многовато в ней, например, рассуждений на тему «Я и Ходорковский». Длинноваты цитаты из собственных писем Панюшкина, написанных Ходорковскому в тюрьму — сравнимы по объему с его ответами. И о том, как Немцов занимается оздоровительным бегом, одновременно излагая Панюшкину свое мнение о сидящем в тюрьме Ходорковском, тоже можно было бы рассказать без того упоения, с которым сам Немцов обычно рассказывает о количестве квадратиков мышц у себя на животе. Все это не так интересно, как, возможно, думает журналист Панюшкин.

Но напишите-ка книжку, из которой стало бы понятно, чем Ходорковский отличается от тех, кто его посадил! Напишите об этом честно, господа коллеги Панюшкина. А потом попробуйте говорить о таких вещах с демагогической снисходительностью. Вряд ли кто-либо захочет попробовать.

Впрочем, есть в книге Панюшкина одна ошеломляющая фраза — дескать, чтобы понять то, что понял Ходорковский, стоило сесть в тюрьму. Видимо, автор не понимает: стоило или не стоило, может говорить лишь тот, кто на это решился. Остальные имеют право только пожелать ему здоровья — физического и душевного. Здоровья и сил, чтобы выдержать то, на что он решился, и чтобы выйти из тюрьмы не сломленным и встретить то мощное будущее, которое ему по справедливости человеческой и высшей должно бы предстоять.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

(сентябрь — октябрь 2006 г.)

9.09.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Как правильно заметил один фенолог, вот и лето прошло, будто и не бывало... И прежний политический сезон плавно перешел в новый, и жизнь российская продолжает течь ровно, в рамках управляемой демократии, — то есть, когда все под контролем, тихо и замечательно до тех пор, пока где-нибудь вдруг не вспухнет и сразу не станет громко и очень больно. Ну, обо всем по порядку...

События конца лета показали всему миру, что российская власть на местах и в центре находится в отличной форме и не утеряла еще секретов мастерства — как из двух кусочков серы соорудить настоящий пожар. В карельской Кондопоге, в кабаке с чеховским названием «Чайка», группа отдыхающих, по всем правилам жанра, устроила дебош и настучала по физиономии бармену. Что в таких случаях происходит дальше в скучных странах типа... ну я не знаю, Бельгии? Бармен вызывает полицию, и сюжет заканчивается через полчаса — крупным штрафом и месяцем общественных работ для особо отличившихся. Но у нас бармен вызывает не милицию, а чеченских братков с арматурой. С чего это он такой смелый? — спросите вы. А с того, отвечу я шепотом, что милиция в Кондопоге давно была на прикорме у этих чеченцев, — а впрочем, все по-честному, потому что другая ее часть на прикорме у местных русских авторитетов, которые пару лет назад на День ВДВ уже устроили здесь мордобой с ясным намеком на грядущий отъем собственности у «лиц кавказской национальности»... Короче, нормальная российская жизнь. Но в ту ночь ВДВ под рукой не оказалось, — и приехавшие братки-чеченцы с новым для Кондопоги текстом «аллах акбар» и старой арматурой пошли убивать обидчиков, а заодно всех, кто под руку попадется. Внизу у того ресторана стояли в это время две милицейские

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Шукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

машины, но из них никто почему-то не вышел... А после похорон город проснулся уже совсем в другом настроении — и пошел к мэрии, и потребовал губернатора и прокурора республики, но ни губернатора, ни прокурора, ясное дело, не дождался...

Умение нашего начальства исчезать в критические минуты, как тени в полдень, — это вообще классика! Как День города или Победы, — так бульдозером от трибуны не оттащишь, а как что-нибудь эдакое, — сразу шапку-невидимку на руководящую башку, и в норку... А народ, не дождавшись губернатора с прокурором, пошел «решать вопросы» самостоятельно... А как наш народ решает вопросы самостоятельно, более или менее известно с пугачевских времен, а в пушкинские уже и сформулировано. Вот именно: бессмысленно и беспощадно. Поэтому дальше все пошло как по маслу, по накатанной дорожке, со всеми остановками: погром, ОМОН, комендантский час...

Тут, наконец, начальство объявилось и сразу всю правду сказало.

Комментируя события в Кондопоге, губернатор Карелии Сергей Катанандов сказал: «Главной причиной стало то, что на наших глазах группа представителей другого народа вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет нашего народа <...> В общем, я понимаю чувства тех людей, которые вышли на улицу».

Вот в чем дело, оказывается! Не в милиции, «крышующей» с обеих сторон передел собственности, не в местной власти, заклеившей себе глаза и уши «котлетами» денег, а в менталитете! Хорошо поняли чувства погромщиков и федеральные телеканалы, несколько дней с удовольствием рассказывавшие о волне народного негодования по поводу обнаглевших кавказцев. Вообще, федеральные политики сориентировались довольно быстро и побежали поучаствовать. Какой-то доблестный перец из фракции «Родина» призвал разделить россиян на местных и приезжих — и организовать черту оседлости. ЛДПР и другие умельцы чиркать спичками возле бочки с порохом тоже немедленно сбежались со своими зажигательными идеями. От их смелых речей немедленно сдетонировал Рамзан Кадыров и пообещал, если не перестанут обижать кавказцев, самолично приехать и добавить в Кондопоге правового поля... ну как он умеет... Короче, гуляй-поле!

Помимо Кондопоги, чеченский вопрос продолжают решать и в Москве, и в самой Чечне, и тоже очень успешно. В Чечне, например, подведены итоги кадыровской амнистии и в очередной раз получено твердое доказательство того, что Ломоносов с Лавуазье что-то напутали, — ибо в одном месте в Чечне постоянно прибывает, а в другом все то же самое остается!

Как заявил в интервью радио «Свобода» руководитель фонда «Антитеррор» Руслан Мартагов, количество боевиков, сдавшихся Рамзану Кадырову за время амнистии, значительно превышает численность боевиков, которые, по словам того же Рамзана Кадырова, оставались в горах.

Понимаете? Сдалось больше, чем воевало, и при этом по всему Кавказу каждый день что-нибудь взрывается. Некоторые циники объясняют этот феномен постановочным характером амнистии. Эти злодеи-комментаторы договариваются до того, что Ломоносов и Лавуазье ничего не перепутали, а просто премьер Кадыров перегоняет туда-сюда (из гор в милицию и обратно) одних и тех же отморозков и набивает себе цену в Кремле, — но

мы-то с вами им верить не будем, ведь одного взгляда на Рамзана достаточно, чтобы понять, что он честный человек, не правда ли?

Как уже было сказано, чеченский вопрос в отчетный период отлично решался не только в Чечне и Кондопоге. В Москве успешно разогнали митинг, посвященный второй годовщине Беслана, и от души насовали под ребра правозащитникам, — а чтоб в другой раз знали, как незаконно митинговать возле Лубянки! Правозащитники, правда, хотели — законно, но мэрия им отказала, честно предупредив о «невозможности обеспечения безопасности данного мероприятия на Лубянской площади». Ну, ясное дело, если Лубянская площадь, то какая уж тут безопасность? (Особенно если против семидесяти митингующих бросить 250 человек милиции и ОМОНа.) Не соврала мэрия: небезопасное это дело ходить на Лубянку! Но и вообще, на бесланском направлении у власти, начиная со стрельбы по детям, — победа за победой...

Во Владикавказе в прошлое воскресенье арестовали тираж доклада члена парламентской комиссии по Беслану Савельева — и успешно засветили пленку фотокорреспондента газеты «КоммерсантЪ», который снимал процесс конфискации. (Кстати, я надеюсь, что новый владелец газеты, г-н Усманов, прекратит это безобразие, — я имею в виду бесцензурную работу журналистов газеты.) Что же касается самого этого савельевского доклада, тут случай совсем возмутительный! Его как человека включили в парламентскую комиссию... то есть не как человека, а наоборот, как патриота-государственника! И вдруг выяснилось, что этот «родинец», Савельев, в прошлой жизни был профессором в области физики горения. И как патриот-государственник он, конечно, за то, чтобы мочить в сортире, но как физик — никак не может подписаться под филькиной грамотой, сооруженной парламентской комиссией. Богородица не велит... или Ньютон с Нильсом Бором, уж и не знаю! Короче, опубликовал Савельев собственный доклад, из которого следует, что бесланская школа загорелась не от взрыва внутри, а от двух залпов снаружи. Ну, профессор теперь, конечно, пускай пеняет на себя, но и Суркову с компанией надо быть бдительнее: нельзя подпускать профессионалов к государственной службе! Вроде свой, а в самый неподходящий момент вдруг ка-ак вспомнит закон физики или норму права... цеховое достоинство вдруг ка-ак проснется... Нет-нет, выше глухих троечников на работу не брать!

Но скоро все чеченские проблемы уйдут в прошлое. Причем решить эти несчетные проблемы предполагается самым надежным образом.

Чеченская республика в ближайшее время может получить новое название — Нохчийн, заявил «Интерфаксу» в понедельник президент республики Алу Алханов. Он отметил, что слово «Чечня» содержит негативную окраску и воспринимается отрицательно. «Если будет решен вопрос о придании республике единственного названия "Нохчийн Республика", то постепенно отпадет и проблема, связанная с термином "Чечня"», — заявил Алханов.

Ну да. Черт возьми, как мы раньше до такого не догадались! Все гениальное просто! Берем старый «жигуль», сыпем на бампер щепотку соли, говорим «крэкс, пэкс, фэкс», называем «мерседесом», — и вперед, по автобану! (Автобаном

заранее называем нашу битую дорогу с колдобинами.) Короче, прощай, Чечня, здравствуй, вот это самое, беспроблемное, как же его... еще не выучил.

Теперь несколько слов про освоение средств. Стремительный рост цен на нефть сделал эту проблему главной головной болью для страны, — не успеваем пилить бюджет! Но, слава богу, есть приоритетные направления! Не образование, упаси боже, и не здравоохранение, пропади оно пропадом, а — в обычное время «военка» с «гэбухой», а в предвыборное, разумеется, пиар. Потому что хочется же остаться возле вентиля и после восьмого года, да и просто: хочется остаться...

Бюджетные расходы на поддержку средств массовой информации в будущем году будут увеличены в полтора раза. Львиная доля этой суммы — почти миллиард рублей — уйдет на государственную поддержку Первого канала и НТВ. Как заявил директор департамента финансов Евгений Елисеенков, поддержка вещания этих коммерческих каналов ведется уже десять лет согласно указу Бориса Ельцина. «Это дело государственной важности, — пояснил Елисеенков. — Если мы их отключим, мы не выполним указ президента».

Вот оно что! Мы-то, простые головы, думали, что Кремль просто решил увеличить размер федеральной агитпроповской клизмы и перед выборами воткнуть ее нам в головы за наши же деньги, а результат чтобы вышел через ящики с бюллетенями... Вот какую гадость мы подумали, сгоряча-то! А на самом деле тут никаких подлостей, а одно только законопослушание! Правда, следует заметить, что и на дедушку Ельцина, и на его указы все начальство кладет с прибором седьмой год, но тут, видать, случилось исключение. Наверное, Дедушка пришел ночью (пешком из Барвихи) к директору департамента Елисеенкову, взял его, понимаешь, за горло и велел выполнять свой указ 96-го года о финансировании НТВ...

Продолжаем обзор субъектов финансирования. Когда совсем уж не знаешь, куда девать деньги, на помощь приходит олимпийское движение.

314 млрд. руб. выделил федеральный центр на подготовку к проведению Олимпиады в Сочи. Как сообщает газета «Новые Известия», губернатор Краснодарского края Ткачев пообещал освоить все выделенные средства независимо от того, состоится Олимпиада в Сочи или нет.

Ну, кто бы сомневался... Освоит, освоит непременно! Правда, не в одиночестве. Во-первых, свой же брат краснодарский чиновник начеку с просторными карманами, а во-вторых, президент Олимпийского комитета Тягачев тоже настроен очень решительно. Вплоть до уголовщины.

Никто и ничто не сможет остановить строительство спортивных объектов в Сочи, — заявил глава Олимпийского комитета России Леонид Тягачев, выступая на первом выездном заседании правительственной комиссии по подготовке к проведению Олимпиады. В своей речи Тягачев резко высказался в адрес экологов, которые могут воспрепятствовать стройке. «Если придут и начнут, потрясая Конституцией, кричать о том, что нельзя рубить елки и сосны, нам будет проще поменять Конституцию».

Обратите внимание на это «нам»... М-да. Как тренер по горным лыжам, Леонид Васильевич, безусловно, должен уметь тормозить, когда понесло. Но, как личный тренер Владимира Путина, он теперь тормозить не собирается,

ибо за шесть лет набрал такую массу, что безболезненно сшибает любое препятствие, включая, как теперь выясняется, и Конституцию. И мне кажется, что в интересах общественной безопасности г-на Тягачева пора уже как-то притормозить...

Теперь несколько слов о борьбе с преступностью. В черноземной полосе России ее, преступность эту, решили систематизировать и, не откладывая дела в долгий ящик, прижать лицом к школьной парте.

Учителям воронежских школ предложено сообщать правоохранительным органам о замеченных ими членах молодежных группировок. Как сообщает «Независимая газета», в милицейский список экстремистов, помимо скинхедов, РНЕ и нацболов, попали антиглобалисты, металлисты, комсомольцы, футбольные фанаты и участники проектов «Открытой России».

Хороший списочек приготовила воронежская ментура! Почти никого из живущих не забыли. Еще чуть подрасширить перечень, внедрить передовой опыт по стране, — и можно обносить школы колючей проволокой по периметру! Сколько денег на учителях сэкономим, — чудо! А завучей по воспитательной части сразу в надсмотрщики...

Теперь — новости религии. Жил-был, стало быть, поп, толоконный лоб. Будучи по природе страшным жлобом, он погнался как-то на базаре за дешевизной, в связи с чем через некоторое время получил от трудящегося класса три щелбана в лоб — и с третьего щелбана помер, слава те, Господи, в назидание всем честным россиянам. История эта, хорошо нам известная, была описана Александром Сергеевичем Пушкиным и Николаем Васильевичем Гоголем названа «прелестью невообразимой». Спустя еще век Дмитрий Дмитриевич Шостакович написал по этой сказке оперу, а недавно оперу эту решили поставить в Государственном театре оперы и балета Республики Коми. Но не тут-то было!

Как сообщила газета «Невское Время», после письма протеста на имя главы Республики Коми за подписью епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима с требованием воспрепятствовать постановке оперы-сказки Дмитрия Шостаковича «Балда» по сказке Пушкина как дискредитирующей образ священнослужителя работа над спектаклем была прекращена. Министерство культуры даже отказалось оплатить работу режиссера, сообщает газета.

Самое, уж не знаю, смешное или печальное в этой истории состоит в том, что театр сам засомневался в православной чистоте своей постановки и сам же пригласил служителя культа на просмотр... Лет еще десять назад, услышав такое, мы бы пальцами в сторону Республики Коми показывали да за животики держались, а сейчас уже и не до смеха, правда?

Да. Мы, братцы мои, живем еще по-среднебусурмански, но широкими шагами движемся в сторону шариата гэбешно-православной разновидности. Впрочем, разновидность — это подробности... Ибо под каким соусом — под крестом ли, серпом с полумесяцем или серпом с молотом — руководящий толоконный лоб будет решать, что тебе можно петь, а чего нельзя, — это, в сущности, совершенно неважно! Важно, что этот руководящий лоб сошел с ума и ему надо это напоминать как можно настойчивее. Чтобы знал свое место у амвона, мечети или переходящего красного знамени. Иначе по пси-

хушкам, и, довольно скоро, в очередной раз рассядемся все мы, не вписывающиеся в требования Корана, Закона Божьего или устава КПСС... И начнется... вернее, продолжится... такой Сыктывкар, что станет совсем не до Шостаковича.

Ну, а уж если теперь нельзя Попа с Балдою, что ж говорить о Мадонне? Этот чистейшей прелести чистейший образец попсы вызвал нешуточные страсти. Казалось порою: вся Россия живет в тревожном предчувствии, что явление этой дурной каббалистки в Лужниках непоправимо повредит нашу православную девственность. Циники (вроде меня) утверждают, что Россия давно не девочка и ничего страшного в Лужниках двенадцатого числа не случится: одной попсой больше, одной меньше — не суть... Но православные продолжали проклинать Мадонну, митингуя по соседству с коммунистами, проклинавшими блок НАТО. Лица в митингующих группах были очень похожие, иногда до полной неразличимости, что и понятно: коммунисты у нас пошли крещеные, а православные — с державным пунктиком в голове...

И напоследок — кинем взгляд на восток. Не в геополитическом или там философском смысле, а в чисто географическом: на Чукотку. Там через несколько лет после пришествия Абрамовича наступил наконец рай. Но какой-то очень знакомый рай...

По информации с официального сайта области, за шесть последних лет объем финансовых вложений в экономику и социальную сферу республики увеличился почти в двенадцать раз. Наиболее значительные средства привлечены в развитие транспорта, энергетики, строительство жилья, детских садов и школ, объектов здравоохранения, культуры и спорта. За этот же период, по данным «Независимой газеты», на Чукотке в два раза выросла смертность от хронического алкоголизма и в пять с половиной раз — количество самоубийств.

Вот я и думаю: либо тут какая-то фигня с официальной статистикой, и объявленное двенадцатикратное увеличение социального сектора по-тихому ушло в сторону Челси, либо мы имеем дело с какой-то совсем новой угрозой народам Севера. Потому что суицид от перефинансирования — это очень страшно.

Счастья вам.

15.09.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, осень разгоняется помаленьку в сторону октября, политическая жизнь и прочие мерзости традиционно активизируются, а стало быть, нам, досужим потребителям отечественных сырков, впроголодь не сидеть. Знай наворачивай, что поднесут. Ну, обо всем по порядку.

На минувшей неделе получил развитие удивительный сюжет двухнедельной давности. Россиян тогда вдруг страшно взволновали объединением Партии Жизни с «Родиной» и Партией Пенсионеров, — как они тогда встали в едином рукопожатии, три богатыря, так у нас просто слезы из глазьев брызнули: это ж не хухры-мухры получается, а мощная оппозиционная сила! Мощь и оппозиционность этой триады россияне смогли оценить уже через пару недель, то есть буквально на днях.

По информации СМИ, президент Путин разрешил спикеру Совета Федерации и лидеру Партии Жизни Сергею Миронову использовать свое изображение на выборах в Липецкой области, а также дал согласие на использование своих положительных высказываний о Партии Жизни. В местный избирком уже прислан проект рекламного щита три на шесть метров с изображением Путина и Миронова, сидящих за столом. Картину дополняет предвыборный слоган «За жизнь, за родину, за народ!»

Вот это настоящая оппозиция! И главное, уже прорвавшаяся в Кремль! Даже не знаю, с чем это сравнить. Представляете Ульянова-Ленина, просящего разрешения у государя-императора посидеть с ним, при фотографах, за одним столом — для рекламной кампании газеты «Искра» в Липецкой губернии. А государя-императора представляете, дозволяющего использовать свои положительные высказывания о социал-демократической партии? Как далеко мы продвинулись, граждане, в сторону социальной идиллии... Правда, все это благолепие заканчивается там же, в кремлевских коридорах, а ближе к земле у людей начинает заходить ум за разум...

По информации газеты «КоммерсантЪ», многие отделения Партии Пенсионеров столкнулись с проблемой: как объяснить своим сторонникам, что возглавляющий Партию Жизни спикер Совета Федерации является «оппозиционным политиком». Как заявил газете лидер ставропольского отделения Партии Пенсионеров Илья Илиади: «Ко мне подходят и спрашивают, сколько нас будут держать за дураков».

Ну, что вам посоветовать, Илья... Точных сроков не называйте, но дайте понять соратникам, что за дураков их будут держать как минимум до тех пор, пока для этого будут основания. Ну, например, чтобы никого не обижать: вот пока ваше партийное начальство, стоя в рукопожатии с этой кремлевской резиновой игрушкой, спикером Мироновым, будет изображать из себя борцов за дело пенсионного класса, — вот до тех пор всех вас, несомненно, будут держать за дураков... Впрочем, лидер Партии Пенсионеров г-н Зотов на минувшей неделе сформулировал задачи парторганизации, кажется, вполне искренне:

Г-г Зотов (глава РПП): «У "Единой России" — монополия власти, мы будем достойной заменой... Будем достойной заменой... Поэтому, да, вот как сказали, это вот все муссируют... вторая нога, левая нога. Да, мы левая нога!»

Вот, стало быть, физиологическая картина и прояснилась. Две ноги, вырастающие из одной кремлевской... как бы ее назвать? — администрации... Это другое дело.

Ну, откуда растут ноги у нашего партстроительства, мы поняли давно. Стать достойной заменой «единороссам» — вот ключевая мысль, одолевающая уже не первую группу энтузиастов! Правильно! У эмира, — да продлятся дни его в Кремле поперек Конституции! — должен быть выбор в этом политическом гареме... Ну, попробовал со всех сторон Грызлова с Пехтиным, хорошо, но есть же и другие... Конечно, тут как тут сцены ревности, но ревность только освежает чувства!

Как сообщила газета «Ведомости», источник в центральном исполкоме партии «Единая Россия» выразил тревогу относительно того, что

использование спикером Мироновым изображений президента на выборах в Липецкой области создаст у избирателей путаницу в вопросе: которая из двух партий — партия власти? Источник выразил опасение, что рейтинг «Единой России» в области будет падать.

Ну да. Ихтиологами давно замечено, что рыба-прилипала быстро и красиво плывет только вместе с акулой, а если ее от акулы отцепить, мгновенно превращается в кусок маловыразительного мяса. Поэтому вопрос о том, какая именно из наших партий-присосок будет ассоциироваться в душной голове избирателя с грандиозной, рассекающей темные воды российской демократии фигурой Владимира Владимировича Путина, — этот вопрос давно стал ключевым вопросом современной политики! Но и акуле не позавидуешь: с одного бока Грызлов свисает, на другом Миронов валандается, тут — Сурков с языком, тут Сечин с паяльниками... Осатаневший от всего этого президент, шевельнув жабрами, сделал давеча неожиданный разворот.

Во время встречи в Ново-Огарево с группой западных журналистов, в ответ на их просьбу разъяснить смысл идиомы «суверенная демократия», Владимир Путин заметил, что понятия «суверенитет» и «демократия» вообще принадлежат двум разным сферам. Столь же критически президент России оценил и понятие «энергетическая сверхдержава», заметив, что сам это выражение никогда не употребляет.

Как же это понимать, граждане? Два года напролет вся президентская братия лечила наши слабые головы этими двумя таблетками — «суверенной демократией» и «энергетической сверхдержавностью», — и вдруг выясняется, что главврач ничего такого не прописывал. Это что же — перемена курса? Боясь отлепиться на повороте от главного туловища страны, обе партии — и грызловская, и мироновская — тут же притормозили презентацию своих партийных программ, причем спикер верхней палаты, простой как жизнь человек, так прямо и сказал...

Миронов: «Программу новой партии они напишут только после того, как свою программу напишет ЕДРО, мол, "посмотрим, что там у них, и напишем свою..."»

В общем, из-за ново-огаревских ответов Путина случилась в верхах некоторая катавасия. Только зря они нервничали! Курс не меняется, и программы можно набивать, как матрац, той же старой ботвой, и не волноваться: плывем, куда плыли! Тут, как бы это сказать? — трудности перевода... Понимать надо: текст путинских ответов пришел к нам, убогим, в обратном переложении с английского! А это совсем другие правила игры. Из отечественных-то журналистов к президенту допускают только самых дрессированных, с заранее утвержденными в Кремле вопросами, — или уже полных блондинок... А вот снаружи к солнцу нашему иногда еще проникают собственно журналисты, то есть люди, способные задавать вопросы по существу. И вот они, мерзавцы, спрашивают его на радостях чего не попадя, надеясь поставить нашего президента в интересное положение. Но не тут-то было! Потому что для «Файненшл Таймс» у нас завсегда одни слова имеются, а для «Комсомольской правды» — другие. Что, видимо, и имел в виду идеолог Сурков, на недоумение местной публики: мол, есть на свете «суверен-

ная демократия» или ее нет? — ответивший: мы тут не в филологическом кружке занимаемся... Что в переводе на русский разговорный означает: не скребите мозги, ешьте, что дают, ваше место у параши...

Ну что же, пристыженные Сурковым, перейдем, действительно, от филологии к делам практическим. Ведь пока мы тут трындим, чешем о власть языки и мерзко злобствуем, власть делом занимается!

По сообщению агентства Интерфакс-Урал, рабочая группа Госсовета по вопросам совершенствования механизмов исполнения органами государственной власти своих полномочий планирует увеличить со 127 до 138 количество критериев, по которым предлагается оценивать эффективность деятельности региональной власти. Как заявил один из разработчиков документа, эти показатели «преследуют цель заставить каждого губернатора задуматься о том, какие резервы для развития территории ему можно найти внутри региона».

Счастливы современники наши; блажен, кто может насладиться глубиной и эффективностью номенклатурной мысли в эпоху управляемой демократии! Ведь как происходит дело в странах демократии неуправляемой — обычной, застарелой демократии типа английской? Там выборный глава графства ищет резервы развития региона без рабочей комиссии Госсовета, сам и практически наощупь. А если не находит, избиратели его просто переизбирают к чертовой матери, сами опять-таки, и все дела. А у нас... О-о-о, у нас совсем другое дело!

У нас сначала из числа бывших сенаторов, методом напыления, организуется Госсовет — специальный орган, никакими полномочиями не обладающий и призванный главным образом обеспечить группу пожилых государственных дядек машинками с мигалками, потому что они так привыкли. Затем в этом игрушечном Госсовете организуется рабочая группа по этой, как же ее... — вот! — «по вопросам совершенствования механизмов исполнения органами государственной власти своих полномочий», о! Затем эта рабочая группа начинает заседать на Урале и постепенно доводит количество критериев со 127 до 138. Затем крупные дяденьки в Москве съезжаются на своих машинках с мигалками в специальный домик и утверждают этот судьбоносный документ! Затем десятки мелких тетенек из аппарата рассылают тот документ по регионам. Затем, уже в регионе, какой-нибудь, прости господи, Амман Тулеев, второй десяток лет живущий с полномочиями египетского фараона и не зависящий ни от кого, кроме бога солнца Ра, Владимира Владимировича, берет эту бумажку и идет с нею в сортир. Все это вместе называется — «совершенствование эффективности деятельности региональной власти». Мои поздравления!

Как мы улучшаем федерализм, вы, надеюсь, уяснили из предыдущего сюжета, теперь о том, как мы укрепляем экономику!

Андрей Патрушев, сын главы ФСБ Николая Патрушева, назначен советником председателя совета директоров «Роснефти» Игоря Сечина. По данным газеты «Ъ», Патрушев-младший будет получать надбавку к окладу капитана ФСБ в размере 180% — за работу со сведениями, составляющими гостайну, а также (цитирую) «сложность, напряженность и специальный режим службы».

Сложность, напряженность, специальный режим службы... Живы, живы традиции русского офицерства! И вовсю прогрессируют! Два века назад — тоже генерал и тоже Николай — Раевский бросал своих сыновей на самый опасный участок боя, но чтобы поступать с родной кровинкою до такой степени безжалостно... Герой Патрушев — настоящий герой! Но, примите во внимание, на его месте так поступил бы каждый! Да собственно, именно так буквально каждый уже и поступил. У министра Иванова юный сын ложится костьми за Родину на должности зампредседателя «Газпромбанка», молодому Фрадкову достался Дальневосточный порт, дитё губернатора Матвиенко руководит, в бедности своей, питерской энергетикой... В самое пекло бросают детей, никакой жалости!

О верности традициям рассказали, теперь — о дружбе народов. В минувшую среду на Кавказе случилась очередная перестрелка. Результат ее мог бы считаться вполне успешным для боевиков — семь погибших и два десятка раненых милиционеров. Но в данном случае обошлось без боевиков: «мочили» друг друга сотрудники чеченской и ингушской милиции — в процессе рейда милиции чеченской по территории милиции ингушской. Это встречное милицейское «мочилово» происходит там уже не в первый и не во второй раз, так что, можно сказать, мы опять имеем дело с традицией... А с учетом особенностей личного состава тамошних «ментов», после всех амнистий, можно просто констатировать, что жизнь идет своим чередом. Своим чередом идет и номенклатурная жизнь: президент Зязиков, ясный ум и светлая душа, узнавши про кровопролитие, заявил, что Ингушетия и Чеченская республика будут и далее развивать отношения, чтобы «способствовать глубокой стабилизации ситуации в регионе». Глубину грядущей стабилизации измерил член Совета Федерации от Ингушетии Исса Костоев...

«Призываю, если кто-либо приедет... делать обыски, задержания без представителей правоохранительных органов Ингушской республики, оказывать им всяческое сопротивление — физическое, всем селом, всей улицей».

Внятнее всех о том, что произошло в минувшую среду на посту в районе станицы Орджоникидзевская, рассказал в эфире нашей радиостанции дежурный сотрудник МВД Ингушетии...

«У нас такие у нас... Оба горцы... вспыльчивый народ... Вот они ехали. Остановили их, чтобы посмотреть, кто там в машине, кого забирают... Перебросились словами, вот начали стреляться. Это конфликт не такой, как на уровне там... республик двух. А вот на посту один дурак нашелся там, который не подчинился требованиям поста остановиться, сказать, что такое, что они здесь делают... Вот и все вот это началось».

Теперь вам, надеюсь, все понятно. В последний раз такие исчерпывающие показания звучали, кажется, на суде по делу о хулиганстве гражданина Мизандари, больше известного как Мимино.

Из «Мимино»: «Слушай, кто он такой, этот потерпевший? Куда он пошел? Я его, говорит, в первый раз вижу!»

Досадный инцидент с массовым милицейским кровопусканием не смог помешать расцвету культурной жизни Чечни. Это дело там набирает обороты не по дням, а по часам.

В чеченском драматическом театре состоялась премьера спектакля «Обет», главным героем которого является Ахмат Кадыров. По сообщениям СМИ, премьер-министр республики Рамзан Кадыров поощрил исполнителя главной роли трехкомнатной квартирой. Исполнители ролей Джохара Дудаева, Аслана Масхадова и Павла Грачева получили по одной тысяче долларов.

А теперь заглянем на наше чудесное телевидение. Нет ли чего новенького? Есть!

Через две недели после первого выхода в эфир на канале «Домашний» прекращено производство программы Светланы Сорокиной и Алексея Венедиктова «В круге Света». По сведениям газеты «КоммерсантЪ», причиной закрытия стали прозвучавшие в прямом эфире программы оценки российского суда как «полицейского», а также слова о «наглом вмешательстве» ФСБ в работу «третьей власти». Это и вызвало столь резкую реакцию ряда акционеров канала, в частности, «Альфа-групп», пишет газета.

Ну, еще бы. Представляете, сидит себе тихий олигарх Фридман где-нибудь... даже фантазии не хватает представить, где... главное, не в Краснокаменске сидит, а совсем с другой стороны бытия... и тут звонит ему, допустим, банкир Авен и сообщает: «Миша, слушай, тут по нашему каналу говорят, что ФСБ нагло вмешивается в работу суда. Миша, это у нас что, концепция поменялась?» Тут у Миши сразу заканчивается валидол. Ну? Поступают так с людьми, г-н Венедиктов? Это ж вам не радио, это ж телевидение, его люди смотрят — миллионы граждан, которым потом за это же самое голосовать! А Сорокина — вообще диверсантка. Уж сколько раз Родина просила ее проходить, не задерживаться в эфирной зоне, — нет, решила, значит, пролезть к потребителю со стороны дивана, через канал «Домашний»... Ну, чай не двухтысячный год, чтобы рассусоливать, — накрыли сразу литром клопомора. Причем, заметьте, накрыли безо всякого ФСБ, в полной общественной тишине... никаких тебе бесед в Кремле с глазу на глаз... Простые настали времена!

И ведь, как говорил классик, что смешно? Смешно, что заранее условились акционеры с ведущими — говорить только на социальные темы, а политики не касаться. То есть: дорогие римляне, мы с вами сейчас, в прямом эфире, будем решать социальные проблемы нашей догнивающей Римской империи, но только чур не слова про цезаря, про его обнаглевших фаворитов, про коррупцию в сенате, про войну в провинции... А про что ж говорить? А так, про отдельные недостатки в строительстве римского водопровода... Не получается! Даже про водопровод — не получается. Потому что за что ни возьмись — от водопровода до здравоохранения, от армии до суда — отовсюду ниточка разговора приведет к некоторым фамилиям и аббревиатурам... Позвонит не проинструктированный телезритель — и хана эфиру! Так что — либо лечить все, начиная с цезаря, либо уж не дергаться, сидеть тихо, смотреть программу «Время» и ждать варваров...

И напоследок — заглянем ненадолго в братское союзное государство, где и с телевидением, и с общественной жизнью все сложилось давно и не то, чтобы окончательно, но — пожизненно...

Совмин Белоруссии принял постановление «О порядке ведения и опубликования перечня террористических организаций». Согласно этому поста-

новлению, перечень террористических организаций подлежит опубликованию в центральных газетах в трехдневный срок со дня его поступления из Комитета госбезопасности. В перечне должны содержаться: наименование террористической организации, регистрационный номер, юридический адрес, а также фамилия, имя и отчество руководителя.

Представляете? Открываете вы утром газету, а там — ваша фамилия как руководителя террористической организации. Вы-то, допустим, думали, что вы работаете в газете или в правозащитной организации, а ничего подобного, — вы террорист! И про это черным по белому написано, и печать стоит! И что ж вам после этого остается? В соответствии с логикой, подать заявку на проведение террористического акта, ну, скажем, в резиденции президента Белоруссии Лукашенко А. Г.; указать время, размер заряда и предполагаемое количество жертв прописью... И ждать решения горисполкома.

Тяжела и неказиста жизнь простого террориста...

Счастья вам.

23.09.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, неделя выдалась отменная — и правосудие постаралось, и парламентарии, и правительство, и общественники... Газеты будущего про нас писали, один призрак из прошлого вынырнул... Впрочем, обо всем по порядку.

А началась минувшая неделя с того, что со стороны Большой Дмитровки каким-то ветром донесло до наших чутких ушей славную весть о новых громких отставках. Журналисты тут же раскатали губу и ну строчить: мол, из прокуратуры уволили наконец долдона-орденоносца Шохина и того второго ясновидящего, как же его... ну, который безо всяких доказательств, после суда над Пичугиным, рассказывал в телекамеры, что Невзлин лично передавал фотографии будущих жертв, а отец Ходорковского знал о готовящихся убийствах... — да как же его фамилия, этого экстрасенса? Кашаев, да! Камиль Кашаев, замначальника управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами. И вот журналисты обрадовались сами и поспешили порадовать общественность сообщением, что этим двум синеньким больше в прокуратуре не работать... Но рано они обрадовались. От винта, общественность! Все не так просто.

«Сообщения ряда СМИ о том, что Шохин и Кашаев уволены, не соответствуют действительности, — заявил «Интерфаксу» в минувшую среду источник в центральном аппарате Генпрокуратуры. В соответствии с плановыми оргштатными мероприятиями в центральном аппарате Генеральной прокуратуры они выведены за штат и в ближайшее время будут назначены на равнозначные должности».

Ну, разумеется: на равнозначные должности! Система своих не сдает, — то есть сдает, конечно, но не наружу. Так внутри канализации и будешь циркулировать по равнозначным коридорам. Нет, конечно, если ты сдуру пошел против власти, как судья Кудешкина или военком Измайлов, если начал в случайных газетах несогласованные слова говорить и протирать народу глаза в ненужных направлениях, то выбросят отовсюду, разумеется,

в два счета, а то и вообще упекут, как Трепашкина, причем упекут показательно, чтобы всем видно было, чего бывает, когда человек против системы идет. Но ежели ты классово близкий и просто ветер перемен случайно сдул с тебя «крышу», можешь сильно не расстраиваться! Давеча на Ставрополье местный краевой суд судил судью, вынесшего (прописью) *восемьдесят одно* заведомо неправосудное решение! Приговорили, страшно подумать, к двум годам лишения свободы — условно... Быков, — помните такого, в Красноярске? От одной фамилии человек сам под асфальт закатывался... Шесть с половиной лет условно. Мэр Гантамиров, приютивший значительную часть денег, выделенных на первое восстановление Грозного, — условно... Живем в мире таких условностей... Впрочем, вернемся к нашим баранам — прокурору Шохину и прокурору Кашаеву... Эти не просто не осуждены и остались в равнозначных коридорах, но, если верить их коллеге, официальному представителю Генпрокуратуры Потапову, еще и раздумывают, не обидеться ли им на газету «КоммерсантЪ».

«Не исключено, что сотрудники Генеральной прокураты, о которых идет речь в публикации, подадут иски в суд на издание, опубликовавшее недостоверные сведения относительно их увольнения, поскольку эта информация нанесла вред их деловой репутации».

Увольнение Шохина и Кашаева могло благотворно сказаться на репутации самой Генпрокуратуры, — это правда... Но вот как можно было дополнительно повредить их собственной репутации после того, что они с нею сами прилюдно сделали в процессе полуторагодичной травли ЮКОСа, — ума не приложу... Вот и рад бы подгадить, но ничем помочь не могу: такой грязи на свете нет!

Продолжим, однако, обзор нашего милосердного, в некоторых случаях, правосудия. Следующая история — про деятельное раскаяние, случившееся на минувшей неделе в Тахтамукайском районе Адыгеи.

Тахтамукайский районный суд прекратил уголовные дела в отношении представителей Тахтамукайской администрации и территориальной избирательной комиссии, организовавших фальсификацию избирательных документов во время президентских и парламентских выборов в 2003 и 2004 годах. Как сказано в решении суда, дела прекращены в связи с деятельным раскаянием подсудимых в совершении преступления.

Напомню суть дела. В этом Тахтамукае группа руководящих граждан, както: глава местного самоуправления Доглеж, глава муниципального образования Хуако, его первый заместитель Ярахмедова и председатель территориальной избирательной комиссии Сообцокова, перекладывали голоса избирателей в пользу, сами знаете, кого, причем-таки основательно перекладывали: у Харитонова отобрали сорок процентов голосов, у Хакамады — аж все девяносто... Некоторые россияне (их человек пять-шесть, и они по преимуществу дебилы) твердо убеждены, что эта фальсификация носит исключительный характер и имела место только в Тахтамукайском районе Адыгеи. Остальные граждане (которые не дебилы) только ухмыляются, а некоторые уже не ухмыляются, а прямо говорят, что ничего, кроме фальсификации, на тех выборах и не было! Некоторые договариваются до того, что и выборов, в сущности, никаких не было, одно название, как в Туркмении!

А отдельные настырные уже пошли в Страсбург с тонной документов, которыми до того подтерся Верховный Суд Российской Федерации... Ужас и позор! Но поголовное прощение, случившееся давеча в Тахтамукае, открывает замечательные перспективы для компромисса. Иначе говоря, как сказано у Булгакова: покайся, Иваныч, тебе скидка выйдет! Гражданин Сурков! Я к вам обращаюсь. Тут важный прецедент случился: граждане Доглеж, Хуако, Ярахмедова и Сообцокова, путем деятельного раскаяния, только что заслужили прощение у правосудия! Вы не пропусти́те момент.

Теперь — внимание, касается всех! Новую военную доктрину подготовила экспертная группа Министерства обороны. Куски из этого судьбоносного документа начали просачиваться в прессу как раз на минувшей неделе. Доктрина получилась, что и говорить, офигительно новая...

По сообщениям СМИ, основной угрозой национальной безопасности в новой военной доктрине по-прежнему называется вмешательство иностранных государств во внутренние дела России. В числе наиболее вероятных врагов называются США, НАТО и мировой терроризм.

Да уж. Продолжим ряд булгаковских цитат и вспомним классическое: «шизофрения, как и было сказано». Вот ведь, правда: Министерство обороны находится у нас на Арбате, МИД — на Смоленской. Близко, как два полушария мозга, но видать, что-то с мозжечком и полная беда с координацией... Стало быть, так: одной ногой мы вошли в «большую восьмерку»; теперь, стоя там, внутри, обязуемся свободной ногой изо всех сил пинать наиболее вероятного противника — США. При этом (одновременно!) будем бороться с мировым терроризмом и поддерживать Иран с Хамасом... За результаты этого эксперимента не поручусь, но самоощущение у больного — совершенно праздничное!

Комментируя новый документ для издания «Газета», источник в Министерстве обороны подчеркнул: «Из умирающей страны мы превратились в страну, которая по-новой завоевывает практически все позиции, которые были во времена СССР. Мы превратились в активного игрока».

Насчет завоевания «по-новой» позиций, бывших во времена СССР, — это, конечно, некоторая галлюцинация (и галлюцинацией этой с удовольствием будут пользоваться все кому не лень, от Китая до Ирана), но сама по себе радость старого геморроя по поводу того, что он снова в полной силе и может доставить людям настоящие неприятности, — о, как это трогательно! Новую, так сказать, военную концепцию на минувшей неделе удачно подперли и с идеологической стороны. Тоже документом необычайной новизны!

В Госдуме и Совете Федерации распространен доклад «О вероятном сценарии действий США в отношении России». Авторы доклада предупреждают о готовящейся в России «оранжевой революции», — в частности, говорится об антироссийском заговоре, в котором участвуют Владимир Рыжков и Дмитрий Рогозин.

Антироссийский заговор под руководством Соединенных Штатов! Мимо этого куска печенья, как персонажей Джерома в Хэмптон-кортском лабиринте, публику водят давно и уже довели до полного изнеможения... Причем некоторое время (так сказать, в качестве Гарриса) этот содержатель-

ный поход возглавлял и один из авторов нынешнего доклада, Валентин Фалин, — в ту пору он заведовал Международным отделом ЦК КПСС и по мере сил подпирал «Берлинскую стену»... И вот теперь, значит, снова здорово... Впрочем, есть в документе и относительно новая идея: Кремлю предлагается начать финансирование благонравных экспертов, готовых помочь в деле борьбы с «оранжевой заразой». И я так скажу: хрен с ними, со Штатами и их заговором, а финансирование в любом случае дело полезное, — как минимум, для авторов доклада...

Теперь новости правосудия... или православия... Решайте сами, чего это новости.

В Иванове начался судебный процесс против журналиста Рахманькова, опубликовавшего статью «Путин как фаллический символ России». Как сообщает агентство «Новый регион», эксперт Белова, по заказу прокуратуры выполнившая лингвистический анализ публикации, пришла к выводу, что в ней содержатся оскорбления в адрес президента России. Белова заявила на суде, что выполняла экспертизу исключительно с точки зрения православного мировосприятия.

Журналист Рахманьков, поди, думал, что идет в суд, а попал в инквизицию. Ну, пускай скажет спасибо, что у нас покамест Иваново, а не Тегеран: крови попортят, но хоть насмерть не замучают. А впрочем, что именно оскорбительного для президента в том, что он фаллический символ, эксперт Белова суду толком не разъяснила. Ну, стоит иногда прилюдно, символизируя вертикаль; ну, под настроение повышает демографию, — все сходится... Но что ж тут обидного для православия? Вот если бы журналист Рахманьков предлагал обрезать символу немного полномочий с самого верху, тогда, конечно, и с православной, и с государственной точки зрения его следовало бы немедленно казнить, — но чего не было, того не было! В общем, я не понял.

Ну, с местной журналистикой власть давно обходится довольно по-свойски... Отношения с мировой общественностью отличаются большей тонкостью. Но не чересчур...

Меньше чем через месяц заканчивается срок регистрации международных общественных организаций в Федеральной регистрационной службе. Между тем, как пишет издание «Газета», собрать необходимые документы руководителям НКО будет не проще, чем попасть на прием к президенту.

Да! Может, в автомобилестроении или, там, еще чем-нибудь эдаком мы и отстаем от Запада, но в технологии перекрывания кислорода давно достигли высоких международных стандартов! Действительно, зачем запрещать этой иностранной Золушке идти на наш демократический бал? Мы ж не звери! Пускай идет, — только сперва уберется в доме, все перегладит, разберет три мешка крупы, переведет на русский язык устав организации, раздобудет домашние адреса ее давно умерших учредителей, а потом через толпу других желающих пробьется к окошку чиновника Федеральной регистрационной службы, который принимает только три часа в неделю... В общем, все двери открыты: добро пожаловать в Россию!

Что же касается работы государства с отечественными НКО, на этом направлении минувшая неделя тоже принесла в подоле кое-что интересное...

Общественной палатой названы победители конкурса на получение грантов из федерального бюджета, — деньги получат 516 некоммерческих организаций. СМИ отмечают, что в списке победителей нет многих авторитетных оппозиционных НКО, вроде «Открытой России», но есть, к примеру, «Союз православных граждан», один из организаторов погромов во время гей-парада в Москве. Также замечено, что среди будущих получателей грантов имеется как минимум семнадцать общественных организаций, которые возглавляют сами члены Общественной палаты.

Ну, слава богу. А то еще на этапе конкурса некоторые особо нервные жаловались: мол, критерии отбора неясны... Детский сад какой-то. Критерии чувствовать надо! Сам не чувствуешь, программу «Вести» посмотри... Ну, и конечно, Родина Родиной, а себя забыть никак не получается. Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, то есть федеральное финансирование!

Теперь еще пара слов о финансах. Они поют свои романсы повсеместно, но текст кое-где строго засекречен!

По информации СМИ, общая сумма засекреченных статей расходов в бюджете страны исчисляется уже сотнями миллиардов рублей. Больше всего закрытых статей приходится на раздел «Национальная оборона» и «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», но с этого года «секретные» статьи появились в жилищно-коммунальной сфере, образовании, культуре и разделе «СМИ».

Есть такие далекие удивительные края, где граждане постоянно интересуются судьбой собственных денег. Ну, вот интересно им, куда и на что правительство тратит бюджет, собранный налогоплательщиками! Каждую статью расходов под лупой просмотрят и, не приведи Господи правительству засекретить лишний доллар или евро! — съедят на ближайших выборах. А то и посадят, ежели выяснится, что какой-нибудь засекреченный миллиончик был распилен наверху промеж своих... А засекреченный миллиончик, — он ведь сам на распил просится. Так прямо на ночь глядя и канючит: распили меня, никто ж не видит... А ты откуда, миллиончик? Да нас тут много! Я из «оборонки»... этот из «национальной безопасности»... а вот еще, рядышком, из раздела «образование и культура»... Ой! Да кто ж тебя такого засекретил, из раздела «образование и культура»? А вот кто меня засекретил, отвечает миллиончик, тот и распилит... И, слава Тахтамукаю, никаких реальных выборов, чтобы за это потом поганой метлой. И никакого суда ближе Страсбурга. И никакого телевизора, в котором можно, в прямом эфире, взять за грудки постную правительственную физиономию и прилюдно постучать ею по проекту бюджета... В общем, благодать!

И напоследок свежая социология.

С середины 90-х число сторонников монархии в России удвоилось, — об этом сообщила газета «Ведомости». Руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Леонтий Бызов связывает эту тенденцию с реставрацией консервативных ценностей. Социологические опросы показывают, в частности, что путинские избиратели являются убежденными монархистами.

Вот. А вы говорите: «большая восьмерка», демократические институты, Конституция какая-то... На колени! Копеечку нефтяную к груди прижать и

молиться за царя... как бишь его, по Пушкину-Мусоргскому? Во-во. А вышеозначенному благодетелю — не морочить нам голову с преемником, а по простому: Шапку Мономаха по самые гланды — и скипетр с державой, чтобы руки занять... На «Красную стрелу» — и в Зимний дворец.

Счастья вам.

30.09.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что ж, надо признать: неделька выдалась вполне заурядная, никаких особенных открытий, так: несколько дежурных федеральных пошлостей, полпуда вранья, ну, и воровство, разумеется, мы ж не в Осло, чтобы целую неделю — да без воровства... Но начнем, пожалуй, с федерализма и строительства вертикали. Здесь на уровне логики, воровство вообще повальное. Ну, обо всем по порядку...

Пару лет назад президент Российской Федерации Путин В. В. своим царским указом отменил выборы губернаторов в регионах. Народ, мол, дурак, навыбирал кого ни попадя, — будем исправлять. Ну, и начал он исправлять, и всех самолично переназначил... Мы, конечно, страшно обрадовались такому повороту дел, потому что раньше надо же было самим мозгами ворочать, а потом душой мучаться: ответственность! А с 2004 года — милое дело... Царь самолично лучшего из бояр тебе выбрал и в подарок прислал: праздник! И вертикаль стоит, как вкопанная, глазу приятно. Мы, признаться, полагали, что проблемы качества власти с тех пор решены навсегда, потому что раз царь сам боярина выбрал, то уж лучше этого боярина ничего и быть не может, но оказалось, вертикаль долго сама по себе не стоит...

По информации СМИ, в Государственную Думу поступил правительственный законопроект, призванный серьезно упростить процедуру отлучения от власти региональных лидеров. Если проект станет законом, Президент получит такое право сразу после предъявления чиновнику обвинения — по любой статье, независимо от тяжести содеянного.

Нет, странно, право! Какие обвинения могут быть предъявлены человеку, которого из сотен тысяч обычных граждан лично отобрал, для пользования народом, президент Российской Федерации? Не может же такого быть, чтобы президент Российской Федерации прислал нам из своих кадровых запасников коррупционера, или человека преступно халатного, или просто дурачка с просроченным сроком действия, в общем, потенциального уголовника, — прислал, а теперь изображает из себя Тараса Бульбу: мол, я тебя породил, я тебя и убью... Нет-нет, что-то конкретное имелось в виду, когда готовили этот законопроект, какая-то неотложная мысль зудела в начальственном мозгу, но какая? Для ответа на этот вопрос умные головы посоветовали заглянуть в пояснительную записку.

Как утверждают авторы законопроекта, «отдельные территории РФ используются для подготовки террористов при фактическом попустительстве должностных лиц, отвечающих за обеспечение общественного порядка и общественной безопасности». Попустительство госчиновников, заявляется далее в документе, приводит также к «открытой пропаганде экстремистских и националистических идей».

Ага! Ну, это уже понятнее. Вот, скажем, Басаев, пока сам себя не взорвал на радость Патрушеву, ездил по Ингушетии по нахалке, как Путин по Рублево-Успенскому шоссе, — стало быть Зязикова, президента республики, привлекаем за преступную халатность! Ну что же, я не против... Или вот еще... На минувшей неделе в городе на Неве прошел разрешенный митинг так называемого Движения Против Нелегальной Иммиграции. Ну, название вас смущать не должно, — там свастики на рукавах, приветствия прямой рукой вверх от плеча и погромные тексты по полной программе.... Днем, значит, митинг, а вечером убийство индийского студента-медика. Ну, так совпало... С нетерпением жду принятия нового закона и увольнения г-жи Матвиенко, при которой свастика в Питере прижилась окончательно, а убийства «черных» стали бытом... Но что-то мне подсказывает, что и Зязиков никуда не денется, и Валентину Ивановну державным пальцем не тронут. Стало быть, есть какая-то другая, тонкая и недоступная нашему уму идея! Что-то другое имеет в виду солнце наше незакатное... Что же именно?

Я терялся в догадках, пока не прочел в «Независимой газете»: ***вполне возможно, что мы присутствуем при рождении правовой основы перспективного предвыборного проекта под условным названием «Борьба с коррумпированной бюрократией, предающей свою страну»***. А, ну тогда другое дело! Значит, задавить парламент, суд и прессу, перекрыть общественный контроль за бюрократией... а ближе к выборам выйти из Кремля, как из окопа, и пойти в смертельное наступление на коррупцию, которую сам по всей стране и развел! М-да... Как некоторым удается, без ущерба для здоровья, ложиться грудью на собственный пулемет, — не устаю удивляться!

Теперь — новости из парламента. Там продолжает вести тяжелые оборонительные бои с реальностью комиссия по расследованию событий в Беслане. На уничтожение альтернативного доклада депутата Савельева, из которого следует, что бóльшая часть детей погибла по вине действий федеральных сил, брошена тяжелая номенклатурная артиллерия.

Спикер верхней палаты парламента Сергей Миронов заявил, что Савельев сделал абсолютно неверные выводы, полагая, что к печальным последствиям привел некий первый выстрел по школе. «Ошибка Савельева, — заявил Миронов, — в том, что он принял выстрел, который произошел спустя два часа, за первый, и на этом строится вся его гипотеза»: «видно, на пленке, которую он смотрел, не было таймера».

Слова спикера про депутата, не поглядевшего в таймер, услышали все. И никто не спросил спикера Миронова: причем тут таймер, дядя? В савельевском докладе не было ни слова ни о какой пленке, все выводы построены на показаниях потерпевших и физике горения... Доклад опубликован, прочитайте! Но зачем что-то читать, зачем что-то выяснять вообще? Наша родимая власть — цельное существо: как воюет, так и расследует! Что с Бесланом, что с докладом по Беслану — тактика одна: ударить по площадям, и гори оно огнем. А главное: разобраться с этим предателем, депутатом и профессором в области физики горения!

Комментируя доклад депутата Савельева, председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Юрий Шарандин заявил: «Произошел случай, который выходит за рамки парламентской эти-

ки, когда один из членов комиссии опубликовал свой собственный как бы доклад. То есть использовал коллективный ресурс для собственного пиара».

Вот как, оказывается, выглядит депутатская этика и ее нарушение. Значит, запоминаем, чтобы ничего не перепутать: два года прятаться от вещественных доказательств, терять тубусы от огнеметов и свидетельские показания, молоть невнятицу и отмывать черного кобеля добела — это депутатская этика! А встать и назвать вещи своими именами — нарушение этики и самопиар! Если запомнили, давайте пожалеем остальных членов этой парламентской комиссии: толпу унылых «единороссов», прирученного коммуниста и тихого жириновского «сокола». Если бы не предатель-Савельев, они бы уже опубликовали свой доклад и спустили дело на тормозах, а теперь им придется валандать эту холодную котлету по думской тарелке, дожидаясь очередных выборов, чтобы безо всякого пиара, втихую с облегчением разойтись... Это будет совершенно в рамках их этики.

Но пока что до разъезда из здания на Охотном ряду депутатам остался еще год с лишком, и уж не знаю как насчет выяснения правды о бесланской трагедии, а насчет чего другого — грех терять время!

После реконструкции первого этажа Госдумы в ее обновленном холле обосновались как минимум две торговые фирмы, связанные с именами депутатов партии «Единая Россия» и их родственников, пишет «Новая газета». Владелицей ювелирного магазина в холле российского парламента является дочь депутата Язева. Цветы в Думе продает фирма, председателем наблюдательного совета которой является депутат Семенов.

Ну, цветы — это еще туда-сюда, а вот «ювелирка» в Государственной Думе — это, я полагаю, чистый акт милосердия и благотворительности. Ведь депутаты — они, как известно, люди небогатые, живут на одну зарплату, откуда у них деньги на камешки, правда? Но дочка единоросса Язева, Светлана Валерьевна, — та самая, которая так удачно вписалась со своими «бруликами» поближе к папиному рабочему месту, — она вообще известна своим сердцем, открытым навстречу людям: пару лет назад две ее фирмы перечислили шесть миллионов рублей, — вот я забыл, то ли детдому, то ли детской больнице... — ой, нет! шесть миллионов перечислила она кандидату в президенты Российской Федерации Путину В. В. В общем, на самое необходимое пошли денежки...

Ну, у кого папа — «единоросс» федерального разлива, тот, считай, уже схватил бога за бороду, но на местах еще приходится крутиться вошью на гребешке.

Как сообщает агентство «Росбалт», глава бюджетной комиссии Черняховского окружного совета Людмила Вороненко подала на развод с главой округа Андреем Виноградовым. Поводом для развода стало требование коллег-депутатов сместить Вороненко с поста, поскольку муж и жена не должны контролировать утверждение и расходование бюджета муниципального образования.

До прошлого четверга в семейном кругу Вороненко-Виноградовых все шло тип-топ: она распределяла областной бюджет, он его тратил. Семейный подряд! А потом начался чистый Шекспир: трое депутатов окружного совета начали голодовку, требуя дать ход результатам финансовой провер-

ки, обнаружившей в семейном кругу Вороненко-Виноградовых нецелевое использование бюджетных средств на сумму около трех миллионов рублей. Когда купидон прибивает своей стрелой главу округа с главой бюджетной комиссии, то три миллиона рублей — это, поверьте, совсем немного, но супруги, люди практические, прикинули, что дешевле будет развестись. Прецедент, однако... Приготовиться Лужкову с Батуриной.

А теперь дела международные. Тут в очередной раз рвануло на линии Москва — Тбилиси, причем рвануло основательно, с глубокой взаимной шизофренией. Как и отчего именно это произошло — вопрос досужий и частный. Для скандала в семейной жизни повод не имеет значения: психологи говорят, что, как правило, это — компенсация за общую неудовлетворенность, желание обратить на себя внимание другой половины... То есть Путин и Саакашвили просто созданы друг для друга! Посуда летит в стенки — самоутверждаются, красавцы... Ну, а как только в очередной раз началось, политики с обеих сторон тут же начали расчесывать старые раны и быстро договорились до скорой войны. Тут наши, разумеется, первым делом принялись демонстрировать грузинским коллегам превосходящие размеры, — как это принято во всем мире у самцов с невысоким уровнем IQ. А самых образованных повело на метафоры...

Комментируя обострение отношений с Грузией, депутат от ЛДПР Митрофанов, в частности, сказал: «Россия — это медведь, который очень долго запрягает, но потом будет удар лапой такой, что ничего хорошего не будет».

Медведь, который запрягает, — это само по себе довольно страшное зрелище, но либерал-демократы вообще способны на многое, а в периоды обострений им нет равных в мире! Впрочем, в эти дни неплохо выступили по грузинскому вопросу многие. Добавил свое лыко в строку и глава миграционной службы России Константин Рамодановский. Этот федеральный боярин с говорящей исторической фамилией привел подходящую статистику — подходящую, надо понимать, для массовой депортации российских грузин.

Константин Рамодановский: «Что касается вопроса о наиболее частом совершении преступлений в России, то здесь лидирует Грузия. Каждый сотый гражданин Грузии совершает преступление».

Бывают, я вам скажу, доводы удивительной силы! «Каждый сотый гражданин Грузии совершает преступление». Тут главное не задумываться, а сразу начинать действовать! Потому что если задумаешься, скоро придешь к удивительным мыслям. Например, о том, что, по данным ГУИН, в настоящее время в местах лишения свободы находятся почти миллион россиян... Стало быть, как минимум, каждый сотый взрослый мужчина. Если это повод для выселения из России россиян, давайте срочно обратимся к боярину Рамодановскому. Пора наконец очистить нашу землю от преступности!

Насчет очистки от преступности — тут появился свет в конце туннеля. Продержаться надо до 2008 года, а потом все будет тип-топ: Жириновский на минувшей неделе утешил страждущих, объявил, что будет участвовать в будущих президентских выборах. (Мы все это время так волновались: вдруг, думали, он уже не сможет? Но он сможет, сможет!)

И напоследок партийные новости. В «Единую Россию» на минувшей неделе вступил и бывший зам. генерального прокурора Колесников. Этот человек давно запомнился нам главным образом размерами, в том числе — интеллекта. В мае этого года, выступая в Думе, именно Колесников открыл россиянам, что Иван Грозный был булгар, а пахать землю англичан научили скифы. Сие знаменательное событие прокомментировал глава партии Борис Грызлов:

Грызлов: «К сожалению, представители криминала пытаются проникнуть во власть всех уровней...»

Ну, Грызлов имел в виду совсем не то, что вы, может быть, подумали, а как раз наоборот: что, мол, Колесников, бывший мент и прокурор, а ныне работник юстиции, поможет навести чистоту во властных рядах. Новообращенный Колесников пошел навстречу и дал обещание, которое, по размышлении, кажется мне довольно опрометчивым...

Колесников: «...помогать руководителям своей партии избавляться от случайных людей и помогать коллегам из других партий избавляться от тех, кто преследует не те цели, которые озвучивает».

Борис Вячеславович! Товарищ Грызлов! Слушайте, а не зря ли вы пустили Колесникова в берлогу? Насчет других партий не знаю, но если «Единая Россия» избавится от людей, которые преследуют не те цели, которые озвучивают, кто ж в лавке останется?

Счастья вам.

7.10.2006

Бывают дни, когда не то что шутить, жить неохота.

Программа «Плавленый сырок» была уже записана, когда пришла весть об убийстве Анны Политковской. Ее убийц не найдут, как не нашли и даже не искали ни тех, кто пытался ее отравить в дни Беслана, ни тех, кто убил Юрия Щекочихина. Потому что заказчики этих убийств, с большой вероятностью, ходят по одним коридорам с теми, кто обязан их арестовать. Они могут позволить себе такую вальяжность, потому что дело происходит в стране, которую приезд Мадонны интересует больше, чем гибель собственных детей.

Если не изменимся мы, они будут убивать и дальше. Одни убивать, другие, по соседству, надувать щеки и говорить бессмысленные слова. Их слова давно уже не значат ничего. Значат их действия, одно их которых произошло сегодня.

Анна Политковская убита, потому что была врагом власти — и личным врагом очень многих в этой власти. Прочтите ее статьи в «Новой газете», ознакомьтесь с перечнем персонажей. Это список подозреваемых в убийстве.

А теперь — программа, записанная вчера.

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, жизнь наша забурлила на грузинском направлении еще на прошлой неделе, а на нынешней мы вывели наконец наш кипятильник на точку кипения. Уже неделю кипим, все никак не вынем вилку из розетки... Застряло! Ну, обо всем по порядку...

Конечно, Саакашвили первый начал. Но (по блеску в его глазах) что революция роз — это только цветочки, было понятно давно... Дошло и до

ягодок: грузины арестовали четверых российских военных, которые шпионили там помаленьку. Было бы, кстати, странно, если б они не шпионили: что еще делать офицерам ГРУ? И вообще, все везде шпионят, это норма жизни. А вот задержание под телекамеры, вой, визг и истерика — это уже политика. Тут интересы сторон совпали полностью: у Саакашвили выборы, ему рейтинг нужен, а то экономика грузинская где была, там примерно и есть, Абхазия с Южной Осетией, грузинскому народу обещанные, под георгиевский крест не торопятся, — короче, что-то эдакое должен был он устроить обязательно! А уж нам, на весь мир обиженным, со сновидениями, в которых ракеты, по Фрейду, все встают и встают на советские рубежи, просто позарез нужен был такой небольшой враг, которого мы могли бы прилюдно отметелить, чтобы повысить самооценку... В Кремле и особенно, Министерстве обороны страшно обрадовались грузинским арестам и начали горячить себя к мордобою... Сначала, по мелочи, депутаты да военные повысказывались, а потом уже и президент выступил и все грузинам припомнил: от Берии до иностранных спонсоров... Несколько дней страна с радостным нетерпением ожидала войны: действительно, соскучились уже без этого дела...

В минувший вторник «Парламентская газета» сообщила, что в ближайшие дни президент России останется на юге, недалеко от Грузии, на границах с которой с каждым днем возрастает военно-политическое напряжение. «Сегодня уже никто не даст стопроцентную гарантию, что утро завтрашнего дня здесь будет мирным».

Я как ту «Парламентскую газету» прочел, так сразу похолодел. Я понял дело так, что Путин остался в Сочи, чтобы лично охранять границу, потому что Саакашвили со дня на день бросит обе свои дивизии на штурм Рокского перевала. Но вместо этого грузины с дурнейшим маскарадом просто отпустили наших четырех штирлицев. Михаил Николаевич, таким образом, свою часть аттракциона исполнил, — теперь он будет ходить по Грузии бесстрашным патриотом, победителем русского медведя, пока в стране еда не кончится... Но у российского руководства ко времени освобождения пленников только разыгрался геополитический аппетит, и они решили не тормозить, и — война не война, а нормальную жизнь прекратили к чертовой матери: визы, переводы, самолеты, поезда — все аккуратно засунули псу под хвост. И благодарное население тут же зашлось в крике счастья.

Надо ли говорить, что наша Государственная Дума подключилась к истерике немедленно? Ну, разумеется! Как толковый закон какой-нибудь принять, там у них все черепашьими темпами, а то и вообще замусолят бумажку под сукном так, что никакой археолог не найдет... Но если случился повод покуражиться да побузить, тут они легки на подъем необычайно!

В минувшую среду Государственная Дума специальным постановлением выразила свою позицию по российско-грузинским отношениям. Парламентарии поддержали санкции, введенные президентом в отношении Тбилиси, и не исключили применение еще более жестких мер. Действия Грузии в принятом документе названы «государственным терроризмом».

Напомню: «государственный терроризм» — это когда другая страна задерживает наших шпионов. Когда мы сами на чужой территории взрыва-

ем политических оппонентов, вместе с детьми, это называется «защита государственных интересов». Тут главное не перепутать. Помимо большого ума, депутаты, соревнуясь за любовь невзыскательной российской аудитории, проявили и бездну вкуса. Рогозин с думской трибуны наговорил гадостей с грузинским акцентом, а Жириновский назло музыкальным грузинам отвратительнейшим козлетоном спел «Тбилисо». Вечером в эфире НТВ пошли песни уже попривычнее...

Жириновский: «Высасывают из нас огромные деньги — миллиард долларов в год. И чем они здесь занимаются? Только теневой оборот: бандитизм, мошенничество, различный там игорный бизнес, обманывают, убивают, — сплошной криминал. Они у нас устроили воровскую "малину"».

О да! Воровскую малину в России устроили именно грузины! И как замечательно, что нам об этом сообщил именно Владимир Жириновский! Его честность, беспрецедентная даже по российским меркам, его репутация конченного в нравственном смысле, то есть этически абсолютно завершенного, человека — все это, не сомневаюсь, поставит под антигрузинские знамена новые миллионы моих незамысловатых сограждан! Ну, это, так сказать, был общий вид. Теперь — некоторые подробности с поучительными деталями... Во вторник и среду сотрудниками МВД были подвергнуты внезапной проверке казино «Кристалл» и «Голдэн Пэлас». В ходе проверки были выявлены серьезные экономические и санитарные нарушения, причем уже к моменту первой проверки в МВД имелась достоверная информация о том, что «развлекательный комплекс несколько лет не платит налоги и контролируется криминальными авторитетами из Грузии».

Это страшное дело было раскрыто милицией во вторник. А в среду выяснилось, что среди акционеров казино «Кристалл» имеется скульптор Церетели. Ему, оказывается, принадлежит 10% акций, причем получил он их за место, на котором построено казино. А почему это место его? — спросите вы. А потому что мэрия выделила землю под строительство московского «Диснейленда», и принести детям эту радость должен был именно Церетели. Но почему же вместо «Диснейленда» построили казино? — спросите вы. А вот не знаю. Но говорят, есть такой самый влиятельный грузинский криминальный авторитет, друг Зураба Церетели... Зовут его Георгий Лужкидзе, и он в Москве контролирует вообще все. Надеюсь, теперь их обоих — и Лужкидзе этого, и Церетели — депортируют из Москвы, вместе с памятниками... Хоть какая-то польза будет от всей этой истории!

Но мы немного расфантазировались. А в реальности-то: ужас! То есть наоборот: прелесть! То есть... Я даже не знаю, чего тут больше. Ну, судите сами...

Десять лет напролет грузинские криминальные авторитеты «крышуют» два крупнейших московских казино и грабят российскую казну, — и ни один человек ни в правительстве Москвы, ни в милиции, ни в прокуратуре ничего про это не знает! Вообще-то земля давно слухом полнилась насчет того, кто снимает навар в этих казино, но по счастливой случайности в правительстве Москвы и ее правоохранительных органах собрались такие чистые душой интеллектуалы, которые и предположить не могли, что в белокаменной шуруют грузинские криминальные авторитеты! Как им удавалось сохранять мозги в такой чистоте, уж право, и не знаю... Некоторые

циники утверждают, что часть дохода с незаконных игровых столов как раз и шла на поддержание этой интеллектуальной девственности, — но разве можно верить всему, что говорят? Нет-нет, давайте будем считать, что в наших высших сферах обитают сплошные ангелы!

И вот, значит, наши номенклатурные ангелы мирно порхали среди растущей в цене недвижимости, над московскими (поймите меня правильно) «крышами», и вдруг небеса с громом разверзлись, оттуда высунулся кусок вертикали с указующим перстом и ткнул вниз, в конкретные злачные места, и разом открылась правда про зловещих грузин, терзающих матушку-Россию! И про казино «Кристалл», и про преступную грузинскую группировку, которая — заметьте! — уже три года терроризирует Орловскую и Брянскую области, и про банду абхазо-грузинских киллеров, убивавших москвичей с целью завладения их недвижимостью, и про нарушения в работе Гостевого дома «Тбилиси» в Скатертном переулке... И на все это глаза у правосудия открылись как по команде, в один день! Но нам, конечно, нет оснований не верить представителю департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России Иннокентию Нефедову, специально подчеркнувшему, что «никакой политической подоплеки» тут нет. Конечно, нет! Так, без подоплеки все и докатилось до облав в метро и на рынках...

Глава грузинского землячества Теймураз Стуруа заявил в интервью газете «Ъ» об инцидентах с мигрантами на столичных рынках. «На нескольких рынках подходили проверяющие, брали разрешение на торговлю, смотрели фамилию, и если она оказывалась грузинской, документ просто разрывали. Люди были вынуждены уходить, — им даже пожаловаться было некому».

Ну, это уже, как вы понимаете, дело беспроигрышное: под шумок от дрянной геополитики выпереть с рынка чужой ларек или компанию, да и занять освободившееся место! Все это с недавних пор называется, с маленькой буквы, словом «кондопога». Конечно, никакой Путин отмашки на передел ларьков не давал, но, по понятиям, на месте братков, вышибивших, с помощью ментуры, грузинских конкурентов со столичного рынка, я бы, конечно, откатил президенту положенный процент. Он тут явно в доле.

В будущей доле президент и у налоговиков, третий день ищущих в издательстве «Захаров» следы налоговых преступлений писателя Акунина: его настоящая фамилия, оказывается, не Фандорин, а Чхартишвили... Самое время подербанить этого выходца из-под Кутаиси, мафию эту черно... ну, вот это самое! Занимает рынок, отнимает хлеб у коренной жительницы Дарьи Донцовой... М-да. Кстати, Владимир Владимирович, у меня вопрос к вам как к юристу. В какой ученой книжке вы прочли вот эту ересь — про «защиту интересов коренного населения»? Ну, вот вы давеча сказали в Кремле... Коренное население — это кто? Граждане России — понимаю. А вот «коренное население»... Глубину корня — чем измерять будем? Годами непрерывной жизни по месту прописки? Формой носа? Присущим этому месту мировоззрением? Скажите: я — коренное население Москвы? А вы? Вам не кажется, что это попахивает, да уже, наконец, и просто воняет?.. Не кажется? Тогда наслаждайтесь плодами своих речей и радуйтесь: вас публично поддержало Движение Против Нелегальной Иммиграции. Это такие ребятки со свастикой... Мои поздравления, товарищ юрист!

Знаете, господа, технологию цунами? Где-то очень глубоко в коре (иногда это — кора головного мозга) происходит сдвиг, а потом уж начинает разгоняться волна. И через какое-то время, — иногда за сотни километров от точки сдвига, — начинается сущий кошмар. Ну, что же, можно подводить некоторые предварительные итоги. Купившись на дешевую провокацию, бессмысленной имперской истерикой мы обеспечили Саакашвили победу на выборах — с процентами, о которых он неделю назад и мечтать не мог. Блатными повадками и публичными угрозами в адрес Грузии мы своими руками окончательно отшвырнули ее в сторону НАТО, — фактически даже не оставив выбора. Многочисленными оскорблениями национального достоинства мы отрезали от себя тех немногих в Грузии, кто еще считал нас если не другом, то — партнером. Бытовым ментовским хамством тяжело унизили тысячи российских грузин. И в качестве бантика на коробке с этой нашей, прости Господи, геополитикой выгнали грузинских детей из трех русских школ Группы российских войск в Закавказье. Ну, не хотим мы, чтобы грузинские дети знали русский язык! Освободили им часы для занятий английским. В общем, полная победа...

Ну, да ладно. Свет клином на этой военно-грузинской дороге не сошелся, шла на минувшей неделе и кое-какая жизнь внутриполитическая. То есть какая там жизнь... Так, сплошные муляжи, но во всех смыслах — показательные!

Партия «Единая Россия» обнародовала проект программного заявления, которое будете принято на съезде в декабре. На двенадцати страницах документа отражены главные тезисы программы партии, с которой она пойдет на парламентские выборы в будущем году. Центральным тезисом программы является строительство в России суверенной демократии, которую лидер партии Борис Грызлов назвал «понятием безальтернативным». «Его необходимо воспринимать как аксиому».

Пожалуй, хватит с нас того, что мы воспринимаем как аксиому самого Грызлова: с ним, действительно, все уже доказано много раз! А что за зверь такой — «суверенная демократия», умом мы пытаемся понять давно, но умом этого как раз и не понять, потому что, как говорится в старом анекдоте, где имение, а где наводнение... Впрочем, зачем умом? — ноздрями все давно чуют исходящий от этого словоблудия запах старой партийной казармы и, похоже, не ошибаются. Вот и представляя программу, спикер походя извалял в дегте и перьях французскую демократию, где граждане, оказывается, пострадали в этом году от излишней свободы. По контрасту с несчастной Францией он отметил позитивные изменения в экономике России, причем оказалось, что «все эти позитивные изменения есть прямой результат политической работы "Единой России"». То есть надо понимать так, что это Грызлов с Пехтиным подняли цену на баррель до семидесяти долларов... Я-то думал, что это сделали, совместными усилиями, Бен Ладен с Ахмадинежадом, но в любом случае — низкий поклон! Что же касается программы, то это, конечно, никакая не программа, а как всегда что-то вроде тоста — «за все хорошее»! Что-то вроде программы Мира и Социализма, если кто помнит: кардинальный рост, ликвидация отставания, реформирование, укрепление... И к жизни все это имеет точно такое же отношение, как то

брежневское бубнилово. Ну, вот взять хоть десятый пункт программного заявления «единороссов»...

В десятом пункте своего «программного заявления» партия «Единая Россия» берет на себя обязательства «партийного и общественного контроля за соблюдением прав и свобод гражданина, обеспечение свободы прессы, честной и открытой состязательности на выборах».

Во-во, «честная и открытая состязательность на выборах»... Как раз на этот счет я тут накопил некоторое количество свежих личных впечатлений — в Астрахани. Я туда как раз и прилетел, чтобы в условиях честной и открытой состязательности поагитировать за Республиканскую партию России Владимира Рыжкова — на выборах в местную облдуму. Получилось замечательно!

«Обеспечение равных и честных условий» началось за неделю до моего приезда: из городской администрации, состоящей, разумеется, целиком из «единороссов», позвонили в концертный зал, где я должен был встречаться с избирателями, и что-то такое в трубку сказали, отчего концертный зал тут же отказал нам в аренде помещения. Республиканцы сняли зальчик поменьше, в кинотеатре, и я туда пришел, и избиратели пришли, и я сказал избирателям «добрый вечер», и в зале тут же вырубился свет. Мы перебрались в фойе, благо на улице было светло, но тут появился администратор кинотеатра и попросил покинуть помещение в связи с противопожарной безопасностью. Если бы я воспламенял женщин с такой силой, с какой воспламеняю администрацию Астрахани, цены бы мне не было!

Вот такой контроль за честной и открытой состязательностью на выборах наладили «единороссы» в дельте Волги. Там через Каспий — Туркмения с Ираном, и это уже чувствуется очень хорошо... Товарищ Грызловбаши! Расскажите нам на ночь еще какую-нибудь сказку про вашу суверенную демократию, чтобы нам лучше спалось...

А вот еще, как говорится, новости с мест...

Во многих субъектах федерации все больше новорожденных получают имена руководителей регионов. Как сообщает агентство «Новый Регион», шире всего подобная мода на имена распространилась в национальных республиках. Так, в Татарстане, Башкирии и Калмыкии в последнее время особенно популярны имена Минтимер, Муртаза и Кирсан, а в Чеченской Республике резко возросло количество маленьких Ахмадов и Рамзанов.

Ну, насчет Ахмадов и Рамзанов, — еще бы их количество не возросло, если за каждого мальчика, названного Ахмад и родившегося в день рождения Кадырова-старшего, Рамзан пообещал лично выдавать по десять тысяч рублей. Да подгадывать с зачатием будут и переименовывать готовых! Но и вообще — правильный подход. Хуже-то от подобострастия не будет! Вот хоть Муртаза этот башкирский — он за четырнадцать лет к трону прилип так, что Путин решил не идти поперек природы и только что оставил его еще на один срок... Башкирский новорожденный мальчик пять раз состарится, а тезка все при власти будет, вот увидите!

И напоследок — вернемся к новостям из ближнего зарубежья, но не про противного Саакашвили (сколько можно!), а про классово близкого нам Януковича. Пару лет назад мы изо всех сил хотели сделать его прези-

дентом Украины, даже сгоряча поздравили с этим делом пару раз, но потом украинцы попросили Януковича выйти вон, потом попросили обратно, — короче, на минувшей неделе, снова в ранге премьер-министра, Виктор Федорович приехал в родной Донецк! Как сообщает донецкий сайт «Новости», он привез в подарок Свято-Успенскому Кафедральном Собору икону размером полтора на полтора и в процессе участия в православной литургии расшиб об эту икону лоб. В буквальном смысле... Знаете, в биллиарде не принято бить подставки. Вот и мне дошучивать эту шутку как-то уже совсем неловко...

Счастья вам.

14.10.2006

Здравствуйте! Это программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Как сказано у Ежи Леца, хуже всего с правдой обстоит во времена, когда все может быть правдой. На главный вопрос минувшей недели: кто убил Анну Политковскую? — ответа нет, и неясно, будет ли, но вот в ответ вопрос: кто мог ее убить? — можно начинать загибать пальцы...

В эшелонах российской власти и раньше обходились без Махатмы Ганди, а уж за последнюю пятилетку там скопилось до черта профессионалов из такой специальной корпорации, где убийство и за убийство не считается, не говоря уже о Кадырове! Визуальная разница между этими персонажами довольно большая, но по сути различия не столь существенны: просто Кадырову, чтобы не убивать, приходится постоянно сдерживать темперамент, а профессионалы щита и меча к мокрухе прибегают без азарта, из соображений чисто практических...

Так что, если называть вещи своими должностными именами, сегодня мы гадаем лишь по частному вопросу: кто именно из федеральных служащих нанял убийцу Анны Политковской? Менты, посаженные после ее публикаций? Чеченский премьер, не посаженный, но давно имеющий для этого все основания? Или, наоборот, кто-то из силовиков, оттесненных от нефти и власти, хотел подставить самого Кадырова? Или заказчик вообще обитает где-нибудь на Старой площади в Москве и имел в виду таким образом послать две весточки: одну нам, — чтобы знали, кто в доме хозяин и окончательно онемели, а другую — Путину в день рождения: мол, мы тебя, дружок, на трон посадили, мы и скажем, когда на выход, а пока сиди и не дергайся... Ни в какую частную жизнь из Кремля ты не выйдешь, без власти тебе кранты, голова повязана, кровь на рукаве, причем кровь — чужая... Политковская, впрочем, ему о том же много раз писала, из «Новой газеты» — и после «Норд-Оста», и после Беслана... Теперь полковнику никто не пишет.

На похоронах Анны западная дипломатка, недавно приехавшая в Россию, все искала глазами Фрадкова: когда она ехала на кладбище, ее машину на Кутузовском проспекте обогнал премьерский эскорт... Дипломатка была уверена, что Фрадков ехал проститься с журналисткой. Но видать, очень большая была скорость, не успели повернуть с Рублевки... Дипломатка все удивлялась отсутствию премьера (ну, она в России совсем недавно...).

Да не было отмашки сверху прощаться с Политковской! Была бы отмашка — другой разговор! Они бы тогда все приперлись на Троекуровское,

людей от гроба оттерли и речи говорили, пока слюна не закончилась. Была бы дополнительная отмашка, специально обученные люди нажали бы им на слезные железы, и они бы заплакали. Но аж до вторника наш президент промолчал, как рыба, и никто из высшего чиновного сословия, разумеется, на кладбище носа не показал... И слава богу: дали людям возможность проститься с Анной среди людей. Только журналисты все вопрошали: почему молчит президент? Ну и допросились. К вечеру вторника наш молчаливый гарант высказался наконец.

Путин: «Это убийство само по себе наносит России гораздо... и действующей власти и в России, и в Чеченской Республике, которой она занималась в последнее время... наносит действующей власти гораздо больший урон и ущерб, чем ее публикации».

Нельзя быть таким честным, Владимир Владимирович! Все-таки вы президент большой страны, надо фильтровать как-то, люди слышат... Но Фрейд не дремлет, подсознание выходит наружу даже у чекиста, — поэтому, ей-богу, лучше жевать, чем говорить! И хотя слово не воробей, придворное агентство РИА «Новости» все-таки втихую отредактировало президентскую цитату, убрав из нее слова про вред, который публикации Политковской приносили России, оставив только вред «действующей власти». Неловко стало кому-то за любимого президента... Понимаю, но что поделать! Стыдуха, конечно, но уж — какой есть. Давайте не прятать от народа его выбор, коллега! Неизвестный умница из РИА «Новости», в отличие от президента, быстро сообразил, что «Россия» и «действующая власть» — это, как бы мягче сказать, не синонимы. Круг интересов и практики действующей власти вполне описывается словами «Чечня» и «Байкалфинансгрупп», а России из этого набора достается только кровь. Нефть же раз за разом уходит «действующей власти», и интерес России, таким образом, заключается в том, чтобы по возможности скорее и безболезненнее отлепить от рычагов эти потные и шаловливые ручки... Так считала Анна Политковская. Действующая власть считала иначе. Журналистку убили, и тяжелая проговорка президента, увы, слишком сильно выявила то, что называется мотивом для совершения преступления. Настолько сильно, что Владимир Владимирович, кажется, начал заметать следы: мол, и не больно-то и хотелось...

Путин: «Журналисты должны это знать, во всяком случае, эксперты это прекрасно понимают: степень ее влияния на политическую жизнь в стране, в России, была крайне незначительной. Она была известна в журналистских кругах, в правозащитных кругах, на Западе. Повторяю, влияние на политическую жизнь в стране было минимальным».

Насчет влияния Политковской на политическую жизнь — это чистая правда. Тут уж сам Путин и постарался... Минимизировали влияние как могли, вплоть до того, что отравили ее в дни Беслана, а уж к Останкино Политковскую не подпускали и на пушечный выстрел. Только «Новая газета»! А «Новая газета» — это ж не «Комсомолка»: ни тебе «сисек месяца», ни «попки номера», массовости настоящей нет, да и кому охота читать про пытки и прочий беспредел? Вот вам и истинная причина президентского раздражения: не смерть журналистки (пустое сердце, как замечено не мною, бьется ровно), нет, — досада носит практический характер!

Влияние Политковской на страну победившего гламура было и впрямь невелико, а тут вдруг такое началось!.. Госканалов на похороны понаехало, слова пристойные о покойной говорить были вынуждены — в прайм-тайм и на всю страну... А самого Путина на чужбине мучают именем Анны и чуть ли не пальцами показывают, подмигивая в сторону даты ее убийства: мол, хорош ли подарочек? И оправдывается он, заметьте, не перед нами, а перед Меркель, и поймать убийц пообещал не нам, а Бушу. Нас-то до самых похорон слова не удостоил! А что разговаривать с холопами? Вот Запад — другое дело, тут и партнеры, и счета... Но ежели так дальше пойдет, начнутся проблемы и со счетами... Ах, как неохота Путину становиться «лукой»! — а ведь, практически, уже... Так что можно посочувствовать Владимиру Владимировичу и понять его искренний зубовный скрежет: судя по всему, не только на посещение похорон, но и на убийство он отмашки не давал... Само образовалось из текущей федеральной политики.

Ну, атмосфера атмосферой, а мундиры и звездочки еще никто не отменял. Где обитают убийцы Политковской, мы не знаем, зато точно знаем, где обитают те, кто должен их изловить и обеспечить торжество законности: генпрокурор Чайка обитает на Большой Дмитровке, а министр юстиции Устинов — на Житной улице. Еще недавно эти господа сидели по тем же адресам, но крест-накрест: Устинов в Генпрокуратуре, а Чайка — в кресле министра юстиции. Два года назад, когда Политковскую отравили в самолете, летевшем в сторону Беслана, именно эти двое, по роду государевой службы, обеспечили тщательное затаптывание всяких следов отравления, хотя уж в том самолете поймать преступников было легче, чем их упустить... Теперь тот из правоохранителей, который сидел на Большой Дмитровке, сидит на Житной, а тот, который протирал штаны на Житной, делает это на Большой Дмитровке. Эта занимательная география позволяет нам заранее понять суммарную эффективность их грядущей правоохранительной работы по поимке убийц. Впрочем, зачем ловить реальных убийц? Наивная постановка вопроса! У нас же главное государственный интерес? А в чем он состоит, слава богу, и гадать не надо: Фемида у нас, конечно, слепая, но не глухая же!

Выступая в минувший вторник на форуме «Петербургский диалог», российский президент, в частности, сказал: «У нас есть информация, — она достаточно достоверная, — о том, что многие люди, которые прячутся от российского правосудия, давно вынашивают идею принести кого-то в жертву, чтобы создать волну антироссийских настроений в мире». Путин подчеркнул, что преступники, убившие Анну Политковскую, будут найдены, изобличены и наказаны.

Ну, вот, слава Богу! Теперь Устинов... — то есть теперь его зовут Чайка, а Чайку — Устинов... ну, неважно... — короче, теперь это наше коллективное правосудие будет знать, где искать заказчика убийства. Журналистку, стало быть, ликвидировали «люди, которые прячутся от российского правосудия», чтобы «создать волну антироссийских настроений в мире». Информация об этом — «достаточно достоверная»... Тут бы, конечно, вызвать Путина на допрос в прокуратуру, а сам не явится, силой привести, как в законе предусмотрено. Привести и допросить под протокол: имеете, стало быть, информацию о заказчике убийства? Прекрасно! Поделитесь со

следствием. Кого имели в виду? Не Березовского ли, Б. А.? Его? Чу́дно! Уточните источник информации. И кстати, Владимир Владимирович, подпишитесь вот здесь, в уголке, что предупреждены об уголовной ответственности за дачу ложных показаний... Но что-то мне подсказывает: допрос Путину не грозит. А вот новому генпрокурору, если он не пожелает расслышать ясный намек, что-нибудь при случае оторвут. Как минимум погоны. Так что — начинаем искать убийц Политковской в Англии, время пошло!

Теперь буквально пара слов о том, где следствие, по всей видимости, НЕ будет искать организаторов убийства Политковской. Не будет оно их искать ни на Старой площади, ни в кадыровском родовом селе Центорой (если из Кремля же на это отмашки не будет), ни среди читательского актива газеты «Завтра», высказавшей сожаление, что Политковская погибла «слишком легко», ни в праворадикальных организациях, много лет напролет публиковавших расстрельные списки «предателей Родины», ни среди анонимных, но от того не менее реальных пользователей Интернета, вывесивших недавно два десятка наших портретов с пояснительным текстом: «порядок не важен, важен факт уничтожения». Уже после смерти Политковской ее портрет радостно перечеркнули: мол, начало положено... Сколько нас должно погибнуть, господин генпрокурор, чтобы вы заинтересовались этой журналистикой? Впрочем, это вопрос досужий, — не будем отвлекать людей от их работы. А работа у них — особенная и удивительная! Ну вот, например...

По данным правозащитного центра «Мемориал», в Оперативно-розыскном бюро № 2 г. Грозный в течение нескольких дней подвергался жестоким пыткам один из руководителей спецслужб «Чеченской Республики Ичкерия» Ризван Эльбиев. По сведениям того же «Мемориала», он был близким соратником Дудаева и курировал лагерь содержания российских военнопленных.

Эльбиев, конечно, не тот человек, страдания которого вопиют к небу чересчур сильно: убивал он неоднократно и лично — и военнопленных, и гражданских... Случалось Эльбиеву убивать и женщин. Короче, тот еще товарищ. Но почему сегодня пытают федералы его самого? Может быть, следствие интересуют судьба и места захоронения десятков россиян, погибших в середине девяностых в эльбиевском «следственном изоляторе»? Нет, эта информация следствие интересует не сильно. Так чего хотят-то от Эльбиева, зачем пытают?

Вы будете смеяться (если у вас внутри еще осталось хоть немного смеха)... Хотят от него — показаний против Ахмеда Закаева! Заведомо ложных показаний, как вы догадываетесь, потому что других-то нет. Обещают снисхождение в случае, если Эльбиев поможет севшим в лужу чиновникам Генпрокуратуры и Минюста и сидящему рядом с ними там же президенту России наказать упрямую Англию, не выдающую Закаева по причине отсутствия доказательств его вины... Этим — выбиванием «доказательств» — и заняты в настоящее время костоломы — уже не дудаевские, а федеральные, из печально известного грозненского ОРБ-2... А кости десятков убитых россиян пускай так и лежат непохороненными, — в конце концов, что нам гекуба? Анна Политковская называла такую федеральную практику уголовщиной. По Владимиру Путину, это, надо понимать, государственный подход.

Кстати, о пытках. Гадкий Запад (который, как известно, спит и видит нам нагадить) давно хочет отнять у нас этот древний, традиционный, ис-

конный и подноготный способ добывания нужных показаний из еще живых людей. Но мы начеку.

Назначенный на середину октября визит в Россию спецдокладчика ООН по пыткам Манфреда Новака оказался сорванным. Основной целью визита был заявлен сбор информации в республиках Северного Кавказа. Одним из условий своей работы спецдокладчик назвал право внезапно посещать места лишения свободы и говорить с глазу на глаз с заключенными, однако перед самым прибытием Новака в Москву российский МИД заявил, что такие несогласованные визиты в тюрьмы противоречат российскому законодательству.

Наше законодательство — это святое! Особенно ежели надо не пустить чужих куда не следует. Ишь чего, действительно, захотел — разговаривать с заключенными с глазу на глаз, внезапно посещать тюрьмы, да еще на Кавказе! Ага, вот прямо сейчас мы тебя пустим в ОРБ-2, где уже полуослепшего Эльбиева бьют по голове пластиковыми бутылками с водой, чтобы он поскорее вспомнил кровавые преступления Закаева... Да этому Манфреду Новаку самому же лучше не видеть наших зинданов! Ему Гуантанамо домом отдыха покажется, зачем спецпредставителю ООН такие стрессы? Надо беречь наших гостей.

И еще немного о торжестве законности. Пару лет назад нижегородский журналист Станислав Дмитревский опубликовал в газете «Правозащита» обращение Аслана Масхадова и Ахмеда Закаева. Дмитревского, ясное дело, свинтили, — и суд признал его виновным в разжигании национальной розни, хотя про русский народ у Масхадова с Закаевым не было ни слова, а было у них про двухвековую войну России на Кавказе и, разумеется, про Путина. Ну, у нас кто против Путина, тот, ясное дело, экстремист!

Впрочем, тот приговор с условным сроком — дело прошлое. Вот сам свежее продолжения сюжета...

Как сообщают СМИ, Нижегородская прокуратура потребовала закрытия местного отделения Общества российско-чеченской дружбы. Как заявляют в прокуратуре, согласно новому закону об НПО, тот факт, что Дмитревский «продолжает руководить организацией, а ее коллектив публично не осудил своего руководителя, автоматически распространяет обвинение в экстремистской деятельности на всю организацию и влечет за собой ее закрытие».

Знаете, я не юрист, но мне кажется, что это — Нобелевская премия! Причем в области медицины. Только что на наших глазах Нижегородская прокуратура открыла возможность передачи экстремизма воздушно-капельным путем. Гипотеза уже подтверждена в приговоре, суд не подвел коллег, и российское судопроизводство прославилось на весь мир еще раз... На нас и так уже пальцами показывали, а теперь вообще помрут от зависти. Гаити уделаем по части законности!

Да! Мы ничего не сказали про успехи Родины на грузинском направлении, но вы не волнуйтесь, тут все замечательно — продолжаем наращивать обороты! Массовые депортации плюс точечные удары по отдельным заметным грузинам, — в общем, то, что надо! Генпрокуратура обжаловала амнистирование архитектора Нодара Канчели, — правда, не сказала, что это

из-за того, что он грузин, постеснялась... А не надо стесняться! Бери, прокуратура, пример с диспетчера «скорой помощи», — та, умница, прямо все объяснила обратившемуся за помощью человеку с неправильной фамилией Чхартишвили: сказала, мы обслуживаем только русских! А ты, прокуратура, обслуживай покамест только грузин! Винти всех подряд.

Пока мы вставляли свечи родственникам Грибоедова со стороны жены, на другом краю геополитики случилась забавная вещь: Северная Корея испытала ядерное оружие. Насчет мощности мнения разошлись, но наши военные сказали: пять — пятнадцать килотонн таки рвануло, в сотне с небольшим километров от России. Эксперты говорят: через пару-тройку лет эта ядреная штука может-таки куда-нибудь и полететь... Неядреная, кстати, уже недавно пыталась взлететь и очень кстати упала под Владивостоком. Наши поздравления товарищу Ким Чен Иру, не зря его на бронированном паровозе вдоль по параллели возили, давя людей! А кстати, что у нас есть от ядерной угрозы? О-о, у нас есть новейшая станция Системы Предупреждения о Ракетном Нападении! А где она у нас? В Ленинградской области, только что отгрохали. Стоит на страже неба, охраняет Россию от норвежских агрессоров. Отлично! А нет ли у нас чего-нибудь такого же на Дальнем Востоке? А нет. Дальше Иркутска (эксперты говорят) ничего такого нет, да и иркутская станция контролирует только часть территории Китая... А что же нам теперь делать? Тут два варианта. Либо гнать к чертовой матери тех, кто, при семикратно увеличенном военном бюджете, оставил дырку в национальной обороне именно с той стороны, где живет наш маловменяемый корейский друг, обладатель плутония, либо еще выпить, наделать дополнительных гадостей Грузии и продолжать сторожить небо со стороны Осло и Хельсинки.

Но не будем портить себе настроение дурными мыслями. Тем более, опять-таки, день рождения президента! Страна отпраздновала это дело без подсказок. Ну, про Лесную улицу вы знаете, а в Нижнем Новгороде умница-медальер отлил большую серебряную медаль с профилями Путина и Петра Первого. Ну, и конечно, позаботились о подрастающем поколении...

В минувшую субботу в столице прошла выставка под названием «Дети рисуют Путина», приуроченная ко дню рождения президента России. Как сообщает Интернет-сайт Росбалт, в экспозиции были представлены сто лучших рисунков. Кроме осмотра произведений юных художников, посетителям также предлагалось познакомиться с родителями Кони, любимого лабрадора президента, и отведать любимые блюда и напитки Владимира Путина. Победители конкурса рисунков получат ценные призы, в частности: щенка лабрадора — сестру Кони, кимоно и самоучитель немецкого языка.

Собака — член семьи, и возможность породниться с главной сукой страны — это, конечно, лучший подарок ребенку! Кстати, вы заметили? — не рисуют дети ни Буша, ни Блэра, ни Ширака! А рисуют — Ким Чен Ира, Отца Туркмен, полковника Каддафи... И чем безнадежнее страна, тем чаще дети этой страны рисуют главу государства... Симптоматика надежная, в правильный ряд встал наш полковник! И это соседство уж гораздо адекватнее, чем Петр Великий.

Теперь — новости из Государственной Думы. Как они там стараются, это просто в голове не укладывается! В бюджете — тоже.

Депутаты Госдумы резко превысили количество средств, отведенных парламентариям бюджетом для почтовой связи. По данным «Независимой Газеты», за первые восемь месяцев текущего года финансирование общения законодателей с избирателями через почту было превышено в три раза и составило более 50 миллионов рублей. Абсолютным рекордсменом среди растратчиков стала фракция ЛДПР.

Ну, троекратное превышение — это цифра среднеарифметическая, а отдельные писучие корреспонденты, вроде Жириновского, в периоды обострений превышают почтовые лимиты аж в десять раз. И я считаю: пускай — пускай пишут нам за наши же деньги, обижаться грех... Ведь партии сильны связью с массами! Вот, например, мужу моей коллеги, журналистки Евгении Альбац, минувшим летом прислали поздравления с днем рождения сразу две партии: как раз вот ЛДПР эта и, конечно, «Единая Россия». Поздравляем, мол, Ярослав Кириллович! А Ярослав Кириллович три года как умер. Причем его и при жизни на эти партии тошнило, потому что был приличный человек.

Теперь зарубежные новости. В Хельсинки, у российского посольства, прошел на минувшей неделе митинг в память об Анне Политковской, и на митинг этот пришло три тысячи человек. В Москве по тому же поводу собралось у дома на Лесной несколько сотен... Я не знаю, чем объяснить этот феномен. Может быть, в Хельсинки живет больше людей, как вы считаете? Впрочем, как раз в день убийства Политковской (он же день рождения Путина) Россия показала всему миру пример настоящей массовости.

Как передает агентство «Интерфакс», в Грозном, на площади имени Ахмата Кадырова, более 60 тысяч человек, взявшись за руки, одновременно исполнили гимн России. Организаторы этой акции, приуроченной к дню рождения президента Российской Федерации Путина, заявили, что ими побит мировой рекорд по количеству людей, одновременно исполнивших государственный гимн какой-либо страны.

Ну, побить какой-нибудь рекорд — это нам только дай. Квадратных километров без признаков жизни, температуры ниже нуля, чугуна и стали на душу населения... А уж согнать десятки тысяч людей, чтобы они, взявшись за руки в эпицентре беззакония в день рождения пахана, спели гимн, слов которого не знает никто, включая автора, — это подвиг настоящий! Первые живые свидетельства этого рекорда появились в Интернете очень скоро. Согнали, как баранов, окрестное население — никаких не шестьдесят тысяч, конечно, но тыщ десять, говорят, было; одели в специально наштампованные майки с текстом гимна, напечатанным на спине, выстроили в колонны, — и счастливые чеченцы, под присмотром кадыровских пастухов, сблеяли эту нетленку, глядя между лопаток впередистоящим. Так что представитель книги рекордов Гиннеса действительно был бы там уместен — для замера пошлости произошедшего.

Счастья вам.

21.10.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Сегодня первым делом я хочу вступиться за родное государство, родного президента и его родную администрацию. Собственно, я уже мно-

го лет подряд, раз в неделю, только этим и занимаюсь: вступаюсь за них, как могу. Но ничего не помогает: кругом враги!

То есть не кругом, конечно. Как включишь Первый канал, радио «Маяк» или программу «Вести», так сразу полные уши и глаза правды про начальство: благодетели, радетели, спасители! Но вот как откроешь какую-нибудь западную прессу (особенно в последнее время), так прямо помоями оттуда и несет! Вот и давеча опять — оболгали гаранта и К° в журнале «Newsweek». Некий Оуэн Мэтьюз и примкнувшая к нему Анна с подозрительной фамилией Немсова опубликовали статью про состояние дел в современной России — совершенно возмутительную! Клевета на клевете!

В путинской России, пишет «Newsweek», «система взяток и кумовства практически находится на средневековом уровне, проникая во все аспекты жизни». За шесть лет президентства Владимира Путина Россия совершила «эволюцию от обычного авторитаризма до того, что можно описать как современный феодализм».

Вот интересно: где они нашли феодализм? Ну, конечно, вместо парламента страной правит отец-благодетель с группой приближенных баронов, и все, что ни есть на земле и особенно под землей, давно лично промеж них поделено, но при чем же тут феодализм? Это такая управляемая демократия, сколько вам объяснять! А пять миллионов чиновников и вассалов-«силовиков», которые, на условиях «отката», получают от благодетеля и баронов власть над недрами и населением, — это тоже не феодализм, а региональная политика! Само население, конечно, не сказать, чтобы было в восторге от такой политэкономии, но многие века поротых задниц и рваных ноздрей выработали в нем рефлекс на послушание получше, чем у собаки Павлова...

Что же до коррупции, под флагом борьбы с которой семь лет назад шел к власти дорогой Владимир Владимирович, то степень этой дороговизны уточнил недавно независимый фонд «Индем»: за последние четыре года объем коррумпированной экономики в России увеличился почти в десять раз. При таких темпах наша солнечная страна, разумеется, скоро полностью уйдет «в тень»... — но причем тут коррупция! Коррупция, как справедливо замечают эксперты, подразумевает существование некоторой нормальной системы, а в сегодняшней России это и есть система, и, слава богу, наконец сделаны первые шаги к ее полной легализации...

Журнал «Newsweek» цитирует договор, подписанный фабрикой керамических изделий на юге России с администрацией края. Официальный договор, озаглавленный «О социальном и экономическом развитии региона», предусматривает «ежемесячные выплаты местным властям» в обмен на «решение всех проблем с федеральными или региональными органами».

Ну! Это ли не чудо гармонии! Правда, в начале этого года владелец фабрики по-тихому ее продал и теперь жалуется, что все доходы ушли на поддержку административной «крыши», — но это частность... В целом же процесс идет ко всеобщему удовольствию, и результаты впечатляют!

В рейтинге Всемирного банка по признаку эффективности руководства, законности и контроля над коррупцией Россия опустилась еще на несколько пунктов и теперь занимает 151-е место, находясь в этом списке чуть ниже Уганды и Замбии, но чуть выше Нигера.

Вот оно что обнаруживается. Благодетель наш, стало быть, теперь по Африке гуляет, фиги-финики срывает, под ручку с ихними строителями вертикалей, президентами Йовери Мусевени, Кеннетом Каундой и Мамаду Танджа. Вот такая компания братьев по разуму образовалась. А вы говорите: большая восьмерка!

На отчетной неделе вечная коррупционная тема обросла свеженькими примерами.

Правоохранительные органы провели выемку документов в офисе «ВЕК-Банка». По версии следствия, мафиозная группировка, скрывавшаяся за этой вывеской, незаконно обналичила свыше 200 млрд. рублей, около четырехсот миллионов долларов и 66 млн. евро. По данным МВД, преступники располагали «коррумпированными связями с отдельными сотрудниками в правоохранительной и государственной системах» и даже сумели получить из российского бюджета «3 миллиарда рублей под сельскохозяйственную программу, связанную с животноводством».

Я не знаю, как именно зовут животных, которым в стойло упал откат от этих трех миллиардов, но судя по тому, что миллиарды были бюджетные, ареал обитания животных ограничивается зданием на Охотном ряду, дом один, и Министерством сельского хозяйства. Нахожусь также в затруднении по вопросу: считать ли нам депутатов Госдумы и министра сельского хозяйства Гордеева частью грузинской мафии? — ибо МВД, сообщая об этом сеансе разоблачения, особо подчеркнуло, что преступную «малину» контролировали «мафиозные группировки из Грузии, одну из которых возглавлял криминальный авторитет, уроженец Тбилиси "Джуба"». Для общего развития россиянам полезно будет узнать, что вышеупомянутый Джуба не далее как 8 октября, на фоне активно ведущегося по его поводу следствия, торжественно отбыл из России в Ниццу, причем не ползком через горы, а через «зал официальных делегаций» аэропорта «Шереметьево-2», который, по статусу, предоставляется «только руководителям федерального уровня». Впрочем, «залу официальных делегаций» от Джубы не убудет. Через этот зал, полагаю, вылетало очень много очень крупного ворья, — просто они еще не все в розыске, потому что не грузины.

Теперь — пара пейзажей гражданского общества, насаженного на вертикаль. На минувшей неделе небольшая группа уцелевших демократов из Санкт-Петербурга подала заявку в Смольный, прося разрешить митинг, приуроченный к девятому дню со дня смерти Анны Политковской. Смольный отказал с дивной формулировкой: «о всех собраниях на улице надо извещать власти за десять дней». Депутаты сверились с арифметикой и попросили власть впредь ставить их в известность об убийстве за день до его совершения.

Черный петербургский юмор не покажется вам чересчур черным на фоне ингушской реальности, где какие-то братки, под присмотром местной милиции, избивали людей, пришедших на митинг памяти Политковской. К браткам у милиции претензий не было, потому что руководил ими (и лично бил кулаком по лицу женщину) хорошо всем в Назрани известный Ахмед Цечоев по кличке «Бармалей», родственник главы администрации Назрани Магомеда Цечоева. В кабинете мэра, как выяснилось впоследствии, и была получена подробная инструкция о том, как следует поступить с правоза-

щитниками. Сотрудницу «Мемориала» Екатерину Сокирянскую с открытым переломом носа и черепно-мозговой травмой увезли в больницу, а братки, избив еще нескольких пикетчиков, помогли ментам погрузить всех в УАЗики и отвезти в горотдел милиции. В горотделе задержанных продержали шесть часов и оштрафовали на 500 рублей каждого. Это правильно: экстремистов (ну, тех, которые хотят митинговать по поводу гибели Политковской) надо давить в зародыше! И ежели спросят: как же, мол, так, за что? — главное не стесняться... Уже можно — не стесняться.

Пресс-секретарь МВД Ингушетии Назир Евлоев заявил, что несанкционированный митинг в Назрани в память убитой журналистки Анны Политковской милиция не разгоняла, и митинга как такового не было. По словам Евлоева, митинг по соображениям безопасности не был санкционирован городскими властями из-за криминогенной обстановки в республике.

Надо признать, что г-н Евлоев прав. Обстановка в Ингушетии криминогенная — на всю голову. Я бы даже сказал: на все головы — начиная с головы президента Зязикова, давшего голове замминистра внутренних дел республики Мусы Медова личное указание о разгоне акции, и кончая головами ментов, подчиняющихся братку по кличке «Бармалей», родственнику мэра Назрани...

А впрочем, я полагаю, на произошедшее следует посмотреть с государственной точки зрения. Тогда этот назранский мордобой можно считать проявлением воодушевления, охватившего местную номенклатуру после заявления Путина о том, что статьи Анны Политковской приносили вред России. После такого сигнала с самого верха — как не сломать нос сотруднице «Мемориала», пришедшей почтить память убитой журналистки? Это же практически акт патриотизма!

Впрочем, воодушевление охватило не всех.

Известный правозащитник Олег Орлов обратился с просьбой вывести его из членов Совета при Президенте РФ по правам человека. «Мое решение вызвано словами президента, сказанными им по поводу убийства Анны Политковской, — заявил Орлов. — Вполне очевидно, что мое представление о том, что приносит пользу России и любой власти, избранной народом моей страны, коренным образом отличается от представлений президента. В этих условиях не могу считать плодотворным свое дальнейшее пребывание в членах Совета».

Сказать честно, я не заметил, чтобы в Кремле впали в скорбь по случаю ухода Олега Орлова. Ну, ушел и ушел — меньше хлопот! О выходе правозащитника из президентского Совета федеральные СМИ даже не сообщили: подумаешь, событие! Слава богу, есть гораздо более свежие и важные для народа новости! В прошлое воскресенье программа «Время» рассказала россиянам о неизвестном доселе подвиге Путина. Оказывается, когда в восемьдесят девятом году в Дрездене толпа громила здание «Штази», часть демонстрантов пошли громить и здание КГБ... И тут случилось чудо. Может быть, не все смотрели ту программу «Время», так лучше поздно, чем никогда.

Фрагмент из программы «Время»:

«Репортер: На пути демонстрантов вдруг появился светловолосый сотрудник с пистолетом в руках. Он спокойно оглядел толпу, поздоровался и

на хорошем немецком сказал: это советская территория, и вы стоите на нашей границе. И я говорю серьезно: я буду стрелять в ее нарушителей.

Фолькер Гец, свидетель штурма: Он так спокойно и уверенно это сказал, что люди постояли, покричали, а потом стали расходиться. Потом мы узнали, что это сотрудник стал вашим президентом.

Репортер: Владимир Путин сильно рисковал. Если бы штурм начался, держать оборону пришлось бы ему одному...»

Чудо святого Йоргена! Видать, после всего, что наш президент сгоряча наговорил по случаю гибели Политковской, наверху сообразили, что этот фасад срочно нуждается в косметическом ремонте. Тут нам турок и югославов не требуется: вызвали бригаду с Первого канала... Недели не прошло, — и вот Путин, один против толпы врагов, уже охраняет советскую границу в восемьдесят девятом году! О-хре-неть... Ну, до выборов еще почти два года, и ближе к делу мы наверняка узнаем еще много нового про подвиги президента в его прошлых жизнях. Нет, как хотите, я такого случая упустить не могу и желаю заранее застолбить место в ряду сценаристов! Я же член Союза Писателей, я вам сейчас организую таких сюжетов, — вы обрыдаетесь! Итак, во-первых, Путин спас маленькую девочку, бросившись в воды Рейна; во-вторых, однажды во время пожара вынес потерявшего сознание пожарника; в-третьих, есть свидетели (а если нет, то мы их найдем) того, как он продал семейные реликвии, чтобы дать денег другу на лечение тяжело заболевшего ребенка... Узнав обо всем этом, в него тяжело и безответно влюбилась принцесса Монако Стефания. В общем (это я обращаюсь к дирекции Первого канала), вы мой телефон знаете, звоните скорее, я недорого возьму!

Но вернемся, однако, в реальность. В реальности иногда открываются вещи далеко не столь праздничные, а впрочем, совсем не удивительные для тех, кто живет в современной России.

Как сообщила газета «Время новостей» со ссылкой на следственные органы, организатором взрыва на Черкизовском рынке в августе этого года, в результате которого погибли одиннадцать человек, по преимуществу выходцы из среднеазиатских республик, был прапорщик ФСБ Сергей Климук.

Вообще-то для того, чтобы съехать мозгами и начать взрывать инородцев, необязательно быть прапорщиком ФСБ, но в данном случае сумасшествие носило, кажется, вполне системный характер: прапорщик Климук наставничал в военно-патриотическом клубе «Спас», — врал там, что воевал в Чечне, говорил, что у него хорошие связи в ФСБ, — тут уж неизвестно, врал ли, но подростки, по его патриотическому благословению понесшие взрывчатку на Черкизовский рынок, осознавали себя, видимо, воинами Отечества... Дивная деталь: прапорщик Климук в этом «Спасе», в числе прочего, читал лекции по основам богословия... В рамках ли этого спецхристианства духовные отпрыски прапорщика ФСБ пошли убивать нерусских или это мероприятие следует аттестовать по линии военного патриотизма, предстоит понять следствию, но на месте будущих адвокатов я бы упирал на то, что прапорщик Климук всего лишь предвосхитил и перевел в практическую плоскость слова президента России о защите интересов коренного населения.

Есть, однако, края, где сами россияне, не будучи коренным населением, обходятся без торговли на рынках, — по крайней мере, на рынках вещевых... Их там никто почему-то не взрывает, хотя коситься с изумлением начали уже давно...

Лондонская «The Daily Telegraph» сообщила на минувшей неделе о том, что одно из престижнейших зданий в Лондонском районе Сити продано Владимиру Чернухину, бывшему заместителю министра финансов и экс-председателю Внешэкономбанка России. Называется сумма сделки — 135 млн. долларов.

Бывший замминистра — человек широкой натуры. Это ясно из того, что заплатил он за домик почти вдвое дороже, чем заплатил за него предыдущий владелец всего пять месяцев назад. Эта широта дает нам счастливое основание полагать, что вышеозначенные 135 миллионов у Чернухина не последние, и у него еще остались деньги на адвокатов, которые в случае чего смогут объяснить в суде, откуда на счетах у государственного чиновника образовались такие девятизначные цифры. Впрочем, у каждого чиновника свои масштабы. На нижних этажах власти приходится пока обходиться без Сити...

По сообщению газеты «Ъ», в Тольятти разгорается скандал вокруг целевой программы по обеспечению жильем малоимущих граждан. Как стало известно газете, в списке на получение льгот оказались работники местной мэрии и глава налоговой службы. Начальник отдела мэрии по жилищной политике Ирина Белякова отказалась пояснить, как все они оказались в этом списке, сославшись на секретность документа.

О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья век, — но не раньше чем удастся рассекретить таблицу умножения!

И напоследок — еще об одном подвиге Владимира Владимировича, еще не внесенном в анналы, — подвиге простоты. В минувший четверг, после встречи с израильским премьером Ольмертом, президент России вдруг сказал (цитирую дословно): «Привет передайте своему президенту! Оказался очень мощный мужик! Десять женщин изнасиловал! Я никогда не ожидал от него! Он нас всех удивил! Мы все ему завидуем!» Вот я все думаю: простота все-таки хуже воровства — или все-таки лучше? М-да. А завидовать Моше Кацаву больших оснований нет: помимо изнасилования и сексуальных домогательств, израильское правосудие обвиняет его в незаконной прослушке, мошенничестве и злоупотреблении служебным положением, — и в отличие от простоватого Владимира Владимировича, давно обмухлевавшего и трахнувшего Родину, Кацав за любое из этих обвинений может сесть за решетку... Но каков дедушка Фрейд! Тянет и тянет нашего за язык...

Счастья вам.

28.10.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Нынешний «сырок» мы нарежем равными ломтями на двоих с президентом России... Кусочек ему, кусочек мне.

Президент, действительно, дал план по словоизвержению — и очень содержательным человеком себя показал. То есть просто энциклопедия рус-

ской жизни! В курсе проблем хвойного древостоя, знает наизусть километраж трассы Чита — Хабаровск, размеры взлетно-посадочной полосы в Иркутске, длину цикла в животноводстве, объем вывоза кругляка и количество людей, нуждающихся в газификации. В общем, действительно, цезарь «отдыхает»... Народ тоже показал себя с лучшей стороны, то есть очень дисциплинированным и выдержанным. Лишнего не говорил, от Находки до Балтийска стоял строем, молча выделял из себя заранее заготовленный говорящий элемент с нужным вопросом, и гарант немедленно на этот вопрос отвечал, поражая объемом сведений. По окончании шоу у меня сложилось твердое впечатление: либо он знает вообще все в мире цифры наизусть, либо в курсе, кто про что спросит. Народ ответы понимал не всегда. Но переспрашивать не решались, стояли, где их поставили, радовались жизни. А президент все разбирался с проблемами.

Высказался он, значит, по диспаритету цен, разъяснил ситуацию с отечественными комплектующими, взял под контроль ситуацию с дачными домиками и перешел к коррупции. И в двух словах рассказал нам, убогим, как ее победить! Слушайте же: для этого нужно добиться прозрачности доходов чиновников и членов их семей, а им самим платить больше, в это же самое время развивая институты гражданского общества и свободную прессу! Вот, собственно, и все — начать и кончить! Что он раньше нам этого не говорил? Мы-то думали, что для начала борьбы с коррупцией надо, наоборот, все засекретить, институты гражданского общества обозвать гнездами шпионажа, свободную прессу переподчинить Кремлю, а лучших журналистов — убить и посмертно назвать врагами России. Но оказывается, мы просто неправильно понимали президента! Слава богу, недоразумение прояснилось, теперь коррупции конец...

Покончив с коррупцией, Владимир Владимирович перешел к социальным вопросам. В разговоре с жителями злосчастной Кондопоги выяснилось, что президент несколько раз пытался взять ситуацию под контроль, но — по объективным обстоятельствам — не смог ...

Вл. Путин: «Но, к сожалению, несколько раз пытался связаться с вашим руководителем, с председателем правительства Карелии, — он то в самолете, то сейчас вот в отпуске, но мы с ним на этот счет самым серьезным образом поговорим».

В отпуске г-н Катанандов был — в Португалии. Не повезло кондопожанам. Я давно заметил, на Пиринеях — большие проблемы с мобильной связью: то из Испании на Урал не дозвониться, то из Москвы в Португалию... Отсталая страна... Португалия, я имею в виду.

А теперь давайте пофантазируем — не про мобильную связь, а про телевидение. Представляете, что было бы, если бы в этот момент в телестудии в Кремле рядом с Путиным оказался бы — журналист? Журналист бы небось спросил: Владимир Владимирович, расскажите, пожалуйста, как это было? Ну, процесс дозвона. Ну, занято у него было, или «абонент временно недоступен», или Катанандов снял трубку и говорит: Владимир Владимирович, перезвоните через пару недель, я сейчас на острове Мадейра, у меня сиеста, дайте наконец отдохнуть! И вот журналист это все спрашивает, а телекамера крупным планом показывает в это время лицо прези-

дента, — как оно поочередно белеет, зеленеет, чернеет... Четвертая власть в гостях у первой.

Но журналистов в кремлевской студии не нашлось, обслуживающий персонал продолжал обслуживать процесс пиара, и шоу покатилось себе дальше.

«Уважаемый Владимир Владимирович! Крымско-татарская проблема существует не первый и не второй год, но существует впечатление, что наше руководство затрудняется в его разрешении. Может ли Россия оказать помощь в решении этой проблемы?»

Вл. Путин: «Нам, конечно, не безразлично, что там происходит. И мы думаем, что наш вклад может быть внесен только с помощью как бы личного примера решения вопросов подобного рода».

О да! По части личного примера в решении национального вопроса — этого дела у нас вагон, да что там вагон, — составами все забито от Самашек до Кондопоги! Крымские татары кровью умоются от нашего вклада в дело мира. Командируем Ханты-Мансийский ОМОН на зачистку Феодосии! Но простите: я прервал президента, а там дальше интересное развитие темы случилось...

Вл. Путин: «...если украинское руководство посчитает возможным и обратится к нам за помощью, мы готовы будем... оказать содействие нашему ближайшему соседу и без всякого преувеличения братской республике Украине, от того, чтобы оградить ее, если у кого-то возникнет такой соблазн, вмешаться во внутренние дела Украины со стороны».

Вот любопытно: у президента спрашивали про крымских татар, но язык сам вытащил его на геополитику. У кого чего болит... Кстати, кто этот бука, который собирается вмешиваться во внутренние дела Украины? От кого будем защищать братьев? Я смутно вспоминаю один случай пару лет назад: кто-то, действительно, вмешивался во внутренние дела Украины, ездил туда специально, пиарил перед выборами одного из кандидатов... Забыл фамилию этого наглеца. Но в случае чего мы, конечно, Украину защитим.

Как и следовало ожидать, после трехнедельного варварства на грузинском направлении президенту потребовалось срочно выйти во всем белом. Специальный вопрос про Грузию был задан, и президент все объяснил.

Вл. Путин: «...любое государство суверенное само определяет, как обеспечивать свою безопасность. Наши действия обусловлены только одним: стремлением предотвратить кровопролитие».

Ну, слава богу. Это, стало быть, стремлением предотвратить кровопролитие была вызвана массовая депортация грузин с поборами на каждом углу, смертельным исходом в душном автобусе перед высылкой и забитым спецприемником на Дмитровском шоссе. Трехнедельное московское позорище с облавами на сородичей Багратиона настолько зашкалило за правила всякого приличия, что наш цивилизованный президент, как и следовало ожидать, прилюдно дистанцировался от всей этой мерзости, припомнив пословицу насчет дурака, которого заставили богу молиться. Дураки — оно конечно, но уж и молитва была омерзительная! Впрочем, с антигрузинским толкованием российской миграционной политики Путин категорически не согласился.

«...граждане одной республики выдворены из России в количестве 15 тысяч 300 человек, из другой республики — 13 тысяч 400, по-моему, человек. А из Грузии — пять тысяч. Разницу чувствуете? Поэтому говорить о том, что это исключительно избирательно, неправильно. Это неправда».

«Это неправда». И глаза — честные-честные. Умение прикинуться дурачком вообще незаменимо для умного человека! Из той неназванной республики, значит, 15 тысяч выдворенных, а из Грузии — всего пять. «Разницу чувствуете?» Да ведь тех пятнадцать тысяч выдворяли многие годы, а эти пять выдворили за неделю, — разницу чувствуете? Подлог, по-русски говоря! Ну, подлог, но уже и удивляться как-то неловко: таких наперстков у президента за годы работы скопилось, — хоть в металлолом сдавай...

Грузинская история сама собой вывела разговор на вопросы геополитики. Ну, это нам только дай!.. Когда дошло до защиты интересов России, Владимир Владимирович, как и следовало ожидать, быстро вышел из акватории...

Вл. Путин: «Что касается Балтийского флота, то это, конечно, сама акватория Балтийского моря от Финского залива и на Запад: это та часть Атлантического океана, который примыкает в Балтийское море — до Гибралтара. Но мы не ставим перед собой каких-то избыточных, нерешаемых имеющимися силами флота задач».

За последнее уточнение — спасибо. Как раз в день прямого президентского эфира второй раз подряд навернулась при испытаниях многомиллиардная ракета «Булава», под которую, в подлодку «Юрий Долгорукий», уже грохнуты другие несколько миллиардов (уже долларов), так что не следует, действительно, ставить нерешаемые задачи Балтийскому флоту! Я бы даже посоветовал временно оставить в покое Гибралтар, «примыкающий», как выясняется, «в Балтийское море»... И вообще, как бы нам наконец перестать галлюцинировать?

Недосужие вопросы государственной безопасности, — в ее истинном, а не «гэбешном» значении, — не так давно поставила ребром Северная Корея, испытав у самых наших границ ядерное оружие. Президент России и тут не замедлил с анализом ситуации и быстро нашел крайних.

Вл. Путин: «Я думаю, что одна из причин заключается в том, что не все участники переговорного процесса смогли найти верную тональность ведения переговоров. Никогда не нужно загонять ситуацию в тупик».

Ага! Это, стало быть, Штаты виноваты в новом витке корейского шантажа! Не мы, это угробище вскормившие, воспитавшие и уже при Путине дорогим гостем возившие на бронепоезде по России, а Штаты! Не проявили гибкости янки. Ну да, гибкости, особенно интеллектуальной, Америка должна учиться у нас... Например, у такого вот рассуждения про Северную Корею:

Вл. Путин: «Мы слышим, что оттуда есть сигналы о том, что страна готова вернуться к переговорам при обеспечении ее национальных интересов, связанных с безопасностью и развитием мирного атома».

Развитие мирного атома — это, конечно, именно то, что нужно Ким Чен Иру. Как собаке пятая нога и даже больше. По секрету полишинеля, известному всему свету, кроме, наверное, Путина и Иванова, нужно Ким Чен Иру только одно: чтобы мир пожизненно кормил-поил его в обмен на то,

что он не отправит планету в тартарары, — вот и все. Давняя ясная политика, не осуществимая без старого друга «совка», он же новая демократическая Россия!

Теперь совсем коротко о самом главном — о том, чего не было сказано во время разговора президента с народом. За три часа непрерывного взаимного словоизвержения ни разу не прозвучало слово «Чечня». И слово «Ходорковский» — ни разу, ну хотя бы в честь трехлетия ареста... Ни-ни! Да что там Ходорковский! — слова «Беслан» в стенограмме тоже не зафиксировано. Ни со стороны президента, ни от обслуги, ни от народа... А был ли мальчик-то? Не было, стало быть. Ни мальчиков, ни девочек, сгорели и сгорели, и неинтересно нам, отчего сгорели, — вот про хвойный древостой нам интересно, про амнистию дачных домиков и почему сборная по футболу, сволочь, не играет! Или вот еще, из Брянска: «Меня как бабушку волнуют игровые автоматы», — тоже славная тема для президентского монолога... То есть полное единение власти и народа на почве амнезии. Так держать!

Но вернемся собственно к процедуре. В ней были трогательные эпизоды. Более всего — в вышеупомянутом Брянске (видать, родина Шандыбина влияет на способности человека к репризе самой атмосферой). А впрочем, корреспондент Рожков шутить не собирался, хотел он всего лишь помочь народу выйти на контакт со своим президентом...

Корр. Рожков: «Представьтесь, пожалуйста, вот ваша камера, там президент...»

«Вот ваша камера, там президент». Дивная фантазия: встреча народа и президента — в камере! Надеюсь, эта реплика не повредит карьере корреспондента Рожкова на государственном телевидении, как и его последующая импровизация.

Корр. Рожков: «Микрофон один, и я один, и президент, к сожалению, один...»

Ну, ты сказал, парень... Как это «президент, к сожалению, один»? Тебе мало? Многобожие будем вводить, как в Древнем Египте? Нет уж, дорогой, не знаю как тебе, а нам и одного — выше крыши. Уже, как при Кашпировском, на третьем часу сеанса начинаем раскачиваться всей страной, псориаз проходит, онурез начинается... М-да. В конце своего ежегодного общероссийского приема психотерапевт Путин по традиции начал лично зачитывать письма, присланные ему на сайт, и исправлять реальность на местах. Второе место по эффективности, после воскрешения Лазаря!

Вл. Путин (читает вопрос): «У нас в городе Бор постоянно продают наркотики. Все об этом знают. Наш город прославился на всю Нижегородскую область своими наркоторговцами. Что делать, если милиция с ними заодно?» — «Работать по милиции активнее. И для этого мы создали соответствующую службу <...> Наркоконтроль так называемый. Обязательно поручу руководству этой службы обратить внимание и на область, и на ваш город».

Каким образом российский гражданин может «работать по милиции», я, признаться, не представляю. Каким образом милиция может «работать по гражданину», представляю очень даже хорошо, а вот в обратную сторону — это уже какой-то страсбург... Но монетка встала на ребро, письмо с конк-

ретной жалобой легло на стол к президенту, — теперь в Боре Нижегородской области начнется торжество добродетели! На уши поставят милицию, рядом поставят раком прокуратуру, — и некоторое время, с видом на этот поучительный пейзаж, будут водить экскурсии из соседних регионов. Потом все уляжется, осядет, забудется, и через полгодика неподалеку от приемной представителя президента в регионе снова можно будет затариться дозой безо всяких волнений. Но это потом, а пока — конь бежит, земля дрожит! По той же нехитрой схеме, полагаю, будут развиваться и события вокруг петербургского Дома Ветеранов Сцены...

Вл. Путин: «...речь идет о том, что пытаются изменить статус этой территории и передать часть этой территории для коммерческой застройки. Я думаю, что и Союз театральных деятелей, и тем более коммерческая структура, — это речь идет о компании "Система", это крупная компания... Она могла бы и без того, чтобы отбирать у ветеранов сцены, оказать содействие, если нужно, в восстановлении домов, в которых живут ветераны <...> Взяли бы да и помогли, просто так...»

И вы не поверите: они взяли и помогли! Суток не прошло, — доложили об исполнении! И глава СТД, член «Единой России» Александр Калягин, вдохновленный президентским пендалем, рванул наперегонки с АФК «Система» помогать старикам, которых (совместными усилиями с этой же «Системой») уже почти было выжили из их ветеранского Дома. Почти... да сорвалось! Ах, какая жалость, что сорвалось, восемнадцать миллионов долларов недвижимости, говорят... А впрочем, ничего не сорвалось. Документы-то на передачу собственности уже подписаны; пыль уляжется недельки через две максимум, барин отвернется, — не каждый же день ему в прямом эфире благодетеля изображать... Как вы думаете: оттяпают, нет?

Кстати. Это теперь Калягин бежит впереди паровоза, а за пару дней до президентского выступления критика Марину Дмитревскую, пытавшуюся поднять этот вопрос на съезде Союза театральных деятелей, туда просто не пустили, а впридачу, в отместку, сняли с финансирования редактируемый ею «Петербургский театральный журнал», на саму же Дмитревскую Калягин подал в суд за клевету. Так вот мне интересно: теперь, чтобы все было в порядке уже с Дмитревской и ее журналом, надо снова писать письмо Путину, чтобы с четвертого раза дошло? Или как? Слушайте, а вообще без благодетеля этого у нас в стране какие-нибудь вопросы решаются? Или только эта технология и работает? Ведь прав был тот брянский парнишка: президент у нас один! А народу — уйма. Может, не выпускать Путина из прямого эфира, — пускай так и авралит там днем и ночью? Кате с Сережей давать отдыхать посменно, чтобы лица от улыбок не лопнули, а Владимира Владимировича чифирьком заправить, — и пускай круглые сутки решает проблемы простых людей. Ну, если у нас иначе не выходит...

Теперь, внимание, — бонусный трек! Оговорки любимого президента! Особенно ценные для благодарных россиян, потому что когда президент оговаривается, он всегда говорит правду.

«Мы никому не нужны... Никому не должны».

«Напомню, что Грузия добровольно вошла в состав Российской Федерации... Российской империи, прошу прощения...»

«...устранить дисбаланс между теми людьми, которые у нас живут очень, и теми нашими гражданами, которые живут еще пока очень бедно. Вот этот разрыв между доходами мы можем, должны и будем сохраня... э-э... сокращать!»

Продлись пауза между глаголами «сохранять» и «сокращать» чуть дольше, она могла бы стоить стране не одного инфаркта, но все обошлось, президент справился с подсознанием, и теперь можно помаленьку подводить итоги прямой связи с народом. Они великолепны. Немедленно после завершения аттракциона с просторов нашей бескрайней Родины начали доноситься покаянные крики чиновников. Полпред президента в Приволжском округе Коновалов оповестил народы, что во всех регионах округа уже созданы рабочие группы, призванные навести порядок в регистрации прав собственности и по вопросам «дачной амнистии»! Власти Подмосковья пообещали до первого ноября рассчитать «справедливые коэффициенты» земельного налога для дачников! Губернатор Иркутской области приветствовал решение построить в городе новый аэропорт! Власти Свердловской области уже решают вопрос с помещением для поискового клуба! Премьер Фрадков, в свете критики президента, призвал свой кабинет «заниматься работой», поскольку «реальная действительность не обеспечивает эти требования», конец цитаты... В настоящее время, полагаю, кабинет не может ни заниматься работой, ни работать занятия, а только ложится костьми, пытаясь понять, чем «реальная действительность» отличается от действительной реальности.

Но чу! Срочные новости из Госдумы! Депутаты заявили о стремлении принять меры для «решения абсолютно всех проблем, затронутых в ходе прямой линии»! И наконец, Российский футбольный союз сообщил, что поддерживает позицию Владимира Путина (кто бы мог подумать!). Количество «легионеров» в отечественных командах будет ограничено! Гус Хиддинг с нетерпением ждет указаний Владимира Путина о составе на матч с Македонией.

И напоследок — главный вопрос прошедшего прямого эфира. Вопрос такой грандиозный в своей неизбывной простоте, что если бы водителя Аркадия Какаева из села Подгородняя Покровка не было в природе, его, ей-богу, следовало бы выдумать!

Какаев Аркадий: «Владимир Владимирович, мы все знаем, что вы после восьмого года уходите. Что будет с нами и со страной после 2008 года?»

Ничего страшного не будет, Аркадий, не волнуйтесь так. Вам дадут нового пастуха, и все пойдет, как обычно, — вы даже не почувствуете, когда вас будут резать или стричь... Это, кстати, отчасти перекликается с вопросом, который прислал нам на пейджер Александр Сергеевич из села Михайловское Псковской области. «К чему стадам дары свободы?» — спрашивает он. Да ни к чему, Александр Сергеевич! Даром не нужны. Счастья вам.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
третьего квартала 2006 г.

Начиная с обзора в прошлом номере, мы, как, наверное, заметил читатель, гораздо больше внимания стали уделять сетевой публицистике. На то есть причины. Она свободнее, шире по проблематике. В этом обзоре читателям также предлагаются наиболее интересные публикации с сайтов **gazeta.ru, lenta.ru, apn.ru, prognosis.ru, nazlobu.ru, russ.ru, vz.ru** и др.

Специфика России и российского общества

Александр Архангельский на сайте «РИА Новости» (**«Южное Бутово и Северная Страна»**, 22 июня) анализирует конфликт в Южном Бутове. *«...Внаглую, без обоснования, выкупа или равноценной замены чиновники объявили, что все земли принадлежат городу, а горожанам — фигушки. Бунт не мог не подняться. Страна не могла его не поддержать. И уже не имеет никакого значения, кто прав, кто виноват; не выдвигают ли выселяемые запредельные требования и не федеральный ли закон диктует московским бюрократам линию их самозащиты. Важно только то, что Лужков покусился на главное, на землицу; что его людям не хватило ума остановиться у запретной мистической черты».* Конфликт был порожден застарелыми навыками московской элиты («что мое, то мое, а вот об вашем-то мы и поговорим»), а преобразовался в акцию осознанного общероссийского сопротивления. Не в политическое противостояние — а в коллективную борьбу за свои имущественные, обывательские права, в стихийное столкновение общественной правды и хозяйственной практики. Причем в центре телевизионных сюжетов про бутовское стояние оказались женщины; семейный очаг и мать-сыра земля по-прежнему ощущаются как центр и смысл жизни русской женщины. Южнобутовский скандал всколыхнул застарелую традицию бабьего бунта; однако, к счастью, прошедшие годы просвистели не зря: бунта-то мы и не наблюдали. Самое обытовленное, самое простонародное сознание соединилось с представлениями о частных интересах и принципами гражданского общества в их низовом, но оттого не менее значимом проявлении. «Мы законопослушные граждане», — говорит тетенька в камеру, и ее слова как настоящий бальзам для либерального сердца. Архангельский напоминает, что как законопослушные граждане вели себя и мужики, устроившие зимой автомобильный протест против несправедливого приговора Олегу Щербинскому, на которого гаишники по сговору с местными властями свалили вину за гибель алтайского губернатора Евдокимова. Общественное сопротивление было конвертировано в политические акции, но — очень важно! — не потеряло при этом

своей общественной, гражданской природы. Вывод: *«У нас на глазах формируется особый и очень глубоко укорененный в традиции вид гражданского общества. Способ мужской, как на Алтае; способ женский — как в Бутове. Вопреки мечтам демократических политиков, приземленный обыватель не хочет вылупляться из житейского кокона и становиться прекрасным гражданином с крылышками. Вопреки нынешним правителям, он не собирается всегда пребывать в коконе послушного равнодушия. Он избрал третий путь: путь не бабочки, но улитки. Когда обывателя задевает за живое (а за живое задевает право на быт и частную жизнь в привычных формах, а также автомобильный беспредел), он вылезает из домика, страшно крутит усиками, выделяет жгучую слизь. Как только задача решена, он прячется обратно в домик — и не пробуйте извлечь его оттуда, бесполезно».* Итак, россиянин — улитка, выделяющая слизь? Обидно. И едва ли вполне справедливо.

Леонид Радзиховский («Особый путь России» — «Взгляд», 12 апреля) удивляется: русский человек входит в западную систему как нож в масло. Но западная система (социальная, политическая и т. д.) вязнет в России, как нарядный «ламборгини» в русской сельской распутице! Это относится к сегодняшнему «авторитарному» режиму. «Авторитарная» или «не авторитарная», но, в любом случае, сегодняшняя власть в ряде позиций далека от европейских стандартов — и это с удовольствием подчеркивается. «Суверенная демократия». Но ведь интересно, что никто опять же Россию не насиловал — совсем наоборот! Страна так или иначе, но вполне добровольно свернула на органичный для нее путь достаточно жесткой централизованной власти. *«Так что же получается? Отдельному русскому человеку демократические западные правила игры совершенно нечужды и непротивны. А совокупность людей, русское общество в целом никак не пролезет через это игольное ушко. Что же получается? Что русский человек, так легко и хорошо европеизирующийся, так часто недовольный порядками в своей стране, он что — "подкидыш" в своей стране? Он что, сформирован "совокупностью общественных отношений" какой-то иной страны, Европы, что ли?»*

Александр Неклесса («Несостоявшаяся революция» — АПН, 31 июля) отмечает, что суть кризиса 1970–1980-х годов — провал второй модернизации России. Если первая модернизация, индустриальная, хотя и в редуцированном виде, была реализована, то вторая модернизация, постиндустриальная, претерпела фиаско. Провален ее проект и в конце XX — начале XXI века. Мы наблюдаем симптомы возрождения монотонных управленческих кодов, причудливые реинкарнации элементов прежней, иерархичной и статичной культуры (выстраивание пресловутой «властной вертикали»), подобие выхолощенного «Союза ССР». Или симулякр «нового российского империализма». На повестку дня рано или поздно вновь встанет вопрос о перспективах российского постиндустриального класса — вот только за прошедшее время была заметно сужена и обеднена его питательная среда: нарушена целостность социальной ткани и этики, подорвана инфраструктура публичного блага, резко сократился и социально обесценился образованный и активный городской средний класс.

Воспевает путинскую «управляемую демократию» **Николай Работнов** (**«Управляемая демократия без кавычек»** — «Знамя», № 8). Идеальной демократии и не бывает сразу. Есть, есть проблемы. Скажем, главная — *«исторически сложившаяся, резко недостаточная юридическая грамотность и низкий уровень уважения к закону у подавляющего большинства русских людей». «Быстро — за годы — здесь не сделаешь ничего, только за десятилетия, так что многие обвинения в адрес Путина по этой линии совершенно беспочвенны»*. Другое наше крупномасштабное зло — коррупция. Она тоже унаследована от старой России. Работнов умиляется: *«В путинские годы, по моему впечатлению, взяточничество все-таки пошло на убыль, разумеется, в первую очередь за счет укрепления экономики и повышения законных доходов чиновников. Но и усиление ориентации властных структур на борьбу с этим злом мне также представляется бесспорным и достаточно определенным»*. Осталось только прослезиться. Однако у путинского восьмилетия есть, согласно Работнову, немалые шансы стать самым спокойным и благополучным периодом за всю многовековую бурную историю России — именно это, несмотря ни на что, чувствуют голосующие за Путина избиратели. *«Имущественное неравенство по сравнению с советскими временами, конечно, обострилось. Но в стране тем не менее появился и очень заметный слой граждан — при Путине в разы расширившийся!— не узкая партийно-административная верхушка, не "двести семейств", а многие миллионы, да, пожалуй, уже и десятки миллионов человек, которые живут так, как русские люди не жили никогда, имея возможность в рамках пусть скромных, но не скудных средств и за границу на отдых съездить по собственному выбору, и комплектом бытовой техники обзавестись, и машину, пусть подержанную, купить не чета "Москвичу", и читать-смотреть-слушать что вздумается. В равной степени я уверен, что литераторы не встречают ни малейших государственных цензурных ограничений<...> Итак, управляемая демократия — важный и почти неизбежный этап в развитии молодых государств, и к ней пора перестать относиться с априорной неприязнью и насмешкой. А главное, как ни вертись, именно это — наиболее вероятная политическая стратегия российских властей на ближайшие полтора-два десятка лет, которая вполне может позволить стране завершить построение открытого общества и стабильной экономики, не сорвавшись с катушек за счет усилий энтузиастов, страдающих тяжелой формой легкомыслия, которых хватает на обоих краях политического спектра»*. Работнов отечески журит Дм. Быкова и А. Храмчихина за мрачное видение реальности, которые *«явно не знают, не чувствуют кожей настоящего смысла слов и словосочетаний, начиная с "диктатора", которыми походя оперируют, — "административный беспредел", "подавление всеми способами", "государственный гнет", "массовое уничтожение собственного населения" — и употребляют их не по назначению»*. Так, общее определение Быковым переживаемого периода таково: «свинцовые мерзости путинщины». Все застит неприязнь к президенту: «Путин — абсолютная и законченная посредственность, Акакий Акакиевич». *«Безапелляционность утверждений Дм. Быкова о современной России сравнима только с мерой их безот-*

ветственности и с остротой противоречия реальному сегодняшнему состоянию дел и наблюдаемым тенденциям».

Либерал **Александр Храмчихин** мрачно оценивает перспективы выхода России из глубокого периферийного состояния (**«Обреченные на отстой»** — «PROGNOSIS.RU», 13 июля). Доминирует тенденция к латиноамериканизации как самой России, так и всего СНГ, их превращения в еще одну мировую периферию. Причины периферийности, во-первых, характер правящих режимов (авторитарно-тоталитарных клептократий с разной степенью имитации демократических процедур), во-вторых, — чисто ресурсная ориентация экономики. Как показывает пример той же Латинской Америки (хотя бы Аргентины и Венесуэлы), подобная политико-экономическая система ведет лишь к безнадежному отставанию от Запада — по уровню и качеству жизни населения, по его интеллектуальному потенциалу, по темпам роста экономики. Возможность смены власти легальным путем отсутствует, поскольку все демократические процедуры в странах СНГ служат формальной оболочкой. Демократические эксперименты в России и на Украине закончились приходом к власти клептократий, причем «оранжевая революция» ситуацию нисколько не изменила: в ближайшие годы Украину ожидает либо клептократия с новыми лицами, либо «расползание» страны из-за полной потери управляемости. Исключением представляется Казахстан — единственный в СНГ пример авторитарной модернизации, а не чистого воровства в интересах правящей группировки. Возможность внутренней эволюции режимов или их революционной смены, как показывает латиноамериканский опыт, невелика. Эволюция может привести лишь к появлению разных форм популизма. Пожалуй, единственное исключение — Чили. В момент очередного политического кризиса вместо революций в таких странах обычно бывают перевороты, меняющие правящую верхушку, но не затрагивающие суть режима. Кроме того, подобного рода режимам не хватает жесткости для того, чтобы довести дело до революции. Если страна «запаяна наглухо», как это было в СССР, у людей практически нет возможности для самореализации, это неизбежно ведет к взрыву — вопрос только во времени. В Латинской Америке и в странах СНГ (кроме Туркмении и Узбекистана) у людей несравненно больше личной свободы, чем в откровенно тоталитарных странах, и гораздо больше возможностей для того, чтобы вообще не встречаться с государством: уйти в эмиграцию, внешнюю или внутреннюю. Большинство «пассионариев» пользуются этими возможностями, поэтому критической массы для взрыва — «гражданского общества» — не возникает: режим может тихо гнить десятилетиями. Страна лишается всяких шансов на прорыв, поскольку для него не остается человеческого потенциала. Эта стабильность носит кладбищенский характер, но, увы, при нынешних тенденциях практически все страны СНГ ждет именно такая перспектива. Поломать систему, видимо, сможет только мощный «пассионарий» (или группа «пассионариев»), который не захочет эмигрировать, а проявит волю к тому, чтобы изменить страну, сплачивая вокруг себя единомышленников.

Латиноамериканист **Эмиль Дабагян** (**«Государство без народа»** — «Rambler mass media», 27 сентября, «Время новостей») сравнивает режимы в

Латинской Америке с режимом Путина. В России при сохранении формальных атрибутов демократия, понимаемая как власть народа, свертывается. Самое главное — последовательное искоренение ростков гражданского общества, которые ранее хотя и не цвели пышным цветом, но все же давали неплохие всходы. Обозначился явный приоритет государства над гражданским обществом. Оно все более отчуждается от власти, от принятия решений. Доминируют византийские способы и методы назначения и снятия должностных лиц (как пример анализируется ситуация с отставкой генпрокурора Устинова). В России гражданин сплошь и рядом, сталкиваясь с чиновниками всех уровней, натыкается на глухую стену непонимания, выступает в роли просителя милостыни, которого могут запросто выставить взашей из присутствия или загонять до смерти в поисках каких-нибудь бесконечных справок. *«Для контраста сошлемся на Мексику. Там в 2005 году был принят закон о транспарентности и доступе к информации, обязывающий чиновников всех уровней давать положительный или аргументированный ответ на запросы граждан в течение 20 дней. В противном случае предусматривается суровое наказание». «В Аргентине, даже в период военного режима, существовало более развитое гражданское общество, чем сегодня в России. К числу самых авторитетных и влиятельных организаций относилось движение "Матери с майской площади". Оно объединяло родителей тех, кто погиб либо исчез бесследно в застенках диктатуры. Это движение сыграло огромную роль в подтачивании основ авторитаризма».* Путин, принимая западных политологов, произнес многозначительную фразу: коррупция, мол, превратилась в общемировую проблему. Но он не добавил, что в цивилизованных демократических странах проблему мздоимства, особенно в высших эшелонах власти, не загоняют внутрь и проштрафившийся чиновник не перебрасывается из одного кресла в другое без объяснения причин. Во многих странах, в том числе Латинской Америки, факты коррупции становятся достоянием широкой общественности, летят высокопоставленные головы... Фарисейски выглядят традиционные непосредственные общения главы государства со своими подданными, где граждане на строго отфильтрованные вопросы получают заранее заготовленные ответы. Видимость диалога верхов и низов сохраняется. Но реальная обратная связь отсутствует. Свежая иллюстрация к тезису, что в нынешней России все делается лишь по указке сверху, словно по взмаху дирижерской палочки, — пресловутые мигалки и проблесковые маячки. Кампания закончится, и все вернется на круги своя. Главное — никакой инициативы снизу. За это можно схлопотать. Лучше сидеть тихо и не высовываться, ждать команды. А потом доложить о выполнении. Власть и общество расходятся все дальше и дальше. Под эгидой Общественной палаты формируется узкий круг придворных и прикормленных, а следовательно, лояльных организаций, готовых выполнить определенный социальный заказ. Остальные выталкиваются на обочину и вынуждены влачить жалкое существование.

В «Новой газете» и сетевом издании «NaZlobu.Ru» (1 августа) предложена версия выступления **Андрея Илларионова** на конференции «Другая Россия», состоявшейся в Москве 11–12 июля **«ГЧП-2006: «Государственно-Частное Партнерство»»**. По Илларионову, в сегодняшней России — две

стороны и две страны. Одна — это сторона власти, официальной, официозной, суверенно-потемкинской. Это сторона бюрократии, пренебрежения к закону; сторона беззакония, отсталости, несвободы. На этой стороне сегодня государственная власть, которая запугивает и терроризирует другую страну — страну граждан. Сторона власти ведет войну против своих граждан, против российского общества, против и самого Российского государства. Сегодня страна граждан под ударом, под угрозой уничтожения. То есть страна, для которой идеалами выступают право, справедливость, процветание, свобода. В этих двух странах все разное. Правила поведения в экономике, в политике, в общественной жизни, во внешних делах, в мировоззрении. Та страна — это корпоративистская страна. Страна, в которой государственная власть оказалась в руках корпорации, отнимающей и уничтожающей экономические и политические свободы российских граждан. Главное правило этой корпорации — отсутствие единых правил. Принципы корпоративизма — избирательность, неравенство, селективность, дискриминация. То, что позволено одним, не позволено другим. Неравные условия ведения бизнеса, неравные условия жизни, экономическая и политическая дискриминация возводятся в абсолютный принцип. Идеология корпорации — это «своизм» или «нашизм». Это идеология предоставления льгот, кредитов, субсидий, полномочий, власти — своим. Это государственное лоббирование «наших». Это предоставление всех видов ресурсов Российского государства и всей страны членам корпорации. «Своизм» — это идеология защиты «наших» не потому, что они правы, а потому, что они свои. «Нашизм» — это идеология агрессии по отношению к чужим. Не потому, что они не правы, а потому, что они другие. «Нашизм» — это клановость, это уход от цивилизации, это возвращение к варварству, это рамзанизация России. Суть корпоративизма — в государственном перераспределении ресурсов своим. Формула работы корпорации с частными компаниями обнародована — это теперь уже не просто так называемая *социальная ответственность* бизнеса, теперь это уже государственно-частное партнерство. Теперь любое пожелание корпорации — от взноса на тот или иной «нужный» проект до продажи самой компании правильным покупателям — будет выполнено. Ударными орудиями корпоративистского государства выступают государственные компании. Если кто и занимается сегодня продажей родины, то это тот, в чьей собственности родина оказалась. Корпорация нашла идеальный способ присвоения собственности, принадлежащей всем российским гражданам. Этот способ — государственные компании с некоторым частным присутствием. Это создание своего рода закрытой сферы и зоны. Зоны, неподконтрольной ни государству, ни частным инвесторам. Как же назвать это удивительное новое явление — процесс одновременной и национализации частной собственности, и приватизации государственной? Процесс, в котором частная собственность становится вроде бы государственной, но ни гражданам, ни даже представляющему их интересы государству не достающаяся, а достающаяся менеджерам государственных компаний и представителям государственного аппарата, тихо или со скрежетом зубовным делящим достающиеся им миллиардные активы. Название этому явлению подсказывает термин, так приглянувшийся самой корпорации, — государ-

ственно-частное партнерство. Или сокращенно — ГЧП. Иными словами, это ГЧПизация российской экономики, политики, общества. Для прикрытия своей экономической деятельности корпорация уничтожает естественные формы политической жизни, ликвидирует структуры общества, нацеленные на идентификацию, формулирование, защиту людьми своих гражданских прав и политических интересов. В результате Россия перешла в группу политически несвободных стран. Сегодня по индексу политической свободы среди 194 стран мира Россия опустилась на 166–167-е место. Сегодня в Европе есть только три частично политически свободные страны — Молдова, Босния и Герцеговина и Косово. В Европе есть только две политически несвободные страны — это Беларусь и Россия. По показателям политического развития Россия, увы, не имеет ничего общего со странами «семерки». Разрыв действительно существовал всегда, но сегодня он значительно больше, чем четыре года тому назад, когда Россия была приглашена в полномасштабные члены этого клуба. Более того, мы движемся в противоположных направлениях. По уничтожению политической свободы Россия занимает 190-е место среди 193 стран мира. По скорости деградации политических свобод с коллегами по несчастью мы формируем свою, иную «Группу восьми»: Непал, Беларусь, Таджикистан, Гамбия, Соломоновы Острова, Зимбабве, Венесуэла... Свобода — это не предмет роскоши. Это инструмент, без которого у страны не может быть ни устойчивого благосостояния, ни надежной безопасности, ни успешного развития, ни искреннего уважения со стороны соседей. Свобода обеспечивает благосостояние. Свобода обеспечивает динамичное развитие. Экономики свободных стран развиваются быстрее. Переход от полной свободы к полной несвободе ведет к экономической деградации. В таких странах рост ВВП на душу населения становится отрицательным. Нам постоянно говорят о высоких темпах роста российской экономики в последние годы. Это частичная правда. Но есть три факта. Первый. Этот рост во многом порожден беспрецедентной внешнеэкономической конъюнктурой. И без нынешних цен на энергоносители и с нынешним качеством проводимой политики российский ВВП уже несколько лет как сокращался бы. Второе. Даже такая структура не смогла остановить падения темпов роста российской экономики. Среди 15 стран, образовавшихся после распада СССР, по темпам экономического роста Россия в 99-м году занимала 3-е место, а в прошлом — 13-е. Третье. Политически и экономически свободные страны даже без собственных энергоносителей развиваются быстрее, чем несвободные. За последние 6 лет страны Балтии развивались быстрее, чем Россия. У них нет нефти, у них нет газа, у них нет металлов, но они свободны. Свобода обеспечивает безопасность и внутреннюю, и внешнюю. Свободные страны, как правило, не воюют друг с другом. В политически свободных странах безопаснее. В них ниже смертность и от криминалитета, и от действий государства, которое иногда действует как криминалитет. В них выше продолжительность жизни. Отсутствие свободы формирует непреодолимый барьер для экономического роста, социального развития, безопасности человека, страны, государства. История не знает примеров полностью политически несвободных стран, которые смогли бы преодолеть рубеж душевого ВВП в 12 тысяч долларов по паритетам

покупательной способности. Все страны, кто это сделал, были политически свободными. Те же страны, которые были даже богаче, имели более высокие показатели душевых доходов, но стали политически несвободными, через некоторое время стали бедными. И это касается в том числе и стран, богатых энергоносителями. В Иране, Венесуэле, Саудовской Аравии, Ираке сегодня ВВП на душу населения ниже, чем он был три десятилетия назад, на 10, 30, 40 и 80 процентов. Отсутствие свободы разрушает богатство даже там, где оно было достигнуто раньше. Свобода неразделима. Уничтожение свободы в одной сфере подрывает свободу в других. Разгром свободы в одной стране наносит ущерб свободе во всем мире. Несвобода — это монополия на власть: на экономическую, на политическую, на информационную. Несвобода — это табуирование тем национального обсуждения: от Чечни до «ЮКОСа», от терактов в «Норд-Осте» и Беслане до карикатур на пророков. Это запрет на обсуждение того, что граждане страны могут и обязаны обсуждать. Это исключение из общественной жизни тем, проблем, компаний, людей. Это запрет на использование слов — касается ли это наименования иностранных валют или же названий отечественных политических партий. Это разложение морали и инфантилизация национального сознания. Это примитивизация общественной жизни и архаизация государства. Политика несвободы — это политика обнищания населения, это общественный регресс и экономическая деградация. Это разложение самих государственных институтов. Это риск неспровоцированной агрессии против соседей, и это настоящая агрессия против собственного народа. Что общего в тех несвободных странах, в той группе, в которую мы попали, в той самой «восьмерке»? Это гражданские войны — объявленные и необъявленные, открытые и закрытые, горячие и холодные, отнимающие собственность и разрушающие общество, отправляющие в лагеря и уничтожающие граждан только потому, что у них есть иное представление о мире, вере, праве, свободе и собственной стране. Политика несвободы означает войну против граждан, общества, государства, страны, народа. Несвобода нужна для разжигания ненависти — социальной, внешней, внутренней. Только с помощью ненависти, страха и избирательного насилия можно пытаться узурпировать и удержать власть. Политика несвободы — это исторический тупик. Это путь к национальной катастрофе. Нам сейчас говорят, что благодаря действиям власти укрепляется Российское государство. Нет. Уничтожение базовых политических и общественных институтов страны ослабляет Российское государство. Нам говорят, что благодаря такой политике Россия поднимается с колен. Это не так. Аморальные действия не могут поднять Россию, они ее опускают. В грязь. Нам говорят, что, проводя агрессивную политику, Россия становится сильной. Это неправда. Запугивая соседей, ближних и дальних, власти лишают ее ближайших и естественных союзников, они изолируют Россию, они делают Россию слабой... Тем, кто не приемлет корпоративистское государство, венесуэлизацию экономики, деградацию общественной жизни, могут быть предложены одно правило и две программы. Правило это — отделение граждан от такого государства. Это гражданское неучастие в делах корпоративистского государства, это неучастие в ГЧПизации своей страны. Программа-минимум — это восстановле-

ние базовых гражданских и политических свобод: свободы слова, свободы собраний, свободы политической организации. Программа-максимум связана с изменением политической системы, ее основных элементов: формы правления, политического режима, государственного устройства. Свобода и демократия — это не отвлеченные понятия, это благосостояние, это развитие, это безопасность. А несвобода и авторитаризм — это нищета, отсталость, слабость и деградация. Сегодня Россия, увы, не является ни свободной, ни демократической страной, но она обязательно ею будет. Будет новая Россия — свободная, открытая, толерантная и, следовательно, динамичная, развитая, устойчиво стоящая на своих ногах, искренне уважаемая соседями, страна граждан, страна с будущим, другая страна, другая Россия.

Близкий подход предъявляет **Лилия Шевцова**, которая также выступила на конференции. В версии **«Демократия для ископаемых»** на сайте Московского центра Карнеги (также «Новая газета», 24 июля) она определяет Российское государство как государство, которое живет «по понятиям». Такое государство не может обеспечивать свою собственную устойчивость и само подрывает свою стабильность. Это государство воспроизводит безответственность. В силу централизации власти ее внутренние артерии закупориваются, и власть не может понять, что же происходит в обществе. Такое государство воспроизводит сырьевую экономику, которая, в свою очередь, является основой для политики «по понятиям». Государство, функционирующее «по понятиям» и опирающееся на природные ископаемые, не может быть не только современным и динамичным, но и полноценным и самодостаточным. Оно ни в коем случае не может быть суверенным. Такое государство может быть только довеском, привеском, аппендиксом более развитых стран-энергопотребителей. Короче, таким государствам уготована роль сноски либо запятой в мировой истории. Элитой такого государства являются компрадоры, которые намеренно гудят о суверенитете и патриотизме, ругают Запад, пытаясь прикрыть свою неспособность думать о национально-государственных интересах. Наконец, государство, живущее «по понятиям», не имеет механизма разрешения конфликтов, более того, само подкладывает под себя мину замедленного действия. Таким государствам рано или поздно угрожает загнивание либо открытый кризис. Российское государство не имеет встроенного механизма разрешения кризиса, и ни сама власть, ни оппозиция, ни гражданское общество не готовы к внештатным ситуациям, когда начинает слетать резьба и болты летят в стороны.

Татьяна Щеглова («Суверенная филология» — «Lenta.ru», 13 сентября) отслеживает историю политического брэнда *«суверенная демократия»*. Термин ввел в обиход замглавы президентской администрации Владислав Сурков, имеющий репутацию «серого кардинала», «рупора Кремля». В первый раз Сурков 28 июня противопоставил новый термин некой «управляемой демократии», обозначив последнюю как *«навязываемую некоторыми центрами глобального влияния всем народам без разбора — силой и лукавством — шаблонную модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов»*. То есть «мы пойдем другим путем». Уже 11 июля в Москве состоялся форум с названием «Экономика суверенной демократии», выступая на котором Сурков сделал по поводу

нового понятия разъяснения, поначалу, правда, несколько шокировавшие даже ко всему привыкшую общественность. В частности, оказалось, что «духовным предтечей» идеологии суверенной демократии является революционер Че Гевара. 13 июля министр обороны Сергей Иванов выступил в «Известиях» с программной статьей, в которой заявил, что общество должно сплотиться вокруг «новой триады» национальных ценностей: суверенная демократия, сильная экономика и военная мощь. Однако дальше начались разброд и шатание. 24 июля в журнале «Эксперт» было опубликовано интервью первого вице-премьера Дмитрия Медведева, который усомнился в правомерности сурковского термина. Тут-то и обнаружилось, что в Кремле, оказывается, вовсе и не существует единой позиции на сей счет. Это вызвало смятение в рядах «партии власти». 30 августа в Москве состоялся круглый стол, на котором Сурков, употребляя слова «дискурс» и «идеологическая матрица», тем не менее еще раз убедил общественность в том, что альтернативы «суверенной демократии» нет и с этим согласно все руководство страны. Но уверенность в единении «верхов» опять была поколеблена, на этот раз самим президентом. В ходе встречи с зарубежными политологами 9 сентября Путин заявил: *«Суверенитет и демократия — это понятия, которые оценивают два разных явления, это разные вещи. Но современный глобальный мир, на мой взгляд, такую площадку для дискуссии на эту тему все-таки создает. Я в эту дискуссию не вмешиваюсь, я не считаю, что она вредная. И если люди поспорят на эту тему и в ходе этих споров и дискуссий будут появляться какие-то идеи, которые можно было бы использовать в практическом плане внутри страны и в нашей внешней политике, хуже не будет»*. Такая отстраненная позиция того, чьим рупором, как полагала растерявшаяся общественность, является Сурков, вызвала окончательное смятение в рядах единороссов. Что-то не срослось в пресловутой кремлевской тиши, вопросы филологии, видимо, стали решающими.

Михаил Фишман («Приехал жрец» — «Газета.Ru», 12 июля) тоже пишет о В. Суркове. Автор смыслов и громких слов. Сурков не входит в команду Путина. Он в чистом виде менеджер на службе у руководства. И основной интерес политтехнолога в том, чтобы не потерять сферу своего влияния и практической работы. *«Как сложится — кто знает, но, согласно принятой мифологии, в 2008 году Путин идет наверх. Становится жителем высших сфер. Ближайшее окружение занимает указанные ему места и устанавливает баланс сил. А люди с иерархического верха, но с кастовыми дефектами, выводящими их из основной игры, формируют институт путинского контроля... Они защищают Путина от тех, кого он привел с собой»*. Сурков мог бы стать лидером этой группы. Его усилия по насаждению идеологии суверенной демократии — явное движение в эту сторону. Суверенная демократия вовне — набор риторических конструкций для беспредметного спора с Западом. Суверенная демократия вовнутрь — свод неписаных законов о моральном авторитете Путина. А в остальном шелуха из слов. Идеология Суркова неприхотлива и основана на самом простом приеме. Она всего лишь обслуживающий государственные цели «принцип зеркала»: тезис и антитезис — одно и то же. Поскольку вокруг нас нет чистых беспримесных сущностей, то все принадлежащее к сфере общественного осмысления

можно без ущерба выворачивать в любую сторону. Так Путин общается с Бушем. Так теперь с экранов разговаривает сам Сурков. Теперь основная цель Путина — неподвижность. Штиль, понимаемый как стабильность и статус-кво. Лозунги — вещь опасная. Идеология Суркова эффективна и принята к работе, потому что ее нет и ей невозможно следовать. Его лозунги нельзя перехватить, их даже трудно воспроизвести. Как у партии власти не должно быть реальной власти, так и политическая жизнь сегодня должна быть основана на демобилизации. Чтобы общественная память регулярно проветривалась от идей.

По-прежнему озабочен проблемой утраты суверенитета **Максим Момот**, который полагает, что **«Россию ждет внешнее управление»** («Prognosis.Ru», 18 июля). Концепция «суверенной демократии» призвана стать прикрытием настоящего положения дел: в стране продолжается ликвидации суверенитета. Недоверие к власти порождает желание отыскать на нее управу, а ее не найти ближе Вашингтона. Причем чем жестче станет действовать Кремль во внутренней политике, тем быстрее будет расти число сторонников фактической ликвидации независимости страны (как и другой крайности — националистической диктатуры с социалистическим оттенком). Российские чиновники становятся все менее российскими. Абрамович правит Чукоткой из Лондона, другие «государственные мужи» — с альпийских курортов. Беженцами в Чечне занимаются датчане. Отметки по успеваемости президенту России выставляет Кондолиза Райс, заменяя собой сразу и российское гражданское общество, и независимый парламент. Российский суверенитет находится в процессе ликвидации в северокавказских республиках и, что менее заметно, — в поволжских. Возможная ликвидация РФ, как уже нетрудно понять, начнется с Северного Кавказа. Российская политическая элита заметно деградирует, и деградация эта, проявляющаяся, в частности, в унизительных арестах высших российских чиновников за границей, ускоряет приближение для РФ «часа икс». Деградация ряда секторов экономики также вносит свою лепту как в возникающее у россиян желание перенести центральный офис страны в Вашингтон, так и в сокращение у Москвы возможностей противиться воле США. Капитализация одной только фирмы Google достигает $131 млрд. Капитализация «Газпрома» не превышает $190 млрд, приближаясь к стоимости одного крупного поискового сайта в Интернете. В новых отраслях экономики Россия отстает не только от Запада, но и, скажем, от Индии. Третьей, после неэффективного управления и откола национальных республик, предпосылкой отказа РФ от части суверенитета выступает углубляющийся разрыв между богатыми и бедными. Стремление к материальному благополучию любыми способами, безусловно, стало в России доминирующим.

На сайте «Газета.Ru» **Юрий Коргунюк** (**«Аристократы из людской»**, 18 июля) рассуждает о специфике российской политической элиты. На первый взгляд, между нынешней российской элитой и западной не обнаруживается существенных различий. Наша образованна, инициативна, предприимчива, хорошо чувствует конъюнктуру. Ей, конечно, свойственны излишнее увлечение личной выгодой в ущерб общественному благу, чрезмерная склонность к лоббизму, но и западная элита в этом отношении отнюдь не без-

грешна. Если отечественные элитарии чем и отличаются от своих собратьев из развитых стран, так это, пожалуй, неимоверной гибкостью, доходящей до полной беспринципности, отсутствием не только корней, но даже элементарных якорей, которые фиксировали бы положение деятелей в определенной точке политического пространства. Нежелание думать ни о собственной репутации, ни о том, что будет после того, как система рухнет, наводит на умозаключения относительно причин столь поразительного пренебрежения всеми и всяческими приличиями. Как объясняет Коргонюк, в России XIX века, во Франции XVII века элита формировалась из дворян, господ, для которых понятие чести не было пустым звуком. Выработанный нобилитетом свод правил поведения впоследствии был воспринят и другими слоями общества, которые усвоили многие из «феодальных предрассудков» — чувство собственного достоинства, твердость убеждений etc. Наша же элита *«родом из людской, и единственное, на что она способна,— навязывать обществу нравы, в людской бытующие: нравы дворовых слуг, наглых по отношению к простым людям и лебезящих перед господами»*.

В другой своей статье, **«Змеиная кожа российской политики»** («Газета.Ru», 31 июля) **Коргунюк** говорит, что и народ мало изменился. Да, в российском обществе появились новые, «постсоветские» люди — профессионалы, чувствующие себя в рыночной среде как рыба в воде. Но большинство населения по-прежнему составляют люди советские, селекцией которых коммунистический режим так гордился и которые на самом деле были его проклятьем. Главная особенность «советских» людей — их неспособность брать на себя ответственность за состояние собственных дел. Именно в этом кроются корни современного российского популизма. Сказать советскому человеку: «Позаботься о себе сам» — все равно что заявить ему: «Иди и сдохни». Так и только так он воспринимает призывы к экономической самостоятельности. Отсюда такая популярность в России патерналистской модели политики. Спрос на садовника, который всех прополет, польет и подстрижет, никуда не делся. Более того, появление кандидата на эту должность совпало с началом экономического подъема, и в глазах подавляющего большинства населения одно оказалось неразрывно связано с другим. Можно сколько угодно доказывать, что для экономического роста необходимы куда более серьезные предпосылки, чем заявления одного человека, мало в чем искушенного, за исключением, может, специфической спецслужбистской деятельности. Условный рефлекс уже выработался и сохранится до тех пор, пока имя Путина ассоциируется с экономическим благополучием, а не с экономическими проблемами.

Проекты Империи. Нацвопрос. Кондопога

Немало в прессе спекуляций на имперские темы. **Павел Святенков («Империя и ее имперцы»** — АПН, 23 июня) декларирует враждебность имперской идее. За что бы ни боролись имперцы — за построение в России Европы, отличной от натуральной, могучей Евразийской империи в союзе с Китаем (либо без союза с Китаем, но в союзе с Ираном или Казахстаном — варианты многообразны), за «Третий Рим», нововизантийскую империю и завое-

вание Константинополя (и тут вариантов масса), — они едины в одном. Во взгляде на русский народ как на скот, который по неизвестной причине «обязан» построить им Третий Рим, Межгалактическую коммунистическую империю, Неоевропу, Светлое Царство коммунизма имени Льва Давидовича Троцкого и тому подобные фантастические государственные образования. Что бы ни говорили имперцы, смысл их идеологических построений всегда один: русский народ обязан совершить коллективное самоубийство во имя высокой миссии. Имперцы грезят эмиграцией в фантастическую страну. Русский народ в рамках имперской концепции мыслится транспортным средством — ослом или лошадью, призванным доставить имперца в вожделенную империю. А что ишак сдохнет по дороге — так то пустячки, дело житейское, такова его евразийская «православная» всечеловечная имперская судьбинушка. Стоит приглядеться к имперцам. Кто они? *«Массовый имперец — не совсем русский, но и не совсем нерусский. Имперство — идеология полукровок. Еще точнее — имперство есть идеология людей, по тем или иным причинам испытывающих проблемы однозначной идентификации с той или иной нацией и потому ищущих для себя специфическую универсальную идеологию, которая могла бы снять это противоречие. Классический имперец — по папе еврей (или татарин), по маме русский. Жуткое сочетание»*. По логике Святенкова, таких полукровок нужно как-нибудь скорее «принять в русские» и тем самым обезопасить. *«На самом деле проектом является государство. Государство — проект русского народа. Именно строительство государственности на данном этапе является объединяющим началом. В появлении нормального государства заинтересованы все, как русские, так и остальные народы России. Смею предположить, и сами имперцы. Отказ от сырьевой экономики, демократия, патриотизм. Плюс переход к нормальному для любой демократической страны режиму государства-убежища для русских. Больше ничего на данном этапе не требуется»*.

Святенкову возражал православный империалист **Дмитрий Володихин («Почвенная империя»** — АПН, 6 июля): санкции истерической жертвенности для русских имперство не содержит. Империя *«подразумевает авторитаризм, а также мощь государственной машины, достаточную для решения основных внешних и внутренних проблем. Многие также видят в Империи своего рода чашу, стенки которой сохраняют "сверхценность" — основной культурный стержень данного цивилизационного сообщества (в нашем случае — православие)»*. Имперский авторитарный центр при оптимальном варианте занимается разработкой внешней и внутренней политики на основе доктрин, которые формулируются на русском языке, в соответствии с русской культурой, с максимами православия и социально-экономическими интересами русских. *«Иными словами, нужна почвенная империя, как бы странно это ни звучало. Не только "силами русских" строится Империя, но и ради русских. Так зачем же гробить самих себя?»*

Невнятно, но бодро в спор включился и политтехнолог **Глеб Павловский («К дискуссии об империи»** — АПН, 6 июля). Империя по-русски — *«какой-то пароль стадной безмозглости. Сперва затопили газеты добровольно на себя принятым словцом "империя", приравняв его к похабели (1988–1991), затем без передыху — подцепив хульное словцо, не добавляя ничего к его ску-*

дости, но взалкав запоздало, зажав в кулачок, терзают долгой суходрочкой <...> И всякий раз "ура-ура", ни разу себя ни о чем не спрашивая — что за империя, откуда взялась, кто потерял и почему нашлась?!» Из дальнейшего можно предположить, что Павловский видит такую альтернативу: *«стать и остаться Россией»* — либо *«решить отказаться быть Россией, став вместо этого небывалой Нормальной Страной»*. Там и тут большие риски.

Свой взгляд у империалиста **Аркадия Малера** (**«Три пароля Новой Правой. Часть II. Пароль второй — империализм»** — «Русский Журнал», 27 июля). Империя — это единственно нормальное состояние России. Далее Малер расшифровывает тезис об «имперских» амбициях России. Украина, Белоруссия и Казахстан — *«территория этих государств — историческая часть русской цивилизации, следовательно, их реинтеграция есть вовсе не имперская экспансия России, а только ее воссоединение в едином, мононациональном, хотя и полиэтническом государстве <...> да, существует русский империализм, и да, существуют русские империалисты, видящие Россию перманентно расширяющейся империей. И не только для того, чтобы вернуть утраченное, а для того, чтобы обрести новое»*. «Новые правые» *«должны честно признаться: да, мы империалисты, и мы были ими всегда, потому что считаем нашу страну — образцом для подражания, нашу культуру — лучшей из всех возможных, нашу религию — абсолютной истиной. И мы не хотим довольствоваться всем этим в своем интравертном мирке, мы хотим открыть наши ценности миру. И мир станет нашим. Или мы сомневаемся в их абсолютном значении?»*

Александр Проханов (**«Битва за «Пятую Империю»»** — «Завтра», № 26, 28 июня) провозглашает рождение «Пятой Империи» — *«нового кристалла русской государственности, в котором преломляются разноцветные лучи неразрывной русской истории»*. Патетический захлеб автора лишен меры: *«Все — и земля, и небо, и горнии духи, и силы мглы, — свидетельствуют: родился дивный младенец. Он обнаружен. Враги России кинулись на него авианосными армадами и космическими группировками, «агентами влияния» и наемными убийцами, магами и чародеями, — желают младенцу погибели. Русские патриоты, очнувшись от многолетней тоски и обморока, узрели новорожденное чадо, устремились к нему. Окружили кольцом обороны, заслоняют от врагов. Мы, газета «Завтра», присоединяемся к сонму защитников. Ведем битву за «Пятую Империю» — новую ипостась Государства Российского»*. Относительно места, где обретается «младенец», Проханов утверждает: *«Враг заблуждается, надеясь обнаружить младенца в Грановитой палате или в тайном бункере Ракетных войск, или в голубой хрустальной башне Газпрома. «Империя» — это вихрь, прозрачная волна, скорость света. Проповедь с амвона. Слово в стихотворной строфе. Она неуловима, везде. Прорастает повсюду, как вешняя трава. Покрывает еще недавно голую, холодную землю золотом одуванчиков. Разносится бессчетными семенами, залетая в каждое сердце. Сердце начинает биться живей. Становится вместилищем духа. Из него начинает свой рост божественный цветок. Золотой, как солнце, одуванчик русской «Империи»»*.

В пространной беседе с **Анатолием Чубайсом** («Завтра», сентябрь, № 38) **Проханов** признается, что «созревший в среде патриотов» проект «Пятой

Империи» *«не наполняется пока никаким конкретным содержанием»*. Что он и сам не знает, *«какая это будет Империя: коммунистическая, либеральная, фашистская, теократическая или какая-то иная имперская мегамашина, — только исторический процесс покажет, что будет стоять за этим термином»*. Чубайс же в ответ развивает свой концепт либеральной империи. Основная суть — стать региональным США–знаменосцем свободы на пространстве СНГ: *«...активная поддержка свободы, прав человека. Либеральная империя должна не на штыках держаться, а на привлекательности России, на образе нашей страны, нашего государства как источника справедливости, защиты. Империя — это не «покоренные народы», не присоединенные земли. Это не только и даже не столько зона интересов, сколько зона ответственности. В моем понимании Россия станет либеральной империей тогда, когда в соседних, в исторически связанных с нами странах люди будут уверены в том, что мы хотим, чтобы они были свободны, что произвол и жестокость по отношению к ним мы осуждаем. И что мы будем предпринимать все законные меры для того, чтобы их права и свободы были должным образом обеспечены. И в этом, я думаю, миссия нашей великой страны по отношению к ее соседям»*. Другая задача — освоение неорганизованного, неиспользуемого пространства внутри страны. Обустройство, внутренняя экспансия — глобальная задача для нашей страны примерно лет на сто вперед... В основном же Чубайс смотрит на происходящее оптимистично и видит сегодня благие плоды удачного исторического посева в 90-е годы.

Журнал «Credo New» (№ 1) публикует интервью с руководителем теоретического отдела исследовательской группы «Конструирование Будущего» **Сергеем Переслегиным**, который признается в том, что он марксист, и делится довольно химерическими представлениями о российской цивилизации (четвертой, наряду с европейской цивилизацией, цивилизацией Востока и цивилизацией Ислама). Мы пытаемся строить собственную проектность. *«Если в геополитике у нас все плохо совсем, в геоэкономике плохо все кроме энергетики, но она настолько сейчас важна, что дает возможность держаться впереди, то есть в разряде сильных держав, то в геокультурном плане мы входим в первую четверку»*. Под конец Переслегин прогнозирует: *«В ближайшие 10–15 лет России неизбежно предстоит вести крупную войну, но вот какая это будет война — такая, как Вторая мировая, или такая, как, например, шестидневная война в 1967 году, это вопрос. Или, вообще, это сможет быть ситуация, при которой война вроде была, и победа есть, а выстрелов не было». «Есть некий Сюжет (с большой буквы), динамический Сюжет, управляющий миром и случайностями, согласно которому вполне вероятно в каждую историческую эпоху новая военная история начинается столкновением России и Японии»*.

Михаил Пожарский (**«Отделяйтесь!»** — «NaZlobu.Ru», 9 сентября) излагает базисную ситуацию. В карельском городе Кондопога (47 000 человек) произошел конфликт чеченцев с русскими. С приездом милиции конфликт вроде как закончился. Но затем приехали другие чеченцы «на помощь», столкнулись с другими русскими, которые отмечали новоселье. На предложение «один на один» чеченцы отреагировали вполне «благородно» — проткнули ножом предлагавшего (так что вышел со спины — по свидетель-

ствам очевидцев), затем принялись за остальных, что в итоге дало четыре русских трупа. Клуб «Чайка», в котором все это произошло, принадлежал чеченцам Имановым. *«Далее, милиционеры заперли нескольких подозреваемых чеченцев в клетку (где тем, конечно, самое место). Жители собрались на митинг, со всего города. ОМОН тоже собрался, со всей Карелии. Русский ОМОН прессует русских жителей. Русский русскому у нас волк, опять же. Местные же власти, вероятно, переживают за сохранность бизнеса. Упомянутую «Чайку» в итоге спалили. <...> Далее, по Интернету ходит невнятная информация о том, что де внутри местной чеченской диаспоры раздают автоматическое оружие. Т.к. легкое стрелковое у них, вероятно, и так на руках — речь, наверное, должна идти о пулеметах. Также пишут, что якобы чеченцы и азербайджанцы отсылают свои семьи в другие города. В Кондопогу прилетел Белов из ДПНИ, читал речи».* Пожарский солидарен с мнением В. Голышева (см. обзор в прошлом номере): *«иммиграция, диаспоры, ОПГ[1] — это не просто стихийный набег голодных кавказских хищников на богатые постсоветские рынки. Это государственная программа. С Кавказа сознательно не выпускают русских, но поощряют миграцию самих кавказцев в Россию».* Диаспоры в ситуации тотальной коррумпированности общества ведут себя как нож в масле. Армия все больше комплектуется выходцами с Кавказа и Средней Азии. В следующие несколько лет мы получим всплеск нескольких видов бизнеса — отъем бизнеса (рейдерство), отъем квартир (чаще в крупных городах), торговля донорскими органами. Заниматься этим, скорее всего, будут этнические ОПГ, под надзором русских (и не очень) государственных структур. А большинство русских «кланами» не обладают, по «кодексам» не живут. Русских много (это пока) — русские к этому привыкли, русские друг другу волки. А реакция русских на кавказское вторжение — лежать на печке и ждать. *«Русские служили империи. Империя мертва, русские пока живы, но если русские останутся имперцами мертвой империи — это ненадолго. Поэтому все имперские разглагольствования, все россказни про Третий Рим, православную (или пятую) Ымперию — сейчас это первейший и самый действенный способ национального самоубийства. Следует, наконец, понять: те проблемы, которые мы нынче имеем с иммигрантами и антинародной властью, — они именно оттого, что русские до сих пор имперцы, подданые мертвой империи. Нужно опираться на другие ипостаси русского народа, на «иную русскость» — новгородскую, казачью, разинскую etc. Благо, свободомыслящих, «иных русских» (а не смердов государевых) в России осталось еще довольно много. Но скоро не будет — часть уедет, часть пересажают или убьют. Уничтожат как класс. Альтернатива имперству — нация и национализм, самоопределение «снизу»». «Русским для жизни требуется русское государство, коим РФ не является ни в коей мере. Русское государство, где определяющая часть благ будет принадлежать официально провозглашенной титульной русской нации. И все ветви власти будут служить ей же. А ныне, относительно здоровым окраинам странного государственного образования РФ (оно же «кремлевская ОПГ»), можно дать только один дельный совет — отделяйтесь! На сегодняшний день это — единственная воз-*

[1] Организованные преступные группировки.

можность освободиться от разнообразных этнических мафиозных кланов и от властей, их упорно прикрывающих, делящих с ними прибыль. Создавайте свою собственную милицию и армию, свою экономику. Станьте первой ласточкой. Пусть за вами последуют другие. И так до тех пор, пока вся Россия не отделится от РФ, превратившись, наконец, в русское государство».

Вадим Штепа в ответ (**«Определяйтесь!»** — «NaZlobu.Ru», 15 сентября) предостерегает: *распад РФ* в условиях существующей государственной структуры, будет мало чем отличаться от *распада СССР*, где власть в большинстве «независимых государств» осталась в руках все той же партийной номенклатуры, наскоро «национально» перекрасившейся. Вообще, не нужно воспринимать государство как некую самоцель, считая его главным критерием наличия собственной цивилизации. «*В нашей Новгородской республике... вообще не знали понятия "государства" в смысле некоей бюрократической машины, стоящей над народом, автономной от него, и требующей поклонения самой себе, <...> вместо лозунга "Отделяйтесь!", я бы выдвинул альтернативный — "Определяйтесь!" К чему нам следует возводить русскую историю — к Новгородской республике или к Московскому царству? Кем мы хотим себя чувствовать — свободными гражданами или "холопами царя-батюшки"? <...>Еще один выбор, с которым следует определиться — какой мы хотим видеть свою страну: унитарной или многообразной?» Ранняя, северная Русь была многополярной «Гардарикой. До Орды было много разных Русей, и при общности языка и веры в каждой развивалось особое хозяйство и культура». «Поэтому пора уже определиться и с пониманием "русскости" на шкале "консервативное-революционное". Сегодня большинство "русских националистов", увы, мыслят именно консервативно. Они желают лишь сохранить житейские и психологические стандарты позднесоветского "русскоязычного населения". Но консерваторы в истории всегда проигрывают... "Революционеров" в русском национализме пока немного. Это люди иного антропологического склада — "варяжского" и "первооткрывательского". Как и варяги, они мыслят Русь как новую цивилизацию, которую еще надо построить, и именно в новых глобальных условиях. Всякий "охранительский" пафос им чужд, да и просто скучен...»* Штепа предлагает создать систему автономных, но взаимосвязанных региональных Народных Фронтов, которые явочным, «вечевым» порядком будут осуществлять гражданское самоуправление — вместо отчужденной, чиновничье-полицейской «вертикали».

Роман Коноплев (**«Нанизанные на вертикаль»** — «NaZlobu.Ru», 11 сентября) предупреждает: пожар погромов в течение ближайшего полугодия способен охватить всю центральную часть страны. *«Мечты некоторых политических проходимцев о том, что в огне этого костра "будет выкована новая русская нация" я оставляю на их совести. Никакие полицейские меры — вплоть до копирования порядков Третьего рейха — здесь не помогут. Мы потеряем страну навсегда».* Эпоха построения «новой России» привела к неведомому доселе уровню маргинализации значительной части коренного населения страны. Уличная «партия мести» ждет своего часа. Это час расплаты за собственное унижение и обманутые надежды. Только очень наивные люди могут думать, что ее мишенью станут кавказцы. Это будет бессмысленный и беспощадный уличный террор, в котором будут только случайные жерт-

вы. Унижение свободно перетечет в чистое — дистиллированно чистое — насилие, перед которым в наиболее уязвимом положении окажутся именно наиболее слабые и незащищенные. Никакого велосипеда изобретать не следует. В первую очередь речь идет о безоговорочном обеспечении гражданам России полноценного избирательного права. Необходимо разработать механизмы обеспечения гражданского контроля над силовыми структурами на местном уровне. В том числе и через институт выборов руководителей РОВД на местах. Любое ограничение гражданских свобод в нынешних условиях означает полный разрыв и без того слабой сопричастности коренного населения страны к происходящему. Вместо нормальных частных политических инициатив (безжалостно вытаптываемых властью) мы уже сегодня имеем тысячи абсолютно не политизированных уличных банд.

Евгений Варшавер («Как избежать Кондопоги» — «ПОЛИТ.РУ», 18 сентября) полагает: государству надо противостоять любым проявлениям «теневой» власти бандитов — вне зависимости от их национальности. Не забывая при этом о роли Движения против нелегальной иммиграции как фактора разжигания межнациональной розни.

Между тем **Петр Милосердов («Закрытие России»** — «Каспаров.Ru», 19 июня) характеризует общественную ситуацию в Карелии. На смену леспромхозам идут «харвестеры» — механизированные комплексы по рубке и обработке древесины — небольшие проходческие щиты по добыче леса. Обслуживают такой щит несколько человек, леспромхозы с их сотнями работников не нужны. Эффективно экономически? Если, конечно, не брать в расчет того, что леспромхозы занимались не только рубкой леса, но и посадкой деревьев (чтобы было что рубить и через 50 лет), защитой от вредителей, глубокой переработкой древесины, позволяющей получать прибыль не с оборота, а с прибавочной стоимости. «Харвестеры» же безжалостно вырубают лес, проводят его первичную обработку. Затем, с минимальной прибылью, он идет прямиком в Финляндию, возвращаясь в Россию тоннами офисной бумаги и глянцем журналов. Вокруг леспромхозов еще недавно, меньше десятилетия назад, шла жизнь. Существовала «социалка» — больницы, школы, библиотеки, собесы. Говоря языком современной демографии, они были структурами расселения. Сегодня леспромхозовские поселки умирают. На смену больницам приходят ФАПы (фельдшерско-акушерские пункты), затем и ФАПы «оптимизируют», сокращая их количество (это притом, что от поселка до поселка километров 20). Закрываются сберкассы, и чтобы получить пособие на ребенка, зачастую нужно потратить 200 рублей на проезд до райцентра и обратно — считай, полпособия нет. Но главное — нет работы. Никакой. В поселке, где живет несколько сотен человек, нечего делать. Карелия скатывается в дофеодальную эпоху. Основным занятием (оно же — заработок) становится собирательство, рыболовство и охота. Плюс — самогоноварение, впрочем, постепенно сдающее позиции сверхдешевой (от 20 рублей за бутылку) паленой водке. За вымиранием поселков идет разрушение дорог: зачем ездить туда, где никто не живет? Территория, на карте покрытая красными жилками дорог, превращается в островки дряхлеющей цивилизации в райцентрах с дичающими, десоциализирующимися гражданами. Заглянуть в будущее Карелии совсем несложно. За 10 лет на-

селение уменьшилось на 100 тысяч человек, с 800 до 700 тысяч. Лет через тридцать Республикой Карелия будет называться Петрозаводск и 3–4 относительно крупных райцентра. *«С Карелией граничит Финляндия. Там точно такой же климат и природные условия. И граждане там тоже любят выпить. Однако там, на территории примерно раза в два большей, проживает в семь раз больше народу. Государство Финляндия не торгует только что срубленным лесом и не обещает векселя за второго ребенка <...> Там разрабатывают бытовую электронику, а образование — бесплатно для всех. Почему так? Да потому, что финны не строили "сырьевую державу", и не собирались продавать дрова по всему миру».*

Координатор рабочей группы «Медиа» международной молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) **Александр Трифонов («Homo postsoveticus»** — «Каспаров.Ru», 17 июля) выступает против ликвидации национально-территориальных автономий. Впервые в российской истории возобладало полное и решительное наступление унификации на многонациональное своеобразие государства. Народности России перестали быть субъектом права. Называлось это «приведением регионального законодательства в соответствие с федеральным». Но если региональные органы законодательной власти в национальных республиках и автономиях штампуют законы из Центра, не имея возможности отразить в них местную специфику, если система органов власти субъектов впервые за тысячу лет российской истории не может иметь региональные особенности, то какая же это федерация? *«Сегодня вам, коренные народы России, надлежит сидеть тихо и ждать ликвидаторскую команду из Центра. И чтобы никаких особенностей! Выделяться из общей кучи россиян не разрешено. Захотят, закроют все мечети под предлогом борьбы с ваххабизмом, как кое-где на Кавказе. Захотят, лишат вас права учреждать собственный алфавит на основе латинской графики. И попробуй объясни, что, например, карельскому и вепсскому языкам латинская графика подходит куда лучше кириллицы. И литературные языки эти развивались на основе преданной анафеме латиницы. Могут и вовсе лишить вас автономии, что и проделали с мирными коми-пермяками».*

Оппозиция

«Lenta.ru» публикует выступление **Станислава Белковского** на упомянутой конференции «Другая Россия» (13 июля). Он замечает: революции в нашей стране всегда случались тогда, когда верховная власть, достигнув крайней степени интеллектуального и морального разложения, фактически снимала с себя ответственность за судьбу России. Так было в 1917, 1991 годах. Эта опасность грозит нам и сейчас. Всесторонняя деградация режима Владимира Путина идет семимильными шагами. Те, кто правит сегодня Россией, воспринимают власть не как миссию служения своей стране и народу, не как орудие большого созидания, а исключительно как инструмент кормления. Идея ответственности перед страной, перед ее народом и историей сегодняшнему правящему слою абсолютно чужда. Они живут и действуют как бы вне времени, исключительно «здесь и сейчас», ничего не зная и не думая ни о российском прошлом, ни о российском будущем.

Цинизм, абсолютное пренебрежение к собственному народу, который они называют «быдлом», уже стали фирменными знаками нынешнего режима. «После нас — хоть потоп», «А будут ли нас прославлять в грядущем — не все ли равно» — вот логика действий правящей корпорации... Как затишье предшествует буре, так революциям нередко предшествует период обманчивой буржуазной стабильности. Вернее, иллюзии стабильности, связанной с тем, что правящая элита перестает адекватно оценивать обстановку в стране и смотрит на все через призму калорийности своих обедов и ужинов. Сегодня кремлевские и околокремлевские персонажи пытаются убедить нас в том, что в России царит долгая сонная стабильность, что народ всецело увлечен потребительскими кредитами на покупку кофеварок и стиральных машин, и пока нефть высока — все будет исключительно хорошо. Ну а там, собственно, — хоть потоп. Ведь пятизвездочный ковчег уже подогнан к причалу элитного яхт-клуба: до великого падения нефти капиталы российской правительствующей группы будут полностью вывезены из страны и легализованы на Западе. На том самом Западе, к которому облезлые путинские клевреты, на самом деле пуще всех напастей боящиеся простого американо-швейцарского прокурора, так дерзновенно пытаются задираться. ...Стабильность в современной России действительно существует. Это стабильность неизлечимо больного, который узнал, что нет лекарств, способных вернуть ему шанс на выздоровление, и потому махнул на себя рукой. Стабильность разложения и распада. Исполнительная власть на всех уровнях перестала выполнять свои канонические функции и превратилась в рыхлое собрание крупных воров и мелких воришек. У России уже фактически нет армии. Превращается в груду строительного мусора оборонно-промышленный комплекс. Уничтожается фундаментальная наука, РАН скоро будет превращена в контору по торговле недвижимостью. Ликвидируется уникальная национальная система образования. Бесплатное образование и медицина для всех заменяются платными — для очень и очень немногих. Уверенно и быстро идет китаизация Сибири и Дальнего Востока. Россия теряет контроль над Северным Кавказом; передав Чечню в безраздельное владение кадыровскому клану, Кремль фактически легализовал утрату контроля над этим регионом. Жители России все менее ощущают себя частью единого национально-государственного организма. В результате длительной негативной селекции вверх по социальной лестнице поднимаются исключительно сервильные ничтожества, которые и формируют стандарты в современном российском обществе. Главный же критерий и едва ли не источник морали для этих людишек — близость к кормушке. Если тебе повезло и ты оказался в нужное время в нужном месте, где раздавали какую-то часть имперского материального наследства, — ты правилен и морален. Если нет — то нет. Российская элита все более превращается в коллективного паразита-дегенерата, образ которого окончательно распугал постсоветское пространство и положил конец нашему политическому доминированию на евразийском хартленде. И все эти разрушительные процессы нашли в прошлом году свое идеологическое обоснование: оказывается, мы строим «энергетическую империю». То есть, если называть вещи своими именами, сырьевую колонию, большую евразийскую Нигерию, в которой все негативные процессы

сразу становятся как бы позитивными: ведь ни наука, ни образование, ни армия, ни геополитические амбиции такой колониальной территории просто не нужны. И депопуляция тоже из трагедии превращается во благо: ведь для обеспечения бесперебойной добычи сырой нефти и природного газа вкупе с поддержанием гуманитарной сферы ночных клубов и казино больше 50–60 миллионов дорогих россиян просто не требуется. И никакие магические заклинания президентских посланий не могут отменить объективную логику процесса: народ, который не видит своего будущего и не верит в будущее, не станет рожать детей. Хоть давай ему мятую несколькосотдолларовую подачку, хоть не давай. Все в России сегодня примитивизируется, упрощается, источает аромат гнили. Если пользоваться определением Константина Леонтьева, страна вошла в полосу вторичного смесительного упрощения, что может свидетельствовать о скорой гибели уставшей российской цивилизации. Этот фундаментальный кризис и может вылиться в революцию, которая подведет черту под 1200-летней историей России. Чтобы избежать революционного взрыва, России нужна мирная смена элит. На смену нынешней банде криминальных паразитов должны прийти люди, которые хотят и могут строить новое государство, которые руководствуются идеей служения и видением великого будущего России. Это и есть основа для объединения всей русской оппозиции — от коммунистов до либералов, от приверженцев «Родины» до сторонников «Яблока». Выбор России сегодня очень прост. Если ты за сырьевую колонию и постепенное превращение России в западную провинцию Китая — голосуй за «Единую Россию» и путинского последыша. Если же ты за великую, независимую и свободную Россию — встань против путинщины, поддержи единого кандидата от российской оппозиции. Все прочие идеологические, тем более личные противоречия между оппозиционерами — ничто по сравнению с самым главным, основополагающим выбором. Ругаться будем потом — сначала надо выиграть, причем выиграть в 2008 году. Ни каплей позже. *«Мы собрались здесь для того, чтобы обеспечить реализацию операции "Преемник"».* Единый кандидат в президенты, которого мы обязаны выдвинуть, будет преемником всей исторической России, а не суетливым кассиром воровской шайки, умеющим разве что распихивать по офшорным карманам шальные нефтегазовые деньжата. *«Мы собрались здесь для того, чтобы защитить Владимира Путина и его окружение. С учетом того что эти люди сделали с Россией, как они воспользовались данными им возможностями и полномочиями, их изобильным жизням правильно было бы закончиться в краснокаменских колониях. Мы будем молиться за них, чтобы их коллективная старость прошла где-нибудь у аргентинских атлантических берегов, в окружении благодарных потомков лабрадора Кони и пони Вадика, под немолчный рокот выживших членов Общественной палаты. И нынешние правители России, хоть они в Бога и не веруют, должны молиться за то, чтобы именно мы пришли к власти: потому что только мы гарантируем им милосердие. Если президентом станет полковник Владимир Квачков, он повесит их всех на Лобном месте вниз головой. Мы пришли дать свободу Владимиру Путину. Свободу от непосильного для этого жандармско-бандитского подполковника бремени править и управлять Россией. Свой потолок компетентности (по принципу Питера)*

В.В. пробил еще много лет назад — на посту заместителя мэра Санкт-Петербурга». Белковский замечает также: ставка на крупный российский бизнес для современной российской оппозиции — наивна и ошибочна. Именно крупный бизнес сыграл ключевую роль в создании критикуемой нами системы и выдвинул в президенты России Владимира Путина. Выгодоприобретатели приватизации 1990-х годов — опора этого режима, а вовсе не наши союзники. Эти люди могут тихо поругивать Путина на своих виллах на Лазурном Берегу, но они куда больше заинтересованы в сохранении status quo, нежели в приходе новой, национально и социально ответственной элиты российского общества. Им не нужно реальное гражданское общество, потому что деньги, как гласит постсоветская поговорка, «любят тишину». Они хотели бы видеть рядом с собою приусадебные PR-хозяйства, легко используемые в коммерческих конфликтах, но отнюдь не реально независимые и сильные общественные структуры. Кремлевская клептократия устраивает крупных бизнесменов гораздо больше, чем реально свободная великая Россия, где каждый гражданин наделен своими неотъемлемыми правами и своими обязанностями перед родиной. Наша главная опора, движущая сила объединенной российской оппозиции — это интеллигенция. Учителя, врачи, ученые. Главные жертвы деимпериализации, деинтеллектуализации России, процессов вторичного смесительного упрощения. Именно к десяткам миллионов таких людей, образующих костяк активной части народа, должен быть обращен призыв оппозиции.

Белковский составил также **«Катехизис оппозиции»** («Ежедневный журнал» и «NaZlobu.Ru», 27 июля) в форме вопросов и ответов. Этот режим — власть классических торговцев, людей, живущих внутри нескончаемой схемы «деньги — товар — деньги». Так называемая энергетическая империя — это не доктрина национального развития, а политтехнологическое оправдание сегодняшней правящей корпорации. Стране, которая объявила своей единственной задачей добычу-экспорт сырой нефти и природного газа, ни индустрия высоких технологий, ни образование, ни наука, ни геополитические амбиции, ни гении с героями, ни развитая политическая система с уверенным гражданским обществом просто не нужны. Нет потребности и в дееспособной армии: безопасность сырьевой провинции, которую в PR-целях назвали целой Империей, обеспечат счастливые потребители стабильного сырья. Концепция «сырьевой провинции» не позволит даже удержать Россию в ее нынешних границах: уже через несколько лет Сибирь как главный источник и фактический поставщик священных ископаемых ресурсов заявит свои особые права на нефтегазовые доходы, и с этого момента фактический раскол страны по Уральскому хребту станет неизбежным. Европейская часть России утратит свое влияние. В Сибирь придет Китай. Нынешний вариант развития ведет Россию к гибели и распаду в перспективе 5 — 7 лет. А потому властвующий режим должен быть как можно быстрее сменен. Россией должны править не торговцы, но воины и философы, понимающие значение великих общностей и способные сформулировать для всей России новый модернизационный проект. Большой современный смысл России состоит в том, чтобы предотвратить безмерно-всемирное усиление Китая и тем самым спасти цивилизационное равновесие

в мире. Цель объединенной оппозиции — вытащить Россию из колеи деградации, остановить превращение страны в сырьевую провинцию, спасти от разрушения российскую цивилизацию, соединить имперские ценности с идеалами свободы. Задача объединенной оппозиции — взять власть в России, причем не позднее 2008 года. Участником объединенной оппозиции может быть коммунист и либерал, националист и социал-демократ. Идеологические споры придется возобновить после общей победы. Оппозиция в современной России — это не идеология, это — сумма аксиом, определенное понимание мироздания. Выбор должен быть негромким, но вполне четким. Оппозиция способна победить только как многомиллионная сетевая структура идеологически мотивированных людей, ориентированная на единого лидера — фигуру, которая, может быть, многим не нравится, но зато всех устраивает — хотя бы как символ. ...Если России суждено сохраниться в истории — мы победим. Если наша страна обречена на смерть — проиграем. Главное этическое правило оппозиционера: делай, что должен, — и будь что будет. Другого все равно не дано.

Яростный критик режима **Владимир Голышев** (**«Срезал»** — «Каспаров.Ru», 19 июля) возражает тем, кто требует от оппозиции позитивной программы. *«Вместо виноватого пыхтения ответьте вопросом на вопрос: "А у действующей власти программа есть?"»* Есть конкретный коммерческий интерес и маскирующая этот интерес пиаровская дымовая завеса. *«Или в 2000 году вчерашняя серая мышь в кимоно уселась в президентское кресло с программой под мышкой? Да ничего подобного! Была война в Чечне. Был имидж "крутого парня". Были некоторые элементы популярной державно-патриотической риторики. И все. А дальше программа была? Не было. Был курс на узурпацию власти. Проводился он жестко и последовательно. Но это было лишь "овладение инструментом", а не сама операция. Саму операцию мы видим сейчас. Выяснилось, что это операция с ценными бумагами»*. Признаки «программы» можно было обнаружить лишь в робких трепыханиях Козака до его ссылки на Кавказ. Смена власти во всех нормальных странах — это не катастрофа, а рутина. *«Путинщина цинично эксплуатировала и эксплуатирует миф о "добром царе" — как самом надежном подателе всякого блага. Мол, страна у нас больно большая и сложная, не до "демократического баловства" — нужна крепкая рука, уверено скользящая по эрегированной вертикали. Туда-сюда, туда-сюда. И тогда страна непременно забудется в сладкой истоме. А в итоге получили ИЧП[2] "Кремль" по пошиву карманов, которые нужно "держать шире". Оппозиция сегодня — это совокупность всех тех, для кого очевидно, что путинщина — тупиковая ветвь эволюции. На ней нельзя вить гнездо, вешать качели или "тарзанку", совещаться с приблудными сурками, слушать присевшего на нее соловья. Ее нужно спилить, ободрать и спалить. А пепел выкинуть на помойку. Те, для кого это не очевидно, автоматически зачисляются в кремлевский полк. Им будут выданы штаны на вате и батистовые портянки»*. В пример России Голышев ставит Украину, где происходит триумф идеалов Майдана и торжествует настоящая парламентская демократия. Янукович побеждает, но он становится главой другого государства. Госу-

[2] Индивидуальное частное предприятие.

дарства, которое родилось на Майдане. *«Кто теперь кинет в них камень и скажет, что лидеры Майдана рвались к креслам, портфелям и кормушкам, когда они, не моргнув глазом, их отдают? Кто, кроме российского телевидения, осмелится сомневаться в том, что тест на демократию Украина прошла? В том, что она больше никогда не будет "страной, похожей на путинскую РФ"...»* Далее Голышев излагает основные цели оппозиции, имея в виду гражданское общество демократического типа. Средством он видит не диалог с властью, а ликвидацию режима, прогнозируя возникновение стихийных акций гражданского неповиновения. В этих условиях оппозиция должна будет взять на себя организационные функции, консолидировать людей, снабдить их информацией, оказать правовую и техническую помощь. Дальнейшую роль оппозиции в формировании новых органов власти определят выборы.

В другой публикации на сайте (**«Лагерная пыль»**, 10 июля) **Голышев** призывает национал-патриотов и либералов отказаться от межлагерной борьбы. «Другая Россия» — первая сознательная попытка отказаться от альфы и омеги российской политики — лагерной логики. Оппозиция должна отстаивать ценности и идеи противоположные тем, которые отстаивает власть. Должна настаивать на закреплении за Россией максимально высокого цивилизационного статуса или, по крайней мере, на том, что процесс ее экономической, социальной, политической, информационной и всякой иной деградации должен быть немедленно остановлен. *«В конце концов, вполне достойной можно признать и программу минимум: создание действующему руководству РФ помех в проведении его человеконенавистнического курса. Собственно, нацболы — главные враги Кремля — именно этим и занимаются»*. Обязательным условием успеха следует признать принципиальный отказ от любых форм сотрудничества с властью. Необходимо также воздерживаться от конфронтации с любыми политическими и общественными организациями и группами, выступающими с общеоппозиционной («нелагерной») платформы.

Исторические процессы и даты

Сергей Черняховский (**«Бесполезные реставрации»** — «Газета.Ru», 19 июля) тщательно сравнивает исторические циклы 1789–1799 годов во Франции и 1989–1999 годов в России (СССР). Он находит сходство, заставляющее поверить в полумистические нумерологические закономерности. *«Однако разница заключается в месте и векторе десятилетия 1789–1999 и 1989–1999 годов на общей линии исторического развития страны. Во Франции это десятилетие было десятилетием начала модернизации, открывавшим послереволюционную историю страны. В России период оказывается на деле периодом не модернизации, а контрмодернизации»*. Нынешнее правление в России несет в себе одновременно три подобия. С одной стороны, оно является подобием Реставрации Бурбонов с его попыткой вернуть страну в предреволюционный (предмодернизационный) период. С другой — подобием Второй империи Луи Бонапарта, сменившей Вторую республику 1848–1851 годов, с его попыткой превратить сохраняющиеся демократические институ-

ты в марионеточную ширму авторитаризма. С третьей — подобием правления победителей Коммуны, с идеей Тьера республики без республиканцев, чем-то сильно напоминающей идею управляемой демократии. Общим всех этих трех периодов во французской истории является то, что все они обладали определенным блеском и величием апелляции к прошлому, но все представляли нисходящие фазы в больших волнах, наступивших за Великой французской революцией, и были обречены на поражение, несмотря на все частные успехи. Все они претендовали на роль окончания революции. Но революции заканчиваются не тогда, когда от власти устраняются их лидеры и наследники, а тогда, когда оказываются решенными породившие их цивилизационные задачи. Пока они не решены, будут вновь и вновь вызывать к жизни сменяющие друг друга дочерние революции, одну за другой сметающие со своего пути все реставрационные попытки и их последствия.

Татьяна Ворожейкина (**«Ускользающий выбор»** — «Газета.Ru», 10 июля) полагает, что страна прошла несколько очевидных развилок. В 1991–1993 годах был сделан сознательный выбор в пользу капитализма сверху — путем конвертации власти в собственность, а не снизу — через предоставление режима наибольшего благоприятствования мелкой и средней собственности, которая развивалась бы параллельно государственному сектору, постепенно вытесняя его из наиболее прибыльных сфер экономической активности. Этому соответствовал и политический выбор — ориентация на использование сложившихся управленческих структур для достижения экономических целей (либерализации рынка и приватизации госсобственности) в кратчайшие сроки. Отказ во имя глубины и быстроты экономических преобразований от медленного пути демократической трансформации власти, который потребовал бы постоянного согласования интересов путем политических компромиссов, решающим образом сказался на судьбе крупной частной собственности. С середины 1990-х годов она зависела в первую очередь от сохранения традиционной системы власти в лице ельцинского режима, именно на нем и держалась так называемая олигархическая система. На сохранение этой власти с 1993 года были направлены основные усилия реформаторов. Ради этого был разогнан Верховный Совет, ради этого была начата в 1994 году чеченская война, ставшая одним из важнейших факторов деградации и государства, и общества. Простые, силовые решения сложных проблем утвердились в качестве основного способа воздействия власти на общество. Способ, которым была создана крупная частная собственность — путем прямой конвертации власти в собственность под «крышей» государства или путем сделки с отдельными его представителями, — оказался гораздо важнее для дальнейшей судьбы этой собственности, чем скорость ее создания или объемы активов. Именно это облегчило ее последующую реконвертацию — переход к середине 2000-х годов в руки групп, окончательно приватизировавших государство. Вторая развилка была пройдена в 1996 году с гораздо меньшими возможностями реального выбора. Центральная дилемма президентских выборов формулировалась тогдашними демократами (и властью) следующим образом: если победит Зюганов, выборов больше не будет. Чтобы предотвратить победу Зюганова, была пред-

принята крупномасштабная операция по манипулированию общественным мнением, приведшая к профанации института выборов. Олигархические группировки, стремившиеся любой ценой отстоять свою собственность, а не Зюганов, не КПРФ осуществили фактическую отмену свободных выборов в России. Нереализованный выбор 1999 года был связан с плюрализацией экономических и административных элит после экономического кризиса 1998 года, возможностью возникновения полицентрической политической системы, основанной на множественности правящих и господствующих групп, неподконтрольных единому центру власти. Эта альтернатива сохранялась до лета 1999 года, когда она была блокирована второй чеченской войной, истерично-ксенофобской мобилизацией общества, его консолидацией вокруг власти и назначением Путина преемником Ельцина. С плебисцитарным избранием Путина на пост президента альтернативность развития резко сужается. Деинституционализация политической системы в принципе препятствует появлению альтернативных вариантов развития, заранее выхолащивая их содержание. Вместе с тем возможности для формирования внесистемной альтернативы в сегодняшней России существуют. По Ворожейкиной, демократическая альтернатива не может быть либеральной или только либеральной, она должна быть социальной. Демократия в России невозможна без интеграции социальных требований тех, кого экономическое развитие, ориентированное почти исключительно в соответствии с требованиями мирового энергетического рынка, делает лишними и как потребителей, и как производителей.

50 лет XX съезду. «Знамя» и Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд) провели 15 февраля "круглый стол", посвященный 50-летию XX съезда КПСС. «Знамя» (№7) публикует несколько выступлений. **Михаил Горбачев** говорил во вступительном слове, что сегодняшнее время напоминает времена Брежнева. Это были времена, которые привели к неосталинизму, то есть сталинизму без репрессий типа 37-го года, но с известными репрессиями и преследованиями инакомыслия. Стране нужно сделать выбор, который интегрировал бы все современное, позитивное. **Нодар Симония («Хрущевская эра в моем представлении»)** акцентирует два момента: «оттепель» *(«все то доброе, что сделал Хрущев, в особенности в отношении репрессированных»)* и упразднение возможности культа. **Юрий Аксютин («Доклад Хрущева как грех праведного коммуниста»)** дает обзор истории составления и оглашения разоблачительного доклада Хрущева. **Виктор Шейнис («Десталинизация: акт первый»)** полагает, что ядром хрущевского доклада был рассказ о терроре. На съезде была задекларирована нечетко очерченная граница произволу, перейти которую потом никто уже не решился. **Борис Дубин** анализирует образ XX съезда в общественном сознании за последние примерно двадцать лет, с 1988 года. Вначале — отказ от мифологии и риторики особого пути, пробужденная память о репрессиях, негативная оценка советского и негативная оценка фигуры Сталина. Через десять лет композиция перевернулась. Противостоящий общему пути — это теперь вновь особый путь России. За пустой фикцией особого пути есть, пожалуй, только один остаточный смысл: это путь великодержавный, имперский,

причем в условиях, когда «империи» больше нет и возвращение к ней невозможно. Невозможно, но тем не менее безальтернативным образом единого «мы» в коллективном сознании остается великодержавный, и обозначен он фигурой Сталина. **Мариэтта Чудакова** утверждает, что инициатива доклада — «это был личный выбор Хрущева». Так проявилась проснувшаяся в 50-е свобода выбора, свобода воли. **Игорь Виноградов («Сталин — идейный тиран»)** аргументировал три мысли. Во-первых, оценка культуры 60-х годов. Общий баланс здесь все-таки позитивен. Второе: шестидесятничество. Новое слово, которое шестидесятники действительно принесли с собою, — это именно идея реформирования страны в сторону большей ее человечности. И третье. О понимании Сталина. *«Сталин — это прежде всего идейный тиран, идейный злодей, а личные его качества — лишь индивидуальное дополнение к этой сути»*.

15 лет Августу: провал путча. **Максим Соколов** оценивает три дня августа как исключительный момент (**«Был день — когда Господней правды молот...»** — «GlobalRus.ru», 21 августа). Сегодняшние ниспровергатели Августа искренно не помнят — кто по своему тогдашнему малолетству, кто по своему всегдашнему многоумию — ту уникальную совокупность обстоятельств, приведшую к трехневному краху ГКЧП, КПСС и СССР. Во-первых, путч — это деяние, совсем не обязательно вызывающее покорность. В условиях общественного подъема (который в 1991 году, несомненно, наличествовал) успех путча мог быть обеспечен лишь образцово-показательной жестокостью, когда с нарочитыми перехлестами населению демонстрируют: «Мы не шутки пришли шутить». Во-вторых, решившись на дело, члены ГКЧП не учли, что они не только не в Латинской Америке, где пронунсиаменто — вещь привычная, но даже и не в зрелом СССР, где как-то умели устраивать верхушечные перевороты с последующим разоблачением антипартийной группы и волюнтаризма. За годы перестройки худо-бедно была если не выстроена, то хоть заявлена иная система легитимации — не через Политбюро, а через конституционные институты, вдобавок к тому эта система оказывалась двойной. Кроме СССР была еще и РСФСР, взаимоободание которых создавало два эшелона легитимности, которые было необходимо проломить путчистам. В-третьих, задавливание российского суверенитета, будучи делом самим по себе непростым, осложнялось тем, что самоубийство союзного центра было на тот момент безусловным фактом общественного мнения. Безропотно сдавать власть самоубившемуся центру, т.е. непонятно кому, можно лишь в состоянии крайней деморализации, которой не наблюдалось. В-четвертых, той властью над умами, которую СССР приобрел на втором десятке лет после своей кончины, в последний год своей жизни он отнюдь не располагал. О советском, а также красном проекте много стали говорить, когда уже и могила СССР заросла до неприметности. В-пятых, убежденность в том, что нет режима более злого и увертливого, чем коммунистический, являлась тогда господствующей. Злого — ибо послужной список коммунизма, только-только сделавшийся предметом широкого публичного обсуждения, был подлинно впечатляющим. Увертливым — ибо история коммунизма сохранила довольно случаев тактического отступления с последующим возвращением на круги своя. Когда ГКЧП предстал зримым

подтверждением этой ожидаемой злой увертливости, реакция была вполне ожидаемой — бить до конца, чтобы больше не встали. Наконец, в-шестых, сильнейший антипутчистский потенциал тогдашнего русского общества дополнялся прирожденным вождем — Б.Н. Ельциным. Сегодня, когда каждый Хинштейн считает своим долгом пнуть этого мужа, пинки, кажется, достигли своей цели. В те дни народ имел своего вождя.

Суждения питерских демократов на круглом столе **«Август девяносто первого. Пятнадцать лет спустя»** передает сетевой дневник автора dmitry_vitmer в «ЖЖ» (21 августа). **Борис Вишневский**: *«Председатель Ленсовета Александр Беляев сказал, что перед путчистами стояли две задачи: восстановить частично разрушенную жесткую вертикаль власти и отнять у народа только что обретенную свободу. Через 15 лет после путча мы можем утверждать, что обе эти цели сейчас достигнуты. Кто же победил на самом деле? Мне ответ на этот вопрос представляется совершенно очевидным. И понятно, почему для наших властей дата провала путча не является ни памятной, ни праздником»*. В 70-е и 80-е годы, по словам Вишневского, граждан не устраивало то, что от них в стране ничего не зависит, и на очень короткий период и особенно в дни после путча всем показалось что это противоречие устранено. Но все возвратилось обратно, и мы так же, как и совсем недавно, не можем повлиять на власть, отделенную от нас стеной, которую она сама называет вертикалью. Вишневский предложил провести мысленный эксперимент — представить, что завтра — 19 августа, с утра по всем телеканалам показывают балет «Лебединое озеро», а в новостях сообщают, что у В.В. Путина резко ухудшилось состояние здоровья, что он не может управлять государством, что в управлении были допущены серьезные ошибки, а вся власть отныне находится у некоего ГКЧП, в состав которого входят известные должностные лица. *«Все опросы социологов говорят, что поддержка Путина народом просто огромная, но я спрашиваю: кто-нибудь выйдет на площадь защищать президента и тот его курс, который, по тем же опросам социологов, одобряют 60–70 % граждан? И где будет вся партия "Единая Россия", которая только что не молится на портрет президента? Где будут назначенные им губернаторы, которые постоянно уверяют его в преданности? Будут строить баррикады, а Сурков выйдет на площадь с плакатом, который вы все помните, — «Хунту на ..."? Этого не будет. Тот электорат, который обеспечивает Путину его рейтинг, будет идти за любой властью, ибо он, как в сказке Евгения Шварца, воспитан за последние годы так, что повезет любого, кто возьмет в руки вожжи. Мы сегодня — это город дракона, куда так и не вернулся Ланселот, а власть оказалась у бургомистров и генрихов. Нужно понимать, что пока мы сами их не прогоним, ничего в стране не изменится»*. **Михаил Амосов**: *«Годовщины августовских дней 91-го года широко не отмечаются у нас в стране. Более близко нынешнему руководству изгнание поляков из Кремля»*. Мы получили 15 независимых государств, и эти государства поставили над собой 15 экспериментов. Россия сейчас находится *«не на очень достойном уровне, в середине этого спектра с точки зрения развития демократии, и если сегодня посмотреть, какие тренды общественно-политического развития превалируют, то мы обнаружим, что они прямо противоположны тем, которые как бы победили в 91-м году»*.

Апологию Бориса Ельцина предпринял уже упоминавшийся **Александр Храмчихин («Первый президент России»** — «Знамя», № 8). *«Если бы не было Ельцина — не было бы, по моему глубокому убеждению, и нынешней России. Он ее создал фактически с нуля. В истории очень мало подобных примеров, когда один человек создает государство».* Ельцин в конце 1991 года получил Россию в состоянии почти первозданного хаоса. Не было государства, не было экономики, не было валютных резервов, не было продовольствия, не было силовых структур. Была граница РСФСР на географической карте, растерянное и деморализованное население и таможенные посты даже на границах областей в Центральной России, не говоря уже о республиках в ее составе. Были стомиллиардные внешние долги (они превышали оставшиеся золотовалютные резервы почти в десять тысяч раз!). Были запасы еды в крупных городах на несколько дней при стерильно чистых прилавках магазинов. Через восемь лет Россия представляла собой страну со сложившейся и всеми признанной системой власти, формирующейся впервые в нашей истории демократическим путем (причем основные демократические институты и ценности утвердились в сознании большинства населения), с не очень сильной, но растущей экономикой, функционирующей по вполне рыночным законам (которые также приняты огромным большинством населения), с абсолютно лояльными парламентом и региональными властями (сепаратизм остался прерогативой Басаева) и, по сути, с общенациональным консенсусом по поводу необходимости движения вперед. Успех был достигнут фантастически низкой, просто невероятной ценой, учитывая масштаб и исторические традиции страны, низкие цены на нефть в течение большей части периода правления Ельцина и менталитет населения, изуродованного и выбитого многоплановым коммунистическим геноцидом. За прекращение войн в Южной Осетии, Абхазии, Таджикистане, Приднестровье, за цивилизованный вывод ядерных ракет из Украины, Казахстана и Белоруссии Ельцин заслужил несколько Нобелевских премий мира. Ему, однако, никто простого спасибо не сказал. Наконец, Россия стала членом «Большой семерки», которая благодаря этому превратилась в «Большую восьмерку». ...Ельцин был целиком и полностью selfmade man, а не сделанный телевизором PRезидент. Он шел впереди, а не тащился за процессом, смотрел в будущее, а не в прошлое. Он не боялся отдать свою популярность ради дела, а не занимался популизмом. Безусловно, Ельцину было жалко общую Родину, но он догадывался, что лучше распустить ее мирно, чем устроить стократную взрывоопасную Югославию. Одним этим мирным роспуском показавший, насколько он не хочет крови, Ельцин знал, когда надо стрелять. Подавив коммуно-нацистский мятеж осенью 93-го, он второй раз за два года спас страну, да и весь мир (учитывая фактор ядерного оружия) от колоссальной катастрофы. Получив после подавления мятежа абсолютную власть, Ельцин сделал все, чтобы в стране была столь любимая им демократия. Вполне объективно и демократично прошли выборы в Госдуму 1993 и 1995 годов. Вопреки мнению многих, Храмчихин утверждает, что так же прошли и президентские выборы 1996 года. Ельцин увольнял

сверхлояльных соратников, в том числе силовиков, за реальные провалы (Буденновск). В условиях жесточайшей, часто в прямом смысле слова смертельной политической борьбы он понимал, что интересы страны важнее лояльности лично ему. При этом БН никогда не мстил не только врагам, но даже предателям. Вопреки считающемуся общим местом тезису о «повальном обнищании населения», именно при Ельцине были заложены основы потребительского бума, начавшегося во второй половине 90-х и продолжающегося по сей день. По уровню потребления большинства продовольственных товаров Россия уже вышла на уровень позднего СССР с тем, правда, отличием, что тогда этих товаров на прилавках не было, а теперь они есть всюду — от Балтийска до Анадыря. От советского импорта хлеба Россия перешла к его экспорту. Что касается непродовольственных товаров, то их количество на душу населения выросло либо в разы (например, автомобили), либо на порядки (мобильные телефоны, персональные компьютеры). Именно при Ельцине в России имел место самый длительный за три с половиной десятилетия период снижения смертности. А вот в нынешний период «стабильности» и «консолидации общества» смертность почему-то снова стала быстро расти. У Ельцина, по Храмчихину, были всего лишь две основные ошибки. В очередной раз попытавшись совершить прорыв, дав дорогу молодым, он сдал Черномырдина. А именно этот человек был бы оптимальным наследником, единственным из политиков ельцинской эпохи, сходным по своему масштабу с самим Ельциным. Вторая ошибка гораздо серьезнее. Будучи по своему жизненному опыту человеком, далеким от силовых структур, Ельцин не понял необходимости их коренного реформирования. Армия, полиция и госбезопасность остались советскими. При самом Ельцине они в целом держались «в рамках», но, оставшись нереформированными, ждали реванша и дождались. Две указанные ошибки дали драматический кумулятивный эффект. Преемник успешно и эффективно демонтировал практически все ельцинские завоевания. Столь легкий и быстрый демонтаж российской демократии показал, что держалась она исключительно на самом Ельцине. Ельцин оказался чуть ли не единственным человеком в России, кому демократическая, независимая сильная Россия была нужна. Многих просто не волнует, есть вообще Россия в каком-либо виде или нет ее. А также есть ли в этой России свобода или нет ее. Подвиг Ельцина, как оказалось, было некому востребовать. Если страна не нужна собственному населению, то можно ее просто доворовать и раздать более дееспособным соседям. Ельцин этого не хотел. Он сделал все, чтобы было иначе.

...Апология, что тут скажешь?..

Станислав Яковлев («Год без МБХ» — «Каспаров.Ru», 30 мая) пишет: *«...ничему мы на горьком опыте Михаила Борисовича не научились; вместо того, чтобы угомониться и присмиреть, — лишь еще больше хорохоримся. Ослепленные фантастической наивностью, мы не желаем признавать, что сидя тихо — избежишь лиха, белых ворон заклевывают...»* Михаил Ходорковский оказался единственным человеком, который понял — европейский, демократический путь России должен начинаться не с принудительной стрижки бород, запрета компартии или шоковых мер в экономике. Новое, сво-

бодное поколение должно быть кропотливо воспитано с самых малых лет, со школьной скамьи, с университетской аудитории. Ходорковский замахнулся не на передел собственности и не на захват политического пространства. Уже развенчав примером компании «ЮКОС» все стереотипы, связанные со «спецификой российского бизнеса», он замахнулся на святая святых — перековку сознания постсоветского человека, алхимию его менталитета и общих представлений о жизни. Если бы в России через десять-пятнадцать лет кропотливой заботы появилось бы, а точнее, подросло гражданское общество, власти ничего бы не осталось, как покориться его требованиям. Без всяких переворотов, скупок парламента и «властной вертикали» Россия превратилась бы в цивилизованную демократическую страну — общественный спрос не удовлетворился бы никаким иным предложением. Роль молодежи в украинской и грузинской революциях так велика именно потому, что в этих странах как раз вошло в силу первое после крушения СССР свободное поколение. Не будучи, в отличие от российских подростков, обессилено тоскливыми фантомами утраченной империи, оно быстро осознало свои реальные интересы и не побоялось их отстоять. Однако история не терпит сослагательного наклонения. Власти восприняли Ходорковского как опасного психопата. Кремль оказался не заинтересован в том, чтобы российский народ понимал свои права, жил собственным трудом и умел делать осознанный выбор. Европейская модель развития оказалась замещена азиатской иерархией подхалимов и бюрократов, идеальной для временщиков и коррупционеров. Повторить подвиг МБХ, перехватить у него эстафету заботы о будущем России так никто и не осмелился. *«А в далеком городе Краснокаменске есть колония. В колонии — тюремная камера с узким окошком. В камере сидит человек. Сидит только за то, что однажды осмелился поверить — другая Россия возможна. Он жив. И мы живы. И жива наша общая мечта. И мы ждем. Мы ждем Вас, Михаил Борисович»*[3].

Убийство Анны Политковской

Обозреватель «Новой газеты» Анна Политковская была убита в подъезде своего дома 7 октября. Публикуем — в сокращении — подборку откликов в прессе и на сайтах Интернета.

Илья Мильштейн («Абсолютный журналист» — «Грани.Ру», 8 октября): *«Анна еще не похоронена, а заказчики ее расстрела уже исчисляются десятками. Власть? Эта власть способна на что угодно. Некие недруги Путина, сочинившие ему подарок на день рождения? Бог их знает, путинских недругов, которые еще хуже Путина, есть ведь и такие. Рамзан Кадыров? Версия не из последних: академик и герой считал Политковскую своим личным врагом, она же считала его "государственным бандитом" и расследовала убийства, совершенные им в Чечне. Столичные нацистские ублюдки, которые занесли ее в свой интернетовский "черный список"? Профессиональные защитники родины вроде полковника Квачкова? Спецназовцы, вернувшиеся из*

[3] Тема в этом номере «Континента» поддержана статьей Т. Сотниковой о книге В. Панюшкина «Узник тишины».

Чечни с неизлечимым вьетнамским синдромом? А рядом с этими, весьма правдоподобными, догадками еще куча конспирологических: Саакашвили, либералы, Березовский с Невзлиным, Лимонов с Новодворской, Буш и Блэр <...> К слову, наличие таких образцово шизофренических версий многое говорит о состоянии умов в отечестве. Вроде и не 37-й год на дворе, и друзья все на свободе, кто жив, и рестораны ломятся от еды и посетителей, а воздух в России такой, словно бродишь по помойке. В стране буквально нечем дышать. Такой заряд взаимной ненависти, боли, страха, отчаяния скопился у людей в душах и сердцах, что так и ждешь, когда и где громыхнет и по какому поводу. Повод может быть самым ничтожным <...> Эти страхи и эта ненависть, сводящая скулы до судорог, иррациональны. Это собачье бешенство, обуявшее страну, необъяснимо <...> "По большому счету я не борец. Я просто абсолютный журналист. А задача журналиста — информировать о том, что происходит". Так однажды сказала Анна Политковская, с предельной точностью описав свою жизнь и свою работу. Она информировала: ни больше ни меньше. В нормальном обществе за это благодарят и награждают. Ее благодарили и награждали — на Западе, где выходили ее книги, и здесь, в узком профессиональном кругу. А за пределами круга — травили и грозили убить»...

Борис Вишневский («Бывали хуже времена — но не было подлей...» — «Каспаров.Ru», 9 октября): «*Политковскую ненавидели те, кто развязал первую и вторую "кавказские войны", кто железом и кровью усмирял Чечню, уничтожал непокорных и пытал заложников, — и ее убили. Кремлевский холуй, возглавляющий одну из придворных газет с некогда славным именем, которую нынче противно брать в руки, поспешил заявить, что убийство Политковской якобы "не связано с ее профессиональной деятельностью". Ну да, конечно — а вдруг денег у кого-то одолжила и не хотела отдавать? Или — и того проще, — хулиганство. Шел мимо подонок с пистолетом и думал: кого бы застрелить? <...> Невозможно сомневаться в том, за что убили Анну Политковскую. За то, что писала правду о войне на Кавказе — противостоящую официальной лжи прикормленных телеканалов и придворных комментаторов. За то, что рассказывала правду о "Норд-Осте" и Беслане, о бесчинствах "федеральных" карателей в Чечне и о кадыровских "эскадронах смерти". За то, что одна ее статья перевешивала целые часы эфирного вранья Первого канала и "России". Недаром Владимир Жириновский уже назвал ее статьи "злобными" и "антигосударственными". Пять лет назад, на одной из дискуссий "соловей" чеченской войны Максим Соколов обвинил Анну Политковскую в том, что она "не любит Россию". Московский корреспондент "Boston Globe" Дэвид Филиппов ответил ему: "настоящий журналист делает так, как делает Политковская, — ездит в 'горячие точки' и пытается выяснить правду, что там происходит. Вся страна должна задавать себе вопрос: почему и как там это происходит? Она, по-моему, любит свою страну больше, чем любой другой человек" <...> Срочно мобилизованные мастера телепропагандистского жанра уже завели знакомую песню. "Убийство Анны могло быть выгодно оппозиционным силам, например, окружению Ходорковского", — уверяет Владимир Соловьев. "Убийство Политковской организовано теми же силами, которые стояли за Норд-Остом и Бесланом", —*

вещает Михаил Леонтьев... Не там ищете, господа. Мало кто в такой степени, как Политковская, был ненавидим в Кремле, в том числе, уверен, ненавидим лично президентом. Убийство Политковской в день рождения Путина — не случайное совпадение. Как не случайно и то, что в день убийства он промолчал. Кто решил сделать подарок тому, кто обязан своим креслом войне, против которой боролась Анна Политковская?»

Станислав el_cambio Яковлев («Пепел» — «Каспаров.ru», 11 октября): *«Россия прощается с Анной Политковской. Многотысячная очередь движется медленно, в стылом безволии, будто выполняя формальный и уже бессмысленный ритуал. Ходит по рядам холодный, спокойный шепот: "Надежды нет. Всех просто перебьют. Из этой страны нужно уезжать..." Снова "эта страна". Как я радовался, когда даже убежденные демократы, либералы, вольнолюбцы и свободоборцы, чуждые всякого поклонения "идолу государственности" начинали говорить о России как о Родине, об Отчестве, которое необходимо защитить, сберечь, отстоять, сохранить.*

"Из этой страны нужно уезжать". Мать снова превратилась в мачеху, в злую, тупую и мелочную садистку. <...>

Огромный зал засыпан цветами, их не успевают выносить <...>.

Дорога из зала. По обеим сторонам дороги — люди, у некоторых в руках пожелтевшие подшивки газетных архивов. Заглавия — "геноцид, террор, пытки", вся та очень неприятная правда, тошнотворная изнанка любой "маленькой и победоносной войны", а уж тем более "стабильной, возрождающейся республики". Как комфортно, должно быть, отмахнуться от этой правды, сидя у телевизора, попивая сладкий чаек, сунув ноги в теплые тапки, упоительно наливаясь светлым и густым, как гной, "чувством патриотической гордости".

Вас обвиняли в "нелюбви" к России, в пособничестве террористам, бог знает в чем еще. Испытали ли Ваши откормленные критики хотя бы сотую долю той безнадежной, мучительной любви к истерзанной и уже почти обреченной Родине, которую каждую минуту переживали Вы? <...>

Цветы густо рассыпаны по дороге. Приходится идти прямо по ним, чувствуя под ногами упругий хруст и треск ломающихся стеблей...

В это же самое время, где-то бесконечно далеко, в другой стране, в славном городе Дрездене раздается совсем другой хруст и треск.

"Должен сказать, что ее политическое влияние было незначительно внутри страны. Своими публикациями она не наносила ущерб политической деятельности Рамзана Кадырова и не препятствовала развитию его политической карьеры. Для действующих властей вообще и для чеченских властей в частности убийство Политковской нанесло гораздо больший ущерб, чем ее публикации".

Невысокий, аккуратный человечек <...> Он понимает, что автоматное дуло кадыровского боевика имеет куда большее политическое влияние, чем какая-то газетная статейка. Он полностью осознает, что пытки, похищения, неприкрытый террор способствуют политической карьере куда быстрее, чем журналистские разоблачения подобных "технологий".

Человечек вежлив. Человечек улыбается. Человечек переживает за престиж России.

Ему, наверное, неудобно, что, по бандитской логике, "вякнувшая на пахана шавка" должна быть "наказана" и что это вопрос престижа куда больший, чем какое-то "международное мнение". С неприятными людьми приходится работать этому аккуратному человечку. С неприятными и грубыми. Но и его понять можно — других, столь же эффективных и надежных, кадров у него просто нет.<...>

Я, идущий по усыпанной цветами дороге, по которой вскоре пронесут гроб с телом женщины, не обладавшей, к сожалению, никаким влиянием на политическую жизнь в России, еще не слышу этого треска. Но я скоро приду домой. Включу компьютер.

Прочитаю последние новости.

И никуда не уеду "из этой страны".

Мы не забудем Вас, Анна.

Не забудем — и не предадим»...

caspar_shlih (**«Похороны Анны Политковской»** — «ЖЖ», 11 октября): *«Писать ТАК бесстрашно могла только настоящая женщина. Та женщина, которой можно восхищаться. Не рыночная хабалка, не гламурная кукла, не государственная тумба-чиновник, не язвительная неудачница.<...> И за это ее ненавидят.*

Не удивляет то, что ненавидит власть. Российская власть всегда ненавидела умных, честных, бескомпромиссных. Где были бы Мандельштам, Ахматова, Гумилев, Высоцкий, Бродский, Довлатов и др.? Сидели бы в Общественных палатках или получали ордена за заслуги? Что вы! Их оттерли бы Бабкина с Буйновым!

В России все всегда перевернуто.

То, что Политковскую ненавидит стадо, — это лучшая для нее награда.

То, что власть считает ее "незначительным" журналистом — это самый большой ей орден за заслуги <...>

На похоронах были священники, видел о. Георгия Чистякова.

Стояла вся в слезах маленькая Марина Литвинович в окружении каких-то беззащитных ребят. Ее было жаль больше остальных. Ей, конечно, нужно отсюда уезжать. Главную правду о Беслане она уже нам сказала <...>

Бросилось в глаза то, что обычные люди и люди власти стали различаться, как две разные расы — Сванидзе, Торшин, какие-то депутаты пышут ярким загаром, гладкой и чистой кожей, дорогим парфюмом и чистой одеждой. На кладбище они выглядят полностью подготовленными к погребению.

А людей, над которыми я, грешный, раньше смеялся — правозащитники — Пономарев, Самодуров почти в нищенской одежде, с восковыми лицами выглядели самыми живыми.

Немного в стороне стояла Мария Розанова с палочкой. Она смотрела с любовью, печалью и затаенной улыбкой. Она вернулась в Россию, чтобы увидеть все это? НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ!

Но нас всех, при желании, можно было загнать в небольшой концлагерь. Власти нечего бояться».

Московская хартия журналистов, объединяющая авторов, пишущих на политические темы, распространила **заявление** («Lenta.ru», 10 октября), в

котором осуждает российского президента. Медиасообщество недовольно тем, что глава государства никак не отреагировал на убийство Анны Политковской. *«Нам непонятно, почему убийство Анны так и не было осуждено главой государства. Означает ли это, что руководство нашей страны относится к гибели одного из самых известных журналистов России как к незначительному событию? Или отношение официальных лиц к деятельности Анны Политковской было настолько неприязненным, что ее гибель от пуль убийцы не вызывает сожаления? Мы ждем ответа»*, — говорится в заявлении. Журналисты также требуют, чтобы расследование было гласным, а организаторы и исполнители убийства осуждены. При этом в документе говорится, что медиасообщество не сомневается в том, что смерть Политковской связана с ее профессиональной деятельностью. Хартия считает убийство журналистки «невосполнимой потерей». *«Ее убийство произошло в тот момент, когда в России почти не принято говорить ни о Чечне, ни о правах человека... Мы воспринимаем убийство Анны Политковской как прямой вызов всей российской журналистике. Судьба нашей коллеги — это подтверждение того, что журналисты, не желающие подчиняться давлению, презирающие самоцензуру и честно выполняющие свой долг, подвергаются серьезному, а в случае с Анной Политковской — смертельному риску»*.

Зоя Светова («В защиту пафоса» — «ПОЛИТ.РУ», 11 октября): *«Аня была прежде всего человеком неравнодушным <...> Коллеги упрекали ее в излишнем пафосе. Боюсь, у нее было мало единомышленников в журналистском цехе. Быть может, поэтому в день ее похорон центральные СМИ так и не договорились об объявлении журналистского траура, радио и телеканалы не отменили рекламу даже на несколько часов. Слава Богу, у Политковской была "Новая газета" и был ее главный редактор. В отличие от многих из нас, Аня знала одну важную вещь: бывают времена, когда журналист просто вынужден менять профессию, становиться правозащитником и политиком. Такие времена, когда не надо стесняться пафоса. Она и не стеснялась»*.

Юлия Латынина («Бесполезная профессия» — «Газета.Ru», 13 октября): *«И вот о Политковской президент Путин тоже сказал: сначала президенту Бушу, а потом немецким журналистам. Президент Путин сказал о Политковской, что публикации ее влияния не имели и что смерть ее причинила режиму больше вреда, чем ее статьи.*

Так президент Путин проговорился о первом секрете режима: о том, что наша пресса ни на что не влияет. Это святая правда. Журналистика — это вообще общественный институт, который имеет смысл только при демократии. В авторитарном обществе этот институт либо превращается в эквивалент доносов (помните в "Правде" фельетоны об отдельных недочетах и злоупотреблениях?), либо он просто как пятое колесо в телеге <...> А потом президент Путин проговорился о втором секрете режима — о том, что он воспринимает любую критику как вред. Президент Путин назвал Анну Политковскую человеком, причинявшим вред государству. И сделал это над еще не закопанной могилой. Он обращался к западным журналистам, разъясняя, в приступе либерализма, свою позицию. К России обратиться он не счел нужным».

Мнения оппонентов Политковской.

Глеб Павловский, главный редактор «Русского журнала» (**«Жертва ритуала»** — «Русский журнал», 7 октября): «*Политковская одна из немногих в 90-е честно занялась безнадежным делом — журналистикой расследований. И по натуре она, неразборчивая в темах, абсолютно нерефлектирующая, идеально подходила для репортера-расследователя. Но качественная, независимая, непартийная журналистика не имела спроса; ни редакторам, ни собственникам, ни читателям она была не нужна, и Анне пришлось сдвигаться в ангажированное расследование, "расследование за своих" (и "против чужих"), чистая модель которого представлена "Новой газетой" <...> Ее тип радикализма истеричен, но некорыстен, брезглив к садизму, не чужд слабости и жалости к слабым. На ней забег в мерзавцы несколько притормаживал*».

Алексей Чадаев, заместитель главного редактора «Русского журнала» (**«Соседи»** — «Русский журнал», 7 октября): «*В день убийства я слушал какую-то ее передачу на "Эхе Москвы", где она зачем-то пыталась убедить слушательниц, что Путин на самом деле неинтересен как мужчина, делая это со всей категоричной неуверенностью немолодой уже тетки. Хмыкнув, я подумал, что вовсе не случайно в ядерной группе поддержки Путина столь высок процент таких, как она, — женщин за сорок с активной гражданской позицией. Ее оппозиционность именно поэтому считывалась как часть климата, неизменный атрибут жизни, скорее привычный, нежели опасный <...> А без Анны Политковской все же, как к ней ни относиться, невозможно представить себе историю развития политической журналистики новейшего времени. Пусть даже и приведшую ее в гетто; это — тоже расплата за позицию. Я, признаться, не любил ее читать; не по "партийным" причинам (мне всегда была интересна ее "партия"), а именно из-за психоэмоционального несовпадения, того духа невротической неустойчивости, которым были пронизаны даже репортажные ее материалы*».

Максим Кононенко, шеф-редактор газеты «RE:Акция»: «*Убийство Политковской выводит в качестве подозреваемого Березовского... журналиста Анны Политковской не существует в России уже больше двух лет*».

Олег Кашин («Кто убил Анну Политковскую?» — «Взгляд», 9 октября): «*Дело не в статьях, которых никто или почти никто не читал, дело не в честности и даже не в нечестности. Дело в очевидной каждому (даже тому, кто сам об этом не думает или не признается себе в этом) бессмысленности этого убийства <...> ее роль в отечественной журналистике уже много лет была достаточно странной. Она, если говорить совсем откровенно, не была полноценным представителем российского журналистского сообщества*».

Максим Соколов («Грамотный выбор момента» — «Известия», 10 октября): «*...уже года два как А.С. Политковская пребывала на дальней периферии общественного сознания. До 7 октября с. г. индекс упоминаемости ее выступлений был близок к нулю*».

Павел Данилин («Подарочек» — «Русский журнал», 11 октября): «*Анна Политковская погибла из-за своей профессиональной деятельности. Но не из-за того, что именно и о чем она писала, а из-за того, каким она при этом была человеком. Убийцам нужна была честная журналистка, которая бы стала символом. Остальные известные оппозиционные журналисты либо продажны,*

либо корыстны. Из них знамя сделать не получилось бы. Политковская была единственной в либеральном лагере "белой вороной". Она была обречена стать ритуальной жертвой, брошенной на алтарь борьбы с Россией неизвестным бездушным заказчиком. Поэтому убийцы Анны Политковской стреляли не только в оппозиционную журналистку. Они стреляли в систему. В систему, в которой Анна Политковская чувствовала себя вполне комфортно».

Константин Крылов («Одержимая» — «Спецназ России», 0 (121), октябрь): «*Политковская всю жизнь тусовалась среди людей определенного типа и сама была их частью. Она делала пиар на трупах — отдавая себе отчет в том, что делает, и считая это нормальным. Теперь для того же самого дела понадобился ее труп. Что ж, те же люди, которые платили ей деньги, проплатили два выстрела, контрольный в голову. Вывод из этой истории прост. Измена Родине себя не окупает».*

Дмитрий Галковский (galkovsky — «ЖЖ», 8 октября): «*В Москве убита журналистка Анна Политковская. Убита максимально подло и максимально бесчеловечно...*

Убили беззащитную женщину в темном подъезде, убили хладнокровно, чужими руками наемного механизма, с контрольным выстрелом и сбросом использованного ствола. "Блямс-дзынь-чпок-шмыг". "Дело сделано". "Задание выполнено".

Я обычно не пишу на такие злободневные и ритуальные темы. Потому как все ясно, чего писать-то. У меня Живой Журнал, а не официальное издание. Но я полистал сегодняшние записи и понял, что написать надо <...>

Хорошо быть журналистом или плохо? Я так полагаю, что хорошо. Это деятельность незазорная, с точки зрения англичан, даже благородная — а заядлые монархисты в мастенабивании собаку съели. Конечно, есть и журналистский андеграунд, и папарацци, и общие журналистские черты не очень приятные: склонность к сплетням и скандалам, например. Но это ПРОФЕССИЯ. И у этой профессии есть своя профессиональная этика. Профессиональная этика вещь утилитарная и простая, но писана она, как и все житейские инструкции, кровью. Методом проб и ошибок в России все равно возникнет влиятельная корпорация журналистов — часть могущественного сословия интеллигентов. В России будет общественное мнение, способное саморегулировать жизнь общества, автоматически выбрасывать на дно негодный элемент — лжецов, кляузников, подлецов. Камень бойкота и на дно. Пока этого нет, поведение людей ПЕРВОБЫТНО. "Съел — вырвало".

Я сегодня прочел несколько раз: беснуется от злорадства очередной журналистский Данко: "гадина умерла", "нет человека — нет проблем", "а я предугадал — у меня предсказание". Потом отбеснуется, прочтет, что написал, и добавляет вполголоса: "Вообще-то и меня так могут... того... обслужить. А у меня мама старенькая и сыну два годика". Обслужить могут. Любого журналиста и в любой стране. Только в той стране, где есть корпорация и корпоративная этика, сделать это гораздо сложнее. Поэтому я апеллирую не к совести, — с этим все ясно, — а к элементарному здравому смыслу. Прикрутите фитилек. Даже если Политковская была гнусной газетной шавкой. На мой взгляд, она такой шавкой не была. Это был человек в любом случае смелый. Риск дело благородное. Многие ли смогли бы

пойти в Норд-Ост на встречу с террористами? Слабая женщина пошла. Думаю, не за баблом и не из куража, а по убеждениям. Ее убеждения мне глубоко чужды, методы, которыми она отстаивала свои взгляды, — тоже. Но этот человек — может быть неприятный, может быть, некрасивый, может быть, не очень умный, — пошел за свои убеждения на смерть. И умер. Кровь смывает все. Вечная память. А роботов, которые ее убили, история развинтит до полного небытия».

Краски момента

Небезынтересая статистика предложена Центром демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН на тему **«Сколько людей говорят и будут говорить по-русски?»** («ПОЛИТ.РУ», 22 августа). В настоящее время русский язык является родным для 130 миллионов граждан Российской Федерации, для 26,4 миллиона жителей республик СНГ и Балтии и для почти 7,4 миллиона жителей стран дальнего зарубежья (прежде всего Германии и других стран Европы, США и Израиля), то есть в общей сложности для 163,8 миллиона человек. Еще свыше 114 миллионов человек владеют русским как вторым языком (преимущественно в странах СНГ и Балтии) или знают его как иностранный (в странах дальнего зарубежья). Через 10 лет, к 2015 году, число тех, для кого русский язык — родной, сократится до 144 миллионов (в том числе в самой России — до 120 миллионов). Кроме того, еще 68 миллионов человек будут владеть им как вторым или иностранным языком. По степени распространенности русский язык пока еще занимает четвертое место в мире. Лидируют английский язык (оценочно для 500 миллионов человек он является родным или вторым языком и еще свыше 1 миллиарда человек владеют им как иностранным) и китайский (им владеют — почти исключительно как родным — свыше 1350 миллионов человек (в том числе мандариновым наречием — свыше 900 миллионов человек). Третье место занимает испанский язык (им владеет около 360 миллионов человек, в том числе оценочно 335 миллионов — как родным). При сохранении существующих тенденций уже через 10 лет число знающих в различной степени русский язык сократится до 212 миллионов человек, и его опередят французский, хинди/урду, арабский, а к 2025 году, когда число знающих русский в различных странах мира сократится ориентировочно до 152 миллионов человек (то есть достигнет уровня начала XX века), русский язык опередят португальский и бенгали. *«У русского языка есть большой внутренний потенциал для дальнейшего развития и богатое культурное наследие. Тем не менее русский является единственным из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет неуклонно утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира, и в ближайшие 20 лет эта негативная тенденция сохранится <...> если не будут приняты соответствующие меры по эффективной поддержке русского языка и культуры».*

А закончим мы шутливым пассажем **Владимира Абаринова («От Кюстина до Коэльо»** — «Грани.Ру», 9 июня), который вспоминает о встречах вождей и царей с иностранными писателями. *«Сегодня Россия уже не просит в*

долг, чуть что перекрывает газовый вентиль Европе, председательствует в ключевых политических структурах свободного мира, но к этому миру все еще не принадлежит и говорить с ним на одном языке не умеет. Кремль, как встарь, тревожится насчет образа страны за ее пределами. Между тем не оскудела еще прогрессивными талантами бразильская земля. Из далекой южноамериканской стороны прибыл к нам "духовный паломник" Пауло Коэльо. Он промчался вдоль матушки России по чугунке и даже совершил омовение в водах Байкала. После чего художника слова принял президент. Гость сообщил, что в ходе поездки у него "была возможность войти в непосредственный контакт с народом, с конкретными людьми и, что самое главное, с русской душой". <...> заморский пилигрим увидел "страну, наполненную эмоциями, которые очень близки нам, бразильцам". Президент в долгу не остался и сказал, что ему, в свою очередь, очень понравилась Бразилия, но в "центральные районы" он отправиться не рискнул, поскольку "присутствие крокодилов, анаконд и так далее — это особого воодушевления не придает" <...> Инженер человеческих душ виновато согласился: "Да, это правда. Нас это тоже не воодушевляет". "Они как прыгнут!" — так и хочется подсказать маститому беллетристу. Но он сказал еще лучше: "Я также обнаружил для себя, что Вас очень любит российский народ. Во многих местах, которые я посетил, я воочию убедился в энтузиазме и оптимизме, который народ испытывает в отношении тех дел, которые Вы проводите". Уж очень велики победы. Невозможно не испытывать энтузиазм. На такие сентенции остается лишь ответить словами короля из пьесы Шварца: "Поди сюда, правдивый старик. Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза"».

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

ГОД 1921-Й: ПОКАРАНИЕ ГОЛОДОМ

До Первой мировой войны Россия производила свыше четверти всего мирового урожая зерновых, ежегодно вывозила на европейские рынки до 20 процентов культивируемых злаков (свыше 600 миллионов пудов зерна, преимущественно пшеницы и ячменя) и была основным поставщиком хлеба в Швецию, Норвегию, Голландию, Италию и Германию. Положительный торговый баланс обеспечивал государству до 300 миллионов рублей дохода в год[1]. Беспрецедентный продовольственный кризис, порожденный Гражданской войной, превратил сельскохозяйственную державу в гигантский эндемический очаг всеобщего недоедания, для горожан регулярно оборачивающегося настоящим голодом. Осенью 1920 г. голод полностью охватил Калужскую, Орловскую, Тульскую и Царицынскую губернии; зимой жертвами его стало население еще пяти губерний[2].

Внимательно следивший за ситуацией в Стране Советов последний российский посол во Франции В.А. Маклаков 6 сентября 1920 г. писал последнему российскому послу в США Б.А. Бахметеву: *«По доходящим из России сведениям, там громадный недосев, громадный неурожай, полоса пожаров и т.п. Всякое правительство, которое бы опиралось на сочувствие и доверие страны, конечно, этого не выдержало бы. Но думать, что это непременно приведет к краху большевизма при той деморализации и депрессии русского общества, о которой единогласно свидетельствуют все данные, значило бы быть слишком поспешным в выводах. Голод на этот раз коснется не только городов, но и деревень целых губерний, у которых нет хлеба и которые кормить не будет никто. Россия будет вымирать от голода и*

[1] *Вестник статистики*, 1922, № 1-4. С. 65-98. *Прокопович С.Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин. 1923. С. 162. *Нансен Ф.* Россия и мир. М.-Пг., 1923. С. 88.

[2] *IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет.* М., 1922 вып. 2. С. 1-13. *Маслов С.С.* Россия после четырех лет революции. Париж, 1922, т. 1. С.178-179.

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ — родился в 1938 г. в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Доцент Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, а также книги «Вожди в законе» (1996). Выступает как публицист в периодических изданиях, постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

болезней, но для того, чтобы кормить коммунистические центры или тех, на которых опирается большевистская власть в России, может быть, зерно и найдется»[3].

Аграрный кризис

Неясные слухи о повальном голоде в Поволжье просочились в Москву и Петроград еще в декабре 1920 г. Известный социолог П.А. Сорокин, побывавший в деревнях Самарской и Саратовской губерний зимой 1921 г., вспоминал впоследствии: *«Избы стояли покинутые, без крыш, с пустыми глазницами окон и дверных проемов. Соломенные крыши изб давным-давно были сняты и съедены. В деревне, конечно, не было животных — ни коров, ни лошадей, ни овец, коз, собак, кошек, ни даже ворон. Всех уже съели. Мертвая тишина стояла над занесенными снегом улицами»*. Погибших от голода обессилевшие односельчане складывали в пустых амбарах[4].

Тем не менее большевики по-прежнему строго выполняли свою программу продразверстки (изъятия «излишков» сельскохозяйственной продукции у всех, даже у голодающих крестьян), и 26 февраля 1921 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин и заместитель наркома продовольствия Н.П. Брюханов телеграфировали в Саратов: *«Ввиду временно испытываемого крайне тяжелого продовольственного кризиса [в] Центре настоящим предписываю Губ[ернскому] прод[овольственному] ком[итету] [в] боевом порядке погрузить [и] отправить [в] течение пяти дней, начиная с 27 февраля, пять ударных маршрутов общим количеством не менее полутораста тысяч пудов назначением [станция] Кочетовка Распред[елительная] база. Маршруты заполнять исключительно хлебом. Кроме того, [в] течение марта отправить дополнительно пятьдесят тысяч пудов хлеба [и] сто тысяч пудов зерна-фуража. Губ[ернскому] ком[итету] парт[ии] [и] Губ[ернскому] испол[нительному] ком[итету] предлагаю оказать всемерное содействие Губ[ернскому] прод[овольственному] ком[итету] [в] выполнении этого задания. Покровскому Губ[ернскому] прод[овольственному] ком[итету] дается предписание отправить гужем Саратову [в] течение марта двести тысяч пудов хлеба»*[5].

Вспыхнувшее 28 февраля восстание в Кронштадте и длившееся уже несколько месяцев крестьянское восстание на Тамбовщине («кулацко-эсеровский мятеж», по аттестации советских энциклопедических изданий) вынудили правящую партию в середине марта принять новую экономическую политику (НЭП) и прежде всего заменить продразверстку продналогом. Короткая весна 1921 г. пронеслась в томительном ожидании видов на предстоящий урожай. С наступлением знойного лета аграрные иллюзии полностью развеялись.

---

[3] *«Совершенно лично и доверительно!»:* Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. М., 2001, т. 1. С. 238.

[4] *Сорокин П.А.*. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 138-139.

[5] РГАСПИ, ф. 2, оп.1, д.17438.

[6] РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.2621, л. 8-30, 70-77, 130-138.

Июньские сводки ВЧК определяли продовольственное положение в большинстве регионов европейской части страны как «отчаянное», «критическое» или «катастрофическое». В Костромской, Пензенской, Самарской, Царицынской и ряде других губерний озимые выгорели от засухи; на кубанские посевы обрушилась саранча. В Приволжском военном округе население питалось травой и листьями с примесью муки, в Татарии — одной только травой. В Рязанской губернии прекратили снабжать провизией больницы и детские дома. По всему Поволжью, в Курской и Воронежской губерниях участились случаи голодной смерти, особенно среди детей. Рабочие крупных городов, «возбужденные на почве недостатка продовольствия», периодически устраивали забастовки; крестьяне пытались разгромить ссыпные пункты; в армии чекисты отмечали «упадок дисциплины»[6].

Волнения трудящихся и «неудовлетворительное настроение» красноармейцев подталкивали большевиков к энергичным действиям. Хоть Гражданская война уже закончилась, пролетарской диктатуре угрожал очередной коварный враг, нареченный *стихийным бедствием*. По такому случаю 25 июня 1921 г. Политбюро заслушало доклад И.А. Теодоровича (одного из членов коллегии Наркомата земледелия, или сокращенно Наркомзема) о борьбе с неурожаем в Нижнем и Среднем Поволжье и постановило создать при ВЦИК особую комиссию «с заданием принять все меры помощи голодающему населению». Члены Политбюро обсудили также вопрос о выделении ста миллионов рублей золотом для экстренной закупки продовольствия за рубежом, но сочли благоразумным на первое время отпустить с этой целью только десять миллионов рублей[7].

Происхождение «стихийного бедствия» трактовали главным образом как прямое следствие значительного недорода в 1920 г., невиданной засухи 1921 г. и послевоенной разрухи[8]. Дополнительные пояснения о причинах повального голода на самых плодородных территориях представили высшие должностные лица в своих докладах на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г.

Секретарь ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский обвинил в постигшем страну несчастье адмирала А.В. Колчака, «два года подряд разрушавшего железные дороги и мосты» в Сибири. Председатель ВЦИК М.И. Калинин посетовал на извечный российский изъян — низкую культуру, назвав голод специфической особенностью отсталых государств, и упомянул о систематическом разорении сельского хозяйства с лета 1914 г., когда разразилась Первая мировая война. По его словам, предусмотрительные крестьяне Самарской и Саратовской губерний обычно сохраняли у себя двухгодичный запас семян, но плохой урожай 1920 г. «добил эти губернии до конца». Нарком земледелия Н.Осинский упрекнул правительство в недостаточном финансировании его ведомства, получившего в 1921 г. бюджетных ассигнований в десять раз

---

[7] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д.179, л. 1-3.

[8] *Бухман К.* Голод 1921 года и деятельность иностранных организаций. Вестник статистики, 1923, № 4-6. С. 87-113. *Коган А.Н.* Антисоветские действия американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921–1922 г.г. Исторические записки, 1949, т. 29. С. 3 -22.

меньше, чем запрашивало. В результате этого выступления бюджет Наркомзема пришлось увеличить с 27 до 36 миллионов рублей золотом (советские чиновники завели с тех пор традицию ссылаться на отсутствие или хотя бы нехватку денежных средств в любой критической ситуации).

Наиболее радикальные соображения высказал председатель Московского совета Л.Б.Каменев. По его мнению, крестьянство было само виновато в случившемся, ибо встретило политику национализации сокращением запашек до размеров собственного потребления, оставив тем самым города без хлеба и не дав советской власти ни зернышка для вывоза за границу. Действительно, посевные площади в 1921 г. уменьшились, по сравнению с предыдущим годом, примерно на 15 процентов в 10 губерниях и более чем на треть в сибирских губерниях и в 19 регионах европейской части страны[9].

Либеральная затея

О чрезвычайных событиях в Поволжье московские жители впервые узнали, по сути, в середине июня 1921 г. Провинциальные агрономы, приехавшие в столицу на свой съезд, рассказывали друзьям и знакомым, что масштабы этой трагедии несоизмеримы с бедствиями прежних голодных лет. В 1891, 1906 и 1911 гг. всевозможную помощь голодавшим крестьянам оказывали различные общественные организации и само правительство. Однако на этот раз помощи не только не последовало, но даже напротив: голод, начавшийся в 1920 г., усугубили выполняемые по плану продразверстки повторные реквизиции пищевых продуктов.

Даже весьма сдержанное описание катастрофы в Поволжье, напоминавшее невольно библейские предания о десяти казнях египетских, вызывало у московских обывателей, закаленных красным террором и всяческими лишениями, чувство содрогания. Неизгладимое впечатление производили сведения о рационе голодавших: *«Лучшим хлебом считался зеленый, целиком из лебеды; хуже — с примесью навоза, еще хуже — навозный целиком. Еще ели глину, и именно тогда было сделано великое открытие "питательной глины", серой и жирной, которая водилась только в счастливых местностях и была указана в пищу каким-то святым угодником. Эта глина насыщала ненадолго, но зато могла проходить через кишки, и так человек мог прожить целую неделю, лишь постепенно слабея. Обычная глина, даже если выбрать из нее камешки и песок, насыщала навсегда, от нее человек уже не освобождался и уносил ее, вместе с горькой жалобой, на тот свет для предъявления великому Судие»*[10].

В меню голодавших входили также мясные блюда (из кошек, собак, черепах, сусликов, крыс, грачей, лягушек, саранчи и падали, а также отварные шкуры, ремни и молотые кости) и вегетарианская стряпня (из травы, со-

---

[9] Известия 25. XII. 1921. *IX Всероссийский съезд Советов, стенографический отчет.* М., 1922, вып. 2. С. 1-13, 20, 34. *Доклад Наркомзема на IX Всероссийском съезде Советов.* Тверь, 1922, с. 4-5. *Гуров П.Я.* Девятый Всероссийский съезд Советов и крестьянство. М, 1922. С. 13-14.

[10] *Осоргин М.А.* Времена. М., 1989. С. 130.

ломы, лебеды, листьев смородины и ежевики, желудей, муки из хрена, липовой коры, бересты, мха, мякины, опилок и мельничной пыли). Особое место занимали минеральные кушанья из торфа, ила и разнообразного мусора[11]. После этого никто уже не удивлялся, почему голодавшие порой воспринимали смерть не столько как избавление от мучений, сколько как неожиданную удачу в этой опостылевшей за годы перманентной войны и терзаний жизни.

Содержание приватных разговоров стало достоянием гласности 22 июня, когда профессор Саратовского сельскохозяйственного института А.А. Рыбников и кооператор М.И. Куховаренко ошеломили присутствовавших на совместном заседании Всероссийского съезда по сельскохозяйственному опытному делу и Московского общества сельского хозяйства сообщением о небывалом голоде в Поволжье. Президент общества профессор А.И. Угримов предложил собравшимся немедля учредить Комитет помощи голодающим, но известный экономист, бывший министр продовольствия Временного правительства С.Н. Прокопович посоветовал сперва отправить депутацию к Ленину. Тотчас утвердили и состав депутации[12].

Глава советского правительства через своих доверенных лиц (А.М. Горького и В.М. Свердлова — брата покойного председателя ВЦИК) уже дважды (в октябре 1920 г. и в апреле 1921 г.) выражал готовность побеседовать «с представителями старой русской общественности». Своенравная интеллигенция, в свою очередь, трижды устраивала по этому поводу «большие собрания», на которых выносила единодушную резолюцию: от переговоров с диктатором воздержаться. На этот раз положение в корне изменилось, но 23 июня Ленин депутацию не принял, а управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов адресовал ее в Наркомзем. Теодорович, спешно завершавший для Политбюро свой доклад о стихийном бедствии в Поволжье, от встречи с депутацией тоже уклонился. Тогда жена Прокоповича, журналистка и видная участница кооперативного движения Е.Д. Кускова, обратилась за поддержкой к своему давнему знакомому Максиму Горькому — человеку, «вхожему в Кремль».

К массовой гибели соотечественников от голода маститый писатель проявил, по воспоминаниям Кусковой, «потрясающее равнодушие». По словам Бориса Зайцева, «прекраснодушием интеллигентским» Горький не отличался, да к тому же «терпеть не мог русский народ — особенно не любил крестьян». Их темное, мстительное стремление «ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное» возмущало писателя. Он не мог забыть, как сотни крестьян, приглашенных на съезд деревенской бедноты в 1919 г. и размещенных в Зимнем дворце, загадили севрские, саксонские и восточные вазы, употребляя их в качестве ночных горшков при исправно действовавших уборных и водопроводе. Горького смущало отсутствие сострадания к голодавшим у крестьян, не задетых бедствием и невозмутимо комментиро-

[11] Современные записки, 1921, т. 7. С. 286-325.

[12] Вестник сельского хозяйства, 1921, № 5-6. С. 38-39, № 7. С. 12. *Кускова Е.* Месяц «соглашательства». Воля России, 1928, № 3. С. 50-69; № 4. С. 43-61; № 5. С. 58-78. *Сабашников М.В.* Записки. М., 1995. С.566.

вавших несчастье в Поволжье старинными пословицами: *«Не плачут в Рязани о псковском неурожае»* или *«Люди мрут — нам доро́ги трут»*. Но больше всего он опасался, что когда-нибудь буйная крестьянская орда перережет его друзей-коммунистов[13].

Тем не менее к идее образования Всероссийского комитета помощи голодающим писатель отнесся благосклонно, рассчитывая, вероятно, при содействии этого учреждения прокормить опекаемых им ученых, а заодно сгладить глубокие разногласия между интеллигенцией и властью. Он посетил председателя Совнаркома и не позднее 26 июня уведомил Кускову: *«Ленин горячо сочувствует инициативе общественников»*[14].

Члены Политбюро рассмотрели неожиданное предложение товарища Горького 29 июня и постановили оный проект «одобрить в принципе», поручив Каменеву возглавить пару комиссий «для предварительного обсуждения деталей»[15]. Вечером 29 июня, когда Российское телеграфное агентство (РОСТА) расклеило в столице телеграммы, извещавшие о намерении ряда общественных деятелей включиться в борьбу с голодом, начальник Секретно-оперативного управления ВЧК В.Р. Менжинский на совещании в Совнаркоме пообещал арестовать всех участников этой новоявленной крамолы, а член Политбюро Каменев пригласил инициативную группу на аудиенцию[16].

Утром 30 июня Кускова вместе с агрономом А.П. Левицким, кооператором П.А. Садыриным и директором Государственного института народного здравоохранения профессором Л.А. Тарасевичем были приняты в кремлевском кабинете Каменева. Там уже находился Горький, «с любопытством бытописателя» внимавший диалогу негласного ленинского заместителя с депутацией недобитой буржуазии. Обе стороны ясно понимали, что спасти голодающих могли лишь иностранные организации и только иностранные государства. Между тем европейская пресса непрестанно повторяла: любая помощь кремлевской диктатуре ничуть не облегчит положение российских подданных, а только укрепит советскую власть. В связи с этим депутация настаивала на публикации специального декрета о задуманном комитете, дабы за границей поверили, что западная помощь будет предназначена именно голодающим, а не советскому правительству. Каменев данный тезис не оспаривал; на следующий день он проинформировал Кускову о согласии Совнаркома (иными словами, Ленина) на издание такого декрета и попросил инициативную группу подготовить соответствующий текст[17].

Результаты прошедших переговоров интеллигенции с властью 3 июля обнародовала центральная пресса: *«Ввиду определившегося неурожая в значительной части земледельческой России ряд общественных деятелей доок-*

---

[13] *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 37. *Горький М.* Собр. соч. в 30-х томах, т. 17. С. 27-28. В кн: Максим Горький: pro et contra. СПб., 1997. С. 117-126.

[14] Руль (Берлин), 22. VI. 1922. *Кускова Е.* Указ.соч.

[15] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 181, л. 2.

[16] Руль (Берлин), 22. VI. 1922. *Маслов С.С.* Указ. соч. С. 104-105.

[17] *Кускова Е.* Указ. соч.

тябрьского периода обратились к правительству республики с предложением организовать специальный комитет по оказанию помощи голодающим и борьбе с различными эпидемиями. Наиболее значительную роль в этом ходатайстве играют Прокопович, Кускова, Кишкин и др. Самая просьба была передана Прокоповичем и Кусковой через т[оварища] Горького. Они выразили желание, чтобы в организуемой комиссии приняли участие некоторые из деятелей Советской России, в частности т[оварищи] Семашко, Каменев и Рыков. По имеющимся у нас сведениям, это предложение правительством принято, и в ближайшие дни можно ожидать опубликования официального постановления об организации этого комитета»[18].

Обозначенные в правительственном бюллетене «ближайшие дни» растянулись, однако, на три недели. За это время патриарх Тихон обратился с воззваниями о помощи к архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йорка, а Горький написал около десяти посланий европейским литераторам и государственным деятелям. Специальная комиссия, руководимая заместителем председателя Совнаркома А.И. Рыковым, вникла в содержание этих обращений и не обнаружила в них ничего предосудительного. Политбюро согласилось с заключением комиссии Рыкова и, поскольку голод распространялся чуть ли не со скоростью степного пожара и численность голодавших достигла уже 25 миллионов, на заседании 7 июля распорядилось передать воззвания патриарха и писателя по радио, но в советских газетах не печатать[19].

Простой и неизбитый способ быстрой стабилизации положения в стране изобрел в те дни руководитель советского правительства и одновременно вождь мирового пролетариата. Согласно его замыслу, надо было призвать в армию полмиллиона (или более) юношей из голодных губерний и расквартировать их на Украине, где ожидался неплохой урожай, а осенью поставить перед новобранцами задачу максимального изъятия у крестьян (в частности, посредством «особых реквизиций») излишков зерна. Прочим голодающими, которых насчитывалось свыше 24 миллионов человек, надлежало без устали собирать вторичное сырье (кожи, копыта, рога и щетину), поскольку Ленин полагал необходимым не давать им «ни пуда помощи, ни на семена, ни на продовольствие без оплаты тем или иным видом сырья или палого топлива или чего-либо подобного»[20]. Даже совершенно изнуренные голодом крестьяне не имели права нарушать кардинальный принцип советского государства: *кто не работает, тот не ест.*

Отдав общие указания, Ленин принялся вразумлять отдельных соратников, раздосадованных необыкновенной снисходительностью Политбюро по отношению к зарвавшейся интеллигенции. Громче всех протестовал нарком здравоохранения Н.А. Семашко, заранее убежденный в том, что меньшевики и эсеры непременно используют санкционированный властями комитет для враждебных акций. Его апелляции к верховным правителям

---

[18] Известия, 3.VII.1921.

[19] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 184, л. 1-2. Архив А.М. Горького. М., 2001, т. XVI. С.48. *Горький М.* Неизданная переписка... М., 2000, вып. 5. С. 162.

[20] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 44. С. 67-69.

побудили, в конце концов, Ленина раскрыть не самому смекалистому, но очень полезному сподвижнику часть своего тактического плана. *«Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!* — написал на заседании Политбюро 12 июля вождь мирового пролетариата, изменив от умиления пол верного боевого товарища. — *От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го»*[21].

Происки бывших общественных деятелей обеспокоили и председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. Четко сознавая, какую ответственность накладывает на его ведомство странная терпимость Политбюро к подозрительной кучке буржуазных интеллигентов, он приказал своему заместителю И.С. Уншлихту составить циркуляр «О принятии срочных мер в связи с неурожаем в Поволжье» и 12 июля сам набросал основные тезисы этой директивы: 1) «в кратчайший срок уничтожить всю белогвардейщину и заговорщиков, спекулирующих на бедствии для своих целей»; 2) направить в голодающие губернии «выдержанных серьезных уполномоченных»; 3) наладить точную ежедневную информацию с мест бедствия; 4) ужесточить надзор за перемещением населения; 5) вербовать добровольцев из пострадавших губерний в воинские части ВЧК для отправки «в урожайные губернии»[22]. С целью повышения революционной бдительности через две недели президиум ВЧК сформировал «Комиссию по организации и руководству органами ЧК в борьбе с голодом и эпидемиями»[23].

В отличие от наркома здравоохранения и председателя ВЧК, только почуявших запах брожения, секретарю Президиума ВЦИК П.А. Залуцкому удалось обнаружить явную крамолу. На заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 15 июля он доложил о *«замечающемся оживлении деятельности контрреволюционных организаций»*, которые стремятся использовать тяжелое продовольственное положение в своих злодейских целях и поэтому сколачивают на периферии различные комиссии или комитеты помощи голодающим без дозволения инстанций. Чрезвычайно встревоженное Оргбюро поручило ВЧК *«обратить сугубое внимание на указанные попытки контрреволюционных элементов»*, а впредь еженедельно информировать ЦК РКП(б), *«в каких местностях России более всего обнаруживается контрреволюционное движение на почве голода»*[24].

Сдержанный ропот особо ответственных товарищей поставил высших сановников в щекотливое положение. Строго говоря, они были целиком согласны с недовольными соратниками: легализация общественной организации, освобожденной от руководящей, направляющей и надзирающей роли партии, противоречила охранительным канонам, ведущим полицейским интересам советской власти. Но раз Ленин соизволил пообещать декрет о формировании этого комитета, приходилось повиноваться. Ни ослушаться своего ратоборствующего пастыря, взгляд которого молниеносно прони-

---

[21] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 184, л. 4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 53. С. 24-25.

[22] *Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии.* 1917 — 1921 г.г. М., 1958. С. 443-444.

[23] *Итоги борьбы с голодом в 1921-22 г.г.* М., 1922, с. 171-173.

[24] РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 189, л. 5-6.

кал сквозь непроницаемую для окружающих завесу материальной сущности, ни заподозрить его в благосклонности к интеллигенции ни один большевик не посмел бы ни при каких обстоятельствах. Принимая важные политические решения, глава советского правительства не считался обычно с мнением единомышленников; он всегда выбирал собственный путь не из упрямства, а из чувства безграничного своего превосходства над окружающими. Сподвижникам оставалось только тешить себя надеждой, что на этот раз вождь мирового пролетариата задумал какой-то нестандартный политический маневр (возжелал, например, сделать создаваемый комитет коллективным заложником, на которого потом можно будет свалить всю вину за голод).

Несколько раз возвращалось Политбюро к анализу внезапно возникшей проблемы, связанной с непредвиденной активностью прежних общественных деятелей, пока 16 июля не одобрило, наконец, план Каменева, предусмотревшего внедрение в будущий комитет руководящей коммунистической группы и учреждение параллельной государственной структуры в виде специальной Комиссии ВЦИК для помощи голодающим. Персональный состав командного коммунистического ядра в общественном комитете и в Комиссии ВЦИК утвердили на предыдущих заседаниях 12 и 15 июля. Заодно разрешили Горькому податься за границу с мандатом от общественного комитета (для сбора пожертвований в пользу голодающих) и предписали, учитывая размах бедствия, отпустить четыре миллиона рублей серебром в распоряжение Наркомата внешней торговли для закупок пшеницы и риса в Северо-Восточной Персии[25].

О безмерном великодушии Политбюро, допустившего зачатие общественного комитета, Каменев объявил на пленуме Московского совета 19 июля, а днем раньше, 18 июля, Калинин скрепил своей подписью постановление ВЦИК о преобразовании существовавшей дотоле безвестной комиссии в новую Комиссию помощи голодающим при ВЦИК. Эта Комиссия, именовавшаяся в последующем ЦК Помгол, получила «право объединения и согласования деятельности всех советских учреждений в деле борьбы с голодом как в центре, так и на местах». Председателем ЦК Помгол стал сам Калинин, а в креслах его заместителей разместились член президиума ВЦИК П.Г. Смидович, Рыков и все тот же Каменев[26].

Нежеланный сводный брат Комиссии ВЦИК, Всероссийский комитет помощи голодающим появился на свет 21 июля. В соответствии с постановлением ВЦИК, подписанным Калининым, Комитет получил права юридического лица и отныне мог «на законном основании совершать сделки и договоры, приобретать имущество, искать и отвечать на суде». Ему присвоили знак Красного Креста и разрешили приобретать для голодающих продовольствие, фураж, медикаменты и предметы первой необходимости в России и за рубежом, собирать пожертвования, открывать в регионах свои филиалы, содействовать образованию подобных Комитетов в западных странах, командировать за границу своих уполномоченных и печатать свой

[25] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 184, л. 5; д. 187. Л. 2; д. 189, л. 2-3; д. 190, л.4.

[26] Известия, 21. VII. 1921.

бюллетень, брошюры и плакаты. Деятельность Комитета не подлежала ревизии Рабоче-крестьянской инспекции[27].

Первоначальный состав Комитета из 63 его членов, утвержденных тем же постановлением ВЦИК от 21 июля, оказался довольно пестрым. Правящая партия делегировала в Комитет 12 проверенных большевиков (А.И. Емшанова, Л.Б. Каменева, Л.Б. Красина, М.М. Литвинова, А.В. Луначарского, Н.Е. Пауфлера, А.И. Рыкова, А.И. Свидерского, Н.А. Семашко, П.Г. Смидовича, И.А. Теодоровича, А.Г. Шляпникова) и личного ленинского хирурга В.Н. Розанова. В дальнейшем четверо сановников (заместитель наркома иностранных дел Литвинов, член коллегии Наркомата социального обеспечения Пауфлер, член коллегии Наркомата продовольствия Свидерский и председатель ЦК профсоюза металлистов Шляпников) и хирург Розанов никакого участия в работе Комитета не принимали. Исполнять обязанности председателя Комитета поручили Каменеву, а его заместителем ВЦИК назначил Рыкова.

Остальных 50 человек присмотрела инициативная группа общественных деятелей, ориентируясь только на деловые качества и характерологические особенности своих кандидатов. В последующем на общих собраниях Комитета в его состав кооптировали еще 11 человек. Затем была организована студенческая секция Комитета, объединявшая представителей сперва 11 высших учебных заведений страны, а в конце августа — свыше 40. Ни меньшевиков, ни эсеров к сотрудничеству не привлекали в связи с твердой аполитичной позицией Комитета. Немного обиженные меньшевики призвали тем не менее социалистические партии и рабочие организации западных стран *«выполнить до конца свой долг международной солидарности»* и помочь *«революционной России, бьющейся в тисках развала и голода»*[28].

В день рождения Комитета, 21 июля, сановники, уполномоченные высшими инстанциями на схватку с голодом, и представители «гнилой интеллигенции», вставшие на защиту голодающих по велению совести, встретились в Белом зале Московского совета на предварительном заседании. Врач по профессии, а в прошлом один из лидеров кадетской партии и министр государственного призрения Временного правительства Н.М. Кишкин огласил заранее подготовленную инициативной группой декларацию:

«Происходящие в России события создали между гражданами одной страны непреодолимые преграды и разбросали их по разным непримиримым лагерям. Но не может быть, не должно быть вражды и смуты там, где смерть пожирает свои жертвы, где плодородные поля обращены в пустыню, где замирает труд и нет животворящего дыхания жизни. Дело помощи голодающим должно объединить всех. Оно должно быть поставлено под мирное знамя Красного Креста. Краснокрестная работа, лишенная всякого элемента политической борьбы, должна происходить гласно, открыто, под знаком широкого общественного контроля и сочувствия.<> Мы должны иметь право сказать не

---

[27] Известия, 23. VIII. 1921.

[28] Известия, 3. VIII, 16. VIII. 1921. Социалистический вестник, 1921, № 14/15. С. 5, 7. Последние Новости (Париж), 17.V.1923. *Максимов Ю.Н.* Комитет помощи голодающим. В кн.: Память. Исторический сборник. Париж, 1981, вып. 4. С. 382-393.

только внутри страны, но и там, за рубежом, в тех странах, куда мы вынуждены обратиться за временной помощью, что властью поняты задачи момента, что ею приняты все зависящие от нее меры, гарантирующие работникам по голоду законную защиту их деятельности, скорое продвижение и полную сохранность всех грузов и пожертвований, предназначенных для голодающих»[29].

В ответном слове Каменев подчеркнул аполитичность Комитета и заявил от имени советского правительства: *«Мы гарантируем деловой работе Комитета все условия, которые могут сделать успешными ее практические результаты». Тогда Прокопович сформулировал основную цель Комитета: «Нужна помощь из-за границы. При создавшейся остроте отношений прямое обращение правительства едва ли будет признано удобным. Обращение должно исходить от русского общества. И мы надеемся, что оно найдет отклик». Каменев не возражал; более того, на следующий день он проинформировал читателей центральных газет: «Этот комитет имеет своей задачей сбор и приобретение необходимых голодающим средств как в России, так и главным образом за границей. Он может рассчитывать на сочувствие и поддержку таких кругов, которые не откликнулись бы на призыв коммунистов»*[30].

Первое общее собрание Всероссийского комитета помощи голодающим состоялось снова в Белом зале Московского совета 23 июля. Сперва Каменев уведомил присутствовавших о согласии В.Г. Короленко (писателя, почетного академика Российской Академии наук и самого уважаемого, наверное, гражданина советского государства в тот период) стать почетным председателем Комитета. (*«Я болен и слаб*, — написал Короленко 27 июля в телеграмме, адресованной Комитету, — *силы мои уже не те, какие нужны в настоящее время, тем не менее я глубоко благодарен товарищам, вспомнившим обо мне в годину небывалого еще бедствия, и постараюсь сделать все, что буду в силах».*) Затем члены Комитета выбрали свой президиум (куда вошли Каменев и Рыков, Кишкин и Прокопович, а также кооператоры И.А.Черкасов и Д.С. Коробов) и приняли резолюцию: направить за границу специальную миссию «для установления сношений с Западной Европой»[31]. Таким образом, «боевые действия на голодном фронте», как верещала пресса, начались ровно через месяц после того, как в столице узнали о катастрофе в провинции.

Прегрешения былой общественности

Появление Всероссийского комитета помощи голодающим раскололо интеллигенцию. Еще совсем недавно, до октябрьского переворота, ее объединяли сакральная идея народного блага и стремление (зачастую умозрительное) к самопожертвованию, возвышенные мечтания и эпизодические упражнения в самоотверженности. За годы всероссийской голодовки, названной военным коммунизмом, когда большевики перераспределили в свою пользу все ресурсы страны ради победы в гражданской бойне, доктрина

[29] Известия, 22. VII. 1921. *Кускова Е.* Указ. соч.

[30] Известия, 22. VII. 1921, 23. VII. 1921.

[31] Известия, 24. VII. 1921. Правда, 7. VIII. 1921.

служения народу изрядно потускнела, а категорический императив долга утратил былую безапелляционность. Прежняя способность к состраданию наряду с готовностью претерпеть всяческие гонения, а при необходимости сложить буйну голову на алтарь социальной справедливости, не выдержали испытания ежедневной практикой выживания в условиях перманентного террора и темного, стихийного, полуголодного существования.

Многие разочарованные, измотанные, навсегда устрашенные люди восприняли сообщение о возникновении Комитета как чуть ли не самоочевидный признак кризиса советской власти, но поддержать широко известных когда-то общественных деятелей не рискнули, опасаясь «прирожденной подлости большевиков» и предпочитая традиционную фигу в кармане раздражающим власть телодвижениям. Как только газеты с постановлением ВЦИК от 21 июля расклеили по Москве, злоязычные обитатели столицы обозвали перечень лиц, вступивших в Комитет, «списком всероссийских идиотов»[32]. Сам же Комитет получил у большевиков язвительное прозвище «Кукиш» (или «Прокукиш») по начальным слогам фамилий наиболее энергичных его представителей (Прокоповича, Кусковой и Кишкина).

Часть интеллигенции принялась упрекать Кускову в «болезненной импульсивности» и «экспансивной неосторожности», толкающей ее «на ложный и опасный путь», но никакой позитивной программы спасения голодающих не выдвинули, придерживаясь, должно быть, девиза революционных стоиков: *пусть погибнет мир, но восторжествует принципиальность.* Историк С.П. Мельгунов, в частности, отказался вывесить в книжном магазине издательства «Задруга» адрес Комитета и список его представителей. Самые непримиримые противники Комитета срамили его членов бранным словом «соглашатели» (по сути, предшественником порожденного Второй мировой войной понятия «коллаборационисты»). По информации, просочившейся из России за границу, «к Кишкину и Прокоповичу все отнеслись с нескрываемым осуждением, как к людям, которые либо играют дурака, либо себя продают»[33].

С такой же демонстративной неприязнью встретила петроградская интеллигенция образование филиала Комитета в бывшей столице. Дом литераторов сразу отверг предложение участвовать в этом предприятии. Недоверие к новоявленной организации заметно усилилось, как только Горький, получивший в Москве необходимый мандат, приступил к ее формированию и без дальних слов превратил великодушное начинание в «анекдот политической двусмысленности», по определению А.В. Амфитеатрова: «*Целый ряд имен был внесен в список членов отделения без спроса их носителей, что повлекло протесты и отказы. На учредительное собрание, созванное персональными приглашениями, не были позваны представители уцелевших культурных общественных организаций. Все это слагалось в картину какого-то некрасивого, случайного произвола*»[34].

---

[32] *Сабашников М.В.* Указ. соч., с. 462.

[33] Руль (Берлин), 4. V. 1923 Последние Новости (Париж), 17. V. 1923. *Кускова Е.* Указ. соч. «Совершенно лично и доверительно!»..., т. 2. С. 81.

[34] *Амфитеатров А.В.* Горестные заметы. Берлин, 1922. С. 34-35.

Даже многоопытной центральной прессе не удалось с ходу разобраться, кого все-таки «избрали» в петроградский филиал Комитета. Сначала его членом назвали именитого профессора В.М. Бехтерева, а руководителем — председателя Русского технического общества профессора П.И. Пальчинского. Затем эти фамилии напрочь выпали из поля зрения репортеров. Зато через три недели выяснилось, что председателем петроградского отделения Комитета Горький назначил самого себя, а своим заместителем — академика С.Ф. Ольденбурга. Среди прочих участников петроградского филиала упоминались несколько академиков, писатель Е.И. Замятин, журналист А.Б. Петрищев и санитарный врач М.М. Гран, возглавлявший специальную комиссию Наркомздрава по оказанию помощи голодающим[35].

Как проявил себя в то перекаленное лето петроградский филиал Комитета, осталось в конечном счете неясным. Сам же Горький переключил свое внимание на спасение голодавших ученых. *«Дорогой т[оварищ] Томский!* — писал он председателю Туркестанской комиссии ВЦИК (в дальнейшем председателю ВЦСПС) 16 августа 1921 г. — *Посылая сотрудников Комиссии по улучшению быта ученых в Петрограде к Вам, в Туркестан, за помощью продовольствием, убедительно прошу Вас содействовать успешному разрешению задачи, возложенной на них. Положение — отчаянное. Крупнейшие представители русской науки, люди, имена которых известны всему миру и заслуги высоко оценены,— ныне находятся в состоянии голодающих индусов. Теряют силы, заболевают, и некоторые заболевания завершаются смертью, ибо истощенный длительным недоеданием организм лишен силы сопротивления. Очень прошу Вас, старый товарищ, помогите! Крепко жму руку. М.Горький»*[36].

Формально Горький оставался членом Комитета, но в заботы и хлопоты его участников, по существу, не вникал — находился «где-то за сценой», как говорил Борис Зайцев. По мысли патриарха социалистического реализма, единственная функция членов Комитета, удостоенных необычной чести служить народу вместе с партией и под ее контролем, сводилась к сочинению воззваний о помощи, обращенных к европейским государствам. *«Я думаю, что это — все, что может сделать подобный комитет»*, — утверждал он в письме Короленко[37]. Аналогичную цель поставил он и перед своей бывшей гражданской женой М.Ф. Андреевой — в прошлом актрисой, а с 1919 г. — комиссаром Экспертной комиссии при Наркомате внешней торговли. В апреле 1921 г. Андрееву откомандировали за границу для ускоренной распродажи реквизированных большевиками антикварных и художественных ценностей; через три месяца она, попав в Стокгольм по своим торговым обязанностям, произнесла перед шведскими журналистами трогательную речь о голоде в российском захолустье и как будто имела успех[38].

В отличие от Горького, председатель Комитета Каменев о каких-либо воззваниях не помышлял, отчетливо сознавая, что искренность советских

---

[35] Известия 26.VII.1921, 14.VIII.1921.

[36] РГАСПИ, ф. 75, оп. 1, д. 111, л. 1.

[37] *Горький М.* Неизданная переписка... М., 2000, вып. 5. С. 163.

[38] *Андреева М.Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 341-345.

заклинаний о помощи вызовет большие сомнения у прагматичных западных дельцов и политиков. *«Комитет создался под знаком Красного Креста,* — заявил он однажды в интервью,— *его цель— сбор пожертвований, ему предоставлено только одно право — самостоятельного распределения среди голодающих собранных Комитетом фондов»*[39].

Выражение «под знаком Красного Креста» не содержало в себе никакой смысловой нагрузки ни для Каменева, ни для прочих ленинских гвардейцев. Войну с покоренным, но еще недостаточно покорным населением усопшей Российской империи следовало, по их твердому убеждению, продолжать до полной победы коммунистического вероучения в еще недавно христианской стране, так что напрасно члены Комитета возлагали робкие надежды на перемирие в условиях наступившей катастрофы. Однако конъюнктура требовала от Каменева адекватной обстоятельствам инсценировки, в том числе употребления беспредметных, на его взгляд, словосочетаний. Многолетнее подпольное бытие приучило его к лицедейству, и теперь он подвизался в излюбленном амплуа интеллигента и почти демократа.

Учтивые манеры председателя приятно удивили членов Комитета. Он появлялся на заседаниях не просто в назначенный час, а прямо-таки минута в минуту. Он регулярно приносил с собой пучки вырезок из недоступной для советских подданных эмигрантской прессы (именно вырезки, а не сами газеты) и дарил их собравшимся. Он постоянно приглашал в Комитет иностранных корреспондентов, а сами собрания проводил, можно сказать, безупречно: *«Он был очень любезен, находчив, иногда даже тонко остроумен. На заседаниях президиума старался установить некоторую интимность общения, никогда не подчеркивал обособленности своих воззрений от всех других людей, т.е. не практиковал излюбленного большевистского жаргона, столь надоедливого и назойливого. Нет, это был такой же интеллигент, как и все остальные»*[40].

Необыкновенная предупредительность Каменева внушала членам Комитета легкое беспокойство. Настораживала, прежде всего, упорная молва о редкостной беззастенчивости Каменева — одного из самых богатых советских вельмож, раздобывшего для своей жены комплект особо ценных бриллиантов[41]. Никто не знал, однако, что еще в 1910 г. Л.Д. Троцкий назвал повадки своего зятя Каменева «только прикрытием нравственной распущенности худшего пошиба», а семь лет спустя А.Ф. Керенский разглядел в поведении этого видного ленинского сподвижника всего лишь умелую имитацию порядочности: *«Этот мягкий, приветливый человек в совершенстве владел искусством с подкупающим правдоподобием прибегать ко лжи. С удивительной легкостью он завоевывал расположение тех самых людей, которых водил за нос, и проделывал это с выражением почти детской невинности на лице»*[42].

---

[39] Известия, 4.VIII.1921.

[40] *Кускова Е.* Указ. соч.

[41] *«Совершенно лично и доверительно!»*..., т. 2. С. 373.

[42] РГАСПИ, ф.323, оп. 2, д. 156, л. 84-85. Вопросы истории, 1991, № 7-8. С. 155.

В ту пору интеллигенция еще не проведала, что образцовые большевики вроде Каменева могут в случае особой нужды поиграть и в корректность, и в терпимость, но не способны утаивать главное свойство своего мировоззрения — всеохватывающую ненависть. Если рассуждения Каменева о неизбывной виновности российского крестьянства перед советской властью отдаленно напоминали историю незабвенной унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла, и порождали иной раз насмешки, то кое-какие категорические высказывания сановника вселяли тревогу. Так, однажды на заседании Комитета он вдруг брякнул: *«Удовлетворить голодных можно лишь вооруженной рукой, отняв хлеб у имущих»*[43].

С безусловным опозданием члены Комитета пришли к выводу о банальных провокаторских устремлениях своего председателя. Западных журналистов он приглашал в Комитет, чтобы потом инкриминировать наиболее одиозным интеллигентам преступные контакты с иностранцами, а вырезки из навечно запрещенных эмигрантских изданий раздавал желающим, дабы изобличить таким образом сочувствующих «зарубежному белогвардейству».

Заместитель Каменева держался иначе. *«Приезжал и Рыков*, — вспоминал через несколько лет Борис Зайцев. — *Но, сколько помню, всегда пьяный. В тужурке, с длинным мальчишеским галстуком, сальными волосами. Понять, что говорит, трудно, очень плохо двигал языком»*[44]. Довольно скоро он уехал поправлять здоровье в германских клиниках, и 29 июля Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление: взамен Рыкова в президиум Комитета ввести Семашко[45].

Оставив без внимания и расплывчатые подозрения относительно Каменева, и возражения неумолимой части интеллигенции, члены Комитета занялись организацией непосредственной помощи голодающим. Предварительно они «обязались друг перед другом честным словом стойко выдержать раз принятую позицию и отстранить от Комитета всякую агитацию, всякую провокацию со стороны ли власти или иных безответственных сил»[46].

Самую важную задачу Комитета сформулировал юрист и предприниматель, тесно связанный когда-то с основными финансово-промышленными кругами Российской империи, один из лидеров кадетской партии и авторов ее аграрной программы Н.Н. Кутлер: *«Дело это — страшно опасное. Ведь с кем договариваться? Люди без чести и без отечества. Что им голод? Может дело повернуться так, что они утопят в нем остатки интеллигенции. Нам только и остается делать то, что подскажет совесть. Нужно хотя бы ценой собственных жизней привлечь внимание заграницы»*[47]. Эти слова Кутлера — человека больного, подавленного, недавно выпущенного из тюрьмы, где он отсидел около года в качестве заложника, и больше всего боявшегося нового ареста, — члены Комитета нередко вспоминали потом и в тюрьмах, и в

---

[43] *Сабашников М.В.* Указ. соч. С. 463.

[44] *Зайцев Б.К.* Веселые дни. Возрождение (Париж), 29. I, 12.II. 1928

[45] РГАСПИ, ф. 17, оп.112, д.195, л. 4

[46] Последние Новости (Париж), 17.V.1923.

[47] Дни (Париж), 18.V.1924.

ссылках, и в эмиграции. Но в то спаленное солнцем лето 1921 г. горстка интеллигентов, сохранившая верность идеалам своей молодости, довольно смутно представляла себе все последствия вызова, брошенного ею властям, хотя успела уже постичь, что правящая партия не оставляет неотомщенной ни одной попытки непокорности и автономной инициативы.

Сознательное пренебрежение собственной безопасностью советские специалисты по карательной психиатрии трактовали бы, вероятно, в рамках синдрома сверхценных идей или паранойяльного развития личности. Западные психологи и криминалисты второй половины XX столетия могли бы назвать такую модель поведения виктимной (от английского слова «victim» — жертва). Но в 1921 г. бескорыстную жертвенность еще не рассматривали как разновидность девиантного (отклоняющегося) образа действий, коммунистическая пропаганда еще не сочинила принципы самоотверженности по команде инстанций, а детский хор еще не исполнял по центральному радио «Марш веселых ребят», регламентирующий доблесть советских подданных: *«Когда страна быть прикажет героем,— у нас героем становится любой»*.

Не аффективная логика, не инфантильная жажда подвига и славы, не героический экстаз определяли поступки полусотни интеллигентов, сплоченных неутолимой потребностью служения возвышенной цели и не допускавших для себя возможности отсиживаться «в созерцательном бездействии», по выражению Кусковой, в период всенародной беды. Из скромного особняка на Собачьей площадке, где разместился Комитет, повеяло общественной весной. В раскаленной столице наступили «веселые дни», как окрестил их Борис Зайцев (может быть, по шальной реминисценции с любимой песней пьяных мастеровых: *«Бывало, в дни веселые гулял я молодцом...»*). Члены Комитета К.С. Станиславский и А.И. Южин (Сумбатов) наметили программу благотворительных вечеров и гастролей, и с августа в большинстве московских театров, в консерватории и на эстрадах Нескучного сада начались спектакли и концерты со сборами в пользу голодающих. Журналист и прозаик М.А. Осоргин взялся редактировать газету «Помощь». Кооператоры П.А. Садырин, Д.С. Коробов, И.А. Черкасов и М.А. Авсаркисов возглавили хозяйственную деятельность; об этой стороне работы Комитета рассказал в своих мемуарах Осоргин:

«Нескольких дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из Центра и Сибири, как в кассу общественного Комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официальному. Огромная работа была произведена разбитыми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный комитет, никакой властью не облеченный, опиравшийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряжения, которые исполнялись с готовностью и радостно всеми силами страны. Он мог спасти — и спас — миллион обреченных на ужасную смерть, но этим он мог погубить десяток правителей России, подорвав их престиж; о нем уже заговорили, как о новой власти, которая спасет Россию. Ему уже приносили собранные пожертвования представители войсковых частей Красной армии и милиционеры»[48].

[48] *Осоргин М.А.* Указ. соч. С.132.

Неожиданная предприимчивость Комитета чрезвычайно озаботила большевиков. Первыми отреагировали, как положено, чекисты. Чуть ли не на третий день после открытия Комитета взволнованный Горький примчался на Собачью площадку, чтобы «в ультрадискретной беседе» предупредить Кускову о «величайшей» опасности: *«Лубянка заявляет прямо и определенно: мы не позволим этому учреждению жить»*[49]... В доверительном монологе писателя, как почудилось Кусковой, прозвучал еще странный намек, будто государством управляет не столько Совнарком, сколько ВЧК.

Предостережение Горького оказалось не более чем холостым выстрелом, случайным диссонансом в беспечном задоре «веселых дней». Душевное состояние кучки полузабытых общественных деятелей, внезапно востребованных согражданами, не ухудшили даже опубликованные в конце июля измышления ВЧК о «заговоре» петроградской интеллигенции, «организованном» профессором В.Н. Таганцевым, мифическом комплоте «пособников голода», готовивших «политический и экономический террор» против советских подданных[50].

Негласный реестр крамольных действий былой общественности пополнялся отныне почти ежедневно. Ей ставили в вину и настойчивые напоминания правительству о необходимости снять налоги с голодающих губерний, и создание обширной коллекции из разного рода суррогатов хлеба, и попытки получить засекреченные статистические материалы, дабы оценить подлинные масштабы катастрофы, и связь с иностранцами в форме несанкционированных властями посещений Комитета отдельными представителями британской торговой делегации. Нескрываемое раздражение сановников вызывали и непрерывный поток жалоб и прошений, поступавших в Комитет со всех концов страны, и спонтанное возникновение аналогичных местных комитетов на охваченных бедствием территориях, и обилие всевозможных пожертвований, среди которых выделялось даяние Реввоенсовета Республики в размере 25 миллионов рублей, доставленных на Собачью площадку каким-то бравым командиром под эскортом шести красноармейцев с обнаженными саблями[51].

Крупный партийный функционер К.Б. Радек, слывший среди большевиков юмористом и автором политических анекдотов, попробовал через прессу растолковать непокладистой интеллигенции и заодно погибавшим от голода крестьянам, что великое бедствие можно преодолеть не филантропией, а «великой инициативой самой страдающей массы»[52]. Поскольку Радек не расшифровал суть «великой инициативы» (имел ли он в виду, например, использование новых сортов съедобной глины или более изощренные способы непреднамеренного самоубийства), Кишкин и Прокопович обратились к патриарху Тихону с просьбой склонить верующих к благотворительности. Обозленный Каменев не сумел постичь, «для чего Ко-

---

[49] *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького. Новый журнал, 1954, кн. 38. С. 224-245.

[50] Известия, 24. VII, 27. VII. 1921.

[51] Последние Новости (Париж), 17. V. 1923. Современные записки, 1924, т.22. С. 366-387. *Сабашников М.В.* Указ. соч. С. 463. *Осоргин М.А.* Указ соч. С. 131.

[52] Правда, 2.VIII.1921.

митет берет на себя организацию сил контрреволюции» (иначе говоря, консолидацию верующих для поддержки соотечественников), но все-таки распорядился отпечатать воззвание патриарха тиражом в сто тысяч экземпляров без цензурного вмешательства. Это воззвание раздавали верующим у входа в храм Христа Спасителя 5 августа. В храме состоялось тогда патриаршее служение, на паперти было собрано около десяти миллионов рублей пожертвований, а к предыдущим провинностям Комитета добавилась «смычка с церковью»[53].

Накануне, 4 августа, центральная пресса опубликовала интервью Каменева, утверждающего, будто «охвостье белых организаций» за рубежом вкупе «с мировой буржуазией» вознамерилось осуществить «хлебную интервенцию» и под предлогом помощи голодающим предъявить советской власти ряд политических требований[54]. В действительности эмигранты, как докладывал позднее Ленину заместитель председателя ВЧК Уншлихт, категорически отвергали какую-либо спекуляцию на голоде, но обсуждали возможные перспективы интеграции распыленной интеллигенции, возрождения общественных объединений и установления их контактов с западной цивилизацией[55].

Относительно планов «мировой буржуазии» Каменев попросту солгал. Еще месяц назад Фритьоф Нансен (норвежский полярный исследователь и почетный член Петербургской Академии наук с 1898 г., дипломат и верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных) пообещал советскому правительству прислать продовольствие для голодного петроградского населения, поставив одно непреложное условие: наблюдать за распределением продуктов должен был иностранный представитель. Ленин приказал соратникам «в виде исключения» согласиться на это условие, и 11 июля послушное Политбюро облекло повеление верховного вождя в форму собственного постановления[56]. Через две недели, 26 июля, руководитель Американской администрации помощи (АРА) Герберт Гувер предложил прокормить один миллион голодающих детей при условии незамедлительного освобождения из советских тюрем всех граждан США и предоставления надлежащих гарантий сотрудникам АРА. После пятидневных совещаний члены Политбюро с унынием признали необходимость срочно принять условия Гувера[57].

В своем интервью Каменев отметил и определенный отрадный для большевиков феномен — воплощенную на практике инициативу бывших царских министров, лидеров кадетской партии и кооператоров, работающих теперь «под руководством советской власти». Этот пассаж настолько возмутил членов Комитета, что они пригрозили своему председателю отказом

---

[53] *Кускова Е.* Указ. соч.

[54] Правда, 4. VIII. 1921. Известия, 4. VIII. 1921.

[55] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20683, л. .5-6.

[56] РГАСПИ, ф.17, оп.3, д. 188, л. 1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т.53. С. 18, 21.

[57] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 192, л. 5. Документы внешней политики СССР, т.IV. С. 246-247.

от добровольно взятых на себя обязательств, если тот не поместит в газете соответствующее опровержение. Осмотрительный Каменев упирался недолго, и 14 августа «Известия» напечатали сообщение, отдаленно напоминавшее своеобразное опровержение: *«Президиум Всероссийского комитета помощи голодающим считает нужным вновь решительно подтвердить, что деятельность его лишена всякого политического характера, что он является организацией, преследующей чисто деловые задачи в пределах прав, точно установленных декретом ВЦИК от 21 июля, и что он работает под знаком Красного Креста»*[58].

Покладистость Каменева объяснялась просто: существование Комитета сулило большевикам немалые выгоды. Если в июле западная пресса рассматривала учреждение Комитета как очевидный признак слабости советской власти, то в середине августа — уже как свидетельство начатой реализации нового ленинского курса, как приоткрывшуюся возможность провести гуманитарную акцию по призыву общественности, а не большевиков и одновременно как оригинальный путь проникновения на необъятный российский рынок при соблюдении декорума экономической блокады страны. Всего за три с лишним недели Комитет превратился, по словам наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, в «главный стимул притока к нам капиталов и разнообразных предлагаемых нам или ожидающихся в недалеком будущем займов»[59].

О мотивах негодования общественных деятелей по поводу интервью Каменева рассказала в своих воспоминаниях Кускова: *«Выражение "под руководством советской власти" в тогдашней России имело совершенно особый смысл. Оно мозолило глаза в советской печати, на митингах, в плакатах — всюду. Все в России должно делаться "под руководством советской власти",— начиная с чистки улиц и кончая мировой революцией. Не получая от граждан должного почтения, не видя жажды этого "руководства", советская власть хотела внушить все это путем гипноза. Когда я приехала за границу, то и здесь — к моему удивлению — я наткнулась на такую же многосмысленную и гипнотизирующую фразу: "вопреки советской власти"... Эволюция происходит, но "вопреки советской власти". Нравственность еще сохранилась, но "вопреки советской власти". Там — все "под руководством", а здесь все — "вопреки"... Как странно, что взрослые люди могут утешать себя столь наивной фразеологией»*. После этого конфликта членам Комитета оставалось только констатировать: даже повальный голод населения «в стране, пораженной гангреной гражданской войны», служит предлогом для политических игр.

Конец либеральных иллюзий

Затянувшееся празднество «веселых дней» завершилось в сущности 18 августа. Вечером этого по-прежнему жаркого дня делегация Комитета собиралась отбыть в Западную Европу для сбора пожертвований. Прочие члены

[58] Известия, 14. VIII. 1921.

[59] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1925, л.1; ф. 17, оп. 84, д. 250, л. 30-32.

Комитета, поручившиеся за отъезжавших, оставались в Москве и превращались в заложников. Паспорта семерых участников делегации (М.П. Авсаркисова, К.А. Бенкендорфа, Ф.А. Головина, Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, Л.А. Тарасевича и А.Л. Толстой) с визами Великобритании, Германии и Швеции лежали в канцелярии Наркомата иностранных дел. Однако в 14 часов ВЦИК уведомил делегатов об отказе в санкции на выезд. Непреклонный пессимист Кутлер прокомментировал резолюцию ВЦИК с мрачным удовлетворением: *«Ну, вот и конец»*[60].

Безоговорочное решение не выпускать делегацию за границу было принято в тот день державными сановниками в процессе телефонных переговоров и оформлено как постановление Политбюро; ВЦИК же — официально высший законодательный и распорядительный орган государственной власти — только предал гласности повеление советских правителей. Зарубежная поездка делегации Комитета, с точки зрения ВЦИК, не диктовалась насущной необходимостью и привела бы «лишь к раздроблению сил и отвлечению их от практической работы». Поскольку в голодающие районы уже начало поступать, по заверению ВЦИК, продовольствие, Комитету надлежало срочно выделить из своего состава максимальное число членов для бессменной трудовой вахты в юго-восточной глуши. В случае неподчинения этой рекомендации ВЦИК предусмотрел «поездку членов Комитета в голодающие районы предписанием и назначением Центральной правительственной власти». Вердикт высшего законодательного и распорядительного органа республики (кроме последнего пункта о покарании за непослушание) опубликовали, как положено, не 19 и даже не 20, а 24 августа[61].

Несколько государственных чиновников самого высокого ранга отважились осторожно и почтительно оспорить распоряжение верховной власти. Заместитель наркома путей сообщения Емшанов и нарком просвещения Луначарский осмелились воззвать к артельному рассудку Политбюро. Отклонение просьбы общественных деятелей о выезде их делегации за границу, утверждали они в своей петиции, равносильно расформированию Комитета и сулит всякие неприятности: *«Учитывая весьма малую полезность Комитета, но принимая во внимание и полное пока отсутствие вреда с его стороны, мы полагаем, что вред конфликта с ним и его самоликвидации сейчас весьма чувствительны, а посему очень просим Политбюро пересмотреть свое решение и разрешить Комитету посылку делегации за границу, конечно, в самом небольшом количестве лиц и с весьма тщательным их подбором. Нам кажется, что это решение лучше, чем косвенное признание правительством своей ошибки, ибо и само возникновение Комитета и посылка делегации за границу официально и принципиально одобрены были».*

К этому умозаключению Теодорович добавил персональные соображения: *«Считаю, что нельзя игнорировать той фактической помощи, которую все же оказывает так называемая "общественность". Мне известны факты, что многие украинские крестьяне только ради имени Короленко жертвуют хлеб голодающим. Нахожу, что в случае необходимости можно будет*

[60] Дни (Париж), 18. V. 1924.

[61] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20396, л. 1-3; ф. 17, оп. 3, д. 193, л. 1,2. Известия, 24. VIII. 1921.

ликвидировать Общественный Комитет позднее, спустя несколько месяцев, под предлогом, что дело борьбы с голодом уже налажено и что его могут вести в дальнейшем нормальные учреждения Республики»[62].

Нарком иностранных дел Чичерин рискнул привлечь внимание самого Ленина к экономический составляющей внезапно возникшей проблемы: поскольку образование Комитета подействовало на западных политиков и предпринимателей как соблазнительная приманка, как подтверждение незыблемости нового курса советского правительства, ликвидация узаконенного учреждения означала бы «внезапное и грубое сбрасывание с нас той драпировки, которая обнадеживает капитал»[63]. Еще более откровенно высказал Ленину свое мнение нарком внешней торговли Красин: *«Воспрещение уже разрешенного (иначе бы мы не запрашивали у всей Европы виз) выезда за границу компрометирует весь наш новый курс и столь успешно начатое втирание очков всему свету. Не только в сборах на голод, но и в вопросе о займах и в переговорах о концессиях этот поворот политики очень неблагоприятно скажется. И чего ради? <...> Ведь мы еще только на пути к успехам, самих успехов ни в голоде, ни в займах, ни в концессиях нет»*[64].

Между тем 20 августа в Риге был подписан, наконец, договор между советским правительством и АРА. Текст данного соглашения появился в «Известиях» только 6 сентября, но в Комитете узнали об этом событии не позднее 22 августа. Хмурый провидец Кутлер, ненадолго просветлев, сказал тогда Кусковой: *«Ну а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет процентов 35 населения голодающих районов, а не все 50 или 70... Слава отважным американцам!»*

Ни предостережения соратников, ни перспектива закрытия Комитета не произвели никакого впечатления ни на вождя мирового пролетариата, ни на его Политбюро. В связи с прибытием сотрудников АРА Ленина интересовали преимущественно меры усугубления полицейского контроля за чужеземцами; поэтому высшие сановники торопились преобразовать взволнованность верховного вождя в конкретные действия правящей партии. На своем очередном заседании 25 августа Политбюро поручило специальной комиссии позаботиться о надежных методах осведомления и надзора за иностранцами (в частности, о внедрении коммунистов, знающих английский язык, в подразделения АРА) и одновременно подтвердило прежнее решение о запрещении зарубежной поездки общественных деятелей. Ревностно исполняя указание вождей о повышении бдительности, карательное ведомство отрядило на работу в АРА десять своих агентов только за период с 10 по 25 сентября; в последующие месяцы вербовка секретных сотрудников среди служащих АРА продолжалась беспрерывно[65].

В отличие от неблагонадежных американцев, Нансен и его команда внушали большевикам доверие. Знаменитый полярный путешественник, на-

---

[62] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20450, л. 1.

[63] РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 250, л. 30-32.

[64] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1078, л. 1-2.

[65] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 194, л. 1-2; ф. 5, оп. 1, д. 2599, л. 31, 31об.

значенный 15 августа Главноуполномоченным Международного Красного Креста по оказанию помощи России, примчался в Москву 24 августа в сопровождении секретаря и пяти советников. Вечером 24 августа Чичерин проинформировал Политбюро о цели визита важного гостя: *«Мы, во-первых, должны заключить с ним соглашение о способе передачи помощи, получаемой филантропическим путем; во-вторых, он считает возможным получить для нас у различных правительств и организаций заем в 10 миллионов фунтов стерлингов под 6 процентов на 10 лет»*[66].

Слабо разбираясь в политической обстановке страны таинственных Советов, прямодушный Нансен («викинг», по определению Горького) хотел ввести в число своих сотрудников представителя общественного Комитета. Такое намерение вызвало у Ленина затяжной приступ ярости. Главе советского правительства почудилось, будто в результате общения Нансена с московской интеллигенцией распределение продовольственных поставок и выгодный кредит могли бы уплыть из рук большевиков в распоряжение нечаянно возрожденной общественности.

Долго копившийся ленинский гнев прорвался наружу, как подкожный нарыв, в пятницу 26 августа, когда вождь ознакомился с резолюцией заседания Комитета от 23 августа: *«Общее собрание членов Комитета считает отказ правительства в немедленном выпуске делегации фактом, препятствующим работе Комитета вообще и нарушающим его основные права, предоставленные ему декретом ВЦИК от 21 июля 1921 г [ода]. Плодотворная деятельность Комитета невозможна без работы делегации за границей, так как исследования, произведенные уполномоченными Комитета на местах, как в губерниях голодных, так и в губерниях благополучных, подтвердили совершенную невозможность оказать действительную помощь голодающему населению без скорой помощи заграницы.*

Что же касается предложения правительства об усилении работы Комитета на местах, то этой работой Комитет не оказал бы помощи голодающим. Сколько бы членов комитета ни выезжало сейчас на места, это не прибавило бы там продовольствия и нисколько не изменило бы общего положения дел. Поэтому, Комитет остается при прежнем своем решении — немедленно отправить делегацию за границу. Если же препятствия для ее отъезда не будут устранены, Комитет сочтет себя вынужденным прекратить свою работу за полной невозможностью при создавшемся положении выполнить обязательства, которые он на себя принял.

Комитет постановляет: созвать в субботу 27 августа собрание Комитета для решения вопроса о дальнейшей деятельности его или же о порядке ликвидации дел»[67].

Окончательно освирепев от «наглейшего предложения Нансена» и беспримерной дерзости «Кукишей», вождь мирового пролетариата возжаждал образцовой расправы. Свои пожелания или, точнее, распоряжения относительно Комитета он тут же изложил в пространной записке Сталину —

---

[66] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1925, л. 3.

[67] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20449, л. 1, 2.

самому прилежному своему ученику, курировавшему, кстати, «дело помощи голодающим».

«Мыслимо ли терпеть их явную подготовку?» — риторически вопросил сначала верховный вождь, не заканчивая от возбуждения фразу. И сам же ответил: *«Абсолютно немыслимо»*. Далее шли четкие указания:

— Немедленно постановлением ВЦИК распустить Комитет; мотив разгона — «их отказ от работы» («баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места»).

— Немедленно арестовать Прокоповича, так как «некий Рунов, свой человек», донес о каком-то собрании, на котором Прокопович, прикрываясь Комитетом, «держал противоправительственные речи».

— Остальных членов Комитета «тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор».

— Дать директиву газетам «на сотни ладов высмеивать» и травить «Кукишей» не реже одного раза в неделю на протяжении двух месяцев[68].

К вящему огорчению Ленина, ближайшие соратники отложили погром Комитета на следующий день, а на последнее заседание ненавистного «Кукиша» заслали Красина, Луначарского, Семашко и Смидовича. Первые трое весь вечер угрюмо промолчали, тогда как Смидович принялся увещевать и обличать жестоковыйную интеллигенцию. Из его горячего и немного сумбурного монолога вытекало, что Комитет оказался центром притяжения всех общественных и, следовательно, антисоветских сил как внутри страны, так и за рубежом. Увлеченный собственным пафосом он не заметил, как проболтался в придачу о подоплеке конфликта, разгоревшегося на предыдущей неделе между большевиками и Комитетом: *«Четыре года добивается советская власть признания. Она не может допустить поездки делегации за границу и упрочить там ее влияние. Она не может допустить соревнования»*[69].

Как Ленин провел ночь с 26 на 27 августа, удалось ли ему вздремнуть или немилосердная бессонница — его давняя и малоприятная знакомая — непрестанно рисовала ему врагов всего прогрессивного человечества в образе многоголовой гидры — интеллигенции, осталось неизвестным. Государственные тайны такого рода не раскрываются, как правило, никогда. Но утром 27 августа эмоциональное напряжение, не покидавшее Ленина весь вчерашний день, только возросло. Наскоро позавтракав, он кинулся за письменный стол и принялся управлять государством.

Прежде всего он соизволил начертать своим бегущим, словно задыхающимся от спешки почерком распоряжение чекистам, названное ради декорума коллективного руководства «проектом» экстренного постановления Политбюро: *«Предписать Уншлихту сегодня же с максимальной быстротой арестовать Прокоповича и всех без изъятия членов (не коммунистов) Комитета помощи, — особенно не допускать собрания их в 4 часа»*. Опрошенные по телефону державные сановники поторопились принять проект верховного вождя в качестве единогласного решения Политбюро. Затем, пригла-

[68] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 53. С. 140-142.

[69] Последние Новости (Париж), 17. V. 1923.

сив к себе Дзержинского и Уншлихта, глава советского правительства объявил, что «изучение документов» убедило его в необходимости безотлагательного заключения под стражу всех беспартийных членов Комитета[70].

Руководство ВЧК восприняло инструкцию вождя мирового пролетариата как желанный подарок, ибо было настроено на покарание Комитета со дня его рождения и даже успело, по всей вероятности, согласовать список будущих узников с различными ведомствами. Дзержинский лишь слегка подкорректировал ленинскую директиву, приказав избавить от задержания восемь человек, весьма полезных для социалистического строительства.

Наркомат земледелия нуждался в профессоре А.В. Чаянове (преподавателе Петровской, позднее Тимирязевской, сельскохозяйственной академии), а Наркомат финансов — в бывшем заведующем финансовым отделом Центросоюза П.А. Садырине. Нарком просвещения Луначарский не допускал и мысли об аресте театроведа и литературного критика А.М. Эфроса, основателя Московского Художественного театра К.С. Станиславского и директора Малого театра А.И. Южина (Сумбатова), несмотря на жесткое предписание вождя мирового пролетариата от 26 августа: *«Все театры советую положить в гроб»*[71]. Председателю Ученого медицинского совета Наркомата здравоохранения (Наркомздрава) РСФСР Л.А. Тарасевичу и его заместителю П.Н. Диатроптову покровительствовал ленинский фаворит Семашко, хотя оба профессора принадлежали в прошлом к запрещенной большевиками партии народных социалистов. Восьмой в этом перечне стояла Вера Фигнер — прославленная революционерка, отсидевшая 20 лет в одиночной камере Шлиссельбургской крепости. Не покушаться на ее свободу распорядился, скорее всего, сам Дзержинский: к людям, бестрепетно державшимся в тюрьме и на каторге, пусть даже запятнавшим себя потом связью с «Кукишем», председатель ВЧК относился с неподдельным уважением.

Полицейская операция началась, как только члены Комитета заполнили выделенный им особняк на Собачьей площадке. Все прибывшие на заключительное, как они полагали, заседание ждали Каменева, но вместо председателя Комитета в дом вломился отряд чекистов в стандартной, несмотря на жару, униформе (высокие сапоги, черная кожаная куртка, пистолет за поясом) и предводитель воинства рявкнул: *«Постановлением Всероссийской чрезвычайной комиссии все присутствующие арестованы!»* Иностранных журналистов и оказавшихся на том злополучном собрании Садырина, Тарасевича, Южина (Сумбатова) и Веру Фигнер, горько плакавшую от гнева и унижения, отпустили на волю; остальных доставили в Лубянскую тюрьму. О таких малозаметных участниках Комитета, как академики В.Н. Ипатьев и П.П. Лазарев, председатель Русского хирургического общества профессор Ф.А. Рейн, издатель В.Г. Чертков, баптист П.Н. Павлов и адвентист И.А. Львов, не застигнутых «на месте преступления», попросту забыли. Ночью в квартирах большинства членов Комитета были произведены обыски[72].

---

[70] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20504; ф. 17, оп. 3, д. 195, л. 1. В кн.: В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 г.г.). М., 1987. С. 467.

[71] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 53. С. 142.

[72] *Зайцев Б.К.* Указ. соч. *Кускова Е.* Указ. соч. Новый журнал, 1970, кн. 98. С. 200-208.

Правительственное сообщение о ликвидации Комитета, опубликованное центральной прессой 30 августа, содержало докучную ложь о «группе так называемых общественных деятелей», якобы принимавших когда-то «активное участие в борьбе против советской власти», затем учредивших означенный Комитет, а теперь вдруг выдвинувших ультиматум: либо их делегацию выпустят за кордон, либо они прекратят работу. Поскольку сам Комитет стал «орудием» политической игры «заграничных белогвардейцев и вдохновляемых ими правительственных групп Европы», а большинство его членов попали в плен «политических расчетов, не имеющих ничего общего с интересами голодающих», советское руководство признало целесообразным эту организацию распустить. Соответствующее постановление подписал 27 августа секретарь Президиума ВЦИК Залуцкий, временно, всего на один этот день, возведенный в ранг заместителя председателя ВЦИК[73].

Немного погодя выяснилось, что петроградский наместник Г.Е. Зиновьев ухитрился опередить Ленина на целых четыре дня. Филиал Комитета в бывшей столице прикончила еще 23 августа незамысловатая и по-чиновному невнятная телефонограмма, адресованная Горькому и подписанная секретарем Петроградского губернского исполкома С. Митрофановым: *«Ввиду неутверждения Петроградского отделения Президиумом Всероссийского Комитета Вам надлежит немедленно прекратить деятельность Петроградского отделения впредь до согласования вопросов о составе Петроградского Комитета Президиумом Петроградского Губисполкома»*. Сконфуженный Горький 24 августа телеграфировал Каменеву о закрытии петроградского филиала и своем выходе из состава Всероссийского комитета. Копию этой телеграммы он тотчас переслал Ленину. Вслед за ним от дальнейшего участия в работе Комитета отказались академики А.П. Карпинский, Н.С. Курнаков, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург и В.А. Стеклов[74].

В разгоне Комитета и его петроградского отделения интеллигенция увидела и нечто позитивное, ибо этим актом советская власть сняла с общественных деятелей наложенный на них «полицейский штамп» соглашательства. Участники петроградского филиала Комитета сразу же «вздохнули свободнее, как люди, поднявшиеся на ноги после неловкого сидения между двумя стульями». Выяснилось, как писал Амфитеатров, *«что общественность, хотя бы самая ограниченная и процеженная, все-таки слишком опасная сила для деспотизма, который тем более свиреп и ревнив, чем более чувствует свою органическую слабость»*[75].

Однако в поведении Горького, «втравившего» общественных деятелей в сотрудничество с властью, интеллигенция усмотрела определенный неблаговидный оттенок. По воспоминаниям В.Ф. Ходасевича, вскоре после расформирования Комитета Горький будто бы сказал Каменеву при случай-

---

[73] Правда, 30. VIII. 1921. Известия, 30. VIII. 1921.

[74] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20573, л. 1-2. *Горький М.* Неизданная переписка... М., 2000, вып. 5. С. 170-171, 241.

[75] *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 35-36.

ной встрече: *«Вы сделали меня провокатором. Этого со мной еще не случалось»*[76]. Действительно ли писатель выразился именно так или просто-напросто придумал свой упрек высокопоставленному обидчику в качестве самооправдания, особого значения не имело, поскольку и в том, и в другом случае его слова отражали суть происшедшего и роль Каменева в развитии тех событий.

В эмигрантских кругах ликвидацию Комитета восприняли как новую варварскую выходку большевиков, не имевшую рационального истолкования. Общее недоумение немного рассеялось, когда бывший министр труда Временного правительства М.И. Скобелев (меньшевик с 1903 г., эмигрант — с 1920-го) огласил свою точку зрения по поводу этого инцидента. Его суждения приходилось принимать на веру, поскольку месяц назад он по собственному почину установил связь с Комитетом через своего давнего приятеля Красина. После того как Скобелев получил от Комитета полномочия на вступление в переговоры и соглашения с иностранными правительствами, его принял премьер-министр Франции А. Бриан.

Свою (или, точнее, Красина) версию погрома Комитета Скобелев изложил бывшему российскому послу во Франции Маклакову в самом начале сентября: *«Московский Комитет был создан в минуту паники, когда большевики испугались продолжения того бойкота Европы, под которым они жили. Они думали, что без Комитета они не найдут ни кредита, ни возможности соприкосновения с заграницей. А когда по призыву Горького к ним поехали туда и Хувер [Гувер] и Нансен, которые не сделали ни одного шага, обнаруживающего какой-либо интерес к Московскому Комитету, то большевики заключили, что Комитет им не нужен и что от него нечего ждать, кроме одних осложнений»*[77].

И представители АРА, и сотрудники Нансена действительно ни разу не встретились с членами Комитета, но по разным причинам. Если Гувер настаивал на переговорах только с советским правительством, то Нансена лишили практически возможности привлечь кого-либо из членов Комитета к работе его организации. Лишь задним числом общественные деятели узнали, что в последний день существования Комитета, 27 августа, Нансен и Чичерин подписали два соглашения: одно — о создании в Москве Исполнительного комитета международной помощи России, а второе — о гарантиях, предоставленных советской властью самому Нансену и всему его персоналу[78].

Комитет родился и погиб в обстановке повального сумасшествия, констатировал позднее Прокопович. И власть, приносившая сограждан в жертву собственным темным интересам, и принципиальная часть интеллигенции, отвергавшая любой компромисс, любую форму сотрудничества с правящей партией даже ради спасения миллионов, оказались, в сущности, одинаковы. Но, оглядываясь назад, вспоминая обожженное солнцем лето 1921 г., Прокопо-

---

[76] *Ходасевич В.Ф.* Некрополь. Литература и власть. М., 1996. С. 194.

[77] *«Совершенно лично и доверительно!»*, т. 1. С. 480-482.

[78] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2019, л. 2-4. *Документы внешней политики СССР*, т. IV. С. 294-298.

вич — случайно выживший человек из «последнего поколения чистых и цельных иллюзий», по выражению Осоргина, — утверждал, что и впредь поступил бы точь-в-точь так же: *«Непосредственно и по велению совести своей»*[79].

«Начало этого Комитета было ярко, — словно отвечал ему председатель ВЦИК М.И. Калинин, не обладавший собственными воззрениями, зато умевший безошибочно имитировать в шаблонных речах и докладах иллюзии своего руководства, — *как будто бы был высок его взлет, но он быстро погас, не оставивши после себя никакого следа. Его эфемерное существование еще раз ярко перед всем миром подчеркнуло, что наступил закат когда-то славной в отдаленном прошлом русской мелкобуржуазной интеллигенции, что сейчас она является валяющимся на дороге трупом, мешающим народному движению вперед»*[80].

Расплата

Официальное извещение о задержании интеллигенции, принимавшей участие в работе Комитета, чекисты отложили почти на две недели, но сколько человек покарали за первоначально разрешенную властями попытку спасти умиравших от голода сограждан, так и не сообщили. Два крайне неряшливо составленных списка арестованных были опубликованы лишь через 84 года. В первом из них указаны фамилии 28 общественных деятелей, взятых под стражу 27 августа, а во втором — фамилии 74 человек, содержавшихся в Лубянской тюрьме 29 августа[81]. Во втором перечне отсутствовали, однако, сведения о шести членах Комитета, задержанных 27 и 28 августа. Таким образом, в целом по делу Всероссийского комитета помощи голодающим репрессировали не менее 80 человек.

На Лубянке членов Комитета рассортировали на простых крамольников и зачинщиков; первых завели в самую большую камеру, предназначенную для приема арестованных, вторых изолировали. Кишкину обеспечили одиночное заключение; Кусковой отвели казенную жилплощадь вместе с А.Л. Толстой — младшей дочерью Л.Н.Толстого, исполнявшей обязанности секретаря писателя в последние годы его жизни.

Как обычно в экстремальных ситуациях, характер каждого арестованного отчетливо проявился в первые же часы заточения: одни совершенно стушевались, другие распалились, третьи — в основном те, кто уже посидел в советских тюрьмах, — сохраняли присутствие духа. Самым невозмутимым выглядел Ф.А. Головин — потомственный дворянин, один из основателей кадетской партии, председатель II Государственной думы. На последнее заседание Комитета, словно предчувствуя неизбежный финал, он оделся, как на торжество: белые брюки с отменно выглаженной складкой, синий пиджак, высокий воротник.

---

[79] Последние Новости (Париж), 17. V. 1923.

[80] *Калинин М.И.* Итоги голодной кампании. В кн.: Итоги последгол (15. X. 1922 — 1. VIII. 1923). М., 1923. С. 5 — 25.

[81] В кн.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923. М., 2005. С. 53-56.

По воспоминаниям Бориса Зайцева, всегда питавшего слабость к «безукоризненно лысой, изящной и умной голове» этого кадетского лидера, Головин держался с достоинством истинного представителя древнего рода, восходившего к византийской династии Комнинов: *«Через полчаса по прибытии [на Лубянку], когда другие еще горячились, расходовали подожженную нервную энергию, Федор Александрович уже сел играть с черно-мрачным и так же равнодушным Кутлером. Откуда они добыли шахматы, я не помню: кажется, тут же и смастерили из картона. Впрочем, игра продолжалась недолго: нас повели в еще новое помещение. Ф[едор] А[лександрович] равнодушно забрал фигурки, записал положение и в своем элегантном костюме, белых брюках, с шахматами под мышкой зашагал по застеночным коридорам».*

После отбоя Головин безмятежно уснул: *«Он лежал на спине. На его правильном, лысом черепе блестел, как на слоновой кости, луч электричества. Руки аккуратно сложены накрест, белые брюки в складке, желтые ботинки, воротнички даже не расстегнуты. (Он и позже спал всегда в полном параде. Объяснял так, что если ночью позовут на допрос или расстрел, то нельзя выходить на такое дело не в порядке.) Сейчас клоп медленно взбирался по теневой стороне его черепа, ища удобного места. Доползши до освещено-блестящей части, испуганно повернул назад»*[82].

Воскресным утром 28 августа часть арестованных получила от родных и друзей передачи — одеяла, подушки, хлеб, сахар и даже какао. Избранный старостой камеры потомственный столбовой дворянин Осоргин, «ловкий и легкий, в счастливом нервном возбуждении ответственности» раздавал посылки. Налаживать тюремный быт ему помогал И.А. Черкасов — еще вчера управляющий делами Комитета.

Потомок священника из Рязанской губернии, Черкасов уродился мятежником. В детстве он бунтовал против семинарских порядков в одиночку, в молодости — против самодержавия в рядах эсеровской партии, но после неоднократных репрессий остепенился и к 1917 г. окончил четыре курса Московского коммерческого института. После октябрьского переворота его дважды брали под стражу за эсеровские заблуждения и участие в кооперативном движении, так что теперь он в качестве бывалого арестанта делился с неискушенными членами Комитета накопленным опытом и беспристрастно распределял между ними присланные с воли хлеб и папиросы. Сам же он непрестанно курил трубку, набитую едкой махоркой, и, как полагал Осоргин, не было в Лубянской тюрьме человека спокойнее и увереннее Черкасова[83].

С понедельника, в соответствии с дореволюционными тюремными традициями, заключенные принялись просвещать друг друга. Сумрачный Кутлер рассказал о финансовых системах вообще и российском финансовом кризисе в частности; искусствовед Б.Р. Виппер, профессор Московского университета, прочитал лекцию о живописи, а культуролог, писатель и переводчик П.П. Муратов — о древней иконописи. На следующий день Зай-

[82] *Зайцев Б.К.* Указ. соч.

[83] *Осоргин М.* Чтобы лучше ощущать свободу. На чужой стороне, 1924, кн. 8. С. 109-122.

цев не успел изложить сокамерникам все свои воззрения на современную литературу; солнечным утром 30 августа его и Муратова, записанных в Комитет «из уважения к именам», по словам Осоргина, освободили без предъявления обвинений и, разумеется, без каких-либо извинений. Вслед за ними отпустили на волю еще несколько ординарных членов Комитета (в том числе Виппера, А.Л. Толстую и участников студенческой секции), тогда как наиболее приметных общественных деятелей стали вызывать на допросы.

Осоргин, которого не покидало приподнятое настроение «веселых дней», обозлил следователя при первой же встрече. *«Мы все уже знаем. Лучше признавайтесь сразу. Ваше дело безнадежно»*, — зловеще произнес следователь трафаретный набор фраз, заимствованный из дешевых романов о сыщиках и ворах. *«Это ваше дело безнадежно*, — мгновенно отпарировал Осоргин. — *Вам надо создать процесс, а материала у вас нет»*[84].

«Люди мы логически мыслящие, — писал Осоргин через три года. — *Ясно понимали затруднительное положение правительства. Обвинить нас, конечно, не в чем; единственное, в чем виноваты, — хотели сделать то, чего правители сами сделать не могут: помочь голодающим. Нам все верят, и деньги дают, и помогать идут; им же никто не верит, уж очень народ сомнительный. Ладно. Но с государственной точки зрения такое положение невыносимо, нельзя же в такой острый момент признать свою несостоятельность и нашу популярность. И совершенно правильно решили нас убрать. Но как убрать? Вся Россия интересуется, и вся Россия знает имена комитетчиков. За что их убрали? Значит ясно: нужно обвинить в заговоре политическом. Выдумать заговор всегда легко. А начав дело — нужно уж до конца довести, иначе получится недостойная комедия, и перед заграницей неудобно. Хоть не всех, а кое-кого расстрелять необходимо. Простая государственная логика! Слюнявость в государственных делах неуместна»*[85]. Действительно, в начале сентября разнесся по столице слух, будто вознамерились большевики расстрелять зачинщиков (прежде всего Кишкина, Кускову и Прокоповича), да остановили их телеграфные протесты Нансена и Гувера.

Тем временем Осоргина продолжали таскать на допросы. Инкриминировали ему неприкрытую антисоветскую агитацию, поскольку он редактировал газету «Помощь», чрезвычайно похожую на давно почившие «Русские Ведомости» не только полузабытым литературным языком, но и шрифтом. Ничего удивительного в этом не было, так как Каменев выделил для Комитета типографию «Русских Ведомостей». Сходство легальной советской газеты с ненавистным большевикам изданием минувших лет заметили сперва мальчишки, продававшие «Помощь» на Арбатской и Тверской площадях, затем чекисты и, наконец, партийное руководство. Потрясенное такой промашкой Оргбюро даже потребовало от Каменева и заведующего отделом агитации и пропаганды (Агитпропом) ЦК РКБ(б) Л.С. Сосновского срочно отчитаться о допущенной ошибке[86]. Наряду с этим власти уско-

---

[84] Последние Новости (Париж), 9. X. 1921.

[85] *Осоргин М.* Указ. соч. (1924).

[86] РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 200, л. 5.

рили подготовку конкурирующего издания, и 29 августа вышел в свет первый номер разрекламированной накануне в «Известиях» газеты «На помощь» со статьями Герберта Уэллса, Калинина и Троцкого, стихами Маяковского и отрывком из очередной пьесы Луначарского.

Осоргин же по-прежнему развлекался, спрашивая, например, у следователя: *«Скажите, а наш председатель, товарищ Каменев, тоже арестован?»*[87] Нескольких «неуместных шуток» такого рода оказалось достаточно, чтобы следователь счел Осоргина неисправимым бунтовщиком и поместил его в двухместной камере с другим опасным смутьяном — сыном последнего полномочного посла Российской империи в Лондоне графом К.А. Бенкендорфом (бывшим морским офицером и участником обороны Порт-Артура, потом дипломатом и секретарем несостоявшейся зарубежной делегации Комитета). Сокамерники жили дружно, без каких-либо происшествий, если не считать того, что как-то ночью крыса искусала палец Бенкендорфу.

«Удивительно человек в тюрьме сидеть и всякой участи ждать приспособился, — вспоминал о своем товарище по заключению Осоргин. — *Никаких за ним преступлений, а только фамилия нехорошая — очень уж из хорошей фамилии. Забирали его не раз, расстреливать собирались; не за что, конечно, а так, ради приличия: не будь сыном царского посла в Лондоне. И он понемногу как-то привык к этому. <> Сошлись мы во многом, а главное в незлобивости: нельзя же сердиться на обезьяну, которая посадила вас в клетку и думает, что она умная, дело делает»*[88].

Такого формально отъявленного крамольника, как потомственный почетный гражданин Москвы М.В. Сабашников, в отличие от Осоргина, на допросы не водили. После октябрьского переворота Сабашников — в прошлом удачливый предприниматель и широко известный книгоиздатель, член ЦК кадетской партии и председатель правления университета А.Л. Шанявского — трижды подвергался арестам, но элементарных навыков конформизма не приобрел; летом 1921 года он зачислился в Комитет и принялся исполнять обязанности казначея. Арестованный в четвертый раз 27 августа, он очутился вскоре в десятиместной камере, где томились пятеро старожилов и четыре члена Комитета: литератор Э.Л. Гуревич, выступавший под псевдонимами Е. Смирнов или К. Даневич (некогда народоволец, потом меньшевик), заместитель заведующего отделом мелиорации Наркомзема Д.С. Коробов, санитарный врач В.А. Левицкий и глава московских баптистов М.Д. Тимошенко, виновный главным образом в своем религиозном ослеплении.

О неблагонамеренности Гуревича свидетельствовали не только его социал-демократические взгляды, хотя из меньшевистской организации он вышел еще в 1917 г., но и родственные связи. Он был тестем неблагонадежного, но пока что незаменимого Чаянова и свойственником Кусковой, вместе с которой редактировал когда-то газету «Власть Народу», закрытую большевиками летом 1918 г. Кроме того, он владел иностранными языками, имел доступ к зарубежной прессе, увлеченно копался в архивах и, как лю-

[87] Дни (Париж), 22. I. 1928.

[88] *Осоргин М.* Указ. соч. (1924).

бой хорошо информированный человек, мог угрожать советской власти самим фактом своего существования.

Коробова подвела его необыкновенная популярность. С 1917 г. он состоял в должности председателя правления Всероссийского центрального кооперативного союза потребительских обществ (Центросоюза). Поскольку сотрудников этого учреждения советские правители рассматривали как «носителей социально реакционной идеологии», в декабре 1919 г. правление Центросоюза возглавил несгибаемый большевик А.М. Лежава, назначивший Коробова своим заместителем. В апреле 1920 г. чекисты разоблачили «группу контрреволюционеров, пробравшихся в правление Центросоюза», и отправили за решетку 194 человека, в том числе Коробова. По этому поводу Лежава сделал важное заявление: *«Мы с удовлетворением можем констатировать, что после трех лет борьбы со старой кооперацией от последней ничего не осталось»*[89].

Через семь месяцев Коробова, осужденного Верховным трибуналом на 15 лет заключения в концлагере, освободили по решению Президиума ВЦИК, а затем приняли на службу в Наркомзем. Летом 1921 г. его, одного из самых известных в стране руководителей кооперативного движения, ввели в президиум Комитета, после чего он сотворил, по выражению Осоргина, «чудо», большевикам недоступное, а потому и непростительное: *«Дмитрий Степанович шевельнул пальцем — и посыпался голодающим картофель отовсюду по самой низкой цене. <...> Просто повсюду знали, что, раз за дело взялся Дмитрий Степанович, значит, дело и честное и настоящее, мимо рта голодающих в чужой рот картошка не попадет»*[90].

Словоохотливый доктор Левицкий, готовый часами обсуждать с товарищами по несчастью всевозможные вопросы внутренней и внешней политики, чуть было не стал кандидатом на перевод из рядовых членов Комитета в разряд закоренелых бунтовщиков. В феврале 1921 г., не выдержав грубости и прямых оскорблений своего непосредственного начальника — заведующего Московским отделом здравоохранения В.А. Обуха (старейшего большевика и одного из многочисленных лечащих врачей Ленина), руководитель Московского санитарного бюро Левицкий подал рапорт об отставке и на другой день не вышел на службу. Через день по распоряжению Обуха его забрали в управление милиции на Петровке и водворили в общую камеру с ворами[91].

Коллеги оскорбленного доктора обратились к Ленину с письменной жалобой на «опьяненного властью» Обуха. Вспомнив о своем давнем знакомстве с Левицким, корреспонденция которого была даже напечатана в первом номере «Искры», глава советского правительства предложил Семашко разобраться и принять необходимые меры, а врачебную ламентацию упрятал на всякий случай в груду сугубо секретных документов собственного

---

[89] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 63, л. 4-5. Современные записки, 1920, т. 1. С. 155-167. В кн.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). М., 1987. С. 286-287.

[90] *Осоргин М.* Указ. соч. (1924).

[91] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 17460, л.. 3-6.

архива. Не прошло и двух суток, как по требованию Семашко доктора Левицкого отпустили из милиции без объяснения причины его задержания.

О новом посягательстве на симпатичного ему доктора Ленин услышал от кого-то из своего ближайшего окружения только 3 сентября и, сразу же изволив осерчать, адресовал в карательное ведомство строгую телефонограмму: *«Освобожден ли и когда именно освобожден врач Вячеслав Александрович Левицкий, арестованный по делу "Кукиша". Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)»*[92]. Теплым воскресным утром 4 сентября доктор Левицкий покинул Лубянскую тюрьму, провожаемый любезными улыбками чекистов. С тех пор он пользовался неизменной благосклонностью высокого медицинского начальства и сделал неплохую советскую карьеру. Случайное знакомство с вождем мирового пролетариата оказалось своеобразной охранной грамотой, оберегавшей его до 1936 г., когда он скончался в возрасте 69 лет на посту директора Центрального государственного института по изучению профессиональных болезней.

В первых числах сентября вернулся домой и казначей Комитета Сабашников. Перед тем как с ним расстаться, чекисты отвезли его на Собачью площадку для передачи имущества Комитета самому Смидовичу. Когда артельщик принес узлы с незаприходованным бельем, пожертвованным 27 августа, влиятельный сановник лично пересчитал рубашки, кальсоны и полотенца, чтобы составить соответствующий акт, а потом приказал реквизировать обнаруженную в шкафу и принадлежавшую Прокоповичу пишущую машинку для нужд Статистического комитета[93].

О подоплеке своего быстрого освобождения Сабашников, вероятно, догадывался. Ходатайствовать за него могли тот же Смидович, его однокурсник по Московскому университету, и заместитель Дзержинского в НКВД, бывший врач М.Ф. Владимирский. Пока Сабашников еще сидел в Лубянской тюрьме по делу Комитета, Смидович отдал письменное распоряжение московским властям «не чинить затруднений» книжному издательству заключенного «ввиду высококультурного значения» этого заведения. Владимирский же, которого Сабашников почти десять лет до революции поддерживал материально, печатая его переводы, еще в декабре 1920 г. поручился за своего издателя, изнемогавшего в заточении по делу так называемого Национального центра.

Понять причину своего задержания Сабашников не сумел. Впрочем, как писал он в своих воспоминаниях, «над такими пустяками, как лишение свободы, ни арестуемые, ни арестующие не останавливались, где тут канителиться»! Тем не менее чекистам предстояло хоть как-нибудь осветить мотивы заключения под стражу видных общественных деятелей — слишком уж широкую огласку получил Комитет и в стране, и за ее пределами.

Решение подобных задач поручали обычно особоуполномоченному ВЧК Я.С. Агранову, умевшему высосать из каждого своего пальца самые невероятные подробности мифических контрреволюционных заговоров. Однако со второй половины марта 1921 г. этот наиболее способный, наверное, лубян-

---

[92] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20630.

[93] *Сабашников М.В.* Указ. соч. С. 461-466.

ский мистификатор и провокатор обретался в бывшей столице[94]. Официально он занимался там расследованием обстоятельств Кронштадтского восстания, а фактически безостановочно фантазировал на тему всевозможных антисоветских организаций, методично истребляя неугодных высоким инстанциям представителей недобитой интеллигенции.

Отсутствие в Москве столь ценного помощника Дзержинского не обескуражило. Главный чекист принялся самостоятельно измышлять «дело» Комитета. Заблаговременно настругать «компрометирующий материал» из каких-нибудь других источников он не удосужился и теперь, не обладая сноровкой Агранова, целых шесть дней кропал на трех страницах текст, предназначенный для обличения общественных деятелей в заговоре против советской власти. Вождь мирового пролетариата его не торопил; если на ленинскую команду *«Взять!»* Дзержинский должен был реагировать незамедлительно и беспрекословно, то с последующей интерпретацией своих действий он всегда имел возможность немного промешкать.

В лихорадочном революционном сознании председателя ВЧК роились несметные полчища классовых врагов, беспрестанно замышлявших какие-то интриги, посещавших всяческие тайные собрания и строивших жуткие козни против большевиков. Особая угроза мерещилась ему в интеллигенции, закосневшей в извечных сомнениях и своеволии. Острое революционное чутье главного чекиста позволяло ему легко распознавать тончайшие оттенки специфического запаха крамолы, исходившего от этого рыхлого слоя людей образованных и совестливых, а посему весьма подозрительных. Но легальный Комитет распространял вокруг себя уже не запах, а такой густой дух независимости и непокорности, что Дзержинский от волнения и негодования так и не сумел выдумать хотя бы несколько более или менее правдоподобных свидетельств антисоветского заговора этих общественных деятелей.

После долгих и утомительных бдений из-под пера председателя ВЧК выползла убогая фантазия о таинственных происках смутьяна Кишкина и прочих членов зловредного Комитета[95]. В пятницу 2 сентября Оргбюро не без интереса заслушало «информационный доклад тов[арища] Дзержинского о Комитете голодающих» и решило означенное сообщение «принять к сведению»[96]. Однако верховные правители остались недовольны прилежанием главного чекиста, и вечером 2 сентября Политбюро постановило: *«Поручить комиссии в составе тов[арищей] Сталина, Уншлихта и Каменева не позже, чем через два дня, составить и опубликовать текст сообщения об арестах некоторых членов Комитета»*[97].

Исполнить партийное поручение в двухдневный срок комиссии не удалось. Лишь 7 сентября Уншлихт передал Ленину отредактированный текст Дзержинского, дополненный сопроводительной запиской: *«При сем прила-*

---

[94] РГАСПИ, ф. 76, оп. 2, д. 3, л. 4.

[95] РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 220, л. 3-5.

[96] РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 205, л. 1.

[97] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 196, л. 2.

гаю сообщение об арестах членов Комитета голодающих. Сообщение это уже сдано в газеты и тов[арищу] Чичерину для передачи по радио»[98]. Утром 8 сентября исправленную и расширенную фабрикацию председателя ВЧК распечатала центральная пресса[99].

По утверждению главного чекиста, карательное ведомство еще в июне (примерно за месяц до образования Комитета) выявило секретные контакты Кишкина с оперативным штабом крестьянского восстания на Тамбовщине. Двое задержанных агентов этого штаба («пойманные с поличным») сознались на допросе, что «должны были связаться» с Кишкиным «как с представителем заграничного ЦК кадетов», но «не успели лично с ним связаться». Такое признание Дзержинский счел безусловно достаточным для подтверждения преступных сношений либерала Кишкина, а заодно и всех остальных членов Комитета, не только с тамбовскими мятежниками, но и «с некоторыми активными эсерами».

Выдавить из своего плоского воображения какие-либо иные «факты» лиходейской предприимчивости того же Кишкина или других членов Комитета Дзержинский оказался не в состоянии. Для окончательного изобличения былой общественности ему пришлось поэтому пустить в ход «богатый материал» в виде изъятых во время арестов и обысков «документов, указывающих на определенную политическую работу» Комитета.

Среди этих документов находилось, в частности, письмо одного из членов Комитета, в котором тот рекомендовал Прокоповича своему рижскому приятелю. Из другой корреспонденции Дзержинский выдернул показавшееся ему крайне подозрительным высказывание: *«Вокруг Комитета завязывается интересная работа»*. Кроме того, в «богатом материале» нашлись и козырные бумаги. Так из дневника В.Ф. Булгакова (в прошлом секретаря Л.Н. Толстого) председатель ВЧК извлек фразу: *«И мы, и голод — это средство политической борьбы»*. Но самую важную улику — «подробную схему переустройства Советской России с верховным правительством во главе, с канцлером, с Государственной думой и Государственным советом» — чекисты обнаружили при обыске секретаря Кишкина. Почерковедческая экспертиза установила, что оная схема написана «рукой гражданина Кишкина».

Как ни странно, но первое опровержение версии Дзержинского уже через десять дней появилась в советской прессе: *«Быв[ший] член Всероссийского комитета помощи голодающим, хранитель Толстовского музея В.Ф. Булгаков просит сообщить, что приведенные в сообщении ВЧК от 8 сентября с[его] г[ода] слова "мы и голод — это средство политической борьбы" заимствованы были не из его дневника, а из конспекта речи по поводу выступления в Комитете одного из представителей правительства, причем выражали они не одобрение, а порицание всякому возможному внесению политики в деловую работу Комитета. Гр[аждании] Булгаков полагает, что он, как "толстовец", не мог быть причастен ни к каким политическим комбинациям вообще»*[100].

---

[98] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20700, л.. 1-4.

[99] Правда, 8. IX. 1921. Известия, 8. IX. 1921.

[100] *Геллер М.С.* «Первое предостережение» — удар хлыстом. Вопросы философии, 1990, № 9. С. 37-66.

Спустя месяц после публикации текста Дзержинского, отредактированного комиссией Политбюро, из Москвы за границу просочилась свежая информация о трудовых буднях карательного аппарата. По сведениям эмигрантской прессы, полученным из надежных источников, проект государственного переустройства России действительно написал Кишкин, но только в 1907 г. Оторвав уголок бумаги с проставленной датой, чекисты понадеялись выдать этот документ за недавно созданный. Его экспертиза заключалась в допросах свидетелей, которые дружно соглашались с тем, что данный проект составлен Кишкиным, но тут же заявляли, что уголок бумаги с помеченной на нем датой «1907 год» оборван[101].

«По лживости подобранных фактов этот документ превосходит самую пылкую фантазию, — прокомментировала позднее Кускова сочинение председателя ВЧК. — *Старые жандармы должны лопнуть от зависти: они все-таки при аресте революционеров такой поэзией не занимались»*[102]. Тем не менее удивляться фальсификации главного чекиста не стоило, ибо к трем классическим видам лжи (простой, наглой и статистически достоверной) большевики давно присовокупили самобытный четвертый вариант — ложь принципиально полезную.

Не исключено, однако, что Дзержинский и впрямь уверовал в намерение Комитета воспользоваться повальным голодом для достижения каких-то политических целей (как и многие большевики, он нередко принимал за реальность и собственные фантазии, и, тем более, небылицы высшего руководства). Саму же идею о неблаговидных политических устремлениях былой общественности 30 августа довела до всеобщего сведения центральная пресса и в тот же день огласил Каменев на пленуме Московского совета[103].

Чтобы проникнуть в черные замыслы враждебной интеллигенции, бывшему председателю раскассированного Комитета достаточно было регулярно просматривать газету «Последние Новости», издававшуюся в Париже лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. Еще 7 августа это популярное среди советских вельмож эмигрантское издание уведомило читателей о циркулировавших за границей слухах, будто ленинская партия готова уступить власть Комитету. О том, какую роль в судьбе Комитета сыграла ненароком эта газета, рассказал затем Маклаков в письме Бахметеву 31 октября 1921 г.: *«Когда Милюков прочел о составе комитета для голодающих, он искренне поверил, что именно этот комитет — будущая Россия, что он станет властью и порыв народной любви к нему его оградит. И он не только так думал, но он имел такт это написать в своей газете. Он уверял, что на местах отделения этого комитета заменяют большевистскую власть и что его начало — конец большевизма»*[104]

---

[101] Последние Новости (Париж), 9.X.1921.

[102] *Кускова Е.* Указ. соч.

[103] РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 121, л. 32-33. Правда, 30. VIII. 1921. Известия, 30. VIII. 1921.

[104] Последние Новости (Париж), 7. VIII. 1921. «Совершенно лично и доверительно!»..., т. 2. С. 81.

Установки державных сановников на много десятилетий вперед определили тот «единственно правильный» угол зрения, под которым следовало рассматривать действия «реакционно настроенной части интеллигенции» летом 1921 г. Советским историкам надлежало с тех пор безустанно напоминать согражданам, что заправляли в Комитете представители запрещенной кадетской партии, осуществлявшие разработанный Милюковым план антисоветской агитации и захвата власти, но бдительное карательное ведомство своевременно осадило зарвавшихся лиходеев. Тем же, кто пытался непредубежденно вникнуть в суть тех далеких событий, оставалось лишь удивляться, каким образом аполитичный Всероссийский комитет помощи голодающим, эта бескрылая ласточка общественной весны (или, точнее, оттепели), всего за 37 суток своего жизненного пути чуть было не изменил погоду в замороженной большевиками стране.

Вариации на тему пролетарского гуманизма

Свыше месяца лубянские умельцы мастерили дело Комитета. Следственное производство усложняла неясная позиция высоких инстанций, не выражавших никаких пожеланий по такому конкретному поводу, как обхождение с арестованными представителями «реакционной» интеллигенции. Потому ли, что советским вельможам не довелось прийти к единому мнению относительно подследственных, или потому, что члены Комитета не вписывались ни в категорию заложников, ни в разряд врагов народа, или по какой-то совсем иной причине, но обращались с ними, по словам Кусковой, с вежливостью необыкновенной: *«Всякое заявление наше, всякое замечание начальнику тюрьмы выслушивалось внимательно и обычно грубого отношения на себе мы не испытывали. Привычные приемы — вызовы по ночам, идиотские допросы без всякого смысла и соответствия с делом, все это было. Но общее отношение — величайшей корректности. Не знаю, чем объяснить»*[105].

В первой декаде октября чекисты отобрали все-таки на роли зачинщиков шестерых строптивцев, более других заслуживших справедливую, как всегда, расплату. Остальных членов Комитета, продержав для острастки в заточении от трех до семи недель, распустили по домам. Несколько подозрительных интеллигентов освободили под подписку о невыезде из Москвы до окончания следствия.

К числу зачинщиков и самых ярых крамольников отнесли первоначально профессора М.М. Щепкина — ректора Московского зоотехнического института. На допросе простодушный профессор признал, что в неофициальной обстановке отдельные члены Комитета позволяли себе порассуждать о возможности падения советской власти из-за голода и разрухи. Столь чудовищное преступление требовало, разумеется, примерного наказания, ибо различий между сомнениями человека, обладающего аналитическими способностями, и его действиями, создающими угрозу государственному строю, чекисты не постигали.

[105] Современные записки, 1922, т. 12. С. 138-163.

Под давлением Наркомата земледелия Ленин дважды (в начале сентября и в начале октября) адресовался к заместителю председателя ВЧК Уншлихту с деликатными запросами о перспективах смягчения участи нужного сельскому хозяйству профессора Щепкина. В первый раз важный чекист ответил категорическим отказом, а во второй — умилостивился, и 10 октября Президиум ВЧК постановил выпустить Щепкина на волю «с правом проживания в Смоленской, Владимирской и Московской губернии, в одном из мест по его усмотрению». Найти себе новое место жительства он не успел: 21 ноября 50-летний профессор скончался от сердечной недостаточности[106].

О судьбе шести основных смутьянов и зачинщиков Президиум ВЧК позаботился 1 ноября, постановив выслать Кишкина и Осоргина в город Солигач Костромской губернии, Прокоповича и Кускову — в город Тотьму Вологодской губернии, а Коробова и Черкасова — в город Краснококшайск (некогда Царёвококшайск, ныне Йошкар-Ола) Марийской области. Уведомляя ЦК РКП (б) о решении Президиума ВЧК, усердный Уншлихт не упустил случая подчеркнуть человеколюбие карательного аппарата: *«Ссылаемым предоставлено право свидания с родными и получения от них вещей в дорогу, после чего указанные лица будут сопровождаться под охраной специального конвоя от ВЧК по месту ссылки»*[107]. Через три недели, изменив свой прежний вердикт, чекисты отправили Кишкина, Кускову и Прокоповича в Вологду, а Коробова, Черкасова и Осоргина — в Краснококшайск[108]. На вакантное после смерти Щепкина место седьмого зачинщика определили Е.М. Кафьеву — секретаря Кишкина; отбывать ссылку ей предстояло в Тотьме.

«Сослали нас просто и хорошо, — вспоминал впоследствии Осоргин, — *в полночь взвалили с вещами на грузовик, доставили на вокзал, втолкнули нас троих с пятерыми конвойными в неотопляемый и неосвещенный вагон с разбитыми стеклами и, наконец, отделались от неприятных людей. Выслали нас (со мной были два известных кооператора) в голодный приволжский край. В выборе места ссылки была, пожалуй, своеобразная логика: мы ссылались по делу Всероссийского комитета помощи голодающим».* По дороге конвойные ухитрились потерять документы своих подопечных и выданный им на время командировки хлеб, но ссыльные довезли их до Казани и даже подкармливали в пути. Тяжело заболевший еще в тюрьме Осоргин остался в Казани, а Коробов и Черкасов проследовали в предназначенную им глушь[109].

Кое-как протянулись пять месяцев. За это время Кускову и Прокоповича перевели из Вологды в город Кашин Тверской губернии с пересадкой в Лубянской тюрьме, где членов «Голодного Комитета» встретили как хороших старых знакомых и сразу попросили разъяснить экономическое положение страны. Осоргин же за прошедшие пять месяцев оправился от

---

[106] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 20745. Вестник сельского хозяйства, 1921, № 7. С. 2. В кн.: Ленин и ВЧК... С. 473. *Осоргин М.* Указ. соч. (1924).

[107] РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 227, л. 63.

[108] РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1023.

[109] Современные записки, 1922, т. 13. С. 214-227. *Осоргин М.* Указ. соч. (1924).

болезни и оказался зрителем такой чудовищной катастрофы в Поволжье, о которой в Москве мало кто догадывался.

Между тем Е.П. Пешкова, жена Горького, возглавлявшая Политический Красный Крест, пустила в ход свои немалые партийные связи и добилась согласия влиятельных сановников на пересмотр дела Комитета. В связи с прошением Политического Красного Креста секретарь Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе 26 апреля 1922 г. обратился к руководству ВЧК с предложением о досрочном освобождении высланных. Уже на следующий день, 27 апреля, по докладу Уншлихта Политбюро приняло постановление: *«Применить как меру облегчения перевод бывших членов Всероссийского Комитета помощи голодающим в уездный или губернский город или, в случае их ходатайства, за границу»*[110].

В соответствии с решением Политбюро Кускову и Прокоповича в мае вернули в Москву, а в июне депортировали в Германию. Осенью 1922 года, когда советские правители открыли сезон охоты на инакомыслящих и просто мыслящих граждан, чекисты выпроводили на «гнилой Запад» еще пятерых членов Комитета: зачинщика М.А. Осоргина, агронома И.П. Матвеева, видного участника кооперативного движения Н.Е. Смирнова, президента Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримова и профессора Московского высшего технического училища В.И. Ясинского (председателя Московского профсоюза научных деятелей и Московской комиссии по улучшению быта ученых). Вдогонку за ними в марте 1923 г. выслали за кордон секретаря Толстовского общества В.Ф. Булгакова.

Шестерым членам Комитета удалось выскользнуть за пределы советской державы на вполне законных основаниях. Летом 1922 г. под предлогом «поправки здоровья» после перенесенного сыпного тифа выехал в Западную Европу председатель Всероссийского Союза писателей Б.К. Зайцев в сопровождении жены. В том же году не возвратился из зарубежной командировки близкий друг Зайцевых историк искусства и писатель П.П. Муратов. В 1924 г. преподаватель Московского университета Б.Р. Виппер стал профессором Рижского университета, а сокамерник Осоргина граф К.А. Бенкендорф перебрался в Великобританию, где проживала его мать. Спустя четыре года заместитель председателя Всероссийского Меннонитского сельскохозяйственного общества К.Ф. Классен переселился в Канаду, где возглавил Меннонитскую братскую церковь. Осенью 1929 г. стала «невозвращенкой» А.Л. Толстая, отпущенная в Японию для чтения лекций о своем отце и его учении.

Главного зачинщика Н.М. Кишкина и его секретаря Е.М. Кафьеву отпустили из ссылки только в декабре 1922 г. С 1923 г. Кишкин служил в курортном отеле Наркомздрава РСФСР; несколько раз его брали под стражу, потом освобождали; до Большого террора он не дожил — умер в Москве 16 марта 1930 года. Какие испытания выпали на долю Кафьевой, осталось неизвестным.

---

[110] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 290, л. 4. В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения» (письма в защиту репрессированных). М., 1998. С. 167.

Заматерелым крамольникам Д.С. Коробову и И.А. Черкасову летом 1922 г. разрешили обосноваться в Нижнем Новгороде, но запретили приезжать в Москву. *«Очень радостно, что оба они сейчас в России работают,* — писал Осоргин в 1924 г., — *не пропадет она с ними».* В 1930 г. обоих арестовали по делу «О контрреволюционной вредительской организации в системе сельскохозяйственной кооперации».

Вместе с ними бросили в тюрьму известных когда-то экономистов М.П. Авсаркисова (в прошлом председателя правления Московского Народного банка, национализированного 2 декабря 1918 г.) и П.Т. Саламатова (Вятского губернского комиссара Временного правительства, затем члена правления Московского общества сельского хозяйства). Фамилия первого из них открывала список участников зарубежной делегации Комитета; фамилия второго упоминалась в сочинении Дзержинского, опубликованном 8 сентября 1921 г. После задержания членов Комитета в августе 1921 г. первого отпустили на волю довольно скоро, а второго продержали в Лубянском застенке около четырех месяцев.

Постановлением коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. этих бывших членов Комитета, возведенных в ранг «вредителей», осудили на десять лет «исправительно-трудовых лагерей» (Авсаркисова сперва хотели было расстрелять, да передумали и, преисполнившись человеколюбия, заменили ему быструю смерть на постепенное угасание в концлагере). Через год коллегия ОГПУ вдруг пересмотрела свое прежнее решение относительно Коробова и Черкасова. Обоих извлекли из концлагеря и сослали на три года в провинцию (Коробова — в Саратов, а Черкасова — в Западную Сибирь). Саламатов строил сначала Беломорско-Балтийский канал в качестве заключенного, потом канал Москва–Волга в должности досрочно освобожденного экономиста. Авсаркисов сгинул в сталинских концлагерях[111].

С профессором П.А. Велиховым, работавшим в Комитете «по транспортной части», разобрались «по понятиям» в период ползучей сталинской революции сверху, нареченной «Великим переломом». Опытный инженер Велихов считался высококвалифицированным специалистом в области строительной механики, строительных материалов и мостостроения. Вместе с тем в силу темперамента и природной склонности к инакомыслию он смолоду привлекал к себе внимание тайной полиции. Еще осенью 1907 г. его подвергли обыску и непродолжительному задержанию как участника Московского отдела лиги образования, закрытой распоряжением московского генерал-губернатора.

После октябрьского переворота Велихова трижды (осенью 1919-го, весной 1920-го и осенью 1921 г.) отправляли за решетку на относительно короткие сроки. В четвертый раз его взяли под стражу 16 августа 1922 г., через полгода перевели из тюрьмы в Институт судебно-психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского и только 23 апреля освободили под подписку о невыезде из Москвы. Для окончательной расправы его арестовали 12 июня 1929 г. по делу «Контрреволюционной вредительско-шпионской

[111] В кн.: Высылка вместо расстрела... С. 452, 484, 502. В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения»... С. 53-54.

организации в центральном и местных управлениях шоссейно-грунтовых путей», постановлением коллегии ОГПУ от 4 апреля 1930 г. приговорили к высшей мере наказания и через полтора месяца, 27 мая, расстреляли[112].

В том же 1930 г. по делу рожденной буйным воображением Агранова «Трудовой крестьянской партии» репрессировали семерых бывших членов Комитета: агрономов А.Г. Дояренко и А.П. Левицкого, экономистов Н.Д. Кондратьева, А.А. Рыбникова, П.А. Садырина, А.В. Тейтеля и А.В. Чаянова. Четверо из них (Дояренко, Кондратьев, Рыбников и Чаянов) были профессорами Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Левицкий — заместителем директора Института минеральных удобрений, Садырин — профессором Кооперативного института и членом правления Государственного банка СССР, Тейтель — старшим экономистом Наркомзема РСФСР. По версии Агранова, все они занимались «вредительством», а Садырин даже ввозил в страну оружие под видом заграничных сельскохозяйственных машин и формировал повстанческие отряды[113].

В 1937 г. расстреляли Тейтеля и Чаянова, в 1938-м — Кондратьева, Рыбникова и Садырина. Основоположник современной агрофизики Дояренко побывал и в суздальском политизоляторе, и в концлагере, и в ссылке, а умер в 1958 г., дожив до 84 лет. Левицкого выслали в Смоленскую область; в 1942 г. под Гжатском (ныне Гагарин) его расстреляли немецкие оккупационные части за связь с партизанами[114].

Не довелось уклониться от карающего меча пролетарской диктатуры и официальному представителю Комитета в Париже М.И. Скобелеву. Осудивший свое меньшевистское прошлое еще в 1922 г., он нашел себе новую экологическую нишу в плотных рядах РКП(б), поспособствовал установлению торговых отношений советской державы с Францией и в 1925 г. вернулся из эмиграции в Москву. Во время ежовщины чекисты «сорвали маску» с этого «участника террористической организации», и в июле 1938 г. Скобелева расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Безрадостному ясновидцу Кутлеру грозила участь не то зачинщика, не то заклятого крамольника. Сразу после ареста 27 августа 1921 г. он сказал Прокоповичу: *«Этой тюрьмы я больше вынести не смогу. Довольно с меня и того года. Стар я, знаете, для этих интересных похождений. Ноги больные, сердце не действует»*. Но в камере он держался стоически: *«Ел ядовитый суп из погибшей рыбы без тарелки и без ложки — из перепиленной надвое бутылки, закусывал сорным прелым хлебом, вытирал бумажкой седые усы. Не жаловался и не волновался. И очень приветствовал мысль сделать из хлеба шахматы»*[115].

---

[112] ГАРФ, ф. 124, оп. 45, д. 1045, л. 4-9. Источник, 1996, № 3. С. 87. В кн.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории (сборник трудов). М., 1996. С. 48-49. В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения»... С. 32-33.

[113] *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004. С. 99-134.

[114] В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения»... С. 175-177. *Вернадский В.И.* Дневники: 1926-1934. М., 2001. С. 261-262. В кн.: Высылка вместо расстрела... С. 439, 451, 459, 482-484, 492, 502.

[115] Дни (Париж), 18. V. 1924. Последние Новости (Париж), 20. V. 1924.

Через месяц его отпустили на волю и по предложению наркома финансов Н.Н. Крестинского вместе с П.А. Садыриным ввели в состав правления Государственного банка РСФСР[116]. Кутлер возглавил эмиссионный отдел банка и вскоре прославился как совершенно замечательный чиновник, ибо ни разу не согласился подписать распоряжение на выпуск новых банкнот, не получив для этого заранее обусловленного золотого обеспечения. Его манеры, опыт и эрудиция, не говоря уже о разработанных им мероприятиях по реализации денежной реформы, произвели настолько отрадное впечатление на державных сановников, что весной 1922 г. Политбюро дважды обсуждало его кандидатуру в качестве предполагаемого члена коллегии финансового ведомства и только после протеста Дзержинского от этой оригинальной идеи отказалось[117].

Скоропостижная смерть Кутлера 10 мая 1924 г. лишила карательный аппарат возможности расквитаться с ним за его беспорочную и плодотворную службу сначала монархии, а потом большевикам. Зато его постоянного партнера по тюремным шахматам Ф.А. Головина, тоже освобожденного через месяц после ареста и потом служившего в каких-то советских учреждениях, арестовали 17 сентября 1937 г. Спустя два месяца решением «тройки» управления НКВД по Московской области Головина приговорили к расстрелу за «антисоветскую агитацию» и 10 декабря 1937 г., за 11 дней до его 70-летнего юбилея, казнили.

Почетное место в компании зачинщиков занимал, наконец, председатель петроградского филиала Комитета Максим Горький. Тем не менее отдать распоряжение о его заключении под стражу не рискнул бы даже давно враждовавший с ним петроградский наместник Зиновьев. Поскольку писатель не подлежал аресту, его надо было навеки опорочить. За решение этой проблемы взялся Агранов, и 8 сентября 1921 г. Уншлихт потешил вождя мирового пролетариата извлечением из показаний профессора В.Н. Таганцева, которого чекисты назначили руководителем «Петроградской боевой организации»:

«Летом 1920 г., когда я скрывался от засады у меня на квартире, я обратился к Горькому за советом по поводу моих родных, оставшихся в засаде. Я рассказал Горькому, что я скрываюсь от засады, он предложил дать мне письмо к Менжинскому, но я счел это неудобным ввиду невыясненности характера обвинения. Тогда он обещал оказать мне содействие в возможно скорейшем снятии засады и об устройстве питания моих родных. После первой встречи я раза три был у него на квартире, обыкновенно в связи с хлопотами об арестованных, преимущественно военных. Во время этих встреч затрагивались беседы на разные политические темы, из коих я узнавал о трагическом взгляде Ленина на русский народ, который является, по мнению Ленина, чрезвычайно податливым на всякое насилие и мало пригоден для государственного строительства. Горький рассказывал о своих встречах с представителями церкви и о религиозных настроениях, часто говорил о крестьянской опасности.

[116] РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 66, л. 56-57.

[117] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 288, л. 4; д. 294, л. 8. *Нансен Ф.* Указ. соч., с. 81-82. Правда, 11. V. 1924.

После моего печального случая с шантажом (о даче мною 650 тысяч рублей выкупа за мое освобождение инспектору уголовного розыска, арестовавшему меня на улице) Горький, которому я рассказывал это, советовал уехать за границу, где я буду иметь возможность заняться научной работой. Он спрашивал у меня, имею ли я возможность переправиться надежным способом через границу. Я сказал, что могу вполне надежным способом. Он просил известить его о сроке моего отъезда и захватить с собой Марию Игнатьевну Бенкендорф, которая пять раз пробовала перейти границу, но каждый раз неудачно, и он не хотел больше рисковать с ее отправкой. По моим сведениям, Мария Игнатьевна была однажды в Финляндии, но вынуждена была оттуда уехать и вопрос о возможности ее выезда туда, по полученной мной справке, <...> был весьма сомнителен.

Я Горькому рассказывал, что принимал участие в контрреволюционных организациях и что за мной много грехов числится. Я его мог только успокоить в лояльных отношениях к советской власти во время войны с Польшей. Разговор о Бенкендорф и возможности ее отъезда при моем посредстве происходил в половине августа 1920 г. Горький указывал мне имена и фамилии тех лиц, которые находятся в качестве осведомителей в Чрезвычайной Комиссии, — Николая Рябушинского, одного из сыновей Саввы Морозова, Гельцер, одной московской портнихи (известной) и известной модистки (фамилию забыл), бывшего лицеиста Жервей и одного из Вонлярлярских. Этот список он назвал мне при обычном нашем разговоре»[118].

Вникнув в изготовленный Аграновым текст допроса известного петроградского профессора-географа, Ленин немедленно переправил ценную бумагу в собственный архив, хотя странные признания Таганцева не могли, казалось бы, не вызывать недоумение по поводу самой «боевой организации», ее формального предводителя и его эпизодических контактов с Горьким. К формированию «Петроградской боевой организации» Агранов приступил в июне 1921 г. и уже через три месяца завершил свое расследование, увеличив число заключенных в тюрьмах бывшей столицы на 833 человека. Президиум Петроградской губернской ЧК 24 августа вынес постановление о расстреле 61 арестованного по этому делу (в частности, профессора В.Н. Таганцева и его жены, поэта Н.С. Гумилева и ректора Петроградского университета Н.И. Лазаревского, профессора Петроградского технологического института Г.Г. Максимова и блестящего химика М.М. Тихвинского — старого приятеля Красина и Горького), а 3 октября приговорил к расстрелу еще 36 человек[119].

В 1992 г. Прокуратура Российской Федерации и Следственное управление Министерства безопасности России констатировали, что дело в отношении участников «Петроградской боевой организации» было «полностью сфальсифицировано»[120]. К такому же, в сущности, выводу, но только на 70 лет раньше пришел Амфитеатров: *«Даже у изобретательной чрезвычайки недо-*

---

[118] РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 865, л. 7.

[119] Известия, 31.VIII.1921. В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения»... С. 161-163.

[120] В кн.: «Просим освободить из тюремного заключения»... С. 164-165.

стало клеветнической фантазии больше, чем на милейшего В.Н. Таганцева. Мир его страдальческому праху, освященному безвинною мукою! Но кто же может хоть на минуту поверить, чтобы этот добродушный и остроумный обыватель был организатором и "главою" политического заговора? С его-то неукротимой общительностью и длинным языком? С его-то житейской озабоченностью и должностною беготнею в сверхсильной пайковой охоте? Если бы в Петрограде в самом деле зародился серьезный заговор, то, вероятно, под большим вопросом стояло бы, допустить ли В[ладимира] Н[иколаевича] в его тайну, а не то что ставить его "главою"»[121].

Кто же был тогда подлинным автором показаний Таганцева — сам профессор или чекист Агранов? Во всяком случае профессор Таганцев, родившийся в Петербурге и выросший в семье академика, не мог ввернуть в свою речь оборот вроде «во время этих встреч затрагивались беседы» — такой стиль уж совсем не подходит столичной интеллигенции. Кроме того, Горький не мог выяснить фамилии осведомителей ВЧК, не мог в обычном разговоре поделиться подобными сведениями с участником «контрреволюционных организаций» и никак не мог обсуждать способы нелегального перехода через границу М.И. Бенкендорф (своей фактически гражданской жены) с малознакомым человеком.

Профессора Таганцева приговорили к расстрелу 24 августа, а казнили, скорее всего, на следующий день; однако на его показаниях, сохранившихся в ленинском фонде, проставлена дата 27 августа. Можно полагать, что 27 августа, в тот самый день, когда чекисты по приказу Ленина арестовали членов Комитета, Агранов получил срочный заказ на компрометацию Горького и задним числом подшил к закрытому делу не то слово перед казнью, не то посмертный привет профессора Таганцева.

В роли заказчиков неплохо смотрелись и явный недруг писателя Зиновьева, и тайный его недоброжелатель Каменев, супруга которого сказала однажды Ходасевичу: *«Удивляюсь, как вы можете знаться с Горьким. Он только и делает, что покрывает мошенников — и сам такой же мошенник. Если бы не Владимир Ильич, он давно бы сидел в тюрьме!»*[122]. Но более вероятно, что Агранов, занимавший должность особоуполномоченного по важнейшим делам при начальнике секретно-оперативного управления ВЧК, просто исполнил поручение своего шефа Менжинского, еще в июне посулившего общественным деятелям неминуемую расправу. Отныне чекисты получили неограниченную возможность шантажировать писателя, так как «откровенные признания» профессора Таганцева наглядно свидетельствовали о том, что «белогвардейцы умеют пользоваться добросердечием М. Горького»[123].

Для самого же писателя единственным пристойным выходом из этой ситуации оставалось переселение в Западную Европу под предлогом расстроенного здоровья. Не зря же все лето 1921 г. Ленин настоятельно, хотя и безуспешно, предлагал Горькому покинуть страну одних лишь советов, где

---

[121] *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 26.

[122] *Ходасевич В.Ф.* Указ. соч. С. 189.

[123] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2614, л. 1.

«ни лечения, ни дела», а только «зряшная суетня»[124]. Настало время прислушаться к этой рекомендации, и 16 октября в крайне скверном расположении духа Горький удалился за границу. В июне 1922 г., когда Ленин уже лежал с инсультом, а Кускова и Прокопович собирались в эмиграцию, некто, обладавший многообразной информацией о тайнах Кремлевского двора, попросил их передать Горькому его наставление: *«Скажите другу нашему, Алексею Максимовичу, чтобы он не возвращался. Его песенка здесь спета, не знаю, навсегда ли. Дует другой ветер, и "Сокола" того и гляди посадят в клетку. Этого он не переживет...»*[125]

Голодомор

Достоверных сведений о постигшем страну несчастье общественные деятели получить не сумели. Стремление некоторых членов Комитета разузнать соответствующие статистические данные воспринималось большевиками как неслыханная дерзость. По мнению Горького, наиболее информированного представителя нечаянно возрожденной общественности, в начале лета 1921 г. бедствие охватило территории с населением около 20 миллионов человек, но через полтора месяца численность голодавших заметно увеличилась. О масштабах и последствиях этой катастрофы Горький написал М.И. Бенкендорф 13 июля 1921 г.:

«Я — в августе — еду за границу для агитации в пользу умирающих от голода. Их до 25 м [иллионов]. Около 6-и снялись с места, бросили деревни и куда-то едут. Вы представляете, что это такое? Вокруг Оренбурга, Челябинска и др[угих] городов — табора голодных. Башкиры сжигают себя и свои семьи. Всюду разводят холеру и дизентерию. Молотая кора сосны ценится 30т[ысяч] [рублей за] пуд. Жнут несозревший хлеб, мелют его вместе с колосом и соломой и это мелево едят. Вываривают старую кожу, пьют бульон, делают студень из копыт. В Симбирске хлеб 7500 [рублей за] фунт, мясо 2000 [рублей]. Весь скот режут, ибо кормовых трав нет — все сгорело. Дети — дети мрут тысячами. В Алатыре мордва побросала детей в реку Суру»[126].

Массовые самочинные перемещения голодающих в поисках пропитания волновали центральную и местные власти гораздо сильнее, чем трудноразрешимая продовольственная проблема. На путях бегства крестьян из голодающих районов губернское начальство принялось выставлять кордоны. Жалобы по этому поводу в кабинеты советских правителей обычно не проникали, но в середине лета членам Политбюро довелось все-таки ознакомиться с одним письмом, отправленным из Симбирска 4 июля и адресованным Ленину:

«Действиями продовольственных властей Симбирская губерния, особенно инородческие уезды ее, подверглась полному опустошению. Ныне губернию постиг совершенный неурожай. В недалеком будущем жертвы от голодной

---

[124] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 53. С. 109.

[125] *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького. Новый журнал, 1954, кн. 38. С. 224-245.

[126] Архив А.М. Горького. М., 2001, т. XVI. С. 48-49.

смерти, сейчас насчитываемые десятками, будут исчисляться сотнями и тысячами; между тем из губернии никуда не выпускают население в поисках хлеба. Знаете ли Вы об этой политике продовольственных органов»[127]*?*

Четкий ответ на вопрос симбирского обывателя дал Каменев. Выступая с докладом о голоде на пленуме Московского совета 30 августа, он разъяснил политику партии по отношению к самовольным переселенцам из голодавшего Поволжья: *«Конечно, мы должны удерживать крестьян на месте. Это самый плодородный район России. Если крестьяне будут из него уходить, то один из крупнейших плодородных районов России будет потерян»*[128]. Позднее большевики признали, что часть беженцев из голодного края (не то 600 тысяч, не то более одного миллиона человек) прорвались сквозь степные кордоны и рассеялись по стране, а свыше 900 тысяч жителей Поволжья пришлось эвакуировать в «урожайные местности»[129].

На закате лета общее число голодавших превысило 25 миллионов человек. Этот показатель советские правители отнесли к разряду государственных тайн первостепенной важности и поэтому в публичных выступлениях изворачивались, как школьники, недозубрившие домашнее задание по арифметике.

Тон задавал Ленин, лгавший по привычке беззастенчиво и бессмысленно. Наступивший в нескольких губерниях голод, утверждал 2 августа вождь мирового пролетариата, «по-видимому, лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 г.». На самом деле в 1891 г. голодали 964 627 человек, но Ленин расценивал собственные небылицы как мощное оружие пролетарской диктатуры. Чичерин лгал нехотя и поневоле; в радиообращении к правительствам всех стран 2 августа он подчеркнул, что чрезвычайное положение вследствие неурожая введено в десяти губерниях с населением около 18 миллионов человек, а 3 августа поинтересовался у Политбюро: удобно ли, чтобы публикуемые в европейской печати сведения о 25 миллионах голодающих расходились с официальными советскими бюллетенями? Каменев, лгавший бесстрастно и авторитетно, 30 августа зачислил в голодающие 15 губерний с населением не более 21 миллиона человек. Калинин лгал то натужно, то многозначительно и лишь в конце 1921 г. после сложных перерасчетов и повторных согласований с начальством остановился на цифрах 10 миллионов голодавших в июле и 20–22 миллиона — в декабре, но при этом оговорился, что к официальным данным надо бы прибавить еще миллионов пять[130].

К началу осени тотальный голод подкрался к тому самому рабочему классу, авангардом которого именовали себя большевики. Поскольку прожить на получаемое от государства жалованье было просто невозможно, «ге-

---

[127] РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 159, л. 44.

[128] РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 121, л.. 21-22.

[129] Итоги борьбы с голодом в 1921-22 г.г. Сборник статей и отчетов. М., 1922. С. 6-8. *Бухман К.* Указ. соч.

[130] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1925, л. 2; ф. 323, оп. 2, д. 121, л.. 15-16. Правда, 6. VIII. 1921. Известия, 25. XII. 1921. Документы внешней политики СССР, т. IV. С. 250-251. *Геллер М.С.* Указ. соч.

гемон революции» покрывал свой бюджет побочными частными заработками и хищениями на производстве. Сводки ВЧК констатировали «неудовлетворительное» настроение рабочих, усиление «контрреволюционной агитации» на предприятиях и эпизодические забастовки в Ярославской, Иваново-Вознесенской, Новгородской, Рязанской, Харьковской, Полтавской и ряде других губерний. Население закавказских республик, как отмечали чекисты, не скрывало своей враждебности к советской власти и сочувствия местным бандам. Даже в надежных воинских частях постепенно разгоралось недовольство в связи с недостатком продовольствия и обмундирования[131].

Несмотря на регулярную помощь зарубежных организаций во главе с Гувером и Нансеном, глубокой осенью голод захлестнул 33 губернии и области, где проживали 35–40 миллионов человек. По данным Центрального статистического управления (ЦСУ), численность пострадавшего от неурожая населения в последние месяцы 1921 г. достигала 37 миллионов человек; по другим сведениям, зимой 1921–22 г. голодали 32–33 миллиона человек[132]. В ноябре обиженный большевиками Горький заявил берлинским корреспондентам: *«Я полагаю, что из 35 миллионов голодающих большинство умрет. На международную помощь в ее нынешних формах я возлагаю очень мало надежд. Да она и не может предотвратить катастрофы. Гуверовская организация до сих пор не сумела оградить свои транспорты от нападений бандитов. Впрочем, одной американской помощи вообще недостаточно»*[133].

Зарубежной помощи действительно не хватало, но не потому, что какие-то вагоны с продовольствием грабили обезумевшие от голода обыватели или расплодившиеся по всей стране банды, а потому, что степень бедствия превзошла самые мрачные прогнозы. Нансен, поколесивший по российской провинции в декабре 1921 г., вернулся в Москву потрясенный увиденным. В тех поволжских селениях, где еще теплилась жизнь, крестьяне выходили из дома только за водой, а питались остатками собранной осенью соломы, которую растирали в каменной ступе вместе со жмыхом, дубовой корой, глиной и костяной мукой, полученной из истолченных костей павших животных. Лишь в отдельных избах еще сохранились 5–10 фунтов (приблизительно 2–4 килограмма) отрубей — единственного зимнего запаса крестьянской семьи. По словам сопровождавшего Нансена доктора Феррера (представителя британского комитета врачебной помощи России), с такой чудовищной гуманитарной катастрофой, как в Поволжье, ему не доводилось прежде встречаться во время массового голода ни в Азии (прежде всего в Индии), ни в Африке[134].

В том же декабре 1924 г. М.Ф. Андреева, прибывшая в Москву с отчетом о торговых операциях за границей, записала в своем дневнике: *«Слышала сегодня от продовольственников, приехавших с Волги, что есть места, где не*

---

[131] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2623, л.л. 43-58, 74-97. Народное хозяйство России за 1921 год. Берлин, 1922. С. 7.

[132] Экономическая жизнь, 2. IV. 1922. *Бухман К.* Указ. соч. *Маслов С.С.* Указ. соч. С. 178-179. *Коган А.Н.* Указ. соч.

[133] Последние Новости (Париж), 11. XI. 1921.

[134] Известия, 16. XII. 1921.

только едят своих мертвых, но установили плановое распределение живых людей — кого когда съесть. В первую голову стариков, а затем ребят, которые послабее. Бросают жребий»[135]...

Более подробные показания о людоедстве в Поволжье оставил впоследствии Осоргин: *«С ужасом и презрением писали [в Европе] о "случаях каннибализма", не зная, что это были уже не случаи, а обыденное явление и что выработалось даже правило сначала есть голову, потом потроха и лишь к концу хорошее мясо, медленнее подвергавшееся порче. Ели преимущественно родных, в порядке умирания, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было»*[136]. Как заметил Максимилиан Волошин, *«душа была давно дешевле мяса, и матери, зарезавши детей, засаливали впрок»*.

Даже Калинин не утаивал, что в Башкирии массовым явлением стало «убийство родителями своих детей как с целью избавить последних от мук голода, так и с целью попитаться их мясом», а вообще в Поволжье над свежими могилами надо было выставлять караул, чтобы местные жители не выкопали и не съели трупы[137]. Не пренебрегали в Поволжье и упитанными иностранцами: весной 1922 г. крестьяне Самарской губернии убили и съели сотрудника АРА, наблюдавшего за поставками продовольственной помощи[138].

Наряду с каннибализмом, голод породил неслыханную беспризорность с ее прямыми последствиями — детской преступностью, детской проституцией, детским нищенством и нередкими психическими отклонениями у выживших детей и подростков. В 1922 г. выяснилось, что 30 процентов детского населения Поволжья и Крыма погибли от голода и эпидемий[139]. *«Еще видел детей,*— свидетельствовал Осоргин, — *черемисов и татарчат, подобранных по дорогам и доставленных на розвальнях в город распорядительностью Американского комитета (АРА). Привезенных сортировали на "мягких" и "твердых". Мягких уводили или уносили в барак, твердых укладывали ряд на ряд, как дрова в поленнице, чтобы после предать земле»*[140].

В первой половине 1922 г. голод достиг максимальной интенсивности. Ему сопутствовали цинга и повсеместные вспышки сыпного, брюшного и возвратного тифа, холеры и дизентерии. Весной 1922 г. неожиданно выяснилось к тому же, что посевные площади в государстве сократились (по сравнению с предыдущим годом) на 11 миллионов десятин из-за нехватки семян и резкого (чуть ли не вдвое) уменьшения поголовья рабочего скота. По самым грубым подсчетам страна нуждалась в импорте 250 миллионов пудов зерна[141].

---

[135] Знамя, 1994, № 6. С. 142.

[136] *Осоргин М.А.* Указ. соч. С. 131.

[137] Известия, 25. XII. 1921. *Калинин М.И.* Указ. соч.

[138] Последние Новости (Париж), 22. IV. 1922.

[139] *Итоги борьбы с голодом в 1921-22 г.г.* Сборник статей и отчетов. М., 1922. С. 31-36. *Бухман К.* Указ. соч.

[140] *Осоргин М.А.* Указ. соч. С. 131.

[141] *Воронович Н.* Голод и сельскохозяйственный кризис в России. Воля России, 1924, № 14-15. С. 137-145.

Тем не менее уже 6 июля 1922 г. Политбюро поставило в повестку дня вопрос «вывозе хлеба за границу», а 27 декабря того же года, обнаружив хлебные излишки в закромах разоренной державы, утвердило проект А.Д. Цюрупы (заместителя председателя Совнаркома, а до декабря 1921 г. — наркома продовольствия РСФСР) об экспорте 15 миллионов пудов ржи, 4 миллионов пудов ячменя, 3,5 миллиона пудов жмыха и 500 тысяч пудов пшеницы[142]. Так как все это зерно доставалось большевикам фактически даром (в виде натурального продовольственного налога), дешевый «русский хлеб» слегка потеснил на европейских рынках дорогой американский.

Экспорт зерновых из голодающей страны, да еще получающей международную продовольственную помощь, произвел крайне неблагоприятное впечатление на западных политиков и предпринимателей. В связи с этим Калинин был вынужден растолковывать Нансену смысл нового куштюка ленинской гвардии. Советское правительство, сказал председатель ВЦИК, предпочло бы сохранить у себя весь урожай 1922 г., ибо к лету 1923 г. ожидалась очередная волна голода, способная захлестнуть пять миллионов человек, но социалистическому сельскому хозяйству позарез нужна валюта для закупок овощных семян[143].

Нансен, умудренный немалым опытом деловых сношений с большевиками, прикинулся, будто принял разъяснения председателя ВЦИК без каких-либо оговорок, и Калинин, тертый советский вельможа, притворился, будто поверил, что его трактовка полностью удовлетворила знаменитого викинга. Этот невеселый скетч из репертуара советского театра абсурда оба разыграли по всем правилам византийского актерского ремесла, хотя Нансен только догадывался, а Калинин знал точно, как расходовались твердая валюта и золото.

В самые страшные месяцы 1921 и 1922 гг. советские правители затратили миллионы рублей золотом прежде всего на финансирование мировой революции и выполнение «задач ВЧК по закордонной работе», на закупку стрелкового оружия и самолетов в Германии и выплату контрибуции после бесславного вторжения в Польшу, на обеспечение чекистов продовольственным, материальным и денежным довольствием и обмундирование воинских частей ВЧК и отрядов особого назначения, на лечение наиболее ответственных товарищей в немецких клиниках и санаториях и пропаганду коммунистического вероучения. После оплаченной большевиками публикации какого-то опуса Троцкого в одной из британских газет любопытные европейцы подсчитали, что на эти деньги можно было спасти от голодной смерти тысячу детей[144].

Философы минувших столетий регулярно напоминали власть имущим, что любое правительство обязано заботиться о согражданах, так как *благо народа — высший закон*. Но лидеры большевиков придерживались принципа, озвученного еще в 1903 г. теоретиком марксизма Г.В. Плехановым: *благо революции — высший закон*. Поскольку революция для них продолжалась,

---

[142] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 302, л. 1; д. 327, л.. 3-4.

[143] *Нансен Ф.* Указ. соч. С. 106-107.

[144] Воля России, 1922, № 19. С. 12-15.

массовый голод соотечественников мало беспокоил вождя мирового пролетариата и его приспешников.

Повальный голод, как показал предшествующий трехлетний опыт военного коммунизма, стимулировал принудительный труд, способствовал всеобщему повиновению и укреплял тем самым пролетарскую диктатуру. Публично высказывать суждения такого рода, конечно, не следовало, но поступать в соответствии с подобными соображениями было вполне уместно. Вот почему 4 октября 1921 г., когда в ряде губерний начались первые заморозки и голодавшие утратили возможность разнообразить свой стол несъедобными травами, специальная комиссия ЦК РКП (б) ассигновала десять миллионов рублей золотом на приобретение за границей не продовольствия, а винтовок и пулеметов с патронами[145].

Торговые операции советского руководства в тот период не стоило рассматривать как подтверждение маниакального расточительства ленинской гвардии. Речь шла отчасти о жесткосердии людей, «коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка», но преимущественно о совершенно сознательной позиции вождей, воспринимавших собственных подданных как разменные монеты в политических играх. Марксистско-ленинское обоснование этому мировоззрению дал позднее Н.И. Бухарин. Такие понятия, как «свобода» и «благо народа», теоретик правящей партии обозвал «словесными значками» и «шелухой». *«Мы любую вещь оцениваем с точки зрения ее реальной пользы, с точки зрения великого общественного целого,* — провозгласил он. — *Мы подходим и к крестьянину только с точки зрения политической целесообразности»*[146]...

В этом плане взгляды советских вельмож и высших должностных лиц Российской империи, в сущности, совпадали. Тупое безразличие царских чиновников к российским подданным издавна поражало иностранцев. Во время Первой мировой войны британские дипломаты неоднократно обращались к петербургским сановникам по поводу непомерных воинских потерь на Восточном фронте и каждый раз слышали в ответ: *«Не беспокойтесь, в людях у нас, слава богу, во всяком случае недостатка нет»*[147].

Большевики заимствовали у свергнутой монархии психологию самодержавия, но только прежний авторитарный режим преобразовали в тоталитарный. С одержимостью фанатиков своего утопического вероучения и абсолютным равнодушием к судьбам соотечественников они приступили к беспрестанным реквизициям продуктов сельского хозяйства, ничего не давая и не предлагая крестьянам взамен. Как говорил испытанный ленинский гвардеец А.М. Лежава, *«нам хоть пес — лишь бы яйца нес»*.

Продразверстка, преследование так называемых кулаков и прекращение денежного обращения в деревне уничтожили всякие стимулы не только к развитию сельского хозяйства, но даже к поддержанию его на старом уровне. Регулярные ратные походы советских воинских частей за хлебом побудили крестьян свернуть посевы до прожиточного минимума той или иной семьи.

---

[145] РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 914, л. 1-2.

[146] В кн.: Судьбы современной интеллигенции. М., 1925. С. 24-29.

[147] *Ллойд Джордж Д.* Мир ли это? Л.-М., 1924. С. 199.

Тогда большевики затеяли государственное регулирование сельского хозяйства, установив, в частности, обязательные площади посевов и пропорции сельскохозяйственных культур чуть ли не для каждой деревни, тем более для волости, уезда и губернии. Одновременно они ввели «бронирование» семян. Чтобы крестьяне не вздумали питаться лучше рабочих, все зерно учитывали, отбирали и ссыпали в общественные кладовые (амбары с протекавшими крышами, погреба бывших винокуренных заводов, нуждавшиеся в ремонте помещения разоренных имений) с целью последующего уравнительного распределения семян. Крестьяне пытались прятать выращенные злаки в землю, в крыши, в солому, но, как и в общественных кладовых, зерно там сырело и портилось. В итоге большевики добились только значительного сокращения семенного фонда.

Систематические мобилизации лошадей и внедрение гужевой повинности (обязательных перевозок различных грузов), вынуждавшей крестьян пускать часть лошадей на мясо, наряду с крайней изношенностью или просто отсутствием необходимого инвентаря, обусловили резкое снижение производительности сельского хозяйства. Постоянные требования мясных поставок в сочетании с перманентным изъятием кормов (в первую очередь для конных воинских соединений) предопределили сначала массовый падеж и убой скота, а затем полный разгром скотоводства и молочного хозяйства[148].

Аграрная катастрофа, спровоцированная большевиками, должна была наступить уже на третьем году коммунистической благодати, но осенью 1920 г. Красная армия покорила Кубань, Крым и Сибирь, где обнаружились нетронутые запасы хлеба, картофеля и фуража, немедленно реквизированные советской властью. Военные успехи большевиков отсрочили всеобщий голод, но не смогли предупредить системный (политический, экономический и финансовый) кризис.

Не десять казней египетских наслало провидение на еще недавно, перед Первой мировой войной, процветавшую державу — на развалины Российской империи опустилась осязаемая тьма в виде советской власти. Повсеместные деформация и деградация сельского хозяйства стали закономерным результатом первых же трех лет владычества большевиков, отбросивших страну в глубь веков, к примитивным экономическим системам и натуральному хозяйству. Безрассудный социальный эксперимент ленинской партии продемонстрировал неотвратимость повального голода там, где сельским хозяйством управляют некомпетентные чиновники, где диктатор призывает маргиналов к военным экспедициям в деревни собственного государства, где существует продовольственный фронт и вооруженные отряды захватывают крестьянский урожай в порядке выполнения боевого задания.

Не раскаяние в содеянном, не сожаление по поводу бессмысленной гибели миллионов сограждан, не сочувствие к измученным голодом обитателям покоренных большевиками территорий, а один лишь страх потери узурпированной власти вызвало у Ленина и его сподвижников постигшее страну несчастье. Этот страх заставил правящую партию заменить продразверстку

[148] *Маслов С.С.* Указ. соч. С. 51-64. *Прокопович С.Н.* Очерки хозяйства советской России. Берлин, 1923.

продналогом, санкционировать образование Всероссийского комитета помощи голодающим и допустить поставки продовольствия из-за границы по соглашениям с Гувером и Нансеном. Но этот же страх подталкивал большевиков к абсолютно несуразным действиям вроде ликвидации Комитета и ареста его участников или наложения запрета на въезд в пределы советского государства международной миссии, сформированной Лигой Наций для выяснения размеров бедствия и объема необходимой гуманитарной помощи.

В последних числах августа 1921 г. Верховный совет держав Антанты предпринял новую попытку гуманитарной акции, создав Международную комиссию по организации помощи России во главе с Жозефом Нулансом — бывшим французским послом при Временном правительстве. *«Положение требует очень тонкого и внимательного обсуждения*, — предупредил Чичерин Каменева 1 сентября. — *Простой отказ поставит нас политически в крайне неблагоприятное положение. Надо придумать что-нибудь более тонкое и осторожное»*[149].

Основательно поразмышлять Каменеву не довелось, так как 4 сентября Ленин ознакомился с обращением Нуланса к советскому правительству и мгновенно зашелся от негодования. Международная комиссия намеревалась, оказывается, направить в пострадавшие губернии 30 специалистов от пяти держав (да еще при непременном условии предоставления им гарантий безопасности и свободы передвижения), потом заслушать отчет экспертов о масштабах бедствия, перспективах эмиграции голодающих, распространенности эпидемий и состоянии транспорта и только после этого определить характер и объем необходимой стране помощи.

В аффективно суженном сознании вождя мирового пролетариата 30 иностранных экспертов молниеносно обратились в «комиссию шпиков». *«Нуланс нагл до безобразия»*, — возвестил он В.М. Молотову и тут же набросал текст решения Политбюро: *«Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса»*...[150]. В утвержденной на заседании Политбюро 6 сентября гневной ноте советского правительства от 7 сентября Нуланса назвали организатором и вдохновителем антисоветских заговоров, чуть ли не главным виновником Гражданской войны и «злейшим врагом» трудящихся, пожелавшим собрать информацию о внутреннем положении страны вместо оказания ей конкретной помощи и учинившим, таким образом, «лишь неслыханное издевательство над миллионами умирающих голодающих»[151].

Всецело удовлетворенный рвением Чичерина, вождь мирового пролетариата 8 сентября написал заместителю полпреда РСФСР в Великобритании Я.А. Берзину, выразившему робкое недоумение по поводу погрома Комитета: *«Их надо было арестовать. Нулансу надо было дать в морду»*[152].

---

[149] РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 847, л. 1.

[150] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 44. С. 116.

[151] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 198, л. 2. Документы внешней политики СССР, т. IV. С. 307-312.

[152] РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24694.

То ли глава советского правительства еще не совсем остыл от раскрытых им «политических интриг» Нуланса, то ли перепутал Нуланса и Нансена, то ли просто запамятовал высказанное им же 26 августа возмущение «наглейшим предложением» Нансена. Так или иначе, но для советских историков Нуланс остался с тех пор «заклятым врагом», тогда как к Нансену у них особых претензий не было.

Зато к АРА советские властители относились с настороженностью и недоверием, немного смягченными признательностью. Голодающие получили, конечно, «незабываемую помощь» от этой организации, проронил однажды Троцкий, хотя американский комитет оказался «высококвалифицированным щупальцем, продвинутым правящей Америкой в самую глубь России»[153].

Коммунистическая идеология отличалась неистощимой ксенофобией, и советские вожди даже не задумывались над вопросами, что именно и зачем могли высматривать американцы на руинах Российской империи или какие государственные тайны выпытывали они у погибавших от голода обывателей. И Ленина, и Троцкого, и прочих вождей вполне устраивала информация карательного ведомства, согласно которой свыше 200 сотрудников русского отдела АРА были якобы офицерами американской разведки[154].

Вслед за чекистами обличать американские козни принялись советские историки, периодически утверждавшие, будто АРА не столько помогала трудящимся справиться с голодом, сколько занималась шпионажем. Самое забавное, наверное, высказывание на эту тему принадлежало члену-корреспонденту АН СССР Ю.А. Полякову — автору нескольких книг о советском прошлом, считавшихся когда-то историческими: *«Представители АРА нередко пытались использовать хлеб и сгущенное молоко в политических целях, поддерживая и побуждая к антисоветской деятельности контрреволюционные элементы»*[155].

На самом деле АРА израсходовала 50 миллионов долларов отнюдь не на шпионские цели, а только на продовольствие и медикаменты для голодавших жителей страны непостижимых Советов[156]. В 1923 г. председатель ВЦИК и вместе с тем председатель ЦК Помгол Калинин обнародовал несколько цифр, отражавших подлинную роль иностранных миссий в период тотального голода. По его сведениям, АРА спасла от голодной смерти 10,4 миллиона советских подданных, а сформированная Нансеном организация, объединявшая главным образом добровольные общества Красного Креста девяти европейских государств (Швеции, Голландии, Чехословакии, Эстонии, Германии, Италии, Швейцарии, Сербии и Дании) — 1,5 миллиона человек. Еще 220 тысяч голодавших выжили благодаря активной помощи тред-юнионов, меннонитов, Католической миссии и ряда других организаций[157].

---

[153] Правда, 30. VIII. 1922.

[154] Вопросы истории, 1968, № 12. С. 47-58. В кн.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 г.г.). М., 1987. С. 529-530.

[155] *Поляков Ю.А.* 1921-й: победа над голодом. М., 1975. С. 93.

[156] Последние Новости (Париж), 22.VII.1922.

[157] *Калинин М.И.* За эти годы. Л., 1926, кн. 1. С. 205.

Официальные итоги массового голода и сопровождавших его эпидемий стали достоянием гласности в том же 1923 г. По данным Наркомздрава, за два предыдущих года заболели сыпным тифом 2 034 395 жителей страны, возвратным тифом — 2 209 853, брюшным тифом — 721 655, холерой — 290 406 и оспой — 154 028 человек[158]. Смертность при сыпном тифе достигала 10 процентов, при возвратном тифе — 3, при брюшном тифе — 8, а при холере и оспе — 45–50 процентов. В результате соответствующих подсчетов получалось, что за два года «голодной кампании» разбушевавшиеся эпидемии унесли жизни более 500 тысяч советских подданных.

Только от голода, по исчислениям Наркомздрава и ЦСУ, в течение 1921–1922 гг. умерли свыше пяти миллионов человек (от 5 053 000 до 5 200 000 советских граждан). Для сравнения на всех фронтах Первой мировой войны были убиты 664 890 человек из 15 миллионов мобилизованных. Общие потери российской армии (убитыми и умершими от ран, болезней или отравления газами) с августа 1914 по декабрь 1917 г. включительно составили 1 661 804 человека[159]. Таким образом, число погибших от повального голода втрое превысило величину безвозвратных потерь во время Первой мировой войны.

На ближайших соратников вождя мирового пролетариата эти цифры особого впечатления не произвели. Ведь напророчил же Ленин в марте 1918 г. наступление «всемирно-исторического периода» насилия, или эпохи «гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов»[160]. А еще раньше, в ноябре 1917 г., он провозгласил: *«Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции»*[161]. Раз все жертвы на пути к мировой революции давно предсказаны, то незачем и беспокоиться по поводу того, что больше пяти миллионов полноправных граждан страны внезапно исчезли, словно их суховеем сдуло или последняя корова Поволжья языком слизнула.

Сложившиеся в 1920-е гг. представления о «стихийном бедствии в Поволжье» подверглись радикальному пересмотру лишь много лет спустя, когда правящая партия принялась наводить глянец на свое прошлое в связи с полувековой годовщиной октябрьского переворота. Отчетливая тенденция к исправлению минувшего проявилась прежде всего в советских энциклопедических изданиях.

В статье «Голод», напечатанной в первом издании Большой советской энциклопедии (1930, т. 17), отмечалось, что от голода 1921 — 1922 гг. пострадали 35 губерний, а погибли 5 миллионов человек из 40 миллионов голодавших. Автор аналогичной статьи, опубликованной во втором издании Большой советской энциклопедии (1952, т. 11), ограничился скупой информаци-

---

[158] В кн.: Пять лет советской медицины. М., 1923. С. 121-130.

[159] *Отчетный доклад Народного комиссариата здравоохранения III сессии ВЦИК X созыва.* М., 1923. С. 1-7. В кн.: Пять лет советской медицины. М., 1923. С. 41. В кн.: Народное хозяйство России за 1921-1922 г.г. Статистико-экономический ежегодник. М., 1923. С. XIII.

[160] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 36. С. 18.

[161] *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Париж, 1930. С. 15.

ей о вызванном засухой голоде, охватившем 35 губерний, но ни словом не обмолвился о жертвах голода. Зато в статье на ту же тему, помещенной в третьем издании Большой советской энциклопедии (1972, т. 7), речь шла только о «катастрофической засухе» 1921 г., которая «не повлекла обычных тяжелых последствий» благодаря эффективным мерам советского государства.

На вопрос о численности голодавших и умерших от голода единственно правильный, большевистский ответ нашел член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков. В 1975 г. он строго сказал: «К маю 1922 г. от голода и болезней погибло около 1 миллиона крестьян», а распространенную в литературе «цифру 27–28 миллионов голодающих следует признать завышенной». То же самое, слово в слово, Поляков, ставший академиком РАН, повторил через 25 лет[162]. Так что нет в минувшем таких крепостей, какими не сумел бы овладеть советский историк, вооруженный марксистско-ленинской методологией.

[162] *Поляков Ю.А.* Указ. соч., с. 19, 27. В кн.: Население России в XX веке. В 3-х томах. М., 2000, т. 1. С. 131, 133.

Читателям «Континента» нет нужды представлять митрополита Антония Сурожского — его тексты неоднократно появлялись на страницах нашего журнала. Владыка скончался в 2003 г., но наследие его далеко не исчерпано. В ближайшее время в издательстве «Практика» выйдет вторая книга «Трудов» (первая увидела свет в 2002 г.), куда вошли беседы самых последних лет жизни владыки, а также многие, еще не публиковавшиеся, более ранние тексты. Издательство любезно разрешило нашему журналу опубликовать первую из двух бесед о церковной общине, вошедших в книгу. Беседы проводились в 1969 г. на английском языке в Содружестве свв. Албания и Сергия для смешанной англикано-православной аудитории. Публикуется впервые.

Антоний, митрополит СУРОЖСКИЙ (1914–2003)

О ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЕ

Говорить о том, к чему устремлен, но чего еще не достиг, довольно трудно. В этом, мне кажется, одна из больших проблем для нас, когда мы говорим на тему общины, говорим об общине в ее реальности, будь то в христианстве или в любом обществе. То, к чему мы устремлены, к чему идем как бы ощупью, всегда больше уже достигнутого, и мы идем, не основываясь на полном знании цели, а устремляясь к еще не достигнутому. Это относится, мне кажется, к абсолютно любой общине, и с этим следует считаться, в противном случае мы создаем воображаемые образы. Можно идеализировать общину, которую считаешь родной себе, или, наоборот, прийти в полное уныние, глядя на ту общину, которой принадлежишь и которая так далека от наших устремлений или идеалов. Говоря о христианской общине, подчеркну, что образ ее — Сам Бог, Единый во Святой Троице, для христианской общины нет и не может быть другого образца. И это ясно указывает на то, что как бы близко ни подошла к своей цели группа людей, которые были связаны между собой какое-то время, или весь христианский мир в целом, мы никогда не достигнем цели и всегда недостаточны. Однако если не помнить постоянно, *что* община считает своим идеальным образцом, какой видит свою конечную цель, нам не на что опереться, у нас нет ни точной цели, ни определенного образца, к которому мы устремлены.

Сейчас я не буду говорить об этом идеальном образце, но хотел бы затронуть этот вопрос <...> в ряде замечаний о конкретной ситуации. И эта конкретная ситуация — не приход, к которому я принадлежу, даже не его узкое окружение: то, о чем я думаю, что наблюдаю, относится к более широкой области.

Несколько лет тому назад на конференции в Боссе[1], организованной Всемирным советом церквей, один из участников прочитал доклад под названием «Церковь, общество целительное — и больное». Начнем с этого определения, потому что мне кажется, что в таком определении Церкви много правды. Сравнение, которое сразу приходит мне на мысль, это общество «Анонимных алкоголиков»[2]. И тут следует отметить, что мы во многом уступаем «Анонимным алкоголикам», потому что мы, подобно его членам, несомненно больны, но на человеческом плане — я не говорю о таинствах и их действенности, о Божественном действии как таковом, на уровне нашего человеческого вклада мы уступаем «Анонимным алкоголикам». И тому я вижу две причины.

Первая заключается в том, что каждый член «Анонимных алкоголиков» знает о себе, что он пьяница, надеется сохранить анонимность, но совершенно несомненно знает, что нуждается в исцелении. Беда нас, христиан, в том, что мы очень редко думаем, что нуждаемся в исцелении. Мы нетрезвы, мы опьянены очень многим, что можно назвать, с одной стороны, миром сим, с другой — ложной церковностью. Мы опьянены, мы отравлены нетрезвостью, но не сознаем этого, и потому нам очень трудно действительно исцелиться хоть сколько-то. Правда, есть в христианском мире группы, которые больше, чем другие, приближаются к такому сознанию. Например, во всем мире совершенно исчезла способность и обычай публично признать, *что* есть недолжного в твоей жизни или что было в ней недолжного в прошлом. Когда человек становится «достойным членом» своего прихода, своего христианского круга, группы, он обычно изо всех сил старается скрыть, что его прошлое, возможно, весьма неприглядно или отвратительно. Существуют лишь редкие группы людей, в которых сохранилось представление, что человек может раскрыть свое прошлое, пусть и очень постыдное, и сказать: «Это свидетельство к славе Божией. Вот чем я был, вот каким я был, я низко пал, увяз, но Бог вытащил меня». Я не хочу сказать, что и в этом направлении не бывает нездоровых крайностей. Мы ухитряемся проявлять признаки нездоровья, поступать нездраво во всем, что бы мы ни делали. Часто публичное признание в своих прошлых грехах становится своего рода эксгибиционизмом. И тем не менее неоспоримо: пока мы не готовы признать, что наше прошлое постыдно и что настал момент, когда мы переросли это прошлое, трудно надеяться, что в общине мы будем восприняты как исцеленные и что община будет восприниматься как целительная. Если мы всеми силами стараемся не показать, что наше прошлое было дурно,

---

[1] Боссе — Экуменический институт в Боссе (Chateau de Bossey), близ Женевы, ассоциированный со Всемирным советом церквей, создан в 1946 г. с целью подготовки экуменических лидеров и межхристианского общения. В Институте читаются курсы лекций представителями разных конфессий, проводятся конференции и семинары, предоставляется возможность академических стажировок для членов различных церквей со всего мира.

[2] «Анонимные алкоголики» — добровольное общество лиц, стремящихся излечиться от алкоголизма. Проводит групповые собеседования для обсуждения причин, толкнувших к пьянству, его последствий и способов преодоления.

мы просто собираемся вместе, каждый со своими сокрытыми болезнями, и тратим массу времени на то, чтобы казаться здоровыми и цельными, тогда как мы и нездоровы и не имеем цельности.

А второе наше отличие от «Анонимных алкоголиков»: мы не только не признаемся в том, что больны и нуждаемся в исцелении. Первой заботой общины как таковой не является исцеление ее членов. Я говорю не о принципе, я говорю не о Церкви как таковой. Я говорю о конкретных человеческих группах, будь то приход или малые группы внутри больших объединений. Бывает, что излечением паршивой овцы занимается Церковь, священнослужители, малая группа внутри большой группы, воображая, что есть различие между здоровыми овцами и больными, овцами беленькими и черненькими. На самом деле, не должно быть такого положения, когда небольшая группа специально посвящает себя тому, чтобы перевоспитать паршивых овец. Это должно быть самой жизнью и делом всей группы в целом, именно жизнью, а не «делом», которым должна заниматься группа, как бы «чистить» друг друга. Знаете, как на картинке в детской книжке можно видеть обезьян, которые стоят в ряд и ищут блох, так что каждая занята обезьяной, стоящей впереди, а ею занимается та, что стоит сзади. Речь не о том, чтобы заниматься такой взаимополезной «деятельностью». Речь о том, чтобы в общине была такая интенсивность, глубина жизни, которая позволит каждому ее члену ожить, приобрести цельность, вырасти в полную свою меру, чего он не мог бы достичь иначе. Так что в этом отношении, хотя каждый из нас болен, хотя вся обстановка нездорова, но поскольку мы не признаемся, что больны и что у нас есть нужда и возможность разделить это состояние с другими, мы далеко не столь эффективны, как «Анонимные алкоголики».

Есть и еще одно, что, как мне кажется, осложняет проблему. Это иллюзия, будто, как только мы вошли в Церковь, находимся в ней, мы в безопасности. Мы представляем Церковь в образе (о чем говорили уже отцы, образ этот вполне законный и сейчас) Ноева ковчега. Мы внутри, дверь закрыта, и нам не угрожает то, что снаружи. На деле все не так спокойно и просто. Да, Ноев ковчег — образ Церкви в том смысле, что снаружи — смерть, внутри — жизнь, внутри — спасающая воля Божия и т. д. Но Церковь отличается от ковчега в том отношении, что невозможно оказаться в нем раз и навсегда, попасть в соответствующую клетку — и я говорю о клетках, потому что совершенно очевидно, что за долгие месяцы дождя и Потопа некоторые звери были готовы съесть других ради пищи или от скуки. Все не так просто. Церковь — странное место в том смысле, что в нее не рождаются. Можно родиться в христианской семье, но это еще не делает человека автоматически членом Церкви: членом Церкви становишься после некоего события и решения. Событие состоит в том, что в течение своей жизни ты тем или иным образом обнаруживаешь Бога, отводишь Ему законное место и значение, придаешь Ему высшую ценность и упорядочиваешь свою жизнь в соответствии с этим знанием или вокруг этого знания. И второе событие — что Бог принимает нас и совершает над нами нечто. Здесь, с одной стороны, инициатива Божия, предваряющая нас, идущая нам навстречу, но также и многосложное событие, которое называют таинствами инициации, то есть дей-

ствиями Божиими, через которые зачинается в нас новая жизнь. Ранняя Церковь говорила об этих таинствах инициации как о крещении, даровании Святого Духа и первом Причащении Святых Тайн. Это было началом новой жизни в новом взаимоотношении и с Богом, и с каждым, кто так же прошел через этот опыт, и с внешним миром, который не прошел через этот опыт, но для которого Церковь была как бы центром.

Мы часто — к сожалению, слишком часто — воображаем, будто достаточно того, что произошли некие внешние события, чтобы все совершилось. Из Священного Писания мы видим, что крещение означает умирание со Христом и восстание с Ним. Это выражалось и до сих пор выражается тем, что оглашенный погружается в крещальные воды и выходит из них. Но если этим все ограничивается, если то, что совершилось, не пронизывает сознание и чувство крещаемого на всех уровнях как опыт умирания и восстания настолько реального, что какие-то вещи становятся чуждыми, а другие становятся реальными, тогда это семя было посеяно, но не дало ростка.

Потому в ранней Церкви можно было говорить о крещении намерением, то есть о тех людях, которые не смогли принять крещение de facto, но страстно желали его и пережили весь тот внутренний опыт, который соответствует этому желанию, — опыт любви, веры, надежды, умирания, погружения в Бога, возвращения к новой жизни. Это не просто туманное желание, это целый внутренний процесс в человеке. Так что следует понять, насколько справедливо и истинно древнее изречение блаженного Августина, что не все те принадлежат Церкви, кто видимо является ее членом, и не все те, кто видимо находится вне Церкви, действительно не принадлежат к ней. Членом Церкви не становишься просто через совершение обряда, если ничего не происходит у тебя внутри. Я употребил слово «обряд» не случайно, потому что если внутри нас ничего не происходит, мы относимся к таинству как к магическому ритуальному действию, а не как к Божественному действию в пределах свободного взаимоотношения и сотрудничества между Богом и человеком.

И кроме того, необязательно остаешься членом Церкви просто потому, что вошел в нее. Да, внешне ты — член видимой общины. Но быть Церковью, принадлежать к ней — подразумевает гораздо больше. Вы, наверно, помните, что ранняя Церковь, где так живо переживались человеческая общность и единство с Богом, считала, что некоторые грехи отсекали человека от Церкви и от Бога и что только действием как бы двойной реинтеграции в общину и в Бога происходило воссоединение, не просто односторонним действием, обращенным или к общине, или к Богу. Так что в этом отношении Церковь — странное общество: это община, в которую надо войти, но на условиях, которые определяет, утверждает только Сам Бог и от которой при некоторых условиях можно отпасть, стать чуждым ей.

У Церкви, опять же как у общества целительного и больного одновременно, есть еще одна сторона. Она — эмпирическое общество, которое можно наблюдать на земле, в истории, как большое общество или малые группы, и потому она может быть предметом исторического, психологического, социологического и другого рода исследований. И одновременно это общество трансцендентно истории, равно как Христос трансцендентен исто-

рии. Этими словами я хочу подчеркнуть, что когда Бог стал Человеком в момент Воплощения, в дни земной жизни Христа, то в Лице Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, Бог полностью вошел в человеческую историю. Можно сказать, что, становясь человеком, принимая плоть, Слово Божие вошло неотъемлемой частью во всю реальность времени, пространства и становления. Но вместе с тем этот Сын Человеческий не ограничен рамками времени, и пространства, и становления, не только потому что Он одновременно Бог, но потому что и в Своем человечестве Он уже соединен с Богом, и человечество Христа на земле уже принадлежит не только дням Его телесного бытия, но и эсхатологическому времени, то есть времени, когда все достигнет своей полноты, исполнения. Человечество Христово принадлежит определенному историческому моменту и одновременно завершению всего.

И, с другой стороны, можно сказать, что человечество Христово современно всем историческим эпохам, потому что воскресший Христос — все еще Иисус, восставший из мертвых и живой в плоти, преображающийся и воскресающий каждый день, пока не придет последнее исполнение всего. И невозможно отделить Христа от Церкви. В этом отношении Церковь одновременно принадлежит истории, подвержена влиянию всех эмпирических условий века сего, и вместе с тем принадлежит будущему веку, является эсхатологическим присутствием — и не только в Лице Христа. Однако по отношению ко Христу это также следует хорошо осмыслить. Христос — Первенец мертвых. Он — первый член Церкви, первый человек, достигший полноты, единственное подлинное и полное откровение того, чем человек призван быть и чем потенциально является. Во Христе человек действительно, реально стал Человеком. Так что когда мы говорим о Церкви, мы видим внутри Церкви одного Человека, Который уже — Человек будущего века. И невозможно, говоря о Церкви, обойти это измерение, которое за пределами времени, истории и становления переходит в уже исполнившуюся, достигнутую завершенность. Но и в нас тоже, как составных частях грядущего Царства Божия, в нас, при том, что мы в становлении, есть аспект, который уже выходит за рамки становления и конечности, времени и пространства. Но это — при условии, что мы действительно, поистине привиты ко Христу, действительно соединены с Ним. Соединены с Ним не только эмоциями, нашей недостаточной верой, несбыточной будто надеждой, любовью, о которой сами понимаем, насколько она слаба, но соединены гораздо более реально — открытостью Богу, на которую Бог отзывается конкретным действием, изменяющим нас глубинно по отношению к Нему и по отношению ко всему миру. Мы часто сами недостаточно сознаем глубину и размах этого события, но оно таково, и это порой можно увидеть, заметить в других людях, а иногда даже в нас самих.

Так что когда мы говорим о Церкви как обществе одновременно целительном и больном, мы можем видеть его в более широком контексте. Оно больное, потому что больны мы: мы все больны болезнью, имя которой — смертность. А смертность означает, что мы, так сказать, обезбожены, оторваны от Бога, не имеем корней в Нем. С другой стороны, в Церкви мы опытно переживаем укорененность в Боге, присутствие Божие и наше присутствие

в Нем, в ней есть жизнь, которая не просто более совершенная форма человеческой жизни, если под «человеческой» понимать биологическую, психологическую и другие стороны жизни. Это жизнь, в которой присутствует животворный Дух Божий, Он встречается с духом человека, способного на такую встречу и такую жизнь. Мне кажется, очень важно нам осознавать эти два полюса нашего бытия. С одной стороны, в нас действует смерть, потому что через грех, греховность, означающую рознь, разделение от Бога и от человека, мы все еще чужды Царствию, а с другой стороны, мы укоренены в вечной жизни.

А эта вечная жизнь — не предмет, не природная жизнь, а Некто. Если вы возьмете Откровение Иоанна Богослова (мне на это указали, это никак не мое собственное открытие), вы увидите, что слово *конец,* греческое *эсхатон,* которое грамматически должно быть среднего рода, там употребляется в мужском роде. Это указывает на то, что *конец* — не что-то, а Кто-то, Сам Бог. А это в корне меняет наше положение, потому что только изнутри личных отношений и личной взаимосвязи с Богом можем мы начинать думать о какой бы то ни было взаимосвязи с человеком, будь то в группе или в обществе.

Постольку поскольку мы больны, смертны, отделены друг от друга, внутренне разбиты и в нас сталкиваются противоположные воли, желания, стремления и т. д., — в опыте Церкви есть как бы устремленность к общинной жизни, которая присуща всему, что не цельно, разбито и неполно. Это желание сблизиться, дополнить и восполнить друг друга в нашей нищете и убожестве. Можно держаться вместе по страху или одиночеству, по ненависти к окружению, по страданию от внутренней сломленности, по жадности к тому, что может дать такой общий порыв, — это все лишь примеры. Так создается община людей, которые собираются, чтобы, так сказать, облегчить свое одиночество, разделить его с другими. Разбитые кусочки целого стараются поддержать друг друга, и это вполне законно. Это более чем законно, пока кусочки сознают свою разбитость, сознают, что они лишь части, осколки, что они оказались вместе, потому что ищут полноты, которой не могут найти в себе, и нуждаются в исцелении по всем этим причинам. В этом отношении они разделяют общее положение общества, где люди раздроблены внутренне, внешне, разделены между собой, и они подобны «Анонимным алкоголикам», если только понимают, что это означает.

Но в результате создается представление, будто община состоит из людей, которые не могут выжить поодиночке, они недостаточно укоренены, скажем так, в Боге, в вечной жизни, в полноте завершенности, и не могут расстаться, потому что расставание означает одиночество и страдание от одиночества. Они стремятся держаться вместе по каким-то объединяющим признакам, будь то религиозным, богословским, политическим, эмоциональным, литературным или другим убеждениям и наклонностям. И создав группу близких между собой людей (в случае церковных людей это будет деноминация, приход, община), молодежную группу, любую группу людей, чем-то сближенных и которых держит вместе что-то общее, они будут стараться иметь как можно более полноценную общую жизнь. То есть они создадут общество внутри общества, общество, которое не только позволит им со-

вместно поклоняться общему Богу, единому Богу, но и обеспечит всеми формами человеческой деятельности, и этим они как бы обезопасят себя. Такого рода сообщество позволяет осуществлять все, что представляется богатством человеческих взаимоотношений, оградившись от внешнего мира, без риска отколоться один от другого и оказаться в одиночку (в зависимости от нашего опыта, с Богом или без Него) перед лицом того, что есть вне.

Если мы посмотрим на раннюю Церковь, мы увидим, что и ей не было чуждо такое ощущение: стремление, вернее, радость быть вместе, но у ранней Церкви было еще одно свойство, которого нет у нас, по крайней мере, нет в такой степени: открытость. Не в том смысле, что сколько угодно близких людей могли собраться вместе, — открытость эта побуждала членов общины идти вовне и нести все богатство общины, всю полноту жизни, принадлежащую общине, тем людям, у которых этого нет, кто чужд этому, кто порой противится этому.

Первая черта такой общины — та, что ее члены ликуют о том, что они вместе (я не говорю: которым «приятно» быть вместе, потому что ликование ранних христиан, мне кажется, намного превосходит такую «приятность»). Ранние христиане ликовали о том, что они вместе. Если вы подумаете о ситуации, например, ранней Иерусалимской общины, ее составляли люди, у которых был личный опыт Бога, открывшегося во Христе, которые видели все последствия такого откровения, видели, чего стоила Иисусу из Назарета Его полная верность Богу и человеку, полная солидарность и с Богом, и с человеком. Эти люди были готовы следовать тому примеру, какой Бог дал им в Иисусе Христе, показав, *что* такое человек и каково положение в мире, ставшем *без*божным. Они были рассеяны в очень небольшой местности, в Иерусалиме, но принадлежали к семьям, где одни члены входили в Церковь, другие нет, где было напряжение, где был антагонизм, и они также принадлежали более широкому обществу, где их подстерегала ненависть и физическая опасность. Когда они встречались группой, где каждый знал, что любой ее член разделяет его веру, его надежду, опасности, преданность, любовь к Богу и, как следствие, к человеку — да, они могли чувствовать, что нет в мире более близких им людей и что на них как членах этой группы большая взаимная ответственность, потому что по отношению к более широкому обществу вокруг они были изгоями, пусть и в разной степени. Одних приводили на судилище, других прямо били или побивали камнями, некоторым приходилось нести тяготу разделений в семье или в более широком кругу племени или народа. Но они собирались и чувствовали и ответственность, и поддержку. Это видно из книги Деяний апостольских: избрание диаконов, в котором воплотилась конкретная, вдумчиво-творческая забота общины о самых слабых и бедных и обездоленных ее членах, и то, что все материальное имущество было общим (Деян 6:3-4; 2:44).

Но есть и другая сторона. Эти люди продолжали жить в обычной среде и не старались создать нечто обособленное. Они продолжали ходить на молитву в храм, который в лице первосвященника отвергал их. Они попрежнему чувствовали, что принадлежат к широкому обществу, которое отвергает их. Когда пришло время гонений, чувство единства малой гони-

мой общины стало еще глубже и сильнее, но и чувство связи с внешним миром не пропало. Была взаимная забота внутри общины, была и забота о внешних. Мне кажется, ни в какой момент ранняя Церковь не старалась стать самодостаточной. Ранняя Церковь провозглашала, что *хочет* быть частью общества, и в этом, возможно, состояла главная проблема. Потому что одновременно с ранней христианской общиной существовали другие религиозные организации, мистериальные группы, мистические секты, но они готовы были замкнуться в самих себе, сосредоточиться на собственном культе или инициациях. Церковь же изначально, с периода преследований, заявляла через апологетов свое право существовать и утверждала, что хотя в некоторых отношениях она чужда обществу, но по существу она в самой сердцевине общества. Она была чужда обществу тем, что с самого начала объявила, что знает одного только Господа — Иисуса, одного Царя — Иисуса, одно царство — Царство Божие. И возникало напряжение, потому что совершенно очевидно это означало нелояльность земному царству, земному царю, земным господам. И верующие во Христа не могли объяснить — потому что понять это можно, только будучи внутри Церкви, извне это не понятно, — что для того, чтобы быть лояльным земле, надо быть совершенно преданным небу, что лишь если вы признаете одного только Господа — Бога истории, Бога небеси и земли, Спасителя мира, вы остаетесь, вернее, становитесь полностью и истинно верными земному строю, которому принадлежите. Церковь в тот момент требовала права принадлежать обществу, а мир говорил ей: «Занимайся своими молитвами, занимайся ими втайне, пусть они будут потаенными, не пересекаются с внешней жизнью. Почитай наших богов, поклоняйся императору, признай, что обязана ему полной преданностью». А в ответ Церковь говорила: «Нет. Мой Царь — Господь всего. Но я требую права быть лояльным гражданином». В этом смысле эта небольшая община с самого начала отказалась замкнуться на себе, отказывалась существовать ради себя самой и сама по себе, отказывалась стать такой религиозной организацией, какой хотели бы видеть Церковь некоторые тоталитарные правительства: обществом внутри общества, где все было бы организовано так, что можно было бы игнорировать внешний мир.

С другой стороны, с самого начала не только в сердцевине жизни Церкви была вдохновляющая, глубокая, животворная радость общинной жизни ее членов совместно с Богом. Но эта радость была направлена на весь внешний мир, потому что в вечер Своего Воскресения Христос дохнул на Своих учеников со словами: *Примите Духа Святого,* и следующие Его слова были: *Как Меня послал Отец, так Я посылаю вас* (Ин 20:21-22). Он не сказал им: «Я теперь составляю из вас тесный круг людей, у которых все Царство внутри и в вашем кругу». Нет, Он сказал: «Разорвите этот круг, откройтесь, выйдите вовне, идите и принесите Царствие везде и всем».

И это, мне кажется, очень существенно, если мы хотим понять, что как бы нам ни была дорога радость быть вместе, общая молитва, чувство, что мы, каждый и все вместе, охвачены одной Божией истиной, одной жизнью — жизнью Божественной в нас, что благодаря нашей общности мы незаметно вырастаем в новую глубину любви, превосходящую отношения земной

любви, — что хотя все это так, есть еще нечто. Любовь Божия живет в наших церковных общинах и в наших сердцах и повелевает нам идти, оставить гору Преображения, чтобы сойти в долину, оставить радость божественной и человеческой дружбы, присутствия, идти к тем, кто все еще в той или иной мере остается вне. И община не дробится тем, что те или другие ее члены отсутствуют, потому что такое единство жизни — это сама жизнь Божия, исполняющая всех, кто тут есть и кто отсутствует. И мне кажется, нам следует задуматься над разницей между стадным чувством, которое заставляет людей держаться вместе, потому что им одиноко, тревожно, страшно, убого и т. д., и самоощущением общины, которая радуется своему единству, даже когда она рассеяна, и видит откровение Царствия, когда она вновь собрана на молитвенное действо, где Первосвященник — Сам Господь Иисус Христос, где действует сила Духа Святого. Такая община собрана на молитву, которая обращена к Отцу в таинстве Церкви, а сама она предстает уже не просто исторической общиной, ограниченной временем и пространством, но общиной, которая вплетена в историю, но выходит за ее пределы как явление Будущего Века.

Ответы на вопросы

Поясните вашу мысль о том, что ранняя Церковь была более тесно связана с миром, чем мы сейчас

Я не хотел сказать, будто мы недостаточно принадлежим миру, как и то, будто мы все, лично, индивидуально или как сообщества, не вовлечены в мирскую жизнь и не испытываем сильного ее влияния. Я имел в виду, что если взять среднего христианина, у него чувство, что он принадлежит к избранному меньшинству, малому стаду Божию, а дальше внешний мир, отношения с которым могут строиться по принципу завоевания или разрушения одного другим. Мне кажется, это взаимоотношение гораздо богаче. Не то что Церковь принимала бы мирские ценности или мир принимал то, что дорого Церкви хотя бы формально, — Церковь могла бы принести в мир ценности, надежду, веру и т. д., которые у нее должны быть, которыми она обладает, чтобы мир загорелся новой жизнью. Это не два враждебных лагеря. На примере апостольской проповеди мне кажется, что апостолы вышли в мир, потому что их сердце было *так* полно веры Божией в человека, так полно любви Божией к человеку, так полно надежды и убежденности, что их проповедь даст людям жизнь и радость и будет воспринята. Они вышли в мир поделиться тем, что переполняло их самих. И, увы, мне не кажется, что сегодняшние христиане в целом таковы. С одной стороны, я не уверен, что мы так интенсивно переживаем полноту, избыток радости о том, что столько нам дано, что мы можем этим делиться, не опасаясь потерять, потому что перед нами невообразимые глубины жизни. С другой стороны, мы относимся к миру как бы с большой подозрительностью. У нас будто нет веры в человека и радостной готовности делиться, какие были у ранней Церкви. Может быть, я ошибаюсь, но таково мое впечатление. Очень часто, когда читаешь писания миссионеров, в целом они звучат: «У меня истина, я насажу ее среди вас», а не: «У меня такая радость, я

хочу вас заразить ею. Я живу с такой интенсивностью, что хочу с вами поделиться этим». Возможно, у меня недостает чуткости, но для меня это не очевидно.

Мне все-таки представляется, что у ранних христиан было очень сильно чувство отличия от окружающего мира

Мне кажется, что у апостолов как иудеев было чувство инаковости по меньшей мере по одной линии: избранный народ и языческий мир. И, как ни невероятно, это было преодолено с самого начала. И если взять напряженные отношения между фарисеями, саддукеями и т. д. — и среди них была разделенность, может быть, не в той мере, в какой мы ухитряемся быть разделенными во Христе, но разделение было. Но я думаю, важно то, что апостолы преодолели эту главную пропасть и признали, что все народы одной крови, все принадлежат Богу, и они вышли в мир ко всем людям, потому что все они принадлежат Богу. И я думаю, что это замечательно для тогдашнего времени. Вспомните, как Петр и Павел разошлись во мнениях относительно язычников (Деян 11; 15), как страшно было тогда идти в языческий мир: правильно ли, так сказать, обращать их сразу в христианство, не делая их сначала прозелитами, иудеями?

Нет ли разницы в этом отношении между священником и мирянином? Священник прямо призван вести людей в иной мир, он должен быть менее, чем мирянин, вовлечен в мир сей. И по поводу радости: радость сам в себе не создашь, она иногда дается, но в целом и сам живешь без радости. Как же делиться тем, чего не имеешь сам?

Я согласен с вами, что священники больше, чем миряне, оторваны в своей повседневной деятельности от нехристиан, именно поэтому я *с большим сомнением* — чтобы не сказать отрицанием — отношусь к идее, будто христианские общины должны стараться быть самодостаточными и удовлетворять любые нужды своих членов во всех областях: культуры, досуга и т. д. Потому что я думаю, что мы не должны отделяться в том, что не является глубинным различием. Например, богослужение коренным образом отличает нас от тех людей, кому богослужение чуждо. Наша вера во Христа глубинно отличает нас от тех, кто активно отвергает Христа. Вот два примера, где не может быть общей жизни, хотя есть точка соприкосновения. И я думаю, очень важно, чтобы христиане действовали сообща во всем, что составляет именно специфику их жизни, и действовали совместно со всеми другими людьми во всем остальном.

Что касается второго пункта вашего вопроса (как быть с отсутствием у нас радости, она ведь дар свыше и т. д.), я думаю, что, с одной стороны, радость, конечно, дар, но, с другой стороны, мне не кажется, что этот дар сегодня дается скупее, чем в те дни. Но принимаем ли мы его? Как мы с ним обходимся? Это ярко выступает в ранней Церкви или среди людей, которые были язычниками и стали христианами или были неверующими и стали верующими. В какой-то момент в их жизни все преобразилось, все стало новотворением, и из чувства этой новизны родилась радость, непреходящее вдохновение. И в связи с содержанием этой новизны родилась вера

в человека, поскольку Бог верит в меня, верит безгранично, родилась безграничная надежда и сколько-то любви — сколько нам доступно.

Трудность наша, мне кажется, заключается в том, что часто мы слишком привыкли к тому, что мы христиане, это не является личным событием в каждый миг нашей жизни, это просто как бы фон жизни. В нашем распоряжении есть все элементы этой ликующей радости и непреходящего переживания, но мы не пользуемся ими. Они есть, Бог столь же действен, как в прежние времена, но мы уже не поражаемся этому. Мы считаем это настолько естественным, что будто нечему и радоваться. Мы как-то заматерели. Дар Божий дается, а мы говорим: ну, так и должно быть... А когда он не дается, мы обращаемся к Богу или, чаще, еще к кому-то и говорим: ну вот, Он не исполнил того, что обязан был сделать... Мне кажется, дары предлагаются теперь так же, как и всегда. Вопрос в том, насколько мы принимаем их, потому что мы не способны поражаться и больше не воспринимаем новизну всего.

Перевод с английского Елены Майданович

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕДИНСТВЕ ЦЕРКВИ

К огромному сожалению, я очень часто ощущаю как тяжело, практически невозможно общаться с некоторыми христианами. Как мне кажется, это происходит из-за того, что многие из них слишком конфессионально ориентированы, то есть у них существует внутренняя установка на источник получения учения, все остальные источники (представители иных конфессий) не внушают доверия. Если нам из года в год одни и те же места Писания все время преподносятся под одним углом зрения (который поддерживается учением конфессии), то, в конце концов, может случиться так, что под другим углом мы уже будем неспособны взглянуть. Кроме того, если учение церкви направлено не на поиск Божьего руководства, а на защиту уже полученного откровения, то людей учат различным способам внутренней защиты от инакомыслия. Например, в проповедях, статьях, книгах и т.д. постоянно высмеиваются и выставляются в негативном свете иные учения, людей постоянно учат, как реагировать на те или иные высказывания или аргументы «той стороны». Получается, что еще до начала общения сценарий его давно расписан. В результате католицизм для нас — это инквизиция, крестовые походы и священники-гомосексуалисты, харизматизм — эмоциональная манипуляция и фальшивые чудеса, баптизм — махровая религиозность, православие — насильственное крещение Руси и вечно пьяный батюшка сельского прихода.

Таким образом, люди становятся неспособны к обучению вне стен своей конфессии. Чтобы учиться у оппонента, нужна жажда познания и огромное смирение. У конфессионально ориентированного человека в общении с инакомыслящими пристройка всегда будет сверху: эдакий всезнайка. Его тон не терпит возражений, и он никогда не употребляет субъективных выражений («по моему мнению», «я думаю») и выражений, допускающих сомнение в собственной правоте («возможно», «как мне кажется»). Он слушает чужие аргументы и доводы не с целью понять, а с целью увидеть возможность для атаки.

Думаю, что споры свойственны духовной незрелости, которая определяется не физическим возрастом, а степенью смирения (следствие Богопознания). Совершенно ясно я вижу два отношения, с которыми мы начинаем любую полемику: смиренное служение и доказательство своей правоты. Первое — следствие любви, второе — гордыни. Первое — уважает чужое

Кирилл КУДРЯШОВ — родился в 1973 г. в Минске. После своего обращения в христианство в 1995 г. окончил Библейский колледж при протестантской церкви Норильска. Служил церковным регентом. Участник музыкальной группы «Псалмяры», автор проекта «Забытый сноп». Статьи публиковались в интернет-изданиях: Для ТЕБЯ, ProБога, Baznica.Info и др. С 1999 г. живет в Минске.

право на свободу выбора, а следовательно, и чужое мнение, второе — возводит свое понимание в абсолют, поэтому иное понимание заранее неверно и нуждается в исправлении.

Есть огромный дар — слышать голос Господа в речи атеиста. Скажете — это невозможно? Невозможно лишь по одной причине — гордость. Нас никто ничему не может научить, но мы можем научиться. Тот, кто наполнен истиной, видит ее везде.

Может ли противник Христа сказать истину? Первосвященник, отдавший Его на распятие, сказал (см. Иоан 11:50,51). Может ли противник народа Божьего сказать истину? Валаам, находящийся на стороне его врагов, сказал (Неем 13:2).

В Ис 6:3 ангелы говорят друг другу: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» Как во времена повсеместного царствования язычества в самых извращенных его формах и во времена отступничества и идолопоклонства Израиля ангелы могли видеть на земле полноту Его славы? Ответ прост. Они были в Божьем присутствии. Теперь догадайтесь, почему мы не видим Его славы на земле? Почему мы не способны увидеть Божий промысел среди кромешной тьмы века гуманизма? Да что там! Почему мы не видим Его свет в своих братьях и сестрах во Христе, предпочитая видеть только то, что они не похожи на нас?

Есть основополагающие доктрины христианства, общие для всех христиан. Еретиками я называю тех, кто выходит в своих учениях за эти, общепринятые у всех христиан, рамки. Различия, встречающиеся внутри этих рамок, я не считаю ересью. Иеговисты, например, отвергают Божественность Христа. Вы знаете хоть одного здравомыслящего католика, протестанта или православного, не считающего это ересью?

Мы должны предоставить братьям право в неморальных и некритичных вопросах (не искажающих символа веры и основополагающих доктрин христианства) иметь точку зрения, отличную от нашей, даже если это право — право на ошибку. Из-за неверного понимания определенной доктрины человек может потерпеть урон в своей вере, но это не должно делать его в наших глазах еретиком, антихристом и лжеучителем. Писание говорит, что верное учение еще не является гарантией того, что провозглашающий его — не лжеучитель. Иисус никогда не упрекал фарисеев и книжников в неверности их учения, даже наоборот, призывал народ слушать их во всем. Но именно о фарисеях Он сказал: «слепые вожди слепых, превращающие своих учеников в сыновей геенны». Иисус призывает нас остерегаться вовсе не тех, кто открыто провозглашает отличные от наших взгляды, а тех, кто и по поведению и по исповеданию весьма приятные и приемлемые для нас люди, но кто внутри — хищные волки (Мф 7:15). Павел говорит, что цель волков — увлечь учеников за собой (Деян 20:29). Для этой цели волки будут говорить именно то, что от них хотят услышать. Хорошее учение часто может служить прикрытием негодным мотивам. Поэтому не точность наших учений является критерием оценки нашей позиции в Царстве, а наши плоды. По плодам мы должны узнавать и служителей, и учения, и церкви.

Я думаю, что Иисус Христос за время своего служения провозгласил все наиболее важные истины, игнорирование или извращение которых

обязательно повлияет на отношения человека с Богом и на его место в Божьем Царстве. При этом Он оставил все остальные второстепенные вопросы, неизбежно возникающие в служении и в быту, на наш личный опыт взаимоотношений с Его Духом, Чьим руководством и была движима в основном деятельность апостолов и регулировалась жизнь первой церкви. Если мы любим Господа, свою семью, церковь и своих ближних, то не будем делать то, что может ранить их, и не будем тратить попусту время, которое могли бы провести с ними. Иисус упрекал фарисеев и книжников не за их неправильные учения, а за их жестокосердие и гордыню. Всех нас Он будет узнавать не по учению, а по любви, — вот основной признак, по которому Отец будет отделять овец от козлов (Мф 25:31–46). Почему же мы пытаемся идентифицировать друг друга в первую очередь по учению, а не по плодам?

Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона (Гал 5:22–23).

Если я вижу это в человеке, то как могу я упрекать его в том, что он не исполняет законов и постановлений моей деноминации? Если поступки и слова человека излучают Божественную любовь, то какая мне разница, где он был крещен, использует в молитве языки или иконы. Для меня такой человек вне закона, он выше его, потому что любовь есть исполнение закона.

Объявление еретиком всякого, чье учение хоть немного отличается от «партийной линии» определенной конфессии — это форма контроля и запугивания (ведь еретики, как известно, Царства Божьего не наследуют). Многие конфессии необоснованно раздули рамки применения понятия «ересь». «Ты не из моей конфессии? — Еретик! Окажешься в аду!». Не кажется ли вам, что именно такое отношение порождает непонимание, обиды и разделение среди христиан и не дает нам возможности учиться друг у друга?

Любой пастор хочет, чтобы его окружали зрелые служители. Но все ли мы понимаем, что значит «зрелый»? Зрелость предполагает наличие определенной независимости, как в поступках, так и в мышлении. Собственное мнение таких служителей не всегда будет совпадать с мнением пастора или с учением деноминации. А это уже (как считается) раскол. Поэтому мы склонны ограничивать индивидуальное богопознание своей паствы, пытаясь оградить ее от «ветров учений», отказываясь принимать мысль, что эти «ветры» дуют со стороны Тела Христова, частью которого мы и являемся. Такое отношение приводит к тому, что каждая овца каждый свой шаг будет делать только с разрешения пастыря: «Я могу съесть эту травинку? А вон тот кустик? А из этой речки я могу попить?» Мне кажется, что некоторые лидеры церкви не просто хотят давать советы по поводу каждой травинки, они хотят, чтобы овцы еще и ходили стройными колоннами.

Истолкование апостола Павла, кто такие реальные лжебратья, весьма отличается от того, что обычно принято понимать под этим сегодня. Его предупреждение адресовано им — «вкравшимся лжебратьям, скрытно приходившим подсмотреть за нашей свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас» (Гал 2:4). Те, кто использует страх и запугивание, чтобы контролировать соответствие веры других своей вере, сами попадают под категорию лжеучителей больше, чем те, на кого они так неистово нападают. Сегодня многие христиане так запуганы своими лидера-

ми, которые только тем и занимаются, что разоблачают лжеучения, лжеистины, сектантские заблуждения, что вообще отказываются от инициативы личного исследования. Установив принципы толкования, тяжесть по их поддержанию и интерпретации приходится возлагать на профессионалов, вместо Духа Святого. А это уже отклонение от природы истинного христианства — отношений с Богом.

Человек живет словом, «исходящим» из уст Божьих, а не «исшедшим» когда-то (см. Мф 4:4 — в оригинале это слово стоит в настоящем времени). Чтобы иметь жизнь Божью мы должны лично получать эти слова. Слова Писания и духовных отцов призваны помочь нам яснее слышать голос Бога, а не заменять его. В свою очередь, те слова, которые мы получаем от Бога лично, должны помогать нам в нашем хождении с Богом, но они не предназначены для установления доктрин, для этого есть Писание. Если Бог сказал мне не пить кофе, это не значит, что теперь весь мир его не должен пить.

Интерпретация — это плод разума. Откровение — плод духа. Одно и то же слово для одного человека будет одной из множества интерпретаций, для другого — откровением, Божьим руководством к действию.

Есть Богом установленная неясность, или двусмысленность, которая предотвращает установление абсолютного закона или метода библейского истолкования. Эта неясность предназначена для того, чтобы держать нас в зависимости от Духа Святого, ведущего к истине. Писание содержит много парадоксов, потому что истина всегда находится где-то посредине между двумя крайностями. Только Дух Святой позволяет нам различить истину и удерживает нас от тех крайностей, которые отклоняют нас от правильного курса. Не открывает ли это множество дверей для субъективизма в интерпретации Писания? Да! И в этом-то главная суть. Истинное христианство предлагает необыкновенную свободу в личных поисках истины Божьей, свободу, которая крайне необходима, если мы хотим верить от всего своего сердца, а не только в своем разуме. Поймите меня правильно, я не против методов толкования и самих толкований, они — огромное подспорье для моей веры, я против перекладывания ответственности личного познания на плечи профессионалов.

Иисус говорил ученикам, что через исследование Писания они думают получить жизнь вечную. Но Писание не может никого спасти, его цель — направить нас к Спасителю (Иоан 5:39). Старт жизни с Богом начинается не с чтения Библии, а с личного обращения к Нему. Апостол Павел говорит, что основанием нашей веры является Сам Иисус. Цель любого учения, откровения, любой доктрины — направлять нас к Господу. И если учение перестает зажигать сердца жаждой близости с Богом, а собирает их вокруг себя самого, оно становится идолом. Чем настойчивее мы будем пытаться объединить церковь под одним учением, тем дальше мы окажемся от истинного единства. Для истинного единства необходимо изменение каждого из нас. Ни одно учение для этого не имеет силы. Мы можем быть едины только в Иисусе.

Есть сотни тысяч людей (подпольная церковь в Китае, по неофициальным данным, насчитывает миллионы), переживающих в наши дни жесточайшие гонения, убийства родственников и друзей за свою веру в Китае,

Северной Корее, Саудовской Аравии и в десятках других исламских и прокоммунистических стран. Неужели все они тоже идут легким и широким путем, только потому, что не придерживаются некоторых принципов наших деноминаций? Сомневаюсь, что вы сможете сказать им это в лицо. Интересно, что гонители Христа, в отличие от самих христиан, не проводят деноминационных границ между Его исповедниками.

Складывается впечатление, что церковь более верит в способность дьявола обманывать, чем в способность Бога вести к истине. «Все церкви впали в ересь... Кроме моей... Все обмануты дьяволом... Кроме меня...» Бедные неверующие. Им теперь и обратиться некуда. Всюду одни лжеучителя, лжепророки, лжебратья и лжесестры. Я так благодарен Господу, что Он утаил все это от меня и сразу привел в конкретную церковь. Вот только церковь эта постепенно скатилась в авторитаризм, в котором пастору стала отводиться роль Духа Святого. Учение было искажено. Искажено так умело, что придраться было не к чему. В конечном итоге пастор впал в блуд и объединением церквей был отлучен. Церковь перестала существовать. А я? Израненный, запуганный, смущенный, — я остался с Господом. Я не выбирал эту церковь и это учение, как ребенок не выбирает семью, в которой ему родиться. И я бесконечно благодарен Иисусу за опыт служения в этой церкви, за каждую рану, полученную от пастора-деспота — через все это я смог глубже осознать Божью любовь, восстановившую меня. Я не боюсь, что буду обманут вновь. Я уверен в Господе, что Он не оставит меня во тьме, как не оставил тогда. В чем была моя проблема? Я был привязан к учению, а не к Господу. Я был рабом учения.

Вот почему мы обязаны привязывать человека не к учению, а к Господу. Лишь Он один знает, как его вести, чему его учить. Кто мы такие, чтобы решать, какая церковь лучше, чье учение чище? Для многих из нас — страдания и заблуждения являются частью нашего пути. Без них мы никогда бы не стали такими, какими должны стать согласно Божьему замыслу. Разве не Он вершитель судеб? Если вы отдали свою будущность в Его руки, чего вам бояться?

Борцам за истину нужно успокоиться. НЕ МЫ ДОЛЖНЫ ОБЛАДАТЬ ИСТИНОЙ, А ИСТИНА НАМИ!

Истина не нуждается в нашей защите. В Писании Истине приходилось неоднократно отказываться от навязчивой защиты Своих учеников (Лк 9:52–56; Мф 26:51–53). Современные ученики машут мечом Слова направо и налево, абсолютно не заботясь, каким духом это делают и какие плоды этим порождают. Такие замечательные слова, как «будь благословен» или «я буду молиться за тебя», в соответствующем эмоциональном контексте звучат как звук пощечины.

Страх и неуверенность постоянно выдергивают человека на уровень эмоций — это удел тех, кто оказался в плену учения и собственных откровений. Тот, кто находится под благодатью, никогда не теряет мира. Полное игнорирование или поверхностное рассмотрение доводов оппонента, концентрация на его стилистических, смысловых и иного рода ошибках, сарказм, высмеивание, навешивание ярлыков, переход на личность — все это симптомы болезни.

Каждый из нас способен видеть лишь отчасти, как через тусклое стекло. Споры в церкви по поводу второстепенных доктрин и учений похожи на спор двух очкариков, обвиняющих друг друга в близорукости. Даже внимая верному учению, наши сердца остаются под покровом заблуждений, которые снимаются лишь тогда, когда мы обращаемся от самого учения к его источнику — Христу (2 Кор 3:15,16).

Мы нужны друг другу. Харизматам нужны баптисты, чтобы не впадать в крайность эмоциональной манипуляции. Баптистам нужны пятидесятники, чтобы не закостенеть в религиозности. И тем и другим нужны православные, чтобы не отрываться от исторических корней христианства.

Даже имея искреннее желание служить своим откровением кому-либо, мы должны быть осторожны, чтобы, «осчастливливая человека» познанием истины, не идти против его совести. Апостол Павел имел ясное понимание в отношении идоложертвенной пищи (см. 1 Кор 8:4–13). И что он делал, когда чье-либо понимание было иным? Он не пользовался своим авторитетом, чтобы убедить человека в своей правоте. Более того, он порабощал себя самого этому заблуждению. Он понимал, что даже если под давлением апостольского авторитета человек внешне и согласится вкушать идоложертвенное, внутренне он будет все равно осуждаем своей совестью, потому что у него уже есть определенное понимание святости. Святость — понятие не только общехристианское, но и индивидуальное. Есть то, чего не должен делать любой христианин, но есть и то, чего не должен делать только я конкретно. Поэтому Павел призывает нас поступать по удостоверению своего ума, а не чужого. И как печально, когда современные христиане, пользуясь чужим авторитетом, пытаются заставить людей любой ценой поступать в соответствии с их пониманием истины, абсолютно не тревожась об их совести. Нас не заботит, что для кого-то прекращение говорения на языках будет означать оскорбление Духа Святого, он будет осуждаем своей совестью. Нас не заботит, что для кого-то отказ от иконопочитания — это отказ от поклонения Господу вообще, он будет осуждаем своей совестью. Вместо того чтобы словом или делом ставить преткновения чужой совести, мы иногда должны ограничивать свою свободу чужими заблуждениями. Мы не поступаемся истиной, мы поступаем по любви.

Подставить в полемике другую щеку не значит поступиться истиной. Если наш собеседник действительно заблуждается, наше отношение скажет ему значительно больше, чем наши слова. Наш страстный дух, жажда победы лишь утвердят человека в его заблуждении. Эмоции, запугивание, обвинения — это плоды бессилия. Истинная сила не имеет нужды в том, чтобы доказывать свое превосходство. Истинная мудрость не имеет нужды, чтобы доказывать свою состоятельность. Иногда стоит сохранить отношения даже ценой поражения, тогда у нас еще будет шанс донести истину. Я бы предпочел, чтобы меня знали по духу, а не по разуму. А победа духа часто происходит ценой поражения разума.

Гамалиил смог допустить наличие Божьего Духа во врагах своего учения (Деян 5:34–39). Мы же отказываемся видеть истину в тех, кто, как и мы, посвящен Христу. Мы позволяем дьяволу, которого Писание называет «обви-

нителем братьев», использовать наше чистое учение для его нечистых дел — обвинений и расколов.

Однажды я был свидетелем одной шахматной партии. Играли два христианина. И когда одному из них до мата оставался один ход, он неожиданно для меня предложил ничью. Причем его соперник даже не догадывался, что был в одном шаге от проигрыша. Наедине я спросил несостоявшегося победителя, почему он лишил себя радости победы. Он ответил, что играл ради общения, а победа могла расстроить соперника.

С какой целью мы вступаем в полемику? Самоутвердиться или послужить? По себе сужу, полемика часто превращается даже не в шахматную партию, а в поединок боксеров, каждый из которых выискивает в позиции соперника слабое место, затем подбирает такие слова, чтобы было больнее, и бьет. Победителей обычно не бывает, а вот разрушенных злобой и обидой отношений достаточно.

ПЛОТЬ НЕ МОЖЕТ ПОРОДИТЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ПЛОТИ, ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ПРОВОЗГЛАШАЕТ ИСТИНУ.

Если копнуть, то окажется, что существуют десятки, если не сотни вопросов, на которые у нас с вами будут разные точки зрения. И каждый из нас будет убежден в собственной правоте. Каяться не в чем. Никто из нас не обличаем ни совестью, ни Духом Святым. Поверьте, если бы я увидел, что мои взгляды не совпадают с Истиной, я бы покаялся и не задумываясь их изменил, тем более что у меня были подобные прецеденты. Даже если мы с вами проведем в смиренном поиске истины в личном общении много часов, возможно, по каким-то вопросам мы и изменим взгляды в пользу друг друга, но не по всем — это точно! Вот тогда перед нами встанет вопрос: являются ли наши разномыслия достаточным основанием для того, чтобы не считать друг друга братьями во Христе?

У меня есть знакомый православный священник, с которым я поддерживаю отношения. Чтобы это общение было возможно, мне, несмотря на все старания этого священника, приходится постоянно уходить от обсуждения спорных вопросов. Он никак не может принять, что я уже основательно их изучил, в результате чего мне стала ясна его позиция, но моя собственная при этом осталась неизменной. Видя мое понимание, мое бесстрастное общение, мой собеседник однажды сказал: «Я вижу в тебе православный дух. Не понимаю, почему ты противишься?» Он увидел плоды. Именно из-за них, а не из-за единства учения стало возможным наше общение. Если это стало возможным на личном уровне, быть может, это возможно и на уровне конфессий?

Глядя на то, как некоторые искренние, богобоязненные, преданные Господу верующие имеют совершенно различное понимание определенных вопросов вероучения, я убеждаюсь, что именно волей Господа, а не происками дьявола обусловлено наличие разномыслий в церкви. Возможно, они нужны нам для того, чтобы мы научились принятию, терпению и любви. Возможно, в силу каких-то внутренних ограничений мы в состоянии принять только часть истины. Чтобы познать всю истину, мы должны принять наших инакомыслящих братьев. Мы должны принять, что все мы одно в Господе и что наше единство не требует унификации абсолютно всех на-

ших взглядов, мнений, верований и убеждений. Иисус не требовал от учеников отречься от всех их ложных представлений. Единственное требование, предъявляемое к ним, — они должны были следовать за Господом. Именно поэтому было возможным присутствие в Его команде одновременно и зилота и мытаря (секта зилотов ненавидела римских сборщиков податей). Очень многих вещей Иисус вообще не объяснял ученикам, оставляя их в неведении, а возможно, и в заблуждении, а иногда открыто их провоцировал (см. Ин 6:67). Сколько раз они перечили Христу, не понимали Его, а иногда и искушали! Все до одного они заблуждались по поводу миссии Христа, отказываясь принимать Его доктрину о спасении. Но это не послужило для Иисуса поводом к их изгнанию. Иисус принял их такими как есть, со всеми их недостатками и заблуждениями. Он доверил их сохранение Отцу (Ин 17:11), их обучение и водительство Духу Святому (Ин 14:26). Не должны ли и мы так же поступать по отношению к нашим инакомыслящим, а возможно, и заблуждающимся братьям?

Давайте будем если не любовны, то хотя бы снисходительны к тем, кто, называя себя Христовым, так мало похож на нас. Может быть, тогда мир более будет открыт к любви Божьей, когда увидит ее среди христиан?

По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоан 13:35).

ОЧЕРКИ ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

На пути к свободе

«Земля наша богата / Порядка в ней лишь нет» — так Алексей Константинович Толстой перефразировал известное изречение русского летописца, жившего 10 веков тому назад. Порядка за протекшее тысячелетие не прибавилось, хотя крещение Руси должно было, казалось бы, этому содействовать. Но недаром современник Толстого Лесков, великий знаток русской жизни, устами своего героя с горечью утверждал: Евангелие в России еще не проповедано. И это — в XIX-то веке!.. Что же остается сказать нам, родившимся и выросшим в атеистическом государстве?!. Так не здесь ли и корень извечных наших русских несчастий — в изъяне или извращении религиозного сознания?.. Сознание правовое, устанавливающее порядок, неотделимо от сознания религиозного — как красота земная неотделима от красоты небесной. Недаром во многих цивилизованных странах Библия — обязательный атрибут в зале суда. Положа руку не на сердце, а на Библию, свидетель клянется говорить правду и только правду. Лишь опираясь на абсолютные ценности, законопослушание теряет свой относительный, несвободный, принудительный характер, перестает быть прикровенной формой рабства.

Мои друзья, прихожане православного храма Космы и Дамиана в Шубине, участвуют во многих просветительских программах, рассчитанных на работу в колониях и реабилитационных центрах. Добровольный десант, куда входят профессиональные писатели, музыканты, артисты, везет с собою художественную и религиозную литературу. За восемь лет в местах заключения оставлено более 250 тысяч книг и примерно столько же журналов. И мы всегда исходим в этой работе из того, что истинное просвещение осуществимо лишь через приобщение к ценностям религиозным, стремясь к тому, чтобы каждая наша лекция, каждый концерт стали, по сути своей, не чем иным, как свидетельством того или иного духовного опыта.

Но общение, происходящее на таких встречах, слишком односторонне. Заключенные присутствуют на них, как правило, лишь в качестве зрителей. Такого рода контактов явно недостаточно. Наша многолетняя практика подсказывает, что криминогенная среда (а к ней следует отнести и коло-

---

Александр ЗОРИН — родился в 1941 году в Москве. Окончил геологический техникум и Литературный институт им. Горького. Автор нескольких поэтических сборников, книги эссе о русских поэтах «Выход из лабиринта» и книги воспоминаний о священнике Александре Мене «Ангел-чернорабочий». Печатался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Континент», «Новый мир», «Юность». Живет в Москве.

нию, и реабилитационный центр) нуждается в постоянном духовном попечении, воздействии и руководстве — то есть в неизменном присутствии человека, обладающего признанным духовным авторитетом. Только тогда могут начаться коренные изменения в душах, только тогда могут поменяться ценностные ориентиры. Полагаю, что духовный наставник и руководитель Реабилитационного центра под Тулой Николай Назарович Либенко совершенно прав, когда говорит, что РЦ — это место, где человек должен научиться жить с другими по-божески. «Без помощи свыше у него ничего не получится, никакой реабилитации не произойдет. А научился — иди куда угодно: работай, создавай семью или общину...»

«Жатвы много, а работников мало» (Мф.9:37) — особенно тех, чье призвание — служить бывшим или настоящим преступникам... В Западной церкви эту миссию осуществляют капелланы, то есть священники, которые состоят исключительно при *capella* (в нашем случае — при тюрьме), чья паства обитает только за колючей проволокой. В Православной же церкви такого вида служения нет, и посещать исправительные учреждения священникам приходится зачастую в ущерб основной приходской работе. Бывает, конечно, что и колония недалеко от прихода, и священник горит желанием в ней работать. Вот, например, о. Анатолий (Ефименков) из Смоленска бывает в следственном изоляторе каждую неделю, а то и чаще. И я своими глазами видел, с каким нетерпением ждут его в камерах. «Самая сильная и глубокая исповедь, — говорит он, — у заключенных. Хотя для меня они не заключенные, а просто грешные люди, нуждающиеся в участии».

Но случай о. Анатолия — скорее, исключение из общего грустного правила.

Однажды мы принимали участие в собрании священников, работающих в зонах Ярославской области. На стенде красовались показатели религиозного воспитания — в цифрах, в фотографиях, в графиках: сколько человек крестилось за квартал, сколько числится в православной общине, сколько бывает на воскресной службе. (Отчетность, оформленная подобным образом и живо напоминающая наглядную политагитацию, появилась во многих колониях и воспитательных отделах УИНов* в 1993 году, после того как Православная церковь заключила договор с Министерством юстиции об окормлении заключенных. Не случайно воспитатель УИН в обиходе по-прежнему зовется замполитом.)

Собрание возглавляли викарный епископ и начальник одной из колоний. После отчетов о проделанной работе, тоже в общем-то сводившимся к цифрам и датам, епископу был задан вопрос о статусе тюремного священника. Всем давно понятно, что священнику непосильно совмещать труд на своем приходе и в колонии. Что единственный выход — ставить священника в зону на постоянное служение, как настоятеля на приход. Ведь и алтарь, и его служитель должны неотступно пребывать там, где они более всего необходимы сегодня, на дне нашей многострадальной жизни. Тогда и отношения с паствой будут куда более тесные и доверительные.

— Да, такая проблема стоит перед церковью, и патриарх о ней знает, — вздохнул владыка. — Но это вопрос финансов. А где найти деньги? Ведь

---

* Управление исполнения наказаний.

священники — а семьи у них, как правило, большие — живут на пожертвования прихожан. А какие могут быть пожертвования от осужденных или бомжей?! Выходит, попечение о таких священниках должно взять на себя государство. В конце концов, возросшая преступность — следствие государственной политики...

Думается, растущая преступность — следствие многих причин. В том числе и той, что церковь наша, к сожалению, почти всегда была орудием в государственной политике...

Но пока мы продолжаем выяснять, *кто виноват*, криминогенная опухоль в нашем обществе всё разбухает, и сегодня Россия занимает уже одно из первых мест в мире по количеству осужденных. Кто бы ни был виноват, не ясно ли, что толпы безработных вдоль шоссейных дорог, готовых продаться любому хозяину, сотни тысяч русских беженцев, живущих в ужасающих условиях, молодежь, балдеющая в отпаде и наркоте, — вся эта бездна человеческого несчастья, греха, гибели и отчаяния взывает не только к государству, но и — и даже, может быть, прежде всего — к Церкви, к ее участию, к ее духовной помощи?..

Да, это очень трудная задача. Не забудем, что для нашей церкви, придушенной советской властью, долгие десятилетия куда привычнее было исповедовать неотмирность религиозного опыта (идущую от византийской традиции). Что она долгое время находилась в культурной изоляции и что социальная доктрина РПЦ сформулирована совсем недавно. Да и не всякий священник способен к служению в зоне. Здесь нужно особое призвание, особая харизма. Священники, посланные в такие места в административном порядке, так сказать прикрепленные, зачастую относятся к своим обязанностям формально. К тому же не у всех и нервы выдерживают... Вот признание одного такого прикрепленного батюшки: «Я ничего не могу дать осужденным. Да, я бываю в зоне, служу, исполняю требы. Но я не уверен, что я им нужен. Вначале я приставил к осужденным своего грамотного прихожанина. Он с ними читал Евангелие, объяснял. Сами они читать не хотят, вопросов не задают. Все это им не интересно. Говоришь, как в пустоту. Никакой реакции, никакой обратной связи. Знаете, трудно разговаривать с человеком, который смотрит сквозь тебя и думает о своем. Такому помочь невозможно. Наш второй священник по храму тоже ходил в зону, и это ему повредило: сошел с ума. Не мог вынести столько горя».

Удивительно ли, что при таком положении дел во многих колониях укоренилась практика крестить осужденного *по заявлению*? Без подготовки, без какой-либо катехизации батюшка совершает таинство над десятком таких «новообращенных», по заявлениям которых администрация колонии и вызвала его через епархиальное управление. И никто не задумывается о том, что формальное крещение чревато тяжелейшими последствиями: фанатизмом, амбициями, крайней нетерпимостью («я православный, значит, я прав»...) — вплоть до кровавых стычек с инославными. Во время этих редких визитов совершается и таинство исповеди. Мне пишет осужденный из колонии строгого режима в Соль-Илецке: в наручниках на коленях он стоит перед священником две-три минуты. Очередь из жаждущих отпущения грехов не позволяет задержаться дольше... А ведь исповедь — ключевой

момент перерождения человека. По моему глубокому убеждению, нация, не знающая таинства исповеди, обречена на вырождение.

Система «прикрепления» священников через епархиальные отделы работает неэффективно. Осужденные со всей России со своими вопросами и духовными нуждами обращаются в храмы, где заведено тюремное служение. А храмов таких наперечет, и те в основном в Москве и Питере. Да что говорить о периферии, когда и постояльцы известного московского РЦ ждали на Пасху обещанного священника в переполненном актовом зале часа полтора — и так и не дождались...

Конечно, армию капелланов и грамотных волонтеров сразу не подготовишь. Бедственное положение с духовным попечением заставляет оглядеться по сторонам: оказывается, на этом поприще есть чему поучиться у других конфессий. Да и вообще без помощи инославных — наших братьев по вере — катехизация в исправительных учреждениях и устроение реабилитационной системы попросту невозможны. Потому хотя бы, что в наших тюрьмах отбывают сроки представители разных национальностей и разных культур.

Однако если договоренность РПЦ и Минюста о духовном патронаже в исправительных учреждениях дала «зеленый свет» православным батюшкам, то все прочие автоматически оказались причислены к «иностранным религиям». С высоты административного положения объявлено: незачем принимать помощь от иностранцев. Не знают или не хотят знать, что миллионы русских исповедуют Христа не в приходах РПЦ и отнюдь не по команде сверху. Да, конечно, это и в воздухе разлито, и общественным сознанием усвоено, какая у нас религия государственная, а какая, так сказать, частная. В умах шевелится тоска по единомыслию, по однопартийной идеологии. И если начальник колонии считает, что «частная религия» пользы не приносит, уж он отыщет повод не допустить ее представителей на вверенную ему территорию. Пускать или не пускать зависит от его власти, от уровня его гуманитарной культуры.

Вспоминается невеселый случай. В подмосковную колонию мы привезли несколько коробок Евангелий, изданных в Брюсселе. Синодальный перевод, включая Псалтирь, с комментариями и приложениями; с указателем Ветхозаветных и Новозаветных церковных чтений у православных и у католиков. Надо ли напоминать, что это тот самый перевод, который продается в каждом православном храме! Однако замначальника колонии по воспитанию сообщил мне позже, что Евангелия, которые мы привезли, пришлось ликвидировать: оказались «не наши». Наверняка решение принимал не он. Не обошлось без консультации с прикрепленным батюшкой, который, увидев вступительную статью, подписанную нерусской фамилией, дал соответствующее указание. А руководству колонии предписано в этих вопросах слушаться духовного лица.

Но, к счастью, в пенитенциарной системе гуманно и трезво мыслящих начальников колоний сегодня немало. Все вероучительные расхождения разбиваются о здоровый прагматизм таких начальников, своими глазами видящих, что человек спасается не после смерти, не в будущей жизни, а здесь и теперь. Так что если заключенный перестает пить, колоться и сквернословить, если в глазах у него появляется свет и радость обновления, разумный

начальник не будет чинить препятствий ни той Силе, благодаря которой совершились эти перемены, ни людям, через которых эта Сила действует.

По странной закономерности, чем дальше от Москвы, тем больше самостоятельно мыслящих начальников.

Геннадий Ильич Савин, руководитель Психолого-педагогического центра в Рыбинске, работает с осужденными и с теми, кто недавно освободился. «"Безрелигиозная психотерапия — это всадник без головы. Медицина без веры — мясная фабрика" — вспоминает он известный афоризм отца Александра Меня. И продолжает: — Мой учитель полагал, что психолог, практикующий в христианском мире и не понимающий сути христианства, не может работать хорошо. Сам я православный, но отношусь терпимо к любой конфессии, к каждой религии. Любая конфессия ограниченна. Психолог должен мыслить межконфессионально. Мне близки и понятны идеи экуменизма: взаимоприятие, открытость. Я не спрашиваю у пациента, обрезан он или нет. Я обязан ему помочь. И тому, кто недавно освободился.

Предусмотрено, что мы как бы сопровождаем освободившегося человека, наблюдаем за ним несколько месяцев: куда уехал, как устроился, какие у него проблемы. Мы не теряем связь, дверь открыта, работает горячая линия "телефона доверия".

Большая часть людей живет в плену собственных стереотипов. Чтобы они разрушились, надо взглянуть на себя другими глазами, с высоты нравственного опыта. Лишь нравственное кредо в конце концов определяет поведение человека, подсказывает выбор, который приходиться делать на каждом шагу. Внутренний потенциал каждого человека богаче, чем он его оценивает. Мы помогаем человеку раскрыться. Выразить всё, что он думает, что переживает. Наша работа на исповедальном уровне. Раньше так и говорили: психологи — это исповедники в атеистическом мире».

Известно, что заключенные больше доверяют не пришельцам с воли, а выходцам из своей среды или таким же заключенным. Ведь такой человек смотрит на их положение не со стороны. Протестанты предпочитают именно такую тактику — воспитывать будущих проповедников внутри зоны. Освободившись, такой человек сознательно выбирает Реабилитационный центр и сам охотно работает в зоне, желая спасти своих бывших товарищей. Немало реабилитационных центров, возникших на базе религиозных и общественных организаций, имеют именно таких руководителей.

Адвентист Юрий Чурилов — тоже из «бывших». Зону он старается посещать каждый день, не понаслышке зная, какова там инертность и сопротивляемость среды. «Долгое время говоришь в безответное пространство, — признается Юрий. — В стену. Месяцы пройдут, пока эта стена зашевелится, подаст признаки мало-мальского интереса к тому, о чем ты говоришь. Без терпения, без христианского смирения, без глубокого желания помочь лучше и не подступаться. Если в течение года на встречах, которые посещают десять-пятнадцать осужденных, завязались личные отношения с двумя-тремя, — это хороший результат».

На этапе знакомства с Христом (этапе порой очень продолжительном) беседа, личное общение не менее важны, чем богослужение. Это — своеобразная форма катехизации: полное погружение во тьму якобы неразреши-

мых проблем человека, который тебе доверился. Погружение с ним на те глубины, где происходит медленная и обнадеживающая работа души. У «прикрепленного» священника на такую работу нет времени.

Бесценный опыт сложился в Екатеринбургской колонии № 2. Реабилитационная работа начинается здесь с первого дня — как только осужденный переступает порог колонии. И работа эта разнообразна, увлекательна и плодотворна. Так что можно сказать, что эта колония и есть Реабилитационный центр. В колонии две церкви: православная и протестантская (методисты). Для мусульман — мечеть. «Мы должны предоставить осужденным свободу вероисповедания, - . говорит Елена Яковлевна Тищенко, председатель попечительского совета колонии, — именно этого требует закон о свободе совести. Конечно, это касается не каждого религиозного объединения: в исправительных учреждениях имеют право работать только те организации, которые зарегистрированы в государственных органах. И если протестантская церковь зарегистрирована, мы не имеем права препятствовать ее представителям; это было бы нарушением закона. Мы имеем дело с осужденными, нарушителями закона, но сами нарушать закон не должны. Иначе какие же мы воспитатели?!»

В колонии работают общеобразовательная школа, профтехучилище, заочный экономический колледж, заочный Московский государственный социальный университет (МГСУ). Вот данные за один год: 17 колонистов заочно окончили МГСУ, четверо из них — с отличием. Шестеро из этих 17 выпускников работают по специальности: занимаются реабилитацией осужденных, выходящих из колонии на свободу; двое стали социальными работниками в наркологических службах; один работает с подростками, вернувшимися из колоний. Семьдесят человек, освободившихся в прошлом году, не совершили ни одного рецидивного преступления. Это ли не показатель их реабилитации!

Лидеры конфессий входят в попечительский совет; проводятся совместные благотворительные акции. Например, православная церковь постоянно собирает одежду и книги для осужденных. Мечеть оказывает помощь ветеранам войны, привозит в колонию на праздники продукты. Методистская церковь помогает восстанавливать разрушенные семьи, проводит встречи детдомовцев с их отцами, отбывающими здесь наказание.

Значительное место занимает культурная программа. Начальник колонии понимает, как важно художественное творчество для его подопечных. В зоне оно, помимо эстетической потребности, имеет еще один, может быть скрытый, смысл — позволяет человеку обрести себя, доказать личную состоятельность в условиях, при которых личность жестоко нивелируется.

Хочется надеяться, что форма реабилитации, найденная в Екатеринбурге, будет оптимальной в России.

Но бывает, и нередко, когда в Реабилитационном центре, основанном местной властью, никакого духовного просвещения не происходит. Православный батюшка освятил помещение и скрылся... Протестанты походили, повитийствовали — и тоже исчезли... И тогда весь груз воспитательной работы ложится на плечи директора... Хорошо, если он понимает весомость этого груза. Хорошо, если у него имеются деньги на развитие какой-нибудь культурной программы... А ведь зачастую никаких денег нет, и чего тогда сто́ит его понимание!..

Однако сто́ит! Внимание к человеку, у которого ни родных, ни близких, ни дома, ни документа (справку об освобождении милиционер только что порвал на вокзале) — это уже духовный капитал. Внимание, участие, понимание посеют (будем надеяться!) в душе обездоленного общечеловеческую заповедь: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

В Реабилитационный центр, который только что открылся, пришел первый клиент — юноша, сирота. Воровать, говорит, не могу, а просить стыдно. Выделили ему койку, а он возьми и заболей на следующий день — воспаление легких. Положили новичка в больницу, а через несколько дней сотрудники отправились его проведать. Принесли кто яблок, кто варенья, кто домашних пирогов. Заходят в палату, он лежит. Посмотрел на них и... заплакал: «Это вы чего? Это вы ко мне пришли»? Не мог поверить, что кто-то о нем помнит... Для него это был шок. На следующий день, утром, звонок из больницы: умер ваш подопечный. Во сне, сердце остановилось. Так и ушел — переполненный радостью, что не один, что кому-то нужен...

Реабилитационный центр в Малом Ярославце Калужской области основала и содержит Церковь пятидесятников. Во главе большой общины стоят опытные пастыри, сами хлебнувшие лиха в советском ГУЛАГе за проповедь Христа. Конечно, в основе их домоустроительства лежат Вера, Надежда и Любовь. А еще — дисциплина. Но не в виде наряда милиции, положенного по штату в обычном РЦ, а как добровольно взятое обязательство, за нарушение которого с Центром приходится расстаться. Запойные алкоголики, наркоманы, правонарушители, недавно отбывшие сроки по уголовным статьям, перерождаются здесь. Пороки оставили следы на их внешности, но состояние, в котором они сейчас пребывают, иначе как преображением не назовешь. Они счастливые люди — вот что потрясает. Наверняка в этом потоке есть отсев, и немалый, но за короткий срок обрели семьи, работу, построили себе жилье 50 человек! Вот он, ощутимый сбор жатвы, которая созрела.

«Порядок ради порядка оскопляет человека», — писал Антуан де Сент-Экзюпери. Такой порядок — идеал полицейского государства. Не о нем мечтали лучшие люди на Руси со времен Нестора-летописца. Они мечтали о нравственном порядке, который невозможен вне свободной устремленности к нему со стороны духовно просветленного человека, принявшего в свое сердце безусловную Истину религиозных нравственных заповедей.

Потому-то без духовного просветления и не может быть никакой действенной и надежной реабилитации человека, вышедшего из заключения в нормальную жизнь.

Монастырь в миру

Поодиночке и стайками детишки спешат подойти под благословение священника. Как гуси, тянут свои склоненные головки, и он прикасается к каждой. А если торопится — отпускает «общее благословение», и они тут же разлетаются. Учебный день начинается с молитвы, которую они вместе с духовником отцом Михаилом произносят вслух — внятно и неторопливо.

Православная гимназия города Рославля помещается в Спасо-Преображенском мужском монастыре. Ей девятый год, 96 учеников, самые старшие — девятиклассники. Монастырь только восстанавливается, мерзость

запустения, поразившая его в XX веке, все еще зияет развороченными язвами. У насельников никаких удобств, самые необходимые — на улице. Зато гимназические корпуса в полном порядке, просторны, светлы.

Когда игумену отцу Сергию (Зятькову) было предложено приютить под своей опекой детское учреждение, он принял это как знак и указание Божии. Монастырскому укладу мирская жизнь не помеха, решил отец Сергий, а может быть, и напротив: дает возможность обрести опыт «спасаться в миру», сообразуясь с отечественными условиями. Да и то сказать, бескрайнее постсоветское пространство, оживленное редкими оазисами, — чем не пустыня...

Рославль в двух шагах от Белоруссии. Рядом с монастырем пролегает шумная деловая дорога на Запад, куда неуследимо катится наркотическая дурь с Востока. Где ее купить в городе, знает любой подросток. С одним я разговорился, правда, ошибся в возрасте: «подростку» оказалось 28 лет.

— Курят план, опиум; анашу за наркотик не считают. Из моих друзей никого в живых уже нет — тот укололся с перегрузом, тот табуретовкой опился, того зарезали, тот повесился. А Никита прямо дома на пулю наскочил: на улице перестрелка, соседи в кухне на пол попадали, а он у окна торчал, интересно ему...

И в городе и в деревне молодежь развлекается одинаково. В сельскую дискотеку ворвались трое в масках — и ну полосовать ножами кого попало! Кто? За что? Непонятно... Прыгнули в машину и след простыл. Граница-то рядом...

Сам президент Путин осведомлен о здешних разборках.

И все же Рославль — не Грозный и даже не Гудермес. Как-никак в городе несколько храмов. Спасо-Преображенский собор — на Пролетарской, Богородичный — на Ленина. Названия улиц словно всосались в кровь и невытравимы, как татуировка.

С Ларисой Алексеевной, директором гимназии, мы идем по улице имени Розы Люксембург.

— Чем же отличается ваша гимназия от обыкновенной школы? — спрашиваю я.

— Мы, надеюсь, закладываем в детях фундамент настоящей культуры, неотделимой от религиозных ценностей. Сначала азы, церковное пение, потом христианская этика, с шестого класса — история Церкви, с седьмого — введение в богословие.

— А если бы мусульманская или еврейская семья захотела отдать своего ребенка в гимназию, какую бы этику вы им предложили?

— Пока никто из инославных к нам не обращался. Но отец Михаил, читающий религиозные предметы, и его матушка Татьяна — люди безотказные. Не сомневаюсь, нашли бы какие-нибудь факультативные варианты. А общеобразовательная программа у нас ничем не отличается от стандартной — разве что иностранными языками. Пока их два, а хотели бы ввести еще греческий и латынь.

— Неужели дети не дерутся и не шалят?

— Шалят, конечно, особенно мальчишки. Мы таких в храме ставим на левую сторону, к девочкам. Но драки у нас редкость. Если случается драка, то это крупное ЧП.

Вообще-то родители спокойны за своих детей, которые остаются до вечера. Выбор у них богатый: индивидуальные дополнительные занятия, художественная мастерская, хореография, хоровое пение, детский театр, спортзал. А летом походы... Знаете, какие у нас тут места! Известные оптинские старцы Леонид, Макарий, Амвросий — все отсюда вышли, из рославльских лесов.

— А много у вас второгодников?

— Второгодников нет. Мы усиленно помогаем отстающим, тем более если семья воцерковленная. К сожалению, воцерковленных семей меньшинство... Но, может быть, дети принесут домой, заронят в своих близких то, что получают от нас...

И Лариса Алексеевна рассказала удивительную историю...

Бабушка, прихожанка монастырского храма, уговорила сына и сноху отдать внучку в гимназию. Родители — люди неверующие. Два года они потерпели, видя, как дочка крестится перед едой, как молится перед иконкой над кроватью, а на третий решили: хватит с нее религиозного воспитания — и перевели в обычную школу. Мол, денег нет, да и возить далеко. А девочка походила в эту школу одну четверть и... слегла. Странное какое-то, никому не известное заболевание позвоночника. Перестала развиваться, перекосило всю, правое плечо задралось выше левого на 15 сантиметров. Девочку ничем не лечили — просто не знали, от чего лечить. Наконец, врачи порекомендовали специальный санаторий: года три полежит в гипсе — может, станет лучше. Подходила очередь на госпитализацию. А тут как на грех в Смоленске, в областной больнице, потерялись их документы — все анализы, справки. Делать заново, опять облучать ребенка, снова мучить?.. Да они и не успеют к сроку... Мать уже готова была устроиться в этот санаторий нянечкой. Только как-то раз мыла дочку в ванной, снова увидела ее искривленное тельце и вдруг, сама не зная отчего, бросилась на колени и завопила: «Господи, помоги моей девочке! Если поможешь, верну в гимназию...» Может, вспомнила, как свекровь говорила, что болезнь оттого, что оторвали дитя от Бога... И вдруг мать заметила: что-то произошло, что-то сдвинулось в маленьком измученном тельце. Прошло несколько дней, и дочка самостоятельно встала, покачиваясь, подошла к окну. Выздоровление началось... На очередной комиссии в Смоленске врачи поразились: «У ребенка явное улучшение, осенью может идти в школу. Чем же вы ее лечили?» На этот вопрос, наверное, могла ответить только бабушка, крепко молившаяся за всю семью, а за внучку особенно. Кончалось лето, в гимназии ждали, а мать все медлила и медлила...Что происходило в ее душе?.. Наконец, 31 августа она все-таки принесла заявление. Сейчас девочка совершенно здорова, никто не скажет, что перенесла такое...

Одно обстоятельство сыграло важную роль в становлении гимназии. В 1998 году митрополит Кирилл заключил соглашение между Смоленской епархией и администрацией области о сотрудничестве и взаимной поддержке. Комитет по образованию дал команду учителям, и отец Михаил дважды в месяц в течение года собирал их на семинары. Приезжали даже из дальних деревень. Он ставил перед ними самые главные вопросы: Что есть человек? Зачем живем? Как соотносятся библейское откровение и современность? Готовил с ними программы, объяснял смысл праздников, постов. Очень

пригодились книги Александра Меня. Одну из них, «Культура. Христианство. Церковь», учителя целый год читали по кругу. Такой вот ликбез на улице Ленина... И вскоре учителя почувствовали: это не просто интересно, а жизненно важно — и потянулись в храм, на исповедь, на церковные службы... Кроме того, отец Михаил нашел деньги, как-то извернулся с ремонтными работами в своей церкви и даже подарил каждой учительнице по несколько самых необходимых христианских книг — начало религиозной библиотеки.

Изыскивать средства приходится и отцу игумену. В монастыре питаются 150 человек ежедневно, не считая гостей. В гимназии завтрак и обед обходятся в 35 рублей. Для сравнения: обед в городской школе стоит 1 рубль 50 копеек. Большинство родителей платят, но не все. Их денег едва хватает на зарплату учителям и питание. Все учебники покупает гимназия. Расходов — тьма: плохо оборудованы физический и химический кабинеты; в спортзале пусто: три мяча и две пары гантелей — вот и весь спортинвентарь.

— Однако не бытие же определяет сознание, — улыбается молодой монах отец Рафаил. — К тому же областной комитет обещал подарить фотоаппарат... А еще у нас богатая библиотека: масса детских журналов, да и отец Сергий отдал почти все свои книги. Ведь вера без культуры неполноценна. Впрочем, — добавляет он, — так же, как и культура без веры.

Игумен молод, хорошо образован, по-доброму ироничен. Не так давно пришлось ему на два года отлучиться на другой приход. Когда отец Сергий вернулся к своему детищу — гимназии и монастырю, — ему едва не стало плохо. Собора было не узнать: белокаменный храм, всегда утопавший в океане зелени, теперь стоял словно ободранный... Двадцать два пня горбились среди поваленных оголенных стволов...

Отец Сергий не любит вспоминать об этом. Зато тетя Маша, закупающая стеклотару у населения, выдала мне полную информацию. Ее доходная точка расположена неподалеку.

Настоятелю, заступившему на место игумена, гимназия была как кость в горле, чего он не скрывал. А роща и того страшнее...

— Он их собирался ликвидировать, — рассказывает тетя Маша. — Какая, говорит, молитва, когда дети носятся и ором орут. Начал с деревьев. Всю площадку завалил. Убирал-то потом этот, Сергей, когда вернулся, он и пеньки подпиливал.

— Чем деревья-то помешали?

— А шумят, и от листьев по осени спасу нет. Говорил, специально дворника надо держать.

Тетя Маша сидит на опрокинутом ящике, а перед ней на земле аккуратными рядками выстраивается пивная и водочная батарея...

Говорят, среди братии был еще один монах, которому гомон и мельтешня детей казались непреодолимым искушением. Однажды, выйдя из своей кельи, он, запрокинув голову, взмолился Создателю: можно ли ему, многогрешному, пребывать в такой близости к мирскому учреждению?! В небе кружилась стая голубей... Высоко, посверкивая на солнце, они вдруг стали снижаться, круг за кругом, все ниже, ниже и опустились... на крышу гимназии...

Вот такой был ясный ответ смутному сердцу — как бы знак, ниспосланный свыше...

От редакции:

«Употребляя выражение "Пресвятая Дева явилась...", мы никоим образом не предваряем заключения Церкви о подлинности явлений Пресвятой Девы в Меджугорье. Здесь приводится лишь наше личное мнение, а также мнение свидетелей событий, происходящих в Меджугорье в настоящее время.

Мы заявляем, что публикуем эти материалы с целью информировать о происходящем и подчинимся решению Церкви, как только оно будет оглашено».

Такими словами предваряла каждую свою публикацию о Меджугорье сестра Эммануэль, с фрагментами из двух книг которой («Меджугорье, девяностые годы» и «Меджугорье. Война день за днем») мы познакомили наших читателей в № 117–118 и 120–123. В нашей ставшей уже традиционной рубрике ***«Свидетельства Меджугорья»***[2] мы всегда и безусловно придерживались этой же позиции. Мы будем придерживаться ее и впредь, продолжая информировать наших читателей о событиях в Меджугорье, где в июне 1981 года шестерым детям из маленькой хорватской деревушки стала являться Пресвятая Дева Мария и продолжает являться им, уже взрослым, и по сей день.

Вероятно, кому-то может показаться, что мы повторяемся, из номера в номер рассказывая одну и ту же историю, обращаясь к одним и тем же вещам, по существу не содержащим в себе как будто бы ничего нового по сравнению с евангельскими текстами. Мы можем ответить на это словами двух визионеров Меджугорья, со свидетельствами которых познакомили читателей в № 125:

«Богородица призывает нас все время к одним и тем же вещам. Но для человека, который живет этими посланиями, который сделал их неотъемлемой частью своей жизни, они являются каждый раз новой радостью».

«Дева Мария пришла не за тем, чтобы сказать что-то новое, а за тем, чтобы пробудить нашу веру».

Именно такова цель и рубрики ***«Свидетельства Меджугорья»***, где главное для нас — вовсе не сенсация, вовсе не само по себе обращение к вещам, выходящим из привычно-обыденного ряда нашей жизни, а соприкосновение через них с давно и хорошо всем известной Истиной, призыв к этой Истине возвратиться. А для этого — прежде всего достоверная и точная информация обо всем том, что может дать нам в этом отношении Меджугорье.

---

[1] О назначении и содержании рубрики см. в № 117: *Игорь Виноградов. По поводу новой рубрики и книги сестры Эммануэль*, а также № 115: *Я даю тебе Свою любовь, передавай ее дальше. О явлениях Богородицы в Меджугорье.*

[2] Материалы этой рубрики опубликованы в №№ 117–123, 125 и 126.

ЛИЦА И ЛИКИ МЕДЖУГОРЬЯ: ЯН БУДЯШЕК

С Меджугорьем часто бывает так: кто-то вынашивает намерение, рассчитывает средства и силы, а в паломничество отправляется другой. Будяшек свое первое путешествие туда тоже совершил как бы «случайно». Но всё по порядку.

— Привет! — слышится в трубке. — Наконец-то дождался твоего звонка! Жалко, что меня сейчас нет дома, но скажи, где тебя искать!

Даже хорошо, что я не застала хозяина: рисковала бы не услышать самый классный в мире автоответчик. Такая приветливость особенно удивительна, если вспомнить, что Ян Будяшек — звезда эстрады. Его, барабанщика бит-группы «Скальды», знает и любит по крайней мере вся Польша.

Немного погуляв по Кракову, я позвонила еще. На сей раз Ян был дома. Мы встретились и пошли смотреть одно из его любимых мест. Поднялись на исторический холм Вавель, прошли мимо королевских гробниц и оказались у саркофага с мощами святой королевы Ядвиги. Теперь все это находится под сводами гигантского собора.

— А когда-то на этом месте стояла часовенка, где любила молиться святая Ядвига, — объяснил мне Будяшек и неожиданно предложил: — Давай немного помолимся! Здесь нужно просто сесть и помолчать минут пятнадцать. Ничего не говорить, не думать. Постарайся услышать Бога сердцем.

Я старалась изо всех сил, но без толку... Да и суета вокруг — туристы, паломники, экскурсанты... Но окончательное фиаско моя медитация потерпела, когда рядом прозвучал монотонный голос экскурсовода:

— Вот это — мощи святой Ядвиги. А вот это пан Ян. Я не ошиблась, пан Будяшек?

Мы познакомились два месяца назад в Торуне на рождественском фестивале, «Скальды» там давали концерт, а я с видеогруппой проводила съемку. Наши братья-славяне прекрасно поют рождественские песни, но «Скальды», по-моему, исполняют их лучше всех. К тому же шутка ли сказать —

Наталья КАНДУДИНА — родилась в Анапе. Окончила факультет журналистики Казанского университета и Институт повышения квалификации работников кинематографии по специальности киновидеорежиссер. Работала корреспондентом в периодических изданиях и на телевидении, редактором радио, автор ряда публицистических статей, очерков, рецензий и киносценариев. Работая в документальном кино, избрала главной темой современное христианское апостольство. Ее фильмы транслировались на телеканалах Бразилии, Ирландии, Италии, Польши, имеют несколько международных наград.

сорок лет на плаву (я хорошо помню, как еще в начале 70-х мы с друзьями гоняли их пластинку и, отбивая ритм, нестройно горланили: «Расступитесь, люди, почтальон к вам едет! В толстой сумке тесно от журналов и газет...»)! Такое долгожительство (и не одного везунчика, а целой бит-группы) — вещь уникальная. Тут должен быть какой-то секрет, какой-то допинг. Хотя допинги бывают разные...

Из книги Яна Будяшека «Сам бы этого не придумал»[3]:

«Не все дурное пришло к нам с Запада.

Первым наркотиком, который появился в Польше, была «травка» из южных республик Советского Союза: Таджикистана, Узбекистана. Именно в том регионе, оказалось, растут наилучшие сорта конопли. И моя первая встреча с «марихой» произошла на гастролях в СССР. Я провел в этой стране примерно пять с половиной лет, если считать, что в течение семнадцати лет играл там по два-три месяца ежегодно. Когда мы давали концерты, люди приходили к нам и угощали. <...> Примешь зелье — и краски становятся иными, и слух другим. Индейцы когда-то выкуривали трубку мира, чтобы найти согласие: после «травки» трудней соврать, человек очень легко раскрывается. Это сегодня я начинаю острее видеть и слышать, не когда курю траву, а когда стою перед Иисусом. Но, идя к молодежи, никогда не говорю, что курить не надо. Говорю лишь, что с этим очень легко обмануться.

<...> Ведь самое важное и в музыке и в жизни — созидание общины. С «травкой» же все наоборот. Здесь скрыт тотальный эгоизм: если приходит кто-то извне — кто-то, кто не принял такой же дозы, как ты, он сразу воспринимается как враг, даже если был тебе самым близким другом: не чувствуешь того же, что и я, — до свидания! Я говорю о марихуане и гашише — о том, что знаю. Но подозреваю, что более сильные средства ведут к еще большему замыканию в себе.

Я выкуривал перед концертом лишь для того, чтобы мне самому было хорошо. Однако утверждал, что делаю это, чтобы лучше сыграть. Как-то, играя с джазовой группой «Под Будой», покурил, «чтобы лучше сыграть», и, правда, мне так легко игралось! Я выпускал просто фейерверки звуков, но о чем-то совершенно другом, чем все. После концерта идем по коридору в артистическую, я говорю:

— А здорово у нас вышло!

А ребята оборачиваются ко мне (солистка, помню, даже плакала) и спрашивают:

— Зачем ты нам такое устроил?! Нам теперь будет стыдно появиться в этом городе».

Обычная закулисная жизнь! — скажет среднестатистический служитель эстрадных подмостков. Всего лишь «травка»! — воскликнет каждый третий, если не второй, сегодняшний старшеклассник. И в самом деле, ни в наркоманах, ни в алкоголиках Будяшек не числился. Хотя в молодости друзья и прозвали его «Ян Будяшек — вытвурня фляшек»[4]. Этот дружеский титул

[3] Все переводы с польского выполнены Н. Кандудиной.

[4] «Производство бутылок».

Ян получил в 1980-м, когда вся Польша жила событиями вокруг «Солидарности». Забастовки, опасность арестов, растущая надежда на большие и добрые перемены. В стране военное положение, введен комендантский час... А на втором этаже дома Будяшека тайная типография исправно печатает листовки для бастующих рабочих, внизу же, на кухне, вовсю работает пресловутая «вытвурня фляшек» — самогонный аппарат, исправно выдающий дефицитный по тем временам напиток.

А еще через четыре года тому же самому дому суждено было принять гостей, с которыми жизнь Яна Будяшека сделала самый крутой поворот.

Как у нас, в России, так и у них, в Польше, большинство населения составляют не верующие, не атеисты, а «в общем-то верующие». Вот таким-то и был Ян. Даже в храм время от времени заходил. И как-то, проводив жену с детьми на каникулы и оставшись в большом доме один, решил сходить на воскресную мессу. А после мессы настоятель обратился к прихожанам с призывом принять в своих домах паломников. Как раз приближался август — время, когда по древней традиции из разных уголков Польши тысячи паломников пешком отправляются в Ченстохову к иконе Божьей Матери на Ясную гору. Группы формируются в больших городах, Краков — один из них.

Будяшек оставил номер своего телефона, и через несколько дней ему позвонили: семнадцать студентов приехали из Германии немного пораньше, чтобы успеть посмотреть город. Хотят, по возможности, разместиться на ночлег вместе. Жилплощади хватит, решил Ян и пригласил сразу всех. Позже в «Дневничке барабанщика»[5] он напишет, что гости сразу ошарашили его, спросив, где похоронена сестра Фаустина Ковальска. Хозяин не знал: святая вестница милосердия Божьего на тот момент еще не была прославлена Церковью. Так и вышло, что не он познакомил гостей с местной святыней, а гости его: оказалось, до Фаустины ехать всего несколько трамвайных остановок!

Будяшек не подпускал своих гостей к кухне, все готовил сам, чем удивлял хозяйственных немецких девушек, воспитанных в традиции «киндер-кирхен-кухен». Он и прежде любил принимать гостей, но теперь в этом было что-то новое: Ян радовался, дыша духом христианской общины. Немцы с энтузиазмом разучивали польские песни паломников, а хозяин откапывал для них песенники и удивлялся, что в Германии каждый выпускник средней школы умеет читать по нотам. По вечерам вместе молились, и с каждым разом на ужин приходило все больше и больше гостей: двадцать, тридцать, потом сорок...

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«И вот восьмое августа, половина шестого утра, погода прекрасная. Я начинаю возле дома прощаться и тут замечаю, что у многих довольно тяжелый багаж. Мне было немножко грустно расставаться с ребятами, думаю, дай помогу им донести эти рюкзаки до места, откуда пойдет паломничество. Ну, сел в трамвай, проехал, помог погрузить вещи в грузовик, который

[5] Едва увидев свет, эта книжка Будяшека стала бестселлером. Сейчас «Дневничок барабанщика» существует уже в четырех томах, и это еще не конец, потому что музыкант жив-здоров и продолжает писать свои заметки — *Н.К.*

будет ехать за паломниками, и мы снова начали прощаться. И тут мне какой-то голос подсказывает, что можно еще пойти с ними на мессу. Ну что ж, думаю, почему бы и нет? Времени-то всего шесть утра! Взошел с ними на Вавель, а там столько молодежи собралось — вдохновленные, распетые! Ну, я остался. А во время мессы тот же голос меня спрашивает: «А почему бы тебе не пройти с ними немного по городу?»

Так я и дошел до первого ночлега. Кто-то дал мне одеяло, и я переночевал с ними в сарае. Утром проснулся, хотел умыться, а зубной щетки нету. Ну, думаю, надо возвращаться домой. Сейчас доберусь до какого-нибудь перекрестка, поймаю попутку до Кракова. Только до перекрестка я шел еще шесть дней. И оказалось, что никакого значения не имеет то, что у меня ничего с собой нет. Ни разу я не остался голодным. А через несколько дней обнаружил, что дошел до Ченстоховы. В шлепанцах на босу ногу, в футболке — как вышел из дому, так и дошел! И только там, оказавшись перед иконой, понял, Кто меня вел»...

Признаюсь, когда я слушала эту историю из первых уст, в этом месте у меня к горлу подступил комок. И это повторяется каждый раз, когда я перечитываю «Дневничок». Я вспоминаю, что пережила сама, впервые очутившись на Ясной горе перед «Черной Мадонной». Десять лет маленький бумажный образок вел меня к этому моменту — через крещение, через медленное обновление жизни, через годы почти безуспешной борьбы с грехами и заблуждениями; не было ни наставников, ни общины — только этот образок. И лишь добравшись до Ченстоховы, я обнаружила, Кто меня вел...

Уже потом, сопоставляя события, Ян вспомнил еще одну встречу, произошедшую десятью годами раньше. Тогда, в 1974-м, пропал их приятель. Вышел из дому и не вернулся. Две недели музыканты не давали концертов, обзванивали больницы и морги и, конечно, с горя крепко пили.

Кто-то надоумил обратиться к священнику Климушко, которого люди считали ясновидящим. Тот, взглянув на фотографию, сразу сказал, что парень жив, где находится и какие у него проблемы со здоровьем. На поверку все сошлось. Но в тот момент произошло вот что: когда друзья собрались уходить, отец Климушко отозвал Будяшека в сторонку и шепнул:

— Парень, тебе от Бога не скрыться! Твоя мать посвятила тебя Богородице, когда ты еще не родился. У тебя это на лбу написано!

Теперь, в Ченстохове, Ян Будяшек понял, что пророчество отца Климушко сбылось. А вернувшись в Краков, он спустя какое-то время вдруг обнаружил в старых бумагах «Удостоверение Рыцаря Непорочной Девы» на свое имя.

Оказалось, много лет назад, еще в 1946 году, бабушка ездила в город Божьей Матери — Непокалянов, во францисканский монастырь, основанный святым Максимилианом Кольбе. До войны это был крупнейший монастырь в мире — более тысячи братьев. Здесь издавался самый тиражный католический журнал, и здесь же находился и находится центр Рыцарства Непорочной Девы. Сам Максимилиан Кольбе, основатель и вдохновитель этого святого движения, погиб в 1941 году в Освенциме, добровольно заменив собою приговоренного к смерти человека...

И вот Ян Будяшек выясняет, что из многочисленных внуков бабушка почему-то выбрала именно его, годовалого Яна, и заочно вписала его в число

рыцарей Непорочной Девы. Но самое большое потрясение вызвала подпись на документе: там стоял автограф самого святого Максимилиана! Видимо, перед своим арестом настоятель успел подписать какое-то количество пустых бланков...

В те времена Будяшек играл в коллективе Марыли Родович. И сразу после ченстоховского паломничества нужно было ехать на фестиваль в Сопот, где Ян впервые почувствовал себя «не в своей тарелке». В христианской общине пелось, пусть не профессионально, но от души — в единении и любви. На фестивале же — все мастера своего дела, но каждый из кожи лез, чтобы подать себя как можно лучше, перещеголять других...

Однако работа есть работа, пришлось играть. Марыля победила в конкурсе, исполнив достопамятные «Разноцветные ярмарки», и, хотя ее барабанщик все время порывался уволиться, отправилась со всей группой на гастроли в СССР. И там, то есть, тут, у нас, в каждом городе, где шли концерты, встречался кто-то, кто сообщал, что можно пойти на святую мессу, которая тайно служится где-нибудь в кладбищенской часовне или на частной квартире. Музыкант понимал, что Рука Ведущая не оставляет его и вернуться в старую жизнь уже не получится. Нелишне добавить, что активная религиозная жизнь новообращенного католика на гастролях протекала в ситуации, когда во всей России действовал один-единственный католический храм!

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«Когда Господь избирал своих апостолов, Он не спрашивал, кто хочет пойти за Ним, а просто указывал пальцем: «Ты, ты и ты!» Это избрание должно было пошатнуть их дома. Пошатнуло и мой. Жена ведь выходила замуж за компанейского парня. Я был магистром всяких затей и астрологии. У нас толпами собирались известные артисты, и жена гордилась этим. А тут парень вдруг свихнулся. Все было не так просто!

В начале 90-х меня пригласили на телевидение, и редактор Збышек Ксенжек во время интервью сказал такое, что мне бы и в голову не пришло — будто бы окружающие давно замечают, как я из кожи вон лезу, чтоб показать, что я лучше их всех. В жизни бы такого не придумал! Единственное, что могу сказать: я играл в то время концерты с группой «Под Будой» и чувствовал себя там не комфортно. Лучше всего мне было в общине, на молитвенных встречах. Там я мог играть по 26 часов в сутки...

А потом коллеги по ансамблю сообщили мне, что они не хотят со мной играть.

Это было невыносимо больно, тем более, что все прекрасно знали, что я в этой группе — далеко не последний инструменталист, как раз наоборот. Но ***такой*** *Будяшек им был не нужен. Прежде я был «вытвурня фляшек», у меня всегда была «заначка», и все знали, что нечего волноваться, если кончается водка. Кроме того, я знал астрологию и даоизм. Если кто-то хотел погадать, я всегда был под рукой. И вдруг все это кончилось.*

Однажды я подслушал шепот одного из моих коллег: неплохо, мол, было бы организовать бутылочку, но «опять тут этот сидит». Я не говорил им, чтобы не пили. Но в первые годы, видимо, излучал такие эманации, что товарищам выдержать было трудно. Так что меня выгнали, потому что я перестал с ними «вещать на одной волне».

Моя старшая дочь Бася после моего очередного телеинтервью заявила, что хочет папу не пьяницу и не святого, а нормального. Сын услышал на мессе, что священник процитировал что-то из моего «Дневничка», и возмутился: как это я позволил публично себя цитировать! Ведь здесь могли быть его одноклассники. Если услышат, что они скажут?!

Оглядываясь назад, скажу: если бы знал, чего будет стоить мое обращение, нипочем не согласился бы. Впрочем, меня-то как раз и не спросили. Просто нечто свалилось на меня: «Ты, ты и ты». И противиться этому я не мог».

Надо сказать, свежеиспеченные неофиты бывают не только окрыленными и радостными. Они, как правило, еще и назойливы, чудаковаты и категоричны. Это становится понятно позже, когда вера набирает некоторой зрелости. Но мы-то себя со стороны не видим...

В поисках духовного руководителя Будяшек отправился на исповедь к священнику, которому доверял. Перед исповедью он помолился, пообещав все, что будет сказано духовником, принять как слова самого Бога. Однако в ответ на страстный монолог обо всех чудесах и переменах в его жизни Ян неожиданно услышал категорическое:

— Вижу в этом одержимость.

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«Это был шок! Я тут перед ним выкладываю всю мою жизнь, а он мне бросает одну короткую фразу и вообще не хочет со мной разговаривать!

...Теперь-то нас связывает крепкая дружба. Но тогда он меня убил. Хотя, прожив очередные двадцать лет, понимаю благодать этих слов. До некоторых вещей нужно дорасти. Несколько лет спустя я толстым фломастером записал в своем "Дневничке":

"Если кто-то заметит во мне больше набожности, чем милосердной любви, отстреляйте меня в числе первых!"»

Ян с нежностью вспоминает одно маленькое событие, произошедшее с ним в доме социальной опеки, где содержатся пациенты с серьезными отклонениями в развитии. Работавшие там монахини пригласили его посмотреть, как они выразились, «на наши сокровища».

Войдя, Ян увидел множество беспомощных человеческих существ — кто-то не имел ног, кто-то рук. Иногда он видел только лежащее туловище с головой. Но больше всего пугала безучастность этих калек: казалось, с ними невозможно установить никакого контакта. Однако Ян решил, что, раз уж он сюда попал, нужно хотя бы кого-то коснуться рукой, кого-то погладить по голове, на кого-то взглянуть с улыбкой.

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«Я задержался возле одной красивой девушки с виду лет двадцати. Этакий обрубок без конечностей, неподвижное тело, глаза открыты, но кажутся незрячими. Я помахал рукой перед ее лицом — никакой реакции. Я коснулся ее щеки и погладил ее, и в этот момент почувствовал, как ее неподвижная голова начала сильно давить на мою ладонь. И в моем мозгу пронесся миллион мыслей: получается, что нет на свете случайностей, мне неслыханно повезло, что я встретил ее. Мне стало вдруг понятно, что наши жизни на земле —

это снежинки, каждая из них иная и каждая совершенна по форме. Если представить себе вечность, то наши два или семьдесят лет — это одинаково мало, все равно, что глазом моргнуть. Скоро и меня на радость червям закопают в землю. Но никакого значения не имеет то, что меня закопают с руками и с ногами, а эту девушку — без них. Если Господь допустил такую ситуацию, значит, имел на это какой-то совершенный план. Может, кто-то в третьем или четвертом поколении нуждается в такой жертве. Не знаю. Важно, что есть самое главное, благодаря чему я вижу, слышу и чувствую — и это во мне бессмертно. Так конкретно я это почувствовал первый раз в жизни. Никакие книги и проповеди так меня не потрясали».

Кто-то сказал замечательную фразу: если Бог стоит у тебя на первом месте, все остальное стоит на своих местах. Слушая и читая Яна Будяшека, я понимаю, что есть люди, которые каждым поворотом своей жизни иллюстрируют эту истину.

Был «хорошо пьющим» богемным типажом. Выгнали из ансамбля за то, что «испортился». Начал ходить на церковные тусовки, и там его барабаны оказались весьма «ко двору». Община Обновления в Святом Духе предложила помолиться над ним. Помолились.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросили после молитвы.

— Ничего, — честно признался Будяшек. Он ни о чем специально не просил, ничего особенного не ждал, но после этого пить расхотелось. Совсем. Пару раз потом даже пробовал — не идет!

Выгнали из группы «Под Будой», а буквально через неделю он получил сразу две работы, каждая из которых оплачивалась дороже, чем прежняя. Вернулся в «Скальды», и у «Скальдов» открылось второе дыхание. Сложилась программа «Мой Вифлеем», которая оказалась востребованной не только во всех уголках Польши — с нею стали выезжать во все концы мира. А тут священники, настоятели приходов, педагоги школ и надзиратели тюрем названивают с разных сторон и просят, чтобы приехал дать свое свидетельство, как Богородица позвала его к Себе в одних тапочках и футболке. Обычный семьянин — не профессор, не священник — ведет духовные упражнения, читает лекции, устраивает конференции. Потому-то Будяшека трудно застать дома, но каждый, кто пытается выйти на связь, с радостью слышит: «Привет! Наконец-то дождался!..»

А в тех приходах, школах, тюрьмах появляются новые рыцари Непорочной Девы.

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«Что я им рассказываю? Я не говорю каких-то мудростей, а только то, что приключилось в моей жизни. И Боже упаси, чтобы я старался кого-то обратить или изменить, ибо мое самое большое открытие в том, что каждый человек, которого встречаю, в чем-то лучше меня. Когда меня благодарят, что откликнулся и приехал, я отвечаю: это мне повезло, что вы захотели сегодня прийти на встречу со мной»!

Свои встречи Ян решил построить на размышлениях о тайнах Розария, которые были для него настоящим открытием. Перед очередным выходом к аудитории Ян услышал:

— Там внизу твои знакомые стоят и смеются. Говорят, интересно, на какой тайне ты сегодня остановишься.

Этого было довольно, чтобы настроение резко упало. Ян решил, что он больше ни за что не скажет про Розарий. В течение всей встречи это слово не прозвучало ни разу. Но после нее подошла к нему довольно большая группа людей с просьбой: не согласится ли пан Ян вместе помолиться на четках.

Из книги «Ян Будяшек приглашает на Розарий[6]»:

«Но почему Розарий? Почему Розарий? Почему во всех своих явлениях Матерь Божья показывает Розарий как секрет счастья? Почему Папа Иоанн Павел II всем раздавал четки? Я очень долго размышлял над этим, до тех пор, пока сам не взял в руки Розарий. И оказалось, что это — секрет успеха в пятнадцати главах. Пусть вас не смущает слово «успех». Я хочу напомнить слова святого апостола Павла: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия» (2 Тим 4, 7-8). Почти как в честном спортивном состязании: венец праведности, который вручает Судья за хорошо проведенный бой...

Розарий— это также ответ на вопрос, почему Пресвятая Богородица стала Царицей Мира. Если мы хотим достичь того же, чего достиг апостол Павел, то нужно каждую тайну святого Розария соотносить со своей жизнью, сравнить то, как живешь ты, с жизнью Иисуса и Девы Марии. Вот и все!

Кроме того, когда я стал постоянно молиться, прибегая к помощи этих загадочных бусинок, я заметил, что меня все реже и реже посещают ненужные мысли, рождающие одно беспокойство. И, наконец, Божья Матерь сама сказала, что когда мы на земле произносим приветствие архангела Гавриила, Она в этот момент предстоит пред Божьим троном и устраивает наши дела».

Как я уже говорила, с Меджугорьем часто бывает так: кто-то готовится к поездке, рассчитывает средства и силы, а в паломничество отправляется кто-то совсем другой. Вот и Будяшек свое первое путешествие туда совершил как бы «случайно». Знакомая сказала, что в автобусе есть свободное место, поехал, окунулся в оазис мира и удивился, что везде, странствуя по свету, ощущал расставание с домом и семьей, а тут, наоборот, будто домой приехал. И сама собой возникла молитва: «Прошу тебя, Матерь Божья, о благодати, чтобы слово «люблю» в моих устах стало правдой». И буквально в тот же день размышление продолжилось, как будто пришла подсказка свыше. Ян ясно увидел, что «любовь» означает «прозрачность»: не сделать ни шага, не сказать ни слова, которое хотелось бы скрыть от любимого человека. Ян Будяшек сначала приехал в Меджугорье как паломник, потом как участник музыкальной группы, поющей и играющей на всемирной молитвенной встрече молодежи. А в 2003-м его попросили дать на этом форуме свое свидетельство.

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«В Меджугорье я вдруг ясно увидел, что выстроил во мне сатана за сорок последних лет моей жизни и что в небольшом окружении всегда проявлялось.

---

[6] Розарий Пресвятой Богородицы — распространенная молитва у католиков, творится с помощью четок, которые в этом случае тоже называются «розарий». Во время этой молитвы размышляют о различных событиях (тайнах) из жизни Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии.

Приезжаю в какую-нибудь деревню, прохаживаюсь по ней, и все время мне сопутствует мысль: «Знаете, кто я такой? Я беседовал с Римским Папой, я много раз бывал в Америке, я объездил весь земной шар, а кроме всего прочего я играю в «Скальдах». Разумеется, я никогда этого не формулировал вслух, но это во мне сидело. А обнаружил я это лишь в Меджугорье. В несколько секунд мне открылась вся победа сатаны. И только после этого я начал всерьез задумываться над тем, что не один я такой необыкновенный: каждый человек — наиважнейший. Теперь я часто публично повторяю это свое открытие, о котором несколько лет назад и заикнуться бы не посмел. Чем чаще буду выбрасывать из себя это, тем скорей избавлюсь».

Один из многочисленных паломников-поляков — священник в одежде капуцина — подошел в Меджугорье к Яну и пригласил его в свой приход. Будяшек согласился, попросив исповедовать его. Договорились, что встретятся в церкви на задней скамье, потому что если священник сядет в исповедальню, очередь к нему выстроится такая, что не пробиться.

Исповедь оказалась по-настоящему радостной и обновляющей, и Ян понял, что до сих пор не обращал внимания на самое главное и никогда не каялся о том, насколько он преуспел в любви и милосердии. Правда, теперь, вернувшись в Польшу, когда он говорит на исповеди, что мало любил, часто слышит недоуменный ответ священника: «Пожалуйста, конкретней!» А что конкретней-то?! Вроде бы все хорошо, живешь, никого не трогаешь. Но прозорливый отец Климушко говорил, что меньше вреда сделаешь человеку, если поранишь его физически, чем если зло о нем подумаешь....

Ко времени первого приезда в Меджугорье уже вышла в свет книжка «Ян Будяшек приглашает на Розарий». И молясь на земле, по которой ходит Богородица, автор обнаружил, что предложенные им размышления о тайнах Розария нуждаются в коррекции. И он стал просить Деву Марию устроить так, чтобы все эти слова «перешли из головы в сердце».

— Сказать тебе, о чем вторая радостная тайна Розария? — может теперь ошеломить Ян собеседника. И хотя собеседник прекрасно знает, что речь идет о встрече Девы Марии с Елизаветой, обязательно спросит, зная способность Яна освежать старые истины:

— Ну, скажи.

— Горе мне, если кто-то после встречи со мной запомнил меня, а не Тебя, Господи Боже! Горе мне, если после встречи со мной человек не открыл Живого Бога. Должен открыть! И не потому, что я ему о Боге рассказал, а потому, что в нашей встрече он почувствовал Бога здесь и сейчас!

Из книги «Ян Будяшек приглашает на Розарий»:

«Однажды я провел целую ночь перед крестом, и никогда не забуду этой ночи. Я услышал внутри себя голос. Может быть, это говорила моя совесть, может, Кто-то еще, я не знаю.

— Зачем ты пришел сюда? Зачем ты читаешь этот Розарий? Зачем ты размышляешь над стадиями Крестного пути?

Я удивился:

— Как это зачем? О стольких вещах мне нужно молиться, столько всего попросить!

А тот голос продолжает:

— Знаешь, почему вы все такие грустные? И сюда приходите грустные.

Я ему говорю:

— А чему радоваться? Ты такие проблемы ставишь на моем пути!

А Он мне:

— Нет, не поэтому. Дело в том, что в подавляющем большинстве вы приходите ко Мне, чтобы о чем-то просить, но мало кто приходит благодарить. Попробуй на свой крест посмотреть с благодарностью.

— Но как?! Как мне благодарить за то, что в моей стране сложилась такая политическая ситуация? Или за то, что порой я не нахожу общего языка с женой и детьми?

А тот голос говорит:

— Благодари, благодари и еще раз благодари! Только так ты поймешь, что значит Божье Милосердие и Божье Провидение. Лишь тот воздает Мне хвалу, кто приносит жертву благодарения. Все твои жизненные проблемы кончатся тогда, когда вся твоя жизнь превратится в сплошное благодарение. Поэтому благодари!

Всю ночь я благодарил, а в пять часов утра выскочил из храма счастливейшим человеком на свете: ведь все, на что я хотел жаловаться, оказалось величайшим даром, какой я только мог получить от Бога.

Знаете, почему мы не хотим иметь дело с нашими врагами? Потому что не хотим слышать правды о себе! Я всегда сетовал, что не могу поладить со своей женой, а оказалось, что это наилучший подарок от Господа, потому что она выравнивает все мои тропинки, она помогает мне возрастать на пути к Богу. И никто на свете не сделает это лучше, чем она».

Из книги «Сам бы этого не придумал»:

«Поначалу я думал, что сделаю что-то великое. Этот мир еще меня узнает! А сейчас я отдаю себе отчет в том, что сделаю лишь столько, сколько мне будет дано. А мое единственное задание — любить тех, кто меня окружает. И пришла мне такая мысль: что я, Ян Будяшек, пришел на планету Земля лишь для того, чтобы засвидетельствовать безусловную любовь. И если я не достигну состояния такой любви, то никогда не буду счастлив. А что значит состояние безусловной любви? — размышлял я дальше. Это значит, никому не ставить условий. То есть я не имею права никого обращать к Богу, не имею права никого переделывать.

Эта мысль возвращалась потом снова и снова: я здесь не для того, чтоб обращать, а для того, чтобы любить. И потом наступало понимание, что каждый живущий на этой планете нужен. Для чего-то Бог его здесь поставил».

Барабанщик Ян Будяшек четыре раза посетил Меджугорье и, как сам признается, мечтает оказаться там снова и снова. Эти поездки помогли ему составить программу, с которой он проводит духовные упражнения в Польше и за рубежом. «Розарий — секрет успеха» — с такой темой молитвенных встреч он планирует посетить и нашу страну. Уже в восемнадцатый раз!

Но теперь уже не как музыкант, а как «апостол Меджугорья».

Андрей ЗАЙЦЕВ

ИСКУШЕНИЕ «ЦЕРКОВНОСТЬЮ»

Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973 – 1983

М.: Русский путь, 2005. 720 с.

«Дневники» протоиерея Александра Шмемана стали событием 2006 года. Эту книгу обсуждают как «либералы», так и «консерваторы». Первые без устали говорят о том, что автор «Дневников» поставил «диагноз» восточному православию. Вторые ищут ересь и вспоминают старые «грехи» протоиерея. Вполне очевидно, что обе точки зрения не соответствуют действительности, а истина где-то посередине.

В чем же феномен этой книги, которая удостоилась даже публичных дискуссий на уровне Русской православной церкви Московского патриархата (Далее РПЦ или РПЦ МП)? Прежде всего, конечно, в личности автора, которого Александр Кырлежев справедливо назвал «радикальным традиционалистом»[1], но ответить так было бы слишком «просто», а потому попытаемся найти другие ключи к разгадке.

Прежде всего поговорим о жанре книги. «Дневники» — форма очень лукавая, как и личная переписка, а потому посмертное издание практически любых непубличных записок, написанных для себя (пусть даже и с предположением о публикации), — занятие достаточно рискованное. Читатель волей-неволей «вынужден» узнавать, с кем и когда обедал автор, какая была погода в Нью-Йорке или Монреале в 1977, например, году. Конечно, это информация любопытная, но когда она занимает около половины достаточно объемного тома, то некоторые, действительно «программные» заявления протоиерея Александра Шмемана могут запросто раствориться в обилии деталей, существенных для автора, но могущих утомлять читателя. С другой

[1] Александр Кырлежев. Радикальный традиционализм о. Александра Шмемана // Континент № 79 (1994, №1).

Андрей ЗАЙЦЕВ — родился в 1978 году в Москве. Окончил филологический факультет и аспирантуру Московского Государственного Педагогического Университета. Работает обозревателем портала «Религия и СМИ» и преподавателем в Библейско-богословском институте св. апостола Андрея. Публиковался в «НГ-Религии», «Русском журнале», «Вечерней Москве», «Московском Церковном Вестнике» и в других периодических изданиях. Живет в городе Домодедово Московской области.

стороны, эти записи составляют своеобразную огранку для мыслей о религии вообще и православии, в частности.

Мысли же эти, повторяющиеся из записи в запись, очень грустны. Чуть больше тридцати лет назад протоиерей Александр Шмеман писал о жесточайшем кризисе православия в Америке, который он характеризует следующим образом: *«"Духовность", "Церковность" — какие это двусмысленные и потому опасные понятия. Удивительное дело, но почти все те, кого я знал как искателей духовности, были всегда узкими, нетерпимыми и скучными, безрадостными людьми, при этом всех всегда обвиняющими в недуховности. И всегда в центре их были они сами, не Христос»* (19 февраля 1974)[2]. Эти строки отражают и современное положение христианства в России. Только у нас кризис еще глубже и беспросветнее, и выход из него не подскажут даже «Дневники». Мы обладаем удивительной способностью, — об этом писал еще Петр Чаадаев в позапрошлом веке, — ничему не учиться у истории. Это свойство переняла и Православная церковь в России.

Основная проблема состоит в том, что даже те, кто научился читать умные книжки и говорить правильные слова, не просто перестали ждать от православных христиан в России ответов на свои вопросы: они даже не верят в то, что христиане могут эти вопросы услышать. В середине девяностых годов прошлого века кризис Церкви заключался в неумении давать ответы, сейчас, мы, христиане, перестали даже пытаться слышать вопросы.

Что же изменилось за годы, прошедшие с момента написания «Дневников» и разрешения Церкви в Советском Союзе, произошедшем в 1988 году?

Прежде всего, религиозная жизнь в России стабилизировалась. Если пятнадцать лет назад шли активные споры о языке богослужения, о разных моделях церковно-государственных отношений, о роли Церкви в жизни общества, то сейчас практически везде стало чисто, стерильно и глухо, как в аптеке или на кладбище. Все нашли свое местечко и создали уютные мирки: монастырские или приходские, консервативные или либеральные, большие или маленькие. Но такое самозахлопывание Церкви и есть опасность, о которой предупреждал автор «Дневников», ибо игры в духовность и церковность не только изгоняют из Церкви Христа, но и самую Церковь делают просто ненужной — несоленой, если использовать евангельскую метафору. Дело в том, что РПЦ из «церкви старушек» превратилась в «церковь любящих церковь». Каждый из практикующих православных уверен, что его приход — самый лучший, и жалеет только о том, что еще не вся Церковь стала такой, как его храм. Происходит то, что митрополит Антоний Сурожский описал как потерю единства: «*Мне кажется, что сейчас весь христианский мир, включая и православный мир, страшно отдалился от простоты, от цельности и от ликующей красоты Евангелия. Христос со Своей группой учеников создал Церковь, которая была до того глубока, до того широка, до того цельна, что содержала в себе всю вселенную. Мы за столетия сделали Церковь одним из обществ человеческих. Мы меньше мира, в котором мы живем, и когда мы говорим об обращении этого мира в христианство, мы говорим, в сущности, о том, чтобы всех, сколько только возможно, людей сделать члена-*

[2] В скобках дается дата соответствующей записи.

ми ограниченного общества»[3]. Подобное сужение пространства Церкви становится все очевиднее, и граница общения часто пролегает не между христианами разных конфессий или поместными церквами, а между прихожанами в одном храме, когда не с кем разделить пасхальную радость.

Происходит это от своеобразной «самозамкнутости» Церкви и верующих. В советские годы главным было — сохранить веру, спасти здание храма от закрытия, священника — от неприятностей с органами, и у церкви как юридического лица и организации, у церковной иерархии и мирян постепенно сформировалась идея о том, что само ее существование — уже большой подарок для окружающих. Достаточно прочитать пасхальные и рождественские послания правящих архиереев. За небольшим исключением это хвалебный отчет о проделанной работе, который не имеет практически никакого отношения к окружающей действительности. К сожалению, идея элитарности свойственна не только консерваторам, но и либералам, поскольку она происходит из еще одного свойства Церкви, о котором писал протоиерей Александр Шмеман, — «антикультурности»: «*Сама "ностальгия прошлого", которым так сильно живет современное Православие, есть явление, характерное для нашей, современной культуры и потому не может никогда быть духовным освобождением. На низах же эта антикультурность оборачивается уже подлинным примитивизмом, то есть фактически "язычеством", религией природы, а не человека, духа и истории*» (26 сентября 1974). Парадокс состоит в том, что современная «элитарность» возникла из-за неуверенности в своих силах, из-за отсутствия опыта свободы и нежелания признать смену исторических реалий.

Эти три свойства — совсем не вина Церкви, а ее беда. В Византии и на Руси религия всегда была «государственным делом». Само решение о принятии православия решалось на высшем государственном уровне, а сама принадлежность к данной конфессии доказывала лояльность и благонадежность подданных. С другой стороны, государство так или иначе поддерживало Церковь как социальный институт. Достаточно вспомнить репрессивные меры против жидовствующих, стригольников и старообрядцев, когда Церковь апеллировала к светской власти и последняя предоставляла весь карательный аппарат для борьбы с инакомыслящими. Конечно, отношения власти и Церкви никогда не были совсем безоблачными: государство заботилось, прежде всего, о своей безопасности, стабильности, выгоде, а потому и на Руси, и в Византии с удовольствием ограничивали «финансовые возможности» Церкви, когда монастыри становились уж слишком крупными землевладельцами. Нельзя также сказать, что империя слишком уж считалась с мнением епископата. Достаточно вспомнить реплики последней императрицы Александры Феодоровны, называвшей в письмах к Николаю II некоторых епископов, заседавших в Синоде и являвшихся противниками Распутина, «грязными животными». Но все-таки несвободная Церковь

---

[3] Митрополит Антоний Сурожский. «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» // Митрополит Антоний Сурожский. О Встрече (http://www.metropolit-anthony.orc.ru/sretenie/sret_bessilna.htm (электронная библиотека «Митрополит Сурожский Антоний»).

имела некий привилегированный статус, что проявлялось хотя бы в официальных церемониях. После октябрьского переворота ситуация, конечно, изменилась, и у РПЦ был шанс как-то пересмотреть модели отношений с государством, но этого не случилось. Все разговоры о своеобразном конкордате между государством и традиционными конфессиями так и остались прекраснодушными мечтаниями. В законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», в преамбуле, подчеркивается особый статус РПЦ. Конечно, это приносит свои плоды, взять хотя бы введение предмета «Основы православной культуры» в школах некоторых российских регионов. Но все же государство относится к РПЦ с позиции «большого брата», что приводит иногда к странным поступкам, когда процесс объединения РПЦ МП и Русской православной церкви заграницей начинает Владимир Путин, а патриарх Алексий II на пасхальном богослужении говорит не о радости Воскресения Христова, а о подвиге «Его Высокопревосходительства» Путина. О такой уродливой форме «симфонии» также предупреждал протоиерей Александр Шмеман: «*Сдача Православия — национализму в его худшей языческой (кровной) и якобинской (государственно-авторитарной негативной) сущности. Этот сплав и выдается за "чистое Православие", и всякое отступление от него или хотя бы попытка в нем разобраться обличаются немедленно как "ересь". Между тем этот именно сплав есть тот тупик, в который зашло историческое Православие, и ужас этого тупика не меньше, а, в сущности, больше оттого, что он притягивает к себе всевозможных "конвертов"*[4]» (25 сентября 1974). Тот факт, что у определенной части православных существуют проблемы и с национализацией веры, — когда только Россия — «Святая Русь» объявляется единственной истинной хранительницей православной веры, а русский народ обладает той или иной степенью «богоносности», — и с национализмом, — когда многие полагают, что беды России от малой духовности, Запада и евреев, — лишь подтверждает правоту высказывания протоиерея Александра Шмемана.

Еще одна причина самозамкнутости духовенства и мирян на себе состоит в особенностях обучения клириков и мирян в РПЦ. Когда человек в России так или иначе приходит к Церкви в поисках веры, слишком часто его учат не любви ко Христу, а некой «духовности и церковности», которые автор дневников характеризует следующим образом:

«*"Церковность" должна была бы освобождать. Но в теперешней ее тональности она не освобождает, а сужает, порабощает, обедняет. Человек начинает интересоваться "старым и новым" стилем, епископскими склоками или всяческой елейностью. И духовность он начинает воспринимать как необходимость читать скверные книги, ужасающие по своей бедности и риторике, всякие брошюрки о чудесах и чудотворных иконах, сомнительную "поповщину", все время болтать на религиозные темы*» (21 февраля 1974).

«Болтовня на религиозные темы» — бич современных православных, которые способны часами обсуждать благодатность своего духовника или какого-нибудь более или менее известного старца. В результате христиане часто выглядят этакими «профессионалами от религии». У них есть одно-

[4] Новообращенных.

значные и готовые ответы на те вопросы, которые им никто и никогда не задает, но зато нет никаких ответов на реальные проблемы человека, кроме знаменитого «смиряйся, молись и постись». Но названная триада вряд ли может удовлетворить вопрошающего. Поскольку подобные утверждения свидетельствуют о том, что у православных произошла подмена понятий: вместо личной веры во Христа, ответственности за свои поступки и Церковь люди объединяются в «кружки по интересам» и «православные тусовки».

Источник подобной «тусовочности» многих верующих состоит именно в мифологизации православия, в отсутствии иерархии авторитетов, когда частное мнение верующей подруги, духовника или неких монахов могут оказаться более важным доводом, чем мнение священноначалия, Вселенских соборов и Нового Завета. Положение усугубляется еще и тем, что значительная часть молодых священников также не стремились познать «живую жизнь», а выросли в подобных «клубах любителей РПЦ». В результате мы получаем чудесную типичную картинку «христианина», описанную автором «Дневников»: «*Вместо того, чтобы научить его по-своему смотреть на мир, на жизнь, Церковь учит его смотреть на саму себя. Вместо того, чтобы по-новому принять себя и свою жизнь, он считает свои долгом натягивать на себя какой-то безличный, закопченный, постным маслом пропахший камзол так называемого "благочестия". Вместо того, чтобы хотя бы знать, что есть радость, свет, смысл, вечность, он становится раздражительным, узким, нетерпимым и очень часто просто злым и уже даже не раскаивается в этом, ибо все это от "церковности"*» (21 февраля 1974).

В этих горьких словах и сфокусированы основные причины кризиса православия в современном мире (справедливости ради отметим, что это беда не только православия, но и других традиционных религий, — в частности, ислама). «Пропахший камзол благочестия» — это то, что убивает веру во Христа, взамен порождая религию «православных атеистов», в которой на первое место выходят обряд, послушания и правила, а не Христос и любовь.

Существует ли в наши дни выход из этого кризиса религиозности, осознает ли его сама Церковь, возможно ли быть христианином внутри РПЦ? Эти вопросы так или иначе ставит протоиерей Александр Шмеман в своих «Дневниках».

На эти три вопроса можно дать один утвердительный ответ со многими оговорками.

На первый из них нельзя однозначно ответить «нет» или «да». Отрицательный вариант означает признание того, что Христос как Глава Церкви не имеет никакого отношения к «юридическому лицу» и «социальному институту» РПЦ МП. Сказать так значит зачеркнуть весь тот опыт новомучеников XX века, а также таких людей, как митрополит Антоний Сурожский, священник Сергий Желудков, протоиерей Александр Мень и многие другие. Это было бы большой и неоправданной дерзостью, а также ошибкой.

Собственно «Дневники» и предостерегают читателя от таких пессимистических решений, — несмотря на всю критику нестроений в православии, несмотря на то, что автор уподобляет восточное православие чеховскому человеку в футляре и характеризует его состояние как «полный па-

ралич»[5]. Несмотря на все это, сам факт опубликования этих дневников в России и дискуссия, развернувшаяся вокруг них, свидетельствуют о том, что Церковь жива и выход из кризиса возможен.

В то же время поспешный положительный ответ означает признание того, что с «нашей Церковью» все в порядке, а сама постановка вопроса о кризисе — происки антицерковных сил и людей, которые ни разу не были в храмах на богослужении. В результате остается узкий и тернистый средний путь, который лучше всего выражен словами митрополита Антония Сурожского: «Своего епископа нужно воспитывать»[6]. И это правило должно распространяться не только на епископат, но и на священников и мирян. Только воспитание взаимной ответственности может вернуть реальную власть Церкви, чтобы она перестала восприниматься как «государственный институт» или «политическая партия», а стала реальным и живым «Телом Христовым», изменчивым и неизменным одновременно.

Проблема адекватного восприятия Церковью самой себя в современном мире тоже не имеет однозначного решения. С одной стороны, священноначалие РПЦ и лично патриарх Алексий II неоднократно делали заявления об опасности младостарчества, необходимости более активной работы с молодежью, а также на другие важные темы. С другой стороны, все эти декларации часто остаются только на бумаге, а в повседневной церковной жизни происходят именно те негативные явления, о которых писал протоиерей Александр Шмеман. Иными словами, между внешними декларациями и внутренней практикой существует «дистанция огромного размера». В этом отношении РПЦ четко дублирует принципы современной российской политики, в которой правильные слова из посланий президента Федеральному собранию редко становятся реальными делами. Статус Церкви как части политического «бомонда» особенно заметен в провинции, где епископ вместе с губернатором и составляют «политическую элиту» края. Достаточно посмотреть заголовки новостей, чтобы убедиться в том, что архиереи и священники часто занимают весьма активную позицию на политическом поле. Речь, конечно, не идет об участии в политических партиях (хотя на Украине во время парламентских выборов были и такие случаи), скорее можно говорить о лоббировании особого положения для Церкви, о попытке влиять на культурную, научную и образовательную парадигмы с клерикальных позиций. Между тем подобная проповедь православия свидетельствует не о силе, а о слабости Церкви, о ее неумении эффективно действовать на «своем поле». (Так, например, стремление к тому, чтобы в школах преподавали в обязательном порядке «Основы православной культуры», может проистекать из того обстоятельства, что у РПЦ до сих пор не выработано достаточно методов для общения с детьми в храмах и воскресных школах. Обилие всевозможных и часто карикатурных «союзов православных граждан», «братств», «союзов Православных хоругвеносцев» проистекает из-за того, что внутри самой РПЦ мирянам и клирикам, за исключением

[5] Запись от 19 мая 1977 года.

[6] Цит. по: О. Павел Адельгейм. «Сокровище веры» // Вестник РХД № 190 (II — 2005, I — 2006). С. 176.

епископата, отведена слишком ничтожная роль. Как заметил о. Павел Адельгейм, в современной Церкви «соборность» подменилась «корпоративностью» архиереев[7].) Напротив, возвращение Церкви к своим «прямым обязанностям», забота о собственных прихожанах, позволит расширить круг влияния Церкви и на все стороны жизни общества. Христианство не должно становится таким, как окружающий мир, оно должно вести с ним диалог, по-возможности преображая или «заквашивая» его. Именно в этом и состоит средний путь, к которому неоднократно призывают наиболее дальновидные клирики внутри самой РПЦ.

Наконец, главный вопрос всех «Дневников» протоиерея Александра Шмемана и всех дискуссий, подспудно звучащий в репликах всех участников обсуждения этой книги: «Можно ли быть христианином внутри РПЦ?» Не «церковным человеком», не «русским православным», а именно «христианином». Данная проблема не решается «простым» разговором об апостольском преемстве и многовековой истории Восточной церкви. Для многих людей, о чем также пишет автор «Дневников», православие превратилось в национальную веру русских. В наши дни выбор православия среди других христианских конфессий, как правило, определяется национально-культурными факторами: традиционностью, стремлением сблизиться с народом, любовью к богослужению. Все это — весьма неплохие причины для принятия православия, но протоиерей Александр Шмеман совершенно справедливо критикует подобный подход: «*К Церкви можно прийти по тысячам причин, из коих многие совсем не положительные, даже опасные. Нужно "прийти ко Христу". Павел обратился ко Христу, а не к "церкви", и потому Церковь для него была только и всецело жизнью со Христом и во Христе. Но вот росла, росла и выросла в истории "Церковь" сама по себе, которую можно любить.., к которой можно "обращаться", которой можно жить, но отлично от Христа*» (14 марта 1974). Собственно говоря, в девяноста девяти случаях из ста современный православный христианин говорит о Церкви, о ее роли в жизни общества, о ее влиянии на окружающую действительность, но совершенно не упоминает о Христе. При таком подходе «храм» ничем не отличается от «мечети», «синагоги» или «дома культуры»; это такое здание, где собрались единомышленники, которые во что-то верят, иногда ругаются, иногда поддерживают друг друга, иногда ставят длинные и величественные «спектакли», в центре коих находятся эстетизированный образ некоего Богочеловека, висящего на кресте, или свиток Торы, или Коран, или эстрадная «звезда». Христианин же — это тот человек, для которого, говоря словами апостола Павла, «Жизнь — это Христос». Только подойдя к этому пониманию, можно говорить о кризисе христианства, о кризисе Церкви. В противном случае самого понятия *кризис* существовать не может. Миру не за что «судить» РПЦ, нечего у нее спрашивать, поскольку это всего лишь более или менее успешная «корпорация», «социальный институт», желающий завоевать *себе и для себя* еще несколько новых адептов. При таком положении вещей уникальность Церкви как «невесты Христовой», как «Тела Христова» просто пропадает, и ее можно «выбросить», как «соль, потерявшую вкус».

---

[7] Там же.

Кажется, что почти вся наша современная действительность подталкивает человека к тому, чтобы провозгласить тезис «Бог у меня в душе, и Церковь мне не нужна», то есть впасть в соблазн *индивидуализма*[8], от чего предостерегает автор «Дневников». Однако внутри самой Церкви есть такие течения и силы, которые из глубины отчаяния позволяют надеяться на то, что роль РПЦ не ограничивается «министерством идеологии и утешения убогих» в России и за ее пределами. Каковы же эти силы? Прежде всего, это Сам Христос. Но подобный ответ сам по себе порождает множество новых вопросов, главный из которых: *в чем или в ком проявляются действия Христа в современном православии?*

С одной стороны, ответ протоиерея Александра Шмемана парадоксален. Во всей книге нет записи, которая содержала бы решение этой проблемы, давала бы некий стопроцентный рецепт преодоления кризиса, но, с другой стороны, вся внутренняя ткань «Дневников» пронизана этой надеждой и верой во Христа и Живую Церковь (автор статьи понимает, что последний термин был изрядно скомпрометирован обновленческим расколом в XX веке, но что делать, если это наиболее точная до сих пор метафора). Ответ этот — Человек, христианин тайный или явный. И с этим трудно не согласиться. В одном иудейском мидраше сказано, что «человек — это язык, на котором говорит Бог». Автор «Дневников» был одним из немногих людей, способных понимать этот язык, а потому границы Церкви, «по Шмеману», включали в себя и маленьких детей, и Александра Солженицына. Если христиане также научатся понимать этот язык, то можно надеется, что Христос выведет Свою Церковь из того кризиса, в которой его загнали мы, христиане. Но произойдет это только в том случае, когда каждый, называющий себя христианином, будет понимать, что Церковь — всего лишь «корабль», на котором люди плывут ко Встрече со Христом.

---

[8] Запись от 15 марта 1977 года.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(Сентябрь – ноябрь 2006)

(Краткий обзор)

К вопросу о преподавании Основ православной культуры в школе

В обществе продолжается оживленная дискуссия о внедрении в школьный курс в обязательном порядке Основ православной культуры (ОПК). Причем критическая реакция на внедрение курса намного более устойчива, чем публичные заявления церковных и светских чиновников о том, что все доводы против этого курса надуманны.

Из материалов в защиту ОПК, появившихся в СМИ в последнее время, выделяется статья **диакона Андрея Кураева** в **«Московских новостях»** (22.09.2006). Он честно признается, что авторы учебников и методичек написали совсем не то, что объявили: *«Объявили — "культурологию", изготовили — "Закон Божий"»*. Кураев обращает внимание читателей на то обстоятельство, что «православная культура» знает «иконописное предание Церкви», но не знает ясно сформированного «педагогического святоотеческого предания». После подобных утверждений следует вполне разумный вывод: *«Быстрый прорыв в школу чреват столь же стремительным отступлением»*. При этом автор ничуть не ставит под сомнение саму идею преподавания ОПК. Его пафос в другом: Церкви нужно научиться говорить о своей вере с отстраненно-культурологических позиций. *«В разнообразном и светском мире надо уметь объясняться с людьми. Не проповедовать, не обличать, не доказывать, а просто объяснять»*.

В статье Кураева звучит и жесткая критика в адрес Министерства образования и науки: *«Оно пошло самым легким, нетворческим путем — путем запретов. Причем запретов заведомо неэффективных. О том, что министр Фурсенко против ОПК, известно давно и всем. И тем не менее десяток регионов и сотни школ объявили об ином своем выборе. Тут сказались и родительские надежды, и общий рост национального чувства, и дипломатические таланты местных епископов. Есть общественное ожидание. Есть общественная проблема. Это же нормальный творческий вызов: разработать нерелигиозный подход к преподаванию религиозных знаний. Тут бы и использовать ресурс объединенного министерства, найти новых Аверинцевых и дать им простор для творчества. Нужны книги живые, аргументированные и с таким запасом антиваххабитской устойчивости, чтобы даже взбалмошная Марьванна, для которой урок ОПК есть повод прежде всего рассказать детям о знаках антихриста, не смогла бы своим энтузиазмом испортить прекрасный предмет»*.

Среди материалов противников ОПК обратим внимание читателей на статью члена Общественной палаты **Александра Адамского** в газете **«Ведомости»** (15.11.2006). Адамский честно признает, что никаких нарушений закона в действиях властей Белгородской области, где этот предмет препо-

дается, нет. И объясняет почему: *«Региональная администрация вправе избрать любое содержание, не противоречащее законодательству, в качестве регионального компонента. При этом белгородские законодатели четко указали характер самого курса: «Учебный предмет «Православная культура» на ступенях начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования имеет культурологическую направленность и предполагает знакомство обучающихся с православной христианской картиной мира на материалах краеведения Белгородской области, обеспечивает научные знания учащихся о православии как традиционной национальной культуре в историко-культурном, этнокультурном и информационном аспектах»».*

И все-таки автор выступает против обязательного преподавания ОПК, потому что, по его мнению, это «новодел». *«Никакого образовательного эффекта введение обязательного изучения Основ православной культуры не даст. Возможно обратное действие: отвращение многих учеников, которых будут заставлять учить материал, от самой религии»*, — пишет он. И добавляет: *«Еще один вред от такого рода инициативы — политический и социальный, слишком много обиженных и оскорбленных могут стать жертвами провокаторов»*.

Между тем, как сообщает **«Коммерсант-Власть»** (№ 45, 13.11.2006), Министерство образования и науки готовит ряд поправок к федеральным законам, позволяющих ограничить такие смелые инициативы региональных властей в области образования, как введение в качестве обязательного предмета основ православия. *«Введение в некоторых регионах предмета «Основы православной культуры» (его ввели 13 субъектов Федерации) вызвало скандал*, — считает издание. — *Министр образования Андрей Фурсенко не раз признавал, что выступает категорически против этого предмета (министр предлагал заменить его «Историей мировых религий»), и переживал, что не имеет возможности влиять на образовательную политику регионов, поскольку региональный компонент выведен из-под контроля министерства»*.

Против подобных планов министерства резко выступили официальные представители Московского патриархата. *«Сегодня региональный и школьный компоненты хоть как-то компенсируют идеологическую монополию материализма, утилитарного подхода к истории и скептического отношения к религии, сложившуюся в школах с советского времени»*, — заявил **«Интерфаксу»** заместитель главы Отдела внешних церковных связей Московского патриархата **протоиерей Всеволод Чаплин**. *«Государство должно определять только минимум знаний, необходимых для полноценной взрослой жизни. У государства, у чиновников нет и не может быть никакого права определять мировоззрение, которое преподается в школах. Утверждение какой-либо идеологии в качестве государственной запрещено Конституцией»*, — подчеркнул о. Всеволод.

К вопросу об объединении РПЦ и РПЦЗ(Л)

На официальных сайтах Московского патриархата и Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) 1 ноября был опубликован «Акт о каноническом общении». Подписание документа, фактически восстанавливаю-

щего единство двух церквей, предположительно может состояться уже весной 2007 г.

«Российская газета» (25.10.2006) публикует интервью со **священником Михаилом Дудко**, секретарем Отдела внешних церковных связей по взаимоотношению Церкви и общества. По словам о. Михаила, *«наиболее сложные вопросы, которые нас разделяли в прошлом, удалось согласовать и решить. Наступила, можно надеяться, финальная часть объединительного процесса. Необходимо обсудить некоторые технические, протокольные вопросы, связанные с самой церемонией объединения и со всем тем, что будет из этого объединения вытекать».*

Руководитель секретариата ОВЦС по межхристианским связям **протоиерей Николай Балашов** дал интервью **«НГ-Религиям»** (15.11.2006). *«РПЦЗ, согласно «Акту», будет самоуправляемой частью Русской церкви, фактически пользующейся правами самоуправляемых церквей на территории Московского патриархата*, — сказал о. Николай. — *Главное отличие в том, что у Русской зарубежной церкви нет ясно очерченной канонической территории. Но и существующие ныне самоуправляемые церкви имеют не вполне тождественный статус, что отражено в их уставах».*

По словам о. Николая, *«восстановление единой Церкви означает, что приходы в российских пределах должны войти в ведение местных архиереев Московского патриархата. Однако ввиду человеческих затруднений, с которыми этот процесс может быть связан, для него предусмотрен пятилетний переходный период. В течение этого времени Зарубежный синод и его архиереи уже не будут иметь своей юрисдикции на нашей канонической территории, но порядок управления бывшими «зарубежными» общинами сможет сохранить некоторые особенности».*

Сообщение о готовящемся подписании «Акта» в России восприняли по-разному. Так, настоятель московского храма Космы и Дамиана **протоиерей Александр Борисов** в интервью интернет-изданию **«Портал-Кредо»** высказал мысль, что это очень важное историческое решение: *«Я думаю, что в данном случае со стороны РПЦЗ(Л) это, прежде всего, жест признания старшинства той части Церкви, которая находится на исторической Родине, где живут все-таки десятки миллионов (а не десятки, ну пусть сотни тысяч, как в рассеянии) братьев и сестер».*

Иной точки зрения придерживается псковский **священник Павел Адельгейм**, высказавший в статье **«Ностальгия Зарубежной церкви»** («Портал-Кредо», 09.11.2006) ряд критических замечаний: *«Акт о каноническом общении» построен по принципу русского выражения «да нет»: «Разрешаю, но запрещаю». Один пункт противоречит другому и требует дополнительных объяснений, например, третий — девятому. Одиннадцатый и двенадцатый пункты уничтожают смысл десятого. Прямое повторение лондонской истории. Избрание Предстоятеля и каждого архиерея, учреждение епархий утверждает Москва. А как быть, если не утвердит? Процедура согласования не предусмотрена, и решение о назначении примет Москва. Неужели куцая схема, где ничего не договорено, может стать правовой основой для существования РПЦЗ(Л) в новых условиях? Сплошь белые пятна, провоцирующие произвол. Заявление на самостоятельность не защищено механизмом и останется пустой претензией».*

Конфликт вокруг Марфо-Мариинской обители

Русская православная церковь во все века славилась делами милосердия и благотворительности. Однако восстанавливать эту традицию оказалось гораздо труднее, чем заново возводить стены разрушенных храмов. Ростки подлинного служения больным, несчастным, обездоленным и сейчас, через пятнадцать лет после отмены антицерковных законов, запрещавших в том числе и всякое социальное служение Церкви, робки и немногочисленны. Тем печальнее сталкиваться с фактами разрушения их, и не кем-нибудь, а церковной властью.

Самый, наверное, громкий случай такого рода произошел в Марфо-Мариинской обители, созданной еще св. великой княгиней Елизаветой Федоровной. Здесь стараниями бывшей журналистки монахини Елизаветы (Крючковой) в середине 90-х годов прошлого, двадцатого, века был организован лучший в Москве детский приют. И не только приют. Игуменье удалось создать патронажную службу; собравшиеся здесь сестры милосердия стали работать в больницах, причем в самых тяжелых отделениях (например, в ожоговом центре больницы им. Склифосовского). И все бы хорошо, если б не находилась обитель в самом центре Москвы, в Замоскворечье. Полтора гектара земли, 4 огромных трехэтажных корпуса. Настоящий предмет вожделения олигархов, использующих церковную власть для «умножения имений».

В феврале нынешнего, 2006-го года архиепископ Орехово-Зуевский Алексий (Фролов) предъявил монахине Елизавете (Крючковой) указ о смещении ее с должности, поставил исполнять обязанности настоятельницы своего человека — жену одного из своих прихожан, — и начался полный разгром обители, всего того, что создавалось любовью и долгим трудом. Монахини еще пытались бороться, даже устроили пикет. Но против лома, по пословице, нет приема. Теперь, говорят, даже автобус, который возил детей приюта в музеи и на спектакли, используется в интересах монахов Ново-Спасского монастыря (где расположена резиденция архиепископа Алексия).

В первое время публикации о конфликте были немногочисленны: у тех, кто покинул обитель, оставалась надежда решить дело миром, и они не торопились активно рассказывать о происшедшем. К лету эта надежда, судя по всему, угасла, и появились многочисленные статьи и интервью.

Корреспондент **«Портала-Кредо» Михаил Ситников** побывал в трехкомнатной квартире монахини Елизаветы, где сейчас под ее присмотром живут более десятка воспитанниц, оставшихся со своей наставницей. «*Мы с коллективом создали новую организацию — благотворительную, светскую,* — рассказывает матушка Елизавета. — *Открыли небольшой центр временной реабилитации подростков. Снимаем помещение, где я и живу, так как жить больше негде. Ни квартир, ни вилл, ни счетов в банке — ничего, кроме пенсии, я не имею. Но я довольна, ибо рядом со мной мои родные обительские воспитанники. И, прежде всего, те, кого вывели из обители по разным причинам. Они начали, было, покуривать и шляться по улицам, но теперь, слава Богу, все позади. По нашим российским законам сирота окружается заботой до 23-летнего возраста, а им еще до того далеко.*

Самая трудная сейчас пора. Поэтому учимся — ходим на курсы, готовимся в вузы. Решаем социальные проблемы, да и бытовые тоже. Ведь в наших добротных туфельках, сапогах и теплой одежде теперь кто-то другой щеголяет.

Попытки отыскать хоть что-то в нынешней обители оказались неудачными. Выбросили все, вплоть до учебников. Так что все начинаем с нуля. Слава Богу, есть хорошие люди, которые помогают. Но «экономическая блокада» нашей скромной деятельности со стороны все же чувствуется отчетливо».

«Московский комсомолец» (06.10.2006) сообщил своим читателям о том, что монахиня Елизавета обратилась с иском к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. И хотя иск она проиграла (Хамовнический суд отклонил иск монахини о восстановлении на работе и возмещении морального ущерба, поскольку судья посчитал, что государство не вправе вмешиваться во внутренние дела религиозного объединения), важен сам факт такого рассмотрения.

В то же время адвокат **Михаил Воронин**, защищавший в суде интересы настоятельницы, так прокомментировал **«МК»** (01.11.2006) результат процесса: *«Мы обратимся с надзорной жалобой в гражданскую коллегию Верховного суда. Следующий шаг — обращение в Конституционный суд, где мы намерены поставить вопрос о границах вмешательства церкви в трудовые и социальные права российских граждан».* Михаил Воронин рассказал следующее: *«Уже после окончания суда мой помощник выходил из здания Юридической академии, в которой он учится. Его встретили люди в штатском, вышедшие из дорогих иномарок, и начали избивать. Милиция не вмешивалась. Он получил сотрясение мозга. Исчезли только документы, касающиеся Марфо-Мариинской обители. Мой помощник был госпитализирован».*

Опера Родиона Щедрина «Боярыня Морозова»

В Москве прошла мировая премьера оперы Родиона Щедрина «Боярыня Морозова» — произведения, ставшего своеобразным духовным памятником старообрядчеству. Ни смерть любимого сына, ни лишение богатства не смогли поколебать веру Феодосии Прокопьевны. По словам историка И.С. Лукаша, *«боярыня Морозова — одна из тех, в ком сосредотачивается как бы все вдохновение народа, предельная его правда и святыня, последняя, религиозная тайна его бытия. Эта молодая женщина, боярыня московитская, как бы вобрала в себя свет вдохновения старой Святой Руси и за нее возжелала всех жертв и самой смерти».*

Обозреватель газеты **«Коммерсант» Сергей Ходнев** («Игра в фанатики», 01.11.2006) отмечает, что в Большом зале Консерватории помимо обычной публики можно было видеть и делегацию старообрядцев. Сама опера произвела на музыкального критика двойственное впечатление: *«Признавая «Боярыню Морозову» композиторской удачей в музыкальном смысле, приходится признать, что заявленная цель «омузыкалить трагическую страницу истории» (по словам самого композитора) удалась лишь отчасти. «Омузыкаленным» оказался обобщенный сюжет о жертвенности, жестокости, фанатизме и бессмысленной мученической смерти».*

«В «Боярыне Морозовой» нет оркестра. Только труба, литавры и ударные. Музыкальное полотно создается хором, отчего все происходящее напоминает не оперу, а молитвенную ораторию», — продолжает тему газета **«Известия»** (01.11.2006).

«Либретто «Боярыни Морозовой» композитор написал сам, взяв за основу тексты из «Жития протопопа Аввакума» и «Жития боярыни Морозовой», чем заставил хор запеть на древнеславянском», — пишет **«Независимая газета»** (02.11.2006).

«Само музыкальное действие довольно статуарно: все начинается с момента, когда царь и толпа требуют от боярыни отречения, трижды обращаясь к Морозовой и ее сестре Урусовой и трижды получая отказ. Угрозы и пытки Щедрин рисует угрожающими красками ударных инструментов и эффектным фугированным злорадством хора. Убийство сына Морозовой сделано как лаконичный хоровой эпизод, обволакивающий краткое соло мальчика. Плач Морозовой по сыну — сильная, нетривиальная, по-барочному темная и витиеватая ария на хоровом фоне. Три нежных соло Аввакума напоминают о роли евангелиста в одном из музыкальных прообразов «русской хоровой оперы» — в Страстях»,— рассказывает читателям о премьере **«Время новостей»** (01.11.2006).

Так же сдержанно оценивает новую работу Щедрина и газета **«Культура»** (№ 43, 2006): *«В новой щедринской партитуре нет того кипения страстей, которые буквально полыхают в строках первоисточников. Нет в ней и сочной живописной экспрессии хрестоматийного живописного полотна Сурикова. Тринадцать сцен «Боярыни Морозовой» подобны клеймам на иконе, внешне связанным житийным сюжетом, но существующим в одновременности,— отсюда постоянные повторы и завораживающая статика действия, лишь изредка прерываемая «точечными» всплесками агрессивных звучностей».*

«Российская газета» (**«Неистовые раскольники»**, 30.10.2006) взяла подробное **интервью** у **Родиона Щедрина**, в котором маэстро рассказал о работе над произведением: *«Проблема художественного воплощения для меня стояла на первом месте. Но я старался придерживаться исторической достоверности. Суриков создал как раз то, что исторической правде совершенно не соответствует: он нарисовал богатую старую женщину, тепло одетую, достаточно комфортно расположившуюся в санях. На самом деле все было не так: Морозову арестовали ночью, как это делается в России. Ее истязали, раздели догола, били плетьми на снегу вместе с сестрой княгиней Урусовой <...> Прямых цитат в моей музыке нет, но, конечно, я пользуюсь законами знаменного распева, крюкового пения. Я ввел в партитуру и три музыкальных инструмента: трубу и ударные, среди которых есть церковные колокола, цепи, литавры, звучащие как Божьи молнии. Надеюсь, что все эти инструменты вызовут у слушателя ощущение звучания полного симфонического оркестра»*. Маэстро сообщил, что вслед за концертной премьерой «Боярыню Морозову» поставят на сцене.

Любопытно, что название этой статьи вызвало раздражение в среде сторонников старой веры. Как сообщает сайт **«Староверы»**, старообрядцы были возмущены тем, что редакторы газеты использовали выражение «неистовые раскольники» в отношении староверов-мучеников, оскорбляя тем самым чувства верующих. Издание направило старообрядцам свои извинения. *«Прошу прощения, если, сам того не подозревая, нанес обиду. Заголовок статье Ирины Муравьевой дал я, дежуривший в этот день по отделу. Поверьте, и до сих пор не нахожу в этих словах негативной эмоциональной окрашенности, возможно, по причине душевной своей грубости»*, — объяснил журналист «Российской газеты» в ответ на критику староверов.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике третьего квартала 2006 г.

О НРАВСТВЕННОСТИ и ее роли в современном обществе размышляет в своем докладе **митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл («Не должно быть законов, оскорбляющих и возмущающих нравственное чувство человека»** — «Церковь и время», № 3 (36)). Нравственность в России, напоминает он, всегда была так или иначе связана с традиционным укладом общества, на которое оказали свое влияние православное христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Представления о добре и зле передавались из поколения в поколение, пока их не поставила под угрозу цивилизация постмодерна, исключающая понятие «истины», как таковой. В результате переосмыслению подвергаются важнейшие события и понятия. Однако плюралистичность современного подхода к истории и нравственным ценностям не дает человеку ощущения гармонии, свободы и любви; наоборот, она делает его беззащитным перед всякими страхами, не последнюю роль в которых играют ожидания «конца света», о чем свидетельствует хотя бы массовая истерия вокруг даты 06.06.06. Между тем, замечает митрополит Кирилл, для завершения истории совсем не обязательно дожидаться определенной даты — достаточно наступления тотального господства зла в мире, а для этого необходимо полностью размыть в обществе понятия о добре и нравственности и абсолютизировать понятие свободы. Как раз такие тенденции характерны для секулярной западной цивилизации, где они проникают даже в правовые документы (например, во Всеобщую декларацию прав человека или в законодательство отдельных стран относительно прав сексуальных меньшинств). Русская православная церковь, подчеркивает автор доклада, не отрицает важность прав и свобод, но считает, что правопорядок и нормы поведения в обществе должны основываться на нравственных законах, единых для верующих и неверующих. В противном случае возможны противоречия между нравственными и юридическими законами, что чревато конфликтами и подрывом стабильности в стране.

Статья **Дмитрия Лушникова «Значение ВООБРАЖЕНИЯ в православной духовной традиции. Опасности между магизмом и иконоборчеством»** («Христианское чтение», № 26) посвящена связи понятий «воображение» и «бессознательное». Если с точки зрения обывателя, разъясняет автор, «воображение» — это умозрительное представление, фантазия, то в духовной традиции православия во-ображение наделяется глубоким метафизическим смыслом и означает *«вхождение во образ чего-то»*. Иными словами, воображение культивирует объекты для любви. Это именно оно помогает человеку представить себе Христа — тот образ, на который будет проецироваться любовь верующего. Автор предупреждает и об опасностях такой проекции. С одной стороны, христианина здесь подстерегает соблазн «магизма», то есть желания выстроить свои отношения с Богом «технически», найти какие-то

стопроцентные слова, на которые Господь не может не ответить. С другой стороны, тот, кому плохо удается сосредоточиться на видимом образе, рискует с досады впасть в крайность «иконоборчества» и отказать воображению в возможности вообще хоть как-то представить Божество, установить с Ним некую внутреннюю связь. Однако, пишет Лушников, опыт и восточной и западной христианских традиций свидетельствует о несостоятельности такого вывода. Да и искусство иконописи было бы невозможно, отсутствуй у иконописца воображение, — ведь *«он должен сначала вообразить в себе Бога, обожиться, напечатлеть Его образ в себе»*. Воображение, настаивает Лушников, — ключевая способность для духовной жизни. Как и любой талант, оно таит в себе различные опасности, но это совсем не означает, что верующий должен категорически отвергать в себе это качество или, наоборот, предаваться дикой и необузданной фантазии.

ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ в советской России посвящена статья **Алексея Беглова «Церковная оппозиция в 1940-е годы»** («Альфа и Омега», № 2 (46)). Автор рассматривает те расколы внутри Русской православной церкви, которые последовали за смертью патриарха Тихона и декларацией митрополита Сергия (1927 год). Центральный пункт всех расхождений — представления о путях и методах, согласно которым может осуществляться сотрудничество церкви и власти. Тут сразу же наметилось несколько решений. Первый путь ставил церковь в полную зависимость от советского государства. Именно это предлагали обновленцы, в результате чего их не признало большинство верующих. Второй вариант предполагал полное размежевание церкви и власти, что переводило верующих в подполье и в перспективе было чревато полным уничтожением церковной жизни. И, наконец, — политика компромиссов, направленных на легализацию церкви. Уступки были очень серьезными, результаты — внешне противоречивыми, но именно этот путь избрали значительная часть епископата, священников и мирян — те, кто и представлял в 40-е годы официальную церковь. Так что, говоря об оппозиции, Беглов имеет в виду прежде всего именно «правые» расколы — то есть тех, кто в той или иной степени не признавал ни советскую власть, ни Московскую патриархию. Такая оппозиция, сформировавшаяся еще в 20–30-е годы, была в основном трех типов. Наиболее радикальная часть верующих считала советскую власть «антихристовой», церковь, возглавляемую митрополитом Сергием безблагодатной, а ее таинства — недействительными. Более умеренные обвиняли митрополита Сергия в превышении полномочий и не признавали его сперва Местоблюстителем, а затем и Патриархом. Наконец, третью группу образовывали представители духовенства, считавшие неприемлемым находиться в качестве действующих патриархийных священников и ушедшие за штат. После избрания в 1945 году патриархом Алексия I (Симанского) большинство верующих присоединились к Церкви. Наиболее же радикальные противники советской власти ушли в глубокое подполье, столкнувшись с типичной для раскольников проблемой: отсутствием молодых священников, которые пришли бы на смену умирающим старикам. Постепенно руководителями таких незарегистрированных общин становились миряне, мужчины и женщины, а христианство в них зачастую вырож-

далось в самое махровое сектантство. В конце статьи Беглов дает краткий очерк эсхатологических сект, ожидавших второго пришествия Христа и власти антихриста. Еще до 1917 года были две такие группы: серафимовцы и иоанниты (соответственно — «почитатели» преподобных Серафима Саровского и Иоанна Кронштадтского). После октябрьского переворота к ним прибавилось еще несколько групп — в частности, иннокентьевцы, считавшие своего наставника иеромонаха Иннокентия третьим Лицом Святой Троицы. Общей чертой всех этих образований было стремление отгородиться от мира: не отдавать детей в школу, не принимать новых документов, не осваивать технику, не участвовать в переписи — иными словами, все то же, что мы наблюдаем и сегодня, слыша о печати антихриста в ИНН, новых паспортах и т.п. Увы, религиозная экзальтация и ожидания конца света характерны для верующих в любые эпохи.

Сегодня, пишет **Сергей Щербак**, автор статьи **«Новые религиозные движения и средства массовой информации в современной России»** («Страницы», № 11), религиозные культы многими воспринимаются прагматически, в результате чего **ВЕРОУЧЕНИЯ НАЧИНАЮТ КОНКУРИРОВАТЬ МЕЖДУ СОБОЙ** — как товары в своеобразном «духовном супермаркете». Конкуренция, в свою очередь, приводит к качественным изменениям в структуре: происходит стирание границ, каждая духовная практика стремится к универсальности, стремится удовлетворять потребностям самых разных людей. По этой причине в современном мире перестает работать критерий «традиционности» — единственный, по мнению автора статьи, критерий, который помогает отличать «респектабельные» практики от «сектантских». Так что те духовные практики, которые христианство рассматривает как «секты», светский религиовед сочтет естественным продолжением «старых верований». Щербак уверяет, что обвинения, которые сегодня бросают «сектантам» со страниц газет и экранов телевизоров, могли быть применимы и к мировым религиям — особенно на раннем этапе их существования. Так, для первых христиан характерен весь «джентльменский набор» стандартной «секты» — и бегство от социума, и разрушение семей, и истязание плоти, и отказ от профессии, и стремление к мученичеству. И вообще интенсивность религиозного переживания не зависит от того, выбрал человек «традиционное» учение или «маргинальное». Однако никто почему-то не хочет понимать, что в «духовном супермаркете» все товары примерно одного качества, и если, с обидой пишет Щербак, в сознании некоторых православных неофитов происходят какие-нибудь неприятные изменения, на это не принято обращать внимание, ведь православие в России воспринимается как культурный символ. Зато «маргинальные» религии находятся под очень пристальным наблюдением, и любые проявления излишней «религиозности» тут же становятся заметными и воспринимаются как доказательство неблагонадежности самого духовного учения. А уж лидеров новых религиозных движений и вовсе подозревают и в корыстолюбии, и в «зомбировании» адептов, и психической неполноценности... Короче говоря, делает вывод Щербак, новые религиозные движения безосновательно обижены. По прочтении этой статьи хочется облегченно вздохнуть: если все дело лишь в том, чтоб *удовлетворять потребность в религиозном переживании*, то, стало

быть, в этот «несправедливо обиженный» духовный универсам можно и не заглядывать.

Движение бритоголовых фашиствующих подростков **СКИНХЕДОВ**, на первый взгляд, не имеет никого отношения к религиозной жизни в стране. Однако, как указывает социолог **Александр Тарасов («Меняющиеся скинхеды. Опыт наблюдения за субкультурой»** — «Дружба народов», № 11), формирование и развитие этого движения поразительно напоминает механизмы создания новых идеологий и религиозных движений.

Возникновению и развитию всякого рода «сект» способствуют одни и те же факторы: во-первых, «неоднородность» общества (по уровню жизни столица и крупнейшие города резко отличаются от провинции); во-вторых, огромная территория, перемещение по которой затруднено (что приводит к созданию достаточно изолированных групп); и наконец, в-третьих, разный уровень доходов населения. Сегодня, пишет Тарасов, внутри этой субкультуры происходят изменения, в том числе усложнение, ужесточение и упорядочивание иерархии. Разнообразие течений и активное распространение приводят к размытию «ортодоксальной» идеологии. Смещаются и акценты — так, во многих городах главным противником становятся не представители другой национальности, а носители другой идеологии. Кое-где происходит сращивание молодых «наци» с местным криминалитетом. Весьма опасной тенденцией Тарасов считает то обстоятельство, что идеология скинхедов признается «своей» в мещанской среде. Это первая западная идеология*, замечает автор статьи, не вызвавшая инстинктивного отторжения у обывателя. Тарасов полагает, что к популярности скинхедских идей в массовом сознании привела деятельность Путина, при котором не решен национальный вопрос, в обществе растут ксенофобские настроения и активно проводится антимусульманская кампания, а положительными историческими примерами служат *«монархическо-православно-великодержавно-антиреволюционные (говоря другими словами, черносотенные) образцы»*. Так оно или нет, однако сегодня скинхеды стали более лояльными к власти, а режим Путина они считают почти «правильным».

Попытки приписать все беды иноверцам и инородцам осуществлялись в России еще в те времена, когда о скинхедах никто не слышал. В частности, об этом статья **протоиерея Максима Хижина «История одного расстриги: иеромонах Илиодор (Труфанов)»** («Альфа и Омега», № 2 (46)). Герой публикации — личность, примечательная во всех отношениях: сперва иеромонах с крайне правыми взглядами, затем расстрига с крайне левыми и, наконец, эмигрант, окончивший свою жизнь швейцаром в одной из американских гостиниц. Однако не биография этого человека представляет собой самую важную ценность для анализа, а те народные чаяния, которые очень точно ловил и воплощал «смиренный инок», действиями которого всегда руководили два поводыря — *«политическая целесообразность и крайний конформизм»*. Автор приводит несколько характерных примеров. Вот Илиодор в «Почаевских листках» выпускает воззвания «Люди, освобождайтесь от

* Движение скинхедов (skinhead — бритоголовый (*англ.*)) зародилось в Англии в середине 60-х годов.

жидов». Вот устраивает грандиозные «крестные ходы», в которых участвуют более тысячи человек, несущих громадные исторические полотна «Русь идет», «Николай II», «Государыня и наследники», «Смерть Сусанина», «Минин» и т.п. Вот сжигает «гидру революции», а потом угощает народ колбасой, квасом, конфетами и виноградом... Все эти примеры, по мнению о. Максима, свидетельствуют о недобрых процессах, происходящих в Православии, в котором с начала XX века появилась тенденция к политизации, превращению крестных ходов в демонстрации, а молитв — в манифестации.

В числе представителей **ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ** автор вспоминает также архиепископа Никона (Рождественского) и священника Григория Гапона. Что же до самого Илиодора, будущий расстрига не гнушался стилизовать свои действия под подвиг юродства: употреблял в беседах, проповедях и телеграммах ненормативную лексику, демонстративно общался с холерными больными, разогревал у своих последователей религиозную экзальтацию и открыто не подчинялся церковной иерархии. Результат оказался парадоксальным: *«Правый радикал Илиодор, сторонник "охранительного" Православия, был, скорее, типичным левым реформатором христианства»*. Его усилиями Православие превращалось в политическую религию, в лишенную всякого метафизического начала социальную веру. Эта-то «социальная вера» и привела Илиодора сперва к конфликту с церковной иерархией, а потом к решению о снятии с себя сана и отречению от монашества. Неудивительно, что именно Илиодор наряду с Григорием Распутиным стал символом того кризиса, который переживала Православная церковь в последние годы перед переворотом 1917 года... В своей «второй жизни» Сергей Труфанов будет теми же самыми методами проповедовать большевизм: «принесет покаяние» на могиле Толстого, попытается предложить свои услуги новой власти, а затем создаст секту «Новая Галилея». В конце концов, он умрет в бедности в эмиграции.

Одной из острых проблем нашего времени остаются взаимоотношения западной цивилизации и ислама, сложность которых ярко проявилась в недавних событиях в пригородах Парижа. «Бунт предместий» поставил перед европейцами целый ряд сложных вопросов. Однако **Оливье Руа**, известный французский исследователь ислама, заявляет в своем интервью, что **«Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы...»** («Иностранная литература», № 9). Просто отношение Старого Света к мусульманам зависит от целого ряда устойчивых мифов, мешающих видеть реальное положение вещей. Наиболее распространенным заблуждением Руа называет «эссенциализацию» ислама, то есть попытку свести его *«к неизменной величине, с помощью которой можно объяснить все, что угодно»*. Подобное упрощение приводит к тому, что религия начинает казаться корнем и средоточием всех проблем и, соответственно, виновницей всех бед. А ведь ислам вовсе не является какой-то особой проблемой: *«проблему создает деяние, а не та или другая религия»*. К тому же под исламом Европа часто понимает его самую консервативную и нетерпимую разновидность, как бы говоря последователям пророка Мухаммеда: чтобы интегрироваться в наше общество, вы обязаны реформировать свою религию. Очевидно, что подобные призывы не способствуют диалогу между людьми и культурами. Кроме того,

отмечает Руа, нередко происходит смешение национального и религиозного аспектов: говоря «араб», как правило подразумевают «мусульманин». Но это недопустимо, *«следует проводить четкую границу между этнической и религиозной принадлежностью — как в юридическом, так и в мировоззренческом плане, — хотя статистика показывает, что они безусловно тесно связаны между собой»*. Подобный подход не только ведет к нарастанию напряженности с обеих сторон, он делает возможной сознательную подмену понятий, что, в свою очередь, позволяет политикам провозглашать антииммиграционные лозунги, избегая при этом обвинений в расизме. Много путаницы, по мнению Руа, происходит оттого, что Франция до сих пор так и не определилась с понятием «секуляризация», что не мешает ей все более активно и бесцеремонно выстраивает свою политику в отношении к исламу. Во всем происходящем Руа видит кризис французской идентичности, страх перед неуправляемостью предместий, которые побуждают общество искать причины собственных проблем вовне — в представителях другой культуры и религии. Стоит ли говорить, что мусульмане — идеальные кандидаты на роль «чужих», и не только во Франции.

Журнал «Слово\Word» (№ 52) публикует статью **Владимира Кантора «Лев Толстой как предшественник большевизма»**. «Яснополянский пророк», утверждается в статье, имел столь огромное влияние на умы, что основные принципы его вероучения позднее были взяты на вооружение Владимиром Лениным. Кредо позднего Толстого Кантор понимает как сознательный призыв к примитивизму ради блага простого народа, сведение потребностей к минимуму и жестокий сверхморализм. Цитируя слова Чехова о том, что *«Толстой невежничает с великими вопросами»*, автор статьи указывает, что именно идею «невежничания с великими вопросами» радостно подхватили большевики и отдельные представители советской литературы. Одни кинулись взрывать храмы и памятники, а вторые (например, Александр Блок) — подкладывать под это идеологическое и мифологическое основание. Подобный же революционный подход, по мнению Кантора, отразился на отношении Толстого к религии и самому себе: писатель «преодолевает» историческое христианство и предлагает *подлинно народное,* с его точки зрения, учение о Христе. Он с легкостью переступает и через исторического Иисуса, и через Евангелия, предлагая вместо этого некое единение с природой, не в последнюю очередь обусловленное собственным сильным страхом смерти. Толстой, рассматривавший христианство лишь в качестве учения, «дающего смысл жизни», указывает Кантор, не только создавал собственное «евангелие», но и воспринимался многими современниками как предтеча антихриста. Таким его видел Владимир Соловьев. Бердяев же писал: *«В своих духовных поисках, в своем мировоззрении Толстой — "богоборец", встающий вровень со Христом»*. Этой идеей, полагает автор статьи, соблазнились большевики, сперва создавшие собственный пантеон. Находит Кантор у Толстого также и *«прямое предвестие государственной политики большевиков и маоистов по созданию исправительно-трудовых лагерей для интеллигенции, где физический труд должен был оздоровить их мозги»*. Речь идет об идее Толстого лечить людей своего круга от «умствований» с помощью восьмичасового физического труда...

Конечно, никак нельзя сказать, чтобы в констатации всех этих примет и проявлений знаменитого «культурного нигилизма» Толстого В. Кантор был сколько-нибудь оригинален. На эту тему написано множество текстов, в том числе и объясняющих мировоззренческий генезис толстовского «нигилизма». Но, по крайней мере, в одном новаторском открытии В. Кантору никак не откажешь: только теперь, благодаря ему, мы, наконец, можем уразуметь, что это именно Толстой во всем и был виноват, ибо не будь его, и большевиков, глядишь, не было бы. Ведь это именно его слово, подхваченное, как выявил В. Кантор, большевиками, и сдетонировало на просторах Руси великой, произведя взрыв, с последствиями которого мы никак не можем справиться до сих пор... Словом, Лев Толстой не просто *зеркало* — он еще и основная *причина* русской революции...

Обзор подготовил Андрей Зайцев

От редакции

В прошлом выпуске «Континента» в разделе «Гнозис» была опубликована беседа члена редколлегии нашего журнала Александра Кырлежева с Ольгой Седаковой, посвященная проблеме свободы. В ходе разговора был обозначен целый ряд очень важных аспектов этой темы, в том числе и ее спорные, проблемные зоны. Но в целом в опубликованном тексте беседы доминирующим оказался подход, который предполагает лишь одну из возможных интерпретаций свободы, более того — подчеркнуто личную, связанную с ярким индивидуальным своеобразием творческой личности Ольги Седаковой и обнимаемую рамками лишь определенной традиции. В этой связи Александр Кырлежев выразил готовность поделиться и своими соображениями, выходящими за те концептуальные рамки, в которых эта тема была затронута в предыдущем номере. В предлагаемых вниманию «Заметках о свободе» проблема свободы рассматривается под иным углом зрения.

Александр КЫРЛЕЖЕВ

ЗАМЕТКИ О СВОБОДЕ

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа...

Александр Пушкин

К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти...

Апостол Павел (Гал 5:13)

1

Свобода — одно из самых сложных, многозначных, а значит — и спорных понятий. Задаваться вопросом о свободе и пытаться его продумать можно по-разному — и по разным причинам.

Александр КЫРЛЕЖЕВ — родился в 1957 г. в Москве. Закончил Московский институт культуры и Московскую духовную семинарию. Работал в «Журнале Московской патриархии», в газете «Русская мысль», в Центре по изучению религий. Научный консультант Синодальной богословской комиссии Русской православной церкви, преподаватель кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии государственной службы. Автор многих богословских и литературно-публицистических статей. Член редколлегии «Континента». Живет в Москве.

Прежде всего другого свободу нужно обозначить как один из «экзистенциалов» — понятий, обнимающих собою самые существенные аспекты человеческого существования в мире. Свобода в одном ряду с бытием, ничто, смертью, жизнью, любовью, радостью, страданием, «другим» и даже Богом. Вопрос о свободе — один из «проклятых вопросов», или «вопросов жизни», а потому он по необходимости включает и вопрос о месте свободы в системе и иерархии ценностей. Каково соотношение свободы и других экзистенциалов? Является ли свобода одной из основополагающих ценностей, или же ее место — в ряду ценностей второстепенных, служебных? А может быть, свобода — вообще не ценность? Или даже, хуже того, — «антиценность»?

Понятно, что искать ответы на эти теоретические вопросы побуждает уже сам по себе теоретический интерес — сама загадка, сама проблема свободы.

Однако есть здесь и другой побудительный стимул, укорененный в запросах общественной и индивидуальной жизненной практики. Общественная жизнь требует определенного консенсуса вовлеченных в нее участников — определенного согласия относительно того, как осуществлять эту общую жизнь и деятельность. Но в том, что касается свободы, такой консенсус в последнее время в нашем общественном сознании, судя по всему, отсутствует. Понимание свободы в ее различных измерениях — политическом, правовом, нравственном, религиозном и проч. — скорее разводит людей по разным лагерям и позициям, нежели объединяет. Все это тоже побуждает нас вновь обращаться к теме свободы. Внимательно всматриваясь в основные стереотипические представления о свободе, бытующие в обществе, мы тем самым получаем возможность попытаться подойти к существу вопроса.

2

У слова «свобода» много значений. Наше недавнее прошлое — и советское, и постсоветское — на первый план выдвигало свободу в смысле *освобождения* от ограничений и стеснений, снятия запретов, открытия новых возможностей для жизни и действия. В этом случае свобода понимается от противного — как противоположность той или иной несвободе — подчинению каким-то внешним силам, духовному и даже физическому ограничению. Соответственно, свобода мыслится как то, что должно возникнуть в тот самый момент, когда снимаются «тяжкие оковы»; более того, она как бы персонифицируется — и может встретить, «принять» освобожденных узников у врат темницы...

Но при таком понимании свобода лишена какого-либо позитивного содержания — она просто антипод неволи. Она «приходит нагая», если воспользоваться другим поэтическим примером, и ее главная характеристика состоит в том, что она сообщает вчерашнему заключенному возможность испытать полную независимость от любой власти как врага свободы — от власти, которая «бросала в темницы». Мало того — и от самой по себе высшей власти вообще: свобода — это возможность «беседовать с Небом на ты». Полный простор, безграничность возможностей — *воля*...

Какое бы определение ни давать свободе, в нем всегда будет этот элемент: противопоставление свободы ее отсутствию, недостатку или отрица-

нию, диалектическая связь свободы с несвободой. И даже слово *возможность* предполагает здесь присутствие невозможности, то есть ограниченность, закрепощенность. Вот только два примера.

Из словаря В. Даля: «*Свобода* — своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стесненья, неволи, рабства, подчинения чужой воле».

Из «Новейшего философского словаря»: «*Свобода* — универсалия культуры субъективного ряда, фиксирующая возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания».

Тем не менее даже и в таком, как будто бы сугубо негативном определении свободы *как свободы от несвободы* открывается нечто важное и позитивное: свобода именно потому так связана с несвободой, так зависима от того, что ее ограничивает и подавляет, что она есть синоним выражения «быть собой». Именно на это указывают такие определения Даля, как «*своя* воля», «возможность действовать *по-своему*» и просто «*простор*». А как быть собой (в смысле: принадлежать самому себе, самому распоряжаться собой, быть «особой», «особенным», то есть неповторимым) — как быть собой, если внешние силы тебя стесняют и порабощают, ставят тебе преграды, ограничивают сферу твоей жизни и деятельности, навязывают чужую волю?

Свободе нужен простор.

Но простор может быть разный. В некотором высшем, предельном смысле простор только один: это ощущение просторности мира, в котором пребывает и живет человек, мира, который совпадает с пространством жизнедеятельности, а потому и свободы. В этом случае свобода совпадает, отождествляется с самим бытием, так что нет никакого зазора или противоречия между бытием и свободой. Однако это экстраординарный опыт, особенное, редкое, почти трансцендентное переживание — трансцендентное по отношению к обыденности, к обычной суете мирской жизни.

В обыденности же «простор свободы» по необходимости разделяется: на простор, который может быть «в душе», и на то внешнее по отношению к душе пространство «деятельности и поведения», которое отводится человеку в социальной жизни. Ведь в общественной и даже в природной среде обитания область реализации свободы человека действовать *по-своему* всегда ограничена. А согласно радикальному взгляду, общество всегда чуждо, враждебно и репрессивно — даже тоталитарно. Отсюда возникает представление, которое распространено в определенной части нашего общества (и не только нашего). Это представление о *«двух свободах»* — свободе внешней и свободе внутренней.

Это первый стереотип, на котором мы хотели бы остановиться.

3

Само по себе разделение свободы на внешнюю и внутреннюю естественно и является прежде всего констатацией факта. Действительно, бывают ситуации, когда *я не могу говорить свободно, но могу думать свободно* или когда *меня заключили в узы* (телесно), *но внутренне* (духовно) *я чувствую себя свободным*. Речь идет о том, что даже в условиях внешней несво-

боды человек способен иногда переживать отсутствие внутреннего стеснения: это и есть «внутренняя свобода».

Если говорить о христианском понимании свободы (а мы в дальнейшем сосредоточимся именно на этом понимании), в данном случае уместно вспомнить о другом расхожем представлении — представлении о христианстве как о «религии рабов». Любители спекулировать на этой формуле забывают, что в христианстве «рабом Божиим» человек называет себя ***сам*** — и называет перед лицом Бога. Самоидентификация христианина как *раба Бога* коррелирует с другим представлением — о том, что человек не должен быть рабом другого человека: *«Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков»* (1 Кор 7:23). Отличие такого религиозного «самопорабощения Богу» от социального феномена рабства очевидно. И когда в древности раб, став христианином, называл себя рабом Божиим, он действительно становился в некотором *внутреннем* смысле свободным, ибо теперь его жизнь определялась не только и не столько социальным статусом раба, сколько духовной (внутренней) свободой, обретенной в Боге.

В то же время эта классическая ситуация «свободного раба» указывает лишь на один способ разрешения проблемы свободы: когда конфликт между, с одной стороны, внутренней потребностью в жизненном просторе, объем которого совпадал бы со всем внешним миром, и, с другой, реальной ограниченной возможностью реализовать свободу во внешнем природном и социальном пространстве разрешается путем своего рода «сублимации», перенесения самого «места» решения проблемы в возвышенную, духовную сферу. На уровне социальной обыденности раб остается рабом, а освобождение он обретает в результате некоего *экс-стасиса* — выхода из социального пространства в пространство «духовное».

В этом случае и возникает различение, а точнее, разделение свободы на внешнюю и внутреннюю. И получается, что внешняя свобода — это свобода политическая в широком смысле (в смысле «полиса» как человеческого Града, сообщества людей). А свобода внутренняя — это свобода человека перед лицом всего мира, или Бога, или самых близких «других», а потому свобода *от* социума. Иначе — свобода анахорезы.

И когда акцент делается именно на внутренней свободе — как самой существенной, так сказать, *едином на потребу*, — это значит, что вопрос о внешнем стеснении свободы, по существу, снимается. «Истинная свобода — в духе». Проблема свободы перемещается внутрь человека, поскольку считается, что именно «внутри» совершается все самое главное. И тогда значимое различение свободы внешней и свободы внутренней превращается в разделение и, в конечном счете, в противопоставление, образующее некоторую первичную структуру «идеологии свободы».

4

Однако это ложное противопоставление. Потому что когда мы перемещаемся из внешней (политической) области во внутреннюю (духовную), то и там мы встречаемся с той же двойственностью свободы. Ведь я могу быть и внутренне стесненным своими спонтанными устремлениями, «хоте-

ниями», потребностями и реакциями, поскольку они мною не контролируются. По отношению к этим внутренним движениям я несвободен, то есть они выступают в отношении меня самого как «внешние». Эта внутренняя несвобода может принимать крайние формы самопорабощенности и одержимости.

Классическим христианским текстом, выражающим эту ситуацию, являются слова апостола Павла: *«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех»* (Рим 7:19-20).

Вывод прост: несвобода — всегда *внешняя*; диалектика внешнего и внутреннего присутствует и в том «духовном» пространстве, которое обычно противопоставляется пространству «политическому».

А это, в свою очередь, означает, что локусом, или «местом», свободы является не какое-либо *пространство* — космическое, социальное или духовное, которое окружает человека, — *а сам человек в качестве субъекта свободы*. Человек обнаруживает внутри себя внутреннюю дистанцию, осознает себя «другим» по отношению к самому себе, и его психосоматическая природа также выступает как внешнее, «окружающее» по отношению к этому «месту» его свободы.

Свобода — всегда внутреннее, она всегда отодвигается к самой сердцевине человеческого жизненного мира, в ту точку, где исток отношения человека ко всему миру — ко всему *«иному»*, включая и его самого. В этом смысле свободу можно отождествить *с личностным центром человека*, а пространство ее осуществления — со сферой *безличного* и сферой межличностного. Именно поэтому свобода всегда связана с несвободой, с принуждающими воздействиями извне и, наконец, просто с тем или иным конкретным контекстом ее реализации, который задает ей определенные границы. Это и безличные физические, психологические, социальные и прочие воздействия, и личностные акты других людей — то есть проявления *их* свободы.

Так возникает тема «заботы о себе» и «работы над собой»; или пушкинское же «учитесь властвовать собою». Ибо *«кто кем побежден, тот тому и раб»* (2 Петр 2:19).

Но разве не об этом говорят сторонники противопоставления свободы внешней и внутренней, переносящие акцент на необходимость внутреннего делания, нравственного и духовного исправления и совершенствования? Разве самым главным является не освобождение человека от своих дурных наклонностей и греховных страстей?

Разумеется, это общее соображение справедливо. Но вопрос состоит в том, что происходит с пониманием свободы и с ее оценкой, когда в центр внимания поставлено именно *освобождение*, хотя бы и духовное. Ведь пафос освобождения логически связан с пониманием свободы как некоей открывающейся, являющейся реальности, погружение в которую или стяжание которой снимает, в сущности, самое проблему свободы — так сказать, *освобождает* от свободы. В этом случае и возникает синдром вольноотпущенника: освобождение как снятие ограничений и запретов. На что? На проявление того, что предстает перед нами как чистое, «пустое» своеволие.

5

Понимание свободы прежде всего как освобождения порождает и другой стереотип, также заключающий в себе противопоставление — на этот раз *свободы выбора* и *свободы в Истине*. Это противопоставление может присутствовать в разных системах представлений, как религиозных, так и светских, где существует понятие общей Истины — Истины, которая сообщает содержание правильных выборов и указывает на выборы ложные, вредоносные. Свобода здесь понимается именно как освобождение от склонности делать неправильные выборы, чтобы, так сказать, остались только правильные выборы. Достижение такого состояния и будет означать «переход в царство свободы», в котором добро окончательно побеждает зло.

Такой подход связан обычно и с соответствующей довольно четкой ценностной иерархией: свобода выбора (между добрым и худым) рассматривается в качестве более *низкой* ценности по сравнению с пребыванием в добре (или освобождением от зла), когда выбор уже не нужен.

Подобную установку можно назвать перфекционистской[1], но нас здесь интересует другое. А именно то, что происходит со свободой: свобода в данном случае противопоставляется ее правильной реализации. Что с логической точки зрения абсурдно.

Иными словами, свобода не только понимается как ценность низшая по сравнению с Истиной, но, именно будучи ценностью, оказывается участником ценностного конфликта.

Почему это происходит? Потому что свобода рассматривается как такая же ценность, как Истина, Добро, Красота. А поскольку выборы, которые делает человек в силу своей свободы, могут быть и бывают как истинными, так и неистинными, как добрыми, так и недобрыми, свобода с этой точки зрения разделяется на хорошую и плохую — в зависимости от результатов ее реализации. Как следствие, свобода как таковая становится опасной для Истины и Добра — и ради Истины и Добра ее следует нейтрализовать. А потому акцент и переносится со свободы как возможности выбора на ее понимание как *освобождения* — от зла во имя торжества добра. В качестве противовеса освобождению ради неограниченного своеволия предлагается освобождение в послушании Истине, в следовании этическим и прочим предписаниям и заповедям.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с логической путаницей.

Чтобы избежать такой путаницы, следует прежде всего различать ценности *содержательные* и ценности *модальные*. Первые обозначают некое *что*, а вторые — *как*. Например, способность ходить является одним из модусов существования человека. Реализуя эту свою способность, человек может «ходить на совет нечестивых» (Пс 1:1) или, наоборот, в собрание благочестивых. Но саму способность к хождению невозможно квалифицировать с точки зрения благочестия или нечестия.

Если, вопреки детерминистам, признавать свободу человека и если, в соответствии с общепринятой моральной аксиомой, считать человека существом нравственно вменяемым, то есть ответственным за реализацию своей

---

[1] В данном случае имеется в виду стремление к предельному совершенству в нравственной жизни. — *Прим ред.*

неотчуждаемой свободы, то нужно отличать свободу как категорию модальную от таких категорий, как добро и зло, которые являются нравственно содержательными. Соответственно если считать свободу ценностью, то нельзя забывать, что она иная по своему характеру в сравнении с такими ценностями, как истина, благо или прекрасное.

Свобода — *модальная* ценность, и в качестве таковой она содержательно пуста. Свобода есть та инстанция, которая позволяет человеку совершать как что-либо благое, так и что-либо злое. Никакие нравственно вменяемые деяния или поступки невозможны помимо инстанции свободы. Похвальными или предосудительными могут быть лишь конкретные следствия проявления свободы, а не сам ее «механизм». В качестве такой инстанции или «механизма» свобода не поддается делению — на хорошую и нехорошую, как нельзя разделить способность видения, хождения или владения какими-либо инструментами.

Опираясь на эти незамысловатые рассуждения, нетрудно понять, что все разговоры о необходимости согласовать свободу с нравственностью относятся не к проблеме свободы как таковой, а собственно к нравственной сфере в ее теоретическом и практическом аспектах. Чтобы делать правильные выборы, нужно обладать способностью нравственного суждения и руководствоваться нравственными императивами. Свобода же, будучи лишь инструментом нравственного выбора, здесь ни при чем.

Но свобода соприкасается с нравственностью в сфере ценностей. Ведь вопрос заключается в том, признается ли подлинной ценностью сама свобода в ее *модальном качестве*. И если да, то какое место ей отводится на аксиологической шкале.

Так, вполне возможно, что более значимой, чем свобода, может признаваться ценность патернализма — то есть переноса своей ответственности на «старших». В последнем случае свобода выбора замещается свободой послушания. Разумеется, послушание также предполагает выбор, но это выбор существа инфантильного, то есть не вполне вменяемого. Послушание предполагает не непосредственный личный опыт добра и зла как результат сделанных выборов, а опыт порицания и похвалы, наказания или поощрения, то есть получение сведений о добре и зле из вторых рук. В таком случае происходит как будто несущественное, а на самом деле весьма значимое смещение всей проблематики свободы и ответственности.

Это касается и того стереотипического противопоставления, о котором мы говорили выше: свобода выбора versus свобода в Истине. И особенно сильно это противопоставление порой проявляется в религиозном сознании. Поэтому следует обратиться к тому, как свобода понимается в богословии.

6

В христианстве свобода напрямую связана с Истиной: *«И познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин 8:32). В данном случае истина — это Сам Бог, открывшийся в Иисусе Христе. Очень важно, что открывающийся человеку Бог выступает не как Верховный Начальник и даже не только как Отец, но именно как Истина, которую можно познавать.

Истина в широком смысле есть обнаружение того, как на самом деле устроена реальность, в которую мы погружены и частью которой являемся. Истина религиозная имеет всеобъемлющий, можно сказать — *тотальный* характер. И потому — в идеале — имеет решающее значение для всей жизни человека, поскольку призвана определять весь его жизненный мир, индивидуальный и сверхиндивидуальный.

Но принять в качестве истины Бога как последнюю Истину мира и человека можно только свободно, ибо несвободное принятие не может быть всеопределяющим и, соответственно, не будет иметь ожидаемых последствий. Во всяком случае, для христианства это так, и прежде всего потому, что Сам Бог сотворил человека свободным.

С богословской точки зрения свобода человека постулируется его тварностью. Бог творит мир и человека в мире из ничего, не побуждаемый к этому никакой необходимостью, внутренней или внешней. И творит Бог человека по Своему образу, как бы глядя на Себя. Иначе говоря, в творении проявляется свобода Бога и полагается свобода человека как радикально *Другого* — значит, не детерминированного Богом и в этом смысле свободного от Бога-Творца.

Богослов Владимир Лосский дает такое определение свободы: свобода есть «способность внутреннего самоопределения (греч. *autexousia* — самовластие), в силу которого человек сам является началом своих действий». В свободе человека проявляется его со-образность Богу, Который не определяется в Своем бытии ничем, кроме Себя Самого как самовластного субъекта. И человек как самовластный, самоопределяющийся субъект *обречен* творящим Богом на свободу. Сама сотворенность человека означает, что только посредством инстанции свободы он может преодолеть онтологическую пропасть, отделяющую его от Творца.

Библейская история грехопадения праотцев указывает с христианской точки зрения на переломный момент в судьбе этого сотворенного человека. Эту историю можно прочитать, в частности, и как историю *взросления* человека, который изначально существует в поле напряжения между добром и злом, хотя для него это и неочевидно. Адам находится в инфантильном состоянии и в патерналистской ситуации: он знает только позволения и запреты. Он не знает зла, а значит, и добра, но зло обозначено для него: это то, что кроется за запретом, ибо если что-то запрещено, значит, это недолжное, враждебное всему остальному, разрешенному.

Как и всякий ребенок, он может опытно узнать, что огонь жжется, только если, вопреки запрету, поднесет к огню руку. Последствия очевидны: он обожжется и узнает, что в мире есть то, что приносит ему вред. Нарушив запрет и реализовав тем самым свое самовластие (в буквальном смысле — как проявление своей собственной воли-власти *вопреки* сообщенной ему воли Бога), он обнаруживает поляризованность своего жизненного мира. Это конец детской райской жизни и наступление зрелости: он узнал истину о существовании добра и зла.

В христианстве это событие обозначается как грехопадение, то есть впадение в грех. Это значит, что человек оказался не просто в ситуации нравственного выбора между добром и злом, но что в нем теперь постоянно

проявляется склонность к тому, что опознается как грех, которую он не может вполне контролировать. Грех есть не только *злое, которое делаю*, но и то, что я *делаю, когда этого делать не хочу*. То есть в данном случае речь идет о той внутренней несвободе, которая является внешней по отношению собственно к субъекту свободы. И эта внутренняя порабощенность, или одержимость, грехом требует *освобождения*.

Освободителем человека в христианстве является Бог, открывшийся в Богочеловеке Иисусе Христе. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом свободы: Бог освобождает свободного[2]. Первое грехопадение не уничтожает богообразности тварного человека — не уничтожает его свободы как самовластного субъекта. Ибо свобода является модусом человеческого существования, а не его содержательным наполнением, которое в определенной системе координат можно квалифицировать как доброе или недоброе, правильное или ложное, прекрасное или безобразное. Свобода — не об этом.

Будучи модальной категорией, свобода создает лишь «презумпцию виновности», выступает как «принцип вменения» определенных произволений или деяний. Само же вменение зависит от того, что понимается под истинным или ложным, добрым или злым. Только приняв нечто в качестве Истины, задающей систему координат, структурирующей жизненный мир, можно обрести ориентиры для свободы, которая сама по себе «слепа».

Порабощенность греховным страстям — это ущерб для самовластия человека в том смысле, что акты свободы не являются осознанными позитивными выборами: *«доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех»*. Поэтому *истина*, которая *сделает вас свободными*, — это освобождение свободы. А освобождение свободы есть ее актуализация.

Соответственно, противопоставление «свобода в Истине versus свобода выбора» следует признать ложным. Весь процесс освобождения человека (в христианском смысле) осуществляется посредством свободы. Истина воспринимается только свободно. Познание Бога есть познание свободы Бога-Творца и свободы сотворенного Им человека. На пути освобождения через познание Истины человек постоянно совершает акты свободного выбора, что и делает его духовный путь нравственно содержательным (в смысле результатов этих актов).

Более того, той Истиной, которая освобождает, является не теоретическое знание, а Сам Бог, с Которым человек вступает в общение, по определению свободное. Говоря строго, именно опыт этого общения, который является опытом приобщения к Богу, и позволяет человеку совершать нравственно позитивные (с точки зрения религиозной этики) акты свободного выбора.

---

[2] Несвободного освободить нельзя. Когда говорится, что «Бог не может нас спасти (=освободить) без нас», то речь идет именно о свободе человека, которая *есть*, несмотря на всю удобопреклонность падшего человека ко греху. И именно по причине *имеющейся* свободы грех, даже в ситуации порабощенности человека греховным страстям, именуется *грехом*, то есть *вменяется* человеку как недолжное и нравственно предосудительное.

Таким образом, инстанция свободы (или «работа свободы») необходима *до, во время и после* принятия человеком освобождающей христианской Истины. Свобода выбора есть условие свободы в Истине — то есть одновременно стояния в Истине и стояния в свободе. *«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»* (Гал 5:1).

7

Этим, однако, христианское богословие свободы не исчерпывается. Тема свободы закономерно возникла в ходе христологических споров в древней Церкви, в полемике с так называемой монофелитской ересью. Это был тот же вопрос о свободе Бога и свободе человека, который, однако, обрел новую остроту и сложность в учении о Богочеловеке.

Главным вопросом в учении о Христе как Богочеловеке является вопрос о соотношении в Нем божественного и человеческого.

Так называемый халкидонский догмат гласит, что Христос — всецело Бог и всецело человек, что в Нем неслитно и нераздельно соединились две природы, божественная и человеческая. Соединились они благодаря единству Его божественной Личности (ипостаси).

Однако позднее в Церкви возникли споры по вопросу о том, как трактовать проблему воли применительно ко Христу. Монофелиты утверждали, что во Христе следует мыслить *одну* волю, поскольку иначе разрушается единство Его ипостаси. Их противники возражали, указывая на то, что в таком случае возникает какая-то особая, третья, «природа Христа» — помимо его человеческой и божественной природ.

Решение было найдено благодаря богословию Максима Исповедника. Максим предложил различать две воли: волю *природную* и волю *гномическую* (от греч. *gnome* — ум, сознание, выбор). Первая есть воля, реализующая, осуществляющая естественные (природные) влечения, то есть являющаяся волевым выражением *самого содержания природы*. Вторая же, гномическая, — это воля *выбирающая*, то есть собственно свобода (свобода как модус существования), сама по себе не имеющая никакого изнутри заданного содержательного наполнения.

Собственно, посредством этого различения Максим и выявил свободный элемент, присущий сотворенным существам: гномическая воля относится к личности, то есть к каждому отдельному, уникальному субъекту существования. И тогда понятно, что Адам, действуя вопреки заповеди Бога, реализует именно эту волю, то есть свободу выбора. Одновременно понятно, почему грех Адама истолковывается как действие противоестественное: ведь заповедь Бога, которую нарушил Адам, по определению, должна соответствовать природе человека.

Таким образом, в человеке выявляется внутренний конфликт: между природной волей, которая есть выражение естественных склонностей и «хотений», заложенных Богом в природе человека, и волей выбирающей, в своем осуществлении целиком зависящей от свободного произволения человека, от его решения.

В случае же Христа дело обстоит иначе, так как у Богочеловека только одна ипостась — божественная. И, следовательно, у Богочеловека нет человеческой *гномической* воли — того «чистого произвола», который относится к личности, а не к природе. Христос соединяет в Себе две природы, тварную и нетварную, а значит, и восстанавливает согласие двух природных воль, разрушенное грехопадением Адама. В силу единства Его Божественной ипостаси эти две воли действуют в Нем симфонично — человеческая вслед за божественной. Иными словами, человеческая *природная* воля реализуется в «Человеке Христе» в соответствии с тем содержанием (или «логосом природы», говоря словами Максима), которое заложено Богом-Творцом.

Здесь, однако, возникает вопрос: насколько такая концептуализация, необходимая для того, чтобы соответствовать догматической истине о Христе, соответствует евангельскому повествованию? Как тогда понимать искушения и борения Христа, сам Его подвиг? Не порождает ли чисто умозрительное рассуждение о взаимодействии в Богочеловеке двух «природных воль» идею некоего автоматизма?

Такая опасность действительно существует. Не впасть в эту ошибку обязывает, однако, драматизм самого дела Христова — примирения между Богом и человеком. Об этом драматизме свидетельствует, например, гефсиманское борение евангельского Иисуса, Его «моление о чаше»: *«Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк 22:42).

В согласии так называемой природной воли человека с тем природным законом, который в человека заложен, также следует усматривать участие свободы. На это указывает само употребление слова «воля» — в словах Самого Христа и в богословии «двух воль». Христос потому и становится «другим Адамом», что исправляет ошибку Адама первого: в ситуации искушения Его человеческая воля следует воле божественной — единой воле Триединого Бога (ибо Сын Божий — «един от Святой Троицы»).

Здесь как раз уместно понимание свободы как переживания полноты бытия, как события всецело позитивного, в котором человек как бы «совпадает» и с миром, и с его Творцом, и с самим собой — таким, каким его замыслил Бог. Однако такое понимание не исчерпывает феномена человеческой свободы и той проблемы свободы, с которой человек постоянно сталкивается в своем повседневном существовании. *Событие* свободы действительно ускользает от концептуализации, но *акты* свободы нуждаются в понимании и истолковании.

Вернемся, однако, к гефсиманской драме Христа. С догматической точки зрения она состоит в том, что Его индивидуальная человеческая природа, в силу соединения с Богом, свободна от «закона смерти» (ибо Бог смерти не сотворил). Однако она должна быть добровольно предана Им на смерть ради искупления человеческого рода. И таким образом Богочеловек до конца, то есть вплоть до человеческой смерти, берет на Себя и претерпевает все последствия грехопадения, но — *кроме греха*.

Что значит «кроме греха»? Это значит, что Богочеловек может претерпевать немощи и искушения, свойственные человеку, но не может согрешить, то есть поступить вопреки воле Бога и, соответственно, «логосу» богоздан-

ной человеческой природы. «Человек Иисус» не может не победить искушения — потому что уже соединен с Богом в единой ипостаси Сына Божия, потому что во Христе нет человеческой ипостаси, или личности, а значит, и гномической (выбирающей) воли, которая есть в каждом человеке как ипостаси общечеловеческой природы.

Это богословие воли и свободы может показаться не вполне удовлетворительным, но в нем присутствует догматическая строгость, без которой трудно говорить о богословской логике.

В то же время нельзя не признать, что здесь возникают определенные опасности при истолковании этого богословия применительно к христианскому благочестию. Ибо подражание или уподобление Христу, являющемуся образцом для христианина, может быть понято и как своего рода отказ от свободы выбирающей воли — той самой гномической воли, которая стала «двигателем» греха Адама и его потомков, а потому и воспринимается порой как настоящая «причина» греха. Ведь «быть как Христос» означает в данном случае «не мочь грешить», то есть *быть свободным от человеческой свободы*.

Такой ход мысли опять же приводит к разделению свободы: на позитивную свободу как *освобождение* от порабощенности противоестественным греховным страстям и негативную свободу, отождествляемую с «производительной силой» греха, то есть с грехом как таковым. А потому, когда говорят «свобода», подразумевают волюнтаризм и «вседозволенность» падшего человека. Подобная логика способствует формированию такого типа благочестия, в рамках которого свобода приобретает почти исключительно негативное значение.

Однако богословие говорит о другом — а именно о том, что человеческая свобода неделима. Хотя следствием ложного выбора Адама и стала порабощенность человека своим греховным склонностям, которые приобрели форму одержимости, стали постоянно действующими *страстями*, само событие грехопадения не уничтожило (вопреки радикальной точке зрения) ни позитивности человеческой природы как таковой, ни свободной (то есть гномической) воли. И если выбор добра стал затруднен, то сам по себе свободный выбор остался неотъемлемым атрибутом человеческого существования. А потому человек, ставший на путь спасения и, соответственно, уподобления *Человеку Иисусу Христу* (1 Тим 2:5), как раз и должен постоянно осуществлять верные с точки зрения достижения своей цели выборы. Без инстанции свободы (гномической воли) невозможен не только нравственный выбор, но и само духовное освобождение. Будучи существом тварным, человек находится в ситуации свободного выбора *до* грехопадения и *после* грехопадения, *до* спасительного деяния Христа и *после* него.

8

Как видим, хотя в христианстве доминирует не столько пафос свободы, сколько пафос освобождения (отождествляемого со спасением), и, как следствие, постоянно присутствуют предостережения относительно недолжного употребления обретенной во Христе свободы, в *нем нет никаких веро-*

учительных оснований для враждебного отношения к свободе как таковой. Напротив, свобода здесь — конститутивный элемент существования, воистину экзистенциал.

В то же время для определенного типа религиозного сознания характерно стремление вводить противопоставления — свободы внешней и внутренней, свободы выбора и свободы в Истине, которые означают такое перенесение акцентов, которое оборачивается *борьбой со свободой* как опасной вседозволенностью.

В этом можно различить своего рода патерналистский синдром, жажду вернуться в то инфантильное, райское состояние, в котором пребывал Адам, и попытаться не повторить его ошибки: во что бы то ни стало следовать всем предписаниям и не нарушать запретов.

Но после грехопадения жизненный мир человека изменился. Теперь путь к Богу есть по необходимости путь многих проб и ошибок. Это путь духовной брани, испытания духов и целожизненного подвига. На этом пути свобода человека встречается со свободой Бога, Который — именно как свободный — не употребляет насилия и принуждения по отношению к творению. Только поэтому христианство и может говорить о том, что целью человека является богоуподобление, или обóжение.

9

Конечно, остается еще вопрос о «политическом» измерении христианского понимания свободы. Здесь мы вступаем в особую сферу межчеловеческих отношений, то есть сталкиваемся с фактом множественности субъектов свободы и плюрализма ценностных и мировоззренческих систем в рамках той реальности, которая называется современным обществом.

Но этот вопрос требует уже отдельного рассмотрения.

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике третьего квартала 2006 г.

«Вестник Московского университета» (серия «Философия») посвятил № 4 материалам IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» (МГУ, 24–28 мая 2005 г.). Наибольший интерес среди них представляет доклад известного философа и антропософа **Карена Свасьяна «О конце истории философии»**. Конец истории философии, постулирует автор, есть конец самой философии. Заметно это далеко не всем, поскольку конец философии не означает конца философствования, напротив, знаменует его расцвет. Внешним признаком смерти философии как раз и является характерное для нашего времени засилие *«взбесившихся дискурсов»* — болтовни, выдающей себя за философию. Однако философ — вовсе не тот, кто философствует, а тот, кто наделен особым *«органом чувства философии»*, подобным музыкальному слуху. Философ, указывает Свасьян, — прежде всего *«свидетель философии»* или, как в данном случае, ее отсутствия. Впрочем, смерть философии — это все еще философская тема — *«поворот философии на самое себя и последнее усилие осознать себя в тупике»*: ведь фундаментальные философские проблемы больше не решаются традиционными философскими средствами. Речь, собственно, идет об одной проблеме, главной: проблеме *«единого во многом»*. В известном смысле вся история философии есть не что иное, как вариации на эту тему, составляющие некую *«биографию»*, которая, как считает Свасьян, начинается с Платона (427–347 до н.э.), а заканчивается Максом Штирнером (1806–1856). Заканчивается именно потому, что, если Платон и последующая философия в целом занимались *всеобщими* принципами и законами мироустройства, считая единичное *«необходимым злом»*, то Штирнер потребовал абсолютизации как раз *единичного* — а именно самого себя, а не человека вообще[1], т.е. совершил *«философски невозможное»*. Однако основатель антропософии Рудольф Штейнер (1861–1925) видел здесь широкий горизонт и задавался вопросом: *«Не есть ли тупик платонизма в Штирнере начало действительно христианской мысли?»* Для Свасьяна же очевидно, что *«такой вопрос выходит за рамки традиционной философской концепции»*, а упразднение платонизма равносильно упразднению философии. Эта тенденция, по его мнению, наиболее явственно проявилась в философской антропологии, исходной точкой и центром своих размышлений полагающей человека. Разумеется, и антропология знает дуализм соотношения единичного и общего — человека как такового и идеи человека. Но именно здесь становится ясным, что попытка сформулировать, что же есть *человек вообще*, приводит нас к со-

[1] В отличие от Фихте, провозгласившего «Ich ist alles» (я есть всё), Штирнер в своей главной книге «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его достояние», 1844) заявил: «Ich bin alles» (я есмь всё).

держательно не обобщаемой *«поштучности единичного»*. К тому, что конкретный индивид может быть подведен под единое понятие только как существо биологическое; как существо же духовное — он уникален. И это-то обстоятельство заводит философию в тупик. Однако если мы даже согласимся со Свасьяном, что оставаться далее на почве платонизма невозможно, будет ли из этого с неизбежностью следовать вывод о конце философии? Может быть, просто стоит говорить о переходе к иной философской парадигме — *антропологической*, где не человек осмысливается из всеобщего, но всеобщее — из человека.

В лекции, прочитанной на открытии нового учебного года в московском Свято-Филаретовском институте, **Ольга Седакова** сказала, что живое творчество — это не столько следование уже имеющимся образцам, сколько создание новых (**«Цельность и свобода»** — «Кифа», № 15 (53)). Творчество — создание всеобщего, вселенски значимого, но приходит это общезначимое в мир через человека — *«живого, хрупкого и весьма несовершенного»*. И если сегодня великое творчество кончилось, то причину этого следует искать в нас. Для современного искусства характерен пафос вещи, которая была бы более создавшего ее художника, при том что античность и Средние века придерживались прямо противоположного правила: *«вещь не больше создавшего ее»*. Однако современный человек осознает себя *слабым* и *бедным*, «не в меру» великому искусству — как церковному, так и светскому. Такие слабость и бедность ведут к новому примитивизму и инфантилизму, которым недостает *благородства*, в которых *«экспрессия преобладает над вниманием»* и слишком много *«личного своеобразия художника»*, а по существу авторского произвола. И если с подлинным произведением искусства хочется быть, «дивиться» на него, то новые *«бедные вещи»* продолжительного созерцания не выдерживают. Просто подлинное великое искусство — это весть о ВСЕМ МИРЕ, неисчерпаемое, неистощимое во времени сообщение, обладающее катартической (изменяющей своего зрителя) силой. Современные же художественные произведения чаще всего поражают именно убожеством «своего МИРА». А *«МИР в человеке,* — говорит Седакова, — *это его мудрость»*, и сегодня мы рискуем остаться с человеком, *«у которого своим осталась только воля и простейшие ощущения»*. Наш *весь мир* на поверку оказывается не цельным, целесообразным и связным, а так называемой *научной картиной мира*: это мир абсолютно замкнутый, принципиально бедный смыслом и отношением, открытостью к Другому. Здесь нет целевых причин и телеологии, которыми пронизан мир Данте и Фомы Аквинского; вместо этого — мертвые причинно-следственные законы, объяснение всех действий снизу вверх, сведение высшего и более сложного к низшему и более простому. Но, согласно «научной картине», мир идет к упадку и тепловой смерти, здесь нет возможности объяснить, а значит, и ожидать повышения уровня и прибавления бытия. Именно в этой безнадежности и скрыт источник современной «слабости» и «бедности». В мире же Данте единственный закон — это Любовь, *этот* мир устремлен к усилению бытия и бессмертию; и на *такой* почве, с *таким* МИРОМ возможно великое творчество и великое искусство. Великие произведения искусства создавались в эпоху *цельного* сознания и *широкого* восприятия. Однако современный человек, даже бегущий из тюрьмы «научно-

го», «евклидова» мира в теоцентрический и «неевклидов» мир Данте, бежит лишь *«от научного детерминизма к магическому»*, неся с собой *«представление о реальности Силы и о немощности Любви»*. В результате целостность оборачивается опасностью тоталитаризма и интегристских утопий. В свете этой опасности современный человек склонен отказываться от цельности во имя свободы. Но в мире Данте цельность свободы не подавляет: *«Почему Дантов мир не утыкался в утопию? Потому, что его Принцип — Любовь — есть энергия, а не вещь»*. Может показаться, что речь идет о контрасте *веры* и *науки*, но, уточняет Седакова, — это контраст двух «наук» или двух «вер». В «научной картине мира» мы имеем дело не с наукой, а с *идеологией* научности. Современнос жс сстсствознание, напротив, оказывается близко *«подлинно богословской интуиции энергии и повышающейся организации»*.

Антропологический проект и эротология (наука о любви) **Михаила Эпштейна** получили развитие в новых его статьях. *Статья-поэма* **«Любовные имена»** («Октябрь», № 7) имеет подзаголовок: *«Введение в эротонимику»* и посвящена лингвистике и поэтике любовного имени. Особую роль в любовном дискурсе играет *имя собственное*, пишет Эпштейн, ведь главный признак любви — абсолютная единственность, уникальность ее предмета. Любовная речь на пределе невыразимости словом сгущается в имя любимого и им ограничивается, но в то же время это имя *«приобретает власть все определять собой»*. Имя любимого человека ищет в нас смыслового овладения миром через самоповтор в новых языковых формах. Оно не только многообразно варьируется посредством суффиксов или переносится на всевозможные вещи и события. Через многообразные грамматические трансформации оно стремится достичь максимального смыслового охвата. Так, например, имя собственное *«Ирина»* порождает целый языковой мир *«иризмов»*: существительные — *«иринность»*, *«всеирие»*, *«иринянин»*, прилагательные — *«иринчатое»*, *«иринистое»*, глаголы — *«иринеть»*, *«иринствовать»*, *«ириниться»*, наречия — *«иринно»*, *«иринчато»*, *«иринисто»*, даже междометие — *«ир!»*. Само слово «любовь» в контексте любви предстает слишком общим и поэтому также подлежащим вытеснению производным от имени любимой. В пределе любовь *«хочет Всего от своего предмета и хочет сделать его Всем»*. Здесь мы приближаемся к *райскому языку*, *языку до грехопадения*, который состоял, по убеждению Эпштейна, только из имен собственных. И этот давно утерянный райский язык заново возникает в любовной речи: *«Если Эдем как царство Бога-Любви еще не совсем исчез из мира, то место ему — в человеческой любви, язык которой и есть райский язык личных имен и единичных отношений»*. А развертывание имени собственного на мироздание в целом, беспредельно расширяющее смысл единичности, есть не что иное, как миф. Любовь к единичному существу, не устает подчеркивать Эпштейн, — это подлинный исток мифотворчества, для которого *«любимое становится Всем во всем»*. Сближая любовь с верой, а эротологию — с теологией, Эпштейн в завершение своих размышлений говорит, что наука о любви так же, как и богословие, нуждается в своей *апофатике*: любовную речь венчает любовное молчание, достигаемое через речевой опыт как выход за его пределы.

Целостное и неразложимое понятие «душа», пишет **Михаил Эпштейн** в статье **«О душевности»** («Звезда», № 8), оказалось с середины XIX века

изгнанным из психологии и философии как неточное, а следовательно, ненаучное. По убеждению же Эпштейна, неточных слов нет, есть лишь нечувствительные к языку люди и слово «душа» ожидает неизбежная реабилитация. Однако главная тема статьи не *душа*, которая объединяет человека с животными и даже растениями, а — *душевность*, которую автор характеризует как, *«может быть, самое человеческое свойство»*. Душевность он определяет как *меру деятельности* души, как *«интенсивный способ ее проявления в характере и межличностном общении»*. При этом ее следует отличать от эмоциональности, доброты и общительности. Это *«подвижность внутренней жизни, которая не ставит преграды между своим и чужим, между «я» и миром»*. Душевность *«проявляется вовне как симпатия, а внутренне — как лиризм»*. Составляющие душевности: искренность, теплота, участливость, сердечность, задушевность. Душевность — форма того слабого, приблизительного знания, которое только и позволяет обнаружить реальность *лица* или *души*. *«"Душевность"*, — пишет Эпштейн, — *это предельно точное обозначение той неточности, неточечности, которая присуща человеку как существу, промежуточному между биологической точностью животного и технической точностью прибора. Человек — существо колебательное. Он себя не знает, он себя все время пробует, он размазан по оси смысла, он причудливая метафора, а не строгий термин. У него тьма переносных значений, от ангельского до звериного, которые могут чередоваться и смешиваться в составе одного человека»*. Душевность может быть признана синонимом человечности именно потому, что человек способен быть и бездушным. Ведь именно в человеке, в отличие от животного, душевность сопрягается и соперничает с умом, творчеством и целеполаганием. Наконец, Эпштейн определяет место душевности по отношению к *духовности*. Да, духовное выше душевного, но первое не должно поглощать и неспособно заместить собой второе. Духовность, отвергнувшая «душу живую», которая есть первичный дар Божий, есть духовность гордости и злобы, дух сатаны, враждебный человеку. Духовность — это крайности высей и бездн, душевность — середина, начало и центр, неотделимые от человеческого существа.

Гуманизм, которым так гордится современная цивилизация, стал возможен лишь благодаря христианству, пишет доктор юридических наук **Михаил Краснов («Государство и Небо (отрывки из ненаписанной книги)»** — «Полития», № 4 (39)). И эту связь общегуманитарных ценностей с христианством опасно забывать: *«гуманитарные ценности, будучи оторваны от Неба, начинают служить вселенскому злу»*. В таком контексте отношение к христианству в современном мире из личного дела каждого превращается в вопрос выживания цивилизации. Сегодня гуманитарные ценности оказались помещены в секулярную среду, и это ведет к размыванию их основ, христианское мировоззрение вытесняет наука, объединившаяся с материалистическим мировоззрением, которое выдвигает на первый план экономический детерминизм, ведущий к утилитаризму. Отказу от *«фактора Неба»* весьма способствует процесс глобализации: в рамках этого процесса христианство уравнивается со множеством старых и новых языческих культов, даже с атеизмом. Происходит смешение вопроса о свободе совести с вопросом об основах государственности и доминирующей в данном обществе

этике. Современную ситуацию характеризует тонкая подмена христианских ценностей и ориентиров при видимости их сохранения. *«Выглядеть»* и *«казаться»* вытесняют *«быть»*, и в результате под поверхностной цивилизованностью (плюрализмом, толерантностью, политкорректностью) вполне могут скрываться расизм, ксенофобия, сексизм и т.п. Да и сама глобализация — не что иное, как подмена христианской идеи всеобщего братства. И хотя подлинный прогресс — прогресс моральный — возможен лишь с именем Христа, *«апелляция к Небу ныне считается чем-то неприличным в "приличном обществе", а обращение к религии — предосудительным»*. Христианские представления изгоняются под лозунгом *«обеспечения свободы и равноправия»*. Но, настаивает Краснов, особая цивилизационная роль христианства вовсе не нарушает принципа равноправия. Напротив, указывает он, сам этот принцип в фундаментальном смысле оказался нарушенным как раз после того, как материалистическое мировоззрение оттеснило мировоззрение христианское в сугубо религиозную сферу. Но только *«если на первое место общество ставит равенство, а не милосердие, тогда не получается ни равенства (равноправия), ни общественной нравственности»*. Ведь именно христианское мировоззрение *«облагораживает всю нашу жизнь»*, ибо только в нем *любовь* к конкретному человеку, а следовательно, и доброта, милосердие, терпение и самопожертвование поставлены в самый центр. Если христианская мораль разрушится, то на что будет опираться закон? Ни наука, ни здравый смысл реальной заменой служить не смогут. И если цивилизация пока еще держится, — то только на остатках христианской нравственности. Выход из сложившейся ситуации автор видит во взаимном встречном движении светских властей и христианской Церкви, причем движении не во имя растворения друг в друге до неразличимости, не во имя создания новой теократии, *«а во имя облагораживания остающегося светским мира»*. Но может ли христианское понимание любви быть включено *«в ткань светской государственной (публичной) жизни»*? Краснов полагает, что при определенных условиях — да, может (в первую очередь, он имеет в виду Россию). Он указывает несколько условий такого включения. Главное из них — *«официальный отказ от материализма в качестве мировоззрения, лежащего в основании права, и безусловное признание христианства как мировоззренческой и этической основы государственности»* (христианство в данном случае понимается не в религиозном, а исключительно в философском смысле). Такую мировоззренческую самоидентификацию государство обязательно должно закрепить в своей конституции. Речь идет о светском государстве, *«но официально признающем Небесный причинный принцип»*, где все религиозные организации должны быть равноправны в их взаимоотношениях с государством. Здесь не происходит ликвидации ни свободы совести, ни принципа отделения церкви от государства, *«но открыто провозглашается, что конституционный строй и правовая система основаны на тех императивах и ограничениях, которые вытекают из христианского учения»*. Между понятиями «светское государство» и «христианский принцип» нет противоречия, утверждает Краснов, поскольку *«христианство — не только религия, но и вполне определенное мировоззрение, вполне определенная этическая система»*. Предлагаемая государственная модель, по мнению автора

статьи, не создает привилегий для христиан. Не грозит она и тоталитаризмом, поскольку не предполагает контроля за гражданами. Краснов приводит примеры конституций Греции и Норвегии, где христианство закреплено как господствующая или официальная государственная религия. Речь идет о мировоззренческой идентификации государственности, а не отдельных граждан или их групп, но в то же время: *«государство формирует определенный дух публичной жизни»*, что очень важно. Хотелось бы все же задать автору статьи один вопрос. Можно ли отделить христианскую этику от та́инственной жизни Церкви?

Демократия как одна из «непреходящих ценностей» нашей цивилизации, а также сложности и ловушки демократизации в современном мире — тема статьи доктора экономических наук **Владислава Иноземцева («Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий»** — «Вопросы философии», № 9). *Демократия*, полагает автор, — редкое исключение среди общественно-политических понятий, — с ним не связано у современного человека стойких негативных ассоциаций. *«Демократия была и остается пусть и несовершенной, но все же лучшей из известных форм общественного устройства»*, и этому Иноземцев видит две причины. Во-первых, большинство людей склонны считать свои действия и решения правильными, а во-вторых, демократия — закономерное следствие гуманизации общества (в основе ее — готовность каждого человека доверять согражданам принятие судьбоносных решений, т.е. доверие и готовность к сотрудничеству). Демократия предполагает право и равенство перед законом, что служит решающей предпосылкой утверждения этнической, культурной и религиозной толерантности. Другими словами, мера демократичности — индикатор зрелости общества. Имеется, однако, ряд моментов усложняющих и проблематизирующих приведенную оценку демократии. Первое: *«внешние признаки демократизма не гарантируют ни соблюдения прав человека, ни экономического либерализма, ни верховенства закона»*. Второе: невозможно говорить об укреплении демократии в стране, где экономика находится в состоянии стагнации, а проблемы безопасности обостряются. Третье: *«становление демократического общества с неизбежностью предполагает изменение характера глубинных социальных связей, а не простое реформирование политической надстройки»*. Современные процессы принято относить к *«третьей волне демократизации»*, инициированной крахом коммунизма и к настоящему моменту явно затухающей. Автор статьи выделяет две формы распространения демократии в мире. Первая, *«инновационная»*, характерна прежде всего для Европы, без каких-либо внешних ориентиров, методом проб и ошибок шедшей к современному демократическому состоянию — начиная с XIII века, когда появились первые прототипы современных демократических институтов, и заканчивая созданием Европейского Союза. Параллельно возникали *«боковые отростки Европы»* (по выражению А. Мэддисона), и вместе с европейскими переселенцами демократия распространилась на США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Вторая форма распространения демократии — *«имитационная»*. Первый яркий пример — страны Латинской Америки в начале XIX века под впечатлением успехов США. Попытки «имитационного» распространения де-

мократии в странах третьего мира после Второй мировой войны в целом оказались мало удачными: большая часть новоявленных демократий переродилась в авторитарные или полуавторитарные государства. Но подлинный расцвет «имитационной» демократизации начался с 80-х годов XX века. Для современного периода характерны две основные ее модели: *«американская»* и *«европейская»*. «Американская» модель — это попытка навязать демократизацию «сверху» насильственным путем: как, например, в Афганистане и Ираке. Но попытка механически, без учета местной специфики перенести на совершенно иную культурную почву привычные демократические институты, как правило, оканчивается неудачей. Иноземцев комментирует: *«Демократию нельзя установить недемократическим путем, ее нельзя навязать против воли народа», «граждане могут демократическим образом высказаться за переход к авторитаризму, но авторитарными методами привить демократию невозможно — она не сможет самовоспроизводиться»*. Куда более успешной выглядит «европейская» модель, которая построена на «демократическом соблазне» — т.е. создании возможности вступить в Европейский Союз: никто никуда не направляет войска, никому даже не предлагают вступать в ЕС. Но если народ сам, «снизу», построит в своей стране демократическое и правовое общество, то он получит возможность присоединиться к европейскому сообществу демократий и обрести все вытекающие отсюда преимущества. При этом, правда, ЕС несет «затраты на демократизацию», не многим отстающие от американских, вкладывая средства в модернизацию экономики принятых в Союз государств. Однако именно последняя модель представляется автору статьи наиболее ценной и перспективной для XXI века.

Владислав Галецкий, автор статьи **«Скромное обаяние политкорректности»** (Дружба народов, № 9), под политкорректностью понимает особую *отрасль этикета* — ту, что регулирует сферу отношения общества к разного рода меньшинствам (минорити-группам). Этикет же Галецкий определяет как одну из подсистем культуры, ограничивающую поведение людей набором вполне определенных правил, как кодифицированных, так и неформально принятых в обществе. Такой подход к предмету позволяет автору отцепить понятие этикета (корректности) от понятия толерантности. Этикет не требует терпимости к другому и не ставит целью построение царства всеобщей любви. Он лишь регламентирует допустимые в данном обществе формы поведения, в том числе — и проявления ненависти, блокируя наиболее разрушительные из них. Да, политкорректность есть часть *«машины организованного лицемерия»*. Но именно эта машина эффективно регулирует поведение человека, хотя сама по себе снять существующие в социуме противоречия и разрешить конфликты не способна. Каждый человек входит в целый спектр социальных групп, которые делятся на два типа — *открытые (неорганические)* и *закрытые (органические)*. В открытые группы (например, политические партии) человек может входить (и выходить из них) по собственному желанию. Закрытые же группы произвольно не покинешь: они *«основаны на органике, крови, генетике и биологии»*. Сфера политкорректности распространяется в первую очередь на закрытые минорити-группы (поскольку именно в этом случае не остается возможности

отделить позицию человека от него самого, и у преследуемого человека не остается пути к отступлению): женщины, люди с ограниченными физическими возможностями, сексуальные меньшинства, а также ряд групп, образованных по расовому, этническому, религиозному или культурному признакам. Галецкий дает политкорректности следующее определение: *«строгий запрет на любую дискриминацию или диффамацию по признаку принадлежности к какой бы то ни было закрытой (органической) группе»*. Поводом к написанию статьи послужила *«карикатурная война»*, разразившаяся после опубликования в ноябре 2005 года одной датской газетой карикатурных изображений пророка Мухаммеда. Эта публикация вызвала волну беспорядков, прокатившуюся по многим странам мира и унесшую десятки жизней. Политкорректность, история которой возводится Галецким к середине 60-х годов, впервые пережила в этой связи *«по-настоящему серьезный кризис»*. В результате выкристаллизовались две противоположные позиции — апология политкорректности и ее отрицание. Апологеты политкорректности убеждены: если не нарушать правила, то конфликтов не будет. Автор статьи на ряде примеров показывает, что все не так просто и *«за конфликтом обычно стоит более глубокий узел противоречий, нежели нарушение формального свода правил»*. Не менее уязвима и позиция последовательного отрицания политкорректности. Да, конечно, политкорректность ограничивает свободу слова, но ведь неограниченно понимаемый принцип свободы слова и информации неизбежно приходит в столкновение с принципом неприкосновенности частной жизни. Вообще, замечает Галецкий, *«абсолютная и бесконечная реализация принципов атлантической цивилизации невозможна принципиально, так как эти принципы внутренне друг другу противоречат»*. К тому же в эпоху глобализации атлантическая цивилизация, выстрадавшая свое право на богоборчество, сталкивается с остальным миром, для которого это не так. В сложившемся сейчас в мире положении, которое Галецкий характеризует шахматным термином *цугцванг* (когда нельзя не ходить, но каждый ход лишь ухудшает ситуацию), неполиткорректным поведением атлантический мир может добиться лишь консолидации оппозиционно настроенных ему сил и ухудшения положения лояльных ему людей, находящихся за его пределами. Так что, делает прогноз автор статьи, мы идем к реконструкции более жесткой системы этикета (пик которой приходился на XVII — XIX века) и самоцензура политкорректности будет возрастать. *«Двадцатый век показал крах иллюзии строительства царства всеобщей любви*, — пишет Галецкий. — *Однако это не значит, что все усилия надо направить на немедленное строительство царства всеобщей ненависти»*.

Футурологическое эссе **Андрея Столярова «В царстве живых и мертвых»** («Октябрь», № 9) вписывает освоение виртуальной реальности в контекст извечных поисков счастья, каковые и породили когда-то миф о «земле блаженства». *«Рай*, — пишет Столяров, — *был первой виртуальной вселенной, созданной неудовлетворенным сознанием»*. Главным ее недостатком оказывалась *недемонстративность*: «заглянуть» в этот мир можно было лишь после смерти, а пока оставалось доверять свидетельству традиции. Новая ситуация начала складываться в середине XX века, когда образовался социальный слой молодых людей, вырвавшихся из-под опеки семьи, *«единственной обя-*

занностью которых являлось приобретение знаний». Новое поколение заявило о себе студенческими революциями конца 1960-х — начала 1970-х годов: «личная реальность» освободилась от гнета реальности коллективной. Началась социализация маргиналов и бегство в куда более привлекательный иной, *метафизический, мир* с опорой на восточную религиозную философию и наркотики. Освоению созданной исключительно воображением искусственной вселенной *виртуала* («третьей реальности») способствовали как развитие компьютерной техники, так и мировоззренческие сдвиги — наше существование (само начальное бытие) переосмысливается как всего лишь один из видов реальности; осознается принципиальная неопределенность, вероятностность, условность, зыбкость мира вообще. Виртуализация, имитация, инсценировка действительности постепенно захватывают все стороны жизни социума — науку, экономику, политику, язык и т.д. В постиндустриальном обществе господствует принцип «казаться, а не быть». В результате человек постепенно отчуждается от «физического существования». Кинематограф, ролевые и, наконец, электронные игры, «вспыхнувшие как пожар в начале 1980-х годов», демонстрируют ту же тенденцию постепенного ухода из действительности в мир виртуальных реальностей. *«К началу третьего тысячелетия было осознано главное: источником текущего бытия — что бы ни подразумевало под этим термином то или иное философское направление — является не бог и не природа, а сам человек. Человек способен сам сотворить свой личный мир и существовать в нем столь же долго и полноценно, как и в «объективной реальности»»*. Столяров не сомневается, что технические проблемы будут решены, и виртуал достигнет той художественной полноты, когда отличить его от действительности «изнутри» будет уже нельзя. Тогда фундаментальность самого онтологического различия бытия и сознания окажется под вопросом. Потребуется ввести новый онтологический статус — *«информационное бытие»* или *«онтологизированное сознание»*. В отличие от традиционного, предлагаемый виртуальной реальностью «личный рай» обладает явными преимуществами. Это простота и гарантированность достижения, а также возможность выстроить его по своему усмотрению, в частности — осуществить в нем любой негатив. Здесь онтологическая свобода, полностью освобождаясь от этических требований, становится абсолютной. Столяров полагает, что, в связи с описанными тенденциями, возможно говорить о *«начале следующего этапа антропогенеза, о возобновлении эволюции человека»* — пришествии *«человека виртуального»*. Новый человек *«становится изменчивым и текучим, утрачивая какую-либо онтологическую определенность»*, происходит *«отказ от строгой антропоморфности человека, переход его к полиморфным, текучим, изменчивым формам биологического существования»*. *«Призрачными становятся не только социальные отношения, вырождающиеся до имитации, но и сам человек, постепенно утрачивающий и социокультурную, и даже биологическую идентичность»*. Что же остается от человека? — Сознание, вобравшее все бытие в себя. Поэтому нового человека можно именовать также *«человек когнитивный*[2]*»*. Обретет ли «виртуальный человек» абсолютную свободу и счастье, освободится

[2] От *лат.* cognitio — знание.

ли от рабства и трагедии? — Нет, отвечает автор, просто у него будут *другое* рабство и *другие* трагедии, *другая* свобода и *другое* счастье. Столяров видит многие из опасностей, которые подстерегают человека на этом пути, но убежден, однако, что *«дороги обратно у нас уже нет»*.

В другом эссе — **«Против всех»** («Новый мир», № 9) **Андрей Столяров** анализирует феномен «хакеров» — людей, специализирующихся на компьютерных преступлениях, которые с 1980-х годов ведут в Интернете необъявленную «войну всех против всех». Не поддающаяся контролю деятельность хакеров, сражение с которыми выиграть невозможно, указывает, по мнению Столярова, на основной конфликт современного информационного и глобализирующегося мира — *«войну динамичных сетей против статичного государства»*. Современная ситуация характеризуется кризисом национального государства. Конкурентом его выступают сети, существующие на всех уровнях, — от глобального до личного. Современное общество, сказано в статье, *«прошито электронными коммуникациями»*. Благодаря Всемирной сети человек обретает почти божественные качества: он побеждает пространство и получает неограниченные возможности для перевоплощения. Правда, не обходится и без оборотной стороны — специфических сетевых болезней. В деятельности хакеров явственно проявляется «виртуализация психики» — стирание грани между действительной ситуацией и игровой. Играя, они способны поставить действительный мир на грань катастрофы.

Рассуждения Андрея Столярова заключают в себе один примечательный парадокс: с одной стороны, в обоих эссе он неоднократно подчеркивает, что новизна будущего принципиально непредсказуема и прогнозы его развития по принципу «продолженного настоящего» чаще всего оказываются несостоятельными, но, с другой, — сам предлагает именно такой прогноз. Так что, согласно его же доводам, приведенные прогнозы о пришествии «виртуального человека» вряд ли оправдаются. Человеческая история вновь совершит непредсказуемый пока поворот и пойдет не «по прямой», а «перпендикулярно», в неведомом нам направлении.

Обзор подготовил Владислав Шапошников

Владимир ХОЛКИН

ОТЕЛЬ «ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ», ИЛИ МОНОЛОГИ «НЕПРИЯТНЫХ ЛЮДЕЙ»

Об одной примете недавней российской словесности

> На днях, при большом скоплении литературной общественности, открылся на Владимирской площади Санкт-Петербурга новый первоклассный отель. В честь и память великого русского писателя, известного к тому же безотказным своим гостеприимством, отель назван именем Федора Михайловича Достоевского.
>
> *Из газет*

> ...до того развратительно действует на человека всякое литературное занятие, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя.
>
> *Достоевский. «Подросток»*

> Я человек больной... Я злой человек.
> Непривлекательный я человек.
>
> *Достоевский. «Записки из подполья»*

Потребность самовыражения в письменном слове — из коренных в человеке. Но успех тут зависит не только от воли пишущего и выразительности слова. Необходимыми его составляющими представляются, например, почтительность к «потемкам» чужой души, уважительно пристальное вглядывание в свою и, по возможности ясная, самоирония. Полнота же самовыражения оказывается тем большей, чем меньше лести самоуничижению, щегольства саморазоблачениями и соблазна высокомерной назидательности. Именно тогда из всех этих составляющих и возникает равноденствие свободы. Такая свобода исповеди присуща Достоевскому.

Влиятельное (и непреходящее) участие Достоевского в жизни мира людей состоит прежде иного в том, что он решительно разомкнул привыч-

Владимир ХОЛКИН — родился в 1946 г. в Приморье. Закончил режиссерское отделение Ленинградского института культуры. Статьи и проза публиковались в журналах «Звезда», «Континент», «Нева», «Новый мир», «Русская литература». Живет в Великом Новгороде.

ный поверхностный круг человеческого сознания, не отвернувшись ни от самого зрелища души, ни от жгучей ее путаницы. Оттого и вся наследовавшая писателю культура слова и поныне неотрывно связана с этими «донными» открытиями. Наследовала же она Достоевскому, в том числе и для того, чтобы делать открытия самостоятельные. Однако нынешняя российская словесность направилась другим путем. Используя разомкнутые психологические пространства как готовые литературные формы, она — без опаски оступиться — внедрилась в них, без пути там вольничая и резво импровизируя на сокровеннейшие, ни резвости, ни своеволия не прощающие темы. Так постепенно возникло современное подобие великой постройки Достоевского — *«подполье литературное»*. О некоторых особенностях нынешнего его состояния мы и поговорим.

Начать с того, что побуждением, да и основанием всего современного «литературного подполья» служат порывы, рожденные не пытливой душой, а невоспитанным и занесшимся от вседозволенности цинически лукавым рассудком. Иначе говоря, здесь верховодят умышленные постройки в роде чеканного *«я знаю, как надо»* и самоуверенность незамысловатого морализирования.

Поскольку речь в статье пойдет ***о монологе*** не как жанре или форме высказывания, а как ***способе существования героя***, то вопрос об отношениях автора и героя, о степени их отдаленности и близости, то есть о месте героя в «авторском поле», — вопрос непраздный. За его разрешением отнесемся к работе Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности», где выделены два рода отношения автора к герою. Первый назван *«основным эстетически продуктивным»*, и смысл его Бахтин определяет как «отношение напряженной вненаходимости автора всем моментам героя», что позволяет *«собрать **всего** героя»*[1]. Из предстоящих разбору произведений этот род отношения автора и героя приметно усвоен только рассказом Леонида Зорина.

Затем Бахтин пишет о нескольких *«типических случаях отклонения от прямого отношения автора к герою, которые имеют место, когда герой в жизни совпадает с автором, то есть когда он в существенном **автобиографичен**»*[2]. В нашем случае к такого рода отношениям принадлежат связи персонажа романа псевдонимного Фигля-Мигля. Типологически они исчерпаны у Бахтина так: *«Такой герой бесконечен для автора, то есть все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самосознанием»*. И наконец, третий случай: *«герой сам является своим автором, осмысливает свою собственную жизнь эстетически, **как бы играет роль**[3]; такой герой, в отличие от бесконечного героя романтизма и неискупленного героя Достоевского самодоволен и уверенно завершен»*. С небольшими оговорками это можно отнести к пафосу произведений Анатолия Наймана.

---

[1] Выделено М. Бахтиным.

[2] Выделено мною. — *В. Х.*

[3] Выделено мною. — *В. Х.*

1. Философ из полуподвала

Обратимся к рассказу Леонида Зорина «Расстрига», входящему в большой цикл «Из жизни Багрова»[4]. Фабула его проста. Рассказчик, серьезный и вполне благополучный литератор Багров, зайдя в мастерскую починить башмаки, внезапно сталкивается там со своим давним знакомым — знаменитым в прошлом ученым. Причем сталкивается не в очереди к мастеру, а именно в мастере-то и узнает (правда, не вдруг) этого своего порядком уж позабытого знакомого, бросившего науку на пике известности и славы. И вот теперь тот обиняком, но настойчиво Багрову о себе напоминает. По его же явному почину и возникает, в конце концов, между ними беседа, причем напряженно и неловко было начавшийся диалог очень скоро превращается в ладный монолог хозяина мастерской, лишь изредка прерываемый репликами собеседника. Что, к слову, психологически достоверно, сценически правдиво и литературно точно: случайно встреченному знакомцу — обыкновенному человеку привычной жизни — рассказывает о себе человек незаурядный, из привычной жизни давно выпавший и долго молчавший. Течение же и запись этого неравновесного разговора и есть, собственно, канва и фабула рассказа. Но насколько незатейливым кажется случай как зачин фабулы, настолько же сложным представляется он как разворот сюжета. Ибо разговор вышел трудный, порой даже тягостный, словом, извивистый и философский. Да и завершился без былого дружелюбия — иронично и жестко.

Герой рассказа — в прошлом известный ученый-биолог, а ныне успешный сапожник Тимофей Тан — внешне сродни герою «Записок из подполья»: он тоже человек бунтующий. Однако бунтующий не лихорадочно и не отчаянно, как измученный вопросами о правах мысли затворник Достоевского, что бунтует против закона равновесия, опасно следуя прихотливой правде одиночества, зачастую не равной, а то и не верной себе. Бунт зоринского героя выразительно иной: бунт этот горделив, выверен и... безопасен.

Сам же бунтарь — человек внятный и самодостаточный. Хотя и одержимый. Однако одержим он равномерно и рассудительно. Да, он обуян идеей и обуян исступленно. Но идея эта обоснована честолюбием и рождена умом последовательным, а не отчаявшимся; исступление же расчислено и холодно. Иначе говоря, это явь построек невозмутимого рассудка, а не тайна терзаний самоопределяющейся души. Построения Тана базируются на стойком убеждении разума, что счастье достижимо, а судьба управляема. И, безупречно и со славой сапожничая в подвальной мастерской, Тан, как следует из рассказа, главным своим делом почитает поиски универсального *«алгоритма индивидуальной человеческой судьбы»*. И погружается он не в подполье душевное, а в подполье, так сказать, концептуальное — «литературное». Причем погружается не поневоле, а по собственной прихоти. Герой Зорина суть человек, не мятущийся в поисках разрешения «последних вопросов» для сугубого над ними размышления, а человек, уже отметавшийся и размысливший, все ответы уже нашедший и потому не рассуждающий, а всё уже рассудивший.

[4] «Новый мир», 2001, № 2.

Оттого и кажется, что скрытые желания Тимофея Тана освоить роль «нового парадоксалиста» прямо полемичны по отношению к сложному философскому веществу «Записок из подполья». Претензии эти облечены Таном в ладную форму неявного, но рационального спора с душецентричной, так сказать, философией знаменитого «подпольного жителя». Черты такого спора проявляются не только в спрятанной между строк тановского монолога вере в отвагу собственного разума, решившегося на состязание с Богом. Отчетливо проступают они и в самой затее отыскать «алгоритм судьбы». Черты эти являются читателю как выразительно символический вызов — тот издавна в литературе бытующий вызов «лишнего человека», обычным проявлением которого остается совершенный отказ от участия во всем, что находится по ту сторону подполья.

Но философские притязания героя не только декларативны. Они деятельны и даже как будто направлены в альтруистическую, так сказать, сторону. Поэтому позволим себе догадку. Кажется, что смысл личности Тана соотнесен со смыслом еще одного героя Достоевского — кающегося рассказчика из «Сна смешного человека», воспламененного идеей спасения человечества; человека, чья вина и покаяние, чья миссионерская (что важно) мысль, собравшись вместе, уводят грешника не только из обыденности, но и — странным образом — выводят его и из одиночества. Вот и Тимофей Тан — несколько, правда, отвлеченно — говорит о присущем ему измлада «миссионерстве»: *«Я с малолетства вбил себе в голову: надо выбрать между миссией жизни и жизнью души — сосуществуя, обе становятся ущербны»*. Это признание недвусмысленно отсылает нас к парадоксам Достоевского: в попытке обрести или сохранить душевную независимость герой предпочитает изменить пространство души таким образом, чтобы суметь целиком отдаться постижению миссии жизни. Здесь можно вспомнить и Раскольникова, и даже, как ни странно, князя Льва Николаевича Мышкина.

Оттого-то, несмотря на усталость от коснеющего в суете людского сообщества, герой Зорина все-таки преодолевает «массив» скептического своего чувства. Преодолевает для того, чтобы запереться в одиночестве и искать, искать формулу благолепной судьбы человека. Для чего, собственно, неинтересное и ненужное ему до поры человечество покидает и уходит на полуподвальную глубину сапожной мастерской с честолюбивым и уверенным расчетом достичь покоя, мистической мудрости и нравственно-философского совершенства. Но хлопоты раздраженного самолюбия, напрочь лишенного самоиронии (в отличие от едкой, неотступно на себя обращенной насмешливости героя Достоевского), мешают чистоте затворничества. И неудачной выходит попытка свысока наставить заблудившегося в грехах человека. И, досадуя на профанов, «полуподвальный мыслитель» раздражается еще и неожиданной строптивостью их заурядного ума, представленного в рассказе обыденным сознанием Багрова.

Неприязненно, жестко (и вполне ревниво) отзывается Тан о деятелях андеграунда — представителях подполья, по его мнению, самозваного. Выходят они, в его толковании, суетливыми и праздными невольниками тщеславия: *«Вспомните, как привлекал андеграунд, — по-нашему, подземелье, подполье, — где-то, укрытые от соблазнов, творят они, но не сдавшиеся, пе-*

реполненные талантом. И вот они явились, пришли, вышли из своего забоя, — лучше бы они там остались! Нет ничего, что вызывает большее разочарование, чем торжествующая оппозиция... Еще недавно она казалась страстной, обгоняющей время, — и вот наступает час победы во всей его пошлости. Куда все делось?»

Рядом с искренне себялюбивым монологом пребывает на стороже чуткая усмешка скептика, вполне осведомленного, как скверно человеку, живущему по воле «не учтенной» рассудком души. Именно эта усмешка и кажется признаком достаточной остроты ума и недостаточной мудрости души, именно она обнаруживает умозрительное происхождение нынешней, в общем-то высокомерной жизни Тимофея Тана. Тем более, что решение жизнь переменить замышлено было им вместе с явным желанием направить ищущий свой ум выверенным путем иных знаний и мистических трудов. Автор не случайно делает бывшего ученого-биолога Тана классным сапожником, а его наставника в сапожном деле — метким на слово «народным» философом, на любой случай жизни имеющим под рукой поучительную философему или яркую скоморошину. Недаром вспоминается при чтении этого рассказа и сам «великий сапожник» Якоб Бёме и его многочисленные ученики.

Выразительное неприятие маргиналов андеграунда, сквозная убежденность в правоте собственных умозрений, самый уход в «полуподвал» делают Тана своеобразным аристократом. Аристократом, что открещиваясь от скверны времени, намеренно отстраняется и от сущего жизни и от сущего в себе. Презрев несовершенную действительность, он покидает ее, чтобы (как делают это некоторые горделивые праведники) для ее же блага и стараться. В этом усмешливом аристократизме просматривается не только сюжетно формальное сходство, но и психологически существенное отличие зоринского героя от «подпольного человека» Достоевского.

Если тот уходит в подполье искать и, разгребая заносы, отыскивать свою «душу живу» и «разрешать мысль», то этот спускается по ступенькам полуподвала, чтобы искать безупречную формулу «общего руководства» судьбой. При этом важнейшим мотивом ухода и для одного и для другого является последовательное неприятие общепринятого. Но связь героя Достоевского с миром людей выглядит как спор, пусть экзальтированный, но реальный, — как все-таки прямая речь и упорное обращение (пусть даже это обращение не только к самим людям, но и к обычаям их мысли и их мира). Тимофей же Тан, спором даже не обременяясь, прерывает отношения с людьми вовсе. Прерывает для трудов, устремленных к их же, людей, благу: благу справедливости, предсказуемой судьбы и строгого равновесия. Но именно всё это и не приемлет «подпольный» человек Достоевского. Он, бесстрашно взывая к миру человека, идею справедливости кренит, с идеей «предсказуемого» спорит, а формулу любого житейского, нравственного или философского уравнения отвергает.

Здесь ненадолго отступим, чтобы коснуться стиля и философии спора, присущего всем героям Достоевского. Первое и самое ясное впечатление можно выразить так: спор для них — это освоенный мыслью до тонких хитросплетений способ осуществлять жизнь души. Спорщики и полемисты

они не только изощренно пластичные, но и ловко находчивые. Более того, сам метод спора их не только отточен и причудливо диалектичен, — он многомерен. Все спорщики Достоевского — это, прежде всего, парадоксалисты, они пламенно самозабвенны и восхитительно изворотливы одновременно. Споры они ведут, не только глубоко погрузившись в хаос психики, но и, крепко оседлав, так сказать, «фигуру опережения», осваивая ее логику: вы мне, мол, возгласите это, так я вам наперед скажу, что знал о ваших возражениях загодя и оттого ими ничуть не фраппирован, да и перед страшным вашим умом ни на волос не тушуюсь. Причем способ этот они успешно применяют и в спорах с собой. То есть в спорах внутри собственной — двоящейся, расслаивающейся в бедах и вопросах — души. Иначе говоря, применяют его в оплодотворенном острейшей самоиронией внутреннем *диалоге*. Современные же литературные персонажи — это люди *монолога*. Монолога, преимущественно самодовольного, и иронии, так сказать, тотальной — во вне, а не внутрь направленной. Вот и Тимофей Тан движется путем монолога — стройного, последовательно ироничного и стойко уверенного в собственной правоте.

Замечательно при этом, что зоринский полуподвальный мыслитель, изведав и претерпев дар провидца и старателя «антропофутурологии», сам пребывает в тайном рассуждении, как бы исхитриться нехорошей судьбы избежать. И Багров, сам того не желая, попадает своим вопросом в это тонкое место собеседника: *«Неожиданно для себя самого Владимир Сергеевич спросил:— Скажите, а вы в этой мастерской не надеетесь переспорить судьбу. Увернуться от своего кирпича?— И почувствовал холодок в груди, словно на самом краю обрыва. Плоский лик Тимофея Тана стал неподвижен, но в быстром взгляде Владимир Сергеевич прочел враждебность. — Я тут вам сказал комплимент, — отчеканил Тан, глядя в сторону, — про то, что с вами приятно беседовать. Как выяснилось, это не так. Беседовать с вами — небезопасно. — И добавил после короткой паузы: — Я безобразно разговорился. По-видимому, перемолчал»*.

Три последние фразы — двупланны: лукавы и искренни одновременно. Искренни психологически и лукавы морально. Если первая указывает на брешь, невзначай пробитую собеседником в одинокой тайне Тана, вторая — на досаду обнаружившего свою слабость отшельника, то третья — на безудержность застоявшегося в принудительном молчании и оттого позволившего себе лишку монологиста. Здесь вновь проглядывает невольный спор с героем Достоевского. Ибо, стремясь к последней откровенности, «подпольный житель» поток рефлексии не дозирует и состав его никак не правит. Наоборот, настойчиво внимает откровениям души, в которых безжалостно и бесконечно обнаруживается беспорядок мысли. Герой Достоевского идею не провозглашает, а выслеживает; душу не успокаивает, а бередит. Герой же Зорина идею излагает уже отстоявшуюся, а душу, при видимой открытости беседы, от собеседника (да и от себя самого) за идеей прячет.

Уходом своим в поиски «алгоритма судьбы» Тимофей Тан подтверждает не только окончательное и, по его словам, главное предпочтение своей жизни. Здесь есть и другое предпочтение — предпочтение, повторимся, монолога беседе. Искушенный в иронии и отчуждении (да к тому же еще утончен-

ный опрощением) полноводный монолог предпочтительней порожистой беседы с непредсказуемым течением. Да и предпочитает сапожник-философ высказывать даже не раздумчивые предположения, а афористически оформленные решения.

Но, вглядевшись пристальней, понимаем, что не все здесь так однотонно. Здесь, по слову Достоевского, обида. И вправду. Послушаем полуподвального миссионера: «*В самом начале своей дорожки я запретил себе рассчитывать на благодарность и поощрение. В нашей отечественной жизни милые сны о меритократии — только щекотанье души и стойкое самообольщение. Мы* (это лукавое мнимо демократическое «мы» — только знак обиды, понесенной «я» от «мы», — *В. Х.*) *не способны возвысить соседа, коллегу, тем более соперника, за качества, вроде бы нами ценимые, — за интеллект, за дарование, за смекалку, умение делать дело. Слишком завистливы, нетерпимы, подвержены игре интересов и прочим традиционным пристрастиям*». Горько скептичная интонация этого чувства, как видим, корневая и личная. И хотя скепсис Тана умудрен и насмешлив, потому что испытан на стойкость и верность себе; хотя даже раздраженный неудачей, что постигает его в конце разговора с догадливым посланцем обыденной жизни, ироничный скептицизм все равно отстаивается героем как стиль отношений с действительностью, а сама ирония остается последовательно строгой, душа все же неспокойна, а чувство вины потаенно мучительно.

Однако явно походя на героя «Записок из подполья» как человек решения, зоринский герой представляет ему противоположность как человек, так и не решившийся. Ибо персонаж Достоевского уходит в пределы «подполья» собственного «я» как единственно его занимающего существа — существа, что вознамерилось разрешить Вопрос и понять «Ничто». И занимает его это существо как абсолютно-бытийное, а не как относительно-бытовое. «Подпольный житель» Достоевского — это человек испытующего самоанализа и тайного, неотвязного сознания своего несовершенства и неравновесия. «Полуподвальный» же герой Зорина — человек неколебимого равновесия. Человек деятельный и устойчивый, уверенный как в себе, так и в подвижнической правоте одиноких своих занятий по отысканию «алгоритма индивидуальной судьбы».

Пафос этих занятий, повторимся, сближает его логику с логикой другого «подпольного» героя Достоевского — «смешного человека», сновидца, — невольно, в сновидении «развратившего человечество» и ищущего повиниться. Но, сближенные внешне, они оказывается разделенными внутренне. Ибо зоринский герой, чья вина перед одним человеком (перед близкой женщиной, в смерти которой он косвенно повинен) сродни вине «смешного человека» перед человечеством, уходит в подполье и опрощение не за тем, чтобы задаваться «последними вопросами». Он уходит туда, чтобы по праву знатока и миссионера справедливо и уравновешенно отвечать на «вопросы первые». Уходит радеть о совершенном спасении человеческой судьбы от неожиданных поворотов и опасных падений. То есть, упрощая и одновременно возвышая предмет, можно сказать, что Тимофей Тан уходит в «подполье» — спасать человечество. И уходит в эту «схиму», убежденный в том, что сам он как сознательный подвижник если еще и не пришел

окончательно к полноте умного расчета всякого внезапного «вдруг» судьбы, то уже от нее не далек. Однако есть обстоятельство, сближающее зоринского героя с героем Достоевского (сближающее, правда, парадоксально, но подлинно). Это потаенное сомнение в том, что непредсказуемостей судьбы возможно избежать.

2. Невольники литературного салона

Психология и ирония Тимофея Тана, в чем видится несомненный признак литературного мастерства Леонида Зорина, — драматичны и не просты. В отличие от ернически разухабистого «психоложества» и глумливой истеричности, свойственных герою романа Фигля-Мигля «Тартар, Лтд.»[5]. Этот герой тоже, как кажется, навеян автору чтением «Записок из подполья».

Очевидно, что автор и герой зоринского рассказа отчетливо разделены и голоса их нигде и никак явственно не совпадают. Правда, они не слишком и спорят, просто один выслушивает другого. Да и подспудная позиция автора почти до конца остается бесстрастной, проявляя себя разве что в упомянутом вопросе о судьбе; да в финальных признаниях Багрова, покинувшего, наконец, сапожный полуподвал, полных откровенно радостного душевного облегчения. Это облегчение того рода, что обыкновенно приходит после трудного и зачастую неловкого общения с человеком, одержимым «идеей». И пожалуй, именно это чувство наиболее полно определяет отношение автора к своему «полуподвальному» герою.

Об авторе «Тартара, Лтд.» сказать такого решительно нельзя. Борзое повествовательное слово романа, перехлестывающее все пределы, темпераментное социальное тщеславие, нарочитая «под Достоевского» фантасмагория многих эпизодов и неуклюжая умышленность их — все это делает границу между героем и автором неразборчивой и условной. Но наиболее четкий опознавательный знак слитности Фигля-Мигля со своим героем — это бесящаяся от немощи, натужная ирония позера.

«Тартар, Лтд.» — это монолог очередного «рассерженного молодого человека», причем сердитого не на общество отцов и дедов, а на нравы и сборища себе подобных — «мятежников андеграунда», тех, кто вышел из подполья в конце 80-х — начале 90-х. Это над ними «парит» он зловещим хроникером, это их шельмует, презирает и выставляет на позор. Изобилующее многими сценами богемных, салонных и псевдополитических кружков действие романа разворачивается в Петербурге во времени, по автору, межеумочном, символом которого явлено прозвище «авеню 25 Октября», данное героем Невскому проспекту. Будучи деятельным участником многих разнообразно неприглядных сборищ, герой возмущается ими как высоконравственный свидетель, социальное, моральное и эстетическое целомудрие которого подвергается постоянному оскорблению. Каковое целомудрие он и отстаивает в своих записках — отстаивает, надо заметить, разнузданно и несколько даже похабно. А поскольку роман и гнут, и закольцован лишь истерическим себялюбием героя, то подлинных событий в нем и не

[5] «Нева», 2001, № 5.

происходит: ведь нельзя же счесть событиями собрание сценок, в восприятии и подробном описании героя больше похожих на эпизоды из жизни насекомых.

Роман щедро удобрен цинической «свальной» иронией разрушения. Именно такая публично-литературная ирония, однажды явившись в обществе, продолжает оставаться преимущественным тоном многих произведений нашей словесности. Это неизменно угрюмая ирония нарцисса, насыщающегося отвращением к миру, упоенного брезгливостью и рыщущего в поисках все новой снеди для усмешки. Ирония ума, не сомневающегося ни в себе, ни в собственном праве донага разоблачать «маскарад человечества». Иначе говоря, это ирония, занятая травлением материала реальности, а не испытанием вещества собственной души. И такое непочтенное занятие резко отличает ее от тяжкого труда проникающей самоиронии героев Достоевского — и безнадежно уводит в бесплодие.

Однако мир, который герой подобного исповедального повествования созерцает с отвращением и словно бы извне, — это ведь и его обиталище тоже, к тому же единственное обиталище. Но писателю тем не менее интересен сам акт морального обличения жизни — и даже не столько акт обличения, сколько шельмовской его жест. Потому и прибегает он к *мизантропическому гротеску*, что неотвратимо уверен: его суждения о «недужном» мире и примечательны, и справедливы. Под таким углом зрения мир предстает писателю не фундаментально предметным, а предметно прикладным, так что может запросто использоваться для вольготно явных грубостей или тайных мстительных созерцаний. Тем более, что мир этот абсолютно противоположен писателю — отвратителен, уродлив и хвор.

Однако такой взгляд и такое «избранничество» давно замечены в том, что суждения и деяния преобладают в них над сомнениями и раздумьями. Хладнокровный или неистовый, но все равно «право имеющий» естествоиспытатель, наблюдающий за «людьми-букашками», вскоре превращается в изощренную бесовскую силу, не только стирающую людей в «лагерную пыль», но и самое истину узурпирующую.

Именно идеей собственной избранности поглощен герой романа Фигля-Мигля — сочинения, ассоциативно следующего, кажется, не только «Запискам из подполья», но и «Бесам». Роман отличает недюжинный энтузиазм при весьма слабой литературной стати: слово его неопрятно и претенциозно. От подозрения же в собственной слабости герой-рассказчик ведет себя и слишком шумно, и откровенно агрессивно. Впрочем, это все равно: ведь из всех соседей по будням самым правдивым, самым парадоксальным, самым интеллектуальным и самым умно-ироничным является именно и только он.

Автор же, напротив, интригуя читателя просторечным своим псевдонимом, о прямых его смыслах предлагает справиться в словарях. Последуем этому предложению и прочтем: «**фигли-мигли** (*разг. шутл.*) — уловки, шутки, ...непонятные или неблаговидные приемы для достижения чего-нибудь», а также: «**фигляр** — 1) скоморох, шут, кривляка; 2) орел-скоморох — птица из отряда соколообразных (дневных хищных)». Как видим, псевдоним многозначительный и многое писателю позволяющий. Позволяющий, например, предположить, что в его романе озорничает сердитый на весь мир

блудливый шут, либо пирует стервятник, свысока высмотревший и стремглав настигший добычу. Кстати, именно последняя повадка проступает явственней других: роман Фигля-Мигля бросается на мир, словно изголодавшийся хищник на свежатину. Ибо вся беспутная кружковщина, выведенная в этом тексте, самый тон описания и неуемно презрительные суждения рассказчика — все говорит за то, что право фиглярствовать и право презирать, неумеренно стилизуя себя под Хроникера из «Бесов», «подпольного жителя» и Ставрогина одновременно, присвоено героем не самочинно, а с ведома автора. Все же остальные персонажи романа напоминают остатки, неразборчиво подобранные на пиру трагического гротеска Достоевского. Подобранные для имитации самораскрытия романного «я» и для глумливо-резонерских суждений о копошащихся в толпе «мелких бесах».

В сущности, этот искаженный мизантропическим напором, неумелой стилизацией и огрехами литературного вкуса до жанровой неузнаваемости «роман воспитания» тщетно претендует выглядеть романом-гротеском, но и до сносного памфлета не дотягивает. В попытке взять жанр приступом, автор выпускает своего героя скабрезничать и куражиться вовсю в гаерском шельмовании всего и всех, кроме себя — отважно правдивого одиночки. Но все это бесцеремонное обличительство, слипшись в комок, рождает лишь прямоту... «вселенской смази», которую герой устраивает всем обитателям круга своей жизни — как ближнему, так и дальнему. Заметим также, что нарочно не отмеченные автором немногочисленные нравственные навыки героя в лучшем случае — мнимы, в худшем — извращенны.

Подлаживая себя под скандальных героев Достоевского, он — в противоположность им — занят выставлением миру оценок по поведению. Основанием и воплощением этой одновалентной, направляемой лишь во вне «сатанинской иронии» служит поза. Незамысловато кокетливая поза, что лишь прикидывается самостоятельной: за ней явственно проступает фигура, ее породившая и ведущая, — расхожая фигура «литературного подпольщика». *«Да, я слишком много рассуждаю. Все, что я делаю,— открытия, о которых на следующий день и поминать не хочется. Я хотел бы рассказать об этом так, чтоб было забавно. Это мое мелкое честолюбивое желание — в нужный момент состроить нужную гримасу — украшает меня в собственных глазах. Никаких слез, только полноценный смех и здоровая агрессия, блокбастер, история, поведанная миру с одной целью заставить раскошелиться... Герои* (рассказываемоой истории. — *В. Х.*) *живут как душа с телом — в единстве противоположностей. Но герои — это так, детали, второстепенное. Главным является соус, под которым они подаются. Мученик не по призванию, я презираю слезы и людей, которые их проливают, именно поэтому я столь невысокого мнения о своей особе».* Запомним последнее признание, оно нам еще пригодится.

В этой тешащейся себялюбием и хвастающей самоуничижением, заливистой, но немощной прозе много такого вот манерного лукавства и упоения скверными о себе признаниями. Но это — не трудная или стыдная правда мучительно испытующей себя души. Это лишь холодная стилизация, лишь игра, едва прикрытая чужими литературными узорами. Ибо стоит хоть на миг отнестись к ней всерьез и упрекнуть автора ли, героя ли в

недобросовестности, как ответ выскакивает без запинки. Ответ, скорее всего, такой: «Да, я мерзок, но и в мерзости своей честен. Я мерзок, но вы мерзостней. Мерзостней оттого, что, будучи кривляками и глупцами, притворяетесь безыскусными умницами. Я же беспощаден прежде всего к себе и оттого право имею обличать, назидать, насмехаться и даже, не снисходя к вашей красочной глупости, презирать вас всех». Предположение такого ответа, быть может, материально не безупречно, но психологически за него говорит еще одно значимое признание героя: «*До какой степени надоели мне мои друзья — трудно вообразить. Наглые, безжалостные, бездушные... все как один недоучки. Жлобы, снобы, мелкие пакостники. Плебеи. Жабы. До рвоты опостылевшие друг другу, мы жались кучкой крыс в отчаянной, лишенной смысла попытке противостоять окружающему миру,.. миру железа и денег, бессильных чувств...*»

Признание это примечательно, во-первых, назойливой своей литературной вторичностью. Во-вторых, тем, что сделано в самом начале романа, который, собственно, и является пространной иллюстрацией этой посылки. А в-третьих, оно уловимо отличается от основного, криво усмешливого тона рассказчика снобизмом уж совсем «натуральным», драпировкой самоумаления, даже слегка не прикрытым. Мало этого, здесь явственно проступают черты двух основных — стратегических, так сказать, — способов этого монологического письма. Помимо отважного, без церемоний, пользования классическими литературными образцами, здесь очевидно еще и настойчивое психологическое упрощение всех прочих персонажей, превращение их в массу — как объект суждений героя. Оттого и кажется, что поле приложения брюзгливого презрения, искусного гнева или словоохотливого отвращения очищено автором для героя-рассказчика от случайностей загодя и заподлицо. Ибо все остальные персонажи заведомо слабее, заметно декоративнее и очевидно площе центрального героя. Потому-то все страстные обличения «святого грешника», и посреди лгунов живущего по правде одинокого сарказма, кажутся читателю просто настырностью в мыслях — худосочных, капризных и бессильно истеричных. Так без труда и запросто в «подполье литературном» искажается трудное и непростое существо его давнего прообраза и источника. Источника, берущего начало из глубин тяжкого самопознания, а не с верхов тщеславия и инфантильного эгоизма.

Что же касается присутствия в романе Фигля-Мигля прямых «бесовских» мотивов, то и они звучат не трагедийно и жутко, а шкодливо и балаганно. Роман разливается наваждением морока и суматохи. Бутафорская взвесь забивает собою остатки и без того искаженного толстым слоем литературной косметики романного воздуха, заодно покрывая и множество карикатурно уродливых персонажей. Эти-то заранее подготовленные маскарадные фигуры и составляют предмет насмешки и нестерпимой (и тоже совершенно маскарадной) брезгливости главного героя. Порой даже кажется, что весь пространный монолог романа и написан-то именно ради чуть ли не физиологического разрешения чувствительного морализма героя от этой тошноты. И в этом, в числе многого прочего, — например, в провалах психологической правды, — «маскарад» этот безмерно далек от трагического гротеска «Бесов», где Достоевский не презирает и брезгает, а

вникает, сокрушается и жалеет. Главным же образом далек потому, что сквозь склочное «правдолюбие» и глумливый тон как речей самого рассказчика, так и повествования в целом явно просвечивает поза салонного скандалиста. А незамысловатые умозаключения, среднеакадемические знания и неопрятно украшенная поэтизмами речь выдают и в герое, и в авторе не полноправных обитателей «подполья», пусть хотя бы и литературного, а невольников литературного «салона».

Роман Фигля-Мигля терпит поражение по нескольким коренным причинам. Одна из них кроется во вполне удавшейся попытке обесценить и опустошить слово, с тем чтобы после плотно забить его фразой и позой. Другой важнейшей причиной представляется «полновесное» отсутствие самоиронии. Иначе говоря, роман нищенски обездолен той зоркостью самосознания, что, оберегая исповедующегося человека от искуса самообольщения и кривды самолюбования, удостоверяет его в самоуважении.

3. Заигравшийся актер

Судороги «литературного подполья» (на сей раз литературного сугубо, ибо жертвой их становится литератор) сотрясают и душу заглавного героя пьесы Анатолия Наймана «Жизнь и смерть поэта Валерия Шварца»[6]. Кроме прочего сочинение это выразительно свидетельствует о фатальной роли позы в литературном поведении и современного писателя, и его героя.

Пьеса построена как череда телефонных разговоров супругов Шварц с разными собеседниками. Обращенные к телефонной трубке монологи время от времени перемежаются диалогами между мужем и женой. Содержательным же движителем всех разговоров является известие о выдвижении поэта Шварца на Государственную премию. Так что все эти разговоры и ведутся — чтобы, во-первых, выяснить достоверность слухов, во-вторых, чтобы с помощью интриг склонить председателя комиссии в свою пользу. Это — фабула. Сюжет же разворачивается как несколько скандальная история игры двух чувств: тщеславия и зависти. Все разговоры пьесы — сначала беспокойны, потом тревожны, а чем ближе к финалу, тем более истеричны. Обрывается же все это смертью героя, который словно выбрасывается из себя самого, оставляя, правда, жить жену Таисью, которую числит главным своим творением (*«...эта нелепая тварь, это нелепое создание — мое создание. Главное произведение. Сочинение. Увы, главное. Может быть, единственное...»*).

Пьеса Наймана — это бурлеск наваждения, где едва ли не все монологи героя выдают состояние предельного закабаления личности ролью и позой. Как и прочие персонажи этой статьи, Валерий Шварц обуян идеей самочинного права колоть «неприятной правдой» глаза погрязшему в неправде человечеству. Но колоть и обличать не впрямую, а лицедействуя и прячась за жесткое фарсовое слово. К тому же, как уже было сказано, все телефонные монологи героя — предсмертные. И это придает происходящему дополнительный *исповедальный* оттенок. Оттого-то на всем протяжении этого «трагического балагана» без продыха и почти уж рыдая и ко-

[6] «Октябрь», 2001, № 10.

микует Шварц. Комикует, болезненно не разбирая, в свой ли, в чужой ли огород летят камни его издевок.

Похоже, что персонаж этот написан и явлен публике как переимчивый почитатель не только «подпольного человека», но и Свидригайлова, глумливого умницы и бесовски циничного острослова. Шварц по-свидригайловски убежден, что прилюдно вороша и цинично выворачивая наизнанку душу и на слуху у всех терзая ее неприглядной о себе правдой, он «право имеет» и наставлять этих самых *всех*, и назидать им, и измываться над ними. Тон же этой «правды-матки» — экзальтированный и судорожный. Мало того, он претендует еще и на саму стилистику «последней прямоты» под Достоевского, но в претензии перебарщивает, так что словоохотливость исповеди зачастую оборачивается малоприятным словоблудием. А произведение в целом превращается в некое написанное «по психологическим прописям Достоевского» кукольное представление.

Пьеса так угнетена густотой слов, что производит впечатление болезненной и выспренней скороговорки. По сути дела, она представляет собой не множество монологов и диалогов, а единый непрерывно ткущийся словесный поток. Дух грубого площадного юмора царит здесь почти безраздельно. Но юмор этот не свободен и не весел: он истеричен, подневолен, напряжен, разнуздан и от потаенного мучения злобен. Это юмор обреченного шута. И является впечатление, что не только герой, но и сам автор испытывают переживания, свойственные самым «непривлекательным» персонажам Достоевского.

Тут стоит заметить, что в отличие от автора «Записок из подполья», хранящего к бурной рефлексии героя не только уважение, но и, что крайне существенно, сострадание, Найман словно бы сам жительствует в «подполье», так что ни уважения, ни сострадания поэту Шварцу ждать не от кого. Герой пьесы замкнут на себе, но и на себе же косвенно — через горячечно пристрастное к своему персонажу отношение — замкнут и драматург. Их миры совпадают и двоятся. Зазор между ними крайне мал, да и то заполнен удвоением героя — женой Шварца Таисьей: вторым ли «я» героя, внутренней ли его сущностью, душой ли, ангелом ли хранителем, господином ли Голядкиным вторым. При этом автор старается тщательно соблюдать тон сторонней насмешливости, но насмешливости не выходит, а выходит изрядно таки монотонная и манерная язвительность, в приступе которой человек не замечает, что давно беседует с самим собой. Но в такой беседе не было бы ничего предосудительного, присутствуй в ней то взыскательное самоуважение, о котором уже шла у нас речь. Однако вместо этого в пьесе преобладает бранчливость, исступленно-бессильная ирония, «романтическое» себялюбие и богемный снобизм.

Но и... растерянность. Ибо, спознавшись со смертью, Шварц позволяет себе тотальное, едва прикрытое веселой жутью гиньоля презрение ко всем собеседникам своей жизни. Но это презрение терпящего поражение бесстыдника, торопящегося выместить на остающихся жить злое раздражение ума. (Судя по почти непристойной словесной изобильности, густоватому ерничанью и духу некоторой «потусторонности», в числе вожатых этой пьесы представляется еще одно произведение Федора Достоевского — «Бобок».)

Это последняя игра ожесточенного одиночки, когда-то легко усвоившего беззаботный конформизм, раннюю славу и все уроки нарциссизма. Теперь же все это утрачивается, и Шварц заглушает боль презрительным шутовством и неудержимым говорением. Он отменно изворотлив и безусловно правдив в том условном представлении, что разыгрывает для себя самого. Правдив и в обольщении чувством избранности, и в презрении к людям, и в откровенном криводушии. Правдив во вранье. Близость смерти он использует как вернейшее доказательство вседозволенности, оставаясь невольником своей «разрешенной мысли» о праве уже исповедавшегося грешника обличать нечестивых, наставлять беспутных и пенять праведникам.

Как заигравшийся актер, герой Наймана поглощен ролью не только на сцене, но и в жизни. Маска не просто стала лицом, но и заместила в душе все, сколь ни будь существенно иное. Более того, мы имеем дело с неким странным психологическим переносом — непрестанным перевоплощением персонажа в автора и наоборот. Запоздало пытаясь исторгнуть из себя цепко укоренившуюся позу или выбрать другой способ поведения, ни тот, ни другой сделать этого не могут. Так в чужом обличье и обречены завершить дело: автор — пьесу, а герой — жизнь.

Явление это приводит на память давнее театральное впечатление. Одна из философских притч великого французского мима Марселя Марсо называлась «Мастер масок». Демонстрируя зрителям созданные им маски, герой Марсо поочередно примеривает их. Но вот настает миг, когда очередная комическая маска, словно прилипнув, отказывается сходить с лица. Тогда мастер, сначала играючи, потом испытывая неловкость, потом уже не на шутку раздражаясь и, наконец, плача, пытается сорвать ее. Но тщетно. Она приросла, превратившись в лицо — в затянутое смехом плачущее лицо...

4. Неприятный человек

«Неприятный человек» — так называется роман Анатолия Наймана[7]. И впрямь, отраженный зеркалом самоопределения (в скобках заметим, что зеркало это вырезано по лекалу «Записок из подполья»), исповедальный образ «я человек неприятный» беспроигрышен уже в самом замысле. Косвенно это словесное построение восходит к Гоголю, странным, через Достоевского, но прямым путем попадает в «Жизнь Клима Самгина», широко после разливаясь по позднейшим русским литературным полям.

Однако какое-либо литературное родство с кем бы то ни было из предшественников герой романа отрицает с самых первых строк своей откровенной повести: *«...неприятный человек — это я. Сразу предупреждаю: ничего общего с Достоевским, уж скорее с Толстым. А в целом ни с кем ничего общего. Потому, собственно говоря, и неприятный»*. Он так упорно открещивается от причастности к литературному обычаю и чужой литературной форме, что становится особенно ясным стремление эту причастность обозначить: ведь для выплавки своего монолога герой-рассказчик откровенно

[7] «Октябрь», 1999, № 9.

использует добытую другими руду — и содержательно-культурную, и формально-стилистическую.

Автор же, отдавая с первых же строк все повествование на откуп герою, передоверяет ему и свою авторскую позицию. А Даниил, герой-рассказчик «Неприятного человека», хитроумно прост и эмоционально раскован, отменно небрежен в разговорном слоге и одинаково непринужден как в откровенности житейских мнений и многой чувствительности, так и в словоохотливой интеллектуальной рефлексии.

Используя в качестве подспорья «Записки из подполья», автор «Неприятного человека» имеет в виду с помощью героя Достоевского обнаружить перед читателем такое же широкое отвращение своего героя ото лжи и его тесную приверженность «неприятной правде». А главное, располагает неукоснительно обличать живущих «по двоемыслию и двоедушию» иных прочих, которые ни вида, ни безжалостного света «неприятной правды» не только не выносят, но и выносить не желают. Постепенное исполнение замысла, где автор вместе с героем отважно укоряет и неусыпно уличает этих самых прочих в лицемерии и нечестии, заодно наставляя эти «дырявые» души в нелегком труде жить не по приятной лжи, а по неприятной правде, и составляет, собственно, сюжет романа. Второй важнейшей составляющей сюжета является наступательно жесткое, но и тщательно прилежное самопредставление героя как подвижника и страстотерпца. Иначе говоря, дело в повествовании идет о нелегкой доле «неприятного человека», взявшегося говорить ближнему и миру *правду, одну только правду и ничего, кроме правды.*

Однако свой маневр опытный писатель совершает не прямолинейно грубо, а с извивом изящно. Используя блеск диалектического метода «утверждение через отрицание», он заявляет и поддерживает историко-литературную узнаваемость героя, что сразу же дает возможность безоглядно уверять читателя и в полной его психологической достоверности. Так весь поток несколько исступленной, намеренно неопрятной и расчетливо скоропалительной речи героя, ее сбивчивый ритм и откровенно заявленный индивидуализм «я» подчеркивают сознательное заимствование чужого приема. Больше того. Прицельным броском в такую крупную мишень, каковой являются «Записки из подполья», автор заодно объявляет читателю и о лучших образцах того классического литературного ряда и обычая, в который своего героя помещает.

Этот, будто бы не ищущий четких очертаний, будто бы употребляющий не нарочные, а лишь кстати подвернувшиеся и вовремя пришедшие на ум слова, раскованный монолог на самом деле целеположенно строг и целеустремленно ясен. Ибо, происходя из жанра «разговоров с самим собой», он дает возможность автору эффектно вольничать в философии морали, заодно обнаруживая одинокое благородство героя, его пронзающее души близких нестяжание и нравственно благородную истеричность. Истеричность страдающего от собственной благодати правдоискателя и правдолюбца, что агрессивно не понимаем окружающими. Все эти свойства «неприятный человек» упоенно в себе выращивает, гордо и нарочито отделяя себя от лицемеров, циников, конформистов, моральных трусов, усталых пораженцев и прочих грешников обыденной жизни.

Размеры статьи не позволяют, к сожалению, подробно и дотошно сравнить долгие зачины и самый словесный ритм «Записок из подполья» и «Неприятного человека». Сравнение было бы красноречивым. Тем более красноречивым, что ни сами «Записки из подполья», ни их безымянный мятущийся мыслью рассказчик ни разу в романе не поминаются. Кажется выразительным и почти прозрачное самосопоставление «неприятного человека» с литературными героями, ассоциирующимися с основами христианской этики, — Мужиком Мареем того же Достоевского или толстовским Платоном Каратаевым.

Так же, как и «подпольный парадоксалист», «неприятный человек» Даниил писателем себя не числит и сообщает об этом не только откровенно, но и слегка даже гордясь. Он — лишь любитель писать, много переживший и оттого не сдержанный в слове. А потому и простодушие ему во всех случаях приходится впору. Ибо, выбранное как поведение, именно оно и позволяет герою невозбранно резать окружающим «правду-матку», запросто и по-свойски обращаясь и к читателю, и к первому встречному, — и к современной литературной хронике, и к давней литературной истории, и к словоохотливому философствованию. Именно это выспреннее, умышленное и умелое *простодушие напоказ* и есть основная форма, в которую воплощает свою «идею» герой Наймана. Недаром он так кичится им.

Но и усердно стремясь в своей *«прозе без груза деталей»* не походить на «настоящего писателя» и старательно рядясь любителем, Даниил настойчиво рекомендуется читателю человеком культурно искушенным. О себе ли, об окружающих, об искусстве ли, о человечестве ли или о христианстве и его Основателе, — обо всем этом он пишет уверенно, но и с напряженным, так сказать, высокомерием. «Неприятный человек» по Найману — это человек, чей моральный максимализм и эпатирующая искренность суждений вкоренены ему как свойство души и впитаны как обычай жизни. Что возмущает окружающих, а стало быть, небезопасно, каковым обстоятельством герой весьма гордится и всячески его выставляет. Потому что именно риск пребывания в таком обычае и «подымает ввысь», ибо претерпевающий за правду есть человек особенный, а оттого имеющий преимущественное право наставлять в истине других — не претерпевающих и не особенных. Величавая грусть звучит в романе как некая *«постоянная Даниила»* — особый звук, присущий ему как верноподданному правды: *«неприятному — по-настоящему, как я... неприятному не сладко живется, невесело. Его вытесняют к краю зоны человеческого общения, а под конец и совсем за край выталкивают — умирать одному»*.

Беспощадна требовательность героя как к персонажам своей жизни, так и к жизни как таковой. Его моральная планка гладка и высока, а мораль как орудие остро непримирима к пестроте иных мнений и этической неряшливости обыденного человека. Но писатель старается умело провести своего героя между классическими фигурами взыскующего правды печальника и гордого собственной горечью мизантропа, нерасторжимая слитность каковых, скажем, вполне свойственна Чацкому. Провести с помощью такого вот признания-объяснения-оправдания: *«...я человек недовольный: собой и — через себя — не-собой. <...> Я ведь и себе неприятен»* (вспомним похо-

жее признание из романа «Тартар, Лтд.», хотя его любительски плоская декларативность далека от сравнения с опытным и емким психологизмом фразы «неприятного человека»). Фраза эта напрямую связана с поэтикой «Записок из подполья». Однако ее разговорная интонация звучит все-таки чуть нарочно, а правдоподобно живая небрежность постройки — слегка вычурно. Почти видно, как стремится уйти писатель от выстроенной литературности, чтобы попасть в тон литературе. Но уйти все же не удается. Ибо вся стилизованно житейская, напряженно «исповедальная», но и натянуто просветительская ткань романа — это не мученически одинокий голос, а учительное наставление миру. Заявленная как дневниковая исповедь, обдуманно сбивчивая повесть жизни, целенаправленно уклоняется в урок морали для нравственно нерадивых. Или в занимательное слово к зеркалу, но слово сказуемое... при свидетелях и для свидетелей. Оттого, в отличие от замкнутого слова-сюжета Достоевского, слово-фабула Наймана откровенно саркастично и наставительно, что ведет к назойливой моралистической риторике и ожесточенной назидательности.

Монолог «неприятного человека» — это оповещение, послание и поучение. Даниил кокетливо рассуждает: *«Ничего хорошего в том, что я всем этим делюсь с кем-то, кому мои записи могут попасться на глаза, не говоря уже, если их напечатают, нет»*. По прочтении этих слов у читателя возникает нехитрая психологическая догадка о как раз твердой уверенности героя в том, что его *«размышления к самому себе»* таки да, напечатают.

Жанр этих *«размышлений»* можно бы определить как «роман ожесточения», написанный успешным эстетом о славолюбивом мизантропе. Мизантропе, которому *«жить — нравится, а жизнь — нет»*. Поэтому слова, сказанные здесь о жизни, — в отличие от слов подлинно нервного письма Достоевского, — не вяжутся и сплетаются, а толкутся. Толкотню же эту родит и упорно поощряет одна давнишняя идея — просветительская и романтическая одновременно *идея неприятия обыденного человека*. Именно она щедро питает это изрядно брюзгливое повествование. Разрастаясь вместе с настойчиво внушаемой читателю праведностью героя, идея заполняет собой и весь нескрываемо резонерский сюжет этого романа.

Однако нетерпеливая скоропись даниилова самораскрытия несет в своем искусном потоке одну заметную особенность. Вся материя этих записей — ткань загодя сотканная, а не тотчас, каждое словесное мгновение ткущаяся. Герой романа — человек уже ставший, а не еще становящийся. «Неприятство» его заранее и всеобъемлюще решено, а потому и как литературное поведение оно давно состоялось. «Записи» Даниила — это отчет в уже совершившемся, затвердевшем и неизменном. Герой — не ищущий человек; свою «неприятную правду жизни» он уже нашел и о ней, фатальной, с гордой злостью мир оповещает. Свою духовную и философскую родословную герой производит от Данте, пытась обосновать свое поведение как именно литературное, укорененное в истории культуры.

Подспудно роман и устроен как хроника зависимого от образцов, не вольного в себе поведения. Поведения прозорливца, раздраженного обыденной жизнью и раздражающего других оглашением скверной правды об этой жизни. Поэтому повествование не исследует личность персонажа, а

лишь пространно сообщает о прихотях его поведения и рефлексии. Ибо каждый день Даниила — это россыпь поступков, слов и жестов в пределах позы. В пределах «литературно подпольного» самоназвания: «неприятный человек». «Неприятность» как вещество личности, холодно и брезгливо дразнящей грешный мир, сгустилось задолго до порога романа. В форму персонажа по имени Даниил оно просто позже застыло. Вещество это оказывается равным самому себе с самого начала повествования и, не изменяясь, остается таковым до самого его конца. Развитию оно не подлежит и лишь сполна обеспечивает собой деятельность моралиста и обличителя, не без изыска назвавшегося «неприятным человеком». Обличителя, что, мятясь на кругах жизни, высокомерно гневается на слабодушие, моральную вялость или конформизм всех обитателей своей округи. Причем делает это неукоснительно задорно, едко и ядовито. Чем, собственно, и обосновывает свою жизнь этически, заодно обеспечивая ей и прямой общественно-полезный смысл.

Смысл же существования героя в романе состоит в том, чтобы воплощать не субъект исповеди, а объект писательской затеи. Герой оказывается заложником идеи «литературного подполья», преображаясь в подданного служителя идеи *«Я — неприятный человек»*, подневольно и послушно признающегося: *«Неприятный человек — это я»*.

«Подпольному жителю» Достоевского для спора с миром или для проникновения в собственную душу достаточно замкнутого со всех сторон одиночества. Герою же Наймана, чтобы сознавать себя праведником, мало укорять мир наедине с собой. Ведь праведник подлинен лишь до той поры, пока гоним, не понимаем и пока он, «страстотерпец», отвергает «кривду» во всеуслышание — публично и на миру, этим миром не понимаемый, осмеянный и отверженный. Именно так и терпит свою страсть Даниил: его не приемлют как раз люди для него важные и даже близкие. И, стремясь сохранить или хотя бы исчерпать отношения с ними до конца, герой Наймана ищет заменить ненадежность любви (чувством которой обделен) проповедью правдолюбия. Для чего постоянно обращается не только к истории и морали христианства, но и подчеркнуто накоротке — к Самому Христу. Однако и об этих связях и об этих обращениях и порывах так и хочется сказать «под строкой»: подсказано Достоевским в романе «Идиот».

Но упорно стремясь к сохранению связей с близкими, Даниил так же упорно страшится быть неразборчиво смешанным с человечеством. «Разрешение последнего вопроса» он облекает в форму следующей ловкой максимы: *«...чем больше человек уходит в человечество, тем меньше он человек»*. Невольным ответом на этот афоризм служат слова одного из персонажей романа, Кирилла Сергеевича: *«Мы с вами, Даня, в чем расходимся? — Вам не по пути с человечеством, и вы с ним примиряетесь только потому, что в нем есть человек, **один**[8], вот этот, вот этот и вот этот; а я, хотя о человечестве мнения тоже весьма низкого, весьма, но исхожу из того, что человек в нем **каждый**[9]»*.

---

[8] Выделено А. Найманом.

[9] Выделено А. Найманом.

Речь о том, что строптивость «правдолюбия» явлена в найма новском герое как умышленная, как неколебимо тщеславное отстаивание своего особого обо всем мнения, а не реальной независимости души. Именно поэтому, несмотря на своеобычность взгляда и лучшие намерения ума, Даниил и уходит в многословное наставительное резонерство. И если что и задевает его за живое, если что и доводит «до белого каления», — то это мелкость, криводушие и духовное ничтожество обыденного человека.

Здесь стоит свернуть с пути непосредственных впечатлений и попробовать прояснить смысл душевного устройства Даниила. Прояснить, используя те самые сопряжения и связи «Неприятного человека» с литературным былым, которые автор отверг было с самого порога романа. Повторим цитату: *«...неприятный человек — это я. Сразу предупреждаю: ничего общего с Достоевским, уж скорее с Толстым. А в целом ни с кем ничего общего. Потому, собственно говоря, и неприятный»*. Знаковая в истории литературы словесная форма *«неприятный человек, у которого ни с кем ничего общего»* вызывает к символическому присутствию на страницах романа и имена «неприятных», согласно классификации героя, людей прошлого: Данте и Мандельштама. Стало быть, общее все же есть, коли Даниил так убежденно и сознательно себя к этому «чину» и «лику» причисляет.

И кажется характерным, что причисляет он себя к ряду персонажей именно исторических, реальных, упрямо отрицая связь с персонажами литературными и сочиненными. Но одно исключение писатель для своего героя все же делает: в роли возможного его со-образа допущен в роман Чацкий. Сравнение это очевидно льстит Даниилу, Чацкого он готов поднять повыше, до полного себе соответствия. Поднять еще и затем, чтобы жестом такого культурного допущения тем вернее приблизиться к Мандельштаму как истинно и *«вдохновенно неприятному человеку»*. Но это еще не все, с хлестаковским воодушевлением герой вновь поднимает планку сравнений, занося в список *«неприятных до невозможности человеков»* и Христа: *«А прежде всех, как всегда — Иисус: лисы имеют норы, и птицы — гнезда, а Мне негде голову склонить»*. Здесь Христос, Данте и Мандельштам не просто уподоблены друг другу, но таким способом очерчен соразмерный герою «ближний круг» философского родства.

Однако, отдавая честь идеальной душе и моральным совершенствам этого сверхчеловека, попытаемся все-таки проследить и представить более реальное литературное уравнение: Даниил = Чацкий. Оно звучит в романе внушительно. Тем более внушительно, что обнаруживает его человек Даниилу наиболее близкий — собственный сын. Кроме того, не обинуясь примеркой «не по росту», его поддерживает сам автор. Тем более стоит повторить, что идея и постановка жизненного поведения как самодовлеющего, ролевого и эпатирующего неуклонно вынуждают к гордыне и одиночеству. Целенаправленное преувеличение себя как право имущего и превращение опыта мизантропической иронии в твердый символ веры духовно опасны. Даже для такого идейного стоика, каковым представляет читателю своего «неприятного человека» автор. Ибо, вместе с одиночеством, всеядная ирония и философия «далекого ухода от человечества» несут в душу и нравственную разруху.

Изощренное правдоискательство героя оборачивается не внятной взыскательностью к себе, а обличением домашнего «савонаролы», взыскующего жертвы. Люди сторонятся его, побаиваясь насмешки и чувствуя холод в обществе человека такой аристократической чести и воинственной добродетели. Даниил — данник поведения как самодостаточного этического замысла со вкусом слаженной мизантропии.

Чацкий, прежде всего иного, мизантроп поневоле, и поведение его — это прямая производная чувства. Даниил же представляет зрителям своей жизни не чувства, а жесты. Не стоит сомневаться в искренности Даниила, в его «чистопородных» стремлениях прочь от человечества, в его неистовом радении о «жизни не по лжи». Это действительно искренность. Но искренность учительного самоутверждения, позы и игры. Лиза в «Горе от ума» говорит о Чацком: «*Кто так чувствителен, и весел, и остер, как Александр Андреич Чацкий!*» Даниил в «Неприятном человеке» тоже зачастую весел, тоже, порой чересчур, остер, но он не чувствителен: он умен и суемудр.

Чацкий бежит от людей, Даниила люди оставляют сами: вдруг или постепенно, но все равно покидают — один за другим. Чацкого вынудили. Даниил вынуждает сам. Чацкий зол, но почтителен к обычаю, готов к миру и рад пощадить. Даниил умышленно «необычаен» и беспощаден. Чацкий гневается от обилия чувств терпящей поражение души. Даниил, насмешливо досадуя на других за их инакость, презирает их рассудочно. Его связи с людьми односторонни, они не преображаются во взаимные. Чацкий находится с людьми в сложных драматичных отношениях, Даниил с ними сносится лишь для выражения упреков в двоедушии, переменчивости и неспособности ценить его доброту. Чацкий людьми обижаем, Даниил их обижает сам. Несгибаемая требовательность его холодного морализма — ведущее состояние этого тщеславного ума.

Вернемся, однако, к Достоевскому. С пониманием выслушав неоднократные отказы героя романа Наймана от «общего с Достоевским», попробуем признаки этого самого «общего» все же разглядеть. Решительный выкрик найматовского героя о том, что у него, пишущего, «*ни с кем* (а тем более с Достоевским. — *В. Х.*) *ничего общего*», приводит на память как раз автора «Подростка». Настойчивое желание Даниила избежать упреков в суетности, твердость, с которой он подчеркивает, что писал исключительно для себя, самая нервозность письма — все это сходно с признаниями подростка Долгорукого. Сходно настолько, что, порой, почти совпадает в признаниях и смыслах, расходясь, правда, в нравственных целях. Например, герой Достоевского: «*Надо быть слишком подло влюбленным в себя, чтобы писать без стыда о себе самом. Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут. <...> Я — не литератор, литератором быть не хочу, и тащить внутренность души моей и красивое описание чувств на их литературный рынок почел бы неприличием и подлостью*». А вот герой Наймана: «*...и что, в таком случае, я есть, как не неприятный человек? Сказать, записывай в дневник, раз не можешь не записывать. А — дневник не то же самое? Кто говорит: после моей смерти уничтожить, что я написал, — не может не знать, а возможно, и не признаваясь самому себе — или, признаваясь только себе, — что все будет сохранено, возможно, даже опублико-*

вано». Но психологические и нравственные знаки этих откровений наглядно противоположны. Даниил, несмотря на признание *«я и себе неприятен»*, собою совершенно доволен, а ролью «холодящего кровь» даже несколько одержим. Долгорукий именно недовольством собой только и жив, только и мучается. И, что важнее всего, жив и мучается до самых душевных глубин искренне. Даниил же объявлением о том, что неприятен он и самому себе, читателя мистифицирует. Проявления его самодовольства следуют в романе исправно и своим чередом.

Заметно выдающимся из обычного строя речи свойством персонажей Достоевского является судорога торопливости, с какой уясняющие себя люди выталкивают из души все там происходящее. А вытолкнув, размещают в не сообразном реальному плотном времени и малом пространстве. Иначе говоря, утесняют жизнь в несколько странных дней трагического скандала или трагического балагана. Не боясь стыда униженности и, улавливая-отмечая самомалейшие психические движения, Достоевский добирается до глубин и рисует картину здешнего и иного одновременно. События отдельной души становятся событиями людского дня. Сокровенно личное оборачивается духовно значимым и возмущает привычно общее. Время у Достоевского оказывается сжатым почти до условно-театрального. Но в театре действие разворачивается публично, на глазах у зрителя и как раз таки для него. (Повторим в скобках, что именно стремление к публичности, к игре, к зрительскому успеху является важным признаком «Неприятного человека» и заметным чувством его автора.) Достоевский же, что примечательно, резко скептически относился к предложениям о постановке своих произведений на сцене.

Оттого, кажется, так относился, что в произведениях этих на малую точку житейского пространства давит тяжесть непомерная. Тяжесть торопящейся высказаться, выплеснуться, исповедаться или повиниться мысли. Потому такая мысль и оказывается, зачастую, не в ладу и со временем, и с местом. Герой Достоевского перемещается в пространстве души. Перемещается со скоростью уму не постижимой и по многим направлениям зараз. Его существование не последовательно линейно, а обширно дискретно, как смятенье чувств и бег думанья. Заплетающийся бег господина Голядкина — это бег не только по Вознесенскому проспекту. Это беспрестанный бег по неисчислимым кругам мысли. Это сшибка и возникновение, побежки и перебежки чувств, которые, не мешкая, тут же и без остатка облекаются в слова. Слова, что полнотой выражения сообразны всему происходящему в душе бегущего человека, бормочущего и записывающего одновременно. Неприкаянный герой Достоевского стремится пребывать во «многом месте» сразу.

Исток и корень «небрежного» стиля Достоевского далеки от тщеславного желания скрупулезно воспроизвести «разговоры будней». И уж тем более далеки они от письма стилизованно неопрятного и без нужды невнимательного и торопливого. От всего того, что в достатке присутствует в монологе наймановского «неприятного человека» — героя, подробно внешне воспринявшего и попытавшегося воспроизвести особенность писаний Достоевского. Поэтому и в целом роман Наймана воспринимается не как

неотступно требовательная исповедь о «горькой судьбине» происходящего в душе, а как система доказательств теоремы, развернутых учителем перед неслухами-учениками. Жанр романа «Неприятный человек» — жанр риторический. Это задолго до публичного оглашения выстроенный и не слишком убедительный долгий довод неприятно правдивого героя в пользу своего преимущественного права быть моральным укором всем другим. Что, в свою очередь, должно повлечь за собой право исключительное: саркастически пенять им за то, что они другие, то есть «приятные и неправдивые».

Причина «небрежного» слова Достоевского иная. Слово его переминается в нетерпении успеть распутать хотя бы некоторые из многих узлов душевной путаницы. Иначе сказать, разъяснить образ той круговерти, что взвивается и опадает во всякой человеческой душе, чтобы взвихриться снова. Кажется, что писатель не в силах остановиться, он боится упустить возможность вызволить и назвать все текущее в глубине души. Он не остановим, прежде всего, как пытливый самоаналитик и свидетель самого движения. Потому и не возникает у него даже мига времени для подробного — сродни толстовскому — описания вещи. Такое неспешное поступательное движение к ее воплощению ему не с руки.

Человек Достоевского — это человек не останавливающийся. Вечный бег господина Голядкина — вот что, по Достоевскому, есть душа человека. Поэтому и поведение его персонажей всегда внезапно, не чаяно и самостоятельно. Внутренние, душевные потоки подлинно действующих лиц Достоевского точно угаданы не только оттого, что психологическая зоркость писателя остра сверх всякой меры. Тут дело еще в отваге и честности самораскрытия. Но и роль детали у Достоевского иная, нежели у Толстого или, тем более, у Чехова. Деталь у Достоевского сугубо символична. Оттого он и не боится навязчивости символа психологического. Наоборот, разбираясь в собственной природе, писатель знает, как пристрастен человек к знакам и символам. Поэтому и персонаж его, глядясь в зеркало, парадоксально стремится к несоединимому: выделить свою личность как символ единственного и, одновременно, символизировать себя как существо видовое.

Герои же романа «Неприятный человек», при всей похожей подвижности поведения, такой самостоятельности лишены. Это призванные идеями и замыслами самого Даниила и его автора удобные партнеры. Их характеристики напрямую связаны с мнением о них главного персонажа. Более того, все они возникают в романе по мере последовательных надобностей Даниила подтвердить очередную отрочески дерзкую свою идею. Поэтому, не прибегая к прямым аналогиям, можно сказать и том, что герой Наймана — это выросший и поседевший, но так и не выстрадавший зрелость души капризный «подросток». Тот известный каждому по собственному отрочеству тип, которому мало, стоя пред зеркалом, любоваться отражением своего совершенства в одиночку. Ему невротически необходимо, чтобы отражением этим любовались и другие — несовершенные. Иначе говоря, это «подросток», миновавший труд душевного вызревания и оставшийся хвастливым капризником и снобствующим обитателем все того же «ленинградского бомонда».

Так три, столь непохожих — и по художественным особенностям, и по творческой судьбе — автора выявляют, каждый по-своему и с разной степе-

нью осознанности, одну из важнейших «болевых точек» нашего времени: сегодняшним «неприятным людям» выгодно и нарочито невдомек, что «ад — это не другой», а пестрое «я» человека самого. Потому выгодно и потому невдомек, что труд внимательной самоиронии — это скорбный труд признания собственного несовершенства и изъянов собственной личности врожденными, обреченными ей как вековечный удел душевного естества. Но нынешний человек не обучен честному разговору с самим собой, не готов установить связь с миром *таким* образом. Он пользуется суррогатом — всеобъемлющей, хотя порой и утонченно-умной иронией: это легкий труд снисходительно резонерских отношений с другими. Или — резче — надменного и созерцательно требовательного отношения к ним, заблудшим, морально ленивым и нравственно неразборчивым.

P. S. — У Станиславского есть две замечательные книги — «Работа актера над собой» и «Работа актера над ролью». Очередность их внимательного усвоения очевидна.

Роман СЕНЧИН

РАССЫПАННАЯ МОЗАИКА

Рассказ в прозе тридцатилетних

1. Немодный формат

Книжный рынок, по утверждению специалистов, требует романов. Детективных, любовных, мистических, криминальных, бытовых, исторических, биографических. Или хотя бы длинных текстов, которые за роман выдать можно. И, в целом, недостатка в них нет: полки магазинов забиты беллетристикой, и подавляющее большинство книг преподносятся как романы. Сборник рассказов найти очень сложно, издание их в книжном формате дозволяется, как правило, очень немногим — или бесспорным лидерам продаж, или сатирикам. Рассказы сегодня у книжного бизнеса не в чести, и писать их вроде как не прагматично, — вряд ли продашь.

И все же рассказы пишутся, в том числе пишутся и только входящими в литературу, еще не обретшими имя и авторитет людьми. То ли они не шибко-то признают более крупные формы, то ли, что мне кажется маловероятным, боятся взяться за роман или за его подобие. И особенно ярко форма рассказа за последние годы расцвела в прозе тех, кого принято называть тридцатилетними, — здесь появились даже те, кого определили в наследники Бунина, Казакова, Чехова. Но книг этих *наследников* мы почти не встречаем, знаем их вещи в основном по журнальным публикациям, малотиражным коллективным сборникам. И не исключено, что, продолжив работать в немодном формате, они так и останутся писателями для узкого круга.

Нет, конечно, многие сверстники рассказчиков Дмитрия Новикова, Ильи Кочергина, Александра Карасева давно зарекомендовали себя как мастера крупных форм. Олег Павлов, например, с «Казенной сказкой» и «Делом Матюшина», Дмитрий Быков с «Оправданием», «Орфографией», «Эвакуатором», фантаст Сергей Лукьяненко, Александр Гаррос и Алексей Евдокимов с «голово[ломкой]»... Но все-таки, на мой взгляд, это поколение — родившихся в конце 60-х — начале 70-х — полнее и точнее выражает себя в рассказах. И недаром, наверное, букеровский лауреат прошлого года Денис Гуцко на вопросы журналистов о своих творческих планах неизменно отвечает «пишу рассказы, готовлю книгу рассказов», Евгений Гришковец, обретший популярность как прозаик, автор романа «Рубашка» и повести

Роман СЕНЧИН — родился в 1971 г. в Кызыле. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Прозаик, критик. Автор книг прозы «Афинские ночи», «Минус», «Нубук». Живет в Москве.

«Реки», считает сборник рассказов «Планка» важнейшей частью этой своего рода трилогии, а критик Андрей Рудалев объясняет расцвет рассказа тем, что «малая форма... является отражением времени. Времени, которое характеризуется отсутствием грандиозного, героического,.. обмельчания основных тем, девальвации системы ценностей. Времени, когда человек подвергается испытанием не силы, а бессилия, не воли, а безволия»[1].

Впрочем, и многое из того, что издатели или сами авторы определяют как роман, таковым по существу не является. Очень сложно отыскать в романах тридцатилетних «наличие развернутой системы образов-персонажей и сложную композицию, дающую ряд событий и эпизодов, связанных воедино и показанных на большом протяжении времени». Еще сложнее почувствовать в их произведениях эпическую интонацию, вообще, кстати, становящуюся в литературе все более редкой. Может быть, только Олег Павлов из тридцатилетних в полной мере такой интонацией обладает, и потому, наверное, он сразу, с первых же своих вещей занял в литературе особое, вне поколенческих и направленческих объединений, место.

Скорее, та же «Рубашка» Гришковца, «Патологии» Захара Прилепина, «Без пути-следа» Дениса Гуцко, повести Ильи Кочергина «Помощник китайца» и Антона Тихолоза «Без отца» — огромные по размеру рассказы. Один герой и одна повествовательная линия, более или менее последовательное описание событий. И, может быть, не стремлением пооригинальничать вызвано то, что более молодой автор Сергей Шаргунов назвал свою сотнестраничную историю про журналиста Андрея Худякова «Как меня зовут?» рассказом, а не романом. Ведь, кстати сказать, «Один день Ивана Денисовича» Солженицын упорно именует рассказом, хотя его до сих пор стараются переквалифицировать в более престижную повесть. Но принадлежность к жанру романа ли, повести ли определяется не количеством страниц, а другими качествами. И, как мне кажется, писатели поколения тридцатилетних не обладают (за редким исключением) романным сознанием. Они — рассказчики. Не думаю, что об этом стоит сожалеть, хотя здесь кроется большая опасность.

Новиков, Гришковец, Павлов, Кочергин, Гуцко откровенно пишут на автобиографическом материале. Это ясно видно, даже если не знать ни единого факта их жизни: правдоподобный вымысел деталей украшает документальную фабулу почти любого их произведения. Да и сами эти произведения легко складываются в циклы: у Дмитрия Новикова — общая география большинства рассказов, сквозной герой по фамилии Жолобков, однотипные второстепенные персонажи; у Ильи Кочергина из рассказа в рассказ, из рассказов в повесть перекочевывает одна и та же тема — столичный житель Илюха (или Серега), бегущий из столицы на Алтай, в Карелию, но обреченный на возвращение. То же можно сказать о произведениях Павлова, Гришковца, Гуцко, Карасева, Михаила Титова.

Это можно посчитать приемом, тяготением к модной ныне сериальности, но вряд ли это так. Скорее всего, стремление писать честно не позволяет этим прозаикам далеко отходить от пережитого ими самими, отдаться

[1] Сборник «Новые писатели». Вып. 2. М., 2004.

воле воображения, вымыслу. Может быть, это мешает им раскрыться по-новому, более широко, стать по-настоящему художниками, а может быть, бережет от гибели в неспокойном океане воображения, потери доверия к своим вещам, которое многого стоит.

В статье критика Евгения Ермолина «Литература и свобода»[2] я нашел такую мысль: «Творческая свобода для писателя сегодня столь уже привычна, что ею можно не дорожить. И некоторые, пожалуй, дорожат слишком даже мало, легко жертвуя ею ради выгод момента, привилегий причастности, ради химер старой стайности и новой имперскости.

А вот для многих героев новой литературы открытие свободы на пике полета и экстаза долго не длится. Для них закон земного притяжения никто не отменил. Внутренняя раскрепощенность, свойственная герою, наталкивается на внешние ограничения. Причем эти ограничения ощущаются и осознаются максимально болезненно. В мире новой литературы человек, почти бесконечно внутренне свободный, попадает в жесткие, ломающие тиски социальных ритуалов, повседневной рутины. Его схватывают и не отпускают тягучие обстоятельства. У Ильи Кочергина, Александра Карасева, Дмитрия Новикова — мы находим этот акцент более или менее сильно выраженным, даже до чрезмерности».

Думаю, что эти ограничения свойственны не столько героям названных авторов, сколько самим авторам. Они показывают человека, как правило, в очень коротком временном отрезке, и это не обязательно переломный, критический момент жизни и очень редко — ситуация (главная пища рассказа). Скорее нам показывают состояние, которое бывало у героя уже не раз и не два и наверняка еще неоднократно повторится. Даже если он считает, что это перелом и кризис его жизни. И столь сложное, путаное состояние можно объяснить возрастом героя, — он уже не юноша, для которого все очень остро, все в первый раз и в то же время у которого все впереди, но и не умудренный жизнью муж, который знает, что сходить с ума по существу-то не от чего: все пройдет, устаканится. Развитие героев «новой литературы» происходит не внутри одного произведения, а из произведения в произведение.

2. Ловец состояний

Рассказы Дмитрия Новикова в этом смысле наиболее показательны. Тем более что ему удалось в течение трех лет выпустить две книги — «Муха в янтаре» (2003) и «Вожделение» (2005), и потому легко проследить, как меняются его стиль, темы, мироощущение, что происходит с развитием героя.

Сборник «Муха в янтаре» вызывает ощущение цельной вещи не сквозным героем, не идеей, не общей географией, а попыткой описать очень сложное, наверное, почти и не выразимое состояние. Это не какое-то ровно или мрачное, или светлое состояние его героя, — нет, скорее это то состояние, когда человек, привычно уже проживающий свою единственную, первую и последнюю жизнь, понемногу мучаясь, понемногу радуясь, совершая глупо-

[2] Там же.

сти, кое-что теряя и обретая, многого вокруг не замечая, вдруг неожиданно, порой против воли, оказывается, нет — попадает — в то же состояние, в каком находится мудрое, вечное мироздание. Природа.

Эти-то мгновения и именно такого, выдернутого из колеи повседневности, человека Новиков и старается уловить, запечатлеть. В коротких и, на первый взгляд, камерных рассказах ему удается найти точное настроение. За обыденностью, сиюминутностью возникает вечность. И сюжет как таковой как стержень литературного произведения отступает на второй план, становится не столь уж важным.

Особенно сильно это проявилось в первых же опубликованных рассказах Новикова — «Муха в янтаре», «Куйпога», «Рубиновый вторник», «Лекарственные средства», «Там, где зимуют тритоны». В предисловии к сборнику «Муха в янтаре» издатель Александр Житинский очень точно охарактеризовал прозу Новикова: «...это проекция частного, бытового на вселенский, космический порядок, на исторический фон самого грандиозного масштаба». (Кстати сказать, очень близок к новиковским, на мой взгляд, в этом плане лучший рассказ Захара Прилепина «Ничего не будет»[3], пересказывать содержание которого невозможно, — нужно прочесть и почувствовать нечто не выразимое словами.)

Во многих рассказах у Новикова показан человек, на первый взгляд, благополучный, обвыкшийся в жизни, но неудовлетворенный своим упорядоченным существованием. Глубинно, всерьез неудовлетворенный. И порой он достигает той точки, когда необходимо взбунтоваться. Правда, серьезного бунта не получается (за исключением, может быть, рассказа «На Сумереке»): сдерживают «тиски социальных ритуалов, повседневной рутины». Лишь иногда происходят вспышки, яростные, но короткие отвязки.

Примером такой отвязки, заранее обреченной на провал попытки вырваться из будней служит рассказ «Рубиновый вторник». Показан один из первых погожих дней очередной весны. Мелкий предприниматель Жолобков идет в свою контору, тщетно сопротивляясь тоске по празднику. Ему встречается старичок и предлагает вареных раков. Обрадованный поводом отметить весну, Жолобков заказывает ведро раков к пяти часам вечера (все как положено — к концу рабочего дня). Но вместо работы он с партнером по бизнесу занимается тем, что обзванивает знакомых и хвалится, что вечером они будут есть раков и пить пиво. И еще до обеда, груженые бутылками, знакомые стекаются в контору. Не дожидаясь раков, начинают застолье. Вскоре о раках вообще забывают — идут гулять, как водится, мечтают о девушках. И девушки появляются, и даже болтают с ними, немного отпивают портвейна. Но тут же исчезают. А порядком уже нагрузившаяся компания купила «зеленый пластмассовый пулемет с трещоткой», сняла красный флаг со столба, реквизировала у какого-то цыгана телегу и стала гонять по городу, распевая «Интернационал»... Протрезвев, мужчины благополучно разошлись по домам.

В этом красном флаге, тачанке, в пении «Интернационала» не чувствуется ностальгии именно по советскому времени: ностальгия здесь скорее по

[3] «Новый мир», 2005, № 5.

детству с «Неуловимыми мстителями», по игре в войнушку. Попытка вернуться, обмануть Время.

То же столкновение заматеревшей взрослости и почти забытого, непонятного уже детства мы видим и в одном из самых пронзительных рассказов Новикова «Там, где зимуют тритоны». Герой его уже ничего нового не ждет от жизни: удачи в бизнесе не радуют, они случайны и больше похожи на поражения, семейная жизнь давно стала бременем, а сидение в кафе только усугубляет тоску. Тоска сосет его и на празднике проводов осени у дочки в детском саду.

После конкурсов, песенок, танцев воспитательница решила провести викторину для родителей. И задала вопрос: «Где зимуют тритоны?» Родители напряженно молчали, никто не хотел ошибиться при детях; герой пытается вспомнить: «А действительно, где они зимуют? Нет, не помню, не знаю». Наконец дети решили помочь: «На суше». Родители вздыхают с облегчением...

По дороге домой герой пытается рассказать дочке сказку. У него плохо получается — ничего сказочного, сказка скорее напоминает жалобу. И вдруг перед ними взрывается сброшенный сверху пакет с водой. Герой привычно пугается и злится, недоумевает, кто его сбросил, — до ближайших многоэтажек метров сто, — а дочка восторженно объявляет: «Это был самый сильный в мире “хлюп”».

«На месте, где только что было страшно, теперь умиротворенно висело облако мельчайшей взвеси. Освещенное заходящим солнцем, оно слегка покачивалось и клубилось, как пар от дыхания большого доброго животного». И герой Новикова на несколько секунд ощущает себя в сказке, даже видит в небе нечто необыкновенное: «В темнеющем, густо-прозрачном воздухе на большой высоте жужжал странный предмет, похожий то ли на летающий бочонок, то ли на иностранный спутник-шпион. Сделав большой круг, он удовлетворенно завис на мгновение над нами, весело закудахтал, а затем лег на курс Вазастана. Я точно знал, что Вазастана».

3. Одичать или вернуться

Герой Новикова человек сугубо городской. На природу выбирается редко, выезжает на своем автомобиле, чтоб отдохнуть, набраться сил, насладиться рыбалкой. Через несколько часов или дней он обязательно вернется. Совсем иной горожанин в рассказах Ильи Кочергина. Название его сборника «Помощник китайца» (2003) очень точно: оно сразу рождает мысль о человеке неприкаянном, не знающем, как ему жить, что делать.

Но первый рассказ — «Алтынай» — настраивает читателя на иной лад. Кочергин описывает поездку двух молодых, но уже суровых, опытных лесников — Юрки и Илюхи — по своему участку тайги на Алтае. Ребята довольны своей судьбой, они на «ты» с дикой и опасной природой, они вроде бы счастливы. Но с ними увязалась девушка-алтайка — Алтынай. Она откровенно навязывается в невесты к Илюхе, показывает, какая она смелая, домовитая, нетребовательная, и действительно — чего бы не жениться? —

девушка каких поискать. Но Илюха делает вид, что не замечает, не понимает поведение Алтынай. А на самом деле — он не решается окончательно связать свою судьбу с этой таежной жизнью, обзаведясь семьей. Оказывается, он не нашел обетованную землю, живя здесь, не сжег мосты в другой, городской, столичный мир.

В следующем рассказе — «Волки» — Алтай становится пусть пока золотой, но клеткой. Днем еще ничего — дела, люди, живописные горы, — а ночью: «Одуряющие сны, в которых ласковые женщины приходят к тебе. Они чувствуют все твои мысли, а ты даже не знаешь их имен. Они уходят в тот момент, когда по ту сторону костра появляется из спальника Колькина лохматая голова и будит тебя хриплым голосом». Герой чувствует, как дичает, превращается в зверя: по ночам он выходит из избушки и подвывает волкам; проснувшись от жажды, бежит пить из озера, забыв, что возле печки есть ковшик с водой. И в итоге не выдерживает — собирает нехитрые таежные гостинцы и едет в Город к малознакомой (но все же знакомой) девушке Олесе. Добираться сложно — со многими пересадками, ожиданием попуток, автобусов, поездов. Но, добравшись, встретившись и поговорив с Олесей, почувствовав городскую жизнь, герой убегает обратно. И снова по ночам выходит подвывать волкам.

Все рассказы Кочергина о поездках, путешествиях. Герой всегда в движении. Он едет с Алтая в Москву и обратно, он мечется по Москве в поисках работы; в повести «Помощник китайца» он то и дело возвращается в прошлое, пытается представить будущее. В итоге же остается ощущение тупиковости, безысходности: как бы герой ни стремился разукрасить жизнь, куда бы ни пытался спрятаться, себя ему не изменить, не переделать. Но, тем не менее, метания, побеги и возвращения все же делают его живым человеком.

Постепенно природа из целителя, защитника у Кочергина превращается в нечто иное, напоминающее театральную декорацию. Остается очарованность, красота описаний, но красота — во многом искусственная, очарованность — все более натужная. Герой из крепкого, хотя и сложного человека с ружьем, человека, который когда-то похвалялся себе: «Теперь черта я удавлюсь, скорее другого кого-нибудь грохну», — в новых, вышедших после сборника «Помощник китайца» рассказах «Красная палатка в снегах Килиманджаро» и «Сон-остров» превращается в туриста. Поездки на природу — теперь не попытки порвать с невыносимым, но родным городским миром, а некий сеанс релаксации. Далекий алтайский кордон заменяется удобной, близкой к столице Карелией.

В рассказе «Красная палатка в снегах Килиманджаро» Сергей едет в байдарочный поход с женой и целым отрядом приятелей, с некоторыми из которых вместе когда-то счастливо жил на Алтае. Но теперь все не так: люди стали другими, отношения между ними неискренние, они играют в таежников, их бородки, поношенные штормовки, палатки, суровое выражение лиц — нелепы. Сергей приходит к выводу: «Было время Алтая — и закончилось время Алтая,.. настало время городской жизни». И, не выдержав этой игры в детей природы, распределения ролей, приукрашенных воспоминаний у костра, Сергей с женой покидают компанию — решают, что вдвоем

путешествовать будет лучше. Хотя вирусом игры заражены и они: их отношения — тоже игра, тоже роли... И вдвоем путешествовать не получается; они собираются возвращаться домой, в город. Вещей с собой слишком много, поэтому решено бросить большую старую палатку, которая вдобавок протекает. Расстроенный неудачным походом Сергей курит на берегу и вдруг вспоминает о покойном отце, от которого осталась эта палатка: «...как мы с ним ругались — уже в последних походах, а потом он стал ездить один, и я один».

«Один» — вообще ключевое слово в прозе тридцатилетних. Герой их произведений — один.

Остальные находятся в стороне, они необходимы, но все-таки на дистанции от героя. Особенно от героя-повествователя.

В рассказе «Сон-остров» в Карелию едут двое приятелей — Андрюха и Илюха. Они предвкушают тихие, спокойные дни в охотничьей избушке (за аренду которой заплачены уже немалые деньги), они рады, что будут вместе, будут помогать друг другу, друг друга кормить: один любит охоту, другой рыбалку. Но в первые же дни становится ясно, что им не ужиться. На природе тоска, от которой они сбежали из города, становится еще острее. Андрюха чуть не стреляется из ружья Илюхи; Илюха целыми днями бродит по лесу, сидит на развалинах заброшенной деревни и с трудом скрывает радость, когда Андрюха сообщает, что ему нужно ехать домой. Оставшись один, Илюха чуть не замерз, крепко зацепившись рукой за подледную снасть, пытаясь вытащить налима... По всему видно, что природа не хочет больше принимать героя Кочергина за своего: теперь он здесь нежеланный гость.

Критик Валерия Пустовая, встретившая сборник «Помощник китайца» чуть не с восторгом («Кочергин — одна из точек, от которой можно вести отсчет нового литературного времени»[4]), прочитав «Красную палатку...», изменила свое мнение: «Его новый рассказ “Красная палатка в снегах Килиманджаро” показывает “эволюцию” молодого писателя в сторону элементарно понятого реализма. В рассказе слишком много прямых публицистических выкладок, характеристика образов героев однозначна, типизирована, сам рассказ нездорово долог, с размытой композицией, вялыми переходами от события к событию»[5]. Но, думаю, разочаровало Пустовую скорее то, что герой потускнел. Он уже не борец за свое оригинальное «я», а агонизирующая в пепле романтики жертва.

И, наверное, итогом темы горожанина, пытающегося спрятаться на природе, стал рассказ «Золотое Кольцо»[6]. Здесь герою уже некогда замечать красоты, наслаждаться одиночеством, — он зарабатывает деньги. Старинные русские города он не изучает, а — делает. «Он успел за полдня сделать Муром и отправился во Владимир. Надо было скоро уже сдавать материал, а еще оставались пять городов». Герой торопится сделать к сроку путеводитель по Золотому Кольцу. Размеренная и косноязычная речь провинциальных жителей больше его не занимает, знаменитые храмы не завораживают. Он может позволить себе лишь покивать на желание директрисы музея показать

[4] «Новый мир», 2004, № 8.

[5] «Октябрь», 2005, № 5.

[6] Рассказ опубликован в этом номере «Континента».

ему экспозицию и отказаться, перекурить и выпить маленькую бутылочку коньяка, глядя на деревянную церковь в Плесе... А дома его ждет маленький сын, мечтающий о путешествиях, в который раз примеряющий новенькие резиновые сапоги. Но папа вряд ли возьмет его с собой в ближайшем будущем: нет времени.

Когда-то герой повести «Помощник китайца» Серега, живя на Алтае, почти с ужасом вспоминал, как развозил по подмосковным церквам иконки и складни, а потом мчался домой к жене с дочкой. Прошло время, и вот герой вернулся почти к тому же. Закольцованный сюжет, рожденный не воображением писателя, а, кажется, самой жизнью.

4. Быть другим

У Евгения Гришковца богатая биография, бурная жизнь актера, драматурга и режиссера в одном лице. Жил он во многих городах, служил (как, кстати, и Дмитрий Новиков) на флоте. Судя по всему этому, и проза его должна быть какой-то необыкновенной, экзотической, сюжетно, образно разнообразной. Но Гришковца в большей степени интересует самый обыкновенный житель мегаполиса — один из обитателей бесчисленных многоэтажек. Ему хочется увидеть в таком человеке нечто особенное, определить и показать, чем он от остальных отличается, в чем он — другой и в чем остальные — другие.

У него и рассказ есть такой — «Другие», в котором герой признается: «Я помню, как я обнаружил, что есть другие. Другие люди! <...> Я помню, как это открылось мне, как я был ошеломлен и как в первый раз стал всматриваться в людей, даже хорошо мне знакомых, после этого открытия». На первый взгляд, признание абсурдное и пустое, но ведь, если задуматься, как редко мы чувствуем, что вокруг нас действительно другие люди. С другими мыслями, другими жизнями, другим прошлым и будущим.

Сборник рассказов Гришковца «Планка» (2006) я считаю событием в нашей сегодняшней литературе. Такой книжки, с одной стороны, простой, легкой, но в то же время близкой очень многим и полезной, — нынче почти не встретишь. И, скорее всего, появись Гришковец со своей прозой без ореола славы модного драматурга, его вряд ли бы так охотно печатали. По крайней мере, вряд ли бы стали выпускать его книги. Но к Гришковцу пришло редкое сегодня признание: его считают не пишущим прозу драматургом (актером, режиссером), а — писателем.

Такой писатель, как Гришковец, по моему убеждению, должен был появиться, должна была появиться его «Рубашка», у многих вызвавшая решительное неприятие, должны были быть написаны его простенькие, примитивные даже, рассказы. Гришковец увидел типичнейшего человека нашего времени, уловил его язык, его интересы и проблемы, показал его тяжелую, проносящуюся в бешеном ритме, но по сути пустую и бессобытийную жизнь. И его тоску по чему-то настоящему — по любви, по подвигу, по дружбе.

В рецензии на роман «Рубашка» в журнале «Знамя» (2005, № 2) Владимир Елистратов («филолог», как он определяет себя, что в данном случае существенно) упрекает Гришковца в языковой бедности (постоянные по-

вторения «был», «ехал», «поехал»), в отсутствии в романе интриги, сюжета и композиции. В том, что нет «ни метафор, ни олицетворений, ни гипербол... Ни просто эпитетов, самых завалящих. Вообще ничего». И в итоге рецензент приходит к выводу: «"Рубашка" в таком случае — либо гениальное открытие, в том числе лингвистическое, либо — абсолютная, наивнейшая утопия». Я готов признать роман Гришковца «гениальным открытием».

Мы привыкли ожидать от книги интриги, увлекательного (то есть — необыкновенного) сюжета, олицетворений, гипербол, метафор. Но сюжет «Рубашки» совершенно не литературен, жизнен; язык — не литературный язык, а язык художественной литературы — тот, который более всего подходит для показа того мира, в котором живет герой произведения. Мир прозы Гришковца без особых интриг (мелких предостаточно), без увлекательности, в нем нет места гиперболам, метафорам, а тем более олицетворениям. Это реальный мир.

Первый же прочитанный рассказ Гришковца «Спокойствие»[7] меня удивил. Он вроде бы совсем ни о чем. Вызывающе ни о чем. Главный герой, Дима, проводит летний отпуск в квартире. Отправил жену с детьми к морю, хотел заняться делами (какие-то у него коммерческие дела), но вместо этого лег на диван и стал смотреть телевизор, есть «вредные» бутерброды с колбасой. Даже приятелям звонить перестал. Сделал паузу в жизни.

Да, в рассказе ничего не происходит, нет сюжета, композиции, но именно этим он и ценен. Нас приучили видеть героя в действии. Здесь же он — замер. И, оказывается, ему, жителю большого города, очень трудно пребывать в таком состоянии. Хорошо, полезно, но трудно, даже стыдно: вокруг ведь кипит жизнь, отпуск ничем особенным не озаряется, дни похожи один на другой. И потому Дима врет позвонившему вдруг приятелю: на вопрос, чем занимался во время отпуска, он отвечает: «Да-а-а-а. Дел было много. Обычная ерунда. А своих отправил к морю». И вскоре в аэропорту, где герой ожидает жену с детьми, он повторяет то же самое и тут же чувствует, что говорит неправду: «Диме вдруг стало как-то неудобно за то, что он соврал малознакомому человеку. Зачем он сказал, что ему было плохо летом. Ему было летом неплохо. И зачем он так оклеветал свое летнее спокойствие. Да, может быть, у него такого хорошего лета и не будет уже никогда».

Жена с детьми благополучно возвращаются, и Дима везет их домой. Пауза в жизни кончилась. Благотворная пауза спокойствия, и он провожает ее почти без сожаления. Нужно дальше работать, крутиться, зарабатывать деньги, встречаться с людьми. Впереди то, о чем пишут тысячи других писателей...

Другой рассказ Гришковца своим названием не мог не вызвать подозрения и даже отторжения — «Погребение ангела». Сколько этих ангелов становилось героями литературы! И чем слабее писатель, тем чаще он впихивает в свой текст ангелов. Но стоило прочесть первые же строки, и предубеждение пропало: нет, о чем-то стоящем вещь.

«Матч был не решающий и даже не очень важный, но как-то все собрались его посмотреть, и Андрей тоже пошел. А что? Была суббота, погода стояла плохая, холодные дожди зарядили с середины сентября, и на дачи

[7] «Знамя», 2005, № 1.

уже никто особенно не рвался. А тут неподалеку открылось новое спортивное кафе-клуб с коротким названием "Аут"». Все нормально: герой, Андрей, хоть и не особенно любит футбол, неплохо проводит вечер с приятелями, выпивает пива (жена предупреждена, что он выпьет) и не спеша, в хорошем настроении возвращается домой. По пути решает купить «еще парочку бутылок пива, с тем чтобы выпить их с удовольствием дома.

«— А ч-ч-черт, — вырвалось у него. Он вдруг вспомнил, что нужно будет сразу, как только он придет домой, развернуться и идти гулять с собакой. С Графом <...> Татьяна, жена, никогда вечером с ним не ходила, это была ее утренняя обязанность. А Варя, старшая дочь, которой Графа, кстати сказать, и купили,.. гулять с собакой быстро перестала. Перестала, как только друзья во дворе привыкли и охладели к щенку. <...> Он чертыхнулся, но в следующий момент вспомнил, что идти гулять с собакой не надо, потому что Граф уже четвертый день болел и последние два дня не выходил из дому. Андрей облегченно вздохнул и тут же выругал себя за эту малодушную и невольную радость».

Андрей приходит домой, и тут выясняется, что Граф умер. Жена просит срочно унести его из квартиры: ей пришлось отвести младшую дочку к соседям, чтобы она не видела, — но уже почти ночь... Пьяненький Андрей заворачивает Графа в покрывало, собирает его поводки, ошейники, миски, берет «военную лопату в чехле» и уходит: «Похороню где-нибудь».

Но хоронить пса негде: повсюду дома, асфальт, машины. Не во дворе ведь школы?.. И Андрей со своим свертком крадется дальше и дальше; в одно мгновение из обычного, неотличимого от других человека лет сорока он стал другим. На него и его ношу обращают внимание, подростки задираются: «Ты че, отец, клад закапывать пришел? Так давай его нам сразу».

Отыскивая место для могилы, Андрей удивляется, что никогда не слышал о собачьих кладбищах, не задумался о том, где хоронят домашних животный; он стыдится своего вида, почти не узнает своего района сейчас, поздним вечером. Оказывается, он не знает толком той местности, где прожил столько лет... Вот спасительный парк. Безлюдье. Андрей начинает рыть яму, но вскоре подходят милиционеры. И он чувствует себя чуть ли не преступником: ведь знает, что копать ямы в парке взрослым людям нельзя. На вопросы милиционеров, зачем он это делает, Андрей сбивчиво и виновато объясняет, что вот умерла собака, надо похоронить. Милиционеры входят в положение и не наказывают, советуют положить собаку в мусорный контейнер. Но герой все-таки совершает свой маленький подвиг — находит стройку и на дне котлована предает тело Графа земле. Хотя, если подумать, котлован — могила лишь до утра: утром стройка продолжится...

Рассказы Гришковца просты по форме, по содержанию, узки по теме. И все же, на мой взгляд, это настоящая литература. Да и не только на мой взгляд, — к таким вот смелым выводам в своей рецензии на сборник «Планка» приходит Лев Пирогов: «Полагаю, что для абсолютного большинства рядовых читателей, с удовольствием пробавляющихся донцовыми и лукьяненками, это было бы хорошее чтение. На некоторые художественные несовершенства они просто не обратят внимания — раз уж им донцова не поперек горла. А вот преподносимые книгой нравственные уроки полезно

скажутся как на их духовном самочувствии, так и на их мнении о «серьезной литературе вообще» и о том месте, которое способна она занимать в их жизни. Типа все-таки для них — для людей она. Для "других". А не для тусовки "ценителей"»[8].

5. Писать просто?

Реализм сегодня существует разный — элементарный (тупой), символический, новый, гротескный, метафизический. Это и немудрено после многих десятков лет безмерного главенства в нашей литературе реализма социалистического, ставшего с наступлением свободы (начало 90-х) отличной почвой для авангарда и постмодернизма. Десяток лет одни писатели упивались свободой, выпуская шокирующие, заумные, стебные вещи, другие же заключили свое творчество в догмы религии, в тиски традиций.

Писатели поколения тридцатилетних, судя по всему, должны были бы стать первым литературным поколением нового времени, не знающим запретительных рамок, творящим в литературе все, что заблагорассудится. Но оказалось, что поколение это в целом одноцветно и цельно. Среди писателей этого поколения очень трудно найти удачно работающих в историческом жанре, в фантастике и фэнтези, почти нет постмодернистов, концептуалистов и т. д. Почти нет, к сожалению, литературных критиков, драматургов, поэтов, отваживающихся выйти за пределы лирики (то есть — изображать не только «личностные переживания»). Писатели, а скорее вообще люди этого поколения, заняты в основном именно собой, своими личными переживаниями — переживаниями своей личной жизни. «В произведениях литераторов нового поколения, — пишет Андрей Рудалев, — мы можем наблюдать особую форму эгоцентричного реализма, который часто превращается в подобие документального повествования. Пришел, увидел, рассказал»[9].

Но одни стараются писать об этом предельно достоверно, документально (или с ощущением документальности), другие же, наоборот, всячески прячут личностную основу под покрывало игры, явной выдумки, сюжетных ухищрений. Одна из немногих (на удивление) писателей-женщин этого поколения Наталья Рубанова (она всячески подчеркивает то, что она женщина, одновременно неутомимо протестуя против деления прозы на мужскую и женскую), может быть, больше других в этом преуспела. И, с одной стороны, по большому счету, это правильно: когда-то, во времена классической русской литературы, «я» в прозе считалось дурным тоном, нарушением законов, к «я» прибегали в редких и исключительных случаях, да и то, в основном, чтобы определить фигуру повествователя. Но, с другой стороны, вызывает сожаление и даже сочувствие, что Рубанова или не решается, или не хочет рассказывать о своих героинях (точнее — опять же героине, с незначительными изменениями перетекающей из вещи в вещь) напрямую, без мешающей (а отнюдь не развлекающей, увлекающей) игры. Ведь

[8] «НГ Ex libris», 27 апреля 2006.

[9] Новые писатели. Вып. 2.

иногда прорывается личностное, неприкрытое, и текст сразу озаряется живым светом, жжет, по-хорошему напрягает.

Название книги Рубановой «Коллекция нефункциональных мужчин» (2005) не может не вызвать интерес. О проблеме полов, их смешении, о потере мужчинами мужественности, а женщинами женственности говорят и пишут повсюду. Только вот художественная литература предмет этот если и не игнорирует, то изучает слишком уж осторожно или же, наоборот, доводя щекотливую тему до гротеска... Знакомство с повестью Рубановой «Люди сверху, люди снизу»[10] и эссе давало мне надежду, что в ее книге я найду пусть и не шокирующее (шоки уже не трогают), но тем не менее, что называется, пронзительное обращение к проблеме чуть ли не всеобщего измельчания мужчин.

Рассказы сильные, заставляющие что-то внутри вздрогнуть и сжаться, в сборнике есть — «Иван Среднерусский», «Зинаида как она есть», «Проза всей жизни», «Люди, куклы и их полутона», «Волчица каменных джунглей»... Но они разбавлены шарадами, анекдотами, постмодернистскими фантазиями, стилистическими упражнениями. Все это порой и интересно, хотя постоянно задаешься вопросом: зачем это? зачем это рядом с настоящим?

Наверное, Наталье Рубановой скучно писать, как она считает, просто, вот она и играет, пытаясь в игре спрятать то, что ее мучает. Что мучает, осмелюсь предположить, очень многих женщин.

Та же игра как маскировка, по-моему, использована в прозе Анастасии Гостевой, Маши Ульяновой, Марии Рыбаковой, Юлии Кисиной, в страшилках Алины Витухновской. Но, не отважившись заговорить без витиеватости, с беспощадной (в первую очередь для себя, а значит, и для читателя) прямотой, они так и могут остаться «интересными», «своеобразными», «оригинальными». Вспоминаются первые рассказы Людмилы Петрушевской и ее повесть «Время ночь», после которых можно стало играть как угодно, делать, что придет в голову, искать в прозе новые пути, утыкаться в тупики, идти к тупикам снова. У Петрушевской уже есть то, за что ей все прощается.

Иная причина для игры и порой фантасмагории у писателя из Югорска Михаила Титова, чей сборник рассказов «Бег на месте» (2004), будь он издан в столице, уверен, не остался бы незамеченным. Произведения Титова по большей части об одном и том же — о человеке, находящемся в том возрасте, когда нужно сделать выбор, решить для себя, как и ради чего дальше жить, с кем свою жизнь связать и связывать ли вообще. Внешне его герои (точнее, думаю, как и в случае с Новиковым, Кочергиным, Гришковцом, Рубановой, стоит говорить «герой») существуют вполне благополучно: есть непыльная, неплохо оплачиваемая работа, есть крыша над головой, возможность вечерком пропустить в баре коньяку или пивка, куда-нибудь съездить развеяться.

Но внутренне герой Титова беден и словно бы пригвожден к ежедневному распорядку, он погряз в сладковатой рутине, почти задохнулся. Единственное, на что он способен, — рефлектировать, чувствовать неуютность, некомфортность, пустоту жизни, но исправить ничего он не в силах. Этим

[10] «Знамя», 2004, № 6.

герой Титова близок к героям его сверстников. Конечно, можно, подобно кочергинскому герою, собрать рюкзак и рвануть на Алтай, можно, как герой Новикова, устроить сумасшедшую скачку на тачанке или, как герой Гришковца, от всех спрятаться, но в итоге все равно вернешься в отупляюще-нормальную жизнь.

Герой Титова тоже пытается вырваться из рутины, убежать от обыденности: то экстравагантно уезжает к морю, то с шумом увольняется с осточертевшей работы, то отдается разгулу и заболевает СПИДом, то изощренно мстит другу за предательство... Титова можно упрекнуть в чрезмерном внимании к этому своему герою, по сравнению с которым все остальные персонажи почти бесцветны; место действия рассказов и повестей — среднестатистический, без названия и особых примет, не слишком крупный город. Сюжет развивается вспышками (иногда эти вспышки не слишком-то убедительны), между которыми многостраничные самокопания героя. Впрочем, эти, на первый взгляд, недостатки идут на пользу: Титов показывает человека без корней, без увлечений, человека, у которого нет по-настоящему близких людей, в родном городе нет любимых мест, он во всем сомневается, ему некуда спрятаться. И это толкает его на эпатажные поступки, в жизненную реальность которых, правда, не очень-то верится.

Но в последнем сборнике «Бег на месте», в рассказе «Две ветлы и куст сирени» и в появившихся позже «Spiderman», «Темные аллеи» и «Поиски смыслов» автор смотрит на мир и людей шире, пристальнее, надуманность и игра выдавились потребностью говорить открыто и просто, и это не снизило художественную силу прозы Титова, а наоборот, существенно ее увеличило.

То же относится и к прозаику из Нижнекамска Олегу Лукошину. Он начал с рассказов не то чтобы фантастических, но с большой долей фантастики, с попытками сюжетной игры, среди которых выделяется почти кафкианский рассказ «Помню тебя, Сейфуль-Мулюков». Герой вспоминает о таком журналисте, «фамилия смешная», и предлагает посмеяться приятелям, но они — его ровесники — ничего не помнят. Позже оказывается, что не помнят его и люди старших поколений — и вообще пожимают недоуменно плечами, услышав о недавнем, казалось бы, прошлом. Герой рассказа приходит в смятение: то ли он сходит с ума, то ли все вокруг. Один человек по секрету сообщает, что вспоминать о прошлом нельзя, что за это наказывают... Рассказ трогает, это редкая у нынешних тридцатилетних удача в стремлении писать «не просто», писать «с воображением», да и у Лукошина больше нет рассказов, равноценных этому. И, кажется, сам он теряет интерес к откровенному вымыслу. Жизненный опыт оказывается интереснее и сильнее. Почти автобиографичные, почти документальные, но в то же время и художественно сильные рассказ «Оплот Апартеида» (альманах «Пролог», 2004) и повесть «Ад и возможность разума» тому подтверждение...

Да, многие писатели идут путем упрощения своих текстов. Грубо говоря, от игры к серьезности. Но не всегда это идет на пользу.

Александр Карасев вошел в литературу с вполне традиционным рассказом «Наташа»[11], в котором ничего не убавить, не прибавить, неброский

[11] «Октябрь», 2003, № 12.

сюжет которого оправдывается мощным подтекстом, душевными, близкими многим читателям переживаниями героев. Рассказ имел успех. Затем появился собранный из миниатюр рассказ «Запах сигареты» об армейской службе. Получилась подробная, яркая панорама. А после этого Карасев перешел на очень короткие, очень лаконичные вещи. Я бы не назвал их рассказами — это скорее конспекты рассказов, и, часто очень интересные по теме, с искорками художественности, они все же оставляют чувство незавершенности, беглости, непрописанности.

Особенное сожаление у меня оставил рассказ «Ваня»[12]. Это произведение могло бы стать событием в нашей литературе, будь оно написано, но оно лишь намечено, словно бы опубликовано по рабочей тетради писателя. История о том, как бабушка рассказывает герою о своих сыновьях, погибших на войне. Особенно жалко ей Ваню: в начале войны он был подростком, благополучно пережил немецкую оккупацию и после освобождения Кубани был призван в армию. Ушел воевать, и в одном из первых же боев его убило.

В рассказе есть и фрагмент (именно фрагмент в несколько строк) живой кубанской речи, и намеки на отношение казаков к немцам, и наметки образа Вани, но, повторяю, в целом остается ощущение, что это набросок, этюд. Может быть, когда-нибудь Карасев вернется к нему, но пока что он идет дальше по пути лаконизации своих текстов, усушки образов. И художественности в них все меньше и меньше, все меньше живых персонажей, да и сам герой превращается в почти безликого повествователя, фиксатора. И кстати тут вспомнить слова Андрея Рудалева о Карасеве, прозу которого критик оценивает очень высоко, но: «Зачастую создается впечатление, что прозаик сознательно себя чем-то ограничивает. Его тактика предельной откровенности в тексте работает до поры до времени. Чуть только на горизонте появляется некая грань — писатель замолкает. Он будто страшится проговориться, вынести напоказ другим действительно сокровенное и важное для себя. <...> Его стилистика предельно рассудочна, она пресекает любые возможные кривотолки, варианты истолкований. Но, когда вслед за рассудком в рассказы Александра Карасева придет чувство, искреннее и сильное переживание, тогда и текст его существенно преобразится в лучшую сторону»[13].

Да, золотую середину найти очень сложно: кому-то рассудка не хватает, чтобы проза настоящая получалась, кому-то рассудок мешает вырваться за установленную им самим жесткую грань...

6. Чего ожидать

В главке, посвященной Дмитрию Новикову, я умышленно обошел вниманием его второй, показательный сборник «Вожделение». Он имеет подзаголовок — «повесть в рассказах», что дало Валерии Пустовой[14] повод про-

[12] «Новый мир», 2005, № 3.

[13] Новые писатели. Вып. 2.

[14] «Новый мир», 2006, № 5.

вести дотошный анализ каждого рассказа, найти миницикл и выстроить сверхсюжет книги. Действительно, сюжет (или сверхсюжет) в «Вожделении» есть. Но рассказы новые (не входившие в «Муху в янтаре») очень сильно отличаются от ранних.

Новиков сохранил своего героя (правда, в прекрасном рассказе «Предвкушения» герой — мальчик, в рассказе «Другая река» введена линия легендарного святого Варлаама Кольского), Новиков продолжает изучать те же проблемы, использует тот же стиль повествования. Правда, если в ранних рассказах мы видим человека, на первый взгляд, органичного в этом мире, но в какой-то момент попадающего в особое состояние, когда, грубо говоря, ему открываются высшие законы существования, когда он вдруг понимает, что живет не так, что запутался и почти растворился в ежедневности, в мелких проблемах, чувствует в себе силы изменить свою жизнь, взбунтоваться, когда он, пусть на мгновение, но обретает счастье, то в позднейших, по теме вроде бы близких, мы наблюдаем не момент, а историю этого попадания. И сила воздействия текста-истории неизбежно снижается по сравнению с текстом-ситуацией; от рассказа Новиков постепенно переходит к новелле, а то и к более крупным формам. Черты повести проступают в рассказах «Другая река», «Кло», «Гордость и страх», «Переустройство мира», «Происхождение стиля». Это по сути конспекты крупных вещей. (Правда, и в сборнике «Муха в янтаре» есть нечто подобное — «SECTIO» и «Комплекс полноценности», но критики или не замечают этих рассказов, или упоминают о них вскользь.)

Конечно, такая писательская эволюция — эволюция от рассказа к повести, к очерку, к роману — закономерна и понятна. Но в случае Новикова возникает опасение: не поблекнет ли, не превратится ли в картонного его лирический герой, не ослабнет ли совсем та струна, что делает почти каждый его рассказ настоящим произведением литературы. Признаки этого ослабления, по-моему, уже чувствуются, когда Новиков внутри рассказа начинает отвлекаться на прошлое героя, на окружающих его людей; в произведении более крупном таких отвлечений будет куда больше... Правда, и в том, что делал Новиков ранее, чувствуется близость к исчерпанности: выдумывать рассказы вроде «Рубинового вторника», «На Суме-реке», «Там, где зимуют тритоны» опасно и даже, наверное, губительно для писателя, а жизнь дает материал для них слишком редко и, в процессе продвижения далее по жизни, кажется, все реже и реже...

Та же исчерпанность в теме, которая была главной и заставляющей писать, чувствуется мне у Ильи Кочергина. Он провел героя через все огни, воды и медные трубы ищущего свое место в жизни человека лет двадцати-тридцати пяти и вывел его на то же место. Он опять в нелюбимой Москве, опять отец семейства и опять без уверенности в завтрашней дне. Рассказ «Золотое кольцо», как мне кажется, точка в этой своеобразной повести. Повести «не в жанровом, а старинном смысле: поведаю вам свою печальную повесть», как сказала Валерия Пустовая о книге Новикова «Вожделение», но это подходит и к рассказам Кочергина... Что дальше, после «Золотого Кольца», после этого замкнувшегося в кольцо, состоящего из десятка рассказов-глав повествования?

Один из последних его рассказов «Сказать до свидания»[15] по фактуре вполне кочергинский — Алтай, лошади, избушки. Но его излюбленный герой — москвич, сбежавший в тайгу, — здесь становится не главным персонажем; в центре повествования его мать, приехавшая к сыну. Это полудикое существование не по ней, ее многое раздражает, она многого не понимает, горюет, что сын губит здесь свою жизнь. Но зачем приехала, ведь сын каждый год проводит отпуск в Москве? Оказывается, у нее рак, и ей нужно успеть попрощаться... Образ немолодой, попавшей в непривычную обстановку, раздираемой противоречивыми мыслями женщины у Кочергина получился. Значит, он может писать не только от лица своего сверстника, может передать другой возраст, другое мировоззрение, черты другого пола... Нет, образы других людей удавались Кочергину и раньше (как и Дмитрию Новикову, — вспомнить хотя бы старуху-поморку в рассказе «Куйпога»), но всех их мы видели и воспринимали через его героя. В рассказе «Сказать до свидания» произошло иначе. И, может быть, это шаг к новому в его писательской судьбе?

Трудно поверить, что первые прозаические вещи Евгения Гришковца (роман «Рубашка» и рассказ «Спокойствие») были опубликованы меньше трех лет назад. За это время он успел обогатить современную литературу и своим языком, и типическим героем. Продолжит ли Гришковец писать прозу или предпочтет другие области культуры, где он тоже имеет успех? А если продолжит, то о чем будут его новые вещи? Не хотелось бы, чтобы он пустился в изобретение вариаций на тему «Рубашки», «Похорон ангела», «Спокойствия», то есть стал бы тиражировать случаи из жизни обитателя мегаполиса.

Мне кажется, писатели поколения тридцатилетних в массе своей крепко (может, и намертво) привязаны к герою, по возрасту, мировоззрению, миросозерцанию очень похожему на них самих. Им трудно всерьез погрузиться в «чужую жизнь» (из Новикова), далеко отступить от автобиографической основы. А долго использовать лишь свой жизненный опыт, описывать или представлять свой жизненный путь, как показывает история литературы, невозможно.

Не будет ссылаться на давние примеры, возьмем хотя бы писательскую судьбу Эдуарда Лимонова. Начав как пронзительный лирический писатель («Это я — Эдичка», «Дневник неудачника»), зафиксировав свои приключения в Америке и Франции, вспомнив о своем детстве, отрочестве и юности, Лимонов в итоге превратился в публициста и эссеиста; его редкие возвращения к прозе (к примеру, «316, пункт "В"») оказались неудачны. Можно вспомнить и одну из любимейших моих писательниц Маргариту Шарапову, которая, исчерпав явно автобиографический материал или потеряв к нему интерес, с потрясающих вещей («Трамвайный разъезд», «Манит, звенит, зовет, поет дорога...», «Идущие на солнце», «Пугающие космические сны», «Швейцарский сыр») сбилась на городские байки и натужные криминальные романы, а в последнее время и вовсе замолчала... И таких писателей очень много: они начинают с крика о том, что узнали в этой жизни, потом пыта-

[15] «Новый мир», 2006, № 7.

ются петь, но у них не получается (из них не получается тех, кого называют «профессиональный писатель»), и они уходят со сцены.

Иным путем, кажется, двигается Денис Гуцко. Начав с повести «Апсны абукет», где он попытался сделать личным, своим жизненный опыт своего отца, затем, написав о своем жизненном опыте историю Мити Вакулы («Там, при реках Вавилона» и «Без пути-следа), Гуцко стал неспешно развивать писательский диапазон, выпуская пусть пока и не блестящие (но все лучше и лучше) рассказы. Если рассказ «Лю»[16], на мой взгляд, напоминает зарисовку времен народников позапрошлого века (хотя у Василины Орловой иное мнение: «Денису Гуцко удалась притча — в образе простой зарисовки»), то рассказы «Осенний человек», «Орлы над трупами», «Ева не нужна» — это уже заявка на настоящую художественную (то есть — «искусную») литературу. Гуцко ищет новых героев, необычные, но (важно!) жизненные ситуации.

Будущее есть и в творческой судьбе Захара Прилепина. Публикация романа о чеченской войне «Патологии» не в самом популярном литературном журнале[17] имела широкий резонанс. Прилепин получил несколько премий (или вошел в число финалистов), «Патологии» в один год вышли отдельной книгой и в «Роман-газете». Казалось бы, автор должен был продолжать развивать тему, но неожиданно он стал писать не о Чечне, не о войне, а вполне мирные рассказы и недавно выпустил книгу («роман», как определил его то ли сам автор, то ли издатели) «Санькя», главный герой которой — молодой человек, член «экстремистской партии». Книга получилась, но опять же встает вопрос: роман ли это? Одна линия, один главный герой, а вокруг жизнь, люди, увиденные его глазами. Но взгляд героя много шире, нежели во многих других произведениях тридцатилетних...

Лейтмотив «Саньки» — тот же бунт, что и в произведениях Новикова, Кочергина, Титова, но бунт не индивидуалистический, а групповой, поколенческий. Такой бунт всегда сильнее и ярче. Действеннее. Но Прилепин — самый, пожалуй, молодой писатель из тридцатилетних, он ближе к двадцатилетним (Шаргунов, Зоберн, Бабченко, Свириденков), которые ищут возможности растворить себя в обществе, в частности, и как писатели: писать сразу о многих, а не только «о себе» и «своем» видении других. В целом же тридцатилетние продолжают разрабатывать пусть важные, но узкие темы; их произведения — словно бы кусочки мозаики, которые пока еще не собраны в единое целое. И можно только гадать, что получится в итоге. Будет ли это портрет с насыщенным, изобилующим деталями фоном или же все-таки нечто более масштабное? И что важнее?

---

[16] «Континент», №125; альманах «Литрос». Вып. 4

[17] «Север», 2004, № 1-2.

Евгений ЕРМОЛИН

НА ПОЛЯХ БОЛЬШОЙ КНИГИ

Это не записки члена жюри премии «Большая книга», которая впервые была вручена в конце 2006 года. Не очерк, тем более не репортаж. Это заметки по поводу. И смысл их связан с постановкой вопроса, который кажется мне одним из самых важных в нашей жизни и в нашей словесности.

Что, собственно говоря, происходит сегодня с большой формой, с эпическим масштабом — в ситуации, когда традиционные эпические общности остались в прошлом, когда общество организовано не столько духовными смыслами и ценностями, объединяющими его членов, сколько индустрией развлечений, рекламой и пиаром?..

Как возможна сегодня эта самая большая форма? Нужна значительная жизнь. Значительность судьбы, личности, конфликта, коллизии... А где их взять в разукрашенных пиаром серых потемках повседневности, в нашем релятивном мире?

Когда в горниле социальной и духовной катастрофы XX века Мандельштам писал о смерти романа, мотивируя ее отсутствием у современного человека осмысленной, свободно избранной судьбы, когда Лидия Гинзбург писала о том, что современный человек лишился стержня и сводится к точечным реакциям на конкретные раздражители, — в этом было глубокое соответствие с мейнстримом эпохи. Соответствие, которое рождало прозу Зощенко, обэриутов, Добычина, Кржижановского, Шаламова... Ее герой, если и получает шанс состояться, — то лишь на один момент — и именно этот момент фиксирует прозаик. Биографический роман таким образом сворачивается в формат рассказа, даже миниатюры.

Впрочем, человек в России XX века оказался живучей и сложнее, чем могло почудиться. И рядом с муляжной большой формой соцреализма появляется крупная проза крупного размера о человеческой стойкости нового типа — стойкости одиночек, изгоев, отщепенцев, юродивых и идиотов. Это романы воспитания и испытания (Пастернак, В. Быков, Максимов, Битов, Домбровский, Владимов, Искандер, Войнович, Абрамов, Астафьев, Горенштейн, Азольский, Кураев, Федоров, Давыдов, Светов, Малецкий, Бабаян, Славникова, Гальего Гонсалес, Солнцев — вплоть до появившихся в

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в Архангельской обл., закончил факультет журналистики МГУ. Ректор Института истории культур, профессор Ярославского госпедуниверситета. Как критик публикуется с 1981 г. Автор нескольких книг по истории русской культуры. Член АРСС и Литературной академии (жюри) национальной премии «Большая книга». Заместитель главного редактора «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

последние годы «Света неподвижных звезд» Вяльцева и «Без пути-следа» Гуцко включительно), философская проза Д. Андреева и Кормера, обзоры и историческая хроника (Гроссман, Солженицын), рефлексия о семейной хронике (Аксенов, Улицкая)... Писатели ищут и обходные пути (комментарии у Галковского, очерк бытийной ситуации у Павлова, цикл взаимосвязанных рассказов у Маканина), избирают жанр антиутопии (тот же Маканин в «Лазе», Кабаков, Волос, Д. Быков, Чудинова — и до последнего романа Сорокина «День опричника») — либо, не мудрствуя слишком лукаво, упражняются в испытанном исповедальном жанре (Эренбург, Вен. Ерофеев, Лимонов, Петкевич, Мелихов, Найман, Гандлевский, Арабов, Сенчин, Кочергин)...

И вот «Большая книга». Премиальный цикл как повод сделать синхронный срез и извлечь уроки.

Конечно, есть довольно причудливая логика в том, что отбор книг для жюри, состоящему из свободных интеллектуалов с примесью общественных активистов и коммерсантов, производят эксперты. Ведь в гуманитарной области эксперты на то они и эксперты, чтобы... ошибаться. Впрочем, предложенный комплект был вполне репрезентативен, пусть и создавал бонус, к примеру, для Дмитрия Быкова, чья книга «Пастернак» оказалась единственной в списке представительницей жанра художественной биографии («документальный роман»). То есть — по существу вне конкуренции (тогда как, к примеру, предложение оценить сразу две книги Кабакова едва ли не уменьшало шансы на успех каждой из этих книг отдельно...) Но мы не об этом. Мы об осмысленности и оправданности большой формы.

...Здесь нужно сразу сказать, что некоторые книги из списка финалистов не претендуют на статус большой формы (сборники прозы Людмилы Улицкой «Люди нашего царя» и Александра Иличевского «Ай-Петри»). Сразу можно вывести за скобки и обрамленную повесть Далии Трускиновской «Шайтан-звезда» — бесконечную восточную сказку, где форма самодостаточна.

Но есть Наум Коржавин. Его мемуары «В соблазнах кровавой эпохи» — два увесистых тома — концентрируют в себе опыт и мысли о жизни русского интеллигента, писателя, правдолюбца второй половины XX века. Безусловно, это одна из лучших мемуарных книг о России XX века, о человеке в контексте заявившегося и провалившегося социального эксперимента, духовного обвала. Я не уверен, что по историческому весу и метафизической сути с книгой Коржавина может состязаться попавшая в список «БК» проза вымысла.

Концентрация смыслов у Коржавина удивительная, интеллектуальное усилие, общий тон этой прозы — впечатляют. Фантомы и мнимости эпохи (определяемые Коржавиным как «соблазны») подвергнуты процедуре демистификации, поставлены на суд вечности и убедительно раскрыты в их реальной значимости. Это одна из тех книг, по которым грядущие поколения будут знакомиться с минувшим столетием. (Если у них, конечно, проснется какой-то интерес к самому жестокому веку в истории человечества.)

Но дело не только в этой перспективе. Думая о значении книги Коржавина, невольно вспоминаешь, что свидетель-летописец в России — это

причастник Страшного Суда, сотрудник Бога. Замечательно и то, что из пекла века вышли люди, подобные Коржавину. Люди, написавшие прекрасные книги о времени и о себе (Е.Гинзбург, Н.Мандельштам, О.Волков, Д.Штурман, В.Буковский и др.).

Коржавину была присуждена специальная премия. Возможно, организаторы и учредители таким образом малость подправили решение жюри, которое пренебрегло мемуарами патриарха нашей словесности. Никаких возражений по поводу такой коррекции, естественно, не возникает; по поводу отношения к книге Коржавина со стороны жюри — недоумения имеются....

Отмеченная же в первом году «БК» высшей наградой по решению жюри книга Дмитрия Быкова «Пастернак» — значительна по своему предмету. Содержательность книги Быкова определена качеством этого предмета. Биография великого художника и замечательного человека, устоявшего перед жутким катком эпохи, — это само по себе важное явление. Заслуга Быкова в том, что он вдохновился на принесение священной жертвы Аполлону и смог полно и ярко изобразить и передать содержание диалога своего героя с эпохой.

Жаль, что сам автор биографии в диалогическое сопряжение со своим историческим моментом вступить в этой книге не рискнул. Но у меня есть ощущение, что создание книги о Пастернаке повлияло на Быкова, обязав его к более ответственному и глубокому публицистическому высказыванию за пределами этого текста, в сетевых СМИ*.

В ветхой, почти мифологической древности, на суровом географическом и духовном фронтире ищет важные обстоятельства и незаурядного героя пермяк Алексей Иванов, автор романа «Золото бунта». Сплав истории (XVIII в.), мифа и обращенного в прошлое фэнтези — бросается здесь в глаза. Аккумулируя жанровую память и сопрягая ее с тщательным изучением исторических документов, ремесленных традиций и уральских топографических реалий, Иванов предлагает нам прозу, которая подчас лишена непосредственной, элементарной достоверности, но создает отчетливое представление о парадоксе Раскола (в его одержимости и склонности к жесткому зажиму в делах веры), впечатляет образами цельных, сильных духом, волевых героев, разительно отличающихся от многих персонажей прозы о текущем моменте.

Выигрыш очевиден. Но и жертвы ради выигрыша принесены немалые. Если вдаться в многозначительные детали, смысловая аура романа перестает казаться во всем убедительной. Религиозные фантазии Иванова по характеру своему сродни придуманной в 90-е годы проективной логике такого рода у Владимира Шарова (особенно его «Репетициям»). В одном из интервью Иванов говорил: «Я придумал восьмое таинство. В православии их всего семь — крещение, венчание, отпевание... Ну, те моменты, в которые высшая сила воздействует на человека через проводника — священника... Мое восьмое таинство — изъятие души». Староверческие учителя у Иванова выдумали, что душу можно на время изымать — и тогда временно бездушный человек не отвечает за свои поступки пред вечностью, свободен от суда.

---

* Подробнее о книге Быкова в этом номере «Континента» пишет Мария Ремизова.

Ну да, это право автора. Но... Изобретенный нашим автором влиятельнейший на Урале старообрядческий толк *истяжельцев* — придумка хитрая, в своем роде замечательная, однако она вводит роман в контекст параллельной истории, цена которой, как мне кажется, заведомо ниже цены истории реальной.

Главный герой романа, сплавщик Осташа, — у Иванова герой романтического вызова окружающей среде. Он впечатляет, но и удивляет своей простотой. Это не примитивность социального агента в кондовом соцреализме, ивановский Осташа не чужд рефлексии и имеет представление о том, что такое совесть. Его буреломный характер, с другой стороны, не просто природная черта, он связан с глобальным целеполаганием героя, с тем, что ведет его через испытания и преграды.

Я не склонен упрощать, как это делает Борис Кузьминский, целеполагание героя до степени доморощенного ницшеанства («...движущая сила захватывающего сюжета (...) — саднящая, неутоленная гордыня Осташи, стремление доказать самому себе и другим, что он не лаптем делан, а избран, помазан свыше на сверхъестественные свершения. Юноше, по большому счету, до фени и религия, и родство, и нежные чувства, и государственная польза, и почвенная правда; в тексте многажды повторяется мысль о том, что народ как масса никакой специфической правдой не обладает. Правду, объединяющую идею вносят внутрь массы сильные личности, одухотворяют аморфную толпу и ведут ее за собою к им одним внятной цели, благородной или сатанинской — не важно»). Тем более вряд ли нужно определять Осташу как просто-напросто скроенного по голливудскому стандарту «семижильного уральского терминатора» (Лев Данилкин).

Главная проблема, стоящая на горизонте сознания героя, — спасение своей души, сохранение души невредимой. Вокруг люди поодиночке и оптом души свои теряют (для этого автору и понадобился истяжельский толк, в котором отделение души от тела есть элементарная практика). А Осташа пытается удержаться. И не в скиту, а в вихре жизни, среди великих тревог и смут. Вмененная автором герою неразрешимая в абстрактной плоскости мысль о том, что ради добычи правды можно пожертвовать не только репутацией, но и жизнью, своей и других людей, заставляет предполагать в авторе романа личность почти архаическую.

Критик из «gazeta.ru» Валя Котик замечает: «...мощное, но воистину дикое умножение — натуралистской, жаркой, до эксбиционизма распахнутой духовности и современной игровой структуры выносит роман на неизвестную вам пока литературную высоту (...) По сравнению с таким метафизическим фокусом мир нынешнего московского городского романа кажется крайне уязвимым. Русская культурная провинция сделала такой ход конем, что тонкий, прокуренный и бесконечно рефлектирующий мир клуба, офиса и супермаркета должен почувствовать свою бесконечную старомодность. Мы-то все пытаемся делегировать свои права на поиски смысла жизни пыльному яппи с размытой ориентацией, а тут в Перми такие дела планетарного масштаба творятся. Кажется, метросексуальный бренд походя свергнут грубой мужской силой».

Сказано вычурно, хотя и хлестко. Но доля правды в этих словах есть. По крайней мере, искушенные в тонкостях писательского ремесла столичные

и эмигрантские рефлексеры в прозе из финального списка выглядят, на мой вкус, действительно не столь уж убедительно по сравнению с прозой Иванова. Александр Кабаков («Все поправимо»), Анатолий Королев («Быть Босхом»), Михаил Шишкин («Венерин волос»), Марина Палей («Клеменс»)... Об этой прозе в «Континенте» уже шла речь, в моих обзорах БСК и в статье Валерии Пустовой. Ее, прозы, полугерои или вовсе не герои, плохо, бездарно боровшиеся с эпохой, не умевшие победить притяжение унылой почвы и справиться с судьбой, изменявшие себе, близким, родине, разменявшие жизнь на компромиссы, заработавшие геморрой, разлитие желчи и хроническую мизантропию... Так ли это важно, так ли нужен нам этот скучный опыт? Возможно, он и нужен, но в прозе последних лет он представлен явно избыточно (можно вспомнить еще Сергея Гандлевского, Анатолия Наймана, Юрия Арабова, Александра Мелихова...).

Мне вовсе не кажется, что герой должен быть обязательно положительным. Он может быть любым. Но в нем и через него должны открываться какие-то существенные, далекие смыслы эпохи и экзистенции. Хотелось бы, чтоб его диалог с мирозданием раскрывал нечто нетривиальное, нерядовое, далекое от посредственности.

Сказать по правде, низкий горизонт этой прозы чаще всего определен и бедностью религиозного опыта, который в ней предъявлен (и не только ее героем). Едва ли слишком сильно расширяют смысловое пространство повествования и культурные ассоциации (скажем, тот план повествования в романе Анатолия Королева «Быть Босхом», который связан с заглавным персонажем, или мифологическая проекция в романе Юрия Волкова «Эдип царь»).

Неопределенность общественных перспектив, очевидная межеумочность текущего исторического момента, изобилие потенциальных (а то и реальных) угроз создают предпосылки для расцвета жанра антиутопии (часто и с элементами фэнтези). Заодно авторы ищут в нафантазированном будущем яркость и силу принципиального конфликта, которых недостает им сегодня.

Так можно мотивировать появление романов Ольги Славниковой «2017» и Андрея Волоса «Аниматор».

Социальный (он же «русский, бессмысленный и беспощадный») бунт и нашествие ислама — таковы в данных случаях имена угрозы. В этом есть, наверное, правда. Даже много правды. Но разворот сюжета там и здесь не весьма интересен, а фантазии смотрятся как-то болезненно, окрашены в странно-кладбищенские тона. У Славниковой со смертью сопрягаются и поиски уральских («рифейских») сокровищ, и успешное самоутверждение предпринимателя, и любовь к женщине. А у Волоса и вовсе действие оказывается завязано вокруг рукотворной попытки подменить вечность неким фантомальным светом, извлекаемым из остывающего трупа и подвергающимся консервации.

Обе эти вещи понравились мне меньше, чем их предшественники у наших авторов (соответственно «Бессмертный» и «Маскавская Мекка»). Хотя и Славникова, и Волос — очень неплохие социальные аналитики, социальные реалисты.

Смысловая мутноватость новой прозы Славниковой и бледность ее героев, правда, отчасти компенсируются нередкой яркостью деталей, эффект-

ностью отдельных сцен, ударной образностью. (Сетевой автор Валентин Алень (alen_valen) готов был предположить, что читать роман «надо от метафоры к метафоре, поражаться странному эффекту от смешения топорной прямой речи, наивной эротики, перемешанной с по-женски изобильным миром запахов, красок и ассоциаций».)

Вторая книга Кабакова в списке «БК», «Московские сказки», дает иной вариант создания большой формы из малых фрагментов. Рассказы («сказки») сначала печатались вроссыпь, но когда автор собрал их под одной обложкой, то открылась цельность этой прозы, единство замысла. Перед нами книга о Москве нового времени, 90-х годов. Ее блеск, ее нищета. Величие и убожество. Герои и жертвы.

Вообще-то, в нашей прозе по сути о постсоветской эпохе пока что в принципе сказано слишком мало. Но Кабаков не просто говорит — он говорит убедительно, смотрит на мир свежим взглядом опытного человека. Помогает здесь и жанровое отстранение (но вспомним, как часто оно, напротив, ведет к художественному поражению!). Оно дает гротескный фокус, позволяющий коротко сказать о главном. Да и автор здесь нашел себя, как мудрый сказочник, иронический наблюдатель и наблюдатель-гуманист, сочувствующий связанному путами социального быта человеку. Такова его мировоззренческая позиция.

Еще одна попытка обобщения опыта преимущественно двух последних десятилетий в сатирическом модусе — объемистый (1418 стр.) роман известного живописца Максима Кантора «Учебник рисования». Кабаков пишет в «Московских сказках» коротко; Кантор пишет длинно. И успевает сказать больше. Но — ценой цельности. Книга его иной раз сильно раздражает, но чем ближе автор, известный художник, к собственно художественной сфере жизни, тем больше он убедителен.

Главный его предмет: сдача и гибель русской интеллигенции в новую историческую эпоху.

У этого незаурядного романа уже случилась на редкость хорошая критика. Хотелось бы представить ее обзор, который в целом передает и мое неоднозначное впечатление от этого противоречивого романа.

Вот что писал о Максиме Канторе Дмитрий Быков: «Он рассматривает коллаборационизм — высшую и последнюю стадию европейского гуманизма. Он не согласен, что христианство довело Европу до полной деградации и капитуляции. Его занимает вопрос: на каком этапе христианство было подменено, кто и как от него отказался? С какого момента иметь взгляды стало смешно, а совесть — преступно? В какой момент революционный пафос авангарда переродился в апологию горизонтали, в прославление предательства, в постмодернистскую насмешку над всем и вся? (...) Четыре года копаться в среде, столь вязкой и ароматной, как российская художественная и научная интеллигенция девяностых годов, — занятие по меньшей мере странное: все ведь, в общем, было понятно. Но Кантору эта среда интересна лишь как частный случай общеевропейского, а то и всемирного предательства. Проворовавшийся мир, в котором не осталось ни одного непродажного идеала; длинные, гладкие, тошнотворные интеллектуальные

спекуляции, в которых все понятия взаимозаменяемы; гротеск, поминутно прорывающий добротную ткань реалистического повествования (...) На этом параде вместе шагают европейские аристократы, тартуские структуралисты, московские мыслители, американские полковники, французские деконструкторы, международные подонки — больше всего мир Кантора похож на уродливое, сплющенное пространство зиновьевских «Зияющих высот»».

Евгений Белжеларский: «Интеллигент у Кантора — не властитель дум, как ему положено, а именно лакей, которого время от времени выгоняют, и он идет искать себе нового хозяина. Книга Кантора рисует перед нами духовное обнищание и очередное историческое поражение русской интеллигенции». «Если бы «Учебник» был лучше написан, он действительно мог бы стать образцом литературной искренности и вернуть нашей словесности амбиции и мессианский запал. Однако на полноценный роман идей а-ля Достоевский или Томас Манн он откровенно не тянет и потому служить образцом вряд ли может».

Лев Данилкин: «"Учебник" — роман о поражении России в третьей мировой и последствиях — на всех уровнях, от политики до искусства — встраивания империи, преданной «компрадорской интеллигенцией», в новый мировой порядок. (...) Кантор, эрудит и цепкий аналитик, дает множество точных формулировок и подходит к действительности систематически — и роман, безусловно, демонстрирует охват, именно что систему вещей, мир, в котором все связано; и почему бы не ознакомиться с «искусствоведческой» версией грядущей катастрофы, раз уж и она тоже весьма убедительна?»

Сергей Шаргородский: книга «своим объемом, приемами и формой — точнее, бесформенностью — а также вязкостью и рыхлостью письма бесхитростно копирует зиновьевский прототип (...) Как и у Зиновьева, бытописательский роман-памфлет с недюжинным историческим охватом, то и дело переходящий в злобную карикатуру, сочетается у Кантора с философским исследованием и развернутым художественным трактатом, если не манифестом. Результат, однако — не новая романная форма начала XXI века, а аморфное, топкое словесное болото, что в случае первого из череды зиновьевских кирпичей искупалось хотя бы весьма оригинальным языком социологического описания. У подражателя нет и этого». «...все эти растянутые на сотни страниц рассуждения о западной демократии и новом язычестве, слиянии авангарда и тоталитаризма, предательстве интеллигенции и дегуманизации искусства, крушении советской империи и идеологии прогресса, либерализме и христианстве в лучшем случае безнадежно тривиальны, в худшем — повторяют пройденное, полны интеллектуальных передергиваний либо попросту нелепы».

Дмитрий Воевода: «Книга фантастически наивна. Автор стремится дать моральную оценку чуть ли не всему развитию человечества за последние десятилетия, а для этого, естественно, необходимо представить это развитие как систематическое, что, понятно, удается ему не лучше, чем удавалось, например, Марксу (...). Книга несправедлива по отношению ко многим конкретным людям и обстоятельствам, читателя покоробит определенная, за уши притянутая неправда, сказанная, например, о Горбачеве или Солженицыне. С другой стороны, абсолютно фантастическая история хорька, про-

шедшего нелегкий путь от изнасилованной жертвы смелого перформанса до депутата и одного из вершителей судеб страны, выглядит вполне честной иллюстрацией времени. (...) эта повсеместная неправдоподобность деталей и очевидная правдивость книги в целом роднит Кантора именно с Достоевским. По цели высказывания «Учебник рисования» наиболее близок к «Бесам» (...) «Учебник рисования» — роман-миссия. Он написан с простой, скромной и нескрываемой целью — спасти Россию. С архаичной убежденностью русского писателя, что если слово правды будет сказано до конца, то и спасение уж как-нибудь да устроится. Не случайно художник Кантор отложил кисть ради клавиатуры: для литературоцентричной еще вчера России слово, несомненно, сакральнее цвета. (...) Каждый из тех немногих героев, от которых хоть чего-то можно ожидать, совершает свой подвиг. Почти во всех случаях бессмысленный, нелепый и неудачный. Некоторым он стоит жизни, другим — свободы. С Россией все по-прежнему. Кроме одного маленького нюанса: страх преодолен, честь спасена. Хотя бы кем-то. А значит, и в общем случае все не безнадежно. Снова несчастливый художник пишет картины, и снова русские мальчики клянутся у камня на Воробьевых горах — читатель может смеяться. «Это ничего, человек часто смеется над добрым и хорошим; это лишь от легкомыслия; но уверяю вас, господа, что как усмехнется, так тотчас же в сердце скажет: "Нет, это я дурно сделал, что усмехнулся, потому что над этим нельзя смеяться!"»

И — яркая характеристика Бориса Парамонова: «...это прежде всего ряд памфлетов, иногда блестящих, развернутая культурфилософская эссеистика. Здесь бесспорно влияние Зиновьева, «Зияющих высот», но Кантор пишет лучше Зиновьева. Есть и бесспорные художественные удачи: хороши Сыч с его любовником хорьком, поп — западник и гурман отец Николай Павлинов. Хороша Герилья — привидение революции и коммунизма, уже не бродящее по Европе, а состоящее в домработницах партийного номенклатурщика, удачно вошедшего в капитализм, по прозвищу «Однорукий двурушник». Сам этот персонаж сделан под Великого Инквизитора, и над либеральной русской интеллигенцией он удерживает убедительную победу. Сенсационность Кантора как раз в этом новом отказе от западничества, попытка реставрации если не славянофильства, то большой русской духовной традиции, и тут уже не о Зиновьеве нужно говорить, а, пожалуй что, и о Льве Толстом, он порой воспроизводит узнаваемую толстовскую дидактическую интонацию. Кантору свойственно даже древнеинтеллигентское народопоклонство, он негодует на нынешнюю интеллигенцию, которая устремилась за личным благополучием и забыла про народ, страдающий сегодня больше, чем вчера. Максим Кантор — моралист несомненной христианской окраски. Это неожиданно для сегодняшних настроений русской интеллигенции, но это и есть главная сенсация. Кантор в чем-то смыкается с Солженицыным (...) Как говорил Шкловский по окончании гражданской войны: жива еще русская литература, проросла, как овес сквозь лапоть. В реакции на современность России и Запада Кантор вернулся к большим русским темам. Кантор мучительно долго выясняет свои отношения с авангардом. Современный художник, он разоблачает и отрицает авангард в искусстве, в живописи особенно».

...Да, если оценивать эту прозу Кантора, то нужно отдать должное замаху автора, его попытке создать нечто небывалое, выразить основное содержание эпохи в процессе рефлексии, в полилоге, в системе ключевых образов и ситуаций... В сущности, задача решена. Смысловое пространство создано. Кантор вошел в литературу как интеллектуал, критик общества, аналитик отечественной (и не только отечественной) образованщины...

Запишем это ему в плюс.

И отвлечемся от списка «БК».

В нем мы не нашли, увы, настоящего современного героя. Героя именно нашего времени, текущего исторического момента, России, травмированной террористическим синдромом, развращенной высокими ценами на нефть, потерявшей смысл и суть общего бытия. Нет здесь значительной, противоречивой личности посреди хаоса и бреда.

Существует ли она, однако, в прозе последних лет? Нет сомнений. Хотя и в небольшом, сказать по правде, количестве.

Это и смешной престарелый любовник Владимира Маканина (книга «Испуг»), который — чуть ли не единственный — в холодном и равнодушном мире сохранил, однако, способность любить. Увы, персонаж Маканина выглядит каким-то замысловатым осколком прошлого, и вмешательство его в окрестную жизнь заведомо лишено каких бы то ни было перспектив...

Это и герой Дениса Гуцко (роман «Без пути-следа»), мигрант из Грузии в Россию, идущий от иллюзий и самооправдания — к осознанию своей вины за личные поражения и общую серость жизни, своей ответственности. Самое замечательное у Гуцко — это именно опыт преодоления героем привычной и почти повсеместной социальной униженности...

Это и персонажи романа Захара Прилепина «Санькя». Заглавный герой у Прилепина — мальчишка-бунтарь, восстающий чуть ли не на любую власть. Это классический русский революционер чувства, остро чувствующий несправедливость мироздания в одной его отдельно взятой точке — России. Цели его почти случайны. Пафос его великолепен: в нашем падшем мире не может иссякнуть этот честный донкихотский бунт против порядка вещей. Эта готовность умереть за свою истину, а не просто так...

В самом младшем нашем писательском поколении 20-летних прозаиков — у Ксении Букши («Аленка-партизанка»), Александра Силаева («Армия Гутентака»), Сергея Шаргунова («Ура!») — поиск такого героя идет наиболее, пожалуй, активно. Не всегда успешно. Иногда глубоко волнующе (у Натальи Ключаревой, в повести «Россия. Общий вагон», и у Марины Кошкиной, в повестях, напечатанных в «Континенте»). И — обычно — крайне воодушевляюще по своей сути. Здесь мне видятся залоги и обещания, здесь проходит главная, возможно, дорога в будущее нашей литературы.

Что ж, если есть значительный, многое берущий на себя, готовый бороться и побеждать герой в литературе, — значит, и жизнь не совсем безнадежна. Как-то вот так, на оптимистической ноте, поставим точку, пока снова не догнали нас сомнения и печали.

Мария РЕМИЗОВА

ЖИЗНЬ КАК ПОВОД

Дмитрий Быков. «Борис Пастернак»

М.: Молодая гвардия, 2006

Удивительная штука жизнь. Уж, казалось бы, все знаешь, наперед просчитаешь, ожидания оправдываются, прогнозы сбываются... Только-только подумаешь: вот, дескать, ничего-то удивить уже не сможет, ан, нет, тут-то бац — и сюрприз (хороший, плохой ли — как повезет).

Дмитрий Быков — бойкий журналист, плохой прозаик и хороший поэт (такое странное сочетание в одном флаконе, впрочем, ведь вы этого достойны) написал книгу о Пастернаке. (Читатель ждет уж рифмы *враки,* — так нет же, не будет такой рифмы.) Такое вот удивительное дело. Книга вышла хорошая. Даже не просто хорошая, а очень хорошая. Почему? Очень просто. Быков задавил в себе журналиста и прочел жизнь поэта как поэт. А когда говорят музы, пушки молчат. Во всяком случае, для тех, кого интересуют такие беседы.

Серия «Жизнь замечательных людей» — странная серия. И мусора в ней было полно, но попадались и настоящие шедевры, — достаточно вспомнить, что «Жизнь господина де Мольера» Булгаков писал именно для нее (даром, что книга тогда так и не вышла). Да и рамки у нее достаточно широки: можно подать почти научный труд, а можно — настоящий роман. Быков пошел по среднему пути: как поясняет аннотация, надо думать, авторская, в задачу входило не скрупулезное описание биографии поэта, но воссоздание «портрета» его внутренней жизни, где, естественно, отразились и эпоха, и современники. Если угодно, эта книга — попытка установить связь между личностью и творчеством, разглядеть и разобрать, рассортировать сор, из которого растут стихи. Потому что факты, в том числе, и биографические, — это и есть не что иное, как сор, покуда не преображены и не переосмыслены личным творческим актом.

И вот тут лежит главная удача книги: Быков эмоционально вживается в чужую прожитую жизнь, выводя из нее собственный *художественный* образ, то есть работая в первую очередь как художник и уж только потом — как исследователь. Может быть, здесь скрыта разгадка быковских неудач на поприще собственной прозы: он не умеет *сделать* сюжет и потому вынуж-

Мария РЕМИЗОВА — родилась в 1960 г. в Москве. Окончила Факультет журналистики МГУ. Литературный критик, прозаик. Работала в «Континенте», «Независимой газете» и др. Публиковалась в журналах: «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

ден натужно выдумывать. Когда же сюжет априорно задан, он улавливает заложенные в нем смысловые тяги и свободно движется вперед, подчиняясь его внутренней логике. Понятно, конечно, что Пастернак Быкову не безразличен. Можно предположить, что это вообще очень близкий ему поэт. А когда поэт пишет о поэте, да еще и близком... В общем, так едва ли кто еще сможет. И прежде всего это касается интерпретации стиха, тем более такого темного, как у Пастернака.

Есть поэты кристальной ясности, как Пушкин. Пастернак на эту традицию не ориентировался. Символизм, наложивший отпечаток на творчество всех сколько-нибудь значимых версификаторов XX века (хотя бы даже и как отправной пункт бесконечной полемики и отрицания), произвел на Пастернака действие, подобное действию ртутных сплавов на стекло: образовавшаяся амальгама стала мощной преградой прозрачности, преломляя и отбрасывая падающие на нее лучи, — поэзия Пастернака во многом работает как зеркало, куда читающий смотрится, ловя собственное отражение (собственный «вчитывающий» портрет), поскольку за музыкально завораживающей вязью слов трудно, а часто и невозможно уловить прямой, логически безупречный смысл.

Быков, кстати, не раз и не два обращает внимание на эту особенность поэзии своего героя при всей (очевидной) очарованности им (что опять-таки естественно и даже, прямо сказать, необходимо для полноценного вживания в образ), порой как бы даже разводя руками: мол, символизм символизмом и «чем случайней, тем верней» (девиз раннего Пастернака), — но, убирая инверсию и выстраивая иную строфу в логическую цепочку, рискуешь уткнуться в полную бессмыслицу.

О, как же надоели эти завывающие славословия, эти истерически восторженные причитания, как по покойнику, превращающие творческую личность в подобие бронзового истукана, лишенного всяких признаков жизни. Быков, человек нового времени, слава Богу, лишен этой тяги к псевдо-филологической патетике и может позволить себе даже несколько иронический тон: да, нужно быть слепым или глухим, чтобы не признать, что у Бориса Леонидовича бывали и малоудачные, и просто никчемные строки. Но ведь дело не в этом! Дело в том, сколько строк удивительных, музыкальных, завораживающих.

Пастернак, это чистая правда, и Быков это отмечает, — самый цитируемый из русских поэтов XX века. Действительно, он буквально растащен на цитаты, причем некоторые, вроде «а ты прекрасна без извилин», употребляются уже исключительно в ироническом ключе. Зачем нужно вспоминать неудачи? Затем, чтобы написать не парадный портрет, а подлинный, прежде всего чтобы понять, как, по каким принципам и законам строилась поэтика, чтобы увидеть развитие, почувствовать, как поэт работал, с чем, от чего уходил и к чему стремился. В любом случае, готовность к нелицеприятному разбору есть необходимое условие объективного анализа, а это, если уж на то пошло, прямой долг исследователя. Что не исключает субъективной эмоциональной привязанности, иначе говоря, — любви. Слепая любовь — бессмысленна и творчески бесплодна. Зрячая — может быть интеллектуально плодотворна. Что мы в данном случае имеем возможность воочию

наблюдать. Собственно, любая интерпретация — прозы ли, стиха (стиха, наверное, в большей степени) — требует медленного вдумчивого вчитывания, вживания, повторного проживания внутри однажды кем-то прочувствованного. Мы, увы, не всегда готовы на такой подвиг, поэтому пробегаем глазами, проскакиваем, теряя по пути не вдруг проступающие смыслы, оставляя на никогда не наступающее *потом* осознанное восприятие текста. Хорошо еще, если успеваем уловить настроение, — чаще запоминаем гармонический строй, чтобы когда-нибудь случайно удивиться вдруг всплывшей в головке строчке. Когда же кто-то трудолюбивый, взявший на себя отложенную тобой работу, слово за словом восстановит так и не дорисованный контур, проложит опущенные связи, выпрямит смысл, укажет, что с чем и для чего перекликается, — вот тут и посетит счастливое чувство благодарности: спасибо, что напомнили, спасибо, что помогли докопаться до сути.

Быков, как уже было сказано, очень хорошо *читает* стихи. Читает, чувствует, рефлектирует — и выдает результат. Многие строфы после его толкования действительно становятся более внятны. И не только потому, что он умеет тонко чувствовать. Быков владеет контекстом, как теперь говорят, реально владеет. Книга объемом в почти девять сотен страниц наполнена множеством деталей и фактов, служащих подспорьем к пониманию личности, ее особенностей, ее развития и внутренних векторов движения. Многие, ох, многие тянут факты личной биографии описываемых персонажей ради эпатажных подробностей, либо просто для того, чтобы формально заполнить объем. Еще хуже, когда эти факты перетолковываются в выгодном для концептуальных конструкций свете, что уж вовсе уводит в сторону от действительных основ творчества.

В этой книге, к счастью, нет ничего подобного: все к месту, все играет на общую тему. Хотя уж кто-кто, но такая фигура, как Пастернак, может дать массу поводов для сплетен и даже злословия. Вот, просто для примера: напротив меня, в противоположном крыле дома, горит окно в квартире, где жила Ольга Ивинская как раз во время бурного романа с Пастернаком, откуда ее забрали и посадили, беременную его же младенцем, а буквально в пятнадцати минутах ходу живет моя свойственница — в одном доме с Нейгаузами и, между прочим, с ними дружит. Такой вот странный пасьянс...

Нет, разумеется, ни эту историю, ни другие, так сказать, скользкие моменты, вроде того, как Пастернак не поехал к умирающей сестре Ольге Фрейденберг, с которой был близок всю жизнь и состоял в многолетней, важной для обоих переписке, Быков не обходит вниманием, — да это и невозможно, учитывая, сколь много следов оставляют подобные вывихи судьбы в том, что ложится потом на бумагу. Но он виртуозно проходит над схваткой, не допустив ни крена ни в ту, ни в другую сторону, вообще оставив за кадром всю не слишком красивую склоку между не поделившими поэта и (что гораздо хуже) его наследие сторонами. Это уже к Пастернаку — поэту, не человеку, — отношения действительно не имеет.

Гораздо интереснее оказывается встроить Пастернака в поэтический контекст эпохи, для чего быков окружает его «системой зеркал»: Блок, Маяковский, Ахматова, Цветаева, Мандельштам... Зачем-то в этот ряд попал и Вознесенский — как единственный «ученик» Пастернака. Об этом «уче-

ничестве» известно, однако, лишь со слов самого Вознесенского, мэтр об этом никаких свидетельств не оставил. Быков, впрочем, изо всех сил симпатизируя шестидесятнику, преемственность обнаруживает. Что ж, его право. Смеем между тем заметить, что разница масштабов остальных фигурантов ряда с поэтическими достижениями Вознесенского настолько вопиюща, что самому ему в этом ряду должно быть, мало сказать, неуютно.

Окружив своего героя соразмерными ему фигурами, Быков получил прекрасный материал для сравнительного анализа. Поставив Блока как отправную точку, он последовательно вывел из него все возможные линии, в том числе, и самую отрицательно-полемичную, то есть Маяковского. И показал, насколько Пастернак, по видимости столь зависимый, особенно по началу, от поэтики символизма, далеко ушел от нее, сохранив лишь формальную привязанность к туманности высказывания. Тем более, что двигался он в сторону ясности и известной простоты, потому, кстати, смело вводил в свой словарь самую непоэтическую лексику: хотел, чтобы его стихом говорила жизнь, а не пресловутая символистская надмирность.

И все же — почему именно Пастернак? То есть почему эта личность привлекает к себе столько внимания, так сказать, помимо стихов? (Нет-нет, конечно же, не помимо, — понятно, что именно поэзия придала ей значимость и вес, — но как бы, если все-таки вынести их за скобки, почему?) Жизненный путь Пастернака в самом деле уникален: среди мрака и ужаса — жив и счастлив, загнанный поденной работой — пишет и пишет. Обстоятельства мнут и давят, — а он уходит из-под них, как вода сквозь пальцы, удивительнейшим образом регенерируя и разгибаясь, идет своей дорогой, подчиняясь, никогда не конфронтируя с властью, даже порой чуть не подыгрывая ей, упрямо гнет свою линию и в итоге, точно по волшебству, остается самим собой.

Быков очень верно подмечает этот феномен пастернаковской личности, объясняя его не просто природной жизненной силой, но как бы самим свойством *жизни*, полноценно воплотившимся в Пастернаке: жизнь нельзя ни уловить, ни подчинить, — она пробивает себе путь, как травинка или росток, и, возможно, прямые этические категории в таком случае не вполне уместны. Столь потрясающую приспособляемость можно было бы назвать конформизмом, собственно, это конформизм и есть, но само по себе это ничего не объясняет. Чистый конформизм для личности безусловно губителен, он разъедает ее изнутри, сводя в итоге до полного безволия и сервилизма.

Случай Пастернака все-таки иной: ни творческой, ни личностной деградации не происходит, напротив, к концу жизни он пишет самые свои знаменитые стихи (доктора Живаго) и решается на открытый конфликт, публикуя за границей роман, нелицеприятно характеризующий советскую историю. Почти рефреном по тексту книги проходит описанная кем-то из мемуаристов привычка Пастернака спорить: рассеянное «да-да-да», вдруг под занавес резкое «нет!». Почти всю жизнь он протвердил свое «да-да-да», уходя из-под удара противника и взбунтовавшись только в финале. Это «да-да-да» было органической потребностью его существа, стремящегося к синтезу и всеприемлемости (Быков отмечает, что далеко не случайно само название знаменитого сборника «Сестра моя жизнь»: именно ощущение

родства с жизнью на равных, почти биологическое, — его основной стержень и внутренняя движущая сила). Основной инстинкт, если угодно. Как формулировали герои Достоевского: полюбить жизнь больше смысла ее, прежде логики. (Быков обходит это стороной, а мы заметим: в начале «Доктора Живаго» описывается метаморфоза фамилии — из Мертваго в Живаго. Метафора значимая.)

В этом свете, кстати, открывается еще одна сторона внерациональности пастернаковского стиха, поскольку суть жизни рационализации не поддается, но лишь вчувствованию и, если угодно, ужасу и восхищению. Потому, вероятно, Пастернак так легко и естественно *верил* (и верил, как хотел, не втискиваясь в рамки ни одной из конфессий) — и так легко и естественно же эту веру облекал в стихи: мистическое переживание бытия, видимо, было ему дано изначально.

Сам роман, отношение к которому до сих пор остается спорным, — одни принимают его безоговорочно, другие — начисто отвергают, — Быков не анализирует. Обстоятельства его создания, настроения, владевшие Пастернаком, его намерения, расплата, последовавшая за публикацией, — та травля, которая подорвала силы поэта, — да, это есть. Но ни своего отношения к тексту, ни какой-либо его оценки Быков не высказывает. Возможно, оценивает его достаточно скептически, возможно, есть какие-то другие причины. Примечательно, однако, что это умолчание никак не портит созданного им портрета. Потому что он делает главное — выводит логику цели создания «Доктора Живаго» из всей логики развития пастернаковской личности. Портрет выглядит завершенным. На все остальное — оценки, интерпретации, собственные размышления — право предоставлено читателям.

ЛИТЕРАТУРНАЯА КРИТИКА

(Третий квартал 2006 г.)

«Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Нева», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Октябрь»

Георгий Циплаков продолжает свои размышления на тему **ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА («Битва за гору Миддл»** — «Знамя», № 8). В прежних статьях автор специально оговаривал, что принадлежность читателя к *среднему классу* определяется не уровнем дохода, а уровнем образованности, самосознания и наличием социальной позиции. Офисные интеллектуалы, по Циплакову, относятся к среднему классу так же, как пролетариат в работах Ленина — к классу рабочему: это наиболее «сознательная» часть клерков[1]. Теперь Циплаков пробует внятно сформулировать, какие же признаки отличают миддл-литературу как актуальное направление нашей словесности, а заодно прослеживает историю этого явления. Картина у него получается весьма стройная. Миддл-литература как направление, указывает автор, заявила о себе в 1999 году — сразу же после дефолта, когда оказалось, что никуда не годятся обе системы ценностей: и прежняя, советская, и новорусская — с ее «*законом*», бандитской «феней» и войной всех против всех. Срочно потребовались новые ориентиры, тут-то и подоспел Виктор Пелевин, не просто посвятивший роман «Generation П» *памяти среднего класса*, но сплотивший офисных интеллектуалов в этот самый класс. Пелевинского героя равно не устраивали ни советская *империя зла*, ни постсоветская *банановая республика зла*, он искал тихого личного счастья, свободы и покоя. Открытый Пелевиным герой — рассудительный оптимист, *истинный представитель среднего класса*. Выход для него — в том, чтобы *«окружающий советско-бандитский чад просто не замечать, уйдя в реальность размышлений»*, к подлинному себе. Так что ключевым конфликтом здесь становится конфликт между достойной и недостойной интерпретацией мира. И хотя герой Пелевина ищет в конечном счете всего лишь пресловутого филистерского благополучия, он, пишет Циплаков, исполнен внутреннего аристократизма, а система его жизненных ценностей базируется на понятиях чести, уважения и терпимости. Вслед за Пелевиным, явившим широкому читателю *великолепие «царства Я»*, на сцену выступил Борис Акунин, создавший героя, соответствующего ожиданиям офисных интеллектуалов. Эраст Фандорин — человек, который *служит, но самостоятелен*. Акунинский герой убедителен, цивилизован и нравственно безупречен; хаосу повседневности он противопоставляет человечность. Причем это не интеллигент, для отечественной литературы столь привычный, а именно *действую-*

[1] См. статью Георгия Циплакова «При чем тут маркетинг?» — «Знамя», 2006, № 4.

щий интеллектуал. Итак, указывает Циплаков, с легкой руки Пелевина и Акунина основным конфликтом миддл-литературы становится борьба двух разных картин мира, двух противоположных реальностей, раскрывающаяся не только как личная драма офисного работника, но как битва добра со злом и даже как противостояние жизни и смерти. Однако в этом противостоянии вполне могут победить и силы зла. И о том, что будет в этом случае, также рассказывает миддл-литература — ее *левый фланг*, представленный прежде всего Владимиром Сорокиным. Циплаков перечисляет константы такого художественного мира: *«Старение. Ослабление. Разрушение. Одичание. Катастрофа. Извращение. Насилие»*. Сорокин, по выражению автора статьи, *доводит абсурд до абсурда,* когда вполне привычным становится то, что некогда повергало в трепет героев Сартра, Кафки и Камю, а *«звездное небо и моральный закон перестают работать»*. За Сорокиным следует Павел Крусанов и еще несколько более или менее известных фигур, однако потребность читателя в «протестном» чуть ли не полностью удовлетворяют иностранцы, так что русская левофланговая миддл-литература успешно замещается сочинениями Мураками, Уэльбека, Коупленда и т.д. Но наряду с левым, существует и *правый фланг* миддл-литературы, где представлена непреходящая прелесть нормальности и буржуазной правильности, где душевности и искренности так много, что с непривычки это даже может шокировать. Таков мир Евгения Гришковца. В противоположность Сорокину, смакующему образы гниения и умирания, Гришковец любит описывать взросление, возмужание, овладение мастерством, оттого-то он так часто обращается к опыту детства, к непростой процедуре включения человека в нормы взрослой жизни. Циплаков отмечает, что в последнее время в отечественной миддл-литературе обозначился явный крен вправо: за Гришковцом тут следуют Андрей Геласимов, по-своему осмысляющий тему взросления и «исправления» героя, Катя Метелица с интересным женским миддлом и Оксана Робски, создавшая особый миддл — рублевско-успенкий.

Евгений Ермолин, посвятивший свою статью **«Человек из России»** («Октябрь», № 9) Вячеславу Пьецуху, о котором рассуждает не столько как о прозаике, сколько как о философе, пишет: **ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ НЕ СТОЛЬКО ОТРАЖАЕТ ЖИЗНЬ, СКОЛЬКО ПРЕДВАРЯЕТ ЕЕ**. Сам Пьецух выражается еще хлестче: *«Первая русская революция, может быть, больше спровоцирована "Песней о буревестнике" Максима Горького, чем невыносимым положением рабоче-крестьянских масс»*. Ведь у нас не только *по-жизненному пишут,* но и *по-письменному живут*, а сама литература — это *«единственный высококачественный продукт, который делают на Руси»*. Потому что таков уж закон нашей жизни: *«чем безобразнее действительность, тем рельефнее прорезается гениальность»*...

ЛИТЕРАТУРА — самый надежный **БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ**, вторит **Мария Ремизова («Ответ знает только ветер»** — «Октябрь», № 8). И сегодня, по мнению критика, этот барометр показывает, что в России назрели перемены. Недаром же у нас появился настоящий *общественно-политический роман*. Строго говоря, случилось это не сегодня — к указанному разряду можно было бы отнести всю литературную продукцию Александра Проханова и Эдуарда Лимонова, если бы не один общий де-

фект: уж очень очевидно, пишет Ремизова, что исходным творческим стимулом для обоих *столпов нашей политической оппозиции* служит чувство глубоко личной обиды, «*слишком частных счетов с властью,.. обнесшей пирогом конкретно их*». Оттого-то почти в унисон и с прямо-таки садомазохистским наслаждением оба и ностальгируют по эпохе развитого социализма. В отличие от этих двоих Наталья Ключарева, автор романа «Россия: общий вагон», воскрешает давно и, казалось бы, прочно в нашем отечестве забытое чувство личной ответственности за живущее в мире зло, когда душа героя подлинно *«страданиями человечества уязвлена стала»*. Герой Ключаревой — современный юродивый, наследник князя Мышкина и Алеши Карамазова. Подобно князю Мышкину, и он в конце концов лишается рассудка, а затем умирает с улыбкой на устах в тюремной больнице (в тюрьме же оказывается потому, что сподобился дать пощечину президенту Путину). При этом, как полагает критик, гнев и стыд, испытываемые Ключаревой и ее персонажами при виде боли *униженного, оскорбленного и разлагающегося от безнадежности народа*, призваны преобразить будущее. У романа Ольги Славниковой «2017» — иной пафос. Книга эта — сатира на современность, загримированная под футурологический прогноз. 2017 год; столетие Великого Октября справляется в мире, который «*в высшей степени виртуален — и в высшей степени тосклив*». Но вдруг виртуальный этот мир, до предела напичканный всякими технологическими штучками, начинает самопроизвольно шириться и трансформироваться: костюмированные шествия превращаются в массовые волнения, срежиссированные потасовки перерастают в уличные бои, маски замещают лица — и вот уже льется настоящая кровь, и на тротуары падают настоящие трупы... А на лицах убитых написано удивление: никто не ожидал... Само как-то получилось... К чему все это написано писателем, не ясно. Не ясно и другое: для чего пересказано критиком. Кажется, и сама Ремизова не очень это понимает, но, привычно во всяком поэте предполагая пророка, подсчитывает время до 2017-го и многозначительно предупреждает: *ответ знает только ветер...*

Националистическому дискурсу в современной литературной критике посвятила свою статью **«Лютые патриоты» Наталья Иванова** («Знамя», № 7). Сегодня, констатирует она, **КСЕНОФОБИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ ПОБЕДИЛИ**: легализовались, из маргиналов перебрались в мейнстрим, обрели светский лоск, даже на книжный салон в Париж прорвались. Едва ли не самой модной фигурой стал писатель Александр Проханов, обладающий несомненными медийными достоинствами: «отрицательным обаянием» и гремучей смесью «советско/имперско/православной» идеологии. И это притом, что ничего нового «лютые патриоты» не изрекли, свежих истин не открыли, а популярность их тем не менее растет и аудитория ширится. Немалую роль в этом процессе играет литературная критика, приспособившаяся интерпретировать традиционные культурные ценности как исключительно внутринациональные. К числу тех, кто таким образом приватизирует приглянувшегося либерала или, скажем, еврея, приспосабливая его к узко-национальным целям и объявляя русским по существу, принадлежит Владимир Бондаренко: подобные операции ему случалось проделывать с разными писателями от Иосифа Бродского до Ольги Седаковой. Но гораздо чаще наблюдается дру-

гое — не присвоение, а полное отторжение всего «либерального» и «нерусского», к чему склонны и Вл. Бушин, и Ст. Куняев и многие другие авторы «Нашего современника», чьей безудержно положительной оценки удостаиваются авторы, обладающие: 1) русским происхождением (причем непременно из глубинки: провинциализм предпочитается столичности *«почти в молитвенных формах»*); 2) принадлежностью к коммунистической партии и партийным образованием; 3) религиозностью; 4) народностью; 5) ненавистью к «другим». Отчего-то характерной особенностью такого рода критики оказывается *«незнание, неточность, безграмотность в обсуждении предмета»*, подмена анализа комментированным пересказом, а также игнорирование поэтики за счет исключительного внимания к идеологии. Идеология же обычная: русский народ — народ-богоносец, русская культура — культура совести; русский писатель (особенно поэт) — пророк, погубленный врагами. Отсюда же — поразительная живучесть мифа об убийстве Есенина и полное равнодушие к смерти «чужих» — Мандельштама, Цветаевой или Маяковского. Мученичество, впрочем, свойственно не только поэтам — страдает весь русский народ, ущемленный «чужими». Мысль о национальной ущемленности естественным образом приводит к пафосу великодержавности, причем русский «патриотизм» все больше сращивается с советским, государство объявляется высшей ценностью, а главным героем новоимперской истории оказывается Иосиф Сталин, который, по словам того же Проханова, *«укрощая огненный большевизм, ввел "белую" имперскость в "красный" контекст, поместил "допетровских" Александра Невского и Дмитрия Донского рядом с офицерами в золотых погонах»*. Так или иначе, но сегодня «почвенники» естественным образом договорились до печально памятной формулы «Gott mit uns»[2], некогда украшавшей пряжки солдат вермахта. Особенно отчетливо эту нехитрую истину выражает следующий образчик поэзии:

Бог говорит по-русски.
По-иностранному черт...

Впрочем, с горечью пишет критик, это не *«лютые патриоты»* победили, это проиграли *«лютые либералы»*, которым, на каждом шагу не хватало широты, самокритичности и самоиронии.

Лютый патриотизм концентрируется сегодня не только в литературе, но и вокруг спортивных арен. События летнего **ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ** пытаются осмыслить авторы подборки «Нового литературного обозрения» (№ 80) **«Русская литература 2006 года о футболе»**. Поэтические произведения, представленные здесь, — из тех, что дают критику счастливую возможность порассуждать на вечные темы, благо о собственно поэзии тут все равно говорить нечего:

...в кёльне мощи волхвов
увидевших две тысячи лет назад
подающего надежды христианского полузащитника
позже проданный за хорошие деньги
он насмерть забивал голы...

[2] Это значит, если кто забыл: «С нами Бог».

или:

У каждого из нас бывают раны
Не от ножей, не от заточек, не от пуль...
Что Матерацци высказал Зидану?
Уверен, что не «be brave, my friend, be cool!»

Правда, критик **Мария Бондаренко**, автор статьи **«Игра в мяч: оптика и поэтика»** («НЛО», 80) находит в этой поэзии много ценного. Но главное — извлекает из ситуации максимум возможного. Исходя из формулы Вадима Руднева *«футбол — интеллектуальное развлечение постмодернистов»*, она сперва совершает коротенький экскурс *«от метафизики футбола к его семиологии»*, вслед за тем же Рудневым уводя читателя к *историческим корням футбольной сказки* — то есть архаическому, хтоническому, ритуальному и сакральному. На этом глубочайшем уровне футбольный матч предстает (не будем пересказывать — обезопасим себя цитатой) *«как символический половой акт (где мяч — головка пениса или порция спермы, ворота — вульва, нога — фаллос), воспроизводимый в микрокосмическом и космическом (вселенском) масштабе со всеми вытекающими отсюда интерпретациями»*. Мудрено ли, что даме, способной воспринимать ногу как фаллос, процитированное выше всерьез кажется поэзией? Но одна мысль Марии Бондаренко представляется бесспорной: *«Гомер*, — предполагает она, — *описал бы футбол иначе»*.

Возможно, впрочем, что не каждый читатель вообще понимает, на что дался нам этот футбол: чего ради стихотворцы пишут о нем в столбик, а литературные журналы публикуют это и комментируют. Ответ на этот вопрос можно найти в эссе **Вячеслава Курицына** (**«Макароны — это вкусно»**) и **Кирилла Кобрина** (**«Fair play[3]: Невилл, Оруэлл, Зидан»**), опубликованных в том же номере, что и статья Марии Бондаренко. Все дело, собственно, — в одном сюжете — и сюжете не из литературы, а из жизни. Как сказано в этом номере «НЛО», главным событием чемпионата стал не футбол, а уход из футбола. На последних минутах финального матча капитан французов Зинедин Зидан ударом головой в грудь сбил с ног итальянского игрока Марко Матерацци, за что и был удален с поля. Вследствие неожиданного поступка своего капитана французы лишились Кубка мира. А Зидану, игравшему в тот день свой прощальный матч, пресса на всех языках мира вынесла приговор: «бесславный конец карьеры». Матч еще не закончился, а все уже гадали: что же такого сказал итальянец, что нельзя было потерпеть с выяснением отношений еще пять минут? Спустя малое время русский народ отозвался стихами, приписываемыми, впрочем, Льву Рубинштейну и тоже цитируемыми «НЛО»:

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что мог сказать Зидану Матераццио...

В отличие от статьи Бондаренко у В. Курицына и К. Кобрина футбол рассматривается не через призму пиндарических гимнов, хтонических фантазмов или коллективного сакрально-сексуального, что в «Новом литературном обозрении» выглядело бы вполне привычным. Нет, речь ведется о

[3] Честная игра, игра по правилам — *англ.*

вещах куда менее замысловатых и куда более важных. Авторы обоих эссе безоговорочно сходятся на том, что *достойнее карьеру завершить невозможно.* Современный футболист, то есть эдакая международная поп-звезда, пишет Вячеслав Курицын, на наших глазах вдруг повел себя совершенно не так, как полагается по его гламурному статусу. Нет, он оценил честь выше титула и из «звезды» превратился в героя. Этот момент, когда *человеческое достоинство восторжествовало над бутафорскими ценностями,* Кирилл Кобрин называет мистическим, а сам поступок Зидана расценивает как подвиг. В самом деле, это случилось с Зиданом, с человеком, который только профессиональным спортом и жил, чья работа в том и заключалась, чтобы возиться с мячом, не реагируя на физическую боль и брань соперников, — и вдруг в какой-то *мистический* миг увидевшим всю происходящую суету в истинном свете: и *«журналистов с их заранее готовыми проникновенными статьями»*, и *«сотни тысяч бестолковых людей в трехцветном тряпье»*, и *«будущие контракты на рекламу мобильных телефонов»*... Поступок Зидана, пишет Кобрин, *«крайне опасен для современного спорта»*, потому что ставит спорт на причитающееся ему место — лишает его дутых смыслов, надуманной знаковости. Футбол вдруг оказывается вовсе не высокой идеей, не символом патриотической доблести (и, добавим, не вместилищем каких-нибудь иных смыслов — национально-мифологических, сакральных, эротических или космических). Прекрасная игра в футбол — не более чем игра в футбол, и именно это придает ей замечательный, высокий и человечный смысл fair play.

Две статьи под общим заголовком **«"ЭРОТИЧЕСКАЯ" ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ»** публикует журнал «Вопросы литературы» (№ 4). В начале 90-х на наших прилавках появилось то, что прежде никогда в России не издавалось, — порнографическая поэзия, пишет **Виктор Есипов («Все это к моде слишком близко»)**. Вновь открытый пласт литературы, получивший научное название *обсценного,* тут же потребовал необходимого литературоведческого обеспечения. Но вот что удивительно — вместо того чтобы мирно изучать Баркова и иже с ним, литературоведы отчего-то кинулись со своим обсценным аршином на общепризнанные шедевры, и умение *«приличные стихи читать и понимать как неприличные»* сделалось весьма престижным. Вот как, к примеру, интерпретирует басню Крылова «Свинья под дубом» некто А. Илюшин: *«о, знаем мы,—* пишет он, *— какая это "свинья" и что это за "дуб"! Женский и мужской инструменты соития»* (соответственно, желуди — *«это как бы сперматозоиды»*, а ворона на дубе — лобковая вошь). Достается от озабоченных проблемами пола ученых мужей и Ломоносову, и Жуковскому, и А. К. Толстому (у которого даже фамилия героя в «Сне Попова» — и та *созвучна «попе»*!). Особенно же нелепыми, пишет Есипов, выглядят попытки навязать тайный смысл творениям Пушкина, наследие которого и без помощи исследователей изобилует *действительными непристойностями.*

О том, как подобное направление филологии проявляет себя по отношению к детской и школьной классике, пишет **Михаил Свердлов**, называющий все это **САДИСТСКИМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ**, поскольку давно заметил, что если интерпретатор обещает *углубить* принятую трактовку в свете *некоторых архаических моделей,* присутствующих лишь *подспудно,* это означа-

ет, что *текст будут пытать* (**«Тайна между ног»** — «Вопросы литературы», № 4). Какие из подобного прочтения последуют выводы, вроде бы всем давно и хорошо известно, а все же не устаешь поражаться, какое воистину безграничное количество глупостей можно извлечь из однообразной подгонки облюбованного текста под тему секса и насилия, дефлорации и инициации, матери-соблазнительницы и соперника-отца... Вот М. Золотоносов расправляется с «Мухой-Цокотухой»: *«Комар — сын Паука — освобождает Муху от отца, целиком заменяя его <...> отсюда и кровосмесительное намерение "жениться"»* Вот тот же Золотоносов вскрывает тайный смысл «Гренады»: *«...**отдать крестьянам землю в гренадской волости** означает **совокупление с женщиной**, противопоставленное гомосексуальным отношениям в военном отряде и анальному сексу. Мечтатель-хохол мечтает о женщине и освобождении от утомившей его анальной эротики, причем недоступная женщина олицетворена недоступной Гренадой, а итогом мечтаний становится совокупление с украинской землей ("Пробитое тело наземь сползло"), ассоциируемой с vulva. Само это слово, естественно, не названо, но весьма изящный намек на него дан через **папаху** Тараса Шевченко: ведь последний ассоциируется с Тарасом Бульбой, а "бульба" с vulva»*. Но любопытнее всего, пишет Свердлов, когда критики-насильники вступают в полемику друг с другом. Вот, к примеру, как бьются за «Муму» Ивана Тургенева: один ученый муж утверждает, что *«барыня тут есть по сути "Барыня-Отец", присваивающий себе фаллическую функцию»*. Другой возражает: *«барыня есть по сути "протез фалла", нуждающийся в настоящем фаллосе»*. На первый взгляд, кажется, замечает автор статьи, что приведенные суждения свидетельствуют о как бы подростковой сексуальной озабоченности самих «вольных» интерпретаторов и критик-садист больше всего напоминает школьника, *«пририсовывающего фаллос к картинке в учебнике»*. Однако дело куда серьезнее: тут действительно *подспудно* присутствуют искомые *архаические модели*. Критики-садисты очевидным образом сами страдают от «эдипова комплекса», ибо руководит ими стремление освободиться от всего, что ассоциируется с Отцом (Советским Учителем, догмой, общепринятой интерпретацией), свести на нет и сбросить с *корабля постсовременности* все навязанное школой. Но коварство ситуации заключается в том, что уход из-под принудительной власти Отца оборачивается добровольным подчинением Матери-соблазнительнице, в роли которой выступает западная постструктуралистская критика: ведь недаром *«кривляться и строить рожи высокой культуре»* филологи «новой волны» отваживаются лишь из-за спин западных деструктивистов, лишь *«прикрывшись модными цитатами и терминами, спрятавшись в лесах авторитетных сносок»*. Главная же их тайна состоит в том, что самим этим нигилистам решительно нечего сказать: *«Их шанс высказаться заключался исключительно в мародерстве»*.

Безответственность современной литературной журналистики — предмет размышлений **Ольги** и **Владимира Новиковых** (**«Об эстетической совести»** — «Звезда», № 9). Авторы настаивают на выражении *«литературная журналистика»*, поскольку считают, что **ВЫСОКАЯ КРИТИКА** сегодня **СХОДИТ НА НЕТ**. Высокая критика — это то, что отличается от журналистики *«размышлениями и разборами,.. личностными интерпретациями произведений,.. диалогом конкурирующих эстетических систем,.. выходом на социальные и*

философские обобщения». Но увы, пишут Новиковы, сегодня в ходу не это, а газетная беспардонность. Вместо статей пишутся развязные и бездоказательные аннотации, причем профессиональные литобозреватели не снисходят до чтения рецензируемой прозы, ограничиваясь беглым просмотром оглавления и первых абзацев. А все дело — в эстетической совести, точнее — в ее утрате, поскольку художественным вкусом руководит именно она. Вот почему с 90-х годов мы и живем в *аксиологическом хаосе*. Между тем подлинным вместилищем эстетической совести, указывают авторы, как раз и призвана быть критика. Но совестливым критиком можно признать только того, кто 1) прочел оцениваемое произведение полностью; 2) исходит из примата положительной оценки («*первоначальная установка честного критика такова: я это принимаю и готов одобрить*») и меняет «плюс» на «минус» лишь в том случае, если уровень текста вынуждает к этому; 3) учитывает, а также стремится понять и прочувствовать противоположную точку зрения. Вот каков портрет носителя эстетической совести. Что же мы видим в реальности? До шестидесятых эстетическая совесть попросту молчала и пробудилась только в эпоху «оттепели», но с тех пор передовая критика то и дело сбивалась с эстетической стези в сторону политики, так что «*априорные либеральные оценки доминировали над профессиональной аргументацией*». Сегодня же, как уже сказано, эстетическая совесть утрачена напрочь. В качестве примеров названы обозреватель «Независимой газеты» Ян Шенкман, уличаемый в том, что берется рассуждать о нечитанных произведениях, а также известный критик Андрей Немзер, который *читает много и тщательно*, но при этом к одним писателям заранее благосклонен, других же заведомо бранит, набираясь тинэйджерской грубости у молодых коллег. Достается и не названным критикам — тем, кто не устоял перед «*тусовочным соблазном*» и променял свою эстетическую совесть на сомнительное удовольствие премиальных мероприятий; тем, кто не постеснялся «*превратиться в балаболку, для которой составы жюри и шорт-листов в сто раз интереснее, чем проблемы современного сюжетосложения и стихосложения*». Из статьи вычитывается, однако, что, к счастью для нашей литературы, не все таковы, не все мелочны, не все подвержены кумовству, не все продажны. Новиковы готовы указать вот хотя бы и на свой собственный пример. С первой же строки статьи мы узнаем, что и они, оказывается, подвергались искушениям: и им звонили из солидного издательства, и им предлагали «*воспеть одну раскрученную детективщицу*» — причем за немалые деньги. Сразу так и спросили — какие будут гонорарные пожелания. «*То есть за какую сумму я готов поступиться своей эстетической совестью. Хм*» — горько иронизирует Владимир Новиков, наотрез, естественно, от продажи своей эстетической совести отказавшийся. Конечно, признают Новиковы, им проще: ведь они — писатели (как не позволяет забыть об этом и название рубрики, которую Ольга и Владимир Новиковы ведут в журнале «Звезда», — «*Дневник двух писателей*»); им «*дано чувствовать "изнутри", как делается произведение*», они не понаслышке знают, что такое «*муки сочинительства*». Из чего, впрочем, никак не следует, что они и вообще безгрешны — нет,: «*свои недостатки,*— признают они,— *есть и у критиков-совместителей (то есть прозаиков и поэтов, выступающих со статьями)*». Ибо хотя «*чувственное понимание художественной ткани*» у таких

«совместителей» всегда *«глубже и тоньше, но к нему добавляется творческая ревность, пристрастность»*. Но тут уж ничего не поделаешь, и так ли уж должны винить себя за это хотя бы и те же супруги Новиковы, если такой же творческой пристрастностью, ничего общего с эстетической бессовестностью, разумеется, не имеющей, грешили даже и Белинский, и Достоевский, и Блок (да и вообще признать коллегу гением оказался способен только Моцарт — и тот не исторический, а придуманный Пушкиным)!..

На сходной логике сопоставлений построен и еще один «Дневник двух писателей» («Звезда», № 7), названный **«Виновен автор»**. Ибо его содержательную сторону точнее всего, наверное, выражает фраза: *«Перемываем творческие косточки себе и другим»*.Что до других, то за примерами далеко ходить не надо. Вот хоть тот же роман «Москва Ква-ква», который даже и открывается орфографическим ляпом: *«Вначале пятидесятых годов»*[4]. Понятно, что это дает не только прекрасный повод изречь: *«В начале было слово, и слово было написано с ошибкой»*, — но поговорить и о том, как безграмотна, как стилистически небрежна и вообще литература кругом. Куда подевались хорошие корректоры-редакторы, способные вылечить рукопись, не навредив? Да и были ли такие когда-нибудь? Вот в семидесятые годы сосуществовали две литературы: авторская — которую редакторы только и знали что калечить (Битов, Искандер), и секретарская, которую редакторы сами и писали в качестве соавторов или даже «за авторов» (кроме Леонида Брежнева здесь назван Вадим Кожевников). Сейчас авторскую словесность не трогают — даже орфографические ошибки сохраняют; секретарской больше нет, зато есть коммерческая, которую тоже переписывают радикально, угождая вкусу толпы. Но *«если тебе нужен рирайтер, то ты не автор»*. Ведь вообще-то редактор обязан ловить прежде всего «блох» (у кого их нет, даже у Пушкина бывали!), а это имеет смысл только в том случае, если сама шкура не гнилая. Но ведь как раз здесь кого ни возьми — что Аксенова, что Улицкую, что Михаила Шишкина или там Татьяну Толстую, — вопрос о качестве шкуры ой какой спорный! Так что, спрашивают Новиковы, *«не честнее ли, как вечернюю молитву, повторять пастернаковское: "Все мы очень плохо пишем"?»*. Когда, где, в чьем присутствии сформулировал такое признание Пастернак и что он имел в виду, нам, к сожалению, не известно. Но в любом случае не очень понятна логика обращения к этому вердикту Пастернака со стороны самих Новиковых. Ведь если даже Пастернак и прочие великие делали свое дело *«очень плохо»*, то выходит, что нам, нынешним, нечего и пытаться? Мало того — делать его хорошо как-то даже и неловко. С другой же стороны, писать *так же плохо*, как Пастернак, — это ведь все-таки не самый худший из жребиев, не так ли? Иначе, наверное, авторы никогда не решились бы обратить наше внимание на те два художественных текста, которым, как можно понять из этого выпуска «Дневника», мы вполне можем доверять и которые здесь же и цитируются: ведь суждения, приведенные оттуда, парадоксальны, но остроумны и по сути безупречны. Произведения эти называются «Четыре Пигмалиона» и «Женский роман», и мы вполне понимаем, почему Новиковы не указывают автора(-ов) этих книжек. В конце концов, всегда украшает не ячество, а скромность...

---

[4] Имеется в виду, что в данном случае «в начале» надо писать отдельно.

«О ложном гуманизме и настоящей магии» пишет **Константин Фрумкин** («Нева», № 9). Речь здесь ведется о Луке из пьесы «На дне». Всех нас учили (и до сих пор учат в средней школе) тому, что гуманизм утешителя и обманщика Луки — ложный. Да и сам Горький не возражал против этого, говоря, что в его пьесе поставлен *вопрос, о том, что лучше — истина или сострадание.* Но, пишет Фрумкин, никакого противоречия тут нет. Только не в том, разумеется, смысле, что истина без сострадания невозможна. Просто истинным становится то, что человек сам себе внушил, во что он поверил, ведь вера способна менять не только своего носителя, но и окружающий мир, и, внушая людям надежду, Лука каждому дарил подходящий для него мир. Такая *«магическая вера»* и есть истинный гуманизм, потому что человек — не только единственная мера всех вещей, он — единственный источник веры и неверия, а также единственный источник правды и единственный, кто определяет, что есть добро, а что зло. И пусть марксистская критика в бессильной злобе называет все это субъективным идеализмом, а только не зря Сатин защищает Луку: *«Старик — не шарлатан!.. Что такое — правда? Человек — вот правда! Он это понимал»*... Тут автор добрым словом поминает мудрость Ницше, Пиранделло и Майринка и завершает статью утверждением, что в XX веке западная цивилизация все чаще сталкивалась с тем, что сознание и в самом деле навязывает реальности свою волю, а самовнушение и «магическая вера» способны менять реальность. Так что ложь, которую предлагает Лука, остается ложью только пока в нее не верят: посмотри на мир чуть иначе, измени ракурс — и мир преобразится, заверяет Фрумкин, и *«иллюзии превратятся если не в «объективную научную истину, то, по крайней мере, в субъективную "правду"»*.

«Еще раз о "случае Зощенко"» пишет **Алексей Семкин** («Нева», № 7). *«Еще раз»* — потому что впервые словосочетание «случай Зощенко» использовал Бенедикт Сарнов, чья книга называется «"Пришествие капитана Лебядкина". Случай Зощенко» (М., 1993). Семкин пытается ответить на вопрос: на чьей же стороне Михаил Зощенко — на стороне Шариковых и Лебядкиных, или все творчество писателя — талантливая и злая пародия на победивший плебс, поддакивание люмпену — с интеллигентским кукишем в кармане? Семкин полагает, что Зощенко пародировал лишь речь своих персонажей (а точнее, пережитки прошлого в ней), самую же действительность не пародировал — принимал. Искренне считал, что мир изменился до неузнаваемости, что сложному больше нет места, и, искренне осмеивая язык этого прошлого как выспренний и неестественный, искренне утверждал примитивную агрессивно-материалистическую идеологию, ведь *«жизнь устроена проще и не для интеллигентов»* Искренне принимал, искренне осмеивал, искренне стремился к вульгарному материализму, к упрощенному взгляду на мир (*«о чем поет этот соловей?»* <...> *«Жрать хочет, оттого и поет»*)... И маска эта почти стала лицом, почти... И лишь *«безрадостная гоголевская интонация»* нет-нет да и выдавала трагическую раздвоенность писателя, и из глубины его души вдруг вырывался вопль горького отречения от простоты: *«Черт побери, как все просто на свете! И зачем я об этом узнал? Может, как раз от этого мне теперь жить скучно»*...

О той же книге Сарнова идет речь в статье **Михаила Горелика «У царицы моей есть высокий дворец»** («Новый мир», № 7). Вспоминая стихи, кото-

рые любил и читал в молодости, Михаил Зощенко с неприязнью цитировал строки, первая из которых вынесена в заголовок статьи, и эти, про царицу, построившую себе дворец *«о семи он столбах золотых»*, и другие:

Я себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.
Эти звезды мне стезею млечной
Насылают вечные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

«Нестерпимо, — пишет Зощенко, — *слышать эту убогую фальшивую музыку. Отвратительно видеть эту мишуру, эти жалкие манерные символы<...> Нет мне не жаль этой утраченной иллюзии. Не жаль потерянных "нездешних цветов"»*. Приводя эти слова в своей книге, Сарнов соглашается: да, пошлые, манерные стишки, в своем допролетарском прошлом Зощенко, наверняка, читал и кое-что получше. А между тем, замечает Михаил Горелик, хотя процитированные стихи и не относятся к шедеврам мировой поэзии, да только это программные стихи религиозного философа Владимира Соловьева, где речь ведется о Софии Премудрости Божией. Стихотворение о Царице и начинается аллюзией на Притчи Соломоновы (9: 1): *«Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его»*. Так что вся эта *«мишура»*, эти *«жалкие манерные символы»*, эта *«убогая фальшивая музыка»* и особенно *«утраченная иллюзия»* — все это относится не к области литературного вкуса, как показалось Сарнову, не к эстетике и даже не к собственно теософии Соловьева, а вообще к онтологической предпосылке человеческого существования — ко *«всякой мистике, всякой идеалистике»*, которые, как сказано у Зощенко, *«есть форменная брехня и ерундистика»*, потому что *«человек — это кости и мясо... Он помирает, как последняя тварь, и рождается, как тварь... Только живет по-выдуманному»*. Сарнов же, пишет Горелик, может, оттого и не захотел узнавать стихи Владимира Соловьева, что пытается завершить свою *безнадежную книгу* о Зощенко хотя бы минимальным прорывом из двумерного материалистического мира, где соловей поет оттого, что жрать хочет, в иное, в «третье измерение», которое сам Зощенко давно и решительно отверг, как отверг Владимира Соловьева вместе с его «сияющими звездами», «нездешними цветами», мистической эротикой и христианством.

Илья Фоняков («Поэзия без границ» — «День и ночь», № 9-10) рассказывает о том, как в книжном магазине города Тампа (штат Флорида) неожиданно наткнулся на два стихотворения томича Василия Казанцева: перевел их на английский и включил в сборник собственных произведений поэт из Луизианы Генри Тейлор. Хорошо зная творчество земляка, Фоняков и в иноязычном переложении узнал интонацию и характерный для Казанцева ход поэтической мысли, хотя ни того, ни другого стихотворения на русском прежде не встречал. И тогда его посетила дерзкая мысль перевести стихи с английского обратно на русский. Сказано — сделано. В «Дне и ночи» Фоняков приводит все варианты — английский, свой перевод и русский оригинал, выпрошенный у изумленного Василия Казанцева, давая читателю лично убедиться в том, что **ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДИМА**, что она не

знает ни границ, ни языковых барьеров, а дважды «пересотворенные» стихи сохранили и мелодику, и поэтическую мысль, и характерную интонацию.

«*Различение поэзии и прозы в литературе чем-то сродни библейскому отделению тверди от вод*», — так начинает **Евгений Абдуллаев** свою статью **«ПРОЗА В ПОЭЗИИ: в поисках единства?»** («Вопросы литературы», № 5). Однако, пишет он, сегодня мы то и дело сталкиваемся с тем, что граница между стихами и прозой оказывается чрезвычайно зыбкой — вплоть до полного их неразличения. Простейшие случаи такого «единства» основаны на чисто формальной игре, логика которой примерно такова: «*если стихи обычно записываются в столбик, а проза — в строку, то почему бы не попробовать наоборот?*» Подобные имитации прозы нет-нет да попадаются у признанных профессионалов Дмитрия Быкова, Марины Галиной, Анны Аркатовой и т.д. Автор приводит следующее «ряженое четверостишие» Льва Лосева: «*Откуда вдруг взялась в мозгу чужих видений стая? Хочу понять и не могу и мучаюсь. Хотя я не толкователь вещих снов и роршаховых пятен, меня волнует шорох слов, чей смысл мне не понятен*», спрашивая при этом: что выиграли эти стихи от записи в строку? Может быть, Лосеву таким образом удалось вызволить смысл из плена регулярного стиха, сбить у читателя «автоматизм чтения»? Да ничего подобного, замечает Абдуллаев, такая запись — сродни кроссворду: заставляет читателя «отлавливать» рифмы, мысленно выстраивать стихи в тот же столбик, а за этой механической работой начисто теряется и этот самый *шорох слов*, да и всякое вообще удовольствие от стиха. Понятно и другое: к прозе все это «*имеет такое же отношение, как фигурные стихи к живописи*». Но куда более часты противоположные случаи — запись прозы в столбик. Автор особо оговаривает, что имеет в виду не верлибр, а *именно прозу*, хотя в пример приводит тексты, позиционируемые авторами в качестве верлибра. Вот, к примеру, стихотворение Татьяны Виноградовой «Я боюсь (конспект списка фобий, найденного в Интернете)»:

Я боюсь всего (*панафобия*)
Я боюсь многих вещей (*полифобия*)
Я боюсь явлений природы —
воздуха, облаков, холода, льда и мороза.
Я боюсь ночи, дня и просто яркого света (*фотоауглиофобия*).

А вот — кусочек из поэмы Елены Фанайловой «Подруга пидора»:

...Ты присылаешь мне sms-ку:
Как ты? Звонил ли Аркадий?
Я отвечаю:
Я на вечеринке Polit.ru.
А у Аркадия нет моего телефона
.....
Полвечера говорю с Файбисовичем:
Почему нам противен конформизм московской тусовки
И персональных приятелей.
На самом деле — о том,
Почему мы одиноки,
Почему нас не любят.

Что бы ни показалось читателю, перед нами все-таки не чистой воды проза, замечает автор статьи: кроме пресловутого «столбика», здесь заметны и другие элементы поэтического текста — подобие рифмы (фобия... фобия), краткость, некоторая ритмизированность строки... Но если у Лосева случайной казалась форма записи, то на сей раз случайным кажется *буквально всё*. Разумеется, эти отрывки, пишет Абдуллаев, не потеряли бы ровным счетом ничего от записи «сплошняком» — но просто потому, что им вообще нечего терять: тексты эти сомнительны, откуда ни посмотри, что с точки зрения поэзии, что с точки зрения прозы... И все же, как считает автор статьи, нередки случаи, когда поэзия и проза сливаются органично. По его мнению, это бывает тогда, когда *красоты регулярного стиха тексту противопоказаны*: если речь идет о чужой боли, чужой судьбе — когда уместнее эмоциональная дистанцированность от происходящего, лучше всего передающая удивление, растерянность и даже сострадание. Вообще когда речь идет о *Другом*, а сам автор как будто полностью устраняется из текста и роль его сводится лишь к «закадровому голосу». Таково, например, стихотворение Алексея Пурина «У двери котельной», где герой оказывается случайным свидетелем ночных забав рядового Бурлакова и безымянной кладовщицы:

...В смущении дверь
прикрываю... Да пусть. Удивляет лишь выбор его —
тридцатипятилетняя душнозамшелая тварь.
Замуж хочется, вот ведь! Троих по котельным детей
нагуляла ушастых. Остыть не хватает ума.
Скоро дембель. Ликуя, пузато-обиженной, ей
из вагона помашут... Толстовские надо б тома
пролистать. Но куда там! Присоской у роты живет.
Или мужем ей кажется вся подшинельная плоть,
двухгодичная вечная юность? Тяжелый живот
плодоносит, не в силах супружеский долг побороть.

Здесь, считает Абдуллаев, герой-автор отождествляет себя не с сослуживцем, а скорее с этой самой кладовщицей, вкладывая в свои стихи-прозу и недоумение, и оправдание, отчего весь сюжет из сцены «собачьей свадьбы» превращается в *рассказ о любви*. И это не случайность. Прозаическое с его отстраняющим эффектом оказывается востребовано даже чистой любовной лирикой, где тоже происходит интенсивный поиск нового языка для передачи «речи влюбленного». Вот пример такой прозаизации:

Как это — тук-постук —
и любовь пришла?
Души, еще не веря, ощупывают тела.
Это (к тебе / к себе) домой
пришел
(———?) человек
(———?) родной...
(*Яна Токарева, «Теплые вещи»*)

Стихов нынче не читают, и **ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА** с успехом заменяют собою книги — «*устный продукт*» востребован едва ли не больше

печатного, пишет **Вероника Зусева** в статье **«Державинский синдром»** («Арион», № 3). «Державинский» — вот почему. Автор статьи приводит следующий анекдот: готовя собрание своих сочинений и не будучи вполне убежденным в качестве поздних произведений, Гаврила Романович пригласил знаменитого декламатора: очень хотелось услышать собственные стихи со стороны и оценить их объективно. В результате Державину понравилось буквально все прочитанное, а если что-то и понравилось меньше, старик приписал это недостаткам исполнения. В самом деле, пишет Зусева, что-что, а «объективную картину» таким образом не составишь: талантливое чтение может «вытащить» даже самый провальный текст, а иные стихи без такой «подпорки» никто и не заметит. Практика поэтических вечеров показывает к тому же, что главное здесь все-таки не поэзия, а совсем другие вещи: атмосфера тусовки, потребность в зрелище и — не в последнюю очередь — закуска. Эстрада, на которую выходит стихотворец, диктует свои законы: заставляет удерживать внимание жующей публики, т.е. искать позы и жесты поэффектнее, подталкивает к эпатажу, учит быть узнаваемым — то есть повторяться. И поэзия, во имя которой, казалось бы, все и затевалось, отодвигается таким образом на задворки, превращаясь в своего рода «либретто». Недаром серьезные поэты, по наблюдениям автора, все же стараются избегать поэтической эстрады. Тот же Державин, думается, не пошел бы...

Стихов нынче не читают, пишет **Леонид Костюков («Поэтический клип как явление литературы»** — «Арион», № 3), но и превращать их исполнение в вариант шоу бесполезно. Где уж поэту равняться с актером: попробуй-ка обставить Юрского, читающего «Маленькие трагедии»! И тем не менее автор приветствует явление **ПОЭТИЧЕСКОГО КЛИПА**[5], если в нем все органично и ничто не выпирает — ни музыка, ни видеоряд, ни облик автора; если все подчинено главной задаче — донести стихотворение, раскрыть его, дать одну из возможных интерпретаций. Образцом подобного клипа Костюков считает фрагмент из фильма «Ирония судьбы» — *гениально исполненное и гениально снятое* стихотворение «С любимыми не расставайтесь», к удачным относит клипы на стихи Максима Амелина, Дмитрия Тонконогова, и Глеба Шульпякова.

«*Стихов нынче не читают*» — такими словами, по собственному признанию, **Алексей Алехин** начинает уже третью свою статью **(«Поэт без читателя»** — «Арион», № 3). Стихи, как и в прежние времена, требуют от читателя серьезного душевного усилия, но зато сегодня (в отличие от недавних времен) никакого общественного престижа чтение их не обещает. Не читают сегодня не только современных поэтов, не читают и Пастернака с Державиным; поэзия потеряла традиционно тяготевший к ней культурный слой — своего читателя. (То ли дело советские времена, когда поэзия рифмовалась со свободой, а поэт, какого бы качества тексты ни писал, неизменно оказывался «больше чем поэт»!) Только ведь поэту, если он поэт, утверждает далее Алехин, без читателя — *лучше*: «*Нам страшно повезло:*

---

[5] Видеоклипы на стихотворения, одновременно и независимо друг от друга присланные из Германии, Риги и Москвы, были представлены летом 2006 года на московском международном Открытом книжном фестивале.

стихов нынче не читают». Далее следует мысль, которая в последние десять лет повторяется всюду едва ли не ежедневно. Алехин пишет: перестав быть не только хоть сколько-нибудь значимой статьей дохода, но и мало-мальски существенным общественным фактом, поэзия получила уникальную возможность сделаться *просто* искусством. Напобывавшись «больше чем поэтами», поэты могут наконец побыть самими собой. Что для поэзии, безусловно, гораздо лучше. А как же слава? Славу обеспечивает «публика», но трудно творить разом и для нее и для Бога. Приходится выбирать что-то одно. А тут и выбирать не надо: за современного поэта выбор сделало само время.

Сегодня у наших стихотворцев особенно в чести *два фетиша*, пишет **Владимир Козлов**, озаглавивший свою статью: **«Эксперимент и документ против поэзии»** («Арион», № 3). Выбирать между ними — заведомо пустое дело: установка на **ЭКСПЕРИМЕНТ** превращает язык в самоцель; установка на **ДОКУМЕНТ** — низводит до средства. И то и другое для поэзии губительно. Ориентация на документ воплощается сегодня в идею *non-fiction* — литературы не-вымышленного. И в самом деле, поэтическое сознание реагирует на мир в известном смысле «документально», так что лирика это, казалось бы, и есть non-fiction. Однако так зауживать ее рамки нелепо, отсутствие вымысла означает отказ от образного языка, а сам по себе «*языковый слепок с действительности*» поэзией не становится. Материал языка формирует горизонталь, поэтическое сознание — вертикаль, по которой только и проверяется точность и ценность слова. Те, кто всецело присягает словесной эквилибристике, лингвистическим ассоциациям, выявлению новых языковых возможностей — то есть эксперименту, обыкновенно ссылаются на Иосифа Бродского и его идею «диктатуры языка» над поэтом[6]. Но, пишет Козлов, Бродский говорил совсем не то, что услышали его эпигоны; буквальное же понимание этого словосочетания ведет лишь в направлении творческого тупика. Признав над собой «диктат языка» и отдавшись ему без остатка, можно сделаться настоящим виртуозом и извлечь на свет немало любопытного, но работа эта все равно останется чисто механической — языковеда, может, и порадует, вот только поэзией не станет никогда. Да и то сказать, редкую связь слов, интересные возможности семантического сдвига — все это куда лучше и полнее отражают словари, нежели поэты. Словарь — вот подлинный апофеоз «диктата языка». А эксперимент и документ в действительности — не боле чем механизмы, помогающие созданию текста и, как считает автор статьи, практически не требующие человеческого участия. Поэзия же требует именно этого участия. Для поэзии нужен поэт; лишь поэтическое сознание способно превратить осколки подобранного на улице языка в «*художественное целое, где случайное становится неслучайным, встраиваясь в уникальную иерархию оценок и ценностей*».

«Звезда» (№ 8, 9) публикует фрагменты из готовящейся к изданию в серии «ЖЗЛ» книги **Льва Лосева**: **«Иосиф Бродский. Опыт литературной**

---

[6] Надо уточнить, что изначально идея, о которой идет речь, принадлежит вовсе не Бродскому, а Ролану Барту, констатировавшему «смерть автора»: т.е. ситуацию, согласно которой сочинение оказывается не плодом творческих усилий сочинителя, а только функцией языка — *ред.*

биографии». Бродский, пишет автор, любил говорить, что у поэзии и политики общего только две начальные буквы, и для него проявление добра и зла в общественной жизни — «*только частные случаи манихейского конфликта, заложенного в природу человека*». Лосев приводит письмо Бродского к Леониду Брежневу. Интересно, что автор письма обращается к генсеку на единственно понятном ему, поэту, языке: «*От зла, от гнева, от ненависти — пусть именуемых праведными — никто не выигрывает. Мы все приговорены к одному и тому же: к смерти. Умру я, пишущий эти строки, умрете Вы, их читающий. Останутся наши дела, но и они подвергнутся разрушению. Поэтому никто не должен мешать друг другу делать его дело. Условия существования слишком тяжелы, чтобы их еще усложнять*». Вряд ли, правда, Брежнев прочел это письмо...

Обзор подготовили Ирина Дугина и Евгения Щеглова

Ольга СЕДАКОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Письма о Рембрандте

Владимиру Вениаминовичу Бибихину

Animum pictura pascit[1].

Aen. I, 464

Qual savesse qual era la pastura
del viso mio nell'aspetto beato...[2]

Par. XXI 19-20.

Мы помним наше зрение уже закосневшим, различающим границы вещей, расстояния между вещами и т. п. Зрение человека, знающего *слова*, — и в общем-то *видящего* словами, именами. Это странно, потому что слова как будто прекрасно обходятся без такого — именно такого — зрения. Слова могут назвать, скажем, кубический шар — или красную белизну — или узкую ширь. И называя такие оптически невозможные вещи, мы что-то как будто *видим*. Дело, вероятно, не собственно в языке — вербальном языке, а в том, что зримый мир сложился для нас в зрительные слова — и зрение уже не работает каждый раз наново, не *зрит*, а *различает* давно ему известные знаки, встречая дерево, реку, дом — как бы сличает их с фотографией на удостоверении личности... Правильно: дерево, река, дом.

Но есть какая-то бледная память о том, что зрение было другим. Что оно видело без своих *слов*. Я хорошо помню, как в детстве мне казался каким-то не по-хорошему «непохожим» реалистический пейзаж. Он пугал, как протез. Там было сделано что-то ужасное с тем, что видно на самом деле. Прежде всего, его остановили. Его вынули из чего-то, без чего оно не может жить, как рыба на берегу, — из времени, которое мы явно *видим* в том, что видим. Из движения, из дыхания, из перебегов зрительного внимания,

[1] Душу услаждает картиной. — *Вергилий*. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)

[2] Кто ведал бы, как много упоений/ в лице блаженно почерпал мой взгляд. *Данте*. Рай. (Пер. М. Лозинского.)

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2-х т. и тома избранного «Путешествие волхвов». Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

из вспышек и затмений зрительного луча... Его вынули из энергетической картины притяжений и отталкиваний, излучений и вбираний. Вынуть вынули, но выдают за то же — потому-то оно и ужасает, как муляж или протез. Другое должно быть другим. Малиновое дерево на золоченой деревянной ложке было *похоже*: похоже на правду. Похоже на то, как все обстоит на самом деле, как оно *видится*. На молодой, новый вид реальности. На то, что прежде всех светотеней всё видимое представляет собой свет. И зрение — тоже световое устройство, освещающий прибор — кормится этим светом. Что речь идет о свете и зрении — как о чудной рыбе, всплывающей из океана тьмы и слепоты, который всегда рядом, всегда тут. Как заметила наша современница, американская поэтесса Эмили Гросхольц:

Прежде искусства живописи была темнота.
И в конце темнота эта вернется.
Знать — это помнить то, что ты видел.
Видеть — это знать, не прибегая к памяти.
Итак, живопись — усилие помнить в темноте.

Письмо первое

Я столько раз отказывалась от этой мысли: писать о Рембрандте. Дилетантизм в наше время, когда начальство ушло, когда все начальства ушли отовсюду, уже, кажется, не нуждается в оправданиях. В оправданиях нуждаются профессионализм и «репрессивная культура». Но я люблю репрессивную культуру, и меня не исцелишь от старинного страха перед знатоками и профессионалами. Я вообще не умею быть знатоком, а в живописи тем более — и чего тогда стоят все мои рассуждения о предмете, требующем точных и обширных знаний? «*Мой* Рембрандт»? Упаси Боже от всех этих «моих»!

И все же, как Вы советовали, я начинаю. В конце концов, это только письма. Письма из прусской глуши, с бранденбургской равнины, которая идет и идет вдаль и кончится где-то на Урале. Веселая холмистая горная Европа осталась за спиной — и мы почти у себя дома. На голландские рембрандтовские низины, на его землю, вынутую из-под воды, эти невероятно ровные равнины, может быть, и похожи, но не слишком... Освещение другое.

Веселая холмистая Европа. В одной итальянской книге о Петрарке мне встретилось такое замечание: с ходом времени Лаура из *предмета* петрарковского восприятия становится органом, инструментом этого восприятия, тем, *что* в Петрарке видит, размышляет, версифицирует. Присутствием, как теперь говорят. Ей, внутренней Лауре, я думаю, и принадлежит строй и просодия итальянских сонетов и канцон Петрарки (в латинские она вроде бы не проникла): мягкость и причудливость их движения — их женственный шаг. Не вторая Беатриче, грозная Паллада, безупречный оттиск световой печати Творца: это дриада, наяда, ореада, переменчивая душа «зеленых трав и свежих вод», белая лань на мураве лугов, это она сплетает силки и сети Канцоньере. Вы знаете Петрарку лучше меня, и не мне описывать Вам томительное, гибкое наслаждение его стиха. Но я побывала в Воклюзе и поэтому с уверенностью свидетеля могу сказать, что ключ петрарковского вдохновения страшен до ужаса.

Там, среди изящных, таинственно гармонических окрестностей, тех самых *светлых вод и свежих трав* и архитектурно выверенных скал (Эдем, не иначе, земной рай для привередливой души: все странно — и все неоспоримо), — там, в сердцевине их, и располагается это необычайное произведение природы, Ключ Вдохновения. Мы привыкли ждать, что ключ, источник, родник бьет наружу: если и есть у него что-то темное и тайное, оно позади и уже невидимо. А то, что видимо, — легкий блеск живой воды. Но тут: пропасть, горная расселина, конус, уходящий вниз (как будто оттуда вынули гору — и в самом деле, какая-то странная отдельная скала стоит рядом — вы видели ее на рисунках Петрарки). Этот перевернутый вниз конус заполнен ярко-изумрудной водой, прозрачной как будто на много верст в глубину, если у этой глубины вообще есть дно. Назвать эту Иппокрену «произведением природы», как я только что сделала, неверно: это край природы, выход из нее. Глядя в эту непобедимо притягательную бездну (Хлебников назвал бы ее корнем из минус-единицы), понимаешь, почему вход в римское загробье шел через озеро.

Лежал целомудренной влаги кусок...

Нет, я не назвала бы *эту* влагу целомудренной. Наоборот: она похожа на сильный яд. Если она от чего-то целит, то так, как полагают, это делает смерть: навсегда от всего.

В изумрудном этом веществе содержался весь ужас, пленительный ужас смерти — причем без малейших примет того, что привычно считать страшным. Что, собственно, такого страшного в изумрудной водной горе наоборот, в прозрачной — влажной — неизмеримой — уводящей — сужающейся глубине? Но мир при взгляде в нее начинает перевиваться, как лента Мебиуса. Этот ужас — в красоте без лица, красоте со смытым лицом, красоте, обнаженной от лица — как циферблат без стрелок и разметки, но еще сильнее. Быть может, красоту без лица нельзя увидеть — и не окаменеть, как перед Медузой...

Странное начало: Петрарка. Можно сказать: начало от противного, потому что чего-чего, а такой красоты в Рембрандте в помине нет. Как нет и быть не может этого холодного изумрудного среди его цветов. С помощью Петрарки и Лауры мне хотелось объяснить, что Рембрандт — не предмет моего знания, а в каком-то отношении его автор, важнейший зритель среди всех, кто смотрят на вещи моими глазами. Это обстоятельство и составляет извинительный повод для всей моей затеи. И еще, конечно, вдохновляющие примеры Рильке и Валери с их опытами о Сезанне и Леонардо. Литераторы, как правило, не понимают ни музыки, ни живописи, но поэт — не совсем литератор.

Любите живопись, поэты!

Но вы не сможете ее любить, если прежде не полюбили зрительность саму по себе. И потому я позволю себе еще одно начало, испросив Вашего извинения за его чрезмерно личный характер.

В позднем детстве, в первых классах школы, на меня нашел глубокий и затяжной страх слепоты — как мне тогда казалось, вещий страх. Причиной его был бюст Гомера в какой-то детской книге про античность. Я знала,

что Гомер — первый поэт и, стало быть, образец для всех последующих. Тогда же я прочла о бедном русском слепце, Козлове:

Певец, когда перед тобою
Во мраке скрылся мир земной...
Ты песни чудные запел.

К тому времени я уже решила, что буду поэтом (это не значило: буду кем-то еще, другим, чем теперь, — но значило что-то вроде: уеду отсюда в какой-то город и там поселюсь). И поскольку, видимо, другого пути к «чудным песням» кроме как слепота, не предполагается, я поняла: от судьбы не уйдешь. Рано или поздно, но все исчезнет в равномерной черноте — и даже того, что она черная, я уже не увижу. Долгими поздними вечерами оплакав неминуемое будущее, я решила не тратить времени даром: во-первых, нужно было успеть научиться ходить и чувствовать вещи с закрытыми глазами — и, во-вторых, насмотреться впрок, не упустить *еще видимого* мира.

Это приключение я вспоминаю затем, чтобы объяснить, почему видеть, глядеть, безо всяких дополнительных осложнений (таких, как понимать видимое, чувствовать его, сравнивать и т.п.) — почему просто глядеть, глазеть, как говорят в народе, с тех пор и доныне представляется мне вполне достойным и оправданным занятием, чтобы посвятить ему большую часть жизни и души. В предчувствии незрячести и невидимости это того стоит: переживать саму нашу зрительную способность, ни на что другое не отвлекаясь. Накормить зрение, как сказал Данте.

Если бы в то время Первым Поэтом я считала не Гомера, а Орфея, вероятно, жизнь моя сложилась бы иначе. Я тренировалась бы для другого и, возможно, чего-то бы достигла — так что деревья теперь если бы не шли за мной, то хотя бы одобрительно кивали вслед. Но тогда нужно было бы найти какую-то лиру или кифару и научиться извлекать из нее звуки... На родине Рембрандта, в амстердамском музее, я встретила волшебную картину неизвестного мне до этого Паулюса Поттера (1625 — 1654) «Орфей очаровывает зверей»: первыми вслед ему идут олень и белый единорог, за ними волк... Рембрандт, насколько я знаю, Орфея — в отличие от Гомера — не изображал. Гомер же на его портрете Аристотеля еще слепее, чем греческий, и рука Аристотеля лежит на затылке мраморного Гомера, как рука слепого, узнающего мир на ощупь. Слепые поводыри слепых? Можно сказать и так. Но ведут эти поводыри, как ни странно, в правильном направлении.

Я вспоминаю детскую панику слепоты не затем, чтобы лишний раз поговорить о себе, а затем, что, по-моему, это имеет несомненное отношение к Рембрандту. Мысль о слепоте каким-то интимным образом связана с тем, что он делает.

Много ли у него таких сюжетов? Кажется, что очень много. Кажется, что это просто его навязчивая тема. Слепцы Ветхого Завета, их ослепления и исцеления (ослепление Самсона, ослепший от слез Иаков — не однажды, Товия — много раз), слепой Гомер на холсте и в офорте, безымянные слепые старики... Но дело не в сюжетах. Дело в каком-то общем вопросе о слепоте и зрячести, о видимом и невидимом, которым пропитана вся ткань

рембрандтовской живописи, в его лицах с выключенным, не видящим внешнее взглядом, в его невероятных руках, знающих мир на ощупь, как глаза никогда не узнают (руки Отца на спине сына, руки Симеона на последнем холсте, рука жениха на животе невесты), в обступающей его цвета черноте. В этом его красном, скорее тактильном, чем зрительном (знак того тепла, по которому различают вещи на ощупь), в пастозности красочного слоя, который мы и глазами невольно ощупываем (рукав жениха в «Еврейской невесте»). Рембрандтовский красный взывает к комментариям окулистов: не симптом ли это меркнущего зрения? Данте сообщал, что от перенапряжения зрения в ночных чтениях глаза его болели так, что во все видимое подмешивался красный цвет.

Но и это не все. В поразившем мое школьное воображение античном портрете Гомера (у Рембрандта, как я говорила, на этом бюсте лежит рука Аристотеля в кружевном воротнике и золотой цепи через плечо) поразительно было вот что: зрительное напряжение всего лица. Оно *всё* во что-то всматривается. Так всматриваются во что-то и люди Рембрандта. Пока у человека есть глаза и они видят, все остальное в нем как будто может быть свободно от зрительного усилия, его вроде бы и не требуется. Но у Рембрандта не только люди, но и деревья, кажется, заняты тем же, и вещи... Слепота, или вопрос о видимом и видящем.

Семнадцать раз в течение жизни(!) Рембрандт пишет сцену «Сретения» и последний раз в 1699 году (предположительно это его последняя и незаконченная работа). Чудный финал. Еще лучше, чем возвращение блудного сына (этот постоянный сюжет пришел у Рембрандта к своему финалу приблизительно в то же время и, как предполагают, дописан не его рукой). Уходить под эту музыку: «Ныне отпущаеши». Что финальнее такого финала? Но заметим: *почему* отпускаешь слугу Твоего? Потому что *глаза мои увидели*, «яко видеста очи мои спасение Твое». Последняя епифания зрения.

Письмо второе

Что делается в мире! Включите радио, откройте газету...

Помимо войн, эпидемий и других «ужасных вещей». Природа вслед за своим Орфеем идет к черной дыре, и эту черную дыру без устали изображают, описывают, инсталлируют и перформируют новейшие художники, дегустируют и анализируют влиятельные мыслители.

— Уместно ли, как ни в чем не бывало, размышлять о старом живописце и о свойствах его палитры? Или я думаю, что это «спасет»?

Кто спасет, кого и от чего? «Красота спасет мир» — но хотелось бы знать, что такое *мир*, который она спасает. «Музыка от бездны не спасет», — возразил Мандельштам: но хотелось бы знать, что это за *бездна*, от которой нет спасенья? Кроме того, ни музыка, ни красота — во всяком случае, в их привычном представлении — не имеют такого уж решительного значения для того, что важно в Рембрандте. Многие имена легче поставить в связь с музыкой и красотой. В старости нет ни музыки, ни красоты — вернее, если есть что-то, что можно было бы так назвать, то придется переменить состав

этих представлений, выключить в них свет: да, не только блеск, но и свет. Представьте себе музыку и красоту с потушенным светом внутри!

Рембрандт как будто родился старым. Старость — даже ветхость — глядит из лица его, по всем приметам, юной Саскии-Флоры. Ее свежие цветы не молоды. Мальчик Титус с белокурыми локонами давно и глубоко стар. Все они — даже собака на офорте, лежащая спиной к зрителю, — давно уже не знают, кто подпояшет их и куда поведет. Они пережили самое глубокое поражение, последнее в ряду поражений жизни — и значит, они, если верить Рильке, окончательно выросли.

Sein Wachstum ist: der Tiefbesiegte
Von immer Grosserem zu sein[3].

Нет, они не выросли «в свой полный рост», как кто-нибудь скажет: они доросли вниз, до корней, до какой-то общей глубины, до водоносного слоя, и все другое их больше не интересует. Что же касается роста — они согнулись и стали ниже, как все в старости. Стоять прямо в пространстве Рембрандта очень трудно: трудно людям, деревьям, земле. Но это отдельный разговор.

Они глядят на нас *из* нас — и встретившись с их взглядом, наши глаза перестают видеть *их*, перестают видеть вообще, но, как ни странно, остаются при этом органом зрения: как это бывает с человеком, которого что-то увлекло — прежде, чем он успел закрыть глаза. Так, например, бывает с человеком, который рассказывает на людях свои сновидения — как мальчик Иосиф на офорте. Или с тем, кто разъясняет другим видимый ему смысл — как мальчик Христос на повторяющем эту композицию офорте «Христос среди книжников». Глаза, может быть, еще видят что-то, как прежде, но это не важно: они видят, не различая, *взгляд* ушел из них — взгляд ушел туда, куда, как говорит Данте, память наша за ним не может последовать: так что, вернувшись, оказывается, что рассказать почти нечего: ни мыслей, ни чувств, ни образов. Но вернулся он другим, и это необратимо.

Живопись зрелого Рембрандта (не скажу того же о его графике) очень быстро становится невидимой — и невидимой целиком, не оставляя на зрительной поверхности ни черт лица, ни клочка от своих кружев, ни складки от своего бархата, ни теплых жемчужин, похожих на это всё, собранное вместе и сведенное к своей праформе. К маленькой сфере, к неяркому световому шару. О шаре мы еще успеем подумать.

Как *видимы* по сравнению с Рембрандтом другие мастера: какой это по существу театр, представление! Как видимы, скажем, люди Франса Хальса. Посмотрите: вещи и фигуры расставлены в прямоугольном пространстве, на сцене с открытым занавесом. Они *значат* и *рассказывают*. Если мы в самом деле *видим* Рембрандта, нам нечего сказать о его «технике», «композиции», мы не перескажем его рассказа, не истолкуем его значений, если только прежде не отвернемся от него. В Рембрандте *представление, зрелище* европейской живописи кончается. Он сам начинал с этого театра, с немых сцен в духе Караваджо, эффектно остановленных — выроненный кинжал висит в возду-

[3] Ибо рост его в том — чтобы быть все более глубоко побежденным все возрастающим величием.

хе, он еще не достиг земли («Ослепление Самсона»). Он писал эти возрожденческие занавеси перед евангельскими сценами, а если и не писал, мы и так понимаем, какой первый план отделяет нас от глубины сцены. Но что-то случилось. Нечто уничтожающе простое отменило театр: не перед кем представлять. Актеры (в том числе и актеры живописной драмы — цвета, очертания, распределение масс) говорят не сценическим, а своим голосом. Больше: своим последним голосом. Старому человеку неинтересно «представлять», неинтересно знать себя «выглядящим» перед внешним взглядом. До этого он дорос. Что он скажет, очнувшись от своей задумчивости?

— Да, вот так оно и есть, — скажет он неизвестно кому, себе самому или так, вообще:

— Да, так всё и есть. Да.

Это «да», почти бессмысленное «да» послесловия, подтверждения, не слово, собственно, а кивок согласия — единственное слово, которое можно услышать за тем, что изображает Рембрандт. Что это «оно», что это «всё», которое подтверждают наклон головы и сложенные, как после долгой работы, руки? Бог весть.

Да и мы, пожалуй, знаем: только не вместе, а каждый про себя. Некоторых вещей мы не объясняем другим, а говорим: «Сам знаешь». Знаешь там, где ты остаешься наедине с собой, вот и вернись туда. Вернись из нашего «общения». Такие происшествия передоверенного уединенного знания в обычном ходе жизни длятся мгновения. В Рембрандте они вытеснили время и встали на его место. Да, на место *идущего* времени.

Рембрандт предлагает нам не общение, а каким-то необъяснимым образом разделенную уединенность: не совместную, а разделенную.

Письмо третье

Я сказала, что живописные вещи зрелого Рембрандта быстро становятся невидимыми. На мой взгляд, только иконы делают это еще быстрее. В разных описаниях пластического строя иконы, которые мне встречались («обратная перспектива», символика цвета, особые свойства линейности, вопрос о свете и освещении), мне недостает такого примечания. Мы, собственно, только тогда и видим все это, освещение, перспективу, линейность, когда перестаем смотреть на икону как на икону, то есть, на то, что исчезает из рассматривающего взгляда или вместе с ним. Ее изумительную тектонику мы видим тогда, когда перестаем видеть ее как центр — и обозреваем окрестности. Аналитический взгляд бродит по периферии, и хорошо, если он помнит, что делает именно это[4]. А что в центре?

То, что называют вещью искусства (и музыкального, и поэтического искусства в том числе), исполняет две противоположные задачи: явственно, видимо, неоспоримо *остаться* среди всего неостающегося — и так же яв-

[4] Моя племянница, когда ей было пять лет, как-то рассуждала вслух: «Интересно, иногда у меня душа есть, иногда нет. И вот когда души нет, я смотрю на человека и вижу, толстый он или тонкий и какие у него волосы и все такое... А когда у меня есть душа — я смотрю на него и *ничего* не вижу!»

ственно подойти к пределу собственного пропадания: т.е. несущественности всего, что в этой вещи видимо, слышимо, понимаемо. Вполне каждая из этих задач исполняется тогда, когда исполняется и противоположная. Вещь становится *мифом*: тем, чего никогда и нигде не было именно потому, что оно всегда и везде есть.

Когда пропадает способность *не видеть* вещь (или видеть ее нигде и везде), она превращается в постмодернистскую зрительную мозоль, в тиражируемую болванку: композиция из 150 Мон Лиз. Ах, мне хотелось бы никогда не видеть всего этого респектабельного хулиганства, поставленного на поток. Теперь его выставляют не только в лучших залах, но и в древних монастырях Европы. Мне в самом деле жаль, что пришлось это повидать, это непоправимый опыт — летейская вода, умывшая глаза Данте после зрелищ Инферно, где ты?

Вот и сегодня, между прочим, я видела инсталляцию под названием «С головы до пят». И голова, и ступни, то есть их фотографии, были изуродованы сорока разными способами: размалеваны, исцарапаны, продырявлены, подсвечены. Художница из Висбадена объясняла нам, что задача искусства, как она ее понимает, — ставить вопросы пространству и телу. Ich stelle die Frage. Я ставлю вопросы. Нетрудно понять, что оба они, и пространство, и тело, на такие вопросы могут ответить только загробным молчанием, как на старых картинах Св. Себастьян — летящим в него стрелам и дротикам. Но, в отличие от исчезающих великих картин, эти изделия запечатлеваются на сетчатке, как синяки и ожоги.

«С головы до пят». Не одна ли это из тем Рембрандта? Мало кто так чувствовал беспомощность человека, как Рембрандт; может быть, с библейских времен не чувствовали: «Червь Иаков!» Беспомощность, бесформенность, подслеповатость, глуховатость (как будто вокруг нас стихия не воздуха, а земли и световые и звуковые волны движутся в ней с трудом), неспособность твердо держаться на ногах... Стоящим людям у Рембрандта всегда как будто не хватает посоха или поводыря. Их тянет к земле, к глубине земли. А ветки дерева жизни уже не слишком держат эти созревшие, готовые к падению плоды.

Но вот что интересно: этому жалкому, этому совсем смертному созданию, рембрандтовскому человеку, хорошо. Ему хорошо, потому что он что-то узнал. И узнаёт дальше. С ним говорят, и он слушает и кивает и будет слушать всегда, и то, что ему говорят, будет становиться все лучше и обширнее. Тихий огонь расходится шире и шире, как вечерний свет. Он не обжигает, а греет. Наконец-то. Бог с ними со всеми, с инсталляциями и перформансами. В самом тихом, самом невзрачном свете есть безумие пляшущего Шивы: выводить из невидимости — это нечто!

Письмо четвертое

Можно описать отсутствующее присутствие рембрандтовских фигур и таким образом: мы не совпадаем с ними во времени. Они задержались; нечто перед их глазами уже прошло; теперь мы оказались на этом месте, но видят они по-прежнему не нас. На нашем месте был кто-то, к кому они обраща-

лись и остались обращены. Так человек на перроне еще улыбается тем, кто махал ему из окна поезда, но поезд уже отошел, и он остался с тем, что видно *не глазами*. Видимое *глазами* настоящее не заслоняет этого покинувшего образа. Так и мы не заслоняем рембрандтовским старикам их недавнего собеседника.

Психологические прозаизмы, картинки из бытовой психологии, которые я здесь привожу для истолкования *поэзии* рембрандтовских состояний, нужны мне не для того, чтобы рассуждать об особом гуманизме Рембрандта, хотя было бы просто нечестно и вычурно не кончить разговора о нем именно этим. Но до конца, я надеюсь, еще есть время. И как мы к нему подойдем, я пока не скажу, потому что сама не знаю. Но постараюсь объяснить, что в данном случае я называю прозаизмом и что — поэзией.

Поэзия (и в данном случае, и вообще) — это даль, и поэзия психологии — это ее даль: человек в его психической дали. Прозаизм имеет дело с предметом, в котором нет дали: он весь тут и, как его ни переноси в какую-нибудь удаленность, он разве что станет меньше, но волнующий, магнитный раствор дали его не проникнет. Моралисты, гуманисты и — увы! — очень часто религиозные проповедники говорят о не-далеком человеке. О делах, свойствах, мыслях и чувствах этого человека, которые можно одобрять или порицать. Далекого человека никто почти не вспоминает, и еще бы: такого не выйдет поучать, информировать, призывать к чему-нибудь. Чтобы с ним заговорить, нужно уйти в ту же даль. Нужно самому стать далеким человеком. А кто это позволит? Жизнь не позволяет, и самому не до того. Жизнь позволяет это детям и старикам: тем, кто вышел из игры или в нее еще не вошел. Может, потому буддизм, как рассказывают его настоящие наследники, серьезным возрастом человека считает детство и старость. Молодая и взрослая жизнь, стержень нашей цивилизации, — это время, когда далекого человека посадили на цепь и заперли в чулане, как Кощея, а сами пошли «творить», «трудиться», «грешить», «спасаться» и делать другие утомительные и скучные дела.

Как же душно, Владимир Вениаминович, в мире близкого, приставленного вплотную, в мире близи и ближних! Впрочем, я думаю, что дело не в близости самой по себе — а в том, что это не настоящая, узурпированная близость. Она только выдает себя за близость, она захватила чужое место. По-настоящему близка только эта — в рост бессмертному желанию — даль.

К точке скрещения рельс, к переменному символу Бога —

об этом говорит Кривулин? Да нет. В этой дали ничего не скрещивается, она не меняет места, она не горизонт Бродского... Она не «там», а «здесь».

О человеческой дали говорит искусство, и поэтому человек беседует в нем с человеком не иначе, как небо с землей и звезда с звездою. Там мы вместе, как в этой близи даже вообразить невозможно: там мы *всё*.

1. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ГАЛИНЫ АККЕРМАН

Живущая в Париже известная советская правозащитница, ныне французская журналистка Фатима Салказанова прислала на имя главного редактора «Континента» письмо следующего содержания:

Многоуважаемый Игорь Иванович!

В журнале «Континент» (№ 128, 2006) в рубрике ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ опубликована статья Г. Аккерман «Еще раз о диссидентах — об их роли в падении советского режима». Статья написана довольно небрежно. В ней есть и небоснованные выводы, и фактические ошибки, которые, думаю, следует исправить, потому что журнал «Континент» пользуется большим и вполне заслуженным уважением, и существует опасность, что эти ошибки начнут кочевать из статьи в статью со ссылкой на Ваш журнал. Именно поэтому я сочла необходимым направить Вам это письмо в надежде, что оно будет опубликовано в Вашем журнале.

Г.Аккерман пишет: «***Владимир Буковский — бывший политзаключенный, который был обменен в 1986 году на генерального секретаря чилийских коммунистов Луиса Корвалана***». Это — опечатка, которую необходимо исправить. Владимир Буковский был обменян на Корвалана не в 1986 , а в 1976 году, то есть не при М.Горбачеве, а при Л.Брежневе. Потому и в знаменитой частушке сказано: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана, где б найти такую б..., чтоб на Брежнева сменять?». Кстати, по-русски следует писать не «обменен», а обменян».

«В 1985 году, по прибытии в Париж (куда я переехала из Израиля), я познакомилась с Владимиром Максимовым, русским писателем, выдворенным из Советского Союза, который с 1975 года выпускал журнал «Континент».
Первый номер журнала «Континент» вышел не в 1975 , а в 1974 году. Неужели журнал «Континент» начал забывать собственную историю?

«Интернационал Сопротивления был создан вначале в США, но быстро переместился в Париж.»
Интернационал Сопротивления был создан в Париже и ниоткуда и никуда не «перемещался».

«Я никогда не забуду, например, Парижского форума в ноябре 1987 года, посвященного литературе без границ. Там присутствовало столько наших друзей, выдающихся деятелей культуры, многие из которых ныне уже в ином мире: нобелевский лауреат Иосиф Бродский, Милован Джилас, Анни Криежель, Бранко Лазич, Жан-Франсуа Ревель, Рене Таверньe, Жан Бло, Пьер Декс, Марко Паннелла и др.». Может быть, следует назвать среди уча-

стников того форума и таких выдающихся писателей, как Владимир Войнович, Георгий Владимов, Роберт Конквест, не менее известных в России, чем Жан Бло, Марко Панелла или специалист по истории французской компартии Анни Криежель..

Есть довольно неприятные для диссидентов неточности и в примечаниях автора статьи. Она пишет, к примеру, что в Интеранционале Сопротивления работали «***помимо начальства, всего четыре человека, вместе с секретаршей и негром Эрбером, который печатал всю нашу продукцию на ротаторе***».

Но главным качеством «негра Эрбера» было не то, что он был негром, а то, что он был африканским диссидентом, бежавшим из Конго через Анголу и предложившим свою помощь Интернационалу Сопротивления. Не повезло в примечаниях и знаменитому украинскому диссиденту Леониду Плющу. О нем сказано: ***«Киевский математик, сторонник йоги и телепатии, он сблизился в середине 60-х годов с московскими диссидентами».*** Но, как Вам, наверное, известно, с диссидентским движением Леонид Плющ сблизился отнюдь не из-за увлечения йогой и телепатией.

«После освобождения Сахаров поддержал начинания Горбачева». Нет, безоговорочной поддержки не было. Всем известна знаменитая фраза А.Сахарова о М.Горбачеве : « Если он будет идти, развивать этот процесс демократизации, да, мы должны его поддержать». Союз «если» наделен здесь четким нравственным и политическим смыслом. И у многих еще сохранилась в памяти сцена на первом съезде народных депутатов СССР (1989), когда А.Сахарова освистали за то, что он с трибуны съезда обвинил советское руководство в развязывании агрессии против Афганистана и призвал М.Горбачева дать этой агрессии политическую оценку. Помним мы и его спор на этом съезде с М.Горбачевым, превратившим спор в грубейшую перепалку.

«Но на родине российские диссиденты-демократы, за редчайшими исключениями, остались париями. Их идеализм был в основном не понят в российском посткоммунистическом обществе, где доминируют деньги и национализм с религиозной окраской».

Деньги и национализм с религиозной или антирусской окраской по сей день доминируют и в России, и во многих бывших советских республиках. Тем не менее не во всех этих странах диссиденты стали париями. В одних — они возглавили влиятельные партии (на Украине, например) , в других — возглавили влиятельные общественные организации (в России, например), в третьих — стали президентами, к примеру, Гамсахурдия в Грузии и Ландсбергис в Литве. Кстати, ни того, ни другого никак нельзя назвать идеалистами.

Уважаемый Игорь Иванович! В.Максимов, В.Буковский и Э.Кузнецов создали Интернационал Сопротивления в 1983 году. Двое из создателей этой организации (В.Буковский, Э.Кузнецов) живы и, вероятно, именно им,

диссидентам, или в крайнем случае исследователям диссидентского движения следовало поручить статью о роли диссидентов в падении советского режима. В их статье, вероятно, не было было бы ни фактических ошибок, ни голословных выводов, которые присутствуют в статье Г.Аккерман, начавшей свое сотрудничество с этой организацией в 1986 году и не имевшей в СССР никакого отношения к диссидентству.

Примите уверение в моем глубочайшем почтении, —

Фатима Салказанова

Фатиме Салказановой отвечает И.И. Виноградов

Уважаемая Фатима!

Письмо Ваше, как видите, опубликовано. И не просто из уважения к Вашей просьбе. Мы и по существу считаем важным довести до нашего читателя Ваши поправки и замечания к статье Галины Аккерман, какой бы частный характер они ни носили. Конечно, было бы досадно, если бы вкравшаяся в текст ее статьи явная опечатка (1986 вместо 1976) дезориентировала читателя в отношении даты обмена Вл. Буковского на Корвалана, а такая ошибка ее памяти, как сообщение о начале издания журнала «Континент» в 1975 году, дала читателю повод не посетовать опять-таки на явный технический недосмотр редакции, а подумать, что редакция и впрямь начала забывать историю своего журнала, хотя на титульном листе каждого номера сообщает о том, что журнал был основан в 1974 г. «Континент» может быть только благодарен Вам за эти уточнения — равно как и за Ваши сообщения о том, что Интернационал Сопротивления был сразу создан в Париже, а не в США; что кроме названных Галиной Аккерман участников Парижского форума в ноябре 1987 года там были еще и Владимир Войнович, и Георгий Владимов, и Роберт Конквест (и, наверное, кто-то еще, не менее известный русскому читателю); что упомянутый Галиной Аккерман в поименных перечислениях негр Эрбер был не просто «негром», но и африканским диссидентом, а украинский диссидент Леонид Плющ — не только математиком и сторонником йоги и телепатии. Из всего этого, впрочем, никак, на мой взгляд, не следует, что Галина Аккерман сколько-нибудь умалила масштаб личности Плюща, Эберта или Войновича, хотя, конечно, ради большей информативности статье совсем не помешало бы, если бы в ней все эти сообщаемые Вами дополнительные сведения присутствовали — равно как и более подробное изложение отношений Сахарова и Горбачева или более подробная информация о судьбах диссидентов в постсоветских странах. Вероятно, есть еще много и других не менее интересных и важных сведений и фактов, которые могли бы быть представлены в статье, обращенной к теме, о которой пишет Галина Аккерман. Но ведь никто никому и не мешает взяться за перо и рассказать обо всем том, о чем она не рассказала или, как Вы считаете, рассказала недостаточно точно. Почему бы, например, не сделать это Вам? Вы ведь ошибаетесь, полагая, что редакция специально «заказывала» эту статью — и именно Галине Аккерман. Нет,

это было ее собственное свободное желание — написать о том, что ей было дорого и важно, и мы очень благодарны ей за то, что она нашла для этого и силы, и время и осуществила свой замысел. Точно так же будем благодарны и Вам, если Вы продолжите эту тему и поделитесь с читателями «Континента» всем тем, что на этот счет сохранила *Ваша* память. Тогда, кстати, читателю станет, может быть, понятнее, какие именно «голословные выводы», которые «присутствуют в статье Г. Аккерман», Вы имеете в виду, и он получит возможность убедиться, что за подобного рода формулировками, слишком, согласитесь, решительными для тех, в общем-то, частностей, на которые Вы указываете, стоит и в самом деле что-то более реальное и важное, чем просто некое странное раздражение тем, что о диссидентах взялась писать журналистка, которая, как Вы акцентируете, сама в СССР к диссидентам чести принадлежать не имела. Так что ждем от Вас готовности внести и свой собственный — весомый, реальный и конкретный — вклад в освещение темы, которую мы вовсе не собираемся закрывать статьей Галины Аккерман.

С давним уважением и неизменной симпатией

Ваш Игорь Виноградов

2. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ЯКОВА РАБКИНА

В редакцию пришел и такой отклик на один из напечатанных нами материалов. Москвич Виктор Кузнецов пишет:

В том, что прогрессивный и диссидентский в прошлом журнал «Континент» сорвет бурю аплодисментов у авторов и читателей газеты «Завтра», журнала «Наш современник» и множества иных «красно-коричневых» изданий в России, сомневаться не приходится. В свежем номере (№ 129, 2006 г.) помещена объемистая статья «Угроза с тыла: духовное противостояние сионизму» бывшего советского историка науки Якова Рабкина, проживающего ныне в Монреале.

Статья эта, предупреждает «Континент», написана на основе последней книги Я.Рабкина «От имени Торы: история еврейского сопротивления сионизму». Нетрудно обнаружить, однако, ее генетическую связь и с многочисленными брошюрами «Госполитиздата» 1940-х, 1950-х и последующих лет. О евреях-ультраортодоксах, начетниках и талмудистах с их упорным местечковым противодействием воссозданию еврейского государства в Земле Обетованной, оправданием Холокоста, называемого Божественной карой, и прочими странностями я задолго до Рабкина узнал из пресловутой книжонки (не могу вспомнить уже ее автора) «Осторожно: сионизм»...

Появление Государства Израиль на современной географической карте и его дальнейшее развитие изображается в статье в «Континенте», мягко говоря, не вполне достоверно. И это касается не только преувеличения роли СССР и лично Сталина в победе Израиля в первой арабско-израильской войне. Арабы, утверждают антисионисты, никогда раньше не воевали с евреями. В действительности же противостояние началось намного раньше:

все арабские восстания против турок, а потом и — против англичан неизменно сопровождались погромами евреев, по отношению к которым лозунг «Сбросить в море» начал действовать задолго до появления Израиля.

Можно согласиться с Рабкиным только в том (эта мысль не раз высказывалась и до него!), что создание фактически нового государства на месте древнего непременно чревато конфликтом с теми, кто успел укорениться в этом же месте. Тем более, если прошли не десятки, а сотни и даже тысячи лет... Но надо помнить и то, в какой исторической ситуации воссоздавался Израиль.

Едва избежавший полного уничтожения, изгнанный из родных домов в Европе, еврейский народ думал лишь об одном: где бы собраться, чтобы не быть беззащитным перед новым Гитлером? Что, разоренная Европа готова была принять своих ашкенази с распростертыми объятиями?

Конфликты возрожденного в 1948 году Израиля с арабами были если и не совсем неизбежны, то более чем вероятны. Но к тому моменту в Палестине уже проживала не одна тысяча евреев, а сотни тысяч — тот же немецкий нацизм весьма этому поспособствовал.

Ультраортодоксам и антисионистам, на мнение которых постоянно ссылается Рабкин, не нравится, что Израиль вынужден существовать при постоянном применении военной силы. И мне это не нравится. Но я не вижу иного выхода, кроме примирения арабского населения Палестины со своими соседями-евреями. Тем более, что многие из арабских стран чрезвычайно богаты и могли бы без особого для себя ущерба финансово способствовать прекращению затянувшегося конфликта.

Может быть, Рабкин и его воинство, вооруженное цитатами из Священного Писания, готовы всерьез обсудить возможность «обратной репатриации» израильских евреев в Европу, Африку и еще бог знает куда? Вообще, по Рабкину, Израиль виноват не только в том, что возник в 1948 году на этой полупустынной земле, но и в том, что продолжает существовать. О вине и ответственности арабских лидеров за многолетнюю холодную и горячую войну в его многостраничной статье ни слова. А рецепт однозначен: еврейский народ должен отказаться от доктрины своего объединения в одном национальном очаге, положенной в 1948 году в основание современного еврейского государства, и трансформироваться во что-то иное.

Во что должен трансформироваться народ — это он как-нибудь решит сам. Но как отделить сионизм от государства Израиль, как соскрести с него эту столь раздражающую демагогов корку? Да никак! Потому что сионизм — это и есть идея создания еврейского государства в Палестине. Вы думаете, израильтяне так уж мечтают воевать с арабами? Рады бы жить в мире и согласии, да вот только лозунг «Сбросить Израиль в море» по-прежнему остается актуальным для большинства экстремистских арабских лидеров. А ведь это тождественно требованию физического уничтожения евреев.

Не задумывается Рабкин и над тем, что арабские (равно как и чеченские, и афганские, и любые другие) террористы, экстремисты, боевики и просто бандиты чувствуют себя среди мирного населения как рыба в воде всего лишь в двух случаях. Во-первых, когда это население сотрудничает с террористами и потому отнюдь не является мирным. Либо, во-вторых, оно

настолько ими запугано, что позволяет пользоваться собой как живым щитом. Вероятно, в Палестине, Ливане и других «горячих точках» имеет место и то и другое. В пользу первой версии говорят толпы подростков с камнями (а теперь уже и с автоматами Калашникова), в пользу второй — сведения об арабах, убитых своими же за «коллаборационизм». Позвольте спросить, каким же образом израильтяне должны бороться с терроризмом — неужели только ловя бандитов на месте преступления? Почему им отказано в пределе необходимой самообороны?

Иногда, по всей вероятности, можно говорить о несоразмерности актов террора и возмездия, но никто еще не отрицал, что прятаться среди мирного населения не менее (а, по-моему, гораздо более!) гнусно, чем это население бомбить.

Я против индульгенции Израилю на любую жестокость против палестинцев, но я также и против антисемитизма под видом «антисионизма».

Важно постоянно помнить еще и то (в статье Рабкина об этом ни полслова!), что существование Государства Израиль на Святой Земле гарантирует нам не только сохранность главных христианских святынь, но и доступ к ним паломников. Если Иерусалим, Назарет или Вифлеем попадут в руки мусульманских фанатиков, все, что не связано там с Мухаммедом, окажется поруганным или уничтоженным.

Мы решили напечатать это письмо не для того, чтобы отвечать на упреки и обвинения автора, которые мы не принимаем. Недопустимость тона и почти демонстративное пренебрежение Виктора Кузнецова правилами цивилизованного ведения спора не позволяют вступать с ним в какой-либо полемический диалог.

Мы печатаем это письмо лишь для того, чтобы показать, на какого <u>рода</u> (а не только <u>тона</u>) упреки и обвинения мы тоже никогда впредь отвечать не будем. В письме Кузнецова более и прежде всего удручает полное отсутствие у автора какого-либо стремления к тому, чтобы понять, о чем в действительности идет речь в статье Якова Рабкина. Статья, напоминаем, была напечатана в разделе «Религия» и представляет собой сугубо аналитическое, экспертное, информативно-описательное, принципиально абстрагированное от какого-либо оценочного отношения к описываемому феномену исследование об одном из реально существующих направлений в современном иудаизме. И она ровным счетом не имеет никакого отношения к постановке каких-либо политических проблем существования государства Израиль. Поэтому мы просто хотели бы предупредить:

Господа читатели! Мы всегда готовы ответить на все ваши возражения, упреки, несогласия и т.п. критические отзывы о тех или иных публикациях журнала. И даже — напечатать их. Но — только если они относятся к существу дела, а не воюют с придуманными вами самими фантомами. Поэтому постарайтесь, пожалуйста, прежде чем браться за оружие, дать себе труд действительно прочитать то, что вы читаете. В противном случае не тратьте ни бумагу, ни силы, ни время, ни интернетные ресурсы. Письмо В. Кузнецова — первый и последний случай, когда мы печатаем опус такого рода. Исключительно — для образца.

Тем же, кого действительно и по существу интересует все то, что имеет отношение к государству Израиль, напоминаем, что «Континент» не раз обращался к ситуации на Ближнем Востоке, представляя ее в самых разных ракурсах. В частности — и в тех, которые тематически более близки к проблематике, эксплуатируемой Кузнецовым. Так, в например, в 125 и 126 номерах публиковались обширные заметки известного религиозного писателя и публициста Александра Нежного «На будущий год в Иерусалиме», где много говорилось, в частности, и о таком явлении, как христианский сионизм. О проблемах Израиля много писалось и ранее — прежде всего в «русско-израильском» номере (№ 111), где интересующимся рекомендуем посмотреть, в частности, статьи Михаила Копелиовича, Алека Д. Эпштейна, Николая Злобин и др.

Редакция «Континента»

Корректоры
Т. А. Горячева, А. З. Лазуткина, Ю. Н. Маслов

ЛР № 066469
Подписано в печать 28.12.2006. Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 30,00. Тираж 2500 экз.
Заказ № 5163

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, 73218

и 18047 *(льготный для библиотек)*

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПРИ ЛИТИНСТИТУТЕ – Тверской б-р, 25; тел. 202.86.08

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" – Страстной бульвар, 8

"ПИРОГИ" – Б. Дмитровка, 12; тел. 229.34.53 и Никольская, 19/21; тел. 921.58.27

"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 927.56.09

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 299.52.83

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 923.03.80

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел. 504.47.95

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА – Столешников пер., 2; тел. 229.52.62

В РЕДАКЦИИ «КОНТИНЕНТА» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Двухтомник Ольги СЕДАКОВОЙ «Стихи. Проза»

Двухтомник издан издательством «Эн Эф Кью». Издание вышло ограниченным тиражом и состоит из тома стихов (574 стр.), в который включены также и поэтические переводы, и тома прозы (959 стр.), содержащего разделы: заметки и путешествия, эссе, исследования, очерки словесности, воспоминания, вместо заключения (в этот раздел, в частности, включена речь при вручении премии Владимира Соловьёва). Вступительная статья Сергея Аверинцева, художник А. Райхштейн.

Книга Ольги СЕДАКОВОЙ «Музыка»

В книгу, изданную в «Русском міре» в 2006 году, вошли стихи, филологические и религиозно-философские эссе. Книга выпущена в серии «Литературная премия Александра Солженицына».

Книга сестры ЭММАНУЭЛЬ «Меджугорье, девяностые годы. Торжество сердца»

Издание общины «Беатитюд». Перевод с французского, 284 стр. В книге собраны свидетельства, а также наблюдения и размышления о Меджугорских событиях. Автор — сестра Эммануэль Майар — живет в Меджугорье с 1989 г.

Книга Нелли БИУЛЬ-ЗЕДГИНИДЗЕ «Литературная критика журнала "Новый мир" А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.)»

Издание Культурно-просветительского центра «Первопечатник», 439 стр. Докторская диссертация автора, защищенная на факультете славистики Женевского университета. Исследуется творчество ведущих критиков «Нового мира»: В.Я. Лакшина, Ю.Г. Буртина, И.И. Виноградова, А.Д. Синявского в контексте журнальной политики.

Книга Игоря ВИНОГРАДОВА «Духовные искания русской литературы»

Издательство «Русский путь», 2005 г., 672 стр. Автор предлагает галерею масштабных мировоззренческих портретов русских писателей и мыслителей XIX-XX веков от Лермонтова и Писарева до Солженицына и Искандера. Книга обращена к духовным проблемам нашего времени — прежде всего к проблемам того «открытого сознания», которое свойственно современным людям, в подавляющем большинстве своем живущим вне мира религиозной веры. Книга для всех духовно вменяемых наших современников, которые не утратили способности терзаться высшими загадками бытия.

Книга «ХРОНИКА КАЗНИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА (в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах)». *Составитель, автор вводной статьи и комментариев — Геннадий Кагановский.*

Книга выпущена издательством «Аграф». Поэт, мыслитель, подвижник Ю. Галансков погиб в мордовском лагере строгого режима в возрасте 33 лет на шестом году заключения. Его письма из-за колючей проволоки, а также другие материалы, сопряженные с кульминационным периодом жизни Галанскова (пребывание под следствием в Лефортовском изоляторе, судебный процесс, лагерные хождения по мукам), позволяют читателю составить представление об этой яркой неповторимой личности, о том времени и о том режиме, которые предопределили его мучительный путь.

Также имеются в продаже
остатки тиража некоторых номеров «КОНТИНЕНТА» с 1993 года

Звоните и приходите!

Тел. 248.62.35 **Адрес:** ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

ЛУЧШАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

ТОЛЬКО В «ЛГ» ВЫ УЗНАЕТЕ:

Над чем работают лучшие современные писатели, поэты, драматурги

О чем размышляют и спорят герои их новых произведений

Как формируется внутренняя и внешняя политика государства

О тесной взаимосвязи реформ и содержимого нашего кошелька

Где состоялись самые заметные явления в искусстве и культуре

Какие новые книги «заслуживают» того, чтобы их купили

О секретах «лаборатории смеха» в знаменитом Клубе «12 стульев»

«Литературная газета» — единственное периодическое издание, где встречаются все направления отечественной общественной, социально-экономической, художественной и духовной мысли.

Подписной индекс — 50067

Телефон отдела подписки: (095) 208 98 55

www.lgz.ru

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим

Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургинян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит **6** раз в год; объем - **350** стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России – $65 ● В Европе – €55 ● В США – $70

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863
E-mail: omegag@bezeqint.net
Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

2006
№4

«КОНТИНЕНТ» № 130, 480 стр., подписные индексы 73218, 71682 и льготный индекс для библиотек - 18047 (каталог Роспечати)